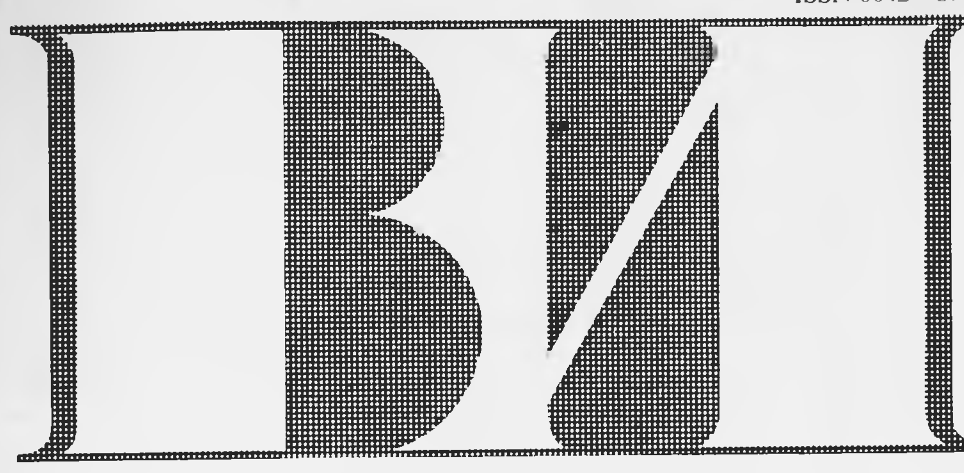
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2 р. 25 к. Индекс 70145

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/91

ISSN 0042—8779



ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/91

Вниманию читателей!

Издательство «Международные отношения» в III кв. 1991 г. выпустит в свет книгу «РОССИЯ СЕГОДНЯ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В ДОКУМЕНТАХ (1985—1991 гг.)». 400 с. 7р.

Политическая жизнь сегодняшней России стала неузнаваемой. Отразить ее в документах, включающих сведения о партиях России, заявление их лидеров, — первая попытка такого рода.

Представляемая книга состоит из 3 разделов:

В первом разделе — «ПАРТИИ» — свои манифесты, обращения, воззвания, декларации, платформы, доклады, заявления, программы и уставы представляют следующие партии:

КПСС
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ
ЕДИНСТВО — ЗА ЛЕНИНИЗМ И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ
МАРКСИСТСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ — ПАРТИЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ РОССИИ
РОССИЙСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
РОССИЙСКАЯ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
СОЮЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ
ПАРТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
СВОБОДНАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ
ПАРТИЯ СВОБОДНОГО ТРУДА
ПАРТИЯ ЗЕЛЕНЫХ

(См. 3-ю полосу обложки)

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/91

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Выходит с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС» МОСКВА

СТАТЬИ

Так называемые земские соборы в России

Х.-Й. Торке

Проблема определения учреждений, именуемых земскими соборами, и тем более их значения до сих пор не решена, хотя ей посвящено множество и дореволюционных исследований, и новые работы за последние 40 лет. При этом, несмотря на то что знания о соборах стали более детальными, в Советском Союзе историки еще не отошли от устаревшего тезиса С. В. Юшкова о сословно-представительной монархии с ее земскими соборами[1]. Это, конечно, смелое утверждение, подразумевающее, между прочим, право участия сословий в правительственной политике, а сверх того какое-то ограничение власти правительства.

Редко звучали в прошлом такие осторожные оговорки, как в комментариях А. М. Сахарова к прежнему изданию «Истории России» С. М. Соловьева. «Следует иметь при этом в виду, — писал Сахаров, — что сословно-представительная организация в России не получила такого большого развития, как в некоторых странах Западной Европы, а самодержавная власть не испытывала никаких серьезных ограничений со стороны сословного представительства. Земские соборы... все более становились совещательным органом, без определенных функций, постоянного представительства, норм и сроков выборов представителей»[2].

Итак, что такое земские соборы? Трудности с термином сразу бросаются в глаза при переводе на сегодняшний язык. На первый взгляд, имеется на выбор два значения: «народное собрание» или «сословное собрание». Что касается первого, то я уверен, что ввиду отсутствия на соборах крестьян никто не захочет назвать земские соборы собраниями народа, несмотря на тот факт, что в 1613 г. на соборе присутствовали два крестьянина (из приблизительно 700 участников) и, может быть, неизвестное число крестьян в 1682 году. Но, наверное, такой перевод совсем и не вытекает из тогдашнего значения слова «земский».

Однако создатель позднейшего термина «земский собор» все-таки думал о народе. Удивительно, что происхождение этого словосочетания осталось почти неизвестным. Такое выражение было впервые употреблено К. С. Аксаковым в 1850 г. вслед за выражением «земская дума», использованным еще Н. М. Карамзиным. (Аксаков утверждал, будто оба наименования современны событиям, но «земский собор» употреблялся в источниках чаще.) Восемь лет спустя Соловьев ввел этот термин в свою «Историю»[3], и с тех пор он твердо укоренился в научном языке. Итак, славянофилы видели в «земском соборе» признак моральной, проти-

Торке Ханс-Йоахим — профессор Восточноевропейского института в Свободном университете, Германия. Специалист по истории средневековой России.

востоящей царю силы народа, выводя его от древнего веча. В соответствии с действительно существующим выражением «собор всея земли» «земля» означала для них «народ»[4].

Однако это и неправильно, и даже вредно для развития исследований. Неправильно потому, что крестьяне, то есть 90% населения, не присутствовали на соборах — слово «земля» не означало народ; и вредно потому, что из-за многозначности слова «земля» перевод на западноевропейские языки вел к ошибочному предположению, что речь здесь идет о представительстве сословий, как, например, в немецких словах Landschaft (совокупность всех сословий), Landrat и Landtag. Другими словами, возникает ассоциация о старосословных силах, представленных на соборах. Но «земля» вовсе не значила «сословие».

Почему «земля» не значит «сословие»? Как в других языках, так и в русском «земля» имеет по меньшей мере четыре значения[5]. Земля в отличие от воды и земля как почва нас здесь не интересуют, более важными являются земля в значении «страна» или «государство» и, конечно, известный эквивалент западных сословий. Но какой эквивалент? В источниках очевидно попарное противопоставление следующих выражений: «государевы и земские дела», «земские и ратные дела», «государевы (служилые) и земские люди» и проч. Далее, известны такие выражения: «земский староста», «земская изба» и тому подобное. Последние относятся к местному управлению, и из этого ясно, что «земские дела» — это задачи и потребности местного управления, созданного Иваном Грозным в отличие от центрального, или правительственного, управления, то есть от «государевых дел».

Так как эти задачи были не военные, а гражданские, они и противопоставляются ратным делам. Это значит, что «земские люди», или «земля», в отличие от служилых людей — выборные местные должностные лица, принадлежащие большею частью (за исключением, например, дворянских губных старост) к посадскому населению. Термин «земские люди» относится и к выборным представителям городов на соборах, а из этого следует, что выражение «земский собор» никак не может означать учреждения в целом, которое, как известно, обыкновенно составляли царь, освященный собор, дума, служилые и, наконец, земские люди и на котором обсуждались и государственные дела. Кроме того, было бы неразумно называть «земскими» те соборы, на которых земские люди совсем не бывали.

Но главное вот в чем. Ведь местное выборное управление — не то же, что сословие. Посадские люди — хотя они должны были выбрать только «лучших» (то есть богатых) людей — не имели свойств западноевропейского гражданства: слишком велики были зависимость от правительства и бесправие, слишком трудно подыскивались кандидаты для мест кружечного и таможенного головы, верных целовальников и т.д. Но что такое настоящее сословие? Этот термин тоже имеет по крайней мере два значения. Здесь речь идет не о социальном или профессиональном сословии, но, конечно, о земском сословии (Landstand), которое принимало участие в политическом конституировании страны, часто добивалось этого участия. Русские посадские и торговые люди не обладали настолько развитыми признаками гражданства, чтобы было уместно определять их терминами сословности. Более серьезно может стоять вопрос о сословных качествах дворянства.

В западной литературе почти нет сомнения в том, что в Древней Руси существовали различные феодальные элементы, но не было феодализма как развитой системы. Не углубляясь в подробности этой проблемы, скажем лишь, что под феодализмом мы понимаем не только связи феодалов с их крепостными, но и — в первую очередь — опосредствование господства или участия в правительственной власти. Ясно, что сословия, возникшие в новое время, в разных странах имели разное влияние. Только в Англии, Швеции, Польше и Венгрии они в середине XVII в. находились на пути к законодательному авторитету.

Но есть некоторые коренные потребности, которые везде дают основание называть западные сословия политическими силами: дворянство черпало свою силу из местных интересов и провинциальных собраний (в Германии ландтаги, в Речи Посполитой сеймики и т.д.); сословные собрания если не издавали законы, то по крайней мере управляли, то есть существовало настоящее самостоятельное самоуправление, и они давали князю auxilium et consilium (обязательство помощи и совета) на фоне общего, обязывающего обе стороны права. А когда князь это право нарушал (например, при переходе к абсолютизму), образовывались корпорации собственного права; и тогда философы снабдили их теорией права на сопротивление (учение монархомахов).

Всего этого, как и однозначного термина, соответствующего понятию «сословие», не было в Московской Руси. Но отсутствие этих явлений неудивительно, оно, так сказать, оборачивается самодержавием. Вот почему это не была «сословно-представительная монархия». Дворянство не могло развить настоящего сословного сознания не только из-за отсутствия исторических предпосылок, но еще и потому, что оно было обязано служить, то есть до 1762 г. дворянство не было свободно по отношению к государю. До XVIII в. даже трудно определить, что такое дворянство.

Итак, если не было ни земских сословий, ни гражданства, ни дворянского сословия, то вопрос о земских соборах есть основания трактовать иначе, чем это делалось раньше. В выражении «собор всея земли» слово «земля» обозначает не только местное выборное управление, но имеет еще четвертое, приведенное выше значение, то есть «государство», или «страна». «Собор всея земли» — это «собор всей страны», то есть не «народное» и не «сословное собрание», а «государственное собрание» (по-немецки это должно быть Reichsversammlung, но никогда Landesversammlung; по-английски всегда State Assembly и никогда Assembly of the Land).

Мне хотелось бы предложить название «московские собрания», чтобы избежать слова «государство», которое в современном, отвлеченном значении употребляется только со времен Петра I. Можно также говорить просто о «соборах» — в тех случаях, когда ясно, что это не церковные соборы. «Московские собрания», или «соборы», — эти термины относятся ко всем соборам: и полным, и так называемым комиссиям (опросы правительством какой-либо группы, например гостей). В принципе разницы между обоими видами соборов нет. Впрочем, слово «собор» для светских собраний укоренилось только в начале XVII в. (впервые упоминается в 1604 г.)[6].

Сравнивая сущность «московских собраний» и западных парламентов, не стоит идти по пути многих прежних исследователей, перечислявших внешние сходства или различия: имеются и те и другие. Вообще институционный характер соборов является слабо развитым; важно лишь соотношение сил между монархом и собранием, только это соотношение дает ответ на вопрос о значении соборов. Так как в Московской Руси не было сословных представительств, то не было и соправительства, и еще менее было участия в господстве. С точки зрения их влияния на решения правительства я различаю три группы соборов: выборные и аккламационные; соборы в последние годы Смуты и в 1648 г.; все другие. Начну с последних, так сказать, «обычных» соборов.

Первые по хронологии соборы можно в этом отношении игнорировать. А. А. Зимин писал, что «первые соборы созывались для заслушивания правительственных деклараций (например, собор 1549 г.) и санкционирования законодательных и иных мероприятий (на соборе 1551 г.). Активной роли соборных представителей в выработке политической линии московского правительства еще не заметно»[7]. Но была ли такая активная роль в 1566 г. у первого «настоящего» собора? «Настоящего» — несмотря на то что слово «собор» в грамоте совсем не встречается, а в летописном сообщении упоминается только в связи с духовенством («все соборне»); в летописи тоже говорится только о приговорном списке (а не о соборном приговоре). В грамоте нет и слова «приговорили», и Л. В. Черепнин показал, что она больше похожа на протокол и даже на присягу[8]. Так понял дело и составитель описи царского архива при описании грамоты, «на чем государю дали правду»[9].

И в самом деле, больше ничего на соборе не произошло. Во время переговоров с польско-литовскими послами царь заговорил о продолжении войны, причем лично опросил только духовенство, тогда как другие участники ответили «по государскому приказу», или «наказу». Духовники дали «совет» (это слово они сохранили за собой), а другие дали только «думу» — все согласились. Это не имеет ничего общего с активной ролью представителей и еще меньше — с какими-либо сословными волеизъявлениями. Противоречить было тогда и без того опасно для жизни. Как известно, в том же 1566 г. более 300 земских протестовали против произвола опричнины; их наказали, а троих казнили.

Мнение, впервые высказанное П.А. Садиковым, что эти земские были участниками собора, не доказано. Во всяком случае, их дело не было связано с предме-

том занятий собора. На соборе речь шла только о как бы под присягой принятом обязательстве-согласии с правительственной политикой, а на это имелось три причины: общеизвестная недоверчивость Ивана IV, потребность у правительства в информации об экономических возможностях населения для продолжения войны и, может быть, стремление царя показать польской дворянской монархии, что Москва тоже опирается на согласие населения (хотя и мнимое).

Два последних пункта подтверждаются условиями следующих соборов. Опускаем здесь, из-за неясности и спорности данных, другие соборы 60-х и 70-х годов XVI века. В 1580 и 1584 гг. проходили только собрания освященного собора и думы. Однако для 1585 г. есть засвидетельствованное Соловьевым интересное сообщение, говорящее кое-что насчет осведомленности в Москве о положении Речи Посполитой. В переговорах о Вечном мире бояре хотели выиграть время и сказали польским послам: «Это дело великое для всего христианства; государю нашему надобно советоваться об нем со всею землею; сперва с митрополитом и со всем освященным собором, а потом с боярами и со всеми думными людьми, со всеми воеводами и со всею землею; на такой совет съезжаться надобно будет из дальних мест»[10]. Конечно, поляки поняли эту аналогию сейму. Собора, впрочем, не созвали, но цитата показывает, что в Московском государстве соборы (или одно только понятие о них) служили внешнеполитическим инструментом, и это случалось, по-видимому, уже с 1566 года.

О соборе 1604 г. по поводу подготовки крымского похода мы имеем только неопубликованную записку, содержащую указ Годунова, а ответа дворянства на него в ней нет[11]. Также недостаточно ясны сообщения о двух собраниях Василия Шуйского в 1607 году.

Иначе обстоит дело с соборами после избрания Михаила Федоровича, побудившими некоторых исследователей писать о «соправительстве» до 1621 года. Такое утверждение можно объяснить только недоразумением или самообманом: все было как раз наоборот. Уже давно известно, что и при избрании первого Романова, и особенно в промежутке до возвращения Филарета в Москву пользовались влиянием известные бояре, сначала Ф. И. Мстиславский, а потом Салтыковы. После Смуты было восстановлено и самодержавие XVI в., то есть монархия без каких-либо «сословий».

Как думали тогда на Руси о сословной монархии? Ответ на это дает современный перевод письма от 29 марта 1613 г., писанного императором Маттиасом к «des Moszco [witischen unnd] Reüszischen landen unnd ständen» — «московским русским землям и боярам»[12]. Примечательно, что здесь не помышляли о сословиях или, как говорили тогда, о чинах, которые как раз находились в земском совете или в выборном соборе. Не думали потому, что чины не являлись настоящим эквивалентом венских сословий. За недостатком терминов и сути вписали бояр.

Но вытеснение собора шло еще дальше. 1 декабря 1615 г. И. М. Воротынский резко отказал польским послам, которые хотели вести переговоры от «земли» к «земле», чтобы избежать признания царя. Московское государство, сказал он, дано царю Богом: «У нас в Московском государстве того искони не повелось, чтоб без государского указа земля что сделала; изначала ведется, что владеет всем государством один государь, а бояре и вся земля без царского повеленья не могут ничего сделать»[13].

Воротынский забыл, что за два года до этого «вся земля» содействовала избранию государя. Сам царь изгнал это избрание из своей памяти. Когда 27 февраля 1617 г. по поводу возвращения Новгорода в Московское государство он послал грамоту, то в ней впервые рассказал историю смуты с 1598 г., не упомянув ни о своем избрании, ни о прежних выборах: «С Божией помощию учинились мы... всея Руси самодержец»[14]. Как известно, Романовы распространили эту версию и в официальной историографии последующих лет.

Решающее доказательство несостоятельности тезиса о соправительстве «сословий» или только соборов представляет рассмотрение самих совещаний второго десятилетия XVII века. Соборы не играли активной роли ни при инициации налоговой политики второго десятилетия, ни в решениях по этому вопросу. Они доставляли только то, в чем правительство настоятельно нуждалось: информацию[15]. Так называемые обычные соборы были главным образом только информационными совещаниями и ничем больше. Они были нужны правительству, потому что оно

вообще, и после Смуты особенно, мало знало о положении в провинции. Кто не верит воеводам, тому надо опросить само население.

Итак, от участников соборов не ожидалось суждений по может быть и спорному вопросу о продолжении войн (против Швеции и Польши), но требовалась справка о хозяйственном положении, то есть о финансовых возможностях ведения войны. Таким образом, можно в лучшем случае говорить о косвенном согласии или отказе. Взыскать специальный налог (запросные деньги) на содержание войска возможно было, как в 1615 г., и без участия какого-либо собора. Мирные переговоры со Швецией велись не через собор; от собора нужен был только совет относительно возможности нового взыскания денег для шведских контрибуций, а когда читаешь, как принималось решение о пятине 1617 г., то трудно усмотреть в этом влияние собора: «Власти и бояря наши, говоря с московскими гостьми и с торговыми и со всякими людми, приговорили...»[16]. В Столбовском договоре о соборе даже не упоминали. Уже Е. Д. Сташевский писал о постепенном упадке соборов между 1613 и 1619 годами[17].

Так было и позже. В 1621 г., хотя все присутствовавшие группы высказались за новую войну против Польши, правительство потом приняло решение против ведения войны. У собора, впрочем, не было возможности принять иное решение, так как правительство еще раньше предъявило Речи Посполитой ультиматум. Даже в протоколе этого совещания говорится, что только Филарет и Михаил Федорович вместе с думой призвали к походу, и в грамоте царя в Новгород от 13 октября 1621 г. тоже говорится, что царь сперва советовался с боярами[18]. Черепнин ввиду применения такой формулы даже полагал, что это письмо было составлено еще до совещания[19]. Если это предположение правильно, то налицо явное неуважение к собору.

И в 1632 г. решение о Смоленской войне принял не собор, ибо он был созван только после начала войны. Соборы 1637, 1639 и 1642 гг. обсуждали не оборону или оставление Азова, а только объективное наличие или отсутствие средств. Соответственно этому в грамотах царя казакам от 30 апреля и 27 июня 1642 г. о соборах не упоминалось[20]. Конечно, собор 1642 г. — интересное собрание из-за различных мнений, высказанных участниками в соответствии с их интересами, которые, впрочем, замыкались во внутренних проблемах. Но это вовсе не значит, что в принципе правительство не действовало самостоятельно.

В 1650 г. выяснилась еще и другая функция собора, которая раньше уже проявлялась во внешнеполитических отношениях. Теперь Алексей Михайлович употребил его как инструмент внутренней политики в форме декларативного совещания. После псковского восстания царь объявил собору принесение присяги псковитянами и свое помилование, чтобы предотвратить распространение восстания на другие части страны. В этом главная заслуга того собора. Не прав был М. Н. Тихомиров, утверждая, что до того собор избрал делегацию для умиротворения Пскова, что делегация получила мандат от собора и действовала в Пскове от имени собора. Как уже установил Х. Нойбауэр, доказательств этого в источниках нет. Напротив, посольство выступило от имени царя, и все данные говорят только об отношениях посольства с царем[21].

Итак, в середине XVII в., когда явились первые признаки абсолютизма, соборы служили правительству в основном местом для деклараций, даже внутриполитических. Во внешней политике это проявилось почти тогда же. В 1651 г. Алексей Михайлович таким способом обнародовал на соборе польскую неправду, сделать это он грозился полякам еще в предшествующем году[22]. Что касается присоединения Украины, то решение «принимать казаков под высокую руку» было принято правительством уже в феврале и марте 1653 г., в то время как собор занимался этим вопросом, по всей вероятности, только в мае и был использован для санкционирования в октябре, не имея возможности внести сколько-нибудь отличные предложения.

В объявлении войны от 23 октября 1653 г. об интересующем нас соборе речи не было, но говорилось, по существу правильно, что царь принял решение вместе с освященным собором и думой. (В посланном полякам объявлении даже упоминание думы опустили[23].) Это весьма странный казус. В начале 1650 г. московский посол Пушкин угрожает полякам, ссылаясь на приговор какого-то собора, но позднее о соборе и речи уже нет. Вот признак действительной маловажности этого «института», служившего только декларативным целям.

Для последующего времени нельзя не признать, что совещания правительства с гостями и торговыми людьми в 1650-х и 1660-х годах приносили законодательные результаты, как, например, Новоторговый устав 1667 г. (хотя и не все требования купечества были учтены). Это с одной стороны. А с другой — в 1662 г. гости и торговые люди даже требовали созыва полного собора —и напрасно. Трудно оценить влияние населения и на государственные реформы Федора Алексеевича. Отдельные собрания служилых и тяглых людей являлись тогда настоящим собором, у них был даже общий председатель — Голицын, но они обсуждали свои дела раздельно, и лишь политические события позволили высшему дворянству вынести приговор об отмене местничества, то есть только о побочном продукте всего проекта реформ[24].

Что касается второй группы собраний, выборных и аккламационных соборов, то никто, надеюсь, не назовет служилых и посадских людей, случайно присутствовавших при вступлении на престол, «сословным» собором. Даже относительно 1598 г. известно, что избрание Бориса Годунова состоялось на основе его хитрых политических манипуляций во взаимодействии с патриархом Иовом. Как сообщил еще Маржерет: «Годунов перекрыл дороги и велел пропускать в столицу только своих доброжелателей»[25]. Кроме того, ему надо было во время «выборной борьбы» обращаться к городской черни, раздавать много денег и подкупать городовое дворянство.

А как обстоят дела с двумя документами, то есть с «соборным определением» и «утвержденной грамотой», рассказывающими об избрании Годунова на царство? Критические исследования уже давно нас убедили в том, что им нельзя верить. Больший вес имеет окружная грамота патриарха, составленная 15 марта 1598 г., то есть примерно через месяц после избрания и еще до изготовления так называемого «соборного определения» (позднейшее выражение). В ней Иов не говорил ни об избрании, ни о соборе, а только о возведении царя на престол[26]. Недаром некоторые дореволюционные историки (И. Д. Беляев, Н. П. Загоскин и даже В. Н. Латкин) думали, что этот собор «представляет нам лишь прискорбный образец злоупотребления названием и значением земского собора»[27].

И так утверждали даже современники Годунова, во всяком случае его противники, например Романовы, в редактированной ими «утвержденной грамоте» 1613 г., чтобы создать впечатление, будто избрание Михаила Федоровича было более законным[28]. В действительности, как мы сегодня знаем, и это избрание проводилось с манипулированием (раздавали деньги, особенно перед повторением избрания 21 февраля 1613 г.). Однако надо сказать, что тогда элементы свободного выбора были гораздо сильнее развиты, чем 15 годами раньше, и причина этого кроется в событиях Смуты.

Соборы 1611—1613 и 1648 гг., в противоположность всем другим, действительно вынесли решения. Конечно, это неудивительно в безвластное время ополчений. Надо, однако, учитывать, что тогдашние собрания были вовсе не «соборы», а (что в литературе редко замечают) «земские советы». Разница в значении терминов «собор» и «совет» ясна: «собор» происходит из духовной сферы (см. «освященный собор» от греч. synhodos), а под «советом» подразумевается государев совет, средневековая curia regis (ср. «избранная рада» Ивана Грозного). Вероятно, уже с ноября 1610 г., когда в источниках появляется выражение «совет всех людей»[29] (и определенно с 4 марта 1611 г.), известен такой «совет всей земли», то есть совет всей страны[30].

Соответственно происхождению наименования, включавшего элементы верховного военного совета, этот орган обладал суверенными правами (включая всю судебную, административную и военную власть). Вот почему нельзя называть его «земским собором». Совет являлся признанным и московскими боярами, и поляками правительством, к сочленам которого обращались с титулованием «государи»[31]. Избрание нового царя могло исходить только от этого органа, и законность призванного им выборного собора представляется менее проблематичной, чем собора 1598 года.

Естественно, что сразу после избрания, точнее, 27 февраля 1613 г. опять употребляется слово «собор», другими словами, совет слагает свой суверенитет[32]. Конечно, это тоже означает, что соборы продолжали играть подчиненную роль. Ибо правительство было больше всего заинтересовано в полном восстановлении

самодержавия — как и все тосковавшие тогда по добрым старым временам. Впрочем, курс реставрации исключал иной исход выборов для молодого царя, что некоторыми историками раньше считалось возможным.

Обстановка чрезвычайности вновь сложилась, как известно, в 1648 г., хотя бесцарствия не наступило, но государь был временно лишен власти, захваченной мятежниками. Итак, причины для созыва совета не было, так как царь существовал, но соборы проявили особенную ответственность и силой добились самостоятельных решений. Это можно сказать и о соборе 16 июля, и о соборе 1 сентября 1648 г., а также о составлении Уложения согласно воле последнего собора. Уже показано, что влияние населения на законодательство здесь шло гораздо дальше влияния французских Генеральных штатов в XV и XVI веках[33]. Однако это эпизодическое явление в России миновало очень скоро, как только утихло волнение.

Характерно, что преамбула обнародованного 29 января 1649 г. Уложения умалчивает о действительных инициаторах составления кодекса. Как сказано в ней, только освященный собор и дума приняли и обсудили приговор о кодификации[34]. Упоминается, правда, что Уложение обсуждалось на выборном соборе, и в двух статьях также есть упоминание о соборе (гл. 13, § 1 о Монастырском приказе, и гл. 17, § 43 о запрещении будущего приобретения духовенством имений). Это не так уж много, а причина заключается, очевидно, в том, что правительство укрепилось. Утвердившемуся самодержавию не нужна законодательная инициатива народа. Морозов вернулся из ссылки 26 октября 1648 г., стрельцов успокоили денежными подарками.

Таким образом, как в 1611—1613гг., так и в 1648 г. мы встречаемся с исключительными обстоятельствами и ситуациями, когда население становилось на время общественной силой. В обоих случаях самодержавие не функционировало. Напротив, существо самодержавия в целостном его виде состоит в том, что не получают возможностей развития другие власти, наделенные собственными правами. Повторяем еще раз: не хватало сознания местных интересов, провинциальных собраний, свободного самоуправления и единства права для государя и сословий.

В то же время возникает вопрос, откуда люди середины XVII в. взяли силу сопротивляться правительству и инициативу для сотрудничества с ним. Надо полагать, их научило этому время Смуты, во всяком случае, опыт того времени породил общество, которое не только в исключительных ситуациях, но все чаще и в так называемые обычные времена предъявляло правительству требования. Это видно и по местному выборному управлению (недовольство воеводами), и по дворянским съездам в столице, и по содержанию коллективных челобитий, и по использованию последнего, незаконного, средства — восстаний, и при всем этом часто наблюдалась известная солидарность между посадскими и служилыми людьми. Замечательно также, что в 1610 г. бояре сумели без всякого опыта составить условия для зарубежного претендента на избрание (хотя они об этом забыли через три года во имя спасения самодержавия).

Итак, хотя в Московской Руси сословий, подобных западным, не было, в чинах были представлены сословные качества, которые потом, в XVIII в., начиная с 1730 г., проявились, а при Екатерине II наконец вполне обнаружились, во всяком случае, это удалось дворянству. До 1730 г. петровскому абсолютизму было легко поступать с дворянством своевольно. Петру I и соборы больше не были нужны, он нашел другие средства узнавать о состоянии страны: более эффективное местное управление (губернии) и прежде всего ревизии в связи с подушной податью. Вот почему так называемые земские соборы бесследно исчезли, и это могло бы служить еще одним, косвенным и последним, доказательством того, что те собрания раньше были ни чем другим, как информационными и декларативными совещаниями, а в крайнем случае — представительством интересов, которые иногда совпадали с интересами правительства.

А почему это было так? Есть, конечно, разные причины, но, если б от меня потребовали назвать только одну короткую причину, я сказал бы: главное — это отсутствие третьего сословия, гражданства.

Примечания

1. ЮШКОВ С. В. Развитие Русского государства в связи с его борьбой за независимость. М. 1946; е г о ж е. К вопросу о сословно-представительной монархии в России. — Советское государство и право, 1950, № 10.
2. См. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. М. 1961, с. 703.
3. Там же, с. 348 (по поводу избрания Бориса Годунова).
4. TORKE H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Leiden. 1974.
5. В Словаре русского языка XI—XVIII вв. (вып. 5. М. 1978, с. 375 сл.) приведены даже 10 основных значений.
6. TORKE H.-J. Reichsversammlung, Konzil und Reichsrat. In: Die slavischen Völker und ihre Nachbarn in Kultur und Geschichte. — Beiträge zur Geschichte der UdSSR, N 18—21.
7. ЗИМИН А. А. Опричнина Ивана Грозного. М. 1964, с. 210.
8. ЧЕРЕПНИН Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М. 1978, с. 107; Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Ч. 1. М. 1813, № 192, с. 545—556; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13, ч. 2. СПб. 1906, с. 402.
9. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М. 1960, с. 43.
10. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 4. М. 1960, с. 210—211.
11. ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч., с. 148—149.
12. БЕЛОКУРОВ С. А. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. — Сборник Русского исторического общества (Сборник РИО), № 143, СПб., 1913, с. 414. В дальнейшем тексте land переведено как «государство» (с. 415).
13. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 5, с. 51.
14. СГГД. Ч. 3. М. 1822, № 34.
15. См. KEEP J. The Decline of the Zemsky Sobor. — Slavonic and East European Review, 1957—1958, № 36, pp. 105—106. Черепнин осторожно говорил только об участии соборов (см. ЧЕРЕПНИН Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М. 1964, с. 114).
16. ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. — Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1909, кн. 3, № 63, с. 176.
17. СТАШЕВСКИЙ Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев. 1913, с. 86.
18. Книги разрядные по официальным оных спискам, 1614—1679. № 1. СПб. 1853, с. 805.
19. ЧЕРЕПНИН Л. В. Земские соборы Русского государства, с. 238.
20. СГГД. Т. 3, № 112.
21. NEUBAUER H. Zar und Selbstherrscher. In: Beiträge zur Geschichte der Autokratie in Rußland. Wiesbaden. 1964, S. 82. Ср.: ТИХОМИРОВ М. Н. Псковское восстание 1650 г. В кн.: Классовая борьба в России XVII в. М. 1969. Там же и документы восстания.
22. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 5, с. 560.
23. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб. 1830, №№ 106, 111.
24. Там же. Т. 2. СПб. 1830, № 905.
25. MARGERET J. Estat de l'Empire de Russie et Grande Duche de Moskovie. P. 1663, p. 21; СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М. 1980, с. 128, 131.
26. Акты Археографической экспедиции. Т. 2. СПб. 1836, № 1.
27. ЗАГОСКИН Н. П. История права Московского государства. Т. 1. Казань. 1877, с. 230.
28. СГГД. Т. 1, № 203.
29. Там же. Т. 2, № 215; Сборник РИО, т. 142. СПб., 1914, с. 131 сл.
30. ЮШКОВ А. И. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества. М. 1898, № 298, с. 319.
31. Акты юридические. СПб. 1838, № 36; ЧЕРЕПНИН Л. В. Земские соборы Русского государства, с. 186.
32. ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Ук. соч., №№ 106—107 (в грамоте к воеводе в Болхове и в памяти Разрядного приказа к Владимирской четверти).
33. ЛАТКИН В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб. 1885, с. 283.
34. Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. М. 1985, с. 83—85.

Отставка Маргарет Тэтчер

С. П. Перегудов

В мае 1989 г. отмечалось десятилетие пребывания Маргарет Тэтчер у власти. Это был рекорд непрерывного правления, которого в течение полутораста лет не удавалось достичь ни одному британскому премьер-министру. Да и с точки зрения результатов десятилетие это выглядело достаточно впечатляющим. Неудивительно, что отставка Тэтчер через полтора года после юбилея явилась для многих неожиданностью.

Тэтчеризм в обороне. Хотя драма, финалом которой явилось заявление Тэтчер о том, что она «выходит из игры», и избрание нового лидера партии тори, Дж. Мейджора, длилась менее месяца, с 1 по 26 ноября 1990 г., назревала она давно, фактически едва ли не с момента последних всеобщих выборов, состоявшихся в мае 1987 года.

Несмотря на широковещательные заверения, что победа на выборах откроет перспективу дальнейших крупномасштабных сдвигов в общественно-политической жизни страны[1], в действительности ни перед выборами, ни сразу после них тори не смогли предложить ничего существенно нового. Приватизация основных национализированных отраслей была уже закончена, оставались лишь энергетика, водоснабжение и некоторые другие общественные службы, передача которых в частные руки не встречала широкой общественной поддержки. Да и экономический эффект от такого рода «остаточной» денационализации едва ли был бы внушительным. Еще меньше смогли предложить тори в области реформирования трудовых соглашений и отношений собственности. В то же время накопившиеся социальные проблемы, главными из которых явились упадок «внутренних городов» и отставание регионов с преобладанием старых отраслей экономики, требовали осуществления мер, не ложившихся в русло консервативной философии минимального государственного вмешательства.

Единственная действительно крупная реформа, призванная укрепить принципы «демократии собственников», была связана с изменением системы местного налогообложения. Основными плательщиками местного налога традиционно являлись владельцы недвижимости, и, чтобы освободить их от этого бремени, руководство тори разработало в канун выборов принципиально новую систему, при которой налогоплательщиком становился всякий совершеннолетний гражданин, независимо от получаемого им дохода. Однако негативные социальные последствия

Перегудов Сергей Петрович — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

этой меры были столь очевидны, что еще до принятия нового закона весной 1990 г. она вызвала решительные протесты не только лейбористов и либералов, но и самих консерваторов.

Попытки смягчить неблагоприятную реакцию населения введением компенсации для наименее защищенных слоев населения восстановить утраченное доверие уже не смогли. Согласно приводившимся в печати данным, значительная часть населения либо полностью, либо частично стала бойкотировать уплату «подушного налога» (официально он был назван «коммунальным»). Как сообщала «The Observer» 2 декабря 1990 г., сумма поступлений от него составляла примерно половину расчетной (53% в сельской и 51% в городской местности). В Лондоне удавалось собрать лишь 42%. «Подушный налог» вызвал буквально взрыв недовольства правительством.

Ко времени введения налога уже назрела почва для такого недовольства. Еще до выборов 1987 г. стали вновь набирать силу инфляционные процессы, что серьезно задевало интересы потребителя. Столь же серьезное недовольство вызывали высокие процентные ставки, ударившие по тем многочисленным категориям граждан, которые выплачивали проценты по закладным. Возросло число семей, вынужденных оставлять жилье. Это обострило жилищную проблему. В 1981 г. число официально зарегистрированных бездомных семей составляло 69 тыс., к 1987 г. оно выросло до 107 тысяч[2]. В конце 80-х годов насчитывалось около 150 тыс. одиноких молодых людей, которые спали где придется. Между тем жилищное строительство сокращалось, особенно из-за резкого ограничения ассигнований на муниципальное домостроение. Очередь имеющих право на получение муниципального жилья возросла к 1987 г. почти вдвое и составила 1289 тыс. человек[3].

Все более серьезное недовольство стало вызывать состояние образования и здравоохранения. Верное своей ориентации на «минимальное социальное государство» и на приватизацию социальных услуг, правительство тори стремилось тратить как можно меньше средств на эти цели. С начала 80-х годов сократились примерно на 10% вложения в инфраструктуру образования и науки[4]. Нехватка учителей, плохое состояние многих школьных зданий и оборудования, неудовлетворительная профессиональная подготовка молодежи стали всерьез беспокоить широкую общественность. Проблемой номер один стала растущая очередь в больницы и на операции, в том числе и на неотложные. Все эти проблемы ударяли прежде всего по малоимущим семьям, находящимся на уровне или ниже официальной черты бедности. Число их с 1979 г. возросло на 55% и составило 17% населения (9,4 млн. человек, из них 2,25 млн. детей)[5]. Этот беспрецедентный для послевоенного периода рост бедности происходил на фоне повышения уровня жизни и реальных заработков (выросших в среднем за «тэтчеристское десятилетие» примерно на треть)[6].

Удовлетворенность личным благополучием совмещалась, а где-то и «перебивалась» неудовлетворенностью общим положением дел в стране, тем упорством, с которым правительство тори продолжало держаться за взятый с конца 70-х годов курс. Если к этому добавить начавшийся с 1990 г. экономический спад, рост безработицы, отсутствие весомых признаков возрождения «деиндустриализированных» регионов Средней и Северной Англии, Уэльса и Шотландии, особенно на фоне «процветающих» юга и юго-востока, станут ясны причины, вызывавшие явное недовольство даже среди тех, кто поддерживал Тэтчер. Если первые год-полтора после выборов 1987 г. тори еще продолжали опережать лейбористов по уровню популярности, то уже с весны 1989 г. лейбористы стали их обходить. К лету 1990 г. этот разрыв достиг 10—15% и вплоть до ноября, то есть до отставки Тэтчер, сохранялся на этом небывало высоком уровне[7].

Политическая инициатива, прочно удерживаемая тори более десяти лет, была фактически утрачена. Одновременно с падением популярности партии стала снижаться и популярность ее лидера, опустившаяся весной 1990 г. до самой низкой отметки, когда-либо фиксировавшейся опросами общественного мнения. Далеко не последнюю роль в столь резком падении престижа Тэтчер сыграли и некоторые ее шаги. Нежелание прислушиваться к предостерегающим голосам в кабинете, парламенте и общественному мнению проявилось не только в случае с «подушным налогом», но и в вопросах социально-экономической и особенно европейской политики.

«Решительный» стиль Тэтчер приходил во все большее противоречие с реальными потребностями социально-экономического развития страны. «The Guardian» писала в самый канун ее «отречения»: «Из кота среди мышей она превратилась в слона в посудной лавке»[8]. Одним из факторов, способствовавших ослаблению, а затем и утрате тори политической гегемонии, явилось усиление внутренних разногласий в ее руководстве. Наделавшая немало шума отставка министра финансов Н. Лоусона в ноябре 1989 г. явилась всего лишь звеном в серии конфликтов в партийных и правительственных верхах[9]. Процесс «дезинтеграции», который стал намечаться в них еще в канун выборов 1987 г., становился все более заметным, особенно после отставки Лоусона.

«Кризис верхов» и вызов Хезелтайна. Консерваторы стояли перед перспективой поражения на предстоящих выборах. Естественно, что это не устраивало ни Тэтчер и ее сторонников, ни тех тори, кто не был согласен с ее курсом. Сама Тэтчер считала упадок популярности своей партии сугубо временным, конъюнктурным явлением, обычным для победившей партии в середине срока пребывания ее у власти. Она рассчитывала, что к моменту новых выборов тори смогут восстановить доверие избирателей рядом популярных мер социально-экономического характера, которые, в частности, приведут к снижению уровня инфляции и стимулируют экономическую активность.

Оптимизм Тэтчер и ее ближайших соратников, однако, находил все меньший отклик в консервативной партии. Все большее число парламентариев-тори, включая министров, стали склоняться к тому, что главной причиной снижения популярности их партии является упорное нежелание премьер-министра модифицировать курс правительства, проявить гибкость, учесть свои ошибки и просчеты. Впервые за все время пребывания Тэтчер у власти уровень ее популярности оказался ниже, чем уровень популярности тори. А это значило, что столь долго работавший на партию «фактор Тэтчер» не только утратил свою позитивную роль, но стал влиять в негативном направлении. Все это усиливало антитэтчеровские настроения, создавая условия для «бунта» против нее.

Обострение разногласий между премьер-министром и ее оппонентами и в парламенте и в кабинете шло по многим линиям. Однако главной неизменно оказывалась политика в отношении ЕС. Это объяснялось тем, что Тэтчер была особенно чувствительна к угрозе утраты суверенитета Великобритании в связи с углублением европейской интеграции и никакие доводы не могли убедить ее в том, что пойти на определенные уступки — в интересах самой же страны (как и ЕС в целом). Именно по вопросам отношений с ЕС ей пришлось вступить в единоборство с наиболее влиятельными министрами своего кабинета.

Будучи твердой сторонницей голлистской концепции «Европы отечеств», Тэтчер готова была идти достаточно далеко по пути либерализации экономических отношений и снятия барьеров, препятствующих функционированию ЕС как единого экономического пространства. Но она решительно противилась любым мерам, нацеленным на создание общей для Сообщества валюты, принятие «Социальной хартии» и усиление роли его политических институтов. Помимо опасений, что все эти меры подорвут суверенитет Великобритании и сделают «евробюрократов» истинными хозяевами на всей территории Сообщества, Тэтчер считала, что создание европейского «супергосударства» почти наверняка сведет на нет все то, за что она столько лет боролась, и вновь поставит страну на «социал-демократический» путь.

Наиболее решительным оппонентом Тэтчер выступал бывший министр ее кабинета М. Хезелтайн, подавший в 1986 г. в отставку в знак протеста против отказа Тэтчер согласиться с предлагавшимся ей «европейским» вариантом решения о будущем одной из производящих вооружение британских компаний. Как и многие другие политики и представители делового мира, Хезелтайн считал, что будущее страны связано с Европейским сообществом, вне или на обочине которого она обречена на изоляцию и отставание. В отличие от Тэтчер его не пугала вероятность усиления роли «евробюрократов» и «надгосударственного» регулирования, поскольку от считал такое вмешательство в рыночные отношения в определенных пределах не только неопасным, но и целесообразным.

В книге «Там, где есть воля»[10], Хезелтайн изложил программу изменений, которые он считал необходимым внести в курс правительства: осуществление

«промышленной стратегии», стержнем которой явились бы внедрение с помощью государства новейших достижений научно-технической революции и повышение уровня квалификации рабочей силы. В качестве одной из важнейших задач социально-экономической политики Хезелтайн считал преодоление упадка некогда процветавших индустриальных районов Северной и Центральной Великобритании, а также принятие более кардинальных мер по решению проблем «внутренних городских территорий», обострившихся за годы правления Тэтчер. Обосновывая необходимость целеустремленной «европейской» политики, Хезелтайн предлагал «использовать возможности, которых были лишены прежние поколения, и превратить ЕС в «бастион сильного и неделимого мира»[11].

Хотя книга не содержала прямой критики в адрес Тэтчер, это был открытый вызов ее политике, своего рода альтернатива тэтчеристской версии неоконсерватизма, абсолютизировавшей рынок и свободное предпринимательство. Альтернатива Хезелтайна не в пример тому, что предлагали противники Тэтчер до него, была нацелена не на возвращение вспять, к консерватизму 40—60-х годов, а на осуществление той же неоконсервативной политики, но в «посттэтчеровском» варианте. Главной заботой Хезелтайна, как и Тэтчер, была конкурентоспособная, процветающая Великобритания.

Однако Тэтчер рассчитывала достичь этого путем «раскрепощения» рыночных сил, а Хезелтайн не без основания считал, что раскрепощенный рынок сам по себе не может решить многих экономических и социальных проблем и потому нуждается в гораздо более целенаправленном и далеко идущем вмешательстве. Поэтому если для Тэтчер увеличение государственных ассигнований на социальные цели, на активную политику занятости, на помощь отстающим регионам и отраслям было скорее вынужденной мерой, уступкой своим оппонентам, общественному мнению и социально-экономическим стереотипам прошлых времен, то для Хезелтайна это была стратегия, от реализации которой в решающей степени зависели успех и процветание страны.

Хезелтайн предлагал принять на вооружение западногерманский и японский варианты неоконсерватизма, в которых, как он считал, государство играет более активную роль, а не выступает как «сторонний наблюдатель или, в лучшем случае, судья» и где существует партнерство между правительством и миром промышленности.

Не скрывая своих далеко идущих амбиций, Хезелтайн в то же время заявлял, что выставит свою кандидатуру на пост лидера тори лишь в случае, если Тэтчер сама подаст в отставку. Иначе говоря, он рассчитывал не на организацию оппозиции или «заговора», а на «стихийный» рост антитэтчеровских настроений на всех ступенях партийной иерархии. В глазах как оппонентов, так и сторонников Тэтчер Хезелтайн превратился в главного ее политического соперника, и требовалось только время, чтобы наступила развязка. Любой промах Тэтчер или неудача тори на местных или дополнительных парламентских выборах добавляли политический вес Хезелтайну, усиливали интерес к нему. Сам он широко использовал это, старался подогреть внимание к себе, причем не только путем публикаций, статей, интервью и т. п.

В 1990 г. вышла книга Хезелтайна, посвященная проблеме Европы и ЕС, — «Европейский вызов: может ли Британия выиграть?»[12]. В ней он высказался за превращение ЕС не только в экономический, но и политический союз. Среди новых структур, предлагавшихся им, особо выделялись «публичные агентства», которые должны способствовать формулированию и продвижению общих европейских интересов. Он предлагал увеличить бюджет Сообщества и расширить полномочия Европарламента, с тем чтобы тот мог осуществлять контроль над евробюрократией.

Отставки членов кабинета, разногласия в партии консерваторов по вопросам европейской политики начали перерастать в лишь слегка замаскированную политическую борьбу. Это, в частности, подтвердили три скандальные отставки членов кабинета, последовавшие в течение последнего года пребывания Тэтчер у власти. Первая из них — отставка министра финансов Лоусона осенью 1989 г. — привела к тому, что рейтинг премьер-министра среди избирателей, и без того невысокий, еще более снизился.

Именно в этот период в консервативных кругах стала муссироваться идея о

необходимости смены лидера партии. Нашлись и люди, попытавшиеся если не реализовать эту идею (что было явно нереально), то хотя бы бросить пробный шар, с тем чтобы, во-первых, продемонстрировать нелояльность к Тэтчер, нанести удар по ее престижу и, во-вторых, выявить степень недовольства ею. Миссию «темной лошадки» взял на себя один из заднескамеечников, А. Мейер, и на состоявшихся 5 декабря 1989 г. выборах лидера партии[13] Тэтчер впервые за почти 15 лет своего лидерства пришлось отстаивать право на этот пост. Хотя число парламентариев, поддержавших Мейера или воздержавшихся от голосования, составило всего 60 человек, выборы продемонстрировали явное ослабление позиций премьер-министра. Это было начало борьбы за «свержение» совсем еще недавно непререкаемого лидера.

Введение весной 1990 г. коммунального налога создало ситуацию, которую можно квалифицировать как кризис тэтчеризма. Критика его становится все острее, и даже консервативные издания начинают всерьез обсуждать вопрос о замене лидера партии. На этой волне Тэтчер приходится расстаться еще с одним министром, на этот раз уже со своим ближайшим единомышленником.

Поводом для отставки министра торговли и промышленности Н. Ридли послужило его интервью, опубликованное в начале июля 1990 г. в газете «The Spectator» после совещания, проведенного Тэтчер по проблемам предстоявшего объединения Германии и ее места в ЕС. Его участники были крайне встревожены развитием событий в Центральной Европе. Ридли осудил планы единой финансовой политики ЕС, назвав ее «германским рэкетом, нацеленным на захват всей Европы». Германия, утверждал он, скоро попытается диктовать Великобритании, как ей проводить свою финансовую и налоговую политику. По его мнению, необходимо, чтобы Великобритания снова взяла на себя роль уравновешивающей силы в Европе.

Интервью Ридли послужило толчком к дискуссиям по поднятым в нем вопросам. Однако вместо поддержки позиции министра и подъема патриотических настроений (на что министр, скорее всего, и рассчитывал) оно вызвало прямо противоположную реакцию: позиция Ридли была воспринята как одиозная и способная лишь повредить британским интересам и в Европе, и в мире. В парламентских кругах, в том числе и во фракции консерваторов, был поставлен вопрос об отставке Ридли. Все попытки Тэтчер спустить это дело «на тормозах» потерпели неудачу, и ему пришлось уйти.

Это поражение Тэтчер и ее сторонников укрепило позиции «европеистов», однако не заставило премьер-министра пересмотреть свои взгляды. И хотя под нажимом наиболее влиятельных министров Дж. Мейджора и Д. Херда она согласилась на подключение страны к валютной системе ЕС, ее общее отношение к «федеральной Европе» осталось негативным.

Обострение борьбы внутри консервативной партии отчетливо проявилось в начале октября 1990 г. на ежегодной конференции. В ходе неофициального выступления Хезелтайна в переполненном «боковом» зале ему был оказан благожелательный прием.

Наиболее драматические события разыгрались в конце октября — начале ноября, и связаны они были с роковой для Тэтчер отставкой члена ее кабинета — Дж. Хау. Поводом послужила опять-таки оппозиция Тэтчер мерам по укреплению наднациональных начал в ЕС. На совещании глав Сообщества в октябре она высказалась против создания единой валюты ЕС. Ее отчет в палате общин, равно как и занятая ею позиция на самом совещании, вызвал резкое недовольство «европеистов», кульминацией которого и стала 1 ноября отставка Хау.

Некогда один из наиболее лояльных сподвижников Тэтчер, он был последним из тех двух десятков министров, которые входили в кабинет, сформированный Тэтчер после победы на выборах 1979 года. Столь длительное пребывание в составе правительства, однако, вовсе не означало, что Хау был готов во всем следовать за Тэтчер. Уже в годы пребывания на посту министра иностранных дел он не разделял некоторых политических взглядов премьер-министра. Особенно неприемлемой для него была позиция Тэтчер в отношении ЕС, которую он старался смягчить и скорректировать. В 1989 г. Тэтчер перевела Хау на внешне более престижную, но фактически представительскую должность своего заместителя и лидера палаты общин. Более того, его почти перестали приглашать на особо важные совещания и не включили даже в комитет кабинета, созданный в связи с кризисом в Персидском

заливе. Хау все более демонстративно высказывал несогласие с Тэтчер. В этом духе он высказался и на конференции консервативной партии в начале октября.

Первая реакция Тэтчер и ее сторонников на заявление Хау об отставке была достаточно спокойной. Он явно не собирался вести активную кампанию против премьер-министра и тем более — выдвигать свою кандидатуру на пост лидера партии. Но поскольку отставка Хау совпадала по времени с началом выдвижения кандидатур на этот пост, это придало ей особую значимость. Практически все органы печати и другие средства массовой информации сосредоточили внимание на кандидатуре Хезелтайна как наиболее вероятного соперника Тэтчер.

Хезелтайн обратился с письмом к руководству партийной организации своего избирательного округа, в котором утверждал, что уход Хау из кабинета свидетельствует о кризисе доверия в партии. Связывая «европейский» вопрос с вопросом о единстве тори, Хезелтайн заявлял, что кризис в партии должен быть как можно быстрее преодолен, и давал понять, что препятствием является лишь премьер-министр. Однако реакция на это письмо окружной организации и прессы была для Хезелтайна скорее разочаровывающей. Председатель окружной организации делал упор на лояльность по отношению к лидеру партии. Не последовало ожидаемой реакции и со стороны более широких партийных и политических кругов.

Ситуация изменилась, как только 13 ноября Хау произнес в палате общин речь, в которой разъяснил мотивы своей отставки. Это был «бунт против... Маргарет Тэтчер»[14]. Обвинив ее в запугивании собственного народа, в изображении Европейского континента как пространства, наполненного злонамеренными людьми, стремящимися «задушить демократию», «разрушить национальную идентичность», Хау заявил, что тем самым она подрывает усилия своих министров, нацеленные на позитивное участие страны в европейских делах. Назвав эту ситуацию «трагедией», он заключил: «Пришло время, чтобы кто-то другой подумал над тем, какой ответ дать на этот трагический конфликт лояльности, с которым я сам, возможно, пытался ужиться слишком долго»[15].

«Убийственная речь»[16] Хау вызвала беспрецедентный резонанс и в парламенте, и за его пределами, и не только потому, что в ней в нарочито дерзкой и даже неуважительной форме выдвигались тягчайшие обвинения в адрес премьер-министра и лидера партии. Она была произнесена на волне резкого нарастания критики Тэтчер и тэтчеризма, в момент, когда консервативная партия была подведена к необходимости перемен и в ее политике, и в ее руководстве. Продолжался процесс размежевания сил и консолидации противников Тэтчер. К моменту выступления Хау в палате общин сторонники Хезелтайна уведомили его, что им удалось заручиться поддержкой более 100 парламентариев[17].

Речь Хау и вызванная ею реакция сделали невозможным возврат тори к положению, существовавшему прежде. Раскол партии не мог быть преодолен без хирургического вмешательства. Речь Хау и давление со стороны противников Тэтчер побудили Хезелтайна уже на следующий день заявить о выдвижении своей кандидатуры на пост лидера партии. Хезелтайн заверил парламентариев-тори, что в случае победы он постарается добиться единства партии по отношению к ЕС, поддерживая прогресс в области интеграции и в то же время отстаивая право парламента на вето в отношении тех решений ЕС, которые будут вести к неприемлемой утрате суверенитета страны. Он также обещал осуществить «немедленный и функциональный пересмотр» законодательства о подушном налоге, заменив его более справедливой системой местного налогообложения. Наконец, он заявил о своем намерении восстановить «кабинетное правление», то есть сделать вновь кабинет министров центром обсуждения и принятия важнейших политических решений[18].

Последний акт драмы. Оправившись от шока, вызванного выступлением Хау, Тэтчер и ее сторонники довольно быстро перешли в контрнаступление, обвинив Хезелтайна в стремлении возродить этатизацию экономики и корпоративную систему тесных консультаций и сотрудничества правительства прежде всего с ассоциациями бизнеса и профсоюзами. Как первое, так и второе было неприемлемо для тэтчеристов, каковыми оставалась значительная часть парламентариев-тори. И хотя то, что предлагал Хезелтайн, менее всего было призывом к корпоративистской стратегии, противниками его было сделано все для того, чтобы представить его как деятеля, зовущего назад. Не обошлось и без явных перехлестов: Тэтчер назвала, например, позицию Хезелтайна «полусоциалистической» и осудила его

как сторонника всего того, что тянуло страну вниз, как одного из тех, кто «не видит достоинств собственного народа и принижает его достижения»[19].

Со своей стороны Хезелтайн продолжал вести «центристскую» линию и не опускался до резкостей и личных нападок на премьер-министра. Такого рода тактика позволила ему постоянно повышать свой рейтинг, чему в немалой степени способствовали результаты опросов общественного мнения. Они показывали, что в случае победы Хезелтайна и отставки Тэтчер популярность тори возрастет на 10—15%, что даст им перевес над лейбористами[20]. Для многих парламентариев, опасавшихся за свои места и за исход предстоящих парламентских выборов, результаты зондажей общественного мнения были весомым аргументом против дальнейшего пребывания Тэтчер на посту лидера партии.

Как выяснилось позднее, некоторые из голосовавших за Хезелтайна в первом туре делали это не ради него (его победа практически исключалась), а для того, чтобы «свалить» Тэтчер и дать возможность вступить в борьбу за лидерство другим претендентам, и прежде всего Д. Херду и Дж. Мейджору. Правда, оба сразу после заявления Хезелтайна о выдвижении им своей кандидатуры высказались в поддержку Тэтчер и осудили его демарш как несвоевременный и деструктивный. Однако было очевидно, что если она на каком-то этапе откажется от борьбы, оба они либо кто-то из них обязательно выставят свои кандидатуры.

Первый тур выборов лидера тори 20 ноября не дал определенного результата. Тэтчер набрала 204 голоса (из 372), всего на четыре меньше, чем требовалось для победы[21]. Это было сильнейшим ударом по престижу Тэтчер, ибо ее не поддержало 45% фракции тори, и явным успехом Хезелтайна, получившего 152 голоса (16 парламентариев воздержались), что давало ему возможность продолжать борьбу.

Первый тур выборов не только продемонстрировал глубину раскола консерваторов, но и явился его катализатором. Стало ясно, что ни Тэтчер, ни Хезелтайн, олицетворяющие крайние позиции в партии, вряд ли способны вывести ее из кризиса. Даже если бы Тэтчер победила, она не имела бы шансов вновь сплотить свою партию и привести ее к победе на парламентских выборах.

Видимо, эти обстоятельства и предопределили поведение тех, от кого в решающей степени зависело дальнейшее развитие событий. Уверенная в своей правоте и в том, что именно ее стратегия более всего отвечает национальным интересам, Тэтчер отвергла возможность своего ухода в отставку[22], что не внесло успокоения в ряды парламентариев-тори, большинство из которых считали, что она потерпела моральное поражение. Несмотря на усилия тэтчеристской группы повлиять на колеблющихся и консолидировать потенциальных сторонников Тэтчер, ситуация в парламентской фракции тори становилась для нее все более угрожающей.

Сознавая, что решается судьба партии и ее будущее, политическое ядро партии решило проявить ту твердость, которую оно и прежде проявляло, когда наступало время освободиться от лидера, по тем или иным причинам его более не устраивавшего. Так было с О. Чемберленом в 1922 г., с Н. Чемберленом в 1940 г. и с А. Иденом в 1956 году. Да и сама Тэтчер, как известно, заняла свой пост не в результате «естественной» смены лидера партии, а вследствие бескомпромиссной борьбы с Э. Хитом, после того как его социально-экономическая стратегия оказалась дискредитированной, а консерваторы два раза подряд потерпели поражение на выборах. Правда, на этот раз явного провала в политике премьер-министра и лидера партии не было. Однако тот факт, что Тэтчер не смогла сохранить единство тори, предотвратить кризис доверия к ней и, главное, уменьшала шансы партии на предстоящих выборах, побуждал верхушку партии проявить тот же реализм, который столкнул в политическое небытие ряд предшественников «железной леди».

Еще накануне первого тура группа влиятельных деятелей партии решила, что в случае, если Тэтчер наберет менее 200 голосов, они потребуют ее отставки и не допустят, чтобы она участвовала во втором туре. Как писала 18 ноября 1990 г. «The Sunday Times», в эту группу вошли бывший заместитель Тэтчер на посту премьер-министра лорд Уайтлоу, бывший министр иностранных дел лорд Каррингтон, председатель представляющего интересы парламентариев-заднескамеечников «Комитета 1922 г.» К. Онслоу и бывший председатель партии Дж. Янгер. Газета сообщала, что помочь убедить Тэтчер уйти в отставку должен был ее муж, Д. Тэтчер, который лучше ее сознает необходимость и неизбежность перемены в их жизни[23].

После объявления результатов первого тура стало известно, что свыше 20 пар-

ламентариев, отдавших свои голоса Тэтчер, предупредили накануне голосования своих парламентских организаторов, что если она не победит, они не будут голосовать за нее во втором туре. Уже в день голосования поздно вечером в обстановке строжайшей секретности на квартире одного из консерваторов собралась группа влиятельных деятелей партии, в числе которых были пять членов кабинета, главный парламенский организатор Т. Рентон, а также несколько младших министров, выступавших на стороне Тэтчер. Большинство участников встречи пришло к заключению, что Тэтчер не сможет одержать победу во втором туре и что ее карьера подошла к концу[24].

Тот же вывод о неизбежности поражения Тэтчер был сделан и на совещании членов правительства. Чтобы «остановить Хезелтайна» они предложили выдвинуть кандидатуру министра финансов Дж. Мейджора. Одновременно выявилось соперничество между сторонниками Мейджора и теми, кто хотел добиться избрания лидером тори министра иностранных дел Д. Херда. Оба они, однако, отсутствовали: Херд находился вместе с Тэтчер в Париже, а Мейджор был болен. К моменту возвращения Тэтчер в Лондон Рентон и лидер палаты общин Макгрегор уже знали, что большинство членов кабинета были против того, чтобы она продолжала борьбу. 12 из них считали, что она должна уйти в отставку, 7 заявили, что готовы поддержать ее в случае, если она захочет продолжать борьбу и только двое были настроены вести бескомпромиссную борьбу в ее пользу.

Почти сразу после появления Тэтчер в своей резиденции собрался «военный совет»[25]. Среди присутствующих были лорд Уайтлоу, Рентон, председатель партии К. Бейкер и К. Онслоу. Тэтчер упрекнула собравшихся в том, что кампания в ее пользу была проведена слабо и что при лучшей организации она победит во втором туре. Никто из присутствующих не осмелился открыть ей «ужасную правду» и не предложил снять свою кандидатуру. Лишь некоторые выразили неуверенность в благоприятном для нее исходе выборов.

Результаты этого совещания и неудача усилий ее сторонников добиться перелома в настроениях парламентариев[26] заставили, видимо, Тэтчер усомниться в правильности своей позиции. Она решает проконсультироваться со всеми членами кабинета. Встречу с ними, однако, Тэтчер провела, не собрав их вместе (что было бы чревато выдвижением требования о снятии ею своей кандидатуры)[27], а с глазу на глаз с каждым из министров. Она говорила им одно и то же: трижды подряд она побеждала на выборах, ни разу не потерпела поражения в палате общин, большинство парламентской фракции поддержало ее в первом туре, она пользуется огромной популярностью среди партийных активистов по всей стране. И тем не менее ей говорят, что она должна выйти из игры и что Хезелтайн нанесет ей поражение. Что министр думает обо всем этом?

В прессе появились разные версии этих бесед. Одни утверждали, что большинство министров заверяли ее в своей лояльности, другие — будто они говорили ей, что им очень жаль терять ее, но она должна уйти. Даже наиболее стойкие ее сторонники, согласно одной из версий, не скрывали: она не сможет победить и, чтобы позволить кому-то другому нанести поражение Хезелтайну, ей лучше отступить. Все обозреватели, однако, сходятся на том, что несколько министров сказали ей что-то подобное, а кто-то из них даже намекнул на свою отставку в случае, если она не выйдет из игры.

После этих бесед Тэтчер, видимо, стало ясно, что даже если ей и удастся выстоять, это будет пиррова победа. В случае же победы Хезелтайна осуществится то, чего она более всего опасалась. И она приняла решение об отставке.

После этого Тэтчер подготовила свою речь для назначенных на следующий день дебатов по вотуму доверия правительству, внесенному лейбористской оппозицией в связи со сложившейся ситуацией. На следующий день она информировала своих секретарей о решении уйти в отставку, созвала заседание кабинета и прочитала заявление о снятии своей кандидатуры. В заявлении говорилось: «После обстоятельных консультаций с моими коллегами я пришла к выводу, что задачи укрепления единства партии и достижения победы на всеобщих выборах будут решаться лучше, если я выйду из игры и позволю моим коллегам из кабинета вступить в борьбу за лидерство»[28].

Тут же новость была объявлена по радио и телевидению. Тот факт, что решение об отставке Тэтчер приняла сама, без явного давления со стороны своих высо-

копоставленных коллег и заднескамеечников, казалось бы, опровергает тезис о том, что она «безжалостно свергнута» со своего поста консервативным истэблишментом. Действительно, Тэтчер была «свергнута» в результате не каких-то интриг своего ближайшего окружения, а прежде всего катастрофического для нее размывания поддержки консервативного истэблишмента, оплотом которого является парламентская фракция.

Оспаривая впоследствии правомерность принятого Тэтчер решения и обвиняя ее ближайших коллег в «заговоре», «предательстве», твердые тэтчеристы оперировали, казалось бы, весьма убедительными цифрами. Как справедливо указывали они, Тэтчер стала лидером в 1975 г., набрав всего 146 голосов. Какой же резон был уходить в отставку, получив 204 голоса? Однако при этом явно умышленно упускались два обстоятельства. Во-первых, парламентская фракция тори в 1975 г. была почти на 100 человек меньше, чем в 1980 г. (соответственно 277 и 372 парламентария), и потому процент проголосовавших за Тэтчер был примерно тем же (почти 53% в 1975 г. и немногим менее 55% в 1990 г.). Но главным было то, что в 1975 г. отрыв Тэтчер от своего ближайшего соперника Уайтлоу был столь велик (он получил всего 79 голосов), что она вышла из борьбы непререкаемым лидером, а Уайтлоу и все другие ее соперники признали полученный ею мандат и изъявили готовность лояльно сотрудничать с нею.

«Свержение» Тэтчер произошло в лучших традициях британской политической культуры и, возможно, войдет в историю как своего рода образец не только бескровного, но и почти безболезненного для тори и страны «переворота». Правила политической игры были соблюдены с обеих сторон. Трезво оценив все поступившие к ней сигналы и приняв оптимальное и для нее, и для партии решение, Тэтчер не только проявила государственную мудрость и «патриотизм», но и сделала это таким образом, что вызвала прилив симпатии и уважения к себе даже многих своих политических противников.

На следующий день после объявления результатов первого тура выборов лидера тори руководитель лейбористов Н. Киннок, ссылаясь на возникшую политическую неопределенность, официально внес в палату общин резолюцию о недоверии правительству. Чисто внешне она была направлена против Тэтчер, однако, как расценило эту инициативу большинство наблюдателей, замысел был прямо противоположным, а именно попытаться перед лицом атакующей оппозиции сплотить консерваторов вокруг своего лидера и обеспечить тем самым ее победу во втором туре. Такого рода исход устраивал лейбористов, пришедших к выводу (и не скрывавших этого), что в борьбе с консерваторами, возглавляемыми Тэтчер, они гораздо легче добьются победы, нежели в случае, если тори возглавит кто-либо из ее коллег.

Из этой затеи, однако, ничего не вышло, поскольку к моменту обсуждения резолюции Тэтчер сняла свою кандидатуру, и всем, кто был настроен на острую полемику, пришлось срочно перестраиваться. Премьер-министр выступила с блестящей речью, а когда один из левых лейбористов, Д. Скиннер, пытался съязвить, что теперь Тэтчер могла бы возглавить Центральный европейский банк, это вызвало неожиданный прилив симпатий к уходящему премьер-министру. Как писала отнюдь не симпатизировавшая Тэтчер «The Observer», обе партии, казалось бы, объединились впервые в осознании того, чего им будет не хватать в посттэтчеристскую эру, и резолюция недоверия обернулась для Тэтчер парламентским триумфом[29].

Несмотря на свою близость к Тэтчер, которой он во многом обязан и своей карьерой, и победой над Хезелтайном и Хердом во втором туре, новый премьер-министр Мейджор и его кабинет практически взяли курс, более близкий к тому, который предлагал Хезелтайн. А это означает, что «эра Тэтчер» действительно подошла к концу. Сложнее, однако, обстоит дело с «тэтчеризмом», с тем отпечатком, который он продолжает накладывать на общественно-политическую жизнь Великобритании.

Примечания

1. The Next Move Forward. The Conservative Manifesto 1987. Lnd. 1987.
2. Social Trends, Lnd., 1989, p. 139.
3. ABC of Thatcherism, Lnd., 1989, p. 23.
4. Ibid., p. 22.
5. Ibid., p. 16.
6. Politics Today, 24.V.1990, p. 187.
7. New Statesman and Society, 15.VI.1990, p. 14; The Economist, 10.XI.1990, p. 25.
8. The Guardian, 21.XI.1990, p. 19.
9. Поводом для отставки Лоусона явилось опубликование статьи экономического советника М. Тэтчер А. Уолтерса, который критиковал политику канцлера казначейства и выражал точку зрения премьер-министра на спорные вопросы финансовой политики, связанные главным образом с отношением к Европейскому сообществу (ЕС). Лоусон резко критически высказывался по поводу стиля руководства Тэтчер.
10. HESELTINE M. Where There's A Will. Lnd., 1987.
11. Ibid., p. 301.
12. HESELTINE M. The Challenge of Europe: Can Britain Win? Lnd. 1990.
13. Согласно существующим правилам, выборы лидера консерваторов проводятся членами их парламентской фракции вскоре после начала сессии парламента, в ноябре-декабре, в случае если среди них находится человек, готовый выставить свою кандидатуру и заручившийся минимальной поддержкой, или же если лидер партии пожелает уйти со своего поста либо поставит вопрос о доверии себе. В этом случае срок выборов может быть и иным.
14. The Economist, 17.XI.1990, p. 37.
15. The Times, 14.XI.1990.
16. The Observer, 25.XI.1990, p. 11.
17. The Economist, 17.XI.1990, p. 37.
18. The Sunday Times, 18.XI.1990, p. 13.
19. The Economist, 24.XI.1990, p. 36.
20. The Sunday Times, 18.XI.1990, p. 1.
21. Согласно утвержденным в 1975 г. правилам, для победы в первом туре претендент должен набрать не менее половины всех голосов плюс 15% числа голосов, полученных его ближайшим соперником.
22. Получив в Париже известие о результатах голосования, Тэтчер заявила: «Я, естественно, рада, что получила поддержку более половины членов парламентской партии (так называют в Великобритании партийные фракции парламента. — *С. П.*), но я разочарована тем, что этого недостаточно для победы в первом туре. И я подтверждаю мое намерение выставить мою кандидатуру на второй тур» (The Observer, 25.XI.1990, p. 7).
23. Печать сообщала, что лорд Уайтлоу еще накануне первого тура нашептал на ухо Д. Тэтчеру что-то вроде: «Взгляните на все это с точки зрения ее собственных интересов. Она сделала чудеса, никто это не отрицает. Но никто и не хочет, чтобы все это закончилось дурно пахнущей потасовкой» (ibid.).
24. Ibid., p. 8.
25. The Economist, 24.XI.1990, p. 29.
26. В беседе с Тэтчер Рентон заявил, что как главный парламентский организатор партии он не может гарантировать ей победу во втором туре.
27. The Observer, 25.XI.1990, p. 8.
28. Ibid., p. 7.
29. Ibid., 2.XII.1990, pp. 9, 19.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Ахмед Бен Белла

Р. Г. Ланда

27 сентября 1990 г. 20-тысячная толпа с энтузиазмом встречала в порту столицы Алжира пароход «Хоггар» из Барселоны, на борту которого находился первый президент независимого Алжира Ахмед Бен Белла, возвращавшийся на родину после почти 10-летней эмиграции. Его сопровождали свыше 100 журналистов из разных стран, активисты руководимой им оппозиционной партии Движение за демократию в Алжире (ДДА), общественные деятели, в том числе бывший министр юстиции Мухаммед Беджауи и лидер португальской революции 1974 г. Отелу ди Карвалью. Влиятельная французская газета назвала возвращение Бен Беллы в Алжир «историческим реваншем»[1].

За спиной Бен Беллы — полная драматических поворотов жизнь. «Я родился, — рассказывал он, — 25 декабря 1918 г. в Марнии, маленьком городке Орании близ марокканской границы. Мой отец был феллах. Он имел небольшой участок в 30 га, но земля была плохая, неорошаемая, и отец получал основной доход от мелкой торговли в Марнии, где мы жили»[2]. Два брата Ахмеда погибли, служа во французской армии, один — в конце первой мировой войны, второй — в 1939 г., затем еще один брат умер в Алжире, а четвертый, обосновавшийся во Франции, пропал там без вести в 1940 году. Из двух сестер младшая вышла впоследствии замуж за имама мечети шейха Мимуна. Все их родственники, когда Ахмед начал открыто бороться с колониальным режимом, были подвергнуты репрессиям. В частности, Мимун провел 14 лет в тюрьме.

«В Марнии, — вспоминал Бен Белла, — где я провел детство, я не ощущал так, как потом в Тлемсене, разницу между французами и алжирцами. Европейцев там была лишь горстка, в основном — колонистов. Было много евреев, но все три сообщества жили в мире». В футбольной команде алжирцы и европейцы играли вместе. Ахмед, проявивший себя как хороший футболист, приобрел много друзей и выучился испанскому языку, так как среди европейцев Марнии преобладали испанцы. Однако позже, обучаясь в лицее Тлемсена, 14-летний Ахмед вступил в спор с преподавателем-европейцем, вздумавшим ругать пророка Мухаммеда, и впервые почувствовал «разрыв между миром европейцев и миром алжирцев»; в дальнейшем «тысячи мелких столкновений в школе и городе» напоминали ему о том, что он «иностранец в собственной стране», подвергающийся дискриминации[3].

И в 1934 г. Бен Белла не удивился, узнав, что «не выдержал» выпускных экза-

Ланда Роберт Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института востоковедения АН СССР.

менов. К тому времени он установил первые контакты с представителями Национального союза североафриканских мусульман (с 1937 г. — Партия алжирского народа). Бен Белла не собирался делать карьеру служащего колониальной администрации, возможность чего ему предоставлял лицейский диплом. К тому же отец, чтобы облегчить поступление Ахмеда в лицей, прибавил ему два года, вследствие чего Ахмед был призван во французскую армию не в 1939, а в 1937 году. Вторая мировая война застала его в Марселе, где он служил зенитчиком и одновременно играл в футбол в двух профессиональных клубах. В одном из них он познакомился с Мухаммедом Сегиром Неккашем, впоследствии ставшим одним из его верных друзей и министром здравоохранения в первом правительстве независимого Алжира, которое возглавил Бен Белла.

Демобилизованный вскоре после капитуляции Франции в июне 1940 г. с нашивками сержанта и Военным крестом (его зенитная батарея сбила два немецких самолета), Ахмед, лишившись к тому времени отца и братьев, вернулся в Алжир помогать матери и сестрам. До 1943 г. он работал на отцовской ферме и играл в сформированной им футбольной команде. В ту пору режим Виши практиковал по всему Алжиру полицейские провокации, шовинистическую демагогию, доносительство и расизм. Марния не была исключением. Местные власти требовали от Бен Беллы выгнать из команды одного еврея и грозили тюрьмой в случае невыполнения рекомендации. Но он отказался подвергнуть товарища дискриминации.

Летом 1943 г. отставной сержант участвовал, будучи снова призван в армию, в боях за изгнание итало-германских войск из Туниса и в последующих сражениях[4]. Бен Белла, зачисленный в 6-й полк алжирских стрелков в Тлемсене, вступил в конфликт с французскими офицерами, унижавшими алжирцев, и вскоре был переведен в 5-й полк марокканских стрелков, после чего почти два года сражался в его рядах, числясь как бы марокканцем. Позднее он высоко отзывался о боевых качествах однополчан, «старых профессиональных солдат, чуждых всякой идеологии». Среди них были и берберы, не знавшие французского и с трудом изъяснявшиеся по-арабски. Бен Белла сблизился с ними, писал за них письма домой, но нередко огорчался их «отдалением от ислама», нежеланием соблюдать пост рамадан и пр. «Я верующий, — говорил Бен Белла, — и я уважаю предписания моей религии. Я не пью алкоголя и не ем свинину. Однако если я не курю, то по соображениям спортивной гигиены, а не из религиозного рвения».

С конца 1943 г. он сражался в Италии, где получил четыре награды. Одну из них ему вручил генерал Ш. де Голль. «Прикрепляя мне медаль на грудь и обнимая меня, великий государственный деятель вряд ли думал о том, что перед ним стоит человек, который будет через 18 лет решать судьбы независимой Алжирской республики»[5]. В Риме Бен Белла встретился с участниками итальянского движения Сопротивления. Наблюдая их во время сражений, он воздал должное их мужеству в борьбе против фашизма.

Конец войны застал Бен Беллу в Марокко. Ему предложили поступить в офицерскую школу, однако он отказался, не желая служить во французской армии после жестокой расправы на востоке Алжира с восставшими в мае 1945 г. патриотами[6]. Вернувшись в Марнию, он был избран в муниципалитет по списку националистической партии Движение за торжество демократических свобод (МТЛД) и с головой окунулся в политическую деятельность. Власти организовали провокацию, попытавшись отобрать у Бен Беллы ферму. Ранив одного из агентов при защите своего дома, он вынужден был уйти в подполье и стал с 1947 г. активистом тайного боевого филиала МТЛД — Специальной организации (ОС).

Основанная в 1947 г. Мухаммедом Белуиздадом, талантливым политиком и умелым конспиратором (он умер в 1949 г.), она была навязана активом МТЛД правому крылу партии, которое после мая 1945 г. опасалось «нелегальщины». ОС стала одновременно ветвью легальной партии — особым организмом со своей структурой и руководством. К 1949 г. ОС насчитывала до 1800 хорошо вооруженных боевиков. Она требовала от ЦК МТЛД либо перейти к действию, либо распустить организацию, ставшую громоздкой. Но лидер партии Ахмед Мессали Хадж, популярный оратор и опытный агитатор, прежде член Французской компартии, не поддержал этих требований[7]. Привыкнув к ореолу «национального вождя», Мессали был озабочен утверждением личного авторитета и лавировал между подпольщиками и консервативными «легалистами».

Бен Белла осуждал такое соглашательство. Его позиция базировалась на решениях I съезда МТЛД 1947 г., на котором один из лидеров ОС Хосин Айт Ахмед от имени молодежи заявил: «Единство любой ценой может лишь питать иллюзии народных масс и тормозить созревание их революционного сознания»[8]. Мессали отстранил Айт Ахмеда от руководства ОС, и во главе нее встал Бен Белла. При нем ОС превратилась «в партию внутри партии, настолько ее цели и умонастроения отличались от тех, что проповедовал Мессали»[9]. Тайно разъезжая по стране, инструктируя активистов и набирая сторонников, преимущественно в деревнях, Бен Белла хорошо изучил настроения крестьян и партийных низов. Это укрепило его в мысли о переходе к вооруженной борьбе и бесполезности попыток договориться с колониальными властями. Впрочем, обстоятельства прихода его к руководству ОС неясны.

На тайной сессии ЦК МТЛД в Зеддине (декабрь 1948 г.) было решено, что глава ОС будет одновременно ответственным за политическую организацию. Бен Белла же уверял, что эта сессия была съездом, навязанным низовым активом Мессали и его приспешникам; что из 60 делегатов большинство осудило линию Мессали и что именно съездом Бен Белла был назначен «одновременно главой политической организации партии и главой Специальной организации»[10]. Но он вовсе не возглавил тогда МТЛД, ибо она служила официальным прикрытием Партии алжирского народа, запрещенной французскими властями в 1939 г. и про-

должавшей действовать нелегально. Следовательно, Бен Белла стал в 1949 г. руководителем и боевиков, и политических нелегалов.

Он обуздал банды наемников Айт Али, использовавшиеся колониальными властями против патриотов, и организовал в апреле 1949 г. налет на почту Орана для экспроприации средств на нужды ОС. В начале 1950 г. полиция напала на след организации, было арестовано 363 человека, из которых в ходе семи судебных процессов в 1951 г. около 200 были осуждены. Выданный предателем, Бен Белла в марте 1950 г. оказался в тюрьме и затем был приговорен к восьми годам заключения. Его потрясло отступничество руководства МТЛД, которое отказалось от всех деяний ОС и объявило ее распущенной. «Как и следовало ожидать, — рассказывал он, — руководители партии испугались,... одновременно дав понять мне и другим обвиняемым, что они хотели бы бесшумного судебного процесса. Но мы и не думали повиноваться... Из обвиняемых мы превратились в обвинителей, использовав суд над нами для превращения его в суд над колониализмом».

Чем же ответило на это руководство МТЛД? «Первым их актом была ликвидация, как они думали, навсегда, Специальной организации. Затем их стараниями низовые активисты были рассеяны, изолированы, обречены на бездействие. Руководителей области Константины перевели в Оранию, а руководителей Орании — в Константину. Наиболее активных отправили во Францию. Ценнейших работников намеренно оставили без всяких средств»[11]. И все же ОС не была разгромлена: в тюрьме оказалось менее 10% ее членов, оружия изъяли мало, большинство лидеров избежало ареста либо вскоре совершило побег из заключения. В числе их был и Бен Белла, который с Ахмедом Махсасом в марте 1952 г. бежал из тюрьмы в Блиде, полгода скрывался в столице Алжира, перебрался во Францию, потом в Египет, где вел полную лишений жизнь эмигранта.

Трудности были и потом, когда удалось наладить связь с Лигой арабских стран, чтобы добиться помощи борцам за независимость Алжира. В частности, однажды ему, не владевшему классическим арабским языком, пришлось выступать на французском языке. Имелись и другие, более существенные трудности, связанные со стремлением египтян слить воедино антиколониальные движения во всех странах Магриба и вообще вмешиваться в дела алжирской эмиграции. Да и внутри самой эмиграции не все было благополучно. Бен Белла и Махсас не ладили с ранее прибывшими в Каир Айт Ахмедом и Хидером, и все вместе — с людьми Мессали, которых в конце концов арестовали по настоянию Бен Беллы. Многие алжирцы в Каире создавали дополнительные трудности. Так, Мухаммед Бухарруба, впоследствии ставший известным под псевдонимом Хуари Бумедьен (будущий лидер Революционного совета Алжира), вступал в конфликты с Айт Ахмедом, установил через его голову непосредственные контакты с марокканцами и организовал налет на французское консульство, за что сидел в каирской тюрьме[12].

Вооруженная борьба против владычества Франции уже началась с января 1952 г. в Тунисе и с августа 1953 г. в Марокко. Бен Белла с товарищами стремились распространить эту борьбу на Алжир, закупая оружие, добиваясь поддержки Лиги арабских стран и отдельных арабских государств, организуя военное обучение эмигрантов. «Мы сгорали от нетерпения, — свидетельствовал Бен Белла, — но Мессали по самую бороду погрузился в болото инертности»[13]. Лидеры ОС, оказавшиеся в разных странах, постепенно наладили контакты друг с другом. Они возмущались благополучием официальной верхушки «легалистов» из МТЛД и невыполнением решений о приоритете подполья. Мессали ожесточал их не меньше, чем реформизм противостоявшей «мессалистам» с 1953 г. фракции «централистов» — большинства ЦК МТЛД. Фракционные склоки, к весне 1954 г. расколовшие партию, отвратили патриотов-подпольщиков от «политики».

Американский ученый У. Куондт, разделявший алжирскую политическую элиту тех лет на «либералов» (Ф. Аббас), «радикалов» (А. Мессали), «революционеров» (А. Бен Белла) и «военных» (Х. Бумедьен), полагает, что к 1954 г. подпольщики видели выход уже только в вооруженной борьбе, «отвергая колониальную политику, отбрасывали выборы, петиции, конкурирующие политические партии, массовые организации и открытую политическую пропаганду»[14]. От того времени Бен Белла унаследовал нелюбовь к «политиканству». Когда в мае 1954 г. французская армия потерпела поражение во Вьетнаме, это побудило большинство алжирцев поверить в возможность свержения колониального ига революционным

путем. Многие алжирцы, служившие во Вьетнаме, составили наиболее опытную часть военных кадров алжирских партизан. Во французской прессе встречались необоснованные сведения о том, что и Бен Белла служил во Вьетнаме. Возможно, это объяснялось тем, что именно он переправил в Алжир для участия в антиколониальной борьбе «50 дезертиров из Индокитая»[15]. Между тем правительство Франции было вынуждено признать автономию Туниса и Марокко. Это еще больше ускорило переход алжирцев к вооруженной борьбе. Сыграла свою роль и поддержка их Лигой арабских государств, особенно Египтом, к тому времени добившимся успехов под руководством Гамаля Абдель Насера. Возникли контакты алжирских подпольщиков с борцами за независимость Марокко и Туниса. Возрос поток вооружения, поступавший морем и караванами через пустыню, главным образом благодаря усилиям Бен Беллы. В октябре 1954 г. был создан Фронт национального освобождения (ФНО), боевые отряды которого стали называться Армией национального освобождения (АНО). Интенсивная подготовка к борьбе велась в горах Ауреса и Кабилии, где была создана сеть опорных пунктов и тайных складов оружия и боеприпасов. Там развернулись основные бои с французскими войсками и полицией, когда в ночь на 1 ноября 1954 г. вспыхнуло вооруженное восстание, охватившее постепенно всю страну.

Каирские лидеры ОС образовали «внешнюю делегацию» ФНО и впоследствии вошли вместе с командирами отрядов в округах и представителями влившихся в ФНО партий и организаций в Национальный совет алжирской революции (НСАР) и в непосредственно руководивший ФНО координационно-исполнительный комитет (КИК) после расширения его состава в 1957 году[16]. В Алжире распространено убеждение, позднее обросшее легендами, что создание ФНО явилось делом «клуба девяти исторических вождей революции» — руководителей ОС, ставших первыми командирами окружных отрядов и зарубежными представителями ФНО. Бен Белла был одним из этих «исторических вождей» алжирской революции 1954—1962 гг. и основателей ФНО. На I съезде ФНО в августе 1956 г. в Суммаме он был избран членом НСАР, через год — членом КИК. Возглавляя зарубежную делегацию ФНО, он устанавливал международные контакты, руководил доставкой оружия и ведал подготовкой военных кадров.

Между прочим, это он направил в конце 1955 г. на запад Алжира морем караван с оружием, во главе которого поставил Бумедьена, к тому времени выпускника университета Аль-Азхар с дипломом преподавателя арабского языка, который к сентябрю 1957 г. уже достиг высшего в АНО звания полковника и положения командира вилайи № 5 (область Орана). Бумедьен из всех направленных в Алжир политэмигрантов лучше других доказал, что у него крепкие нервы и что он умеет управлять людьми. Будучи на 14 лет моложе Бен Беллы, он стал первым деятелем ФНО и АНО, который без всякого пиетета относился к популярным лидерам революции и утверждал впоследствии: «Мы были детьми революции, а вовсе не их последователями. Революция создала свое поколение кадров», и оно «вынесло на своих плечах основную тяжесть кровавой борьбы за независимость»[17].

Тогда и зародились будущие разногласия между Бумедьеном и Бен Беллой. Но поколение Бен Беллы сделало немало. Именно Бен Белла 1 ноября 1954 г. объявил по радио Каира о начале революции в Алжире, хотя это создавало впечатление, что все направляется из Каира. Реальным главой ФНО Бен Беллу считали и простые алжирцы, и французы[18]. Да он и являлся таковым, будучи из всех зарубежных лидеров ФНО наиболее решительным, динамичным и энергичным. Не случайно именно его трижды пытались убить агенты французских секретных служб в 1955—1956 годах.

Бен Белла вынужден был часто менять псевдонимы (Аззуз, Рида Бен Амор) и останавливаться в других странах под разными именами (Мессауд Мезиани, Мазани Саадун). Тем не менее его выслеживали. В Каире прислали с таксистом пакет с взрывным устройством. Бен Белла не стал вскрывать пакет и отправил его обратно, а таксист, не проехав и нескольких сот метров, погиб от взрыва. Покушение было произведено и в Риме, но без серьезных последствий. Незадолго до этого Бен Белла едва не погиб в Ливии, где с 1954 г. велась подготовка алжирских партизан. Там же он встречался с Мустафой Бен Булаидом, командиром вилайи № 1, тоже одним из «исторических вождей» революции, погибшим в 1956 году.

В Ливии Бен Белле присвоили степень почетного доктора университета Бенга-

зи. Там он, учитывая, что начальником полиции в Ливии 50-х годов был англичанин, должен был «работать в полной тайне и появляться никем не замеченным, включая ливийскую полицию и службу безопасности». Тем не менее один французский колонист, действовавший по поручению террористической организации «Красная рука», выследил Бен Беллу в Триполи и нанес ему удар ножом. «Меня спасала, — говорил Бен Белла, — моя мобильность»[19].

В Египте Бен Белла стал горячим сторонником Насера и тоже считал необходимым использовать помощь Советского Союза. «Мы готовы к тому, чтобы принять оружие от советского блока», — заявил он 27 февраля 1956 г., вызвав замешательство и на Западе, и среди большинства руководителей ФНО. Бен Белла расширил масштабы дипломатии ФНО и способствовал усилению международной помощи алжирской революции. 22 октября 1956 г. самолет, на котором он вместе с другими лидерами ФНО направлялся в Тунис, был перехвачен и посажен в Алжире, пассажиры арестованы. До того состоялись пять встреч «зарубежной делегации» ФНО с представителями правительства Франции в Каире, Белграде и Риме и было достигнуто соглашение о прекращении боев в Алжире. Соглашение должно было войти в силу после того, как два члена «зарубежной делегации», получив пропуск от властей, посетили бы командиров всех вилай для получения их согласия.

Однако командование французской армии вместе с правыми кругами в метрополии и среди европейцев Алжира категорически не хотели этого. Поэтому они и организовали похищение Бен Беллы. Правительство Ги Молле, поставленное перед фактом, уступило и задним числом санкционировало эти действия. Арестованных лидеров ФНО показывали журналистам. Им Бен Белла заявил: «Алжирская революция будет продолжаться и без нас и завершится триумфом». В тюрьме он узнал о нападении Англии, Франции и Израиля на Египет 29 октября 1956 года. В беседе с французским полковником, который не скрывал своей радости, Бен Белла пытался объяснить, что алжирская революция не зависит от судьбы четырех или пяти лидеров. Однако тот твердил: «Не будет Насера, не будет Бен Беллы, и проблема будет решена». Египет был временно ослаблен тройственной агрессией. Но на алжирской революции это мало отразилось, ибо судьба Алжира не решалась в Суэце[20].

К 1957 г. количество стычек повстанцев в Алжире с войсками и полицией, покушений на коллаборационистов и актов саботажа достигло 3900 в месяц (со снижением до 1200 в месяц в 1958 г.). АНО в 1959 г. составляли 60 тыс. муджахидов («бойцов священной войны») и 70 тыс. мусабилей («попутчиков», то есть вспомогательных воинов, после боевой акции возвращавшихся к мирному труду). Эта армия противостояла французскому экспедиционному корпусу из 800 тыс. солдат с танками, артиллерией, авиацией и военно-морским флотом. До конца освободительной войны погибло около 1 млн. алжирцев, почти 2 млн. прошли через тюрьмы и концлагеря, 9 тыс. деревень были стерты с лица земли[21]. Путем изоляции Алжира с помощью линии укреплений на границах с Тунисом и Марокко, электрифицированной сети колючей проволоки, минных полей, новейших систем сигнализации и постоянного контроля с воздуха французскому командованию удалось расколоть АНО на внутреннюю, изнемогавшую в неравной борьбе, и внешнюю, с 1958 г. все более возраставшую, но почти не имевшую доступа в Алжир.

Бен Белла, лишенный в заключении возможности активно участвовать в выработке линии ФНО, впоследствии обвинял тех, кто возглавил ФНО после съезда в Суммаме, в создании «бюрократического и бумагомарающего аппарата, постепенно отрывавшегося от реальностей борьбы»; в организации забастовок школьников и студентов, которые, «не затронув противника, причинили нам огромный вред»; в «вилайизме» (то есть анархии и самовластии командиров вилай, превратившихся в «главарей банд»). Хотя эта критика частично объяснялась личными разногласиями Бен Беллы с Аббаном Рамданом и другими «внутренними лидерами» ФНО, которые в составленной ими Суммамской платформе специально оговорили «приоритет внутренних сил над внешними», во многом он был прав.

Бен Белла пробыл в заключении свыше пяти лет. Эти годы сделали его особенно популярным вождем революции. С 1957 г. он и другие арестованные руководители ФНО (Айт Ахмед, Будиаф, Битат, Хидер) заочно входили в КИК, с 1958 г. — в эмигрантское Временное правительство Алжирской республики (ВПАР). Через адвокатов и другими способами Бен Белле удавалось поддерживать

контакты с руководством ФНО и влиять на его решения. Ультраколониалисты постоянно требовали казни Бен Беллы и других лидеров ФНО, а молодежь Алжира в ответ выходила на демонстрации под лозунгом «Мы все — Бен Белла, и нас 12 миллионов!»

Президент Франции де Голль уже тогда подыскивал базу для компромисса и в марте 1959 г. распорядился перевести всех входивших в ВПАР министров-«узников» из тюрьмы в поселение на о. Экс. Это вызвало ярость правых кругов, от имени которых военный министр Гийома заявил де Голлю: «Мой генерал, мне кажется, я должен довести до вашего сведения, что армия и французы Алжира этого не поймут». Президент отпарировал: «Акты милосердия всегда имеют место. Что же касается армии, то она и создана для того, чтобы подчиняться. Да и французы Алжира, как и прочие французы, должны повиноваться правительству». Однако де Голль отказался признать полномочия узников как представителей ВПАР, вице-председателем которого был Бен Белла.

Постепенно их положение улучшалось, и в марте 1961 г., когда Париж пошел на переговоры с ФНО, их перевели в замок Тюркан, а в декабре — в замок Онуа. «Одной из поразительных черт нашего заключения, — вспоминал Бен Белла, — было то, что наши стражи стали и нашими защитниками»[22]. Это было необходимо, ибо ультраколониалисты из ОАС («Организация секретной армии») планировали ликвидацию Бен Беллы и его товарищей, включая ракетный обстрел места заключения.

Министры-узники несколько раз проводили голодовки, добиваясь статуса политических заключенных и выступая в защиту требований ФНО. Последняя голодовка, вместе с 15 тыс. других заключенных-алжирцев, была поддержана в октябре 1961 г. 80-тысячной демонстрацией алжирских эмигрантов в Париже, в ходе которой 200 алжирцев были убиты, 210 ранены, около 11 тыс. избиты и арестованы[23]. Франко-алжирские переговоры в Эвиане (май—июнь) и Люгрэне (июль 1961 г.) неоднократно прерывались, но не прекращались, ибо паузы заполнялись тайными контактами в других местах. Встреча 12—19 февраля 1962 г. в Руссе привела к компромиссу, на основе которого в Эвиане 7—18 марта были выработаны соглашения о прекращении огня в Алжире.

Франция сохраняла несколько лет там свои войска и базы, нефтегазовые концессии в Сахаре, преимущественное право на оказание Алжиру культурной, финансовой и технической помощи, но на деле признала независимость Алжира. Эти соглашения стали, однако, причиной обвинений ВПАР со стороны революционного крыла ФНО и генштаба АНО во главе с Бумедьеном. «Мы не были против Эвианских соглашений, — уточнял он. — Но мы были озабочены подбором лиц, призванных их применять. ВПАР вкладывало в них неоколониалистский смысл»[24].

Решив не допустить установления власти ВПАР в независимом Алжире, Бумедьен с генштабом АНО стал устанавливать связи с министрами-узниками, непричастными к ошибкам ВПАР. В Онуа был секретно направлен секретарь генштаба АНО Абд аль-Азиз Бутефлика (министр иностранных дел Алжира в 1963—1978 гг.). Молодые офицеры хотели противопоставить громким именам членов ВПАР популярность заточенных лидеров ФНО. Как рассказывал Бутефлика, Айт Ахмед и Будиаф отнеслись к его миссии пренебрежительно, но ему удалось достичь взаимопонимания с Бен Беллой. Поэтому Бутефлика, изложив узникам суть конфликта генштаба с ВПАР, «выбрал Бен Беллу из всей пятерки как нашего человека». Впоследствии Бен Белла заявил: «Я не обручался с их идеями. Я объединился с их силой». Силой же «внешняя» АНО обладала немалой: ее численность к 1962 г. возросла до 35 тыс. бойцов (из них 25 тыс. — в Тунисе, где в приграничном с Алжиром г. Гардимау располагался генштаб), имела офицерские и сержантские школы, а многие ее офицеры прошли обучение в дружественных странах[25].

Решающим в совпадении позиций Бен Беллы и генштаба АНО явилось неприятие умеренности ВПАР и соответствующее отношение к Эвианским соглашениям. Глава алжирской делегации в Эвиане Белькасем Крим накануне достижения компромисса посетил, с ведома Парижа, замок Онуа и получил от министров-узников письменное согласие на заключение договоренностей. Позже Бен Белла говорил: «Ни для кого не секрет, что я с самого начала был против Эвианских соглашений, ибо считал их чересчур жесткими. Тем не менее я согласился их подписать, когда они были улучшены по нашим предложениям. Я выдвинул и другое условие своего

согласия: ВПАР как можно скорее после прекращения огня должно созвать съезд для определения политической линии будущего правительства»[26].

19 марта 1962 г., в день прекращения войны в Алжире, министры-узники были освобождены и вылетели в Марокко, где им был оказан восторженный прием. ВПАР впервые собралось в полном составе. При встрече с Бумедьеном на базе АНО в Уджде (у границы с Алжиром) Бен Белла заявил: «Эвианские соглашения не завершают революцию. Революция продолжается»[27], а через несколько дней уточнил: «Алжирская республика будет социалистическим государством». Отмежевываясь от стремления приспособиться к тому, «что говорила о развитии алжирской революции деголлевская Франция», Бен Белла в то же время ориентировался на Египет, подчеркивая, что для него «главный смысл панарабских усилий был в революционном единстве народов арабских земель». Этим объясняется изменение отношения к нему в западной прессе. Ранее обвинявшая его в панарабском экстремизме, она теперь высказывалась порою так: «В Бен Белле нет ничего от доктринера-экстремиста. Он большой поклонник остепенившегося Насера»[28].

Налицо была эволюция взглядов Бен Беллы от весьма общего и социально неопределенного национализма к ориентации на социализм и революционный демократизм. Во время триумфальной поездки министров-узников по Египту, Ираку и Ливии Бен Белла все четче формулировал свою новую позицию: «Мы внимательно следим за великим экспериментом, который СССР осуществляет со времени своей революции. Мы можем извлечь из него полезные уроки, которые следует учесть при преобразовании Алжира... Усиление социалистического лагеря, изменив соотношение сил на международной арене, создало благоприятные условия для успеха нашей революции»[29]. Позже он указал на главную социальную силу: «Наша революция будет развиваться, пока не достигнет своих целей. Первейшая из них — аграрная революция. Существует миллион алжирских семей, не имеющих ни пяди земли, и АНО на 80% состоит из крестьян. Алжирская революция должна будет держать винтовку в левой руке и плуг в правой»[30].

Бен Белла первым из лидеров ФНО заговорил после Эвиана о социализме. Вслед за ним о том же заговорили другие деятели ВПАР, для которых, по словам Бен Беллы, «быть «демократом», быть «социалистом», быть «передовым» означало не более чем распивать спиртное в компании друзей-европейцев»[31]. Комиссия НСАР во главе с Бен Беллой представила II съезду ФНО в Триполи 25 мая — 6 июня 1962 г. проект программы, в котором народная демократическая революция понималась как «сознательное созидание на основе социалистических принципов и народовластия». Критикуя «политические недостатки ФНО» — патернализм, авторитаризм, «феодальный дух», — проект считал творцами революции «крестьянство, трудящихся вообще, молодежь и революционных интеллигентов».

Выступая против империализма и «социально привилегированных слоев», авторы проекта подчеркивали: «Буржуазия является носительницей оппортунистической идеологии, характерные черты которой — пораженчество, демагогия, панические настроения, беспринципность и отсутствие революционных убеждений, т. е. все то, что прокладывает путь неоколониализму. Бдительность требует немедленной борьбы с этой опасностью и предотвращения путем соответствующих мер расширения экономической базы буржуазии, связанной с неоколониальным капитализмом». Проект выступал за сохранение сложившихся отношений со странами социализма, экономическое планирование, кооперацию, национализацию части средств производства и транспорта, участие трудящихся в управлении экономикой и прибылях[32].

Триполийская программа, проект которой был принят съездом, оказалась более конкретной, демократичной и социально ориентированной, чем Суммамская 1956 года. Конечно, основное заключалось «не столько в выработке программы, сколько в том, кто и как ее будет применять»[33].

Триполийский съезд положил начало расколу в ФНО, внутри которого разгорелась борьба за власть в Алжире. Когда приступили к выборам Политбюро, взаимные обвинения достигли такого накала, что едва не дошло до стрельбы. Скомпрометированные коррупцией, связями с Францией, фракционными маневрами и диктаторскими действиями члены ВПАР были забаллотированы, а пять «узников», не причастных ко всему этому, получили более двух третей голосов. ВПАР отказалось признать эти результаты и самый факт созыва съезда, «попытавшись конфисковать революцию в свою пользу и обречь на бездействие Триполийскую программу»[34]. Так началось «постыдное лето» 1962 года. ВПАР и генштаб АНО перешли чуть ли не к открытой борьбе, от которой Бен Белла их удерживал. Узнав о слежке со стороны спецслужб ВПАР, он накануне референдума вылетел в Ливию. Тем временем ВПАР сместило генштаб АНО и начало переговоры с французами о недопущении «внешней» АНО в Алжир.

1 июля 1962 г. 99% алжирцев проголосовали за независимость страны. Но их родина погрузилась в пучину анархии. Авторитет и ВПАР, и генштаба АНО был скорее номинальным, чем реальным. Вилайи имели большую свободу действий. В Алжире действовала масса национальных и относительно независимых центров власти: ВПАР, 6 вилай, генштаб АНО, федерация ФНО во Франции (располагавшая кадрами и финансовыми средствами) и «исторические вожди-узники», имевшие авторитет ввиду их прежнего вклада в революцию и заключения во французских тюрьмах. Кроме того, среди европейцев, чей массовый отъезд продолжался до осени 1962 г., оставалась влиятельной ОАС, соперничавшая с сохранявшимися в Алжире французской армией, полицией и администрацией, подчинявшейся верховному комиссару Франции. Ее правительство с апреля 1962 г. сотрудничало с ВПАР. Посредником выступал Временный исполнительный орган (ВИО) — франко-алжирский комитет, который до выборов вел текущие дела, опираясь на 40 тыс. алжирцев, ранее служивших во французской армии[35].

Все эти группировки конкурировали, теснили друг друга, оспаривали прерогативы. На фоне многовластия, а фактически безвластия ожесточенная борьба внутри ФНО привела в августе 1962 г. к отстранению ВПАР и утверждению у руководства страной Политбюро ФНО, из которого ушли из-за разногласий с Бен Беллой два «узника», Айт Ахмед и Будиаф. Первый, выходец из духовной аристократии марабутов (мистиков-дервишей), ревниво относился к славе Бен Беллы, заменившего его в свое время во главе ОС, пренебрежительно называл Бен Беллу «всего лишь сержантом» и распространял слух, будто научил его читать. Разбираясь в марксизме, Айт Ахмед склонялся к социал-демократической его трактовке и обвинял Бен Беллу в псевдосоциализме. Позже он заявил, что Бен Белла, «как многие буржуа, заимствовал у русской революции только ее ошибки, осужденные и исправленные самими советскими людьми»[36].

Будиаф, наиболее экстремистски настроенный из числа «узников», был близок к троцкистам. Он и Бен Белла после пяти лет совместного заключения в камере не могли выносить друг друга. Будиаф, как и Айт Ахмед, будучи кабилом, сблизился после освобождения с лидером партизан Кабилии, фактически руководившим ВПАР, Белькасемом Кримом. После капитуляции ВПАР они вдвоем создали в Тизи-Узу Комитет защиты революции, от имени которого Будиаф призвал сражаться «до последней капли крови против диктатуры личности». Будиаф и Крим попытались создать движение Сопротивления, основанное на кабильском партикуляризме[37].

Формально Бен Белла не был главой Политбюро (генеральным секретарем стал М. Хидер), но на деле он его возглавил. После борьбы с ВПАР ему пришлось выдержать еще более жестокую борьбу с вилайизмом. Оставив Политбюро номинальную власть, вилайи не собирались отдавать реальную, проводили поборы и реквизиции, заключали сделки с иностранцами и «набирали в свои ряды, наряду с честными активистами, сомнительные и неконтролируемые элементы», которые совершили ряд преступлений: жена консула Швеции была изнасилована на глазах ее мужа, машина консула Италии обстреляна, два бельгийца зарезаны, убиты учителя-французы и пр.

Позднее Бумедьен, ставший тогда на сторону Политбюро ФНО, говорил: «Мы получили страну сразу без власти и без экономики. Более того, миллионы алжирцев, вышедших из концлагерей и тюрем, стали сами по себе трудной социальной проблемой. Добавьте к этому дух регионализма, борьбу за власть и богатство, а также серьезные волнения во всех районах страны... попытки распылить армию, единственную стабильную силу и условие успеха, посеять рознь между борцами». К концу лета 1962 г. Политбюро под давлением «вилайистов» покинуло столицу, и тогда Бумедьен, реорганизовав АНО в Национальную народную армию (ННА), двинул ее на вилайистов и быстро разгромил их[38].

После всеобщих выборов в независимом Алжире в сентябре 1962 г. Бен Белла

возглавил правительство провозглашенной 26 сентября Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР). Выступая в ООН через неделю, он не позволил себе никаких выпадов против Франции и взял курс на лояльное сотрудничество с нею, в котором Алжир явно нуждался. Вместе с тем он выразил «благодарность братским арабским странам, африканским и азиатским странам, социалистическим странам» и сказал: «Превращение колониального раба в нового человека-созидателя — вот задача, которой мы будем руководствоваться в нашей внутренней политике». На приеме по случаю вступления АНДР в ООН он запретил подавать спиртное, несмотря на предупреждение, что американцы иначе не придут; «но они пришли толпой и целых два часа мужественно пили лимонад»[39].

Бен Белла встречался с президентом США Дж. Кеннеди, который был ему симпатичен. Он заметил президенту: «За что вы преследуете Кастро?.. Предупреждаю, если вы с нами поведете себя, как с ним, то будете иметь вторую Кубу в Африке». Бен Белла отправился в Гавану, несмотря на предупреждения о возможном нападении на его самолет «антикастровских летчиков». Встреча с Ф. Кастро оказалась сверхтрогательной. «Я тщательно готовил мою речь на испанском языке, — вспоминал Бен Белла, — но, волнуясь, сделал много ошибок и плохо ее произнес. Однако это ничего не значило для моих слушателей, откликавшихся на каждую мою фразу аплодисментами». Там же он встретился с детьми шахидов (погибших бойцов АНО), жившими на Кубе уже два года.

По возвращении Бен Белла, всегда выступавший против многопартийности, стал приводить Кубу в качестве примера однопартийного режима, осуществившего слияние националистов и коммунистов в рамках единой партии, и 30 ноября 1962 г. Алжирская компартия (АКП) была запрещена. Это не сопровождалось репрессиями против ее актива. Продолжала выходить и стала самой читаемой в стране ее прежняя газета «Alger républicain». Ее директорами были члены Политбюро АКП Анри Аллег и Буалем Хальфа, главным редактором — член ЦК АКП Абдальхамид Бензин. АКП, насчитывавшая к 1963 г. до 7 тыс. человек, сохранила возможность работы в массовых организациях[40].

Впоследствии ходили слухи о том, что Бен Белла пошел на запрет АКП под давлением исламистов и националистов из своего окружения, прежде всего — Хидера, известного своим антикоммунизмом. А после отстранения Хидера в апреле 1963 г. Бен Белла сказал: «Мы никогда не будем проводить политику антикоммунизма в нашей стране». Нам думается, что Бен Белла хотел урегулировать отношения с коммунистами «по-кубински», то есть подчинив их себе. Как он признавался позже, «в человеческом плане я испытываю большое уважение к борцам-коммунистам... Они готовы в любой момент пожертвовать всем, в том числе свободой и жизнью, ради своего политического идеала. Я считаю, что они правы также в плане экономического анализа. Лишь в плане философии я отделяю себя от них. Они атеисты, а я верую в Бога... Однако я не понимаю, почему верующий-мусульманин или христианин не может договориться с активным коммунистом по поводу земных дел»[41].

Правительство Бен Беллы начало править в стране, находившейся в состоянии экономического развала и политической анархии. «Общественный порядок ежедневно нарушался, участились случаи грабежей и убийств. Безопасность людей и имущества находилась под постоянной угрозой. Государственной власти практически не существовало. Администрация постепенно распадалась... Большинство земель, ферм, виноградников было брошено. Не работали торговые и промышленные предприятия... Нищета и безработица становились уделом все более широких слоев населения. В то же время из-за отсутствия серьезного экономического контроля цены непрестанно повышались, а сделки с недвижимым имуществом породили чудовищную спекуляцию; осенью 1962 г. безработица охватывала 45% самодеятельного населения»[42].

Восстановление нормальной жизни стало главной задачей. Правительству удалось получить от Франции безвозмездную финансовую помощь, добиться возобновления производства на ряде французских предприятий, привлечь специалистов из других стран, использовать их кредиты, а также долгосрочные займы от СССР (550 млн.), Кувейта (270 млн.), Китая (250 млн.) и Югославии (100 млн. долл.). Правительство поддержало захват трудящимися брошенных бежавшими европейцами ферм и предприятий, узаконило избранные на этих объектах органы самоуправления. В дальнейшем Бен Белла не без влияния своего советника Мишеля Пабло (т. е. председателя IV Интернационала Микаэлиса Раптиса) и других левых экстремистов взял решительный курс на внедрение «самоуправленческого социализма».

В марте 1963 г. все бесхозное имущество было передано выборным комитетам, летом 1963 г. под их контроль перешли перекупленные у европейцев магазины, кафе и рестораны, осенью 1963 г. — земли, остававшиеся еще собственностью иностранцев, в 1964 г. сфера самоуправления охватывала 413 предприятий и 3,1 млн га лучших земель, на которых трудились около 300 тыс. работников, объединенных в две с лишним тысячи производственных коллективов. В сельском хозяйстве самоуправление давало 60% стоимости всей продукции, в промышленности — 20%, хотя оно распространялось лишь на 10% занятых лиц в сельском хозяйстве и 12% — в промышленности[43]. Правительство Бен Беллы, опираясь на энтузиазм масс и помощь извне, вывело Алжир из кризиса.

Противоречиво эволюционировала его внутренняя политика. Вслед за запретом АКП последовали другие авторитарные меры, включая приручение профсоюзов и воздействие на редакцию «Alger républicain». Имело место и влияние Хидера, который хотел превратить ФНО в партию собственнического крестьянства, мелкой и средней буржуазии[44]. Это противоречило стремлению Бен Беллы создать партию рабочих, крестьян и революционной интеллигенции, руководствующуюся принципами популистского социализма. Пока разногласия с Хидером не обозначились, Бен Белла соглашался с его стремлением подчинить жизнь страны аппарату ФНО. Постепенно Хидер стал противником, опиравшимся на сколоченную им партократию, карьеристов и случайных людей. Даже зять Хидера Айт Ахмед, переживший вместе с ним эмиграцию и заключение, признавал: «Хидер несет ответственность за то, что открыл двери в псевдопартию оппортунистам», чего ФНО так и не удалось в дальнейшем преодолеть.

Разногласия с Бумедьеном (Хидер, опасаясь влияния армии, требовал ее «ухода в казармы») привели к отставке Хидера с поста генсека ФНО в апреле 1963 г., и этот пост занял Бен Белла, заявивший, «что все здоровые силы должны вносить вклад в общее дело строительства нашей страны... И для коммунистов двери открыты», но они могут работать лишь как активисты ФНО. В его представлении это должна быть «партия-авангард», от которой требуется только одно: «быть повсюду лучшей из всех»[45].

В сентябре 1963 г. была провозглашена новая конституция. Президентом АНДР избрали Бен Беллу. Его популярность достигла наивысшей степени. На митингах массы людей скандировали «Да здравствует Бен Белла!» чуть ли не после каждой его фразы. Бывшие противники стремились помириться с ним, иные попали в заключение, в том числе прежний глава ВПАР Ф. Аббас и Будиаф, который затем из тюрьмы уехал во Францию и продолжил нападки на Бен Беллу. Айт Ахмед, создавший чисто кабильскую партию — Фронт социалистических сил (ФСС), — поднял антиправительственный мятеж, длившийся до конца 1964 года. Взятый в плен и приговоренный к смерти, он был помилован Бен Беллой.

В апреле 1964 г. состоялся III съезд ФНО, переизбравший Бен Беллу генеральным секретарем. Была разработана новая программа ФНО — Алжирская хартия, провозгласившая самоуправление формой «непрерывного развития национальной народной революции в революцию социалистическую» и предостерегавшая против «формирующейся бюрократической буржуазии», которая может стать «более опасной для социалистического и демократического развития революции, чем любая другая социальная сила в стране». Выступая за нейтрализацию средних слоев, авторы хартии утверждали, что «революционная власть не может себе позволить никакой паузы в борьбе против эксплуататорской частной собственности». Съезд постановил принимать в ряды ФНО прежде всего рабочих и бедных крестьян, а также «последовательных революционеров, еще находившихся вне его рядов». Эксплуатация наемного труда объявлялась несовместимой с пребыванием в ФНО[46].

Основными авторами хартии были близкие к марксизму (в троцкистской или маоистской интерпретации) левые бенбеллисты Х. Захуан, А. Зердани, М. Харби. Идеи самого Бен Беллы, выступавшего на съезде с основным докладом, также нашли отражение в хартии. Политическая борьба в стране опять обострилась. Летом 1964 г. был подавлен мятеж члена Политбюро ФНО полковника Шаабани,

который был допрошен под пыткой и казнен «за контрреволюционные действия в угоду иностранным интересам». Личный советник Бен Беллы потом писал, что с казнью Шаабани окончилась обещанная Бен Беллой «революция без тюрем и виселиц»[47].

Противники Бен Беллы распространяли слухи, что он держится у власти «исключительно поддержкой извне, которую оказывают коммунисты». Действительно, Бен Белла как стихийный социалист народнического толка испытывал симпатии к марксизму. Но его отношение к коммунистам было прагматическим, вытекавшим из его симпатий к СССР, Китаю, Югославии и Кубе. «Если бы не существовало Советской страны, — говорил он, — ее следовало бы создать, так как существует капитализм». Он заявил также, что для него «Кастро — брат, Насер — учитель, но Тито — образец»[48]. Предпочтение Югославии определялось сопоставлением партизанской войны в Югославии с историей алжирской революции, независимой позицией Югославии на международной арене, заимствованием югославского опыта рабочего самоуправления и личным авторитетом И. Броз Тито, оказывавшего сильное влияние на многих арабских руководителей.

Находясь в СССР с официальным визитом с 25 апреля по 7 мая 1964 г., Бен Белла указывал на сходство СССР и Алжира: «Наша система управления осуществляется самими трудящимися в рамках национального производственного плана и на основе коллективной материальной заинтересованности трудящихся в росте производительности труда». Это сопровождалось подчеркиванием специфики алжирского социализма, который трактовался как «основанный на алжирской действительности арабский и мусульманский социализм», а с другой стороны — упором на то, что советско-алжирские отношения могут «служить примером того искреннего и бескорыстного сотрудничества, какое должно существовать между страной, только что добившейся независимости... и страной, которая хочет помочь ей».

Алжир считали тогда «африканской Кубой», и отношение к Бен Белле было соответствующим. «Нас радует то, что сказал товарищ Бен Белла, — говорил Н. С. Хрущев, — что вы будете строить жизнь на социалистических началах, что в своем строительстве вы будете руководствоваться научным социализмом»[49]. Бен Белле присудили международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» и присвоили ему звание Героя Советского Союза.

Все это раздражало Запад и правые силы в Алжире. Хотя Бен Белла демонстрировал свою принадлежность к арабизму и исламу, его поступки перечеркивались в глазах консерваторов хотя бы такой его фразой: «Мы верующие, но это не мешает нам быть революционерами». Росла пропасть между президентом и верхушкой армии во главе с Бумедьеном. Стали известны слова Бумедьена о кабинете Бен Беллы, высказанные еще осенью 1962 г.: «Я решил пройти с этим правительством часть пути. А там будет видно». В дальнейшем расхождения нарастали. Бумедьен и его сторонники добились невключения в текст конституции 1963 г. принципа самоуправления, расправились с Шаабани вопреки Бен Белле и возмущались помилованием Айт Ахмеда: «Пока мы лили кровь, — говорил Бумедьен про Бен Беллу, — он занимался миротворчеством и выгадывал за наш счет. Он хотел представить нас кровопийцами, а себя милосердным»[50].

Новые экономические трудности, выявившиеся к 1965 г., брожение в профсоюзах, неэффективность госаппарата и аппарата ФНО, разногласия Бен Беллы с другими его лидерами, включая всех оставшихся в живых «исторических вождей», усугубляли ситуацию. Сыграли роль и его личные промахи. Он переоценивал свои возможности в противостоянии армии, став как бы жертвой ошибки в смешении формальной силы и фактической[51]. Революционный романтизм, уверенность в поддержке большинства народа, энтузиазм многолюдных митингов рождали в нем иллюзии. Он воплощал «правительство трибуны и микрофона, достоинство которого — наличие лидера, схватывающего и чувствующего настроения масс, выражающего их страсти и надежды, недостаток же состоял в неспособности уловить момент отчуждения».

Методы его работы были беспорядочными. Он всех принимал и выслушивал, во все старался вникать сам, хотел «все видеть, все прочитать и все знать»[52]. Вот характеристика, данная ему алжирскими коммунистами: «Несомненно, его имя связывалось прежде всего с борьбой за независимость и революционными мерами; бесспорно, он завоевал массы своим народным говором, улыбкой и человеческой теплотой. Но за всем этим стоял человек, не изучавший проблем, полный благородных, но смутных идей, не имеющий серьезных идеологических основ, действующий импульсивно, импровизируя, через личные связи и «комбинации», решая все один, минуя законные инстанции и упиваясь рассчитанной лестью окружавших его приспособленцев»[53].

Переоценивая значение личных связей, Бен Белла не замечал, как политические разногласия отдаляли от него многих бывших соратников. Он не всегда понимал социальный подтекст персональных амбиций. Его меры против бюрократии, наряду со стремлением сохранить за собой роль арбитра, превращались в серию разрозненных и не всегда объяснимых актов волюнтаризма. Усиливалось недовольство армии, ибо наиболее дееспособная часть бюрократии вышла из армейского офицерства. Обострились столкновения Бен Беллы с Бумедьеном. Отношения между ними практически прекратились, когда первый решил в мае 1965 г. снять близкого к Бумедьену министра Бутефлику.

19 июня 1965 г. Бен Белла был свергнут военными. Его место занял Революционный совет во главе с Бумедьеном. Увезенный сначала в министерство обороны, потом в военный лагерь, Бен Белла исчез на 14 лет: он был не только вычеркнут из политической истории, но и скомпрометирован. В декларации Революционного совета осуждались его «патологическое властолюбие», «авантюризм и политическое шарлатанство», «плохое управление национальным имуществом, разбазаривание казны, неустойчивость, демагогия, анархия, ложь и импровизация»[54]. Вплоть до 1966 г. велись разговоры о судебном процессе над ним. Однако этот процесс не состоялся. Не была опубликована и обещанная новыми властями Белая книга о «хищениях» и «государственной измене» Бен Беллы. Вокруг содержавшегося под стражей свергнутого президента был организован заговор молчания, его имя запрещено было упоминать. Даже в частных разговорах алжирцы называли его «известный активист».

Свержение Бен Беллы имело последствия. Демонстрации в его поддержку, особенно молодежи и женщин, не прекращались в главных городах страны примерно неделю, но были подавлены. До конца 1965 г. в Алжире распространялись листовки в его защиту, ходили слухи о попытках его освобождения. Вплоть до 1967 г. Революционный совет и Бумедьен выслушивали различные упреки многих руководителей стран Азии, Африки и Латинской Америки. А в 1969 г. Бумедьен сообщил, что получил письмо от Бен Беллы с одобрением социальных мер Революционного совета, который национализировал основную часть иностранной собственности в Алжире и реорганизовал систему самоуправления.

О жизни Бен Беллы в его третьем заключении известно мало. По словам посла АНДР в СССР в 1965—1970 гг. Омара Уседдыка, Бен Белла мог смотреть по телевизору футбольные матчи, его посещала мать, а после ее смерти — сестра. Бен Белла обзавелся в заключении семьей: его женой стала молодая журналистка, критиковавшая его, когда он был президентом, с левоэкстремистских позиций. Ей разрешили видеться с ним раз в неделю, и ими были удочерены две малолетние сиротки. Постепенно условия заключения смягчались, а 4 июля 1979 г. он был фактически освобожден и переведен как бы в ссылку в Мсилу, местечко к юго-востоку от столицы. 1 ноября 1979 г. было объявлено о его предстоящем полном освобождении. Оно стало фактом 1 ноября 1980 г., но еще до того он поселился в г. Алжир. Выйдя на свободу, Бен Белла в первых же интервью обратил внимание на необоснованность выдвинутых против него обвинений. Ему было уже за 60, но он был полон энергии и замыслов. И все же это был уже другой человек. 14 лет ему разрешали читать лишь Коран, что отразилось на его образе мыслей. Его религиозность, и раньше немалая, возросла, как и его разочарованность в идеях социализма, перехваченных у него свергнувшими его путчистами, особенно умершим в 1978 г. Бумедьеном. Бен Белла совершил в 1980 г. паломничество к могиле Мессали и написал предисловие к мемуарам своего былого учителя-врага, с которым ему пришлось вести ожесточенную борьбу в годы революции. Теперь Бен Белла счел разногласия с ним «шумом жизни и треском слов» и признал, что Алжир многим обязан Мессали, прежде всего «фантастическим пламенем ноября 1954 г.», а также «национализмом, не отошедшим от Бога, как на Западе, а выросшим из наших верований и оплодотворенным нашей верой в Аллаха, исламом»[55].

В июне 1981 г. Бен Белла уехал с семьей из Алжира и совершил паломничество в Мекку, потом эмигрировал во Францию. Там он начал политическую борьбу с руководством ФНО, в связи с чем власти Франции, не желая обострения отношений с Алжиром, выслали Бен Беллу в Швейцарию. Оттуда он продолжал руководить созданным в мае 1984 г. Движением за демократию в Алжире, действовавшим среди алжирских эмигрантов.

Новые условия политической деятельности продиктовали ему тактику поведения. Среди алжирцев во Франции преобладали кабилы и другие берберы. Поэтому Бен Белла, в 1963 г. настаивавший на том, что алжирцы — это «арабы, арабы, арабы!», в 1981 г. заявил: «Арабов с арабской кровью среди нас очень мало. Мы берберы, и Бен Белла тоже бербер». Учитывая популярные среди кабилов демократические традиции Франции, Бен Белла вопреки тому, что он говорил и делал в 1962—1965 гг., развернул критику «однопартийного режима», призывая «переходить к плюрализму и учиться демократии». Стараясь привлечь на свою сторону усиливавшихся в Алжире исламистов, он изображал руководителей ФНО «плохими мусульманами»[56].

До 1988 г. сторонники Бен Беллы в Алжире не имели возможности вести политическую деятельность и упоминались лишь в иностранных сообщениях о раскрытых там группах вооруженного подполья. Некоторые из них действительно были связаны с ДДА. Серьезной политической силой их не считали. Власти были озабочены действиями более влиятельных исламистов и берберистов. Только после октября 1988 г., когда при разгоне бунтовавшей молодежи было убито свыше 1 тыс. человек, и признания новой конституцией 1989 г. принципа многопартийности ДДА активизировалось, стало организовывать митинги и издавать свою газету.

В мае 1989 г. Бен Белла объявил о намерении вернуться в Алжир, что смог осуществить спустя 16 месяцев. Он декларировал свое стремление «стать алжирским де Голлем». Но ситуация в Алжире сегодня сложнее, чем во Франции 60-х годов. В принципе речь идет о том, кем реально хочет быть Бен Белла: прежним или каким-то новым. Каким?

Сегодня Бен Белла признает, что совершил немало ошибок, особенно при поспешной национализации некоторых видов собственности. Но он не спешит осуждать тех, кто сверг его в 1965 г., и считает месть не лучшим средством в политике. Бен Белла всю жизнь занимался самообразованием, читал Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Он широко смотрит на жизнь, отметая ненависть, горечь и озлобленность.

Вернувшись на родину, Бен Белла заявил, что он не намерен бороться за возвращение к власти, если только его об этом не попросят. С лета 1990 г. ситуация в Алжире постоянно обострялась. Продолжалось падение авторитета ФНО. Исламскими фундаменталистами в мае—июне 1991 г. были организованы массовые выступления и кровопролитные столкновения с войсками. Правительство вынуждено было назначить досрочные выборы президента и Национального народного собрания. В этих условиях 73-летний Бен Белла выдвинул свою кандидатуру на пост президента.

Примечания

1. Le Monde, 28.IX. 1990; El Moudjahid, Alger, 26.IX.1990.
2. MERLE R. Ahmed Ben Bella. Le Mesnil-sur-l'Estrée. 1965, p. 23.
3. Ibid., pp. 24, 26, 28.
4. JUIN A. Mémoires: Alger — Tunis — Rome. P. 1959, p. 361.
5. MERLE R. Op. cit., pp. 43, 59.
6. KADDACHE M. Histoire du nationalisme algérien. T. II. Alger. 1980, p. 718.
7. ARON R., LAVAGNE F., FELLER J., GARNIER-RIZET Y. Des origines de la guerre d'Algérie. P. 1962, p. 312; NAEGELEN M.-E. Mission en Algérie. P. 1962, p. 21; COURRIÈRE G. Les fils de la Toussaint. P. 1968, p. 51; HARBI M. Aux origines du FLN: le populisme révolutionnaire en Algérie. P. 1975, p. 118.
8. AIT AHMED H. La guerre et l'aprés-guerre. P. 1964, p. 189.
9. MERLE R. Op. cit., p. 74.

10. HARBI M. Op. cit., p. 118; MERLE R. Op. cit., pp. 77—78.
11. MERLE R. Op. cit., pp. 81—83.
12. Народы Азии и Африки, 1981, № 1, с. 119.
13. MERLE R. Op. cit., p. 94.
14. QUANDT W. B. Revolution and Political Leadership: Algeria, 1954—1968. Cambridge (Mass.). 1969, p. 84.
15. FAUCHER J. L'Algérie rebelle. P. 1957, pp. 119—120; DUCHEMIN J. Histoire du FLN. P. 1962, pp. 98—103, 246; HEGGOY A. Insurgency and Counterinsurgency in Algeria. Bloomington. 1972, p. 113.
16. АРГЕНТОВ В. А. Алжир на новом пути. М. 1982, с. 17.
17. FRANCOS A., SÉRÉNI J. P. Un Algérien nommé Boumediène. P. 1976, p. 67.
18. SOUSTELLE J. Aimée et souffrante Algérie. P. 1956, p. 19; BROMBERGER S. Les rebelles algériens. P. 1958, p. 87; LE TOURNEAU R. Évolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. P. 1962, p. 390; COURRIÈRE Y. Le temps de Léopards. P. 1969, p. 87.
19. MERLE R. Op. cit., pp. 105—110.
20. MERLE R. Op. cit., pp. 123, 124; ALLEG H., HAUDIQUET P. La Guerre d'Algérie. T. 2. P. 1981, p. 268.
21. Новейшая история арабских стран Африки. М. 1990, с. 229.
22. PAILLAT C. Dossier secret de l'Algérie. P. 1961, p. 174.
23. Les manifestations des Algériens d'Octobre 1961 et la repression colonialiste en France. S. 1., Décembre 1961, pp. 18—25.
24. El Moudjahid (hebdo), Tunis, 19.III.1962; КИРЕЙ Н. И. Алжир и Франция. М. 1973, с. 18—26.
25. The Daily Telegraph, 5.XI.1960; Le Monde, 12—13. VIII. 1962; Аль-Ахрам, 25.VI.1965; QUANDT W. Op. cit., p. 172.
26. LEBJAOUI M. Verités sur la révolution algérienne. P. 1970, p. 169; MERLE R. Op. cit., pp. 128—129.
27. El Moudjahid (hebdo), 11.IV.1962.
28. Le Figaro, 2.V.1962; Ахбар аль-Яум, 31.III.1962; OPLUŠTIL V. Zákruty alžirské revoluce. Praha. 1966, s. 44—45.
29. El Moudjahid (hebdo), 11.IV.1962.
30. Le Monde, 20.IV.1962.
31. MERLE R. Op. cit., pp. 135, 149.
32. Alger républicain, 2—3.IX.1962.
33. Le Monde, 2.XI.1962.
34. QUANDT W. Op. cit., p. 169; L'Humanite, 30.VII.1962; MERLE R. Op. cit., p. 138.
35. КИРЕЙ Н. И. Ук. соч., с. 32—34.
36. Drapeau Rouge, Bruxelles, 8.X.1963.
37. QUANDT W. Op. cit., p. 172; Alger républicain, 29—30.VII.1962; MERLE R. Op. cit., pp. 138, 142—143.
38. Discours du président Boumediène. T.IV. Alger. 1975, p. 72; Alger républicain, 29.VIII.1962.
39. БЕН БЕЛЛА А. Речи и выступления. М. 1964, с. 44, 47; MERLE R. Op. cit., p. 148.
40. MERLE R. Op. cit., pp. 154—156; BUY F. La République Algérienne Democratique et Populaire. P. 1965, p. 53.
41. БЕН БЕЛЛА А. Ук. соч., с. 106; MERLE R. Op. cit., pp. 166—167.
42. БЕН БЕЛЛА А. Ук. соч., с. 73; Annuaire économique de l'Algérie. Alger. 1964, p. 68.
43. Maghreb, P., 1964, № 4, pp. 35—37; Alger républicain, 24.XI.1964; Democratie Nouvelle, 1965, № 6, p. 91; Rapport au Gouvernement de l'Algerie sur la securite sociale. Bureau International du Travail. Gènéve. 1964, p. 21; Algérie, An II, Annaba, 1964, pp. 226—227.
44. KHALFA B., ALLEG H., BENZINE A. La grande aventure «d'Alger republicain». P. 1987, p. 238; Le Monde, 23—24.IX.1962; BOURGÈS H. L'Algérie à l'epreuve du pouvoir. P. 1967, p. 94.
45. Le Monde, 10.I.1964; AIT AHMED H. Op. cit., p. 197; БЕН БЕЛЛА А. Ук. соч., с. 106, 108.
46. QUANDT W. Op. cit., p. 173; Charte d'Alger. Alger. 1964, pp. 39—42, 170.
47. HUMBARACI A. Algeria: a Revolution That Failed. Lnd. 1966, p. 92; BOURGÈS H. Op. cit., p. 116.
48. Drapeau Rouge, 17.VII.1964; БЕН БЕЛЛА А. Ук. соч., с. 106.
49. Нерушимая дружба и братство. М. 1964, с. 48, 136: БЕН БЕЛЛА А. Ук. соч., с. 152, 176.
50. Démocratie Nouvelle, 1965, № 6, p. 65; France Nouvelle, 23—29.VI.1965: Аль-Ахрам, 9.VII.1965.
51. GUERIN D. L'Algérie caporalisée. P. 1965, p. 2; Аль-Ахрам, 9.VII.1965.
52. Le Monde, 13.VII.1965; BOURGÈS H. Op. cit., pp. 118—119.
53. KHALFA B., ALLEG H., BENZINE A. Op. cit., p. 245.
54. Annuaire de l'Afrique du Nord. T. IV. Aix-en-Provence. 1966, pp. 627—629.
55. Les Mémoires de Messali Hadj. P. 1982, pp. 13—14.
56. DEJEUX J. Identité nationale, idéologie arabo-islamique et revendication berbérophone en Algérie. Turku. 1983, p. 29; Le Monde, 28.V.1984.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Первые послевоенные годы

В 1944 г. вся Украина была освобождена от гитлеровских захватчиков и их союзников. Мужское население соответствующих возрастов было призвано в Красную Армию, поскольку, когда наша армия продвигалась с боями вперед, пополнение шло главным образом за счет мобилизации тех людей, которые остались ранее на оккупированной врагом территории. Эти люди в своем большинстве с пониманием относились к выполнению гражданского долга, и их не приходилось особенно «уговаривать» идти драться с гитлеровской Германией. На долю тех, кто оставался дома — стариков, инвалидов и непригодных к военной службе, главным образом женщин, — сразу же выпало восстановление народного хозяйства, особенно сельского.

В промышленности, прежде всего угольной и металлургической, часть рабочих и инженерного персонала была освобождена от мобилизации. Зато в промышленность мобилизовывались женщины, особенно молодые девушки. Причем они шли туда охотно. Объяснение тому двоякое: с одной стороны, большую роль играли патриотизм и агитация Коммунистической партии, что нужно восстанавливать промышленность, что в этом состоит единственное спасение, возможность подъема жизненного уровня народа. С другой стороны, в западноукраинских районах снабжение было все-таки как-то организовано; например, питание населения было лучшим, чем в других районах Украины, особенно в 1946 году.

Угольной промышленностью занимался у нас Егор Трофимович Абакумов, специально откомандированный к нам как хороший знаток Донбасса. Тогда был взят правильный курс на строительство мелких шахт, на разработку верхних пластов, или, как их называют шахтеры, хвостов, то есть таких пластов, которые почти выходят на поверхность. Неглубокие шахты в старое время называли мышеловками. Было намечено побыстрее пройти несколько сотен таких шахт и за счет мелкой механизации, неглубоких разработок и наклонных стволов срочно получить нужное количество угля. И этот уголь был получен!

Восстанавливались также металлургия, машиностроение, местная промышленность. Восстановление шло ускоренными темпами. Можно было поражаться житейской цепкости людей, полному пониманию ими необходимости приложить все усилия, чтобы в ближайшее же время возродить промышленность и сельское

П р о д о л ж е н и е. Начало см. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—10.

хозяйство. Ведь война кончилась, постепенно прошли торжество Победы и радость народа по этому поводу, вернулись уцелевшие люди на заводы, в шахты, совхозы и колхозы. Восстановление пошло теперь еще более быстрыми темпами. Но через препятствия.

1946 год был очень засушливым, сельское хозяйство Украины сильно пострадало. Пострадали и другие республики, но о них я меньше могу рассказать. А Украину-то я знал. К осени того года вырисовывался ужасно плохой урожай. Я все делал для того, чтобы Сталин своевременно понял это. Неурожай был вызван тяжелыми климатическими условиями, а кроме того, слабой механизацией сельского хозяйства, подорванного отсутствием тракторов, лошадей, волов. Недоставало рабочей тягловой силы. Организация работ тоже была плохой; люди вернулись из армии, взялись за работу, но еще не притерся каждый как следует к своему месту, да и квалификация у одних была потеряна, а другие совсем ее не имели. В результате мы получили очень плохой урожай.

Не помню, какой нам тогда спустили план: что-то около 400 млн. пудов или даже больше. План устанавливался волевым методом, хотя в органах печати и в официальных документах он «обосновывался» научными данными, то есть снятием метровок и пересчетами биологического урожая со скидкой на собственные потери, на затраты содержания людей, скота и на товарные излишки. При этом исходили главным образом не из того, что будет выращено, а из того, сколько можно получить в принципе, выколотить у народа в закрома государства. И вот началось это выколачивание. Я видел, что год грозит катастрофой. Чем все закончится, трудно было предугадать.

Когда развернули заготовки и окончательно вырисовался урожай, можно было уже более или менее точно определить возможности заготовки зерна в фонды государства. К тому были приняты все меры, какие только возможны. Колхозники с пониманием отнеслись к выполнению своего долга и делали все, что в их силах, чтобы обеспечить страну хлебом. Украинцы сполна выстрадали такие чувства и в гражданскую войну, и при коллективизации, и когда республика была оккупирована. Они знали, что значит для страны хлеб, и знали ему цену, понимали, что без хлеба не получится восстановление промышленности. Кроме того, срабатывало доверие к Коммунистической партии, под чьим руководством была одержана Победа.

Но сверху к людям относились иначе. Я получал письма от председателей колхозов просто душераздирающие. Запали мне в память, например, строчки такого письма: «Вот, товарищ Хрущев, выполнили мы свой план хлебозаготовок полностью, сдали все, и у нас теперь ничего не осталось. Мы уверены, что держава и партия нас не забудут, что они придут к нам на помощь». Автор письма, следовательно, считал, что от меня зависит судьба крестьян. Ведь я был тогда Председателем Совета Народных Комиссаров Украины и Первым секретарем ЦК КП(б)У, и он полагал, что раз я возглавляю украинскую державу, то не забуду и крестьян. Я видел, что он обманывается. Ведь я не мог ничего сделать, при всем своем желании, потому что, когда хлеб сдается на государственный приемный пункт, я не властен распоряжаться им, а сам вынужден умолять оставить какое-то количество зерна, в котором мы нуждались. Что-то нам дали, но мало.

В целом я уже видел, что государственный план по хлебу не будет выполнен. Посадил я группу агрономов и экономистов за расчеты. Возглавил группу Старченко, хороший работник и честный человек. Я думал, что если откровенно доложить обо всем Сталину и доказать верность своих соображений цифрами, то он поверит нам. И мне удалось по некоторым вопросам преодолеть бюрократическое сопротивление аппарата и апеллировать непосредственно к Сталину. Если прежде я действовал, хорошо подобрав материалы и логично построив свои доказательства, то их правдивость брала верх. Тогда Сталин поддерживал меня. Я надеялся, что и на этот раз тоже докажу, что мы правы, и Сталин поймет, что тут не саботаж. Такого рода термины не заставляли себя ждать в Москве, где всегда находили оправдания и для репрессий, и для выколачивания колхозной продукции.

Сейчас не помню, какое количество хлеба я считал тогда возможным заготовить. Кажется, в записке, которую мы представили в Центр, мы писали о 180 или 200 млн. пудов с лишним. Это было, конечно, очень мало, потому что перед войной Украина вышла на ежегодный уровень 500 млн. пудов. Каждому было ясно, что

страна крайне нуждается в продуктах. И не только для собственного потребления: Сталин хотел оказать помощь новодемократическим странам, и особенно Польше и Восточной Германии, которые не смогли бы обойтись без нашей помощи. Сталин имел в виду создать будущих союзников и в мирных условиях, и на случай иных. Он уже обряжался в тогу военачальника возможных будущих походов.

А пока что назревал голод. Я поручил подготовить документ в Совмин СССР с показом наших нужд. Мы хотели, чтобы нам дали карточки с централизованным обеспечением не только городского, а и сельского населения каким-то количеством продуктов и кое-где просто организовали бы питание голодающих. Не помню сейчас, сколько миллионов таких продовольственных карточек мы просили. Но я сомневался в успехе, потому что знал Сталина, его жестокость и грубость. Меня старались переубедить мои товарищи по работе: «Мы договорились, что если вы подпишете этот документ на имя Сталина (а все такие документы адресовались только Сталину), то он даже не попадет ему в руки. Мы условились с Косыгиным (тогда Косыгин занимался этими вопросами). Он сказал, что вот столько-то миллионов карточек сможет нам дать».

Я долго колебался, но в конце концов подписал документ. Когда документ поступил в Москву, Сталин отдыхал в Сочи. О документе узнали Маленков и Берия. Думаю, что они решили использовать дело для дискредитации меня перед Сталиным и вместо того, чтобы решить вопрос (а они могли тогда решать вопросы от имени Сталина: многие документы, которых он и в глаза не видел, выходили в свет за его подписью), они послали наш документ к Сталину в Сочи. Сталин прислал мне грубейшую, оскорбительную телеграмму, где говорилось, что я сомнительный человек: пишу записки, в которых доказываю, что Украина не может выполнить госзаготовок, и прошу огромное количество карточек для прокормления людей. Эта телеграмма на меня подействовала убийственно. Я понимал трагедию, которая нависала не только лично над моей персоной, но и над украинским народом, над республикой: голод стал неизбежным и вскоре начался.

Сталин вернулся из Сочи в Москву, и тут же я приехал туда из Киева. Получил разнос, какой только был возможен. Я был ко всему готов, даже к тому, чтобы попасть в графу врагов народа. Тогда это делалось за один миг — только глазом успел моргнуть, как уже растворилась дверь, и ты очутился на Лубянке. Хотя я ублюдал, что записки, которые послал, отражают действительное положение дел и Украина нуждается в помощи, но лишь еще больше возбуждал в Сталине гнев. Мы ничего из Центра не получили. Пошел голод. Стали поступать сигналы, что люди умирают. Кое-где началось людоедство. Мне доложили, например, что нашли голову и ступни человеческих ног под мостом у Василькова (городка под Киевом). То есть труп пошел в пищу. Потом такие случаи участились.

Кириченко (он был тогда первым секретарем Одесского обкома партии) рассказывал, что, когда он приехал в какой-то колхоз проверить, как проводят люди зиму, ему сказали, чтобы он зашел к такой-то колхознице. Он зашел: «Ужасную я застал картину. Видел, как эта женщина на столе разрезала труп своего ребенка, не то мальчика, не то девочки, и приговаривала: «Вот уже Манечку съели, а теперь Ванечку засолим. Этого хватит на какое-то время». Эта женщина помешалась от голода и зарезала своих детей. Можете себе это представить?

Я докладывал обо всем Сталину, но в ответ вызывал лишь гнев: «Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы». Может быть, к Сталину поступали какие-то другие сведения, которым он тогда больше доверял? Не знаю. Зато знаю, что он считал, будто я поддаюсь местному украинскому влиянию, что на меня оказывают такое давление и я стал чуть ли не националистом, не заслуживающим доверия. К моим сообщениям Сталин стал относиться с заметной осторожностью. А откуда поступали другие сведения? Их докладывали чекисты или инструкторы ЦК ВКП(б), которые разъезжали по районам. Какая-то правдивая информация все же просачивалась к Сталину, но обычно ее очень боялись давать и припрятывали, чтобы «не нарваться», не поставить себя под удар, потому что Сталин реагировал очень резко. Он считал, что все под ним благоденствуют. Как писал Шевченко: «От молдаванина до финна на всех языках все молчит, бо благоденствует». Только Шевченко писал о времени Николая I, а тут Иосиф I.

Сталин поднял вопрос о том, что нужно созвать Пленум ЦК партии по сельскому хозяйству. Уж не помню, сколько лет не созывали пленумов. Наверное, с 1938 г., когда обсуждали в очередной раз вопрос о борьбе с врагами народа, а потом перегибы, которые были допущены в этой борьбе. Сталин тогда играл благородную роль борца против перегибов, которые сам же организовал. Итак, теперь он поднял наконец вопрос о Пленуме насчет подъема сельского хозяйства. Начали обсуждать, кому поручить сделать доклад. На заседании Политбюро Сталин рассуждал вслух: «Кому сделать доклад?» Тогда за сельское хозяйство персонально отвечал Маленков. «Маленкову? Он занимается этим делом. Какой же он сделает доклад, если даже терминов сельского хозяйства не знает?» Это было сказано при Маленкове. Причем абсолютно правильно. Удивительно только, как Сталин, зная Маленкова, поручил ему заниматься сельским хозяйством. Это меня давно интересовало. Ответить трудно. У Сталина все могло быть...

Вдруг он говорит мне: «Вы будете делать доклад». Я испугался такого поручения: «Товарищ Сталин, мне не поручайте, прошу вас». «Почему?» «Я мог бы сделать доклад об Украине, которую я знаю. Но я же не знаю Российской Федерации. О Сибири вообще понятия не имею, никогда там не был и не занимался этим делом. Собственно говоря, до Украины я вообще никогда не занимался сельским хозяйством, я сам ведь промышленник, занимался много промышленностью, а также коммунальным хозяйством Москвы. А Средняя Азия? Да я никогда не видел, как хлопок растет». Сталин настаивал: «Нет, вы сделаете доклад». «Нет, товарищ Сталин, очень прошу вас, освободите меня. Я не хочу ни подводить ЦК, ни ставить себя в глупое положение, взявшись сделать доклад на тему, которой я, собственно, не знаю. Доложить Пленуму я не смогу».

Он еще подумал: «Ну, хорошо, давайте поручим Андрееву». Андреев когда-то занимался сельским хозяйством и создал себе в партии славу знатока деревни. В сравнении с другими членами Политбюро он, конечно, лучше знал сельское хозяйство, хотя я был не особенно высокого мнения о его познаниях. Этот довольно сухой человек и формалист обычно пользовался своими записками или строил свои сообщения на основе записок других таких же знатоков сельского хозяйства. Во всяком случае, я был доволен, что меня миновала чаша сия. И Андрей Андреевич был утвержден докладчиком от ЦК на Пленуме. Тогда он являлся членом Политбюро и секретарем ЦК. Имелся еще какой-то комитет по сельскому хозяйству — некая надстройка между ЦК и Советом Министров СССР. Андреев был председателем или членом какого-то бюро в комитете. Данный суррогат был создан Сталиным, но не знаю, для чего он был нужен и в чем конкретно заключалась его роль.

Подошло время, был созван Пленум. Андрей Андреевич сделал доклад. Доклад получился стройный, логично построенный, как обычно у него бывало. Пленум проходил в Свердловском зале Кремля, президиум там маленький, сидели только члены Политбюро. Я находился рядом со Сталиным и видел, как он внимательно слушал. Объявили перерыв. Мы зашли в комнату отдыха, где собирались члены Президиума попить чаю. Иной раз там же и обедали, обменивались мнениями. Сели за стол, подали нам чай, и Сталин спрашивает меня: «Каково ваше мнение о докладе?» Говорю: «Докладчик осветил все вопросы». «Но вы же сидели совершенно безучастно. Я смотрел на вас». «Если вы хотите, чтобы я сказал вам правду, то, на мой взгляд, в докладе нужно было по-иному поставить вопросы. Затронуто все, но в трафаретном порядке». Он вскипел: «Вот вы отказались докладывать, а теперь критикуете». Я видел, что Сталин недоволен мной.

Началось обсуждение доклада. Многие выступили в прениях, я тоже. Совершенно не помню сейчас, какие вопросы я поднимал, скорее всего, говорил о текущих делах восстановления хозяйства Украины. Скажу лишь об одном. Тогда я считал важнейшими вопросами механизацию и семенное дело. В то время действовал закон о «первой заповеди» колхозника: сначала выполнить обязательства по поставкам государству, потом засыпку семян и фондов, потом — для распределения по трудодням. Я считал, что нужно нарушить эту заповедь, которую выдумал Сталин, и в первую очередь засыпать семена. Ведь в старое время единоличник, даже умирая, не съедал семена, потому что это будущее, это жизнь. Как же мы берем эти семена у крестьянина, а потом вынуждены давать ему же для посева зерно? Но уже неизвестно, что это за семена и из какого района пришли, насколько они акклиматизированы.

Мое выступление вызвало ярость Сталина. Была создана специальная комиссия, и Андрея Андреевича назначили ее председателем, а меня ввели в состав комиссии. Но еще более тяжелая туча нависла надо мной после выступления Мальцева, опытного работника, действительно хорошо знающего сельское хозяйство Урала. Он прекрасно вел свое хозяйство, а в выступлении рассказал, как у них обстоит дело и какие хорошие урожаи яровой пшеницы он получает. Как только он сказал о яровой пшенице, я сразу же почувствовал удар в самое больное место. Я ведь знал, что Сталин, не разобравшись, тут же вытащит вопрос о яровой пшенице и бросит его мне в лицо. Я-то выступал против сева яровой пшеницы в обязательном порядке, она менее урожайна на Украине, особенно на юге, хотя в некоторых колхозах она неплохо удавалась. Поэтому я считал, что пусть ее сеют колхозы, кто может, но не надо записывать обязательным решением, что каждый колхоз должен в определенных процентах посеять яровую пшеницу: ведь она иной раз даже семена не возвращала. Сталин этого не знал и знать не хотел. Хотя перед войной я как-то докладывал ему о яровой пшенице и он тогда согласился со мной, после чего было принято решение не обязывать все колхозы Украины сеять яровую пшеницу.

Как только был объявлен перерыв и мы зашли в комнату для отдыха, Сталин нервно и злобно бросил мне: «Слышали, что сказал Мальцев?» «Да, товарищ Сталин, но он же говорил об Урале. Если у нас, на Украине, самая урожайная культура — озимая пшеница, то на Урале ее совсем не сеют, а сеют только яровую пшеницу. Они ее изучили, умеют ее возделывать и получают хороший урожай, да и то не все хозяйства. Мальцев — это же мастер, академик в своем деле». «Нет, нет, если там яровая дает такой урожай, то тут у нас, — и он ударил себя по животу, — вот какие глубокие черноземы, урожай будет еще лучше. Надо записать в резолюцию». Говорю: «Если записывать, то запишите, что я отказывался. Все знают, что я против яровой пшеницы. Но если вы так считаете, то тогда записывайте и Северному Кавказу с Ростовской областью. Они в таком же положении, как и мы». «Нет, запишем только вам!» Дескать, я должен проявить инициативу, чтобы за мной пошли другие. В работе упомянутых комиссий, когда обсуждали этот вопрос, я тоже принимал участие, но не до конца. Пленум закончился, все разъехались по местам, и мне тоже надо было уехать. Подписывали ту резолюцию Маленков с Андреевым.

Когда я уезжал, то на комиссии поставил вопрос о том, что нужно отменить решение о «первой заповеди» колхозника, и предложил, чтобы семенной фонд засыпáли параллельно сдаче зерна государству в определенной пропорции. Конечно, тут была с моей стороны уступка. Но я считал, что даже так будет полезно, а то вообще ничего не оставляли. Все же в каких-то процентах пойдет зерно и государству, и в семенной фонд. Уехал я. Звонит мне Маленков спустя несколько дней и говорит: «Резолюция готова. Твое предложение о порядке засыпки семенного фонда в колхозах и в совхозах в резолюцию не включили, будем Сталину докладывать. Как ты считаешь, докладывать твое предложение отдельно или же совсем ничего ему не говорить?» Явно провокационный вопрос. Все знали, включая Сталина, что я этот вопрос поднимал на комиссии, боролся за это, а теперь, когда ставится вопрос, докладывать Сталину, то, если бы я сказал не докладывать, это оказалось бы проявлением трусости. Говорю: «Нет, товарищ Маленков. Прошу доложить товарищу Сталину мою точку зрения». «Хорошо!»

Доложили. Я узнал из нового звонка от Маленкова, что Сталин был страшно недоволен и мое предложение не приняли. Сталин просто взбесился, когда узнал о нем. После Пленума Сталин поднял вопрос о том, что надо будет оказать помощь Украине: «Надо подкрепить Хрущева, помочь ему. Украина разорена, а республика огромная и имеет большое значение для страны». Куда он клонил? «Я считаю, что надо послать туда, в помощь Хрущеву, Кагановича. Как вы на это смотрите?» — спросил он, обращаясь ко мне. Отвечаю: «Каганович был секретарем ЦК КП(б)У, знает Украину. Конечно, Украина — это такая страна, что там хватит дела не только для двух, а и на десяток людей». «Хорошо, послать туда Кагановича и Патоличева». Патоличев в то время был секретарем ЦК ВКП(б). Отвечаю: «Пожалуйста, это будет хорошо». Так и записали. Сталин предложил разделить посты Председателя Совмина Украины

и Первого секретаря ЦК КП(б)У. В свое время их объединили по его же предложению, а я тогда доказывал, что не нужно этого делать. Так было сделано на Украине и в Белоруссии. Не знаю, было ли проведено это и в других республиках. Сталин предложил: «Хрущев будет Председателем Совета Министров Украины, а Каганович — Первым секретарем ЦК. Патоличев же будет секретарем ЦК по сельскому хозяйству». Я опять говорю: «Хорошо».

Собрали мы Пленум на Украине. Пленум утвердил назначения, каждый сел на свое место и занялся своим делом. «Прежде всего, — говорю я Кагановичу и Патоличеву, — надо нам подготовиться к посевной. У нас нет семян. Кроме того, нам надо получить что-то, чтобы людей накормить: они же умирают, появилось людоедство. Ни о какой посевной не может быть и речи, если мы не организуем общественное питание. Вряд ли сейчас мы получим такое количество зерна, чтобы выдать ссуду, придется питать людей какой-то баландой, чтобы они с голоду не умирали. Ну и семена тоже надо получить». Поставили мы вопрос перед Москвой. Чтобы обеспечить урожай в 1947 г. и заложить зерно на 1948 г., следовало срочно получить семена. Если мы не получили бы семян, то нам и делать было бы нечего, потому что все вывезли из деревни по первой сталинской заповеди.

Уже давно было подсчитано, что нам необходимо. Мы вновь обратились с просьбой к Сталину и получили какое-то количество семян и продовольственную помощь. Шел уже февраль. В ту пору на юге начинается в отдельных местах сев, а в марте уже многие южные колхозы сеют хлеб. Так что в марте мы должны были быть готовы к массовому севу на юге, а в Киевской области заканчивали сев в апреле. Говорю Кагановичу: «Давайте подумаем, что делать». Он: «Надо поехать по Украине». Отвечаю: «Надо, но это сейчас не главное. Ты давно не был на Украине, вот и поезжай, а я останусь в Киеве. Сейчас ведь важно не то, что я поеду и где-то побуду в одном, двух, трех или пяти колхозах. Это никакого значения не имеет. Протолкнуть по железной дороге семена, вытолкнуть их в области, а из области в колхозы — вот сейчас главное, от чего будет зависеть успех посевной». Так мы и договорились. Каганович поехал в Полтавскую область, а я остался в Киеве диспетчером на телефоне — проталкивать семена и грузы, связанные с обеспечением посевной: запасные части, горючее, смазочные материалы.

Каганович, когда поездил по колхозам, убедился, что его должность Первого секретаря ко многому обязывает: положение очень тяжелое, колхозники шатаются от ветра, неработоспособны, истощены голодом и мрут. Потом он делился со мной впечатлениями об одном колхозе и о председателе этого колхоза Могильниченко. «Что за человек, — говорит, — не понимаю. Суровый, настойчивый. Наверное, у него будет урожай. Как выехал я в поле, уже пахали землю. Увидел я, что мелко пашут, и сказал: „Что же вы мелко пашете?“ Надо было знать Кагановича, чтобы понимать, как он сказал: гаркнул на председателя. А тот, хорошо знающий свое дело, ответил: „Як трэба, так и роблю“. „Вот сейчас вы мелко пашете, а потом будете хлеб просить у государства?“ „А я, — отвечает, — никогда, товарищ Каганович, у государства хлеба не просил. Я его сам государству даю“».

Я еще раньше предложил Кагановичу: «Ты едешь на село, пусть с тобой теперь поедет Коваль. Это агроном, он очень хорошо знает сельское хозяйство, и поэтому ты обращайся к нему за советами, он тебе подскажет. Это знающий свое дело человек». Коваль был тогда министром земледелия УССР. И вот Коваль увидел, что «наших бьют», бьют Первого секретаря, и кто? Председатель колхоза. Он к нему: «Что вы говорите, товарищ Могильниченко? Вот я — агроном, министр земледелия Украины, и я считаю, что вы пашете неправильно». Могильниченко глянул на него искоса и ответил: «Ну и что, что вы агроном и министр? Я, як трэба, так и буду сеять». И остался при своих убеждениях. Спустя год я к нему поехал специально познакомиться с ним и колхоз посмотреть. Да, этот человек действительно знал свое дело. Я увидел богатейший колхоз, который не только не имел недоимок, а за полгода вперед сдавал авансом государству все сельскохозяйственные продукты.

Что же обеспокоило Кагановича? Каганович ведь сказал: «Боюсь, что действительно у него будет хороший урожай по такой мелкой пахоте». Дело

заключалось в том, что Каганович приложил руку к борьбе против мелкой пахоты. Тогда велись буквально судебные процессы против буккера — орудия для поверхностной вспашки почвы. Сторонников пахоты буккером осуждали и ликвидировали. А тут вдруг Каганович встречает мелкую пахоту. Противозаконно! Между прочим, в свое время в Саратовской области развивалась теория буккера, и там какой-то профессор пострадал за нее, был сурово осужден.

Вот так началась вновь наша совместная деятельность с Кагановичем, теперь уже на Украине. Он искал какие-то возможности показать себя и решил, что должен отличиться в том, что Украина максимально перевыполнит план по росту промышленной продукции, особенно в местной промышленности. Когда Госплан УССР предложил свои цифры, я их рассмотрел раньше (как Председатель Совета Министров) и вынес на заседание Политбюро ЦК КП(б)У. Каганович на этом заседании все время смотрел то на цифры, то на меня: согласен ли я с ним? Я говорю: «Лазарь Моисеевич, можно принимать эти цифры, можно». «Нет, ты посмотри, какой рост!» «Так это же не годовой прирост в нормальных условиях, а годовой план по восстановлению промышленности и роста производства продукции на этой основе. Поэтому это посильно. Ведь за прошлый год мы добавили вот такой-то процент». Но вместо того, чтобы увеличить цифры, он еле-еле согласился принять такие, ибо боялся, что они гарантируют ему провал: он не хотел принимать план, который будет не выполнен, а хотел низкого плана, чтобы перевыполнить его. Куда легче занести в план заниженные цифры, а потом кричать, что план не только выполняется, но и перевыполняется. К сожалению, это очень распространенный способ действий в нашем хозяйстве. Думаю, что им еще и сейчас пользуются, и довольно широко.

Мне не повезло: я тогда простудился и заболел воспалением легких, лежал с кислородными подушками, еле-еле выжил. Это помогло в какой-то степени Кагановичу получить возможность развернуть свою деятельность без оглядки, потому что я его все-таки связывал, и он вынужден был считаться со мной. А тут он распоясался, причем дал волю своему хамству. Буквально хамству. Он довел, например, до такого состояния Патоличева, что тот пришел ко мне, когда я еще лежал в постели, вскоре после кризиса, и жаловался: «Не могу я! Не знаю, как быть». Потом он не выдержал и написал письмо Сталину с просьбой освободить его от работы на Украине, потому что он не может быть рядом с Кагановичем. Его, по-моему, послали работать в Ростов. Патоличев ушел с Украины.

Мое здоровье пошло на поправку. Я еще пролежал, наверное, месяца два, если не больше, и вернулся к труду. Однако и у меня очень плохо сложились отношения с Кагановичем, ну просто нетерпимые отношения. Он развернул бешеную деятельность в двух направлениях: против украинских националистов и против евреев. Сам — еврей, и против евреев? Или, может быть, это было направлено только целевым образом против тех евреев, которые находились со мной в дружеских отношениях? Скорее всего, так. Работал у нас, в частности, редактором одной газеты Троскунов. Каганович освободил его от должности. Он его не только третировал, а просто издевался над ним. Это был честный человек, который во время войны редактировал фронтовую газету, и на соревнованиях фронтовых газет его издание получило признание как лучшее. Троскунова я помню еще по Юзовке, когда я учился на рабфаке, а он и там работал в газете. Кажется, я даже ручался за него, когда он вступал в партию. Вот это ему и вышло потом боком.

Что касается националистов, то, когда я поднялся после болезни, ко мне сразу потекли многочисленные жалобы. Они затрагивали вопросы политического характера, и я как Председатель Совета Министров практически ими не занимался. Эти вопросы входили в компетенцию партийного руководства республики. В ЦК мы их обсуждали, иногда доходило дело и до меня, но главным образом они решались в Секретариате ЦК, в работе которого я не принимал участия. На заседаниях же Политбюро ЦК КП(б)У эти вопросы ставились редко. Однако все, что я мог сделать, чтобы ослабить нажим Кагановича на псевдонационалистов, я делал.

Пошел поток записок Кагановича Сталину по «проблемным вопросам». В конце концов дошло до того, что однажды Сталин позвонил мне: «Почему Каганович шлет мне записки, а вы эти записки не подписываете?» «Товарищ Сталин, Каганович — секретарь республиканского ЦК, и он пишет вам как Генеральному секретарю ЦК. Поэтому моя подпись не требуется». «Это неправильно. Я ему сказал, что ни одной записки без вашей подписи мы впредь не будем принимать». Только положил он трубку, звонит мне Каганович: «Сталин тебе звонил?» «Да». «Что он сказал тебе?» «Что теперь мы вдвоем должны подписывать посылаемые в Москву записки». Каганович даже не спросил, о чем еще говорил Сталин: мы поняли друг друга с полуслова. Однако мне почти не пришлось подписывать записки, потому что их поток иссяк: Каганович знал, что его записки никак не могли быть подписаны мною. Те же, которые он все же давал мне, или переделывались, или я просто отказывался их подписывать, и они никуда не шли дальше.

Для меня лично главное заключалось в том, что Сталин как бы возвращал мне свое доверие. Его звонок был для меня соответствующим сигналом. Это улучшало мое моральное состояние: я восстанавливался полноправным, а не только по названию, членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Относительно плана: план хлебозаготовок мы выполнили, сдав около 400 млн. пудов зерна. Урожай был по тому времени неплохой. Правда, план был все же небольшой, но ведь и хозяйство республики было войною разрушено. Поэтому на общем фоне сельского хозяйства СССР после войны это были хорошие цифры.

Осенью 1947 г. Сталин вызвал нас с Кагановичем к себе. Еще до того, когда мы выполнили план, попросили, чтобы он принял нас в Сочи, где он отдыхал. Мы туда к нему слетали. А теперь, когда Сталин вернулся в Москву, он сам нас позвал и поставил вопрос о том, что Кагановичу нечего делать на Украине, его надо отозвать в Москву. Таким образом, меня восстановили и как Первого секретаря ЦК КП(б)У. Я был, конечно, рад и с большим рвением взялся за знакомую работу. Дела у нас пошли хорошо. Сельское хозяйство на Украине восстанавливалось значительно быстрее, чем в других местах, потревоженных войной. Мы соревновались тогда с Белоруссией. Украина опережала ее во всех отношениях. Конечно, Белоруссия была страшно разрушена. И все же этот факт поднимал значение Украины вместе с авторитетом украинского руководства. Я был доволен.

1949 год — последний год моего пребывания на Украине. Сталин позвонил мне, чтобы я приехал в Москву, и сказал, что я вторично перехожу на работу в общесоюзную столицу. Оглядываясь, скажу, что украинский народ относился ко мне хорошо. Я тепло вспоминаю проведенные там годы. Это был очень ответственный период, но приятный потому, что принес удовлетворение: быстро развивались, росли и сельское хозяйство, и промышленность республики. Сталин мне не раз поручал делать доклады на Украине, особенно по вопросам прогресса животноводства, а потом отдавал эти доклады публиковать в газете «Правда», чтобы и другие, по его словам, делали то же, что мы делали на Украине. Впрочем, я далек от того, чтобы переоценить значение собственной персоны. Напряженно трудилась вся республика.

Я неплохо знаю Украину. И раньше считал, и сейчас считаю, что она по сравнению с другими республиками имеет высокий уровень развития сельского хозяйства и сравнительно высокую культуру земледелия. Не знаю, правда, как оценить культуру хлопководства в Средней Азии. Сравнивая Украину с другими республиками (не имею в виду Прибалтику, потому что Прибалтика тогда только недавно вошла в состав СССР), скажу, что Российская Федерация, Белоруссия и другие республики уступали Украине. Это, видимо, исторически так сложилось. В РСФСР же выделялась в лучшую сторону Кубань: там тоже отличные земли и высокая культура их обработки. Так что успехи УССР я приписываю всему украинскому народу.

Я сейчас не буду дольше распространяться на данную тему, но это в принципе очень легко доказать. Я сам русский и не хочу обижать русских, а просто констатирую, что на Украине выше культура земледелия. Сейчас идет нивелировка, всюду прилагаются большие усилия для подъема земледелия, затрачи-

ваются большие средства. Новая техника, минеральные удобрения, все другие элементы, от которых зависит уровень сельскохозяйственного производства, усиленно финансируются, чтобы выровнять культуру земледелия по республикам и поднимать ее с каждым годом все выше и выше, полностью обеспечить потребности народа в продукции сельского хозяйства.

Опять в Москве

Мотивировка отозвания меня с Украины в Москву в 1949 г. — на мой взгляд, результат какого-то умственного расстройства у Сталина. То есть не самый факт моего отзыва, а причины, побудившие Сталина срочно перевести меня. Я тогда находился во Львове. Украинские националисты убили писателя-интернационалиста Галана, и я проводил собрание среди студентов Лесотехнического института. Студент, который убил Галана, учился в этом институте, поэтому я и решил поговорить с его однокашниками.

Вдруг меня вызвал к телефону Маленков: говорит мне, что Сталин передает, чтобы я срочно прибыл в Москву. «Как срочно?» «Как только можешь. Прилетай завтра». И назавтра я прибыл в Москву. Сталин встретил меня очень хорошо: «Ну, — говорит, — что же вы будете долго сидеть на Украине? Вы там превратились уже в украинского агронома. Пора вам вернуться в Москву». И начал рассказывать: мы тут считаем, что вам надо опять занять пост первого секретаря Московского городского и областного партийных комитетов. У нас плохо обстоят дела в Москве и очень плохо — в Ленинграде, где мы провели аресты заговорщиков. Оказались заговорщики и в Москве. «Мы хотим, чтобы Москва была опорой ЦК партии, поэтому вам полезнее работать здесь. Вы станете секретарем сразу МК и ЦК партии». Я, конечно, поблагодарил за доверие. Сказал, что с удовольствием приеду в Москву, потому что был доволен своей прежней работой в столице, 11 лет назад. Я считал, что такой срок работы на Украине вполне приличный и мне будет полезно переместиться.

Когда я вернулся от Сталина, Василевская и Корнейчук, находившиеся в Москве, зашли ко мне. Я рассказал им о состоявшемся разговоре. Ванда Львовна расплакалась, буквально разревелась. Я никогда еще не видел ее в таком состоянии. Она: «Как же вы уедете с Украины? Как же так?» Полька оплакивала тот факт, что русский уезжает с Украины! Несколько курьезно. Видимо, это объяснялось тем, что у меня сложились очень хорошие, дружеские отношения с ней. Я ее очень уважал. Это была замечательная женщина и замечательная коммунистка. И она платила мне таким же уважением. Я не скрываю этот штрих, может быть немного тщеславный, но, безусловно, приятный для меня. Данное событие всплыло у меня в памяти, и я решил о нем рассказать.

Относительно сталинской мотивировки его решения: в подтверждение неблагополучия дел в Москве он вручил мне некий документ: «Вот, ознакомьтесь, а потом поговорим». Я не стал читать тут же — это был большой документ — и положил его в карман. Назавтра прочел. Это оказалось анонимное заявление, хотя и с подписями, но анонимное по своему характеру. Сейчас не помню, чьи там стояли подписи. В тексте говорилось, что в Москве существует группа заговорщиков против ЦК и Советского правительства, а группу эту возглавляет секретарь Московского комитета и ЦК партии Попов. Далее указывалось, кто входит в группу: секретари райкомов партии, часть председателей райисполкомов, директора заводов, инженеры. Я сразу почувствовал, что готовил бумагу с умыслом либо сумасшедший, либо мерзавец. Положил я записку к себе в сейф и решил не говорить Сталину о ней какое-то время, считая, что чем больше пройдет времени без такого разговора, тем будет лучше.

Когда я уезжал на Украину, чтобы оформить переход в Москву, Сталин сказал мне: «Вы к моему 70-летию вернетесь в Москву?» (то есть в декабре). «Безусловно. Приеду, сейчас же соберу Пленум ЦК КП(б)У, изберем новое руководство, и я вернусь». Ранее я уже согласовал с ним, что буду рекомендовать Первым секретарем ЦК Мельникова. Сталин согласился, хотя и не знал его: доверился мне. Приехал я в Москву перед самым празднованием юбилея, 21 декабря. Отметили мы 70-летие

вождя, я был избран секретарем Московского областного и городского партийных комитетов и приступил к делу.

А вскоре Сталин спросил меня, сам вспомнив: «Я давал вам заявление. Вы с ним ознакомились?» И смотрит внимательно на меня. «Ознакомился». «Ну, и как?» А у него была такая привычка: посмотрит на тебя, потом носом дернет вверх: «Ну, и как?» Отвечаю: «Это мерзавцы какие-то написали или сумасшедшие». «Как так?» Он очень не любил, когда относились с недоверием к такого рода документам. «Товарищ Сталин, я абсолютно убежден, что данный документ не имеет ничего общего с действительностью. Я лично знаю многих людей, которые названы заговорщиками. Это честнейшие люди. Кроме того, я абсолютно уверен, что Попов тоже не заговорщик. Он неумно вел себя. Бесспорно, оказался не на должной высоте. Но он не заговорщик, а честный человек, в этом я не сомневался и не сомневаюсь. А если бы он даже стал заговорщиком, то те люди, которые, как написано, входят в его заговорщическую группу, сам не знаю, что сотворили бы с ним».

Видимо, мой уверенный тон повлиял на Сталина: «Вы считаете, что документ не заслуживает внимания?» «Безусловно, товарищ Сталин, не заслуживает. По-моему, тут провокация или безумие». Сталин выругался, и на том все кончилось. Можете себе представить: если бы подстраиваться под настроение Сталина, захотеть отличиться и завоевать его дополнительное доверие, то это очень легко было бы сделать. Нужно было только сказать: «Да, товарищ Сталин, это серьезный документ, надо разобраться и принять меры». Достаточно было бы такого заявления с моей стороны, и сейчас же он приказал бы арестовать Попова и «его группу». Они, конечно, на допросах «сознались» бы, вот вам заговорщическая группа в Москве, а я стал бы человеком, которому, возможно, приписали бы, что, дескать, он пришел, глянул, сразу раскрыл и разгромил заговорщиков. Ведь это же низость! А фактически именно так получилось у других людей в Ленинграде.

Стал я работать в Москве. Но все же знал, что раз Сталин нацелился на Попова как заговорщика, то уже не успокоится, пока не доконает его. Посоветовались мы с Маленковым, и я предложил: «Давай переведем Попова за пределы Москвы, подберем ему хорошую должность». Так и сделали, послали его, с временны́м интервалом, директором крупного завода в Куйбышев. Сталин иногда вспоминал: «А где Попов?» Когда-то он был любимцем у Сталина. Отвечаю: «В Куйбышеве». И Сталин успокаивался. Видимо, все-таки думал: «А не ошибся ли Хрущев, не остался ли этот заговорщик поблизости и не продолжает ли он свою деятельность в столице?» Он бы никогда не примирился с этим, но когда узнавал, что Попов в отдалении, то успокаивался.

Мне потом передавали о негодовании Попова против меня. Умер он, что его осуждать? Он же не понимал, что ему меня не только не ругать надо, а наоборот. Если бы не я, он бы погиб, потому что Сталин уже подготовился к этому. Ведь и меня-то он вызвал потому, что получил документ против Попова и поверил этому документу. Я спас Попова, но вот бывает так, что человек не поймет и проявляет недовольство теми, кто подставил свою спину в его защиту. А ведь я тогда рисковал. Если бы Сталин мне не поверил, то мог бы подумать, что и я вхожу в заговор вместе с Поповым.

Такие наступали опять времена. После войны мы постепенно как бы возвращались к мясорубке 1937 г., к методам тогдашней «работы».

Когда я стал секретарем ЦК ВКП(б) и Московской парторганизации, Кузнецов-Ленинградский, как мы его между собой называли, был арестован. Развернулась охота за ленинградцами, ленинградская парторганизация вовсю громилась. Сталин, сказав, что мне нужно перейти в Москву, уже сослался тогда на то, что в Ленинграде раскрыт заговор. Он вообще считал, что Ленинград — заговорщический город.

В то время много людей было направлено в Москву из Горьковской области. Председатель Совета Министров Российской Федерации (я сейчас не помню его фамилию) тоже был из Горького. Думаю, что Жданов, который много лет работал там и знал тамошние кадры, выдвигал их. Хороший был председатель, нравился он мне: молодой, энергичный человек, имел собственные мысли, перспективный. Но тоже был арестован. И не только он, многие были схвачены. Я много лет не работал в Москве и поэтому не знал людей из числа арестованных. Более или менее

знал Кузнецова. Очень хорошо знал Вознесенского. Вознесенский не был еще арестован, когда я прибыл в Москву, но уже был смещен с прежних постов. Он ходил без дела и ожидал, чем это кончится, что принесет ему завтрашний день.

Сталин к Вознесенскому раньше относился очень хорошо, питал к нему большое доверие и уважение. Да и к Косыгину, и к Кузнецову, ко всей этой тройке. Тогда считалось, что вот тройка молодых — Вознесенский, Кузнецов и Косыгин. Они идут нам на смену. Сталин стал их продвигать. Кузнецов должен был заменить Маленкова. Вознесенского он сделал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, то есть своим первым заместителем, и поручил ему председательствовать на заседаниях Совмина. Косыгин занимался проблемами легкой промышленности и финансов. Полагаю, что гибель этих людей (без Косыгина) определилась именно тем, что Сталин стал их выдвигать, готовя смену старым кадрам. Прежде всего, значит, замену Берии, Маленкову, Молотову, Микояну. Они у него уже не пользовались тем доверием, как раньше.

Как конкретно удалось сделать подкоп, подорвать доверие к новым людям, натравить Сталина на них, его же выдвиженцев, мне сейчас трудно сказать. Могу только делать выводы из своих наблюдений и отдельных реплик, которые слышал при разговорах между Маленковым и Берией. Кроме того, я видел, как вели себя Маленков и Берия у Сталина, когда заходила речь об этих людях. У меня сложилось впечатление, что как раз Маленков и Берия приложили все усилия, чтобы утопить их. Главным образом тут действовал Берия, а Маленкова он использовал как таран, потому что тот сидел в ЦК партии и ему были доступны вся информация и документы, которые передавались Сталину. Ряд документов преследовал цель направить гнев Сталина против «группы молодых». Все заранее знали, как будет реагировать Сталин.

В тюрьме уже сидел тогда Шахурин, нарком авиационной промышленности во время войны. Я очень хорошо знал Шахурина, когда он находился на партийной работе и был, в частности, парторгом ЦК на авиационном заводе. В качестве наркома его заменил Дементьев. Я знавал и того и другого и хорошо относился к ним, считая, что они очень толковые инженеры и организаторы производства. Шахурина посадили за то, что во время войны делали «плохие самолеты». Это случилось, когда я был еще на Украине, и поэтому я не знал подробностей. Потом Маленков рассказывал мне, что якобы соответствующую записку написал (или лично наговорил отцу) Василий Сталин: делали такие-то самолеты и такие-то у них имелись недостатки, а виноват в этом нарком Шахурин.

Косвенно задело это и Маленкова, которому по линии Политбюро во время войны было поручено наблюдать за работой авиационной промышленности. Теперь ему вменялось в вину покровительство плохой работе наркомата. Кое-что тут было справедливо, потому что погоня за количеством шла в ущерб качеству. Но ведь шла война! Во многих отраслях промышленности приходилось так поступать. Такого рода рассуждения задним числом привели к аресту Шахурина и к временному освобождению Маленкова от работы в ЦК. Его послали тогда, кажется, в Ташкент. Но он там недолго пробыл и быстро вернулся. Многие сейчас и не помнят, что имел место такой факт. Возвратил же его в Москву Берия. Когда Маленкова в Москве не стало, Берия, как он сам рассказывал, шаг за шагом продвигал перед Сталиным идею возврата Маленкова. В конце концов его вернули, и он опять занял свой пост секретаря ЦК партии.

Какой существовал повод к аресту Кузнецова и других? Я не могу знать всех деталей, но что-то знаю и хочу об этом рассказать. Сейчас многое звучит просто неправдоподобно и даже вызывает удивление, что такие причины могли вызвать гибель людей и целых партийных организаций, которые все брались под подозрение. Вот факты. Еще до войны (не помню, в какие годы) в ЦК было создано Бюро по Российской Федерации. Возглавлял это бюро, кажется, Андрей Андреевич Андреев. Не знаю, при каких обстоятельствах, это Бюро перестало существовать, и снова возникло такое положение, что РСФСР не имела своего высшего партийного органа, который разбирал бы текущие вопросы экономики и прочего. Все они были розданы по союзным наркоматам, только некоторые вопросы третьестепенной важности рассматривались Совнаркомом РСФСР. Частично из-за этого Российская Федерация и работала значительно хуже, чем другие республики.

Как-то после войны, приехав с Украины, я зашел к Жданову. Тот начал высказывать мне свои соображения: «Все республики имеют свои ЦК, обсуждают соответствующие вопросы и решают их или ставят перед союзным ЦК и Советом Министров СССР. Они действуют смелее, созывают совещания по внутриреспубликанским вопросам, обсуждают их и мобилизуют людей. В результате жизнь бьет ключом, а это способствует развитию экономики, культуры, партийной работы. Российская же Федерация не имеет практически выхода к своим областям, каждая область варится в собственном соку. О том, чтобы собраться на какое-то совещание внутри РСФСР, не может быть и речи. Да и органа такого нет, который собрал бы партийное совещание в рамках республики». Я с ним согласился: «Верно. Российская Федерация поставлена в неравные условия, и ее интересы от этого страдают».

«Я, — продолжал Жданов, — думаю над этим вопросом. Может быть, надо вернуться к старому, создав Бюро по Российской Федерации? Мне кажется, это приведет к налаживанию партийной работы в РСФСР». Говорю: «Считаю, что это было бы полезно. Даже при Ленине внутри СССР не было ЦК партии по РСФСР. Это и правильно, потому что если бы у Российской Федерации имелся какой-то выбранный центральный парторган, как у других республик, то могло возникнуть противопоставление. Российская Федерация слишком мощна по количеству населения, промышленности, сельскому хозяйству. К тому же в Москве находились бы сразу два Центральных Комитета: один межреспубликанский, а другой — для РСФСР. Ленин на это не пошел. Видимо, он не хотел создать двоецентрие, не хотел столкнуть такие центры, а стремился к монолитности политического и партийного руководства. Так что ЦК для РСФСР не нужен, лучше иметь Бюро». «Да, — говорит Жданов, — видимо, целесообразнее создать такое Бюро».

Жданов перед своим отъездом на Валдай, где он отдыхал и лечился, позвонил мне в Киев: «Вы были в Москве, но я с вами не успел поговорить. У меня имеется важный вопрос. Теперь я уезжаю, поговорим тогда, когда вернусь с Валдая». Я пожелал ему всего хорошего. А в скором времени получил известие о том, что Жданов умер. Таким образом, то, о чем он хотел поговорить, осталось для меня загадкой. Он мне в Киев звонил редко, как и я ему из Киева. У нас более всего возникало кадровых вопросов или по сельскому хозяйству. Телефонный перезвон с Москвой у меня существовал, но не с Ждановым, а с Маленковым. А теперь обвинили «группу Кузнецова» в Ленинграде, будто там проявили «русский национализм» и противопоставили себя общесоюзному ЦК. Что-то в этом духе, точно не помню, а документов я не видел. Почему же у меня сложилось такое впечатление? Я слышал соответствующие разговоры между Маленковым и Берией, а иной раз и у Сталина. Сталин задавал какие-то вопросы Маленкову, и их разговор вертелся вокруг этого.

У меня же как-то с Маленковым возник следующий разговор. Я тогда разрабатывал вопрос о том, чтобы создать на Украине республиканские министерства угольной промышленности и металлургической промышленности. А за отправное брал реалии ленинского периода. Когда Ленин еще был жив, то после гражданской войны на Украине был создан Комитет по каменноугольной промышленности. Возглавлял его Семен Шварц, старый большевик. Я в то время служил еще в Красной Армии. Видимо, речь идет о 1921 и начале 1922 года. Когда я вернулся на рудники и стал работать на Рутченковских копях, угольную промышленность Донбасса возглавлял Георгий Пятаков, крупный политический и хозяйственный деятель. Он считался видным экономистом и слыл авторитетом. Потом его заменили, не знаю точно, по каким причинам, но главной была, конечно, политическая, потому что Пятаков являлся ближайшим человеком у Троцкого, с которым шла тогда острая борьба. Видимо, это и сказалось на том, что Пятакова переместили из Донбасса. Его там заменил Чубарь. Тогда на губернских партийных конференциях пели много частушек на злобу дня. Встречались и такие слова: «Шлет ЦК нам Чубаря. Что у нас изменится?»

Уголь в те годы главным образом добывали в Донбассе. Наверное, процентов 80 занимала донбасская доля в общей добыче советского угля. Я считаю, что и сейчас надо бы создать на Украине объединенное правление по углю, вернувшись к тому, что было при Ленине и сразу после Ленина. На Украине находилась и Югосталь. Ее возглавлял Иванов, тоже старый большевик. Довольно толстый был

человек. Югосталь размещалась в Харькове, а Комитет по каменноугольной промышленности — в Бахмуте (теперь Артемовск). Потом он тоже переехал в Харьков, и там возглавил его Рухимович, а Чубарь уже стал Председателем Совета Народных Комиссаров Украины.

Рухимовича я очень уважал. Это замечательный человек, старый большевик, очень простой и доступный, рассудительный и умный. Донбассцы — шахтеры, включая их руководство, которое соприкасалось с лидерами, — с очень большим уважением относились к Рухимовичу. Он часто проводил совещания работников угольной промышленности, и я всегда выезжал на эти совещания, когда был заворгом Сталинского окружного парткомитета. Рухимович лично знал меня и хорошо ко мне относился. Видимо, я был ему полезен, потому что активно работал в своем округе. К тому же я был местный человек, вырос среди шахтеров и знал условия производства как на рудниках, так и на заводах металлургической промышленности.

Вот и хотел я в конце 40-х годов создать кое-что украинское по углю, металлу и железнодорожному транспорту. Поехал в Москву и прежде, чем свои документы подписать и отдать Сталину, решил посоветоваться с Маленковым. Вижу, Маленков на меня странно смотрит, и глаза у него на лоб лезут: «Что ты делаешь? Да ты что?» «А что?» «Спрячь свои документы и никому больше о них не говори. Ты знаешь, что сейчас в Ленинграде происходит то-то и то-то? А основным обвинением приписали ленинградцам, что они проявляют самостийность: самовольно собрали в Ленинграде ярмарку и распродавали залежалые товары». Но я не увидел в том никакого преступления и никакого проявления российского национализма. Мы то же самое делали у себя в Киеве. У нас имелась ярмарка, где продавались залежалые товары, которые в магазинах уже не находили покупателей, а здесь шли с уценкой, со скидкой. Существовал завал всяческой дряни, которую бесконтрольно производил кое-кто после войны. От нее избавлялись. И вот это безобидное и полезное дело было, видимо, в соответствующей форме преподнесено Сталину, с политической окраской.

А кто же это сделал? Конечно, Берия и Маленков. Сталину вообще немного было нужно при его болезненной подозрительности. Начал разматываться клубок. Уж не знаю, как конкретно он разматывался, но размотался, что называется, до сердцевины. И оказалось необходимым, с точки зрения Сталина, пресечь «враждебную акцию», для чего арестовать прежде всего Кузнецова и Председателя Совета Министров Российской Федерации (вспомнил его фамилию — Родионов). Они к тому же поставили вопрос о создании каких-то республиканских органов, которые якобы должны были работать, не подчиняясь союзным органам. Одним словом, им вменили в вину противопоставление периферии центру.

Начались аресты. Арестовали массу людей в Ленинграде, а также тех, кого ЦК брал из Ленинграда, выдвигая на посты в других местах. Например, в Крыму тогда руководство было создано из ленинградцев, и там тоже всех арестовали. Вознесенского освободили от всех его должностей, ибо он тоже ленинградец. В общем, раскрыли кубло, как говорят в народе, то есть звериное логово. Выдумали ленинградское заговорщическое гнездо, которое, дескать, преследовало какие-то антисоветские цели. Опять возникло в стране трагическое положение, да и в партии. Эта зараза репрессий легко могла охватить кого угодно.

Сейчас у меня возникла мысль: не сфабриковано ли было письмо, которое мне дал читать Сталин, по заданию Берии и через его агентуру, чтобы припугнуть Сталина, что не только Ленинград, но и Москва имеет заговорщиков? Сталин решил тогда меня вызвать, чтобы я возглавил Московскую партийную организацию. Но если так, то я, познакомившись с письмом, пресек дело для москвичей, уверенно сказав Сталину, что это выдумка проходимцев или же бред сумасшедших. Если так, значит, я оказался преградой для распространения арестов на Москву. Не то и в Москве, не знаю, сколько было бы потеряно голов из партийного и хозяйственного актива.

Правда, в столице этот процесс в какой-то степени уже начался. Когда я вернулся в Москву, были проведены большие аресты среди работников ЗИС (Автомобильного завода имени Сталина). Возглавлял «заговорщическую организацию американских шпионов» помощник директора ЗИС Лихачева. Не помню сейчас его фамилии, но я лично знал этого паренька — щупленького, худенького еврея.

Я познакомился с ним случайно, после войны. Как-то встретил я Ивана Алексеевича Лихачева и спросил, как его здоровье? «Работаю, — говорит, — но чувствую себя неважно». «Приехал бы ты к нам в Киев, отдохнул бы, у нас очень хорошо, приезжай, когда захочешь, я всегда буду рад, создадим тебе условия для отдыха». «Хорошо, — отвечает, — воспользуюсь этим приглашением». И вот однажды Иван Алексеевич позвонил мне: «Могу приехать. Хотел бы и помощника взять с собой».«Приезжай с помощником, пожалуйста, вези кого хочешь». Я их устроил, и они отдыхали в Киеве.

Лихачев с помощником часто приходили ко мне на квартиру или бывали на даче в выходные дни. Таким образом я и познакомился с помощником. Обычный человек, старательно выполнявший поручения Лихачева. Я и не думал, что он является, как его потом обозвали, главой американских сионистов, через которого те организуют свою работу в Советском Союзе. Его арестовали, и он, конечно, сознался. Я-то знаю, как «сознавались» люди, что они английские, гитлеровские и другие агенты. Это было не признание, а вымогательство, нужное тем, кто преследовал корыстные цели.

Дошло дело до Лихачева. Лихачев был тогда министром, кажется, автомобильного транспорта. Сталин поручил Берии, Маленкову и мне втроем допросить Лихачева. Вызвали Лихачева, стали его допрашивать. Мне было больно видеть это, но я ничего не мог поделать, потому что обвинение основывалось на «документальных данных», на «показаниях» людей, которые работали с Лихачевым. Это ведь считалось неопровержимым доказательством. Допрашивали его в помещении для заседаний Бюро Совета Министров СССР в Кремле, на третьем этаже. Там был раньше кабинет Ленина, стояли ленинский стол и кресло. Да и сейчас, по-моему, стоит в отдельном углу это кресло, перевязанное черной ленточкой.

Когда ему предъявили обвинение, Лихачев стал что-то говорить в свое оправдание, а потом разахался и упал в обморок. Его окатили водой, привели в чувство и отправили домой, потому что допрашивать уже было невозможно. Рассказали Сталину, как все было. Сталин послушал, посмотрел на нас и обругал Лихачева. Он очень хорошо относился раньше к Лихачеву. Называл его «лихачом». Он перенял это от Серго Орджоникидзе. Лихачев был любимцем Серго, и Серго всегда его звал «лихачом». И Сталин тоже стал его называть «лихачом». Видимо, сказалось хорошее в ту пору настроение Сталина, и оставили Лихача в покое. Иван Алексеевич вернулся к работе и пережил Сталина.

Но с зисовцами расправились. Абакумов, то есть нарком госбезопасности, сам вел дознание. А уж если Абакумов лично допрашивал, сам вел дело, то все быстро признавались, что они заядлые враги Советского Союза. И все они были расстреляны. Вот какая существовала в Москве атмосфера в то время, когда я вторично приехал туда с Украины. Сталин уже постарел. Подозрительность стала развиваться в нем все больше, и она приобретала общественную опасность. Да и мы смотрели на него уже не так, как в первые годы разоблачений «врагов народа», когда казалось, что он сквозь стены и железо все видел насквозь. Уже было поколеблено в нас прежнее доверие к нему. Но после разгрома гитлеровских войск вокруг Сталина сохранялся ореол славы и гениальности.

Помню дни, когда Вознесенский, освобожденный от прежних обязанностей, еще бывал на обедах у Сталина. Я видел уже не того человека, которого знал раньше: умного, резкого, прямого и смелого. Именно смелость его и погубила, потому что он часто схватывался с Берией, когда составлялся очередной народнохозяйственный план. Берия имел много подшефных наркоматов и требовал львиной доли средств для них, а Вознесенский как председатель Госплана хотел равномерного развития экономики страны. Не он, а страна не имела возможности удовлетворить запросы тех наркоматов, над которыми шефствовал Берия. Но не наркоматы выступали против Вознесенского, а Берия.

Берия, как близкий к Сталину человек, обладал большими возможностями. Нужно было знать Берию, его ловкость, его иезуитство. Он мог выжидать, выбирая момент, чтобы подбросить Сталину либо доброе, либо худое, в зависимости от собственных интересов, и ловко этим пользовался.

А за обедами у Сталина сидел уже не Вознесенский, но тень Вознесенского. Хотя Сталин освободил его от прежних постов, однако еще колебался, видимо веря в честность Вознесенского. Помню, как не один раз он обращался к Маленкову и

Берии: «Так что же, ничего еще не дали Вознесенскому? И он ничего не делает? Надо дать ему работу, чего вы медлите?» «Да вот думаем», — отвечали они. Прошло какое-то время, и Сталин вновь говорит: «А почему ему не дают дела? Может быть, поручить ему Госбанк? Он финансист и экономист, понимает это, пусть возглавит Госбанк». Никто не возразил, но проходило время, а предложений не поступало.

В былые времена Сталин не потерпел бы такой дерзости, сейчас же заставил бы Молотова или Маленкова взять карандаш, как обычно делал, и продиктовал бы постановление, тут же подписав его. Теперь же только говорил: «Давайте, давайте ему дело», но никто ничего не давал. Кончилось это тем, что Вознесенского арестовали. Какие непосредственно были выдвинуты обвинения и что послужило к тому толчком, я посейчас не знаю. Видимо, Берия подбрасывал какие-то новые материалы против Вознесенского, и, когда чаша переполнилась, Сталин распорядился арестовать его.

Организовать это Берия мог с разных сторон. По партийной линии подбрасывал материалы Маленков, по чекистской линии — Абакумов. Но источником всех версий был Берия, умный и деловой человек, оборотистый организатор. Он все мог! А ему надо было не только устранить Вознесенского из Совета Министров. Он боялся, что Сталин может вернуть его, и Берия преследовал цель уничтожить Вознесенского, окончательно свалить его и закопать, чтобы и возврата к Вознесенскому не состоялось. В результате таких интриг Вознесенский и был арестован. Пошло следствие. Кто им руководил? Конечно, Сталин. Но первая скрипка непосредственной «работы» находилась в руках Берии, хотя Сталин думал, что это он лично всем руководит.

Почему я так считаю? Потому что Абакумов — это человек, воспитанный Берией. Его Сталин назначил в Госбезопасность тогда, когда Берия был освобожден от этой работы, чтобы сосредоточить свое внимание на Совете Министров СССР. Сталин хотел, чтобы Министерство госбезопасности непосредственно ему докладывало все дела, и Абакумов лично ему и докладывал. Сталин мог и не знать, но я был убежден, что Абакумов не ставил ни одного вопроса перед Сталиным, не спросив у Берии, как доложить Сталину. Берия давал директивы, а потом Абакумов докладывал, не ссылаясь на Берию и получая одобрение Сталина.

Атмосфера сгущалась. В нашем государстве полагается, чтобы серьезные вопросы обсуждались или на Политбюро, или в Совете Министров. Такое обсуждение было необходимо, чтобы избежать крупных ошибок. Но этого не было и в помине. Никаких заседаний не созывалось. Собирались у Сталина члены Политбюро, выслушивали его, а он на ходу давал директивы. Иной раз и он заслушивал людей, если ему нравились их мнения, или же рычал на них и тут же, никого не спрашивая, сам формулировал текст постановления либо решения ЦК или Совета Министров СССР, после чего оно выходило в свет. Это уже сугубо личное управление, это произвол. Не знаю, как и назвать это, но это факт.

Помню, что Сталин поднимал не раз вопрос о Шахурине, который был в заключении. Сидел и Главный маршал авиации Новиков, тоже посаженный после войны за то, что принимал «недоброкачественные самолеты», то есть по тому же делу авиастроения.

Новикова я лично знал. Он почти всю войну прокомандовал нашими Военно-Воздушными Силами. Скажу о его недостатках: он пил больше, чем надо. Но это был человек, преданный Родине, честный, сам летчик, знавший свое дело. У Сталина, видимо, шевелился червячок доброго отношения к Шахурину и Новикову. Смотрит он на Берию и Маленкова и говорит: «Ну что же они сидят-то, эти Новиков и Шахурин? Может быть, стоит их освободить?» Вроде бы размышляет вслух. Никто ему, конечно, ничего на это не отвечает. Все боятся сказать «не туда», и всё на этом кончается. Через какое-то время Сталин опять поднял тот же вопрос: «Подумайте, может быть, их освободить? Что они там сидят? Работать еще могут». Он обращался к Маленкову и Берии, потому что именно они занимались этим делом.

Когда мы вышли от Сталина, я услышал перебрасывание репликами между Маленковым и Берией. Берия: «Сталин сам поднял вопрос об этих авиаторах. Если их освободить, это может распространиться и на других». Разговор шел в туалете, где мы собирались мыть руки перед обедом и порою обменивались мнениями. Туалет был просторный, так что иной раз мы собирались там и перед заседаниями, и после заседаний. Перед заседаниями говорили о том, что предстоит, а после обеда обсуждали, с какими последствиями прошла трапеза.

Когда я обдумывал этот вопрос, мне пришла в голову мысль: о каких других говорил Берия? Он, видимо, боялся, что если будут освобождены Шахурин и Новиков, то как бы Сталин не вернулся к вопросу о Кузнецове и Вознесенском, над которыми суда еще не состоялось. Этого боялись и Берия, и Маленков. Тогда все «ленинградское дело» окажется под вопросом. Хотя они согласны были, видимо, освободить Шахурина и Новикова, которые не стояли на пути ни Маленкова, ни Берии. Правда, Маленков боялся и слово замолвить о Шахурине и Новикове, потому что его тоже обвиняли по этому же вопросу. Ведь он покровительствовал наркомату авиапромышленности и допустил, что появилось много «недоброкачественных» самолетов, в результате чего мы теряли лишние кадры во время войны.

Со мною о «ленинградском деле» Сталин никогда не говорил, и я не слышал, чтобы он где-то в развернутом виде излагал свою точку зрения. Только однажды он затронул этот вопрос, когда вызвал меня с Украины в связи с переходом в Москву и беседовал со мной о «московских заговорщиках». Маленков и Берия все же не допустили освобождения Шахурина и Новикова. Следовательно, не были освобождены и люди, арестованные по «ленинградскому делу». Не зная подробностей этого дела, допускаю, что в следственных материалах по нему может иметься среди других и моя подпись.

Происходило это обычно так: когда заканчивалось дело, Сталин, если считал необходимым, тут же на заседании Политбюро подписывал бумагу и вкруговую давал подписывать другим. Те, не глядя, а опираясь лишь на сталинскую информацию, тоже подписывали. Тем самым появлялся коллективный приговор. Правда, в «ленинградском деле», если рассматривать прежнюю практику борьбы с «врагами народа», была применена уже широкая судебная процедура: не только следователи вели следствие, но и приезжал прокурор, потом был организован суд, на который приглашался актив ленинградской парторганизации, на суде велся допрос подсудимых, потом им давали последнее слово. Ну и что? А в 30-е годы разве обстояло по-другому?

Сталину рассказывали (я присутствовал при этом), что Вознесенский, когда было объявлено, что он приговаривается к расстрелу, произнес целую речь. В своей речи он проклинал Ленинград, говорил, что Петербург видел всякие заговоры — и Бирона, и зиновьевщину, и всевозможную реакцию, — а теперь вот он, Вознесенский, попал в Ленинград. Там он учился, а сам-то родом из Донбасса. И проклинал тот день, когда попал в Ленинград. Видимо, человек уже потерял здравый рассудок и говорил несуразные вещи. Дело ведь не в Ленинграде. Причем тут зиновьевщина? В 20-е годы имелась совсем другая основа политической борьбы: шла борьба взглядов о путях строительства социализма в СССР, тогда можно было занимать либо ту, либо другую позицию. Я тоже занимал тогда сталинскую позицию и боролся против Зиновьева. А Бирон — вообще иная эпоха. Это же несовместимые понятия.

Не помню, что говорили в последнем слове Кузнецов и другие ленинградцы, но, что бы они там ни говорили, фактически их приговорили значительно раньше, чем суд оформил и подписал приговор. Они были приговорены к смерти Сталиным еще тогда, когда их только арестовывали. Много людей погибло и в самом Ленинграде, и там, куда выехали из Ленинграда для работы в других местах. Косыгин тоже висел на волоске. Сталин рассылал членам Политбюро показания арестованных ленинградцев, в которых много говорилось о Косыгине. Кузнецов состоял с ним в родстве: их жены находились в каких-то кровных связях. Таким образом, уже подбивались клинья и под Косыгина. Он был освобожден от прежних постов и получил назначение на должность одного из министров. Раньше он был близким человеком к Сталину, а тут вдруг все так обернулось и такое получилось сгущение красок в «показаниях» на Косыгина, что я и сейчас не могу объяснить, как он удержался и как Сталин не приказал арестовать его. Косыгина, наверное, даже допрашивали, и он писал объяснения. На него возводились нелепейшие обвинения, всякая чушь. Но Косыгин, как говорится, вытянул счастливый билет, и его минула чаша сия.

Это могло случиться с любым из нас. Все зависело от того, как взглянет на тебя Сталин или что ему покажется в такой момент. Порою говорил: «Что это вы сегодня на меня не смотрите? Что-то у вас глаза бегают». Или еще что-либо в

таком роде. И все это произносилось с таким злом! Разумный следователь не ведет себя так даже с заядлым преступником, а тут произносилось за дружеским столом. Сидим мы, едим, а он вдруг награждает такими эпитетами и репликами людей, которые по его же приглашению сидят за его столом и ведут с ним беседу. Тяжелое было время!

Вокруг известных личностей

Приложил руку к этим нехорошим делам и Щербаков. Хочу вспомнить в данной связи один эпизод, когда Щербаков слыл «умелым строителем» Красной Армии, попав в когорту таких строителей неизвестно за что. В период нашего отступления на фронтах войны, особенно в начале 1942 г., печаталось много критических статей, в которых вскрывались недостатки в Красной Армии и критиковались конкретные факты отступления. С очень острыми критическими статьями выступал тогда, в частности, Александр Петрович Довженко — замечательный кинорежиссер и хороший публицист. Он обладал ясным умом и умелым пером. Поэтому его статьи были хлесткие, причем они находили одобрение и похвалу у Сталина. В 1943 г. он написал киносценарий «Украина в огне». Очень впечатляющий сценарий. Большинство эпизодов для этого сценария он заимствовал из своих статей. Уже само название «Украина в огне» привлекало внимание. Действительно, вся Украина лежала тогда в огне. Автор не скупился на резкие замечания в адрес Красной Армии, а особенно критиковал тех людей, которые отвечали за ее боевую подготовку, и показывал, что подготовка не соответствовала современным условиям.

Довженко представил сценарий в ЦК КП(б)У. Я с ним ознакомился. Читали также Маленков и другие лица, сейчас уже не помню, кто именно. Довженко хотел его напечатать, чтобы затем создать на его основе кинокартину. Когда однажды Сталин вызвал меня в Москву, то спросил: «Вы читали сценарий Довженко?» «Да, — говорю, — читал». Правда, я его не прочел, но прослушал. Довженко сам прочитал мне его. Тогда были напряженные для меня минуты (по другому поводу), и я не мог сосредоточить все внимание на тексте. Это произошло в начале наступления немцев на Курской дуге, в июле 1943 года. На три четверти мои мысли были заняты ходом битвы, а Довженко не все прочитал мне и иногда говорил, что вот такое-то место я полностью взял из такой-то своей статьи, а вот это из такой-то. Мне показалось, что вещь острая и отвечающая потребностям времени, вскрывающая наши недостатки.

Итак, Сталин вызвал меня: «Вы знакомы со сценарием?» «Знаком». Я рассказал Сталину, при каких обстоятельствах смог с ним ознакомиться. Сталин посчитал, что тут просто была с моей стороны отговорка, и начал критиковать текст. Он так разносил Довженко, что я поражался: ведь Сталин раньше очень хорошо относился к этому автору, ценил и поддерживал его, несмотря на то что прежде встречались некоторые люди, которые подозревали Довженко или даже прямо обвиняли его в украинском национализме и прочих грехах. Такие грехи тогда модно было отыскивать, и существующие, и несуществующие, почти в каждом культурном человеке украинской национальности. Внес свою лепту в это и Каганович во время своей деятельности на Украине. Это он заявил, что каждый украинец — потенциальный националист. Вот глупость!

Как-то вечером Сталин пригласил меня к себе. Щербаков тоже приехал к нему. Начался разбор названного сценария. Тут я понял, в чем дело. Маленков молчал, хотя знал сценарий и дал ему свое благословение. По-моему, он даже лично принимал Довженко. Щербаков произнес прокурорскую речь, подстрекая Сталина и разнося произведения Довженко как «крайне националистические», в которых якобы критиковались все советские основы. Сталин сразу озлобился. Не стану говорить о себе. Но понятно, с учетом характера Сталина, что пришлось мне выдержать в том случае. А Сталин не ограничился разбором и предложил мне вызвать ряд украинских руководителей, членов правительства и секретарей ЦК по пропаганде, кроме того, лично Корнейчука, Бажана, Тычину и, кажется, Рыльского. Довженко тоже присутствовал. Сталин разнес Довженко в пух и прах. Кончилось тем, что будущее Довженко как деятеля искусства было буквально подвешено, грозило даже боль-

шее. Мне Сталин предложил, чтобы мы на основе этого «обмена мнениями» подготовили резолюцию о неблагополучном положении на идеологическом фронте Украины.

Мы, украинское руководство, составили резолюцию и через день-два пришли к Сталину. Все сделали сами. Помимо нас, никто не принимал участия в деле из числа членов ЦК ВКП(б). Вручили резолюцию Сталину, а он при широком составе участников рассмотрел этот проект. К моему большому удовлетворению, сказал: «Да, хорошо, вполне приемлемо, принять!» Правда, резолюция была составлена нами в собственный адрес очень самокритично. Но она была хороша уже тем, что мы ее сами составляли, как говорится, сами себя высекли, однако так, чтобы было не очень больно. И такая резолюция была принята. Щербаков чувствовал себя на седьмом небе. Позднее мне долго-долго пришлось кашлять этим произведением Довженко. При всяком удобном случае Сталина злобно подстрекал Щербаков, напоминая ему о сценарии.

Мне рассказывали, что когда Горький возглавлял Правление Союза писателей СССР, то к нему подсадили Щербакова в качестве секретаря, и тот занимался вопросами идеологии, чтобы вся работа в СП СССР велась Горьким в определенном русле. Однако Максим Горький был не таким человеком, чтобы им руководил Щербаков. Кончилось тем, что Горький потребовал убрать его. Вот лишь одно из свидетельств ядовитого, змеиного характера Щербакова. Я лично впервые узнал его, когда он в 1942 г. стал начальником Главного политуправления Красной Армии. Деятельность его сводилась в основном к тому, что он выдирал, правдами и неправдами, сведения о ходе боевых операций на каждый день (у него для этого было создано особое бюро) и, пользуясь тем, что втерся в доверие к Сталину, подавал их раньше, чем Оперативный отдел Генерального штаба. А ведь это в чистом виде функция Оперативного отдела! Так всех работников Оперотдела удалось поставить в зависимое положение от Щербакова. Вскоре начался период наших побед на фронте. Освобождение советских городов, успешное продвижение наших войск — все это преподносил Сталину первым Щербаков и все это он «обеспечивал». Это смешно звучит сейчас, но тогда именно так и обстояло дело. Я Щербакова оцениваю по заслугам, причем с очень плохой стороны. Конечно, главный виновник все-таки Сталин. Он создал обстановку, в которой стало возможно такое.

Довженко же сразу был как будто посажен в холодный колодец. У него упало настроение, к нему изменилось прежнее отношение. Одним словом, он попал в опалу. Сказалось это и на его деятельности. Мне просто жалко было смотреть на него, но я ничего не мог сделать, потому что подвергся еще большей критике, чем Александр Петрович. И такое положение сохранялось почти до самой смерти Сталина. Потом мы опять возвысили Довженко по заслугам и вернули его, насколько это было возможно, к полезной деятельности. Он опять начал создавать кинокартины, а после его смерти по названному сценарию его женой Солнцевой была выпущена очень хорошая картина. Я был искренне доволен, когда смотрел ее. От нее действительно веяло духом Довженко.

Я считал его честным, преданным и прямым человеком. Иной раз он мог высказать вещи, неприятные для руководителей. Но ведь это хорошо, потому что лучше выслушать все от честного человека, чем от врага. Другу можно разъяснить, если он не прав, или учесть его правильное замечание. После смерти Александра Петровича я порекомендовал украинцам: «Назовите Киевскую киностудию именем Довженко, потому что он очень многое сделал для развития кино на Советской Украине, много тут поработал и, безусловно, наиболее достоин того, чтобы его имя красовалось на знамени Киевской киностудии». Так и поступили.

А вот еще один штрих, характерный для Довженко. После того как был арестован Берия, он попросился ко мне на прием и рассказал такую историю: «Я хотел бы, чтобы вы знали о факте, который очень меня занимает. Однажды меня пригласил к себе кинорежиссер Чиаурели, автор фильма «Падение Берлина». Этот режиссер опирался на личную поддержку Сталина и Берии. Не случайно он сделал кинокартину, где Сталин осуществляет основную работу главы Ставки в зале, где стоят пустые стулья. Только Сталин налицо, а с ним Поскребышев, заведующий секретным отделом ЦК партии. Подхалимское произведение искусства!» Скажу от себя, что после смерти Сталина и ареста Берии мы предложили Чиаурели, чтобы он покинул Москву. Он переехал куда-то на периферию и продолжал трудиться. Не

знаю, какое место занимает он сегодня в искусстве и насколько правильные выводы сделал из того, на что ему указали.

А Александр Петрович продолжал рассказ: «Он мне и говорит: товарищ Довженко, я бы вам посоветовал зайти к товарищу Берии. Берия очень вами интересуется. Вам будет полезно побывать у него и послушать его». Зачем он мне это рекомендовал? Я не пошел и не был у Берии, потому что никаких вопросов у меня к Министерству внутренних дел не имелось. Зачем я пойду туда?» А я Александру Петровичу сказал: «Он вас посылал для того, чтобы сделать вас агентом Берии. Он правильно считал, что Довженко — влиятельный человек и на Украине, и в искусстве. В тех акциях, которые Берия планировал по Украине, вас сделали бы союзником, чтобы опираться и на вас при проведении кровавых операций. Эти операции могли быть только кровавыми, потому что других методов Берия не признавал».

Щербаков же продолжал свою гнусную деятельность. Не знаю, насколько он органически был подвержен пороку пьянства. Не думаю, что ему самому оно нравилось. Но так как это нравилось Сталину, то он и сам глушил крепкие напитки, и других втягивал в пьянство в угоду Сталину. Помню такой инцидент. Берия, Маленков и Микоян сговорились с девушками, которые приносили вино, чтобы те подавали им бутылки от вина, но наливали бы туда воду и слегка закрашивали ее вином или же соками. Таким образом, в бокалах виднелась жидкость нужного цвета: если белое было вино — то белая жидкость, если красное вино — то красная. А это была просто вода, и они пили ее. Но Щербаков разоблачил их: он налил себе «вина» из какой-то такой бутылки, попробовал и заорал: «Да они же пьют не вино!» Сталин взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал Берии, Маленкову и Микояну. Мы все возмущались Щербаковым, потому что не хотели пить вино, а если уж пить, то минимально, чтобы отделаться от Сталина, но не спаивать, не убивать себя. Щербаков тоже страдал от этого. Однако этот злостный подхалим не только сам подхалимничал, а и других толкал к тому же. Кончил он печально. Берия тогда правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и помер.

Сталин, правда, говорил другое: что дураком был — стал уже выздоравливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью, когда позволил себе излишества с женой. Но мы-то знали, что умер он от того, что чрезмерно пил в угоду Сталину, а не из-за своей жадности к вину. У меня осталось самое неприятное впечатление об этом человеке, недобропорядочном и способном на все что угодно. Совести он не имел ни малейшей капли. Все мог сделать для того, чтобы поднять собственную персону, и кого угодно готов был утопить в ложке. А Сталину это нравилось. Он любил нас стравливать, и он взращивал и укреплял внутренние подлые задатки Щербакова.

Когда я вновь перешел работать в Москву, для меня, конечно, было большой честью работать непосредственно под руководством Сталина и напрямую общаться с ним. Я сказал бы, что это было полезно и для работы. Ведь от Сталина мы набирались и немало полезного, потому что он являлся крупным политическим деятелем. Особенно получалось хорошо, когда он находился в здравом уме и трезвом состоянии. Тогда он давал окружающим много полезного советами и указаниями. Скажу правду, что я высоко ценил его и крепко уважал. Но страдать приходилось здесь больше, чем на Украине, где я был на отшибе. Почти каждый вечер раздавался мне звонок: «Приезжайте, пообедаем». То были страшные обеды. Возвращались мы домой к утру, а мне ведь нужно на работу выходить. Я старался поспевать к 10 часам, а в обеденный перерыв пытался поспать, потому что всегда висела угроза: не поспишь, а он вызовет, и будешь потом у него дремать. Для того, кто дремал у Сталина за столом, это кончалось плохо.

Просто невероятно, чтó Сталин порою выделывал. Он в людей бросал помидоры, например во время войны, когда мы сидели в бомбоубежище. Я лично это видел. Когда мы приезжали к нему по военным делам, то после нашего доклада он обязательно приглашал к себе в убежище. Начинался обед, который часто заканчивался швырянием фруктов и овощей, иногда в потолок и стены, то руками, то ложками и вилками. Меня это возмущало: «Как это вождь страны и умный человек может напиваться до такого состояния и позволять себе такое?» Командующие фронтами, нынешние Маршалы Советского Союза, тоже почти все прошли сквозь такое испытание, видели это постыдное зрелище. Такое началось в 1943 г. и продолжалось позже, когда Сталин обрел прежнюю форму и уверовал, что мы победим. А раньше он ходил, как мокрая курица. Тогда я не помню, чтобы случались какие-то обеды с выпивкой. Он был настолько угнетен, что на него просто жалко было смотреть.

Вот еще один эпизод, характеризующий Сталина. Уже с другой стороны. После войны дела на Украине пошли быстро в гору. Республика восстанавливала сельское хозяйство, промышленность, соответственно улучшалось и отношение Сталина к украинским руководителям, включая меня как Председателя Совета Народных Комиссаров УССР и Первого секретаря ЦК КП(б)У. Однажды разгорелся спор о тракторном заводе. Микоян докладывал касательно дизельного трактора КД-35, который был создан в Белоруссии. Хороший трактор, но дорогой. Микоян хвалил этот трактор. Сталин спросил о моем мнении, и я тоже его похвалил. Правда, я видел, что трактор еще недоработанный и маломощный, зато с дизелем. Сталина тоже подкупало, что трактор дизельный, потому что горючее будет дешевле. И вдруг у него мелькнула мысль (или кто-то подсказал ему), что хорошо бы перевести и другие заводы на производство дизельных тракторов. И он предложил перейти на выпуск таких тракторов прежде всего Харьковскому заводу.

Я пытался доказать, что делать этого нельзя. Нарком тракторной промышленности Акопов тоже выступал против и вооружал меня необходимыми цифровыми данными. Но Сталин был неумолим и записал свою идею в решение Политбюро.

Данная идея была, однако, столь непопулярна, что даже все остальные члены Политбюро, в том числе и Берия, что случалось редко, тоже заняли нашу с Акоповым позицию. Разгорелись споры. Спустя какое-то время Сталин, вспомнив, спросил: «Как, перевели Харьковский завод на выпуск КД-35?» «Нет, — говорю, — не перевели». Он страшно возмутился, устроил большой скандал. Акопову записали выговор за невыполнение решения. Тут Берия, Маленков и Микоян махнули рукой: посчитали, что ничего не сделаешь, раз Сталин хочет этого.

Я же продолжал борьбу. Раз Сталин, отдыхая в Сочи, вызвал меня туда с Украины. Я приехал. Там уже были Маленков, потом прибыли Берия с Молотовым. Он опять поставил вопрос об этом тракторе и разносил меня, как говорится, в пух и прах. А я ему доказывал: «Товарищ Сталин, не делайте этого, это будет вредно. Посмотрите, КД-35 имеет 35 лошадиных сил, а мы уже сейчас производим на Харьковском заводе 54-сильные трактора. В день выпускаем 100 тракторов. Если начнем переходить на новую модель, то начнем с нуля, потеряем много времени, а ведь нам не хватает тракторов. Будет подорвано сельское хозяйство, снизится производительность труда. Сейчас один тракторист работает на тракторе в 54 силы, а станет работать на тракторе в 35 сил. 54-сильный трактор тянет пятилемешный плуг, а тот потянет в лучшем случае трехлемешный, а то и двухлемешный. В 2 с лишним раза понизится производительность труда при вспашке». Но Сталин был неумолим.

Берия и Маленков шепчут мне: «Не упорствуй. Что ты лезешь на рожон? Ты же видишь, что без толку». Я остался при своем мнении. И вот интересно (что тоже было характерно для Сталина): этот человек при гневной вспышке мог причинить большое зло. Но когда доказываешь свою правоту и если при этом дашь ему здоровые факты, он в конце концов поймет, что человек отстаивает полезное дело, и поддержит. Для меня оказалось неожиданностью то, что произошло, когда Сталин осенью приехал в Москву и я тоже приехал туда из Киева. Собрались мы. Вижу, Сталин пребывает в хорошем настроении. Ходит, как всегда, по своему кабинету. Мы расселись, каждый на обычное место. Вдруг он говорит: «Ну что же, ребята? (в исключительных случаях он пользовался этим словом). Может, уступим ему, черту?» — и показывает на меня пальцем.

Панибратское обращение свидетельствовало о его хорошем расположении к человеку. «Давайте, — продолжает, — уступим ему по тракторам». А я потом ему говорил: «Товарищ Сталин, вы сделали доброе дело. Мы бы сейчас лишились тысяч тракторов, потому что фактически завод в Харькове прекратил бы их выпуск».

Да, бывали такие случаи, когда настойчиво возражаешь ему, и если он убедится в твоей правоте, то отступит от своей точки зрения и примет точку зрения собеседника. Это, конечно, положительное качество. Но, к сожалению, можно было пересчитать по пальцам случаи, когда так происходило. Чаще случалось так:

уж если Сталин сказал, умно ли то или глупо, полезно или вредно, все равно заставит сделать. И делали!

Некоторые сталинисты считают, что это хорошее качество для вождя. Я же полагаю, что это плохое качество. Сейчас, когда я пишу свои воспоминания и стараюсь припомнить наиболее яркие моменты прошлого, то вспоминаю и те, которые вредно сказались на жизни общества. О положительном в жизни СССР я сейчас не говорю потому, что эта сторона дела хорошо описана в нашей печати, может быть, даже с некоторой шлифовкой, с приукрашиванием. Уже сама по себе история развития нашего Советского государства, победа социализма в СССР говорят о положительных вещах. Если взглянуть на пройденный нами путь за 50 лет, чем мы были и чем стали, то все будет ясно.

Разница же в оценке пройденного пути состоит в том, что некоторые считают буквально, что все победы — заслуга Сталина. Да, есть в них заслуга Сталина, и большая. Но это были успехи народа, основа которым — Ленин, его идеи. Поскольку применяли ленинские идеи, то они и дали положительные результаты, несмотря на сталинские извращения ленинских позиций и ленинских указаний. Марксистско-ленинская теория, как самая прогрессивная, обогатила наш народ, укрепила и вооружила его. Именно на основе этой теории мы добились своих результатов.

Моя же задача мемуариста, как я полагаю, рассказать о негативных сторонах событий. Тут не ошибки, тут злоупотребления. Если бы не было злоупотреблений, допущенных Сталиным, то мы имели бы еще во много раз более высокие достижения. Вот почему на этом я и сосредоточиваю свои воспоминания, с тем чтобы помочь исключить возможность повторения того, что было вредно и для рабочего класса, и для крестьянства, и для советской интеллигенции, для всего трудового народа СССР и для других социалистических стран, потому что Советский Союз как бы внедрил свои ошибки и сталинские злоупотребления во все братские страны.

Один из недостатков Сталина

Крупным недостатком Сталина являлось неприязненное отношение к еврейской нации. Он как вождь и теоретик в своих трудах и выступлениях не давал даже намека на это. Боже упаси, если кто-то сослался бы на такие его высказывания, от которых несло антисемитизмом. Внешне все выглядело пристойно. Но, когда в своем кругу ему приходилось говорить о каком-то еврее, он всегда разговаривал с подчеркнуто утрированным произношением. Так в быту выражаются несознательные, отсталые люди, которые с презрением относятся к евреям и нарочно коверкают русский язык, выпячивая еврейское произношение или какие-то отрицательные черты. Сталин любил это делать, и выходило у него типично.

Помню, возникли какие-то шероховатости, что-то вроде волынки, среди молодежи на 30-м авиационном заводе. Доложили об этом Сталину по партийной линии. И Госбезопасность тоже докладывала. Когда мы сидели у Сталина и обменивались мнениями, он обратился ко мне как к секретарю Московского горкома партии: «Надо организовать здоровых рабочих, пусть они возьмут дубинки и, когда кончится рабочий день, побьют этих евреев». Я присутствовал там не один: были еще Молотов, Берия, Маленков. Кагановича не было. При Кагановиче он антисемитских высказываний никогда себе не позволял. Слушаю я его и думаю: «Что он говорит? Как это можно?»

В детстве, живя в Донбассе, я был свидетелем еврейского погрома. Шел я из школы (а я ходил в школу с рудника, где работал отец, версты за четыре). Был хороший солнечный осенний день. Случается в Донбассе такое бабье лето: как снег, летит белая паутина. Красивое время. Мне с товарищами повстречался извозчик на дрогах, остановился и заплакал: «Деточки, что делается в Юзовке!» Мы не знали, кто он такой и почему он нам стал вдруг говорить, что там происходит. Мы ускорили шаги. Как только я пришел домой и бросил сумку с тетрадками, то побежал в Юзовку. От нас до нее было несколько верст. Когда я прибежал туда, то увидел много народу на железнодорожных путях. Там стояли большие склады с железной рудой. Ее привозили про запас из Криворожья и сваливали, готовили на зиму,

чтобы не происходило перебоев в работе домен. Возникла естественная преграда пути. Через нее прокладывали тропы: карабкались по ней шахтеры, когда ходили в Юзовку на базар и преодолевали гору красной руды. На горе стояла толпа.

Смотрю, прибыли казаки, заиграл рожок. Я никогда прежде не видел войск, это было для меня в новинку. Как заиграл рожок, тут рабочие из бывалых солдат заговорили, что дан сигнал приготовиться к стрельбе, сейчас будет залп. Народ хлынул на другую сторону склона. Солдаты же не пропускали в город рабочих.

Прогремел залп. Кто кричал, что стреляют вверх, кто кричал, что стреляют холостыми и только для острастки, но какие-то солдаты стреляют боевыми патронами. Орали кто как мог. Потом наступила пауза, и народ опять хлынул на солдат. Уже поздно вечером люди разошлись. Я слышал потом разговоры рабочих с нашей шахты, которые попали в Юзовку. Они рассказывали, как там грабили евреев, и сами приносили какие-то трофеи: кто — сапоги, целый десяток, кто — платье. Другие рассказывали, как пошли толпой евреи с какими-то знаменами и несли на себе своего царя! Их встретили русские с дубинками. Тут еврейский царь спрятался в кожевенном заводе. Завод подожгли. Он действительно сгорел. А в нем, дескать, сгорел их царь. Столь примитивное понимание дела отсталыми рабочими было использовано черносотенцами и полицией, которые натравливали рабочих на евреев.

На второй день прямо из школы я побежал в Юзовку: посмотреть, что там делается? Никто никого не задерживал, народ валил по всем улицам местечка. Грабили. Я видел разбитые часовые магазины, много пуха и перьев летало по улицам. Когда грабили еврейские жилища, то распарывали перины, а пух выбрасывали. Шла старушка и тащила железную кровать. Этой же улицей шли солдаты. Один солдат подскочил: «Бабушка, я тебе помогу». И помог ей нести чужую кровать. Пронесся слух, что имелся приказ: три дня можно делать с евреями, что угодно. И целых три дня такому грабежу не оказывалось никаких препятствий. Я услышал, что много побитых евреев лежит в заводской больнице, и решил со своим дружком сходить туда. Пришли мы с ним и увидели ужасную картину: лежало много трупов в несколько рядов. Только через три дня власти начали наводить порядок, и погром был прекращен. Никаких преследований грабителей не было. Действительно, три дня были предоставлены громилам-черносотенцам, и никаких последствий ни грабежи, ни убийства не имели.

Потом многие рабочие опомнились, поняли, что тут была провокация. Они разобрались, что евреи вовсе не враги рабочих, что среди евреев есть участники и лидеры рабочих забастовок. Главные политические ораторы были тогда из еврейской среды, и их охотно слушали рабочие на митингах. А когда поздней осенью я уезжал в деревню вместе с братом отца Мартыном, который работал на шахте и с которым мать и отец отправили меня (они тяготели к земле, у них сохранилась мечта вернуться в деревню, заиметь свою хату, лошадь, полоску и стать «хозяевами»), я опять с отцовского рудника вернулся к деду в Курскую губернию. Уехал в деревню как раз тогда, когда в Донбассе начались забастовки, развевались красные флаги и проходили митинги. Возвратился я из деревни, и мне рассказали о местных событиях, называли даже фамилии активистов, в абсолютном большинстве евреев. Об этих ораторах отзывались очень хорошо, тепло. То есть уже после того, как рабочие были одурачены и часть их участвовала в погроме, они стыдились того, что произошло, стыдились, что допустили погром и не приняли надлежащих мер, не противостояли черносотенцам и переодетой полиции, которая организовала погром. Это было позором.

И вот теперь, когда Сталин сказал, что надо дубинками вооружить рабочих и побить евреев, а потом мы вышли, Берия иронически говорит мне: «Ну что, получил указания?» «Да, — отвечаю, — получил. Мой отец был неграмотный, но он не участвовал в погромах, это считалось позором. А теперь мне, секретарю ЦК партии, дана такая директива». Я-то знал, что хотя Сталин и дал прямое указание, но если бы что-либо такое было сделано и стало бы достоянием общественности, то была бы назначена комиссия и виновных жестоко наказали. Сталин не остановился бы ни перед чем и задушил бы любого, чьи действия могли скомпрометировать его имя, особенно в таком уязвимом и позорном деле, как антисемитизм. Много имело места таких разговоров в разное время, и мы к ним привыкли. Слушали, но не запоминали и ничего не делали в этом направлении.

Однажды к Сталину приехал Мельников, избранный после меня секретарем ЦК Компартии Украины. Коротченко тоже с ним был. Сталин пригласил их к себе, на «ближнюю» дачу. Он их усиленно там спаивал и достиг цели. Эти люди в первый раз были у Сталина. Мы-то знали его. Он всегда спаивал свежих людей. Они охотно пили, потому что считали за честь, что их угощает сам Сталин. Но здесь главное заключалось не в проявлении гостеприимства: Сталину интересно было напоить их до такого состояния, чтобы у них развязались языки и они болтали все то, что в трезвом виде, подумав, никогда бы не сказали. У них, действительно, развязались языки, и они начали болтать.

Я сидел и нервничал: во-первых, я отвечал за Мельникова; это я его выдвигал. А уж о Коротченко и говорить было нечего. Я его знал как честного человека, но довольно ограниченного. Сталин тоже знал его, но за стол у Сталина Коротченко попал в первый раз. В то время Сталин уже не обходился без антисемитизма и начал высказываться в этом духе. Он попал на подготовленную почву внутренней готовности у Мельникова. Они с Коротченко пораскрывали рты и слушали вождя. Кончился обед, мы разъехались. Те двое убыли на Украину.

Когда я перешел работать в Москву, состоялось решение Политбюро ЦК, что я должен наблюдать за деятельностью ЦК КП(б)У. Мне присылали все украинские газеты. Я просматривал центральные органы печати, а мои помощники докладывали мне обо всем, что заслуживало внимания в других изданиях. Вскоре после упомянутого обеда мой помощник Шуйский приносит мне украинскую газету и показывает передовую. В ней критиковались какие-то недостатки и назывались конкретные люди, человек 16. И все фамилии были еврейскими. Я возмутился: как можно допускать такое? Тут я сразу догадался, откуда ветер дует. Мельников и Коротченко поняли как указание ту критику, которую Сталин высказал при них в адрес еврейской нации, и начали конкретные действия. Стали искать конкретных носителей недостатков и использовали газету. Ведь если вести борьбу, то уж вести ее надо широким фронтом, мобилизовать партию и массы.

Я тут же позвонил Мельникову: «Прочел вашу передовую. Как вам не стыдно? Как вы посмели выпустить газету с таким содержанием? Ведь это же призыв к антисемитизму. Зачем вы это делаете? Имейте в виду, если Сталин прочтет эту передовую, то не знаю, как она обернется против вас — секретаря ЦК на Украине. Центральный Комитет КП(б)У проповедует антисемитизм! Как вы не понимаете, что тут материал для наших врагов. Враги используют это позорное явление: Украина поднимает знамя борьбы с евреями, знамя антисемитизма». Он начал оправдываться. Потом разрыдался. Я говорю: «Если и дальше так будет продолжаться, то я сам доложу Сталину. Вы неправильно поняли Сталина, когда были у него на обеде». Я, конечно, тоже тут рисковал, потому что не имелось гарантии, что телефонные разговоры не подслушиваются. Не был я уверен и в том, что Мельников сам не напишет Сталину про то, что Хрущев дает указания, противоречащие тем, которые он получил от Сталина, когда находился у него на «ближней». Сталин, видимо, мне бы этого не спустил.

Вскоре моя супруга Нина Петровна получила из Киева письмо и рассказала мне такую историю. В Киеве есть клиника для детей, больных костным туберкулезом. Возглавляла эту клинику профессор Фрумина. Она часто бывала у нас на квартире, когда мой сын Сергей болел костным туберкулезом, и очень много приложила усилий к тому, чтобы вылечить его. Сейчас у Сергея никаких признаков болезни нет, он выздоровел полностью. Приписывали это главным образом Фруминой. Был тогда еще один видный специалист по костному туберкулезу в Ленинграде, и мы попросили его совета насчет лечения. Он тогда сказал Нине Петровне: «Что же вы ко мне обращаетесь? У вас есть Фрумина в Киеве. Лучше ее это дело никто не знает». Теперь в своем письме Фрумина сообщала, что ее уволили с формулировкой о несоответствии занимаемой должности.

Я возмутился и позвонил опять Мельникову: «Как вы это могли допустить? Уволить заслуженного человека, да еще с такой формулировкой. Сказать, что она не соответствует по квалификации. Вот такой-то академик медицины говорит мне, что лучше ее никто не знает костного туберкулеза. Кто же мог дать другую оценку и написать, что она не соответствует занимаемому положению?» Он опять начал оправдываться, ссылаться на кого-то. Всегда в таких случаях найдутся люди, которые подтвердят, что все сделано правильно. Я ему: «Вы позорите звание коммуниста». Не помню, чем дело кончилось. Кажется, восстановили врача в должности. Но это был позорный факт.

Потом мы несколько сдержали антисемитизм. Но именно сдержали, так как, к сожалению, его элементы сохранились. Вот сейчас я живу за городом, как затворник. Общения с людьми у меня почти нет. Общаюсь только с теми, кто либо меня охраняют, либо от меня охраняют. Мне трудно даже определить. Скорее всего, от меня охраняют. Они неплохие ребята. Разговариваю я с ними, и у них часто проскальзывают в беседах позорные слова. Видимо, не дается людям должного разъяснения, а тем более не дается отпора столь позорному явлению. Почему так происходит? Во-первых, антисемитизм у нас в старое время проявлялся, так сказать, на очень высоком уровне. Сколько было погромов! Люди старого поколения помнят Пуришкевича, который как черносотенец держал первенство по этой линии в Государственной думе. А уж при Советской власти Сталин тоже поддерживал антисемитскую бациллу и не давал указаний, чтобы в корне ликвидировать ее. Он внутренне сам был подвержен этому гнусному недостатку, который носит название антисемитизма.

А что сказать о жестокой расправе с заслуженными людьми, которые подняли вопрос о создании еврейской автономии в Крыму? Да, это было неправильное предложение. Но так жестоко расправиться с ними, как расправился Сталин? Он мог просто отказать, разъяснить людям, и этого оказалось бы достаточно. Нет, он физически уничтожил всех, кто активно поддерживал их документ. Только Жемчужина выжила каким-то чудом и отделалась долголетней высылкой. Безусловно, такая акция стала возможна только в результате внутренней деятельности бациллы антисемитизма, которая жила в мозгу Сталина. Произошла расправа с Михоэлсом, величайшим артистом еврейского театра, человеком большой культуры. Его зверски убили, убили тайно, а потом наградили его убийц и с честью похоронили их жертву: уму непостижимо! Изобразили, что он попал под грузовую автомашину, а он был подброшен под нее. Это было разыграно артистически. А кто сие сделал? Люди по поручению Сталина.

Таким же образом хотели организовать убийство Литвинова. Когда подняли ряд документов после смерти Сталина и допросили работников МГБ, то выяснилось, что Литвинова должны были убить по дороге из Москвы на дачу. Есть там такая извилина при подъезде к его даче, и именно в этом месте хотели совершить покушение. Я хорошо знаю это место, потому что позднее какое-то время жил на той самой даче. К убийству Литвинова имелось у Сталина двоякое побуждение. Сталин считал его вражеским, американским агентом, как всегда называл все свои жертвы агентами, изменниками Родины, предателями и врагами народа. Играла роль и принадлежность Литвинова к еврейской национальности. Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму.

Вот еще один эпизод. В военные годы было создано Совинформбюро для сбора всевозможных материалов о нашей стране, о действиях Красной Армии, о борьбе против гитлеровской Германии и для распространения этих материалов в нашей и западной прессе, главным образом в США. Так как там очень влиятельны круги еврейской национальности, то и у нас в Совинформбюро входило немало евреев, занимавших высокое положение в стране. Заместителем начальника, а потом и начальником там был прежний генеральный секретарь Профинтерна, заместитель наркома иностранных дел Лозовский. Возник также Еврейский антифашистский комитет. Среди прочих в него вступил по рекомендации свыше Герой Советского Союза генерал Крейзер. В этом комитете состоял и Михоэлс. Он был родственником академика-философа Митина. В этот же комитет, конечно, входила и жена Молотова Жемчужина.

Лозовский не раз обращался ко мне, когда я приезжал в Москву, а иной раз звонил по телефону с просьбой, чтобы пропагандистам дали материалы о зверствах гитлеровцев на Украине. Я поручал, кому следует, и эти материалы посылались в США, где они широко использовались для пропаганды успехов Красной Армии и описания зверств, которые творили захватчики на Украине. Деятельность Лозовского была ярко положительной. Он был очень активный человек и настойчиво домогался: «Давайте материалы, давайте материалы!» Мы же в 1944—1945 гг.

были очень заняты восстановлением хозяйства, и нам порою было не до того. А он напирал: «Вы поймите, насколько важно для нас показать лицо нашего общего врага, описать его зверства, показать трудности восстановления наших городов и сел».

Думаю, что данная организация, изучавшая зверства гитлеровцев, была создана по предложению Молотова. Но, может быть, сам Сталин предложил организовать ее. Она активно занималась вопросами пропаганды, и ее деятельность, как и деятельность Еврейского антифашистского комитета, была явно в интересах нашего государства, нашей политики, Коммунистической партии, справедливо считалась полезной и необходимой. Когда освободили Украину, в ЕАКе составили документ (не знаю, кто явился инициатором), в котором предлагалось Крым превратить в еврейскую автономию в составе РСФСР. Обратились с этим предложением к Сталину. Вот тут и разгорелся сыр-бор. Сталин расценил дело так: налицо акция американских сионистов; члены этого комитета — агенты сионизма, которые хотят создать свое государство в Крыму, чтобы отторгнуть его от Советского Союза и утвердить там агентуру американского империализма. Был дан простор воображению.

Помню, как мне по этому вопросу звонил Молотов, советовался. Молотов, видимо, был втянут в это дело через Жемчужину. Наиболее активную роль в комитете играли Лозовский и Михоэлс. Сталин же буквально взбесился. Через какое-то время начались аресты. Схватили Лозовского, позднее Жемчужину. Был дискредитирован Молотов. Соответствующие материалы рассылались членам ЦК, и там все было использовано, чтобы дискредитировать Жемчужину и уколоть мужское самолюбие Молотова. Помню грязный документ, в котором говорилось, что она была неверна мужу, и даже указывалось, кто были ее любовниками. Много было написано гнусности.

Начались гонения на этот комитет, что послужило еще одним толчком к подогреванию антисемитизма. Сюда же приплеталась выдумка, будто евреи хотели создать свое особое государство, выделиться из Советского Союза. В результате встал вопрос вообще о еврейской национальности и ее месте в нашем государстве. Пошли расправы. Не знаю, сколько тогда людей было арестовано по этому делу. Применялись и другие методы. Сталин опять начал практиковать тайные убийства. Повторю, что Михоэлс был убит тайно. Не знаю, по какому поводу он выезжал не то в Смоленск, не то в Минск, возможно, его специально туда вывезли. Одним словом, там нашли его труп. Было инсценировано его убийство. В действительности его труп выбросили на улицу, а там организовали наезд машины на него. При его похоронах наша общественность отдала ему должное. Но она не знала, как погиб этот человек. А его убийцу (мне сообщил Маленков) наградили.

Долго тянулся следственный процесс по делу этого комитета, и в конце концов все кончилось трагически. Лозовский был расстрелян, а ряд лиц сослали. Я думал тогда, что Жемчужину расстреляли, потому что об этом никому ничего не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все доложили Сталину, а Сталин лично сам казнил и миловал. О том, что она жива, я узнал уже после смерти Сталина, когда Молотов сказал, что Жемчужина находится в ссылке. Все согласились, что ее надо освободить. Берия, освободив ее, торжественно вручил ее Молотову. Он рассказывал мне, как Молотов приехал к нему в министерство и там встретился с Жемчужиной. Она была еще жива, он обнял ее. Берия рассказывал с какой-то иронией, но Молотову и Жемчужиной выражал сочувствие, демонстрируя, что вроде это была его инициатива освободить ее.

Теперь — о вопросе по существу. Нужно ли было создавать в Крыму еврейскую автономную республику? Я считаю, что раз уже имелась Еврейская автономная область, то вряд ли нужно что-то еще создавать в Крыму.

А мы все питались тогда рассуждениями Сталина и поддавались его влиянию. Мысль Сталина про шпионаж появилась потому, что Крым — морская граница, доступная иностранным судам. Он считал, что никак нельзя допустить это с точки зрения обороны. Мы ведь всегда стояли на той точке зрения, что надо укреплять оборону, а не ослаблять ее. Правда, данный вопрос по существу никогда не обсуждался, а только высказывались точки зрения об осторожности и бдительности. Тут-то и была проявлена Сталиным «бдительность», и он пресек поползновения мирового сионизма, его попытки создать опору в нашей стране для борьбы американского империализма против нас. Если встать на эту позицию, то не надо было

разрешать создавать эту республику. Так оно и было решено. Но официального обсуждения и решения никакого не было, а вот аресты начались. Хватали людей, которые сыграли большую роль во время войны по сбору антифашистских материалов. Все пошло насмарку, а честные люди были уничтожены. Вновь позорное явление!

После этого и возник упомянутый процесс на Автомобильном заводе имени Сталина. Там тоже искали происки американского империализма через сионистов, работающих на заводе. Конечно, чистейшая чепуха. Тут результат произвола и абсолютной бесконтрольности Сталина. Не существовало органов, которые могли бы контролировать его деятельность. ЦК партии — номинальное учреждение, которое ничем не связывало Сталина и никаких решений не могло выносить, если Сталин не благословлял их. Его бесконтрольность и привела к тому, о чем предупреждал Ленин, когда говорил, что Сталин способен злоупотреблять властью и поэтому нельзя его держать на высоком посту Генсека. Плоды, которые мы вкусили, подтверждали правильность заключения Ленина, которое он сделал в последние годы своей жизни.

Вот я говорил о гибели Лозовского. А 28 марта 1968 г. ему была посвящена статья в газете «Известия». Там приводятся биографические данные о Лозовском, но стыдливо умалчивается, как он умер. Просто поставлен 1952 год. А что произошло в том году? Он сквозь землю провалился или на небо улетел? Позорная стыдливость. Думаю, что автор заметки хотел правдиво рассказать, как обстояло дело. И правдивость предохранила бы нас на будущее от повторения трагедии, которая разразилась в партии и у народов Советского Союза. Трагедия, в результате которой погибли тысячи советских людей, в их числе и товарищ Лозовский. Думаю, что придет время, когда все это раскроется шире и будет проведен глубокий анализ того, как это произошло, с тем чтобы впредь ничего подобного не могло повториться.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Технология власти

А. Г. Авторханов

XXIV. Мое выступление в «Правде» по национальному вопросу.

Я должен сделать здесь некоторое отступление, чтобы изложить один характерный эпизод, связанный с моей личностью.

Внимательный анализ документов партии и особенно их сличение с живой практикой в национальных районах СССР не оставляли никакого сомнения в том, что так называемая национальная политика сталинского руководства есть политика пустых деклараций, отличающаяся только своей эластичностью и «косвенными путями», как выражался Сталин. По этому вопросу я и решил выступить со статьей во время дискуссии накануне XVI съезда. Я не отвергал национальной политики партии ленинского периода (X и XII съезды партии), а требовал возврата к ней, главное — практического проведения в жизнь того, что много раз декларировалось на бумаге. На X и XII съездах партии (1921, 1923 гг.) были выдвинуты лозунги: «Надо помочь национальным окраинам России догнать ушедшую вперед центральную Россию в хозяйственном и культурном отношении» и «ликвидировать фактическое неравенство народов России». Я писал, что нынешние темпы нашего хозяйственного и культурного строительства не обеспечивают выполнения этих ясных и четких директив X и XII съездов партии не только за эту пятилетку, но и за ближайшие пятилетки. Но самым главным в моей статье было другое: *я отвергал коллективизацию для национальных районов СССР.*

Моя работа еще не была закончена, когда в «Правде» появились «Тезисы Политбюро» по будущим докладам на XVI съезде партии Яковлева (тогда — наркомзем СССР), Куйбышева (тогда — председатель ВСНХ), Шверника (тогда — председатель ВЦСПС). Я решил переделать свою статью в плане «лояльной» критики тезисов ЦК. Правда, я шел на большой риск: за такую лояльность меня могли исключить из партии, а значит, и из ИКП. На ноябрьском пленуме было решено, что «пропаганда взглядов правого оппортунизма несовместима с пребыванием в ВКП(б)». Выступление против коллективизации, хотя бы в национальных районах СССР, конечно, считалось самым «махровым оппортунизмом». Но при моих настроениях трудно было считаться с каким-либо риском. Он выглядел как подвиг.

Сорокину я не говорил, что готовлю статью по национальному вопросу, а когда она была готова, положил ее ему на стол. Хотя Сорокин внимательно следил за моими «успехами» в «разочарованиях», но статья явилась для него полнейшим сюрпризом. Как сейчас помню его первую реакцию. Сорокин внимательно прочитал всю статью, временами возвращаясь к отдельным страницам и мыслям. По выражению его лица нельзя было понять, что меня ожидает в конце — ядовитый смех или торжественная похвала. Сорокин наконец кончил чтение и произнес свой приговор кратко: «Гора пошла к Магомету! Поздравляю!» — и крепко пожал мне руку. Не только мое национально-политическое, но и авторское самолюбие было польщено. Прямо по пути от Сорокина я опустил готовый конверт со статьей в «Правду» в почтовый ящик на Тверской.

Однако прошли дни, прошла неделя, но моя статья не появилась. При встречах Сорокин спрашивал, послал ли я статью в «Правду». Я отвечал уклончиво — еще нет, «дорабатываю» и пошлю. Началась вторая неделя. Я каждый день ранним утром бегал к газетному киоску. Беру газету, быстро и с волнующим нетерпением пробегаю оглавление «Сегодня в номере», потом перелистываю газету и разочарованно комкаю ее в руках — нет и нет! Ясно, что мое «творчество» направили по назначению — в редакционную корзину бдительного Мехлиса в лучшем случае, в бюро Ярославского — в худшем. «Худшее» и есть самое трагикомическое: я попросту сделал донос на самого себя!

Я перестал бегать по утрам за газетой. Наводить справки в редакции не позволяло самолюбие. Но «ура» и «увы» одновременно: 22 июня 1930 г. читаю «Сегодня в номере» «Правды»: А. Авторханов «За выполнение директив партии по национальному вопросу». Статья напечатана как первая и основная в «Дискуссионном листке» № 17. Она занимает почти три колонки «Правды». Выброшены только некоторые острые места, особенно персональная критика по адресу членов Политбюро А. Андреева и Л. Кагановича, которым было поручено Центральным Комитетом провести первую, «опытную» «сплошную коллективизацию» в СССР. Я собрал очень много материала о том, как проводилась секретарем крайкома Андреевым и командированным ему на помощь Л. Кагановичем эта «опытная расправа» с крестьянством на Северном Кавказе. «Правда» разрешила мне критиковать «тезисы Политбюро», но не практику Андреева и Кагановича. Поэтому в конце статьи вместо бомбы получился куцый хвост. Но я был доволен и этим.

Чтобы не утомлять читателя, я не стану цитировать здесь отдельные места этой статьи, тем более что ее содержание я уже в основном рассказал выше. Но я никак не могу пройти мимо той реакции, которую она вызвала у официальной партийной верхушки: сначала в ряде статей в «Правде» против меня, а потом в ИКП. Из критики я остановлюсь сначала на статье новоявленного теоретика партии по национальному вопросу — Коста Таболова (Таболов был членом постоянной «национальной комиссии» ЦК, потом секретарем обкома партии в Алма-Ате, где он и был ликвидирован Ежовым и Маленковым). 26 июня 1930 г. в «Правде» появилась статья («Дискуссионный листок», № 21), в которой он резко обрушился «с позиций партии» на известного деятеля партии Диманштейна за его передовую в журнале «Революция и национальности» и на меня за статью в «Правде». Вот наиболее характерные возражения мне Таболова: «Но если т. Диманштейн переоценил наши успехи, поспешил умалить значение национального вопроса, объявил его в основном решенным, то т. Авторханов перегнул в обратную сторону, смазал наши успехи в национальной политике. В своей статье т. Авторханов пишет: «Нынешние темпы нашего культурного и экономического строительства в национальных районах и имеющиеся достижения не обеспечивают выполнения весьма ясных и практических директив X—XII съездов (1921, 1923 годы) партии не только за эту пятилетку, но и за ближайшие пятилетки».

Процитировав эти слова, Таболов восклицает: «Итак, даже «за ближайшие пятилетки» существующие темпы не обеспечивают, по мнению т. Авторханова, успешного выполнения решений X—XII съездов партии! Отсюда у т. Авторханова требование сверхфорсированных темпов для национальных окраин, если даже они хозяйственно нецелесообразны. Первая ошибка этой формулы т. Авторханова заключается в том, что условия самой отсталой Чечни он неправильно распространяет на все окраины. Во-первых, неверно, что успешное выполнение решений X и XII съездов требует ряда пятилеток, ибо часть этих решений уже сейчас выполнена полностью (?!); во-вторых, т. Авторханов отрывает национальную политику от общей политики партии; в-третьих, т. Авторханов явно замазывает громадные достижения в национальной политике пролетариата... В-четвертых, недооценив

П р о д о л ж е н и е. См. Вопросы истории, 1991, №№1—10.

наши успехи, развивая пессимизм, т. Авторханов дает пищу представителям местных националистов в их нападках на партию».

Прочитав мне такую «глубокомысленную» нотацию, Таболов переходит к «колхозным делам» и начинает декларировать от имени партии, то есть от имени той «партии в партии», в которой он тогда состоял: «Партия против подмены крупных вопросов политики партии якобы национальными соображениями, против преувеличения особенностей республик и национальных областей, против замалчивания наших успехов. Партия против местного национализма — разновидности оппортунизма в национальных окраинах. Национальный вопрос на новом этапе должен охватить такой лозунг партии, как ликвидация кулачества как класса, на базе сплошной коллективизации... Не прав т. Авторханов, когда противопоставляет землеустройство задачам создания тозов (тоз — «товарищество по совместной обработке земли». — *А. А.*) и артелей в национальных окраинах. Авторханов пишет: «Если бы мы начали подходить к массовому колхозному движению в национальных районах с тозов и артелей, то это было бы не по-ленински — начать надо с простейшего и пока неразрешенного — с землеустройства». Приводя эту цитату, Таболов «победоносно» комментирует: «Землеустройство, не ускоряющее социалистическую переделку деревни, а увековечивающее индивидуальное хозяйство!»

Заканчивая свою статью, Таболов решил почему-то еще раз вернуться к моему первому тезису, который он так «добросовестно» разобрал: «В своей статье («Дискуссионный листок», № 17) т. Авторханов пишет: «Надо поставить теперь, в реконструктивный период, перед собою практическое, более чем форсированное устранение *фактического неравенства национальностей*... Нельзя утверждать, что все, что хозяйственно нецелесообразно и неэффективно в данное время, пролетарская революция не делает». Характерно, что тут же выдвигается требование провести все это *«практически»*. Спрашивается, разве мы до сих пор решали задачу устранения фактического неравенства *непрактически?»*

Забегая несколько вперед, хочу указать, что самоуверенный Таболов и его друг Мехлис тут попали впросак. Каково должно было быть их удивление, когда они в решении XVI съезда партии по докладу Сталина прочли буквально следующее:[1] «Партия должна *усилить* внимание к *практическому проведению* ленинской национальной политики, изживанию *элементов национального неравенства* и широкому развитию национальных культур народов Советского Союза» (весь курсив в цитате мой. — *А. А.*).

«Ученый» Таболов при всем своем усердии выслужиться перед Сталиным все-таки не разгадал основного смысла моего выступления. С этой задачей блестяще справился один из «экспертов» по национальному вопросу в «Кабинете Сталина» — Лев Готфрид. 30 июня 1930 года (то есть уже после открытия съезда) он выступил в «Правде» со статьей на ту же тему. Таболова я знал лично. Знал, что он метит туда же, куда метили тогда совсем не влиятельные Митин и Юдин или еще менее их заметные Хрущев и Маленков, то есть в члены ЦК. Готфрид находился у самой цели. Если он и не был формально членом ЦК, то он был чем-то бóльшим — членом «кабинета» самого Сталина.

Статья Готфрида называлась: «О правильных и правооппортунистических предложениях т. Авторханова». Соответственно она состояла из двух частей: моя критика практики и уровня национально-культурного и хозяйственного строительства на окраинах СССР признавалась правильной, даже дополнялась новыми фактами и данными ЦК партии (это был и прямой ответ «ура-оптимизму» Таболова), но мое требование отказаться от коллективизации в национальных республиках и областях не только категорически отвергалось, но и квалифицировалось как самый злокачественный правый оппортунизм, то есть такое преступление, за которое тогда без всяких церемоний исключали из партии, снимали с работы или с учебы.

Позволю себе привести выдержки из этой статьи, заранее прося у читателя извинения, если они покажутся ему длинными и скучными. Л. Готфрид пишет: «В «Дискуссионном листке» № 17 напечатана статья т. Авторханова «За выполнение директив партии по национальному вопросу». Автор совершенно правильно и своевременно заостряет внимание партии на особой необходимости именно теперь подвести итоги выполнения директив X и XII съездов партии по национальному вопросу и поставить в нынешний реконструктивный период перед собою практическое, более чем форсированное устранение фактического неравенства национальностей. Имеется острейшая необходимость в том, чтобы в тезисах этот вопрос нашел свое четкое освещение. Мы не согласны с мотивировкой т. Авторхановым этой необходимости только как «жертвы». Извините, партия никогда так не ставила вопрос об индустриализации национальных окраин. Это не жертва, а единственно возможная в СССР и единственно правильная политика... Очень полезно не забывать в этой связи известное выступление Владимира Ильича, когда он говорил, что «поскрести иного коммуниста, и найдешь великорусского шовиниста...».

Сопротивление чиновнических, бюрократических элементов госаппарата и хозорганов в коренизации огромно (коренизация — привлечение коренного населения в аппарат. — *А. А.*). Тов. Авторханов прав, когда указывает на весьма скромное количественное достижение в этой области. Но сопротивление идет не только по этой линии. Когда узбеку, туркмену, таджику удается попасть на завод, то он большей частью обречен на вечное пребывание в чернорабочих... Мы можем смело сказать, что внутри многих совхозов Средней Азии внешняя обстановка очень и очень пахнет колонизаторством, например: в совхозе «Савай» все местные рабочие-националы используются исключительно в качестве чернорабочих на тяжелой ирригационной работе. Один рабочий-узбек (единственный квалифицированный), работавший на сеялке, обученный этому делу на специальных агрокурсах, был переведен тем не менее на черную работу. На вопрос — почему? — администрация ответила, что его готовили для колхозов и мы хотим его заставить уйти в колхоз».

Теперь Готфрид переходит к сути дела: «Соглашаясь целиком с теми вопросами, которые поднял т. Авторханов в отношении индустриализации национальных районов СССР, мы должны категорически возразить против явно ликвидаторской и правооппортунистической теории и предложений Авторханова по вопросу о путях коллективизации национальных окраин, и в том числе Средней Азии. Цитируя известное место из статьи Сталина о нарушении ленинского принципа учета разнообразных условий различных районов СССР, а также утверждая, что «в национальных районах массовые выступления мы имеем в больших масштабах, чем в русских», наш автор полемизирует по следующим местам в тезисах тов. Яковлева: наряду с артелью «в некоторых районах незернового характера, а также в национальных районах Востока получит на первое время массовое распространение товарищество по общественной обработке земли как переходная форма к артели» (тезисы т. Яковлева).

Тов. Авторханов в противовес этой установке выдвигает свои предложения о путях подготовки к массовому колхозному движению в национальных районах. Он говорит: «Мы думаем, что эта подготовительная работа к массовому колхозному и тозовскому движению должна начаться с самого начала — с землеустройства». «Если бы мы, — продолжает автор, — начали подготовку к массовому колхозному движению с тозов, то это было бы не по-ленински. Начать нужно с простейшего и пока неразрешенного — с землеустройства...» Уже поэтому ошибочно т. Авторханов олицетворяет земельную реформу в Узбекистане с землеустройством... А что выходит, если пойти по пути, предлагаемому тов. Авторхановым? *Это означает снятие всерьез и надолго лозунга сплошной коллективизации в национальных районах... т. к. это землеустройство будет землеустройством индивидуальных крестьянских хозяйств, оно зафиксирует статус-кво...* Мы не можем также не указать тов. Авторханову на необходимость дифференцировать то место статьи, где он говорит, что массовые и даже антисоветские выступления мы имеем «в больших масштабах в национальных районах, чем в русских», ибо известно, что Казахстан и Средняя Азия не одно и то же, что именно под руководством ЦК ВКП(б) исправление действительно имевших место политических ошибок в коллективизации в Средней Азии обеспечило выполнение посевных планов... Вот почему мы не можем расценивать это предложение тов. Авторханова иначе, как *попытку потащить партию назад, и в сторону от генеральной линии партии, на ту самую дорожку, о которой ноют и скулят все правооппортунистические элементы»*.

Дав чисто ортодоксальную сталинскую квалификацию смысла моей статьи, Готфрид переходит в грозное наступление и при этом считает себя достаточно компетентным, чтобы поставить диагноз и моей личной «политической болезни». Вот этот «диагноз»: «Тов. Авторханов определенно заболел правооппортунистической

близорукостью и паническим настроением. Он не видит того, что уже есть в национальных окраинах, а «не признавать того, что есть, нельзя, — оно само заставит себя признать» (Ленин). Почему мы так резко возражаем тов. Авторханову? Да хотя бы потому, что «время более трудное, вопрос в миллион раз важнее, заболеть в такое время — значит рисковать гибелью революции» (Ленин, из речи на VIII съезде партии против тов. Бухарина). *Предательские уши правых дел мастера торчат из рассуждений Авторханова о путях коллективизации национальных окраин».*

После такого выступления «Правды» слово обычно переходило к чекистам, и там уже с «предателями» разговаривали другим языком и при помощи более веских аргументов. Пока что слово было предоставлено Ленину, а я сам поставлен в косвеиную связь с «тов. Бухариным». Намек был слишком прозрачным, чтобы я мог себя утешать. К тому же началась «психическая атака» и изнутри Института. Как только в этот день утром я появился в Институте, толпа из породы Юдиных взяла меня в «штыки»: «Товарищ мастер правых дел! Сколько вам платит товарищ Бухарин?», «Товарищ красный профессор, покажите ваши предательские уши!». Один даже вплотную подошел ко мне, стал лицом к лицу и, приставив растопыренные пальцы к собственным ушам, начал выть по-ослиному. Раздался хохот толпы. Я полез в драку.

Позже я встретил Сорокина. Я был в страшном волнении. Он уже был проинформирован об инциденте, читал и статью против меня. Ко всему этому он знал, что если я сегодня стал «дважды героем» дня, то не без его личного влияния. Он предложил мне поехать с ним в «одно место».

Через час мы сидели в том же ресторане на Арбате, в котором он впервые начал «просвещать меня». «Плоды» этого «просвещения» уже были налицо: «предательские уши», публичная травля, открытое «мордобитие». Сорокин заказал нам пиво и пельмени. Я потребовал водки. «Что с тобой, ты же ведь водки не пьешь?» — спросил Сорокин с деланным недоумением. «Для полноты картины», — ответил я и добавил: «Правильно говорят люди — без пол-литра не разберешься!»

На столе появился графинчик. Я наполнил две рюмки и, не дожидаясь ни закуски, ни Сорокина, почти одним глотком выпил полную рюмку. По телу медленно поползли «мурашки» алкоголя. Еще одна, другая... Мозг начал бешено работать, даже чересчур... Чувство обиды за сегодняшнее оскорбление стало еще тяжелее, чувство мести — еще более жгучим. Потом я мысленно перенес толпу институтских ослов на всероссийскую арену, в туркестанские пески, кавказские горы, где она или такая же, как она, организованная банда олицетворяет «диктатуру пролетариата». Если жгучая ненависть к такой банде называлась, по Готфриду, «предательством», то предателем я стал задолго до его статьи. «Ну вот и спасибо, что воевали за такую советскую власть, товарищ Сорокин», — высказал я официальным тоном вывод Сорокину, как будто он следил за незримой работой моего мозга и лично нес ответственность за нынешний режим.

«У каждого народа бывает, как сказал немецкий мудрец, только такая власть, какой он достоин. У прусских юнкеров ее жестокость компенсировалась их рыцарством, а у наших кремлевских башибузуков подлость затмевает жестокость. Я должен тебя разочаровать — за власть этих подлецов я не воевал. Но если она сегодня временно утвердилась, — Гегель глубоко прав — мы ее достойны. Если в миллионной партии нет двух десятков Тарасов Бульб, которые могли бы сказать: «Мы тебя родили — мы тебя и убьем», значит, мы все подлецы. Но идеалы нашей революции так же мало повинны в практике сталинцев, как Христос в жестокостях средневековой инквизиции. Вывод? Поскольку «Тарасов» нет, а с корабля первыми бегут сами «капитаны», то остается только уйти в глубокие катакомбы, как шли первые христиане в Риме. Нет. Это оккупация нас, партии и страны полицейскими штыками внутренних иностранцев. Она будет продолжаться ровно столько, сколько нам необходимо времени, чтобы выстрадать собственную подлость», — так рассуждал теперь Сорокин. «Новая философия» Сорокина не оставляла никакого сомнения в том, что безоговорочная капитуляция бухаринцев на происходящем съезде — уже решенный вопрос.

Сорокин не был готов к капитуляции, как и десятки других людей из его окружения, но это были люди без ярких и больших имен в партии и стране. Как раз для «революции сверху», для того «государственного переворота», о котором мечтал

Сорокин, нужны были не столько яркие лозунги, сколько громкие имена. «Капитаны» (лидеры группы Бухарина) решительно отказались дать для этого свои имена. Все еще юридический председатель советского правительства — Рыков — не хотел стать им и фактически. Все еще гигантский авторитет в партии — Бухарин — испугался собственного авторитета. Власть Сталина, которая с осени 1929 года до поздней весны 1930 года переживала глубочайший кризис, была спасена не мудростью сталинцев, а доктринерством бухаринцев.

Мне напрашивается на язык слово «трусость». Но я не хочу быть несправедливым. Величайшим трусом всех времен и народов даже Сталин стал только после своей победы. До нее он так же смело и безоглядно рисковал своей жизнью, как и его нынешние противники. Нет, это не были трусы. Это были рабы общего их со Сталиным учения — «социальной революции», «диктатуры пролетариата» и «социализма». Разница заключалась в том, что Сталин, придя к власти, просто бросил все это в мусорный ящик истории, а бухаринцы все еще хватались за мираж.

Мы сидели долго и как бы подводили итоги крушениям наших иллюзий. Это были итоги бесславной гибели последней оппозиции в ВКП(б). Что же касается моих личных политических и «психических» невзгод, то Сорокин меня «успокоил», что атаки на меня в связи с создавшимся на съезде положением не прекратятся до моего публичного отказа от своих мнимых ошибок. «Впрочем, руководствуйся велением собственной совести», — добавил он. Через несколько дней я решил руководствоваться инстинктом самосохранения. Этому предшествовали следующие события.

На второй день, 1 июля, меня вызвали на заседание бюро ячейки ИКП. На повестке дня стояло два вопроса: 1. О правооппортунистическом выступлении т. Авторханова в «Правде». 2. О хулиганском поступке т. Авторханова в ИКП. Присутствовали почти все члены бюро, в том числе и Сорокин. По первому вопросу разговор был короткий: 1) признаю ли я свое выступление в «Правде» правооппортунистическим, 2) если да, то готов ли я признать это выступление ошибочным? Попутно, намеком, председатель дал понять, что от моих ответов зависит и решение по второму вопросу. Я совершенно спокойно, но довольно решительно ответил: «Поскольку я нахожу первый вопрос провокационным, то я отказываюсь отвечать на второй вопрос».

Председатель перешел в наступление: «Вы утверждаете, что колхозы не подходят для национальных республик и областей, вы пишете, что партия не должна там проводить политику сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на ее базе. Вы говорите, что партия должна проводить там политику землеустройства, то есть политику увековечения индивидуальных хозяйств. Что же, вы хотите убедить нас в том, что это не правооппортунистическая теория? Вы хотите, чтобы партия имела две политики: одну, ленинскую, — для русских, другую, бухаринскую, — для национальностей?» «Все это ваша личная интерпретация, построенная на фантазии Таболова, Готфрида и других, а потому и не авторитетная. Для меня единственный авторитет в данном случае — съезд партии. Политику землеустройства как раз и огласил XV партсъезд», — отвечаю я. «А товарищ Сталин для вас не авторитет?» — ехидно спрашивает кто-то из членов бюро. «Больше, чем для вас», — отвечаю я с намеренным желанием задеть его. «Но тогда прочтите, что сказал товарищ Сталин на XVI съезде о землеустройстве. Через четыре дня после появления вашей статьи товарищ Сталин прямо сказал: «Партия пересмотрела метод землеустройства в пользу колхозного строительства». Согласны вы с этим?» Это был прямой, острый и самый неприятный для меня вопрос. Сталин, который, безусловно, следил за нашей дискуссией, действительно сказал то, что цитировал член бюро.

Положение мое было критическим. Все взгляды устремились на меня. Малейшая неосторожность, оплошность или горячность могли меня погубить. Ожидаемое мною с самого начала спасение пришло вовремя. Поднялся Сорокин. «Я чувствую, что разбор дела товарища Авторханова мы ведем слишком однобоко и придирчиво. Вопрос о его статье надо разделить, как это сделал и товарищ Готфрид, на две части. Первая часть — это чрезвычайно деловая и правильная постановка вопроса о необходимости усиления внимания партии к национальному вопросу и национальной политике. В этом не ошибка, а заслуга товарища Авторханова. Об этой части статьи товарища Авторханова в ЦК отзывались очень положительно, о

чем мне лично рассказывал сам товарищ Готфрид. ЦК, как и мы с вами, находит ошибочной тенденцию второй части статьи — рекомендацию политики землеустройства вместо коллективизации для национальных республик. Поэтому, по прямому поручению ЦК, товарищ Готфрид уже поправил ошибку товарища Авторханова. После всего этого объявить его «правым оппортунистом» — значит сознательно толкать молодого члена партии в пропасть. Я предлагаю вообще снять с обсуждения данный вопрос, а так как второй вопрос связан с первым, то ограничиться здесь взаимным извинением обоих».

Выступление Сорокина вызвало бурные прения. Забыв на время меня, начали атаковать его. Пошло в ход и роковое слово «примиренец», начали громить «примиренца» Сорокина. Приняли и для меня и для Сорокина совершенно неожиданное решение: 1. Исключить т. Авторханова «как переродженца» и «правого оппортуниста» из партии и поставить вопрос перед ЦК об исключении его из Института. 2. Объявить т. Сорокину выговор за примиренческое отношение к правому оппортунизму. Второй вопрос повестки дня — о моем «хулиганстве» — механически отпал.

На другой день, это было уже 2 июля, мы с Сорокиным (я — как «оппортунист», а он — как мой «примиренец») поехали в ЦК. В перерывах съезда сумели поговорить со Стецким. Стецкий внимательно выслушал наши объяснения по поводу заседания бюро и его решения, но вдаваться в детали дела не стал. «Ваш спор уже решен резолюцией съезда по докладу товарища Сталина», — сказал Стецкий и сослался на соответствующие места названной резолюции. Места эти были весьма определенны и недвусмысленны: «Правые оппортунисты, решительно выступавшие против коллективизации, попытались использовать трудности колхозного движения и антисередняцкие перегибы для новой атаки Центрального Комитета и его политики. *За последнее время наблюдался ряд новых вылазок обанкротившихся правых оппортунистов, пытавшихся дискредитировать всю работу партии в деле коллективизации...* проповедовавших теорию самотека в колхозном движении и ликвидаторское отношение к основным лозунгам партии на данном этапе социалистического строительства: к лозунгам сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса (курсив мой. — *А. А.*)... XVI съезд поручает ЦК партии... неуклонно проводить *ликвидацию кулачества как класса* на основе сплошной коллективизации по всему Советскому Союзу». *«Съезд объявляет взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)»*[2] (курсив мой. — *А. А.*).

Процитировав эти места, Стецкий обратился ко мне: «Это решение съезда, обязательное для каждого из нас. О землеустройстве вообще у нас теперь и речи нет. Именно вашу статью имел в виду Сталин, когда положил конец дискуссии — «партия пересмотрела метод землеустройства в пользу колхозного крестьянства», а съезд добавил — «по всему СССР». Отсюда для вас один вывод: пойдите в редакцию «Правды» и немедленно признайте свою грубейшую (слово «грубейшую» Стецкий подчеркнул) правооппортунистическую ошибку». Но не спросив даже, согласен ли я признать такую ошибку (это, видно, казалось ему совершенно естественным), он вызвал своего секретаря и в нашем же присутствии продиктовал телефонограмму: «Секретарю бюро ячейки ИКП. Прекратите травлю т. Авторханова. Уничтожьте протокол о тт. Авторханове и Сорокине. Исполнение сообщить. По поручению ЦК — Стецкий».

После этого 4 июля 1930 года в «Правде» появилось следующее мое «Письмо в редакцию»: «Тов. редактор! В своей статье «За выполнение директив партии по национальному вопросу» (см. «Правда», «Дискуссионный листок», № 17) я допустил грубейшую правооппортунистическую ошибку, утверждая, что подготовка к колхозному движению в национальных районах и окраинах должна начаться с землеустройства. От этого своего тезиса я отказываюсь. Совершенно правильно ставит вопрос относительно национальных окраин и районов т. Яковлев, где сказано, что «наряду с артелью в некоторых районах незернового характера, а также в национальных районах Востока может получать на первое время массовое распространение товарищество по общественной обработке земли как переходная форма к артели», тем более что «партия пересмотрела метод землеустройства в пользу колхозного строительства» (из доклада т. Сталина на XVI съезде партии). В правильности генеральной линии партии как в области индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и решительной борьбы на два фронта — в первую очередь против

главной опасности — правого уклона, так и в области национальной политики у меня никаких колебаний и сомнений нет. С коммунистическим приветом — А. Авторханов».

В самом начале сталинской диктатуры по СССР гуляли «шесть заповедей безопасности» советских граждан: 1. Не думай. 2. Если подумал, не говори. 3. Если сказал, не записывай. 4. Если написал, не печатай. 5. Если напечатал, не подписывай. 6. Если подписал, откажись. Письмом в редакцию «Правды» я отрекся от своей «грубейшей правооппортунистической ошибки» и тем самым попытался выполнить требование «шестой заповеди» и поправить свое пошатнувшееся положение в Институте.

Но письмо помогло только отчасти. Случилось то, чего я больше всего боялся. Через недели две или три я был вызван к заведующему пресс-бюро ЦК Сергею Ингулову. Меня принял один из его помощников, который сухо сообщил суть дела: «Решением ЦК вы отозваны из ИКП в распоряжение национального сектора пресс-бюро, а что вы должны делать там, вам расскажет товарищ Рахимбаев» (Рахимбаев был заведующим этим сектором). «Есть у меня шансы вернуться обратно на учебу или пока это все?» — спрашиваю я. «У вас есть все шансы подчиняться партийной дисциплине, и это пока что все», — ответил помощник Ингулова. Сказано это было тоном, подчеркивающим нежелание продолжать разговор на данную тему. И я был достаточно благоразумен, чтобы прекратить его.

«Судьба играет человеком», — говорили раньше. «ЦК играет коммунистом», — утверждали теперь. Кто не подчинялся этой игре, оказывался в тайге. Я предпочел игру.

Часть вторая

Триумф Сталина

I. Пропагандная лаборатория ЦК партии

ЦК в жизни большевистской партии на разных этапах ее истории играл разную роль. До прихода большевиков к власти Ленин больше значения придавал центральному органу печати (ЦО), чем ЦК. Так, например, после раскола партии на втором ее съезде (1903 г.) на «большевиков» и «меньшевиков» Ленин в ЦК не вошел, а посадил туда своих помощников (Кржижановский и др.). Сам же Ленин предпочел войти в состав редакции центрального органа партии — газеты «Искра» (Ленин, Плеханов, Мартов). Когда же Мартов, лидер меньшевиков, отказался войти в такую редакцию и требовал сохранения старой редакционной «шестерки», отвергнутой «большевиками», — Плеханов, Ленин, Мартов, Засулич, Потресов, Аксельрод, — а Плеханов в этом споре стал на сторону Мартова, Ленин вышел из редакции и предложил кооптировать себя в состав ЦК, что и было сделано.

На III чисто большевистском съезде (Лондон, 1905 г.) Ленин был избран и в ЦК и в центральный орган печати, но не попал в состав ЦК на IV, так называемом «объединительном», съезде (Стокгольм, 1906 г.). На V съезде партии (Лондон, 1907 г.) Ленин был избран лишь в кандидаты членов ЦК (членом ЦК от большевиков был избран, например, Зиновьев). Однако Ленин постоянно избирался в состав партийной редакции, которой он придавал решающее значение и куда он постоянно стремился. Печать Ленин ставил выше всего. Как раз Ленину принадлежит знаменитое большевистское определение роли печати: «Газета не только коллективный пропагандист, но и коллективный организатор» («Что делать?»).

Положение резко изменилось накануне, во время и после революции. Ленин, который первым из русских революционеров сформулировал свой знаменитый «организационный план революции» словами: «Дайте нам организацию революционеров — мы перевернем всю Россию» (идея «профессиональных революционеров» в той же работе «Что делать?»), увидел в Центральном Комитете «Центральный штаб» революции. Со времени «Пражской конференции» большевиков

1912 года Ленин не только сам входит в ЦК, но и юридически возглавляет его до самой смерти. Соответственно меняются функции ЦК. Если раньше он считался техническим исполнительным органом партии, то теперь он — орган диктатуры партии, а в условиях октябрьской победы большевиков — и орган государственной «диктатуры пролетариата».

Следующие два определения, данные большевиками в разное время значению ЦК партии, довольно ясно говорят о роли этого органа в структуре партии и государства: 1. По словам Сталина[3], «требовать от ЦК, чтобы он не предпринимал никаких шагов, предварительно не опросив провинции, значит требовать, чтобы ЦК шел не впереди, а позади событий... Это был бы не ЦК». 2. Ленин на VIII съезде партии (1919 г.) определил роль ЦК как роль «боевого органа». «В противном случае это будут, — говорил Ленин, — либо полуслова, либо парламент, а парламентом нельзя в эпоху диктатуры ни решать вопросов, ни направлять партию или советскую организацию».

Но с того времени, как Сталин стал хозяином ЦК, ЦК как коллегия выборных членов партии постепенно теряет свою силу. Теперь значение органа универсальной диктатуры приобретает аппарат ЦК. Роль этого аппарата хорошо охарактеризована в определении Л. Кагановича[4]: «ЦК находил время руководить вопросами не только международной политики, вопросами обороны, хозяйственного строительства, но одновременно заниматься такими вопросами, как учебники, как библиотеки, как художественная литература, театры, кино, такими вопросами, как производство граммофонов, качество мыла и т. д. В этом и состоит искусство большевистского руководства, чтобы выделить главный фронт, налечь на него и в то же время обозревать все поле боя, чтобы не было участка, который ускользнул бы из поля зрения». Таковой стала роль аппарата ЦК в «системе диктатуры пролетариата» при Сталине.

Но Каганович слишком обобщил свое определение. Другой ученик Сталина, Киров, раскрыл скобки и вокруг безымянного аппарата. Ровно за год до своего убийства, в декабре 1933 года, на партийной конференции в Ленинграде он легализовал Сталина как подлинного диктатора и над аппаратом ЦК. Вот его слова[5]: «Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин. За последние годы, с того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин. Вся основная работа — это должна знать партия — проходит по указанию, по инициативе и под руководством товарища Сталина. Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третьестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его». Таким аппарат ЦК становится со времени прихода сюда Сталина (1922 г.). До него он играл подчиненно-техническую роль по отношению к Оргбюро и Политбюро.

До 1919 года аппарат ЦК возглавлялся Свердловым и состоял из каких-нибудь двух десятков людей с канцелярией, которая вся помещалась, как тогда говорили, в кармане Свердлова в виде его «записных книжек». После смерти Свердлова Ленин внес предложение (на VIII съезде, 1919 г.) избрать коллегию «секретарей ЦК» для ведения организационно-технической работы партии (информация, распределение кадров). В этом «секретариате» побывали до Сталина видные большевики из ленинской и даже троцкистской гвардии (Стасова, Серебряков, Преображенский, Крестинский, Молотов), но «секретариат» все еще оставался подчиненно-техническим аппаратом, пока не появился Сталин. С конца двадцатых годов картина резко меняется. Сначала «Секретариат ЦК», а потом «Секретариат т. Сталина» становится той мощной силой, которая вовне известна как «ЦК партии». Вот теперь происходит то, что Киров называет «заслугами Сталина». Сталин и его аппарат интересуются не только «большой политикой», но и «десятистепенными вопросами». Юридические функции советского государственного аппарата перемещаются к аппарату партийному. Соответственно разбухает и сам аппарат. К тому времени, которое я описываю, аппарат ЦК уже окончательно сложился. Правда, структура его руководящих органов, как и состав работников ЦК, постоянно меняется, но принципы, на которых построена вся его работа, остаются постоянными и поныне.

Первый и главный принцип гласит: поскольку коммунистическая партия —

единственная правящая и руководящая партия в СССР, то ее бдительное око и направляющая рука должны быть *всюду и везде*. Весь государственный организм — политика, экономика, культура, все социальное общежитие людей должно быть пропитано лишь одной идеей — большевистской партийностью, лишь одной силой — большевистским руководством.

В этом смысле в жизни советского государства нет важных и маловажных участков, а есть только своеобразные «двигатели внутреннего сгорания» и приводные к ним ремни. Поэтому, как говорил Каганович, Политбюро решает все вопросы не только большой внешней политики, но живо интересуется и производством «граммофонов» и «мыла». Ничто не может находиться вне поля партийного зрения — ни человек, ни вещи, ни время, ни пространство. Этот принцип и лежит в основе тоталитаризма и тоталитарности советского управления. Исходя из него, Сталин создал и аппарат партии. Чтобы наилучшим образом претворять в жизнь этот идеально-методологический принцип, надо иметь и необыкновенно даровитых и способных людей.

Поэтому второй принцип организации аппарата касается подготовки и подбора людей аппарата. Этот принцип гласит: в аппарат партии надо подбирать людей, исходя из двух соображений — фанатичной преданности режиму и высокого организаторского таланта. Самодовлеющим из этих двух качеств является первое, но при одинаковых условиях предпочитается обладатель и второго качества. То, что при Ленине и в первые годы при Сталине считалось решающими признаками, определяющими карьеру работника аппарата партии: социальное происхождение (из трудовой, «пролетарской» семьи), «партийный стаж» (давность пребывания в партии), «национальное меньшинство» (из бывших угнетенных наций России), перестает играть какую-либо важную роль, а впоследствии даже играет иногда и отрицательную роль при выдвижении коммунистов в аппарат (опыт показал, что такие коммунисты ведут себя независимо и не всегда преклоняются перед «авторитетом» верхов или заражены «буржуазным национализмом»).

Третий, немаловажный принцип — это, так сказать, «диалектический» склад ума партийного работника. Партийный работник — это не просто бюрократ-исполнитель, но и вернейший интерпретатор воли верховного вождя. Каким бы «гениальным» ни был «вождь», но он не может физически успевать во всем и везде. Он дает лишь «генеральную линию». Партаппарат дает ее практическую интерпретацию. И вот при осуществлении «генеральной линии», будь это перед Ассамблеей Объединенных Наций, на заседании бюро обкома партии или на работе в колхозе, партийный аппаратчик должен постоянно спрашивать себя: а как поступил бы в данном конкретном случае ЦК? Если его практические действия верно интерпретируют волю ЦК, то он надежный аппаратчик.

Четвертый принцип тесно связан с третьим, но ему придают самостоятельное значение — это инициативность в работе. Обычно принято считать, что средние и низшие аппаратчики партии лишены права инициативы. Совершенно наоборот. Инициативность, помогающая крепости режима, какой бы области это ни касалось, инициативность, помогающая наиболее эффективному претворению в жизнь требования и смысла «генеральной линии», называется на языке партии «творческой инициативой» и признается неотъемлемым принципом построения партийного аппарата.

Пятый принцип — это дисциплинированность. «Железная дисциплина» считается качеством всех качеств партийного работника. Речь не идет об аккуратном появлении на службу или о добросовестном исполнении служебных обязанностей. Речь идет об умении отречься от собственного «я» во имя аппарата, об умении превращать самого себя в безличный, но постоянно действующий винтик общего партийного механизма. «Я» вообще нет на языке большевиков — есть только «мы». «Мы, большевики, мы, советские люди». Дисциплинированность есть и самоотречение и обреченная готовность к самопожертвованию во имя аппарата. Если такой партийный работник в силу каких-либо условий становится жертвой жестоких законов партаппарата, он меньше всего винит в этом аппарат. Он винит свое собственное несовершенство в столь совершенном аппарате.

Таковы, по крайней мере основные, принципы, согласно которым Сталин десятилетиями строил аппарат партии. Очень немногие в партийных верхах и низах выдержали испытание этими принципами. Тех, кто выдержал экзамен по ним на

самой верхушке партии, можно сосчитать по пальцам одной руки. В низах была полная катастрофа. Происходил жестокий отбор новой армии аппаратчиков на основе указанных принципов.

Деловой аппарат ЦК партии к этому времени выглядел следующим образом. Всем аппаратом ЦК руководил и руководит «Секретариат ЦК» — коллегия из нескольких членов ЦК. К описываемому времени, кроме Сталина как генерального секретаря, в состав «Секретариата» входили: Молотов — второй секретарь, Каганович — третий секретарь, Бауман — четвертый секретарь и Постышев — пятый секретарь. Но поскольку Молотов вскоре был назначен главой правительства, а Каганович и Постышев были секретарями ЦК по совместительству, то аппаратом ЦК руководили Бауман и личный секретарь Сталина Поскребышев. Когда Бауман был переведен на работу в Среднюю Азию, фактическим хозяином аппарата ЦК стал Поскребышев с титулом «помощника секретаря ЦК», хотя он не был тогда даже кандидатом в члены ЦК. Сам аппарат ЦК разбивался на отделы: организационно-инструкторский, распределительный (отдел кадров), культуры и пропаганды, отдел агитации и массовых кампаний — и два сектора: управление делами и «Особый сектор» («Секретариат Сталина»).

В 1934 году эту «функциональную систему» структуры ЦК отменили, и аппарат был реорганизован по производственному принципу. По этому принципу отдел культуры и пропаганды и отдел агитации и массовых кампаний были вновь воссоединены, а другими отделами были: сельскохозяйственный, промышленный, транспортный, планово-финансовый, политико-административный, руководящих парторганов, Институт Маркса — Энгельса — Ленина. Секторы управления делами и «Особый» остались без изменений. Такая система структуры аппарата ЦК существует и сейчас, только с большей детализацией производственных отделов. Соответственно выросло и их число. Цель этой реорганизации заключалась только в одном: довести до логического конца основной принцип аппаратного руководства — тотальный контроль над всей жизнью страны, о котором говорил Каганович.

Во главе отдела пропаганды и агитации стоял сначала Криницкий (до 1929 г.), а потом до самой своей ликвидации Стецкий (1937 г.). Стецкий, по образованию экономист (окончил ИКП по экономическому отделению), был рьяным учеником Бухарина (но уже в 1928 году отошел от него). Хотя сам происходил из буржуазной семьи, но терпимо относился к буржуазным ученым (у большевиков бывало наоборот — коммунист из чуждой социальной среды старался компенсировать свою «чуждость» репрессиями против собственного класса, как, например, Вышинский, Булганин, Маленков).

Лучше всего, пожалуй, характеризуют Стецкого как «диалектика-пропагандиста» следующие два примера. В разгар новой волны репрессий в одном из городов Украины агитпроп обкома партии конфисковал у местной еврейской общины старинную синагогу и, сделав соответствующие перестройки, превратил ее в клуб «областного союза безбожников». Тогда группа верующих евреев обратилась с жалобой к председателю ЦИК СССР Калинину. Приемная Калинина переслала жалобу местному исполкому с указанием, что синагогу можно закрыть только с согласия верующих. Агитпроп обкома провел «голосование»: его представители (комсомольцы) ходили по квартирам еврейских семей с открытым листом, в котором стоял вопрос — желает ли данный гражданин, чтобы был открыт клуб для «просветительных целей» в этом районе? Ни в чем не сомневающиеся евреи без всякого принуждения дали свои подписи.

«Волеизъявление» евреев было направлено назад к Калинину, и тогда последовала санкция приемной Калинина, что синагогу можно превратить в клуб. Только после этого верующие поняли, что их обманули, и обратились с протестом в ЦК партии, лично к Кагановичу (видимо, и как к секретарю ЦК, и как к еврею). От имени верующих местный раввин писал, что его община готова уступить советской власти другую, маленькую синагогу, находящуюся в том же городе, но просит сохранить старую большую синагогу, которая рассматривается общиной не только как место отправления религиозного культа, но и как редкий архитектурный памятник религиозно-духовной культуры евреев России.

Раздраженный личным обращением к себе, Каганович наложил на обращение раввина лаконическую резолюцию: «Закрыть обе синагоги». Бумага по принад-

лежности поступила в Агитпроп ЦК, к Стецкому. Стецкий, не менее раздраженный, чем Каганович, наложил на той же бумаге новую резолюцию, но иного содержаний: «В архив», а местному агитпропу протелеграфировал: «Реставрировать на деньги обкома и немедленно вернуть общине головотяпами реквизированную синагогу». На имя Кагановича последовало благодарственное письмо того же раввина, не знавшего, конечно, в чем дело. Окончательно выведенный из равновесия «самоуправством» Стецкого, Каганович обратился к «арбитру» — к Сталину.

Рассказывали, что Сталин очень быстро привел в чувство Кагановича. «Лазарь, — сказал ему Сталин, — ни один католик не может перещеголять папу, но неразумный папа может взбунтовать всех католиков мира. Мы не хотим бунта». При этом Сталин напомнил своему усердному помощнику «международное значение» безвестной еврейской общины где-то на юге страны. Старый Рузвельт пошел на посредничество в Портсмуте во время русско-японской войны в 1905 году лишь после согласия царя и его министра Витте умерить жар в антиеврейских погромах. Новый Рузвельт пойдет на признание СССР, если нью-йоркские евреи перестанут получать от нас тревожные вести, — такова была логика Сталина.

Вот и второй пример, но из другой области. Это было уже в 1934 году, когда я второй раз вернулся в ИКП. Был у нас семинар по древней истории. Семинаром руководил известный беспартийный профессор П. Ф. Преображенский. Разбирали тему: «Классическая демократия Афин периода Перикла». Задача как основного докладчика, так и содокладчиков заключалась не только в том, чтобы изложить школьную концепцию, но продемонстрировать самостоятельный исследовательский подход к теме. Все шло хорошо, пока один из содокладчиков не привлек на помощь Маркса и Энгельса. Он доказывал, что в Афинах было все не так, как это рассказано у Фукидида или у Бузескула. Аргументы: цитаты из Маркса — Энгельса.

Обычно спокойный и невозмутимый, профессор долго боролся с собой, весьма корректно старался вернуть содокладчика к существу темы, но, убедившись, что это ему не удастся, совершенно неожиданно для всех нас громко стукнул дрожащим старческим кулаком по столу и, словно ужаленный, вскочил со стула: «Это скандал, это чудовищно! Вы нам разводите здесь самую несусветную чепуху. Вы должны знать, что Маркс и Энгельс в вопросах древней истории не являются авторитетами. Вы позорите и науку и этих ваших учителей... Садитесь, я вам ставлю "неудовлетворительно„!» Содокладчик сел в великом недоумении. В недоумении были и мы. Профессор предоставил слово очередному содокладчику, но встал парторг группы и заявил, что «ввиду усталости как профессора, так и слушателей» он считал бы целесообразным переиести продолжение семинара на завтра. Профессор отклонил предложение, но мы, знавшие, в чем дело, поддержали парторга. Семинар прервали.

Профессор ушел, а парторг открыл чрезвычайное партийное собрание группы. Повестку дня собрания парторг сформулировал ясно: «Контрреволюционная и антимарксистская вылазка на семинаре профессора Преображенского». Срочно притащили на собрание секретаря парткома Кудрявцева и директора Дубину. Парторг доложил суть дела. Начались выступления. Разумеется, все осуждали профессора. На второй день вопрос перенесли на общепартийное собрание Института. Было решено избрать делегацию, чтобы доложить инцидент Стецкому и потребовать удаления из Института проф. Преображенского. Делегация отправилась к Стецкому в самом боевом настроении. Стецкий выслушал доклад с тем холодным равнодушием, за которым скрывалась снисходительность осведомленного циника. Потом вынес и приговор: «Что профессор Преображенский не марксист, а буржуазный ученый, ЦК знает и без вас, но что вы такие простофили — мы узнаем впервые. Учитесь у Преображенских фактическим знаниям до тех пор, пока не будете сильнее их и в буржуазных науках. Вот тогда мы вышибем Преображенских, а вас поставим на их место. Но ни днем раньше. Вернитесь в Институт и продолжайте семинар!» Таков был суд Стецкого. Преображенского «вышибли» только в 1937 году прямо в тюрьму, правда, вместе с тем же Стецким.

Совершенно другого толка был заведующий пресс-бюро ЦК Ингулов. Доктринер до мозга костей, он хвалился тем, что чтение Маркса и Ленина ему доставляет большее духовное удовольствие, чем слушать музыку Чайковского, читать Толстого или обозревать Третьяковскую галерею. Пользуясь этим «духовным богат-

ством», он писал невероятно скучные, примитивные и в силу этого вполне просталинские учебники «политграмоты» для коммунистов. Собственно, Ингулов и был основоположником той унифицированной жвачки, которая вошла потом в «железный фонд» сталинизма под названием «коммунистическое воспитание» масс. Малейшее отклонение от этой системы в советской печати Ингулов преследовал беспощадно. Даже собственные произведения он подвергал самой претенциозной «самокритике» и «саморазоблачениям», если они не отвечали в какой-либо части сегодняшнему этапу пресловутой «генеральной линии». Ингулов принадлежал как раз к тем людям, которые умели читать вслух невысказанные мысли «вождя». Они как бы составляли «запасной мозг» Сталина. Там, где «основной мозг» думал «за всех», «запасной» думал лишь за Сталина. Эти люди давали интерпретацию воли диктатора. В этом они соревновались между собою, а арбитром соревнования оставался сам Сталин. Он давал делать карьеру только тем из соревнующихся, кто предлагал наиболее *эффективные*, наиболее *динамические* рецепты установления его единоличной диктатуры.

В своей первой «сенсационной» статье против Сталина газета «Правда» от 28 марта 1956 года хотела объяснить карьеру таких людей, ссылаясь на Л. Берию, тем, что Сталин выдвигал на руководящие посты лишь сторонников «культа Сталина». Это, конечно, неверно. Сотни и тысячи сталинцев, которые так же, как и нынешние его ученики, создавали ему «культ», погибли в сталинской тюрьме. Уцелели и сделали карьеру сталинцы не только в мышлении, но и в *действии*. Одной хвалы по адресу Сталина, одной рабской преданности ему, одного просталинского «запасного мозга» не было достаточно, чтобы сделать такую карьеру. Ярко иллюстрирует это карьера самого Ингулова на идеологическом фронте. Ингулов подсказал и подготовил для Сталина организованный поход за сталинизацию общественных наук в СССР в начале тридцатых годов («О некоторых вопросах истории большевизма», письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»). За то, что подсказал, Ингулов сделал карьеру, но за то, что не сумел превратить в действие собственный же замысел, Сталин его ликвидировал.

Будучи заведующим пресс-бюро ЦК, Ингулов в обход своих прямых шефов — Стецкого и его заместителя Керженцева — подготовил Сталину подробный доклад о «контрабандистах» на идеологическом фронте. Это была еще не сформулированная самим Сталиным сталинская идея «аракчеевского режима» в идеологии. Сталин воспользовался планом Ингулова, и Оргбюро ЦК в начале сентября 1931 года вынесло два решения: 1. Поручить т. Сталину выступить в печати со статьей об антиленинских вылазках на историческом фронте, заострив внимание партии на необходимости систематически разоблачать устно и печатно троцкистских и иных фальсификаторов истории, систематически срывать с них маски, объявить войну либерализму в литературе, прекратить всякие дискуссии «насчет кровных интересов большевизма». 2. Освободить Керженцева от работы заместителя заведующего Агитпропом ЦК и назначить на его место Ингулова. Такова история появления в журнале «Пролетарская революция» знаменитого письма Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма».

Сталин не пощадил в этом письме даже своего вернейшего помощника по разгрому всех оппозиций — Ем. Ярославского, члена Президиума ЦКК. И это только из-за одного пустякового замечания Ярославского в его книге «История ВКП(б)» о том, что до приезда Ленина из-за границы в апреле 1917 года лидеры большевиков в России — Каменев, Свердлов и «даже» Сталин — не занимали правильной, ленинской позиции по отношению к Временному правительству (условная поддержка Временного правительства). Сталин припомнил это Ярославскому, публично дисквалифицировав его как «большевистского историка».

Письмо Сталина в духовной и идеологической жизни СССР имело такое же значение, как его речь на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 года в жизни российского крестьянства. Хотя письмо Сталина было формально направлено против историков, но его основные принципы были применимы ко всей идеологической жизни страны. С тех пор и началась полная и всесторонняя сталинизация всех общественных наук в СССР. Все области духовной деятельности советских людей — наука, литература, живопись, театр, музыка, кино, цирк — подверглись пересмотру с точки зрения требований «письма Сталина». Эта «аракчеевщина» приняла впоследствии настолько уродливые (даже с точки зрения интересов режима) формы, что из парткабинетов (партийные библиотеки) были изъяты не только всякие подозрительные книги, но и «стенографические отчеты» съездов партии и даже старые статьи, речи, брошюры самого Сталина, Кагановича, Молотова и других членов Политбюро, по указанию авторов.

Сообщая об этом местным органам партии, ЦК давал и разъяснение: эти работы вождей партии отражают вчерашний день. Они должны быть вновь отредактированы и комментированы самими авторами, чтобы устранить в них «видимые противоречия» с текущей политикой и практикой партии. Разгадка здесь была простая — в этих речах вождей и стенографических отчетах ЦК (в свое время опубликованных) молодые коммунисты легко могли видеть маневренную демагогию, завуалированные подкопы и рассчитанное двурушничество Сталина и сталинцев в идейной борьбе за власть.

В одних из этих документов Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, Шверник, Андреев с пеной у рта защищали Зиновьева и Каменева против Троцкого, в других же с той же решительностью и с тем же усердием защищали Бухарина, Рыкова и Томского против Зиновьева и Каменева, в третьих категорически отвергали «культ вождей» и объявляли высшим принципом ленинизма в организационном вопросе «коллективное руководство» всего ЦК, а не отдельных вождей. Сам Сталин громогласно заявлял в дискуссии с Троцким и Зиновьевым, что это просто смешно думать, что после смерти Ленина у партии может быть только один вождь. «Такого вождя у нас нет и не может быть. Вождем у нас будет только “коллективное руководство„».

Так, например, в речи на XIV съезде партии, выступая против Зиновьева и Каменева, Сталин повторно (а потому и подозрительно) заявил, что он против репрессий в отношении вождей партии, какими считались тогда все члены Политбюро, в том числе и Зиновьев, Каменев, Троцкий, Бухарин и т. д.[6] «Мы против политики отсечения (то есть репрессий. — *А. А.*). Это не значит, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться партии на голову. Нет уж, извините. Поклонов в отношении вождей не будет... Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, глупо об этом говорить... Коллегиальное руководство... — вот что нам нужно теперь».

Сталин запрещал другим вождям партии и «мечтать» о единоличном руководстве, во всеуслышание заявляя, что после смерти Ленина даже «глупо» об этом говорить, но сам, не мечтая и не разглагольствуя, упорно и последовательно шел к этой цели. Понятно, почему были изъяты эти старые работы Сталина и его сторонников. Только после второй мировой войны Сталин и нынешнее «коллективное руководство» решились на их переиздание в виде «сочинений Сталина». Сталин был уже признанным диктатором. Теперь все видели, что «глупо» было бы и мечтать о «коллективном руководстве», пока есть непогрешимый «гений, учитель и отец». Все-таки и в этом случае Сталин и сталинцы остались верными себе: «сочинения Сталина» появились в новом издании наполовину фальсифицированными, наполовину переделанными. Наиболее «устарелые» работы (статьи и речи с хвалой Троцкого как «организатора Октября», статьи и речи в защиту Зиновьева, Каменева, Бухарина и им подобные) Сталин вообще не включил в свои сочинения[7]. Вернемся к работе пресс-бюро ЦК.

Через некоторое время пресс-бюро было превращено в самостоятельный орган печати ЦК (тогда во главе его был поставлен бывший заместитель Ингулова — Б. Таль), но функции его остались те же. Только права и круг обязанностей были значительно расширены. По своему назначению отдел печати выполнял три самостоятельные функции, это был: 1) орган руководящих указаний для всей партийной и советской печати, 2) орган контроля над печатью, 3) исследовательская лаборатория выработки новых форм, методов и приемов текущей печатной пропаганды. Вся эта работа проходила по секторам: 1) партийной печати, 2) советской печати, 3) ведомственной печати, 4) военной печати, 5) молодежной печати, 6) национальной печати, 7) профсоюзной печати, 8) печати «братских компартий», 9) иностранной печати, 10) издательский сектор. На правах самостоятельного сектора в отдел печати входил ТАСС.

Каждый сектор имел, помимо своих постоянных штатных сотрудников, большой штат нештатных специалистов из руководящих работников разных централь-

ных учреждений и организаций — институтов, Коммунистической академии, Института красной профессуры, редакций центральных органов печати, Государственного издательства, военного ведомства, Национального совета ЦИК СССР, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Наркоминдела (отдел печати Министерства иностранных дел), Коминтерна и т. д.

До того как ЦК выработает «линию поведения» по тому или иному вопросу или развернет какую-нибудь новую пропагандную кампанию, соответствующий сектор проводил одно или несколько совещаний этих специалистов с детальным обсуждением предстоящих задач и целей новой кампании. На этих совещаниях обсуждалось не «что делать» (что делать — это дело ЦК), а «как делать». Как сделать так, чтобы от предстоящей кампании (методы перманентных «кампаний» — ведь это неизменный стиль большевистской пропаганды и до сих пор) получить наиболее эффективные психологические и практические результаты. Тут было широкое поле инициативы и для каждого из участников совещаний, и для самих сотрудников отдела печати.

Национальным партийным организациям также предоставлялась такая инициатива применительно к национально-бытовым условиям данного народа. И надо сказать, что местные национальные организации иной раз «переплевывали» столицу в «творческой инициативе» на пропагандных кампаниях. Так, Агитпроп Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) предложил награждать отстающие республики Средней Азии «крокодилами» (конечно, бутафорскими). Затея эта не была осуществлена из-за вмешательства ЦК. В Среднюю Азию была отправлена телеграмма, чтобы немедленно были убраны «крокодилы» из самого Среднеазиатского бюро ЦК. Но на чем сорвались малоподвижные туркестанцы, вполне преуспели бойкие кавказцы. На отстающих нефтяных промыслах Грозного (Чечено-Ингушская АССР) созывались многолюдные рабочие собрания и им торжественно вручали буйвола с «почетной грамотой»: «Вы лентяи, а я ваш король!» Для отстающих колхозов установили «переходящего осла». На осла нацепляли плакат с надписью: «Вы ослы — я осел: мы родные братья!»

Знаменитый тогда на весь СССР бывший друг Сталина и секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии (и член Центральной ревизионной комиссии партии) Бетал Калмыков поступил еще оригинальнее: он созвал «съезд лодырей» республики с повесткой дня: «Мы живем на шее трудящихся». Республиканская печать дала пышное пропагандистское оформление затеи Калмыкова, а сам Калмыков победно протелеграфировал от «имени съезда лодырей» в ЦК, чтобы был созван такой же «всесоюзный съезд лодырей» в Москве. После таких и им подобных трюков на местах право инициативы было сохранено только за Агитпропом и отделом печати ЦК.

В системе отдела печати иностранный сектор тоже имел троякие функции: 1) цензурные, 2) информационные и 3) «исследовательские». Цензурные функции сводились к строжайшему соблюдению «монополии внешней торговли» идеями — газетами, журналами, книгами. Ни одно произведение (политическое, художественное или научно-техническое) не могло быть экспортировано из СССР за границу без ведома сектора, так же как ни одно произведение (газеты, журналы, книги) не могло быть импортировано из-за границы в СССР без ведома того же сектора. Это была не главная задача, хотя она и соблюдалась строго. Главная же задача «монополии идей» заключалась в том, чтобы в собственных советских изданиях — книгах, журналах и газетах, — согласно «письму Сталина», не допускать «зловредной контрабанды идей» извне.

Сектор иностранной печати следил за тем, чтобы систематически «освежать» инструкции Главлиту (главной цензуре) касательно переводной литературы и того, какие и в каких границах могут быть использованы советской печатью иностранные источники. Такие же строгие инструкции были выработаны и для ТАСС: какие и в каких границах могут быть использованы в текущей прессе сообщения иностранных агентов и собственных корреспондентов из-за границы. Эти инструкции «освежались» в зависимости от изменения внешней политики СССР в отношении того или другого государства, партии и даже лица.

Информационные, или, вернее, дезинформационные, функции сектора иностранной печати сводились к одной из замаскированных форм советской пропагандной диверсии — нащупывание противника для вербовки «симпатии», рекогносцировки в лагерь для разложения врага, дезинформации мировой общественности в отношении Советского Союза. Такую работу проводили чаще всего через иностранных «прогрессивных журналистов» в Москве, через нейтральную прессу за границей и нередко через некоторых, не всегда разборчивых иностранных политических деятелей или литературных знаменитостей. С той же точки зрения сектор печати подходил и к изданию иностранных писателей. Стоило какому-нибудь вчерашнему «реакционному писателю» сделать пару публичных заявлений в пользу Кремля, чтобы в Москве его сейчас же занесли в «список прогрессивных писателей». Тем временем Государственное издательство получало задание отдела печати ЦК немедленно перевести на русский язык произведения этого писателя. Его начинали рекламировать как друга «русского народа». Известное число иностранных писателей было «поймано» таким образом. Незачем называть здесь их имена. Достаточно сказать о «непойманном» — А. Жиде.

Исследовательские функции сектора печати не имели ничего общего с литературной задачей. Это были чисто разведывательные функции для целей военного, хозяйственного и политического шпионажа. При Институте Маркса — Энгельса — Ленина и при Институте мировой политики и мирового хозяйства работали (с большими штатами научных работников) несколько исследовательских групп по разработке и классификации мировой печати. Тут можно было видеть газеты и журналы всех стран и на всех языках. Эти группы были заняты изучением не только столичных, но и провинциальных газет и журналов почти всех стран мира. Они представляли один раз в месяц в сектор печати научно разработанные данные из этой прессы по названным выше трем отделам. Сектор печати объявлял такие анализы «секретными» и рассылал их в виде «бюллетеней» соответствующим ведомствам.

Сектор национальной печати имел те же задачи, что и весь отдел печати для общей пропаганды. Задачи сектора не распространялись иа Украину и на Белоруссию (эти республики обслуживали соответствующие производственные секторы общего отдела). Национальный сектор обслуживал только неславянские народы: Крым, Кавказ, Татарию, Среднюю Азию и Казахстан — во внутренней пропаганде и восточноазиатские страны — во внешней (Китай, Индия, Афганистан, Иран, Турция, арабский Восток и др.). Во главе сектора стоял член национальной комиссии ЦК и один из будущих председателей ЦИК СССР Рахимбаев. Близкое участие в работе сектора принимали видные тогда специалисты по национальному вопросу: Бройдо, Диманштейн, Рыскулов, Габидуллин, Павлович, Климович, Аршаруни, Тулепов, Таболов, Сванидзе (брат первой жены Сталина) и др. Нештатными, но постоянными консультантами для пропагандных акций сектора на зарубежном Востоке привлекались представители соответствующих компартий из Коминтерна, дипломаты из Наркоминдела и специалисты двух восточных университетов в Москве — КУТВ им. Сталина и Коммунистического университета им. Сун Ят-сена (в последнем учились китайцы, корейцы, малайцы, индийцы, филиппинцы и другие представители азиатских народов).

Особенно сложны были задачи сектора в области зарубежной пропаганды. Общая линия коммунистической пропаганды и ее более или менее варьирующиеся, но в основном однотипные стандарты пропагандных приемов на Западе мало подходили для условий азиатских стран. Приходилось считаться с фактами, которые играли самодовлеющую роль в Азии и на Востоке вообще. Наличие феодальных и дофеодальных порядков в этих странах рядом с существованием отдельных высокоразвитых индустриальных оазисов (Китай, Индия), исключительная сила и влияние местных религий, всем своим духом противодействующих коммунистической инфильтрации, существование там сильных националистических движений, по своей идеологии и социальной направленности отрицающих догмы коммунизма, — таковы были факты, с которыми приходилось считаться. В этих странах коммунистическая пропаганда имела дело не с «пролетариатом», желающим «социализировать» богатство капиталистов, а с крестьянством, добивающимся того, чтобы самому стать деревенским «капиталистом».

Однако общим для всех этих стран было их национальное состояние — их зависимое или полузависимое колониальное положение. Но как раз идеологом независимости выступала там националистическая интеллигенция вместе с духовенством. Она и была главным и опасным конкурентом для «национального коммунизма». Учитывая все эти факты, ЦК строил пропаганду на Востоке по строго разработан-

ному методу дифференциации стран и народов. Основные ее теоретические принципы открыто изложены Сталиным еще в 1925 году в его речи перед студентами Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) им. Сталина. Эти принципы таковы[8]: «Мы имеем теперь, — говорил в этой речи Сталин, — по крайней мере, три категории колониальных и зависимых стран. Во-первых, страны, вроде Марокко, не имеющие или почти не имеющие своего пролетариата... Во-вторых, страны, вроде Китая или Египта, в промышленном отношении мало развитые и имеющие сравнительно малочисленный пролетариат. В-третьих, страны, вроде Индии, капиталистически более или менее развитые и имеющие более или менее многочисленный национальный пролетариат... Для стран вроде Марокко... задача коммунистических элементов состоит в том, чтобы принять все меры к созданию единого национального фронта против империализма... В странах вроде Египта или Китая... от политики единого национального фронта коммунисты должны перейти... к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Блок этот может принять в таких странах форму единой партии, партии рабоче-крестьянской (как, например, тогдашний Гоминдан, куда входили и коммунисты. — *А. А.)*... Такая двухсоставная партия нужна и целесообразна, если она не связывает компартию по рукам и ногам... если она облегчает дело *фактического* (курсив мой. — *А. А.*) руководства революционным движением со стороны компартии...

Несколько иначе обстоит дело в странах вроде Индии. Основное и новое в условиях существования таких колоний, как Индия, состоит не только в том, что национальная буржуазия раскололась на революционную и соглашательскую партии, но прежде всего в том, что соглашательская часть этой буржуазии (речь, конечно, идет о Конгрессной партии Ганди и Неру, а также о мусульманской Лиге теперешнего Пакистана. — *А. А.*) успела уже сговориться в основном с империализмом. Боясь революции больше, чем империализма, заботясь об интересах своего кошелька больше, чем об интересах своей собственной родины, эта часть буржуазии, наиболее богатая и влиятельная, обеими ногами становится в лагерь непримиримых врагов революции... Нельзя добиться победы революции, не разбив этого блока... Самостоятельность компартии в таких странах должна быть основным лозунгом передовых элементов коммунизма».

После изложения этих принципов Сталин, обращаясь к студентам, так определил основную задачу университета: «В Университете народов Востока имеется около 10 различных групп слушателей, пришедших к нам из колониальных и зависимых стран... Задача Университета народов Востока состоит в том, чтобы выковать из них настоящих революционеров, вооруженных теорией ленинизма... и способных выполнить очередные задачи освободительного движения колоний и зависимых стран не за страх, а за совесть». В выполнении этой задачи Сталин требовал тактической эластичности. Он предупреждал против того уклона в азиатском коммунизме, который состоял[9] «в переоценке революционных возможностей освободительного движения и в недооценке дела союза рабочего класса с революционной буржуазией против империализма. Этим уклоном страдают, кажется, коммунисты на Яве, ошибочно выставившие недавно лозунг Советской власти для своей страны».

Особняком в зарубежной пропаганде ЦК стояла Япония. Тут проповедь чистого коммунизма считалась само собой разумеющейся задачей. Правда, в ряде вопросов государственные интересы СССР и Японии на колониальном Востоке были идентичны (изгнать западные державы с Востока и Тихого океана), но социальные интересы были прямо противоположны. Когда хорошо осведомленный японский корреспондент газеты «Ници-Ници» однажды задал Сталину вопрос, как найти выход из такого противоречивого положения, Сталин ответил без соблюдения какого-либо дипломатического этикета: «Изменить государственный и социальный строй Японии»[10].

В соответствии с этими установками Сталина и строилась печатная пропаганда для Востока. В самой Москве для азиатских стран переводились и издавались только официальные документы Коминтерна и произведения «классиков марксизма». Не думаю, чтобы в Москве печатались и экспортировались документы и произведения зарубежных восточных компартий. Тут начеку был Литвинов. Народный комиссариат по иностранным делам всегда поднимал скандал в ЦК, если кто-либо из представителей заграничных компартий старался завести свою типографскую базу в Москве, хотя бы даже под фальшивой маркой: «напечатано в Берлине» или «в Калькутте».

Столь же категорически Наркоминдел возражал против снабжения заграничных агентов ЦК и Коминтерна подложными документами экспортно-импортных предприятий Комиссариата внешней торговли. Так как на практике к снабжению этих агентов фальшивыми документами советских хозяйственных органов прибегали постоянно, то Коминтерн и Наркоминдел находились в ведомственной непрерывной «холодной войне» между собой. Позднее этот вопрос стал (после ряда разоблачений за границей), по настойчивому представлению Литвинова, предметом специального рассмотрения ЦК.

Литвинов убеждал ЦК, что если Коминтерн не хочет рисковать своими кадрами для революционной работы, как рисковали большевики до своей победы, то Наркоминдел не может рисковать престижем советского правительства в международном масштабе. Литвинов добивался *высшего* признания его официальной формулы: «Советское правительство и Коминтерн не одно и то же». Но оставался другой канал, тайны и возможности которого не были известны и самому Литвинову. Это — НКВД. НКВД находил возможности помочь агентам Коминтерна при условии, если агенты Коминтерна будут одновременно и агентами НКВД.

Я указывал выше, что функции сектора национальной печати для национальных районов в СССР были те же, что и всего отдела в целом для СССР. Во всех национальных республиках и областях печать существовала на двух языках — на русском и на местном. Направлять и контролировать печать на русском языке было просто. Но ею пользовалась только весьма незначительная часть населения — местная интеллигенция. Более 90% коренного населения русского языка не понимало. Более 60% было неграмотным и на родном языке (это не относилось к Грузии, Армении и отчасти к Азербайджану). Поэтому печатная пропаганда на советском Востоке началась с ликвидацией неграмотности.

Сначала издавались буквари, а потом тут же следовали переводы «классиков марксизма»: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина! Сколько народных средств тратилось на дело, которое не имело абсолютно никакого эффекта! Языки у многих отсталых народов не знали собственной политической и философской терминологии по той простой причине, что у них до революции вообще не было письменности. Для них переводились «классики марксизма». Конечно, из этого, кроме неудобоваримой каши, ничего не выходило, но ЦК продолжал ее варить.

При всем этом на агитацию и пропаганду в национальных районах отпускались огромные средства. Помимо «классиков марксизма», вся текущая политическая литература Москвы руководящего значения (речи, постановления) немедленно переводилась на местные языки. Готовились специальные кадры переводчиков. Для устранения неразберихи в терминологии начали выпускать специальные терминологические словари, утверждаемые местными партийными комитетами. Над переводами был весьма строгий контроль. Прежде всего за качество и, самое важное, за политическую выдержанность перевода отвечал сам переводчик, обязательно утверждаемый партийным комитетом. Затем назначался литературный редактор, который отвечал за точность перевода. После этого директор издательства направлял перевод политическому рецензенту — члену партии, назначенному обкомом партии (или ЦК союзной партии). Рецензент обязан был дать подробную рецензию о политической доброкачественности перевода. С его замечаниями и указаниями перевод возвращался в издательство.

Издательство проводило теперь вторую ревизию и исправление перевода по указаниям рецензента. После всей этой процедуры партком назначал ответственного редактора (какого-нибудь ответственного коммуниста). Ответственный редактор читал рукопись в окончательной редакции и ставил свою визу (он мог делать любые исправления). Рукопись направлялась тогда в Лито (цензура). Цензура проверяла рукопись с точки зрения своих собственных требований, и если она выдерживала эту проверку, то начальник цензуры ставил свою стандартную резолюцию: «К печати разрешается» с указанием цензурного номера издания. Теперь рукопись шла, наконец, в производство. Книга набрана, откорректирована, отпечатана, но она не увидит света, пока ответственный сектор НКВД на полученном им «сигнальном экземпляре» книги не поставит последней визы: «Разрешается к распространению».

Но вот вышла книга и дошла до читателей. Увы, только сейчас обнаружены политические ошибки в ней. Кто же отвечает за них? Все, кто имел отношение к ней, кроме НКВД. Такой порядок издания как оригинальных (на русском языке), так и переводных произведений тоже был разработан после письма Сталина в редакцию «Пролетарской революции». Подобный порядок в глазах человека свободного мира, конечно, выглядит просто диким, но, будучи вполне нормальным в советской стране, он имеет все-таки одно несомненное для этого строя преимущество: он максимально страхует государство от дорогостоящего брака, хотя и увеличивает производственные издержки.

Весьма часто случалось, что какое-нибудь туркменское издательство выпускало массовым тиражом «великое произведение классиков марксизма» и в нем найдено два-три термина, допускающие двоякое толкование. Такое произведение немедленно изымалось из обращения вместе с ответственными за него людьми. Людей бросали в НКВД, а книги — в печку! Поэтому люди стали более осторожными и, как всегда в таких случаях, находили блестящий выход из такого положения: если термин звучал на родном языке двусмысленно, то просто вставляли в текст это самое русское слово без перевода. В итоге получался русский язык на местном диалекте. Этот процесс русификации меньше всего был навязан Москвой. Он был результатом местной превентивной самообороны.

Правда, «Комитет нового алфавита» при ЦИК СССР старался бороться против злоупотребления русскими терминами на языках национальных меньшинств. Комитет в своих изданиях и докладах ЦК приводил многочисленные примеры, как национальные издательства и газеты, чтобы «застраховать» себя, «пишут на русском языке латинским шрифтом», тогда как соответствующие термины легко переводятся на местные, особенно тюркские, языки. «Наши литераторы поступают вполне правильно, давая предпочтение великому русскому языку — языку Ленина — Сталина (?) — перед арабизмами средневекового мракобесия» — так обычно защищались местные комитеты партии. Против такого аргумента был бессилен даже ЦК!

В конце 1930 года, когда я был откомандирован на Кавказ, вопрос этот еще не был решен, но в 1937 году, летом, после окончания мною ИКП и за два месяца до моего ареста, мне пришлось быть свидетелем того, как легко и радикально был решен вопрос не только национальной терминологии, но и самого алфавита. Было это так. Заведующий отделом науки ЦК К. Бауман созвал при ЦК специальное совещание представителей мусульманских республик и областей. Повестка дня совещания — «Введение русского алфавита в республиках Средней Азии, Казахстана, Татарии, Башкирии, Азербайджана и на Северном Кавказе». Бауман огласил проект решения ЦК по этому вопросу. К проекту были приложены решения местных национальных комитетов партии с ходатайством о переводе их алфавита с латинского на русский шрифт. Мотив у всех один и тот же — русский алфавит — алфавит Ленина — Сталина.

Присутствующим была дана возможность высказаться по существу предлагаемого проекта. Но никто слова не требовал. Образовалась напряженная тишина, которую лучше всего можно было бы охарактеризовать русской поговоркой: «В доме повешенного о веревке не говорят!» Или: «Снявши голову, по волосам не плачут!» Ленин назвал однажды латинский алфавит «революцией на Востоке», а вот теперь на Лубянке сносили головы самим вождям Октябрьской революции. Какой же может быть спор о каком-то алфавите?! Бауман настаивал на дискуссии. Мы продолжали хранить молчание. Среди присутствующих не было, вероятно, и трех человек, согласных с проектом, но не было и «добровольцев» на Лубянку. Роковое клеймо «буржуазный национализм» уже давно склонялось на все лады в газете «Правда».

Основной аргумент проекта решения ЦК — «русский алфавит — алфавит Ленина и Сталина» — был в этих условиях слишком неуязвим. К тому же всякие возражения бесцельны. Дело предрешенное. Когда на повторное требование высказаться никто не отозвался, Бауман взял список присутствующих и предложил первое слово Рыскулову. Рыскулов, толстенький приземистый крепыш с монгольским лицом, в роговых очках и изящном европейском костюме, скорее смахивал на японского профессора, чем на первого казахского революционера. До сих пор он делал хорошую карьеру при самом неподходящем качестве — думать собственной

головой. При Ленине это ему сходило с рук — он был и правителем Туркестана, и заместителем Сталина по Наркомнацу, и даже заместителем председателя Совнаркома РСФСР при Рыкове. Сталин делал на него одно время большую ставку, но эта ставка не оправдала себя в силу этого своенравного характера Рыскулова. Его начали отодвигать, но к его мнению все еще прислушивались. Сегодня ему предоставлялась возможность высказать это мнение. Рыскулов от этой возможности не отказался: «Тут товарищ Бауман упорно настаивает на том, чтобы мы высказались по вопросу о том, какая будет реакция в Туркестане на введение русского алфавита. Я должен ответить честно: никакой! Введите вместо русского алфавита грузинский алфавит (Рыскулов намекал на алфавит Сталина) или китайские иероглифы — результат будет тот же». Другие отделывались стандартной фразой: «Я одобряю проект ЦК». Бауман огласил постановление: «Проект решения ЦК о введении русского алфавита в национальных республиках единогласно одобряется национальным совещанием».

Через месяца два все мы, участники этого совещания, во главе с Бауманом и Рыскуловым, сидели, правда, не в одной, но в соседних камерах на той же Лубянке. Зато проект русского алфавита был принят «единогласно», и этот алфавит поныне здравствует в мусульманских республиках СССР.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. ВКП(б) в резолюциях..., 1933, ч. II, стр. 624.
2. ВКП(б) в резолюциях..., стр. 620, 624.
3. Протокол VIII съезда партии, 1919, стр. 27.
4. Л. КАГАНОВИЧ. От XVI к XVII съезду партии, 1934, стр. 35.
5. С. КИРОВ. Избранные статьи и речи. 1939, стр. 609—610.
6. И. СТАЛИН. Соч., т. 7, стр. 390—391.
7. П. БЕРЛИН. Сталин под автоцензурой. — «Социалистический вестник», № 11(648), ноябрь, 1951.
8. И. СТАЛИН. Соч., т. 7, стр. 146—148.
9. Там же, стр. 151.
10. Там же, стр. 228.

Судьба Вальтера Кривицкого

Б. А. Старков

Трагическая судьба этого незаурядного человека характерна для страшного времени сталинщины. Всю свою сознательную жизнь он посвятил борьбе за торжество социалистической идеи и был одним из тех, кто, оставшись за рубежом, нашел в себе силы не только порвать со сталинщиной, но и вступить в борьбу с нею. Он обратился с открытым письмом в рабочую печать, апеллируя к мировому общественному мнению; подлинным обвинительным актом сталинщине стали его записки, главы из которых будут предложены читателю.

Вальтер Германович Кривицкий — под этим именем он был известен в списках личного состава Разведывательного управления Штаба РККА, так же как и просто под псевдонимом Вальтер. Настоящее его имя было Самуил Гинзбург. Он родился 28 июня 1899 г. в небольшом городке Подволочиске (Западная Украина). По его собственному свидетельству, рано, с 13 лет, сначала стихийно, а потом вполне сознательно включился в рабочее движение. В 1917 г. 18-летнему парню большевистская революция казалась «абсолютно единственным путем покончить с нищетой, неравенством и несправедливостью. Я с открытой душой, — вспоминал он, — вступил в партию большевиков. За марксистско-ленинское учение я взялся как за оружие в борьбе со злом, против которого восставало все мое существо»[1].

В большевистскую партию он вступил в 1919 г., работая в тылу белогвардейских войск на Украине. Партийный псевдоним «Вальтер Кривицкий» стал его вторым именем: оно и вписано ныне в историю советской военной разведки. В 1920 г. его направили в тыл противника на Западном фронте (Варшава, Львов, немецкая и чешская Силезия) устраивать диверсии, саботаж на транспорте, снабжать руководство Красной Армии информацией военно-политического характера. После гражданской войны Вальтер, окончив специальные курсы Военной академии РККА, связал свою судьбу с советской военной разведкой.

Это было время радужных надежд на близкую мировую революцию, служение которой для многих, в том числе и для Вальтера, казалось высшим смыслом всего их существования. Первая командировка после выпуска из академии пришлась на осень 1923 года. Германия стояла на пороге новых революционных потрясений. В августе в результате всегерманской забастовки пролетариата правительство объявило о своей отставке, что было истолковано руководством Коммунистической

Старков Борис Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент.

партии Германии и Исполкомом Коминтерна как начало мировой социалистической революции. Делегация КПГ приехала в Москву: германская революция имела основания рассчитывать на помощь Коминтерна, РКП(б) и Советского правительства.

В советскую делегацию в Коминтерне был введен Л. Д. Троцкий — наркомвоенмор и Председатель Реввоенсовета СССР. Для нелегальной деятельности в Германию выехала большая группа партийных и военных работников, в том числе выпускники Военной академии РККА. Они закладывали базы с оружием, готовили боевые отряды, обучали военному делу активистов местных организаций германской компартии. Деятельность Кривицкого в Рурской и Рейнской областях Германии в условиях французской оккупации была лишь деталью в большом механизме, пущенном тогда в ход[2].

Непосредственным руководителем Вальтера в это время был С. Г. Пупко-Фирин. После провала военного руководства германской компартии Фирин одно время возглавлял военный отдел ЦК КПГ, однако, раскрытый французской контрразведкой, вынужден был выехать в СССР[3]. «Германский Октябрь» не удался. И все же именно тогда Вальтер заложил основу будущей разведывательной сети, хорошо послужившей позднее: в годы Великой Отечественной войны она сумела найти доступ к документам стратегического и тактического характера.

Советским военным разведчикам в странах Европы приходилось состязаться с опытнейшими контрразведывательными службами Антанты, прежде всего Англии и Франции, и белоэмигрантских военно-политических организаций. В этих условиях неизбежны были провалы, гибель товарищей. Осенью 1923 г. французская контрразведка обнаружила склады оружия и центры подготовки военно-боевых отрядов, начались аресты[4]. Однако Вальтеру удалось избежать провала и выполнить задание. За дебютом в Германии последовали командировки в Швейцарию, Италию, Австрию; постепенно он становился одним из ведущих специалистов Разведывательного управления РККА по западноевропейским странам, включая Францию, Бельгию, Голландию.

С 1925 г. Кривицкий работал в центральном аппарате Разведупра, а затем преподавал в Высшей школе подготовки разведчиков, занимая должность, соответствующую званию командира бригады РККА. В июне 1926 г. последовала очередная командировка в Германию. (Тогда же судьба свела его с сотрудницей Разведупра Антониной Порфирьевой, они поженились. Позднее у них родился сын Алекс.)

По случаю 10-летия РККА в феврале 1928 г. Кривицкий был награжден именным оружием с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции — от Реввоенсовета Советского Союза». Приказ о награждении был подписан начальником Штаба РККА, заместителем наркома С. С. Каменевым. Сохранился и другой интересный документ — протокол заседания Президиума ЦИК СССР № 558 от 17 января 1931 г. «О награждениии лиц командного состава РККА». Он краток: «Бурлакова Леонида Андреевича, Кривицкого Вальтера Германовича, Басова Константина Михайловича, Винарова Ивана Цоловича, Зильберта Иосифа Исаевича, Кирхенштейна Рудольфа Иосифовича за боевые заслуги, выдающуюся личную инициативу и безграничную преданность интересам пролетариата, проявленные в исключительно трудных и опасных условиях, наградить орденом Красного Знамени. Председатель ЦИК СССР Калинин. Секретарь Президиума ЦИК СССР Енукидзе»[5].

Вальтер и его друзья, сотрудники верили, что они выполняют ответственные поручения по обеспечению безопасности самого гуманного, самого совершенного социалистического общества. Кривицкий служил тогда, в начале 30-х годов, в Центральном аппарате IV управления Штаба (позднее Генштаба) РККА. Работать приходилось по 18—19 часов в сутки. Прямым начальником его был П. И. Берзин, талантливый организатор советской военной разведки.

Страна переживала сложное время. В партии и государстве шли процессы, связанные со становлением режима личной власти Сталина. Некоторые представители партийной гвардии (С. И. Сырцов, М. Н. Рютин, В. Н. Каюров, А. П. Смирнов, Н. Б. Эйсмонт) пытались в меру своих возможностей противодействовать этому. Рабочие и крестьяне выражали недовольство сталинской экономической и социальной политикой. В начале 30-х годов в результате коллективизации на Дону, Украине, Северном Кавказе разразился голод. В партии преследовалось инакомы-

слие, прекратились дискуссии по животрепещущим вопросам внутрипартийной жизни. Отзвуки происходившего в стране долетали и до сотрудников Разведупра, находившихся в длительных командировках за рубежом.

Начальник IV управления Берзин был в числе немногих, приглашенных в сентябре 1932 г. на объединенный пленум ЦК и Президиума ЦКК. Обсуждался вопрос «О контрреволюционной группе Рютина — Слепкова». Об этом информировался лишь узкий круг партийного актива. Вальтер видел страшные последствия голода во время поездки на отдых в 1932 г. Постепенно рождались сомнения, но они тонули в повседневной многотрудной работе, которой он отдавал все свои силы.

В 1933 г. Кривицкий был назначен директором Института военной промышленности. Эта должность по штату приравнивалась к категории командира дивизии. Поэтому в записках, отредактированных для западноевропейского и американского читателя, он неизменно будет представляться как генерал РККА. В этой должности он пробыл до 1934 г., когда международная обстановка вновь резко обострилась. Приход Гитлера к власти в Германии не оставлял никаких иллюзий; на Европу надвигалась фашистская опасность. Резко осложнилось положение и на Дальнем Востоке. В этих условиях активизировалась деятельность советской военной разведки. После попыток фашистского путча в Австрии и убийства канцлера Дольфуса летом 1934 г. Кривицкий был командирован сначала в Австрию, а затем в Германию. Поездки в Берлин и Вену убедили Вальтера, что фашизм представляет серьезную опасность для всего мира.

Ближайшие сотрудники Вальтера, убежденные сторонники социалистической идеи, подобно ему, верили, что своей деятельностью они способны помешать продвижению фашизма и своевременно предупредить мировое общественное мнение об опасности. Советский Союз представлялся им воплощением социалистических идеалов, оплотом свободолюбивых и демократических сил. Если же говорить о его помощниках и информаторах, то неверно утверждать, как это делалось в популярной литературе, что все они были убежденными коммунистами. В задачу разведчика никогда не входило ведение политических диспутов и пропагандистской работы. Его главная задача — выполнение конкретных заданий командования. Так, чертежи новейшей итальянской подводной лодки Вальтер попросту купил у фашиста, занимавшего высокий пост. Через свою сеть в Берлине он приобрел коды японских дипломатических шифров.

Принимая разведывательную сеть и текущие дела от своего предшественника в Германии, Вальтер обнаружил, что один из его агентов напал на след сверхсекретных переговоров, которые вели личный представитель Гитлера Иоахим фон Риббентроп и японский военный атташе Хироси Осима. Сразу же оценив значимость этих переговоров, Вальтер доложил в центр о необходимости дополнительных средств и специалистов для ведения контроля за этими переговорами, а затем сам выехал в Москву. Ему удалось убедить в этом руководство, и он возвратился в Европу. К концу 1935 г. было уже ясно, что переговоры продвигаются к намеченной цели. Наконец в июле 1936 г. сотрудниками и помощниками Вальтера в Берлине была получена в переснятом виде полная подборка секретной переписки Хироси Осимы с высшим военным и политическим руководством в Токио. Переговоры велись под личным контролем Гитлера, который постоянно совещался с Риббентропом и инструктировал его.

Из корреспонденции стало очевидным, что целью переговоров было заключение секретного пакта, а также координация всех действий Германии и Японии как в Западной Европе, так и на Дальнем Востоке и Тихом океане. Во всей корреспонденции, которая охватывала период переговоров более чем за год, не было никаких ссылок на Коминтерн, не упоминались никакие акции, предпринимаемые Коминтерном. Речь шла фактически о разделе сфер влияния в мировой политике. В отношении СССР Япония и Германия взаимно обязывались не делать никаких шагов ни в Европе, ни на Дальнем Востоке без предварительных консультаций друг с другом. Берлин брал на себя обязательство содействовать модернизации вооружения японской армии; предполагался обмен военными миссиями.

В целях конспирации и для дезинформации мирового общественного мнения 25 ноября в Берлине в присутствии всех послов иностранных держав, за исключением СССР, представителями правительств Японии и Германии был подписан знаменитый Антикоминтерновский пакт. Он явился своеобразной дымовой завесой, за

которой скрывалось соглашение, о сути которого никто не догадывался. Подробная информация о переговорах Японии и Германии оказалась в распоряжении Советского правительства. Это был подлинный триумф советской военной разведки. Через какое-то время сведения об этих переговорах стали появляться на страницах американской и западноевропейской печати. Службы безопасности фашистской Германии пытались отыскать канал утечки столь серьезной информации. Однако главное было впереди. 24 ноября 1936 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов подробно рассказал об этом в выступлении на VIII Чрезвычайном съезде Советов. Это вызвало уже настоящий переполох в Берлине.

За блестящее выполнение ответственного правительственного задания разведчик был представлен к награждению орденом Ленина. Однако получить награду ему не довелось: помешали совершенно другие обстоятельства, нежели конспиративный характер его работы. К этому времени Кривицкий возглавлял советскую военную разведку в Западной Европе. Имея свой офис в Париже, сам он с семьей проживал в Гааге под именем австрийца Мартина Лесснера на Целебесстраат, 32. В деловых кругах он представлялся как торговец антикварными книгами. Деятельность, позволявшая разъезжать по странам Европы, обеспечивала ему не только «крышу», но и способ перевозки полученной информации. Японские дипломатические шифры, приобретенные у высокопоставленных эсэсовцев, были перевезены из Берлина в переплете раннего издания сочинений Фрэнсиса Бэкона.

В декабре 1936 г. Вальтер неожиданно получил указание Центра «заморозить» всю советскую агентурную сеть в Германии, то есть сделать ее бездействующей. Это вызвало недоумение и требовало разъяснений. Вальтер получил их от начальника Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР А. А. Слуцкого, находившегося в это время в служебной командировке в Барселоне. При встрече Вальтер высказал мучающие его опасения, однако получил ответ, что все это делается по указанию Сталина. Более того — от него потребовали компрометирующих материалов на видных политических деятелей, которых уже причислили к «врагам народа». Это не только противоречило самой сути деятельности разведывательных органов, но в определенной степени вело и к нарушению конспирации. Вальтер оказался в сложном положении: как поставить задачу своим сотрудникам и помощникам, среди которых было немало иностранцев?

К этому времени берлинская агентура донесла, что Сталин через своего личного представителя Давида Канделаки (торгпреда в Берлине) начал переговоры с Гитлером. С германской стороны в них принимал участие имперский министр Я. Шахт. На этих переговорах было выработано предварительное соглашение, с текстом которого и в сопровождении резидента Иностранного отдела ГУГБ Канделаки прибыл в Москву[6]. Сталин считал это высшим достижением своей личной дипломатии: переговоры велись в обход официальных каналов НКИД. Все это вызывало недоумение, которое усиливалось странными слухами о массовых арестах, доходившими до Вальтера из СССР. В этой обстановке он по срочному вызову отправился в Москву.

16 марта 1937 г. самолет приземлился в аэропорту Гельсингфорса (Хельсинки), откуда той же ночью Кривицкий поездом выехал в Ленинград. Таким маршрутом, через Скандинавию, он не раз возвращался на родину. Короткий путь, через Германию, был более опасным, его Вальтер, как правило, избегал. В распоряжении гестапо находились архивы Веймарской республики, а в них вполне могли быть обнаружены следы даже такого опытного разведчика. В связи с судебными процессами и массовыми арестами в Советском Союзе разрешений на въезд и выезд выдавалось очень мало (во всем вагоне попутчиками Вальтера оказались лишь трое американцев, которые путешествовали по дипломатическим паспортам).

Уже первая встреча со старыми друзьями обескуражила его. Она состоялась в Ленинграде в железнодорожных кассах. На простой вопрос: «Как дела?» — старый друг, оглянувшись, ответил: «Аресты, ничего, кроме арестов. Только в одной Ленинградской области они арестовали более 70% всех директоров заводов, включая военные заводы. Это официальная информация, полученная нами от партийного комитета. Никто не застрахован. Никто никому не верит»[7].

В работах английского публициста В. Хинчли, вышедших после второй мировой войны, делалась попытка представить поездку Кривицкого в Москву как про-

лог к будущему процессу военных. Согласно этой версии, именно Кривицкий в сговоре с адмиралом Канарисом сфабриковал и доставил Сталину документы о том, что Тухачевский продавал фашистам советские военные секреты[8]. Эта версия не соответствует действительности. Уже на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., выступая с заключительным словом, В. М. Молотов говорил: «Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко»[9].

Первые показания на Тухачевского и его коллег были получены от арестованных сотрудников НКВД М. И. Гая, Г. Е. Прокофьева, З. И. Воловича[10]. Сбором зарубежных материалов для подготовки процесса занимался специально командированный в Европу заместитель начальника Иностранного отдела ГУГБ С. М. Шпигельглаз, встречавшийся и с Кривицким, которому истинный смысл его командировки стал известен лишь позднее.

Февральско-мартовский Пленум ЦК фактически подвел «теоретическую базу» под большой террор; обстановка всеобщей подозрительности, поиска «врагов народа» воцарилась в стране. 18 — 21 марта состоялось совещание актива ГУГБ НКВД СССР. В выступлениях наркома Н. И. Ежова и его заместителя Я. С. Агранова прежнее руководство было обвинено в шпионаже и вредительстве. Шла чистка аппарата НКВД. ЦК направил на работу в органы госбезопасности 300 коммунистов. Они не имели опыта оперативной и чекистской работы, а их тут же назначили на должности заместителей начальников отделов «с тем, чтобы через дватри месяца сделать образцового чекиста»[11]. И таких чекистов действительно «делали» за более короткий срок.

Всесильный нарком принял Кривицкого. К этому времени Ежов уже имел звание генерального комиссара госбезопасности. Он сообщил, что заслуги Вальтера высоко оценены высшим руководством и он представлен к награждению орденом Ленина... Каждый день, проведенный в столице, ставил все новые и новые вопросы, ответить на которые он не мог и не получал разъяснений от высокопоставленных сотрудников НКВД. Шла волна арестов представителей большевистской гвардии, видных партийных и советских работников. От его внимания не ускользали мельчайшие факты. В частности, присутствуя на первомайском параде, он обратил внимание на появление маршала Тухачевского. Ему бросилась в глаза одна деталь: обычно подтянутый и следящий за своей внешностью, маршал во время парада все время держал руки в карманах. Однако реально предполагать, какой будет участь Тухачевского, он еще не мог, да и кто вообще мог представить, что Сталин пойдет на обезглавливание Красной Армии.

Между тем процессы тотальной чистки коснулись и зарубежного аппарата. Чекист Евдокимов составил записку о том, что все военнопленные, оставшиеся в России после первой мировой войны и заключения Брестского договора, являются шпионами[12]. Как правило, все они были коммунисты, многие находились на службе в Коминтерне и советской разведке. По указанию Слуцкого резидентов и сотрудников разведывательных служб под различными предлогами отзывали в СССР и здесь репрессировали. Создатель советской разведывательной сети в Германии Г. Киппенберг был обвинен в связях с немецкой военной разведкой, резидент в Париже Николай Смирнов (Глинский) был вызван в Москву якобы для доклада. Спустя некоторое время его жена получила от него бодрое письмо с просьбой приехать, так как он получил новое назначение в одну из нелегальных резидентур в Китае. Она отправилась — и исчезла. Всего было проведено около 30 таких операций в отношении крупных советских разведчиков [13].

В середине мая начались аресты высшего командного состава РККА. Затем последовала директива о передаче IV управления Генерального штаба РККА из военного ведомства в ведомство НКВД с непосредственным подчинением Ежову. Всю разведывательную и контрразведывательную деятельность отныне контролировали сотрудники секретариата Ежова. Среди арестованных оказался хорошо знакомый Вальтеру еще с гражданской войны секретарь ЦИК СССР И. С. Уншлихт. Он долгое время ведал в Реввоенсовете республики всей разведывательной и контрразведывательной работой, а еще ранее был заместителем Ф. Э. Дзержинского. Уншлихт был обвинен в принадлежности к контрреволюционной «Польской военной организации» и шпионаже в пользу Польши.

В гостинице «Савой» в соседнем с Вальтером номере жил Макс Максимов-

Уншлихт, племянник И. С. Уншлихта, возглавлявший последние три года советскую контрразведку в Германии. Кривицкий подолгу беседовал с ним, делился своими сомнениями и опасениями: почему они арестовали Якира? Почему схватили Эйдемана? Однако Макс, не ведая колебаний, защищал чистку. «Это грозное время для Советского Союза, — говорил он. — Кто против Сталина, тот против революции». Однажды вечером по возвращении с работы он был арестован. Когда Кривицкий по просьбе жены Макса пытался выяснить его судьбу, чем-нибудь помочь ему, ответственный работник НКВД заявил: «ОГПУ арестовало Макса, следовательно, он враг. Я не могу ничего сделать для его жены»[14].

По совету коллег Вальтер сразу же подготовил две объяснительные записки — своему непосредственному руководству и секретарю партийной организации — о взаимоотношениях с Максимовым-Уншлихтом. К этому времени шпиономания захлестнула все учреждения и ведомства. Но Вальтеру пока удавалось избежать участи многих. Волна арестов коснулась уже аппарата Разведупра и Иностранного отдела ГУГБ. Друзья сомневались в том, что Вальтеру удастся вернуться в Голландию. Среди арестованных оказалась высококвалифицированная секретарь-переводчица отдела, где работал Кривицкий. Обращение по этому поводу к Слуцкому не помогло. Как горький анекдот запомнился Кривицкому диалог с советским военным атташе в Румынии: «Он остановился, когда увидел меня на улице, и воскликнул: «Мне лишь кажется или это в самом деле Вальтер?.. Как, тебя еще не арестовали? Ничего, скоро возьмут». И разразился хохотом»[15].

Сам Вальтер не сомневался в своем близком аресте, но продолжал заниматься делами и даже просил руководство дать еще нескольких высококвалифицированных специалистов для пополнения своей заграничной сети. (Среди тех, кто был представлен ему в качестве будущих сотрудников, оказалась бывшая жена одного из руководителей Коммунистической партии США Эрла Браудера Кэтрин Харрисон.) 22 мая 1937 г. внезапно вызвавший его заместитель Ежова М. П. Фриновский сказал Кривицкому, что его отъезд решен и выехать следует в тот же день вечером.

До последнего момента Кривицкий ожидал ареста. Окончательная проверка в Белоострове на советско-финской границе... Однако все обошлось, и ему удалось вернуться к семье. 23 мая 1937 г. Вальтер возвратился в Гаагу.

Лето 1937 г. стало переломным в его судьбе. 29 мая он встретился со своим сотрудником, замещавшим его во время отъезда в Москву, — Игнатием Рейссом[16]. Рейсс тоже верил, что служит рабочему классу, а не сталинской клике. Судьба не раз сводила его с Вальтером. В свое время Кривицкий рекомендовал Рейсса для работы в разведке и вступления в партию. Теперь между ними состоялся доверительный разговор. Рейсс говорил о крушении иллюзий, о желании все бросить и уехать в отдаленный уголок, забыть все прошлое и настоящее. Политика Сталина представлялась ему в большой степени перерождением в фашизм. «Я использовал весь запас аргументов, — вспоминал тот разговор Вальтер, — и вновь остановился на старой теме: мы не должны уклоняться от борьбы. Советский Союз был все еще единственной надеждой рабочих мира, — настаивал я. — Сталин может ошибаться. Сталины придут и уйдут, а Советский Союз останется. Наш долг — оставаться на посту».

Однако все это не убедило Рейсса. Он был уверен, что Сталин ведет страну к катастрофе, и сделал свой выбор. 17 июля 1937 г. он встретился с сотрудницей советского торгпредства в Париже Л. Грозовской и передал через нее московскому руководству пакет. В нем оказалось письмо в ЦК ВКП(б) и орден Красного Знамени, которым Рейсс был награжден в 1928 г. за выполнение ответственных правительственных заданий.

Вскоре в Западную Европу прибыл С. М. Шпигельглаз, наделенный самыми широкими полномочиями от Ежова. При встрече с Кривицким он информировал его о том, что Рейсс порвал с советской службой, и ознакомил с письмом Рейсса в ЦК ВКП(б). «Мы даже сначала подозревали вас, — заметил Шпигельглаз, показывая письмо, — в переходе на сторону врага, когда получили сообщение о том, что ответственный советский агент появился в Голландии и установил контакт с троцкистами. Мы выяснили, что предателем был Людвиг».

В письме Центральному Комитету ВКП(б) Рейсс пытался объяснить, почему он порывает с советскими органами: «Тот, кто хранит молчание в этот час, становится пособником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма... У

меня достаточно сил, чтобы начать все сначала. А дело именно в том, чтобы начать сначала, чтобы спасти социализм... Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу. Я хочу предоставить свои силы делу Ленина, я хочу бороться, и наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма, а Советский Союз от сталинизма».

Кривицкий оказался в чрезвычайно сложном положении. «Вы знаете, что отвечаете за Рейсса», — сказал Шпигельглаз. Для реабилитации перед Сталиным и Ежовым Вальтеру было предложено принять активное участие в ликвидации Рейсса. Этого он допустить не мог. Опытному конспиратору удалось обмануть Шпигельглаза и предупредить своего товарища о грозящей опасности. Людвиг сумел скрыться.

Однако Шпигельглаз был неплохим организатором подобного рода дел, за ним прочно закрепился авторитет волевого, смелого работника. Его сотрудники, входившие в состав Заграничного оперативного центра ГУГБ, обнаружили след Рейсса в Швейцарии. В августе была предпринята попытка отравить его. Роковую роль в судьбе Людвига сыграла Гертруда Шидльбах, сотрудница советской секретной службы в Италии. Она знала его более 20 лет, и Рейсс относился к ней с полным доверием. На свидании, которое проходило в присутствии жены Рейсса Эльзы, она говорила, что также хочет порвать со сталинщиной. Рейсс советовал ей связать свою судьбу с IV Интернационалом. Вечером 4 сентября они вместе ужинали в ресторане. При выходе к ним подъехала машина, Рейсс был оглушен ударом кистеня, втащен в машину и убит. В этот же день труп чешского бизнесмена Ганса Эберхардта был обнаружен швейцарской полицией. В голове убитого было пять пуль, осмотр тела свидетельствовал о том, что Рейсс пытался сопротивляться[17].

Швейцарская полиция вышла на след убийц и даже арестовала некоторых из них. Во время следствия выяснились все подробности, и эта сенсация облетела страницы газет мира. Поднятый журналистами шум отнюдь не способствовал повышению авторитета Советского Союза на мировой арене. Швейцарская полиция с помощью депутата парламента Р. Стивлита и вдовы Рейсса долгие месяцы вела расследование, итоги которого легли к основу книги П. Тизне, опубликованной во Франции в 1939 году[18].

Дело Рейсса во многом решило судьбу Вальтера. Его отзывали в Москву. Возвратиться в СССР означало ехать на смерть. Кривицкий стоял перед выбором: или получить пулю от убийц на Лубянке по официальному приговору, или погибнуть от руки подосланных сталинских убийц. Вальтер посоветовался с женой. Она спросила его, есть ли у них шансы остаться в живых, если вернуться в СССР. Вальтер ответил прямо, он вполне отдавал себе отчет в происходящем: никаких шансов.

Если следовать формальной логике, поступок Кривицкого был изменой долгу, предательством. С 1929 г. в Уголовном кодексе была статья, квалифицирующая невозвращение как измену Родине, объявляющая виновных вне закона [19]. Но ведь и возвращение не спасало его от этого или подобного обвинения (например, в пособничестве «врагам народа») и гибели вместе с женой и сыном. Личная драма Кривицкого перерастала в общую для советского народа трагедию. Он принял решение не способствовать еще одному преступлению сталинской клики, а продолжать отстаивать социалистические идеалы доступными ему способами в борьбе с преступным режимом.

План бегства был продуман тщательно. Вальтер не сомневался, что Шпигельглаз пустит по его следам своих лучших агентов. Официально он получил разрешение отплыть в СССР из Гавра на пароходе «Жданов». Через своего старого боевого друга (писателя Воля, гражданина США) он арендовал домик в городке Гере вблизи Тулона. 6 октября путем весьма хитроумной комбинации Кривицкий ушел от наблюдения и вместо Гавра оказался в Дижоне, а оттуда связался по телефону со своим офисом в Париже и заявил дежурившей там Мадлен (своему секретарю) о разрыве с Советским правительством. Некоторые исследователи полагают, что этот поступок Вальтера был продиктован трусостью[20]. Представляется, однако, что здесь был трезвый расчет хорошего знатока методов НКВД.

В начале ноября 1937 г. он встретился в Париже с Л. Л. Седовым-Троцким. Посредником между ними выступила вдова Рейсса. В разговоре с ним Вальтер прямо заявил, что к троцкистам не присоединяется, а ищет лишь дружбы и совета. «Он был еще очень молод, но исключительно даровит, очаровательный человек,

хорошо информированный и деятельный» — таким остался Лев Седов в памяти Вальтера. Спустя три месяца сын Л. Д. Троцкого, полный сил и энергии, внезапно скончался в парижской больнице при весьма подозрительных обстоятельствах. Его постигла участь всех детей Троцкого: он пал жертвой сталинской службы госбезопасности.

Бывшее руководство пыталось установить связь с Вальтером. На контакт с ним вышел его знакомый Ганс. «Я пришел от имени организации, — таковы были его первые слова. — В Москве знают, что вы не предатель, не шпион. Вы старый революционер, но вы просто устали, вы не выдерживаете напряжения. Возможно, они разрешат вам уйти в отставку, чтобы как следует отдохнуть. Вы — один из наших», — убеждал его собеседник. Вальтеру было предложено встретиться со специальным уполномоченным из Москвы. В кафе, где проходила встреча, он заметил присутствие группы агентов НКВД. Потребовалось большое самообладание, профессиональное умение, чтобы уйти от преследования.

Все это ускорило обращение Кривицкого к французскому правительству. Посредником в данном случае выступал Ф. Дан, который представлял в эмиграции меньшевиков, группировавшихся вокруг журнала «Социалистический вестник». В заявлении на имя заместителя министра иностранных дел Франции П. Дорма он писал: «Последние политические события в Советском Союзе полностью изменили положение... Встав перед выбором, идти на смерть вместе со всеми моими старыми товарищами или спасти свою жизнь и семью, я решил не передавать себя молча на расправу Сталину»[21].

Ему удалось получить удостоверение личности, а несколько позже — паспорт и выехать за границу. Семья Вальтера переехала из Гере в Париж и здесь находилась под охраной полиции. Охраняли его тщательно, полицейские находились в соседней с ним комнате, у дверей отеля постоянно дежурил офицер. 5 декабря 1937 г. в заявлении для печати Вальтер объяснял причины разрыва со сталинским руководством и апеллировал к международному общественному мнению. Вот его текст: «Письмо в рабочую печать. 18 лет я преданно служил Коммунистической партии и Советской власти в твердой уверенности, что служу делу Октябрьской революции, делу рабочего класса. Член ВКП с 1919 года, ответственный военно-политический работник Красной Армии в течение многих лет, затем директор Института военной промышленности, я в течение многих последних лет выполнял специальные миссии Советского правительства за границей. Руководящие партийные и советские органы постоянно оказывали мне полное доверие; я был дважды награжден (орденом Красного Знамени и Почетным Оружием).

В последние годы я с возрастающей тревогой следил за политикой Советского правительства, но подчинял свои сомнения и разногласия необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма, которым служила моя работа. Но развернувшиеся события убедили меня в том, что политика сталинского правительства все больше расходится с интересами не только Советского Союза, но и мирового рабочего движения вообще.

Через московские публичные — и еще больше тайные — процессы прошли в качестве «шпионов» и «агентов гестапо» самые выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И. Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский и др., лучшие экономисты и ученые: Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысячи других — перечислить их здесь нет никакой возможности. Не только старики, все лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и пооктябрьского поколений, — те, кто в огне гражданской войны, в голоде и холоде строили советскую власть, подвергнуты сейчас кровавой расправе. Сталин не остановился даже перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он казнил ее лучших полководцев, ее наиболее талантливых вождей: Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника. Он лживо обвинил их — как и все другие свои жертвы — в измене. В действительности же именно сталинская политика подрывает военную мощь Советского Союза, его обороноспособность, экономику и науку, все отрасли советского строительства.

При помощи методов, которые еще станут известны (например, допросы Смирнова и Мрачковского), кажущихся невероятными на Западе, Сталин — Ежов вымогают у своих жертв «признания» и инсценируют позорные процессы. Каждый новый процесс, каждая новая расправа все глубже подрывает мою веру. У меня достаточно данных, чтобы знать, как строились эти процессы, и понимать, что гиб-

нут невинные. Но я долго стремился подавить в себе чувство отвращения и негодования, убедить себя в том, что, несмотря на это, нельзя покидать доверенную мне ответственную работу. Огромные усилия понадобились еще — я должен это признать, — чтобы решиться на разрыв с Москвой и остаться за границей.

Оставаясь за границей, я надеюсь получить возможность помочь реабилитации тех десятков тысяч мнимых «шпионов» и «агентов Гестапо», в действительности преданных борцов рабочего класса, которые арестовываются, ссылаются, убиваются, расстреливаются нынешними хозяевами режима, который эти борцы создали под руководством Ленина и продолжали укреплять после его смерти.

Я знаю — я имею тому доказательства, — что моя голова оценена. Знаю, что Ежов и его помощники не остановятся ни перед чем, чтоб убить меня и тем заставить замолчать; что десятки на все готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам. Я считаю своим долгом революционера довести обо всем этом до сведения мировой рабочей общественности. 5 декабря 1937 г. В. Кривицкий (Вальтер)»[22].

К этому времени Вальтер приобрел определенную известность. Ряд социал-демократических изданий, в том числе «Социалистический вестник», опубликовал интервью с ним, его записки. Вот, например, выдержки из интервью Кривицкого, данного Седову-Троцкому:

«*Вопрос:* Какова сейчас ваша политическая позиция? *Ответ:* Я не причисляю себя к какой-нибудь политической группировке и в ближайшее время намерен жить в качестве частного лица. Разумеется, я целиком стою на почве Октябрьской революции, которая была и остается исходным пунктом моего политического развития. Я не считаю себя троцкистом, [но] Троцкий в моем сознании и убеждении неразрывно связан с Октябрьской революцией. *Вопрос:* Что вы думаете о московских антитроцкистских процессах? *Ответ:* Я знаю и имею основания утверждать, что московские процессы — ложь от начала до конца. Это маневр, который должен облегчить окончательную ликвидацию революционного интернационализма, большевизма, учения Ленина и всего дела Октябрьской революции. *Вопрос:* Каково, по вашему мнению, число политических арестованных в СССР за последний период? *Ответ:* Из очень авторитетного источника я слышал, что число это в мае этого года 350 000 человек. В подавляющем большинстве это члены партии и их семьи. С того времени число арестованных значительно возросло, может быть, достигло полумиллиона»[23].

Ряд выступлений Кривицкого в «Социалистическом вестнике» был перепечатан шведской, датской и американской социалистической прессой. Правительство СССР по дипломатическим каналам заявило протест по поводу этих публикаций правительствам Дании и Швеции. В марте 1938 г. к Вальтеру обратились редактор «Figaro» Б. Суварин и депутат Национального собрания Франции Г. Берже с просьбой прокомментировать судебный процесс над группой Бухарина, Рыкова и других. Суварин, бывший член Французской компартии, был в свое время активным деятелем Коминтерна. Берже приходился зятем советскому полпреду в Англии Л. Б. Красину.

7 марта 1939 г. на жизнь Вальтера было совершено очередное покушение; в декабре он перебрался в США. С апреля 1939 г. в американской печати, в частности в журнале «Saturday Evening Post», стали появляться его сенсационные статьи с разоблачением сталинской внутренней и внешней политики; они легли в основу вскоре изданной книги мемуаров. Вальтер предупреждал мировую общественность о грозящей опасности второй мировой войны. Особенно его тревожило сталинское заигрывание с фашистской Германией. Подлинной сенсацией прозвучало известие о контактах Сталина и Гитлера с 1934 года.

В это отказывались верить. Однако заключение пакта Риббентроп — Молотов в августе 1939 г. снова привлекло внимание к публикации Вальтера. Советское представительство в США принимало меры к дискредитации Кривицкого. Его выступления были объявлены лживыми, а затем и сам он оклеветан как самозванец, выдающий себя за бывшего руководителя советской разведки в Европе. Получение им гонораров за свои публикации (трудное материальное положение беглеца не оставляло ему другого выхода) изображалось как доказательство его продажности. Ряд конгрессменов поставил перед американской иммиграционной службой вопрос о его депортации.

Дважды Кривицкий встречался с руководителем паспортного отдела госдепартамента Р. Шилли. В этом отделе ему предложили дать сведения о «нежелательных иностранцах», опознав их по фотографиям, не требуя ни аргументов, ни обоснований. Посредником между Вальтером и государственными учреждениями выступил Л. Уолдмен — известный адвокат и политический деятель, баллотировавшийся на пост губернатора штата Нью-Йорк от социалистической партии. Приказ о депортации Вальтера был отменен. Однако 11 октября 1939 г. последовало приглашение в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Отвечая на вопросы, он перечислил всех руководителей советской разведывательной сети в Америке начиная с 1924 г., включая Бориса Быкова, который как раз в это время возглавлял советскую разведку в США. Однако это не произвело должного впечатления, конгрессмены требовали лишь одного — подтвердить, что Коминтерн является орудием Сталина[24].

В это время в Англии проходил судебный процесс по делу капитана Дж. Кинга, работавшего в отделе связи Форин офис. 18 октября 1939 г. он был осужден за передачу секретной информации советской стороне. В Европе шла вторая мировая война. Связанные пактом о ненападении, Германия и СССР обменивались сведениями военного характера. Вальтер понимал, что советская разведка во Франции и Англии косвенно будет работать на Гитлера. «Сотрудничество Красной Армии с германским генштабом началось еще до прихода Гитлера к власти, — говорил Вальтер, выступая перед комиссией палаты представителей, — ...в форме шпионажа и обмена информацией военного характера. Поскольку пакт, заключенный между Гитлером и Сталиным, является фактически военным союзом, союзом двух армий, распространяющимся на определенные области Европы, я не сомневаюсь, что обмен секретами военного характера и тому подобной информацией... совершенно необходим обеим сторонам — как Гитлеру, так и Сталину»[25].

Только с учетом этого можно понять дальнейшие шаги Вальтера. 19 января 1940 г. он прибыл в Англию. Английская контрразведка и разведка вели тайную войну против российской внешней политики еще с XIX века. В 1938 г. был раскрыт шпионаж в военной промышленности: советской военной разведке удалось получить копии рабочих чертежей 14-дюймовых орудий для линкоров («Дело Вульвичского арсенала»). 21 января 1938 г. по этому делу был арестован служащий арсенала П. Глэдиг и еще трое. В результате хорошо спланированной агентурной разработки английская контрразведка смогла ликвидировать эту сеть. В условиях, когда реальностью стала угроза вторжения Германии на Британские острова, англичане обратились к Вальтеру.

Загнанный в тупик, он был вынужден фактически предать своих товарищей. В течение трех недель с ним вела беседы сотрудница Интеллидженс сервис Д. Арчер, хороший психолог. По свидетельству К. Филби, она была самым способным профессиональным офицером разведки из отдела МИ-5. Она хорошо изучила коммунистическое движение и смогла получить от Вальтера ценнейшие сведения[26]. Как сообщает Г. Брук-Шефферд, он передал около 100 фамилий своих агентов в различных странах, в том числе 30 в Англии. Это были американцы, немцы, австрийцы, русские — бизнесмены, художники, журналисты. Все они были арестованы. Но главных советских агентов (Барджесса, Маклина, Филби) Кривицкий, вопреки утверждению О. А. Горчакова, все-таки не назвал[27]. Однако, более чем вероятно, именно это и привело самого Вальтера к трагическому финалу.

В начале 1941 г. Вальтер получил письмо от старого приятеля Воля, который предупреждал его, что в Нью-Йорк прибыл один из бывших сотрудников Кривицкого. Одновременно ему сообщили о появлении Г. Веземана, одного из опытных германских разведчиков, который явно шел по его следу. На 10 февраля 1941 г. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности назначила очередное слушание показаний Вальтера — по вопросу о внедрении секретной советской агентуры в структуры государственной власти США. К этому времени правительство Великобритании официально запросило США о возможном приезде его в Англию.

7 февраля 1941 г. Вальтер поехал в Вашингтон навестить своего знакомого, П.-Доберта, бывшего офицера рейхсвера, бежавшего в США после прихода Гитлера к власти. По свидетельству Э. В. Порефа-Доберта и его жены Маргарет, Вальтер нервничал, держал при себе пистолет. Собравшись уехать в Нью-Йорк, на вокзале он случайно увидел Веземана и изменил свое намерение. Кольцо сужалось,

с одной стороны шли бывшие коллеги, с другой — бывшие враги. На этот раз они вели против него совместную охоту. Сняв номер в небольшой гостинице «Бельвю», он зарегистрировался как Эйтель Вольф Пореф, взяв имя своего товарища.

10 февраля в 9.30 утра горничная, открыв ключом номер 532, на пятом этаже, увидела, что постоялец мертв. «Я подошла к кровати и увидела, что у него голова в крови... Потом я заметила, что он не дышит». Сержант-детектив Д. Л. Гест констатировал явное самоубийство[28]. Выполнив необходимые формальности, он удалился. При убитом было обнаружено три записки. Первая была адресована жене и сыну. В ней говорилось следующее: «Дорогие Тоня и Алик! Мне очень тяжело. Я очень хочу жить, но это невозможно. Я люблю вас, мои единственные. Мне трудно писать, но подумайте обо мне, и вы поймете, что я должен сделать с собой. Тоня, не говори сейчас Алику, что случилось сейчас с его отцом. Так будет лучше для него. Надеюсь, со временем ты откроешь ему правду... Прости, тяжело писать. Береги его, будь хорошей матерью, живите дружно, не ссорьтесь. Добрые люди помогут вам, но только на время. Моя вина очень велика. Обнимаю вас обоих. Ваш Валя. P. S. Я написал это вчера на ферме Добертова. В Нью-Йорке у меня не было сил писать. В Вашингтоне у меня не было никаких дел. Я приехал к Добертову, потому что нигде больше не мог достать оружие».

Второе письмо было адресовано адвокату. «Дорогой мистер Уолдмен! Моя жена и сын будут нуждаться в Вашей помощи. Пожалуйста, сделайте для них все, что можете. Ваш Вальтер Кривицкий. P. S. Я поехал в Вирджинию, т. к. знал, что там смогу достать пистолет. Если у моих друзей будут неприятности, помогите им, пожалуйста. Они хорошие люди». Третья записка была адресована С. Пафолетт, писательнице, которая дружила с семьей Кривицких. «Дорогая Сузанна! Надеюсь, у тебя все в порядке. Умирая, я надеюсь, что ты поможешь Тоне и моему бедному мальчику. Ты была верным другом. Твой Вальтер»[29].

Прибыв в Вашингтон, Уолдмен потребовал от ФБР начать расследование. По его словам, после получения письма от Воля Вальтер заявил: «Если когда-нибудь меня найдут мертвым и это будет выглядеть как несчастный случай или самоубийство, не верьте! За мной охотятся...» Однако в расследовании ему было отказано. Тогда в сопровождении инспектора Томпсона он отправился на место происшествия, и они вместе осмотрели номер гостиницы. Замок закрывался простым захлопыванием двери, и его нетрудно было открыть. Окно в комнате было приоткрыто на несколько дюймов. Были и другие странные обстоятельства. Врач констатировал смерть в 4 часа утра. Однако никто ни в отеле, ни на улице не слышал выстрела. Пистолет Вальтера был без глушителя. Отпечатки пальцев на пистолете снять не удалось, не была обнаружена и пуля, выпущенная из пистолета. Томпсон и Уолдмен пришли к выводу, что это убийство.

Вдова Кривицкого отстаивала версию убийства. Н. Н. Седова-Троцкая резюмировала: «Версия самоубийства — одна из обычных уловок ОГПУ, когда они пытаются скрыть следы своих преступлений». Э. В. Пореф-Доберт высказал предположение, что целью убийства было «сдерживание», удержание работников советских заграничных служб от бегства[30]. Так или иначе, загадка остается нераскрытой. Американские газеты требовали официального расследования.

Интерес к судьбе Вальтера вновь возник во второй половине 40-х годов. В 70-е годы к его судьбе обратился английский писатель-публицист и историк Г. Брук-Шефферд. Он разыскал бывшую сотрудницу советской военной разведки в США Г. Массинг, работавшую с Кривицким и Рейссом. 6 ноября 1976 г. в разговоре с ним она отвергла версию самоубийства Вальтера, мотивированного желанием спасти семью. По ее словам, поверить обещаниям сталинского руководства оставить в случае самоубийства в покое его семью «такой профессионал не мог». Шефферд отдает предпочтение версии убийства.

Не выдерживает критики идея о причастности к убийству нацистских спецслужб. 10 — 11 февраля 1941 г. Виземан информировал свое руководство в Берлине о смерти Вальтера, заявив, что не имеет к этому никакого отношения [31].

Главы из записок Вальтера будут опубликованы в ближайших номерах по книге «On Stalin's Secret Service», вышедшей в 1939 г. в США и переизданной тогда же в Лондоне под названием «I was the Stalin's agent»; переведены они по последнему изданию, любезно предоставленному в наше распоряжение английским историком П. Дюксом.

Примечания

1. KRIVITSKY V. I was the Stalin's Agent. Lnd. 1939, p. 11.
2. Подробно об этом было доложено на заседании фракции РКП(б) в ЦИК СССР в декабре 1923 г. Г. Е. Зиновьевым и Н. И. Бухариным.
3. Коллекция ЦГАОР СССР, представление к награждению С. Г. Пупко-Фирина орденом Красного Знамени.
4. Там же, дело французской и английской контрразведки.
5. Там же, дело о награждении лиц командного состава РККА.
6. Миссия Давида Канделаки была одной из первых, но не единственной попыткой Сталина установить контакт с Гитлером. Однако никаких дипломатических и торговых соглашений подписано не было. Причиной этого были, по-видимому, те процессы, которые проходили в стране. Имеются в виду массовые репрессии, жертвой которых стал и дипломатический корпус; среди дипломатов репрессиям подвергся и К. К. Юренев, советский полпред в Берлине. Тем не менее именно после миссии Канделаки у Сталина оказались развязаны руки в отношении высшего комсостава РККА (см. Вопросы истории, 1991, № 4—5).
7. KRIVITSKY V. Op. cit., p. 228.
8. Кто убил Вальтера Кривицкого? — Литературная газета, 24.I.1990.
9. Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с.45.
10. Там же, с. 46.
11. Коллекция ЦГАОР СССР, приказы по личному составу ГУГБ НКВД СССР за 1937 год.
12. Бюллетень оппозиции, 1938, № 58—59, с. 12—13, Записки И. Рейсса.
13. Судьбы советских перебежчиков. Нью-Йорк — Иерусалим — Париж. 1983, с. 168—169.
14. KRIVITSKY V. Op. cit., p. 231.
15. Ibid., p. 232.
16. Игнатий Рейсс (Натан Маркович Порецкий) родился 1 января 1889 г. в Польше. Еще на гимназической скамье примкнул к революционному движению; в дальнейшем, будучи студентом юридического факультета Венского университета, вступил в австрийскую компартию. В 1920 г. вел нелегальную работу в Польше, в 1923—1926 гг. в Германии (Рурская область). В 1927 г. под именем «Людвиг» Рейсс приехал в Москву, прошел подготовку на специальных курсах Военной академии, вступил в ВКП(б). Затем последовали командировки в страны Центральной и Восточной Европы. В 1929—1932 гг. работал в центральном аппарате Разведупра в Москве, а затем снова за границей.
17. Бюллютень оппозиции, 1937, № 50—51, с. 25.
18. Речь идет о записках жены И. Рейсса, подготовленных к публикации при участии П. Тизне (см. PORETSKI Elsa. Les notes. P. 1969).
19. Статья в кодексе появилась после бегства советника советского посольства в Париже Г. Е. Беседовского. В октябре — ноябре 1929 г. этот вопрос специально обсуждался в Политбюро ЦК ВКП(б), ЦИК СССР и коллегии ОГПУ (коллекция ЦГАОР СССР, материалы ЦИК СССР о невозвращенцах).
20. Такой точки зрения придерживается английский исследователь Г. Брук-Шефферд (см. Судьбы советских перебежчиков, с. 171).
21. KRIVITSKY V. Op. cit., p. 17.
22. Это заявление, переданное французскому агентству «Гавас», было опубликовано на русском языке в «Социалистическом вестнике» и «Бюллетене оппозиции». Там же было напечатано заявление А. Г. Бармина, советского полпреда в Афинах (цит. по: Бюллетень оппозиции, 1937, № 60—61, с. 8—9).
23. Там же, с. 10.
24. Судьбы советских перебежчиков, с. 198—199.
25. Там же, с. 199.
26. ФИЛБИ К. Моя тайная война. М. 1980, с. 105.
27. Судьбы советских перебежчиков, с. 203; ср. Комсомольская правда, 22. V. 1990.
28. Литературная газета, 24. I. 1990.
29. Судьбы советских перебежчиков, с. 210—211.
30. Там же, с. 208, 210—211, 213; Литературная газета, 24. I. 1990.
31. Комсомольская правда, 22. V. 1990.

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том второй. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918

Глава XIX. *Первый Кубанский поход. От Ростова до Кубани; военный совет в Ольгинской; падение Дона; народные настроения; бой у Лежанки; новая трагедия русского офицерства*

Мы уходили. За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя...

Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два верховных главнокомандующих русской армией, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания... За синей птицей.

Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светоч», слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе — те, кто пока еще не проснулись... В этом был весь глубокий смысл Первого Кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все — в области духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия — малая числом, оборванная, затравленная, окруженная — как символ гонимой России и русской государственности. На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг, — это ставка Корнилова.

Покружив по вымершему городу, мы остановились на сборном пункте — в казармах Ростовского полка (ген. Боровского), в ожидании подхода войск. Еще с утра Боровский предложил ростовской молодежи — кто желает — вернуться домой: впереди тяжелый поход и полная неизвестность. Некоторые ушли, но часть к вечеру вернулась: «Все соседи знают, что мы были в армии, товарищи или прислуга выдадут»...

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, № 1—10.

Долго ждем сбора частей. Разговор не клеится. Каждый занят своими мыслями, не хочется думать и говорить о завтрашнем дне. И как-то странно даже слышать доносящиеся иногда обрывки фраз — таких обыденных, таких далеких от переживаемых минут... Двинулись, наконец, окраиной города. По глубокому снегу. Проехали мимо несколько всадников. Один остановился. Доложил о движении конного дивизиона. Просит Корнилова сесть на его лошадь. «Спасибо, не надо».

Из боковых улиц показываются редкие прохожие и, увидев силуэты людей с ружьями, тотчас же исчезают в ближайших воротах. Вышли в поле, пересекаем дорогу на Новочеркасск. На дороге безнадежно застрявший автомобиль генерала Богаевского. С небольшим чемоданчиком в руках он присоединяется к колонне. Появилось несколько извозчичьих пролеток. С них нерешительно сходят офицеры, по-видимому задержавшиеся в городе. Подошли с опаской к колонне и, убедившись, что свои, облегченно вздохнули. «Ну, слава Те, Господи! Не знаете, где 2-й батальон?»

Идем молча. Ночь звездная. Корнилов — как всегда хмурый, с внешне холодным, строгим выражением лица, скрывающим внутреннее бурное горение, с печатью того присущего ему во всем — в фигуре, взгляде, речи, — достоинства, которое не покидало его в самые тяжкие дни его жизни. Таким он был полковником и Верховным главнокомандующим: в бою 48-й дивизии и в австрийском плену; на высочайшем приеме и в кругу своих друзей; в могилевском дворце и в быховской тюрьме. Казалось не было такого положения, которое могло сломить или принизить его. Это впечатление невольно возбуждало к нему глубокое уважение среди окружающих и импонировало врагам.

Вышли на дорогу в Аксайскую станицу. Невдалеке от станицы встречает квартирьер: «Казаки «держат нейтралитет» и отказываются дать ночлег войскам». Корнилов нервничает. «Иван Павлович! поезжайте, поговорите с этими дураками». Не стоит начинать поход «усмирением» казачьей станицы. Романовский повернул встречные сани, пригласил меня, поехали вперед. Долгие утомительные разговоры сначала со станичным атаманом (офицер), растерянным и робким человеком, потом со станичным сбором: тупые и наглые люди, бестолковые речи. После полуторачасовых убеждений Романовского, согласились впустить войска, с тем что на следующее утро мы уйдем, не ведя боя у станицы. Думаю, что решающую роль в переговорах сыграл офицер-ординарец, который отвел в сторону наиболее строптивого казака и потихоньку сказал ему: «Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдет Корнилов — он шутить не любит: вас повесит, а станицу спалит». Утомленные переживаниями дня и ночным походом добровольцы быстро разбрелись по станице. Все спит. У Аксая — переправа через Дон по льду. Лед подтаял и трескается. Явился тревожный вопрос: выдержит ли артиллерию и повозки?

Оставили в Аксайской арьергард для своего прикрытия и до окончания разгрузки вагонов с запасами, которые удалось вывезти из Ростова, и благополучно переправились. По бесконечному гладкому снежному полю вилась темная лента. Пестрая, словно цыганский табор: ехали повозки, груженые наспех и ценными запасами, и всяким хламом; плелись какие-то штатские люди; женщины — в городских костюмах и в легкой обуви вязли в снегу. А вперемежку шли небольшие, словно случайно затерянные среди «табора», войсковые колонны — все, что осталось от великой некогда русской армии... Шли мерно, стройно. Как они одеты! Офицерские шинели, штатские пальто, гимназические фуражки; в сапогах, валенках, опорках... Ничего — под нищенским покровом живая душа. В этом — все.

Вот проехал на тележке генерал Алексеев; при нем небольшой чемодан; в чемодане и под мундирами нескольких офицеров его конвоя — «деньгонош» — вся наша тощая казна, около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Бывший Верховный сам лично собирает и распределяет крохи армейского содержания. Не раз он со скорбной улыбкой говорил мне: «Плохо, Антон Иванович, не знаю, дотянем ли до конца похода...»

Солнце светит ярко. Стало теплее. Настроение у всех поднялось: вырвались из Ростова, перешли Дон — это главное, а там... Корнилов выведет. Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. И затем, пройдя несколько шагов, продолжают нескладную, но задушевную песню: «Дружно, Корниловцы, в ногу. С нами Корнилов идет. Спасет он, поверьте, отчизну. Не выдаст он русский народ».

Молодость, порыв, вера в будущее и вот эта крепкая, здоровая связь с вождем проведут через все испытания. Остановившись в станице Ольгинской, где уже ночевал отряд генерала Маркова, пробившийся мимо Батайска левым берегом Дона, Корнилов приступил к реорганизации Добровольческой армии, насчитывавшей всего около 4 тысяч бойцов, путем сведения многих мелких частей.

Состав армии получился следующий: 1-й Офицерский полк под командой генерала Маркова — из трех офицерских батальонов, кавказского дивизиона и морской роты. Юнкерский батальон под командой генерала Боровского — из прежнего юнкерского батальона и Ростовского полка. Корниловский ударный полк под командой полковника Неженцева. В полк влиты части б. Георгиевского полка и партизанского отряда полковника Симановского. Партизанский полк под командой генерала А. Богаевского — из пеших донских партизанских отрядов. Артиллерийский дивизион под командой полковника Икишева — из четырех батарей по два орудия. Командиры: Миончинский, Шмидт, Ерогин, Третьяков. Чехо-словацкий инженерный батальон под «управлением» штатского инженера Краля и под командой капитана Неметчика. Конные отряды:[1] а) Полковника Глазенапа — из донских партизанских отрядов. б) Полковника Гершельмана — регулярный. в) Подполковника Корнилова — из бывших частей Чернецова.

Сведение частей вызвало много обиженных самолюбий смещенных начальников и на этой почве некоторое неудовольствие в частях. Приглашает меня к себе Алексеев и взволнованно говорит: «Я не ручаюсь, что сегодня не произойдет бой между юнкерами и студентами[2]. Юнкера считают их «социалистами»... Как можно было сливать такие несхожие по характеру части». — «Ничего, Михаил Васильевич. Все обойдется. Волнуется больше П.[3], чем батальон».

У Маркова также были некоторые трения, но он с первых же дней взял в руки свой полк. «Не много же вас здесь, — обратился он к собравшимся в первый раз офицерским батальонам. — По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь. Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем, а то все равно скажу, что идем к черту за синей птицей. Теперь скажу только, что приказом командующего армией, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром 1-го Офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов и из роты моряков, хорошо известной нам по боям под Батайском. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров; но и тут, господа, не огорчайтесь. Ведь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон».

Спешно комплектовали конницу и обоз, покупая лошадей с большим трудом и за баснословную цену у казаков. Патронов было очень мало, снарядов не более 600—700. Для этого рода снабжения у нас оставался только один способ — брать с боя у большевиков ценою крови.

Меня Корнилов назначил «помощником командующего армией». Функции довольно неопределенные, идея жуткая — преемственность. На беду, у меня вышло недоразумение еще в Ростове с вещами: чемодан с военным платьем был отправлен вперед в Батайск еще тогда, когда предполагалось везти армию по железной дороге, и там во время захвата станции попал в руки большевиков. В поход пришлось идти в штатском городском костюме и в сапогах с рваными подошвами. В результате после двух пеших переходов — тяжелая форма бронхита, благодаря которому потом долгое время на походе я ехал с войсками, а на остановках принужден был лежать в постели.

В Ольгинской разрешился наконец вопрос о дальнейшем плане нашего движения. Корнилов склонен был двигаться в район зимовников[4], в Сальский округ Донской области. Некоторые предварительные распоряжения были уже сделаны. Обеспокоенный этим генерал Алексеев 12 февраля писал Корнилову: «В настоящее время с потерей главной базы армии — г. Ростова, в связи с последними решениями Донского войскового круга и неопределенным положением на Кубани — встал вопрос о возможности выполнения тех общегосударственных задач, которые себе ставила наша организация».

«События в Новочеркасске развиваются с чрезвычайной быстротой. Сегодня к 12 часам положение рисуется в таком виде: атаман слагает свои полномочия; вся власть переходит к военно-революционному комитету; круг вызвал в Новочеркасск революционные казачьи части, которым и вверяет охрану порядка в городе; круг начал переговоры о перемирии; станица Константиновская и весь север области в руках военно-революционного комитета; все войсковые части (главн. образ. партизаны), не пожелавшие подчиниться решению круга, во главе с походным атаманом и штабом, сегодня выступают в Старочеркасскую для присоединения к Добровольческой армии». «Создавшаяся обстановка требует немедленных решений, не только чисто военных, но в тесной связи с решением вопросов общего характера».

«Из разговоров с генералом Эльснером и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к сев.-зап. от станицы Великокняжеской. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела, и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимовниках отряд будет очень скоро сжат, с одной стороны, распустившейся рекой Доном, а с другой — железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России».

«Так как подобное решение выходит из плоскости чисто военной, а также потому, что предварительно начала какой-либо военной операции необходимо теперь же разрешить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направлении ее деятельности — прошу Вас сегодня же созвать совещание из лиц, стоящих во главе организации, с их ближайшими помощниками». На военном совете, собранном в тот же вечер, мнения разделились. Одни настаивали на движении к Екатеринодару, другие, в том числе Корнилов, склонялись к походу в зимовники.

Помимо условий стратегических и политических, это второе решение казалось весьма рискованным и по другим основаниям. Степной район, пригодный для мелких партизанских отрядов, представлял большие затруднения для жизни Добровольческой армии с ее пятью тысячами ртов. Зимовники, значительно удаленные друг от друга, не обладали ни достаточным числом жилых помещений, ни топливом. Располагаться в них можно было лишь мелкими частями, разбросанно, что при отсутствии технических средств связи до крайности затрудняло бы управление. Степной район кроме зерна (немолотого), сена и скота не давал ничего для удовлетворения потребностей армии. Наконец, трудно было рассчитывать, чтобы большевики оставили нас в покое и не постарались уничтожить по частям распыленные отряды.

На Кубани, наоборот: мы ожидали встретить не только богато обеспеченный край, но, в противоположность Дону, сочувственное настроение, борющуюся власть и добровольческие силы, которые значительно преувеличивались молвой. Наконец, уцелевший от захвата большевиками центр власти — Екатеринодар — давал, казалось, возможность начать новую большую организационную работу. Принято было решение идти на Кубань.

Однако на другой день вечером обстановка изменилась: к командующему приехал походный атаман, генерал Попов и его начальник штаба, полковник Сидорин. В донском отряде у них было 1500 бойцов, 5 орудий, 40 пулеметов. Они убедили Корнилова идти в зимовники. Наш конный авангард, стоящий у Кагальницкой, получил распоряжение свернуть на восток... Поднявшись с постели, я пошел в штаб отвести душу. Безрезультатно. Некоторое колебание, однако, посеяно: решили собрать дополнительные сведения о районе.

В Ольгинской — прилив и отлив. Присоединилось несколько казачьих партизанских отрядов, прибывают офицеры, вырвавшиеся из Ростова, раненые добровольцы, бежавшие из новочеркасских лазаретов. Притворяются здоровыми, боясь, что их не возьмут в поход.

Приехал из Новочеркасска генерал Лукомский. Накануне нашего выступления из Ольгинской он вместе с генералом Ронжиным[5], переодетые в штатское платье, поехали в бричке прямым путем на Екатеринодар для установления связи с Кубанским атаманом и добровольческими отрядами. Но в селе Гуляй-Борисовке они были пойманы большевиками, томились под арестом и едва спаслись от расстрела.

Уехал полковник Лебедев с небольшим отрядом «особого назначения», состоявшим при генерале Алексееве. Ему было поручено связаться с Заволжьем и

Сибирью. Лебедев впоследствии пробрался в Сибирь и стал начальником штаба у адмирала Колчака; часть его спутников, по советским сообщениям, попала в тюрьмы Поволжья. Уехали вовсе, по личным побуждениям, несколько офицеров, в том числе Генеральн. штаба генерал Складовский и капитан Роженко (быховец). Оба они в Великокняжеской были убиты большевиками, исключительно за «буржуйный» вид, и тела их бросили в колодец...

Определилось яснее настроение донских казаков. Не понимают совершенно ни большевизма, ни «корниловщины». С нашими разъяснениями соглашаются, но как будто плохо верят. Сыты, богаты и, по-видимому, хотели бы извлечь пользу и из «белого», и из «красного» движения. Обе идеологии теперь еще чужды казакам, и больше всего они боятся ввязываться в междоусобную распрю... пока большевизм не схватил их за горло. А между тем становилось совершенно ясно, что тактика «нейтралитета» наименее жизненная. Налетевший шквал суров и беспощаден: горячие и холодные — в его стихии гибнут или властвуют, а теплых он обращает в человеческую пыль...

Впрочем, неопределенная судьба армии ставила в трагическое положение и тех, кто ей сочувствовал. «Генерал Корнилов нас здорово срамил у станичного правления, — говорил мне тоскливо крепкий, зажиточный казак средних лет, недавно вернувшийся с фронта и недовольный разрухой. — Что ж, я пошел бы с кадетами[6], да сегодня вы уйдете, а завтра придут в станицу большевики. Хозяйство, жена...»

Казачество, если не теперь, то в будущем считалось нашей опорой. И потому Корнилов требовал особенно осторожного отношения к станицам и не применял реквизиций. Мера, психологически полезная для будущего, ставила в тупик органы снабжения. Мы просили крова, просили жизненных припасов — за дорогую плату; не могли достать ни за какую цену сапог и одежды, тогда еще в изобилии имевшихся в станицах, для босых и полуодетых добровольцев; не могли получить достаточного количества подвод, чтобы вывезти из Аксая остатки армейского имущества.

Условия неравные: завтра придут большевики и возьмут все — им отдадут даже последнее беспрекословно, с проклятиями в душе и с униженными поклонами. Скоро на этой почве началось прискорбное явление армейского быта — «самоснабжение». Для устранения или по крайней мере смягчения его последствий командование вынуждено было вскоре перейти к приказам и платным реквизициям.

Мы шли медленно, останавливаясь на дневках в каждой станице. От Ольгинской до Егорлыцкой 88 верст — шли 6 дней. Сколачивали части, заводили обоз. При условии направления в зимовники такая медленность была вполне понятна.

У Хомутовской Корнилов пропускал в первый раз колонну. Как всегда — у молодых горели глаза, старики подтягивались при виде сумрачной фигуры командующего. С колонной много небоевого элемента, в том числе два брата Сувориных (А. и Б.), Н. Н. Львов, Л. В. Половцев, Л. Н. Новосильцев, ген. Кисляков, Н. П. Щетинина, два профессора Донского политехнического института и др. Члены нашего «Совета» не пошли: и Корнилов и я в самой решительной форме отсоветовали им идти с нами в поход, который представлялся чреватым всякими неожиданностями и в котором каждый лишний человек, каждая лишняя повозка — в тягость.

Два перехода шли по невылазной грязи, в которой некоторые добровольцы буквально оставили обувь и продолжали путь босыми...

Утром перед выступлением из Хомутовской большевистский отряд — несколько эскадронов 4-й кавал. дивизии с одним орудием — подошел вплотную к станице и открыл по ней ружейный и артиллерийский огонь. Охранялись добровольцы плохо: пока еще не было надлежащей выносливости в трудной солдатской работе. На окраине станицы, ближайшей к противнику, стоял обоз, и нестроевые с повозками сломя голову помчались по всем направлениям, запрудив улицы и внеся беспорядок. Вышел Корнилов со штабом, успокоил людей. Рассыпалась цепь, развернулась батарея; после нескольких выстрелов и обозначившегося движения во фланг нашей сотни большевики ушли.

Идем дальше. В колонне опять веселое настроение, смех и шутки, даже среди раненых, которых уже без боев набралось более шестидесяти. Удивительны эти переливы в настроении — быстро меняющиеся — и тот огромный импульс жизни у наших добровольцев, благодаря которому малейший проблеск среди тяжелой,

иногда удручающей обстановки дает душевное спокойствие и вызывает подъем.

«Дополнительные сведения» о районе зимовников оказались вполне отрицательными, и поэтому принято решение двигаться на Кубань. В Мечетинской Корнилов вызвал всех командиров отдельных частей, чтобы объявить им о принятом решении. Собралось много офицеров — каждый партизан, имевший под командой 30—40 человек (в составе Партизанского полка), ищет самостоятельности. Корнилов сухо, резко, как всегда, изложил мотивы и императивно указал новое направление. Но взор его испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами донских партизан. Пойдут ли с Дона? Партизаны несколько смущены, некоторые опечалены. Но в душе выбор их уже сделан: идут с Корниловым.

Послано было предложение походному атаману Попову присоединиться к Добровольческой армии. Через два-три дня он ответил отказом. Попов объяснял, что, считаясь с настроением своих войск и начальников, он не мог покинуть родного Дона и решил в его степях выждать пробуждения казачества. Про него же говорили, что честолюбие удержало его от подчинения Корнилову. Для нас Дон был только частью русской территории, для них понятие «родины» раздваивалось на составные элементы — один более близкий и ощутимый, другой отдаленный, умозрительный. Как бы то ни было, лишение армии такой силы, в особенности ввиду крайнего недостатка у нас в коннице, отяжеляло наше положение и суживало перспективы.

Наиболее приветливо встретила нас станица Егорлыцкая. Во всем — в сердечности приема, в заботах о раненых, в готовности продовольствовать войска. Многие проявляли свои симпатии в формах весьма экспансивных. Хозяин того дома, в котором я поместился, — священник — положительно умилял своим желанием помочь добровольцам. Я смотрел на него с благодарностью, но и... с глубоким сожалением. Положение кочующей армии создавало поистине трагические противоречия: со своими врагами расправлялись добровольцы, с их друзьями расправлялись потом те, кто шел по нашим следам. Егорлыцкая уцелела. Но за время похода много было пролито крови тех, кто так или иначе помогал «кадетам». В станице Успенской, например, в апреле большевики повесили после нашего ухода хозяина одного дома только за то, что я — тогда уже командующий Добровольческой армией — останавливался у него.

В Егорлыцкой при полном станичном сборе говорили генералы Алексеев и Корнилов. Первый объяснял казакам положение России и цели Добровольческой армии; второй не любил и не умел говорить; сказал лишь несколько слов; потом длинную речь держал Баткин... «Матрос 2-й статьи Феодор Баткин». Довольно интересный тип людей, рожденных революцией и только на ее фоне находящих почву для своей индивидуальности. По происхождению — еврей; по партийной принадлежности — соц.-рев.; по ремеслу — агитатор. В первые дни революции поступил добровольцем в Черноморский флот, через два-три дня был выбран в комитет, а еще через несколько дней ехал в Петроград в составе так называемой Черноморской делегации. С тех пор в столицах — на всевозможных съездах и собраниях, на фронте — на солдатских митингах раздавались речи Баткина. Направляемый и субсидируемый Ставкой, он сохранял известную свободу в трактовании политических тем и служил добросовестно, проводя идею «оборончества».

В январе Баткин появился в Ростове и приступил снова к агитационной деятельности за счет штаба Добровольческой армии. Социалистический этикет обязывал его, очевидно, к известной манере речи, к изображению армии в несвойственном ей облике и к огульному опорочению всего «старого строя», задевая и военные традиции. На этой почве в известной части добровольческого офицерства, преувеличивавшего значение Баткина, возникла глухая вражда к нему и недовольство Корниловым. Незадолго до выхода в поход, комплот офицеров хотели убить Баткина, и я, совершенно случайно узнав об этом, помешал их замыслу. Корнилов сдал Баткина под охрану своего конвоя.

На походе фигура Баткина, трясущегося верхом на лошади, неизменно появлялась среди квартирьеров и потом на станичных и сельских сходах. Его «предшествие» и речи производили странное впечатление: уместные, быть может, в солдатско-рабочей среде, они были одинаково чужды и добровольческой психологии и мировоззрению казачества, для уяснения которого требовалось глубокое знание казачьей жизни и быта.

В Егорлыцкой кончается Донская область. Дальше — Ставропольская губерния, бурлящая большевизмом и занятая частями ушедшей с фронта 39-й пех. дивизии. Здесь нет еще советской власти, но есть местные советы, анархия и… ненависть к «кадетам». Мы попадаем в сплошное осиное гнездо… После состоявшегося решения идти на Кубань необходимо форсированное движение, по возможности избегая боев, для скорейшего достижения политического центра области — Екатеринодара. Мы начинаем двигаться с возможной скоростью.

В селении Лежанке нам преградил путь большевистский отряд с артиллерией. Был ясный, слегка морозный день. Офицерский полк шел в авангарде. Старые и молодые; полковники на взводах. Никогда еще не было такой армии. Впереди — помощник командира полка, полковник Тимановский, шел широким шагом, опираясь на палку, с неизменной трубкой в зубах; израненный много раз, с сильно поврежденными позвонками спинного хребета… Одну из рот ведет полковник Кутепов[1], бывший командир Преображенского полка. Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдает приказания. В рядах много безусой молодежи — беспечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакал Марков, повернул голову к нам, что-то сказал, чего мы не расслышали, на ходу «разнес» кого-то из своих офицеров и полетел к головному отряду.

Глухой выстрел, высокий, высокий разрыв шрапнели. Началось. Офицерский полк развернулся и пошел в наступление: спокойно, не останавливаясь, прямо на деревню. Скрылся за гребнем. Подъезжает Алексеев. Пошли с ним вперед. С гребня открывается обширная панорама. Раскинувшееся широко село опоясано линиями окопов. У самой церкви стоит большевистская батарея и беспорядочно разбрасывает снаряды вдоль дороги. Ружейный и пулеметный огонь все чаще. Наши цепи остановились и залегли: вдоль фронта болотистая, незамерзшая речка. Придется обходить.

Вправо, в обход двинулся Корниловский полк. Вслед за ним поскакала группа всадников с развернутым трехцветным флагом… Корнилов! В рядах — волнение. Все взоры обращены туда, где виднеется фигура командующего… А вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо в цепи под огнем неприятельских пулеметов; скоро огонь батареи вызвал заметное движение в рядах противника. Наступление, однако, задерживается…

Офицерский полк не выдержал долгого томления: одна из рот бросилась в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. Там — смятение, и скоро все поле уже усеяно бегущими в панике людьми, мечутся повозки, скачет батарея. Офицерский полк и Корниловский, вышедший к селу с запада через плотину, преследуют. Мы входим в село, словно вымершее. По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ее безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: «ликвидируют» большевиков… Много их…

Кто они? Зачем им, «смертельно уставшим от 4-летней войны», идти вновь в бой и на смерть? Бросившие турецкий фронт полк и батарея, буйная деревенская вольница, человеческая накипь Лежанки и окрестных сел, пришлый рабочий элемент, давно уже вместе с солдатчиной овладевший всеми сходами, комитетами, Советами и терроризировавший всю губернию; быть может, и мирные мужики, насильно взятые Советами. Никто из них не понимает смысла борьбы. И представление о нас как о «врагах» — какое-то расплывчатое, неясное, созданное бешено растущей пропагандой и беспричинным страхом. «Кадеты»… Офицеры… хотят повернуть к старому…

Член ростовской управы, с.-д. меньшевик Попов, странствовавший как раз в эти дни по Владикавказской жел. дороге, параллельно движению армии, такими словами рисовал настроение населения: «…Чтобы не содействовать так или иначе войскам Корнилова в борьбе с революционными армиями, все взрослое мужское население уходило из своих деревень в более отдаленные села и к станциям жел. дорог… «Дайте нам оружие, дабы мы могли защищаться от кадет», — таков был общий крик всех приехавших сюда крестьян… Толпа с жадностью ловила известия с «фронта», комментировала их на тысячу ладов, слово «кадет» переходило из уст в уста. Все, что не носило серой шинели, казалось не своим; кто был одет «чисто», кто говорил «по-образованному», попадал под подозрение толпы. «Кадет» — это воплощение всего злого, что может разрушить надежды масс на лучшую жизнь;

«кадет» может помешать взять в крестьянские руки землю и разделить ее; «кадет» — это злой дух, стоящий на пути всех чаяний и упований народа, а потому с ним нужно бороться, его нужно уничтожить»[7].

Это, несомненно, преувеличенное определение враждебного отношения к «кадетам», в особенности в смысле «всеобщности» и активности его проявления, подчеркивает, однако, основную черту настроения крестьянства — его беспочвенность и сумбурность. В нем не было ни «политики», ни «Учредительного собрания», ни «республики», ни «царя»; даже земельный вопрос сам по себе здесь, в Задонье, и в особенности в привольных Ставропольских степях, не имел особенной остроты. Мы помимо своей воли попали просто в заколдованный круг общей социальной борьбы: и здесь, и потом всюду, где ни проходила Добровольческая армия, часть населения, более обеспеченная, зажиточная, заинтересованная в восстановлении порядка и нормальных условий жизни, тайно или явно сочувствовала ей; другая, строившая свое благополучие — заслуженное или незаслуженное — на безвременьи и безвластьи, была ей враждебна. И не было возможности вырваться из этого круга, внушить им истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю проходящая армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования. Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха или раболепства.

Впрочем, сход Лежанки (позднее и другие) был благоразумен — постановил пропустить «корниловскую армию». Но пришли чужие люди — красногвардейцы и солдатские эшелоны, и цветущие села и станицы обагрились кровью и заревом пожаров…

У дома, отведенного под штаб, на площади, с двумя часовыми-добровольцами на флангах, стояла шеренга пленных офицеров — артиллеристов квартировавшего в Лежанке большевистского дивизиона. Вот она новая трагедия русского офицерства!.. Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно бледны. Только близость штаба спасает их от расправы. Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает пленных офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных: «Предать полевому суду».

Оправдания обычны: «Не знал о существовании Добровольческой армии»… «Не вел стрельбы»… «Заставили служить насильно, не выпускали»… «Держали под надзором семью»… Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности, не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двоякое отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии.

Помню, как в конце мая в бою под Гуляй-Борисовкой — цепи полковника Кутепова, мой штаб и конвой подверглись жестокому артиллерийскому огню, направленному, очевидно, весьма искусной рукой. Иван Павлович, попавши в створу многих очередей шрапнели, по обыкновению невозмутимо резонерствует: «Не дурно ведет огонь, каналья, пожалуй, нашему Миончинскому не уступит»… Через месяц при взятии Тихорецкой был захвачен в плен капитан — командир этой батареи. «Взяли насильно… Хотел в Добровольческую армию… не удалось». Когда кто-то неожиданно напомнил капитану его блестящую стрельбу под Гуляй-Борисовкой, у него сорвался, вероятно, искренний ответ: «Профессиональная привычка»…

Итак, инертность, слабоволие, беспринципность, семья, «профессиональная привычка» создавали понемногу прочные офицерские кадры Красной Армии, подымавшие на добровольцев братоубийственную руку.

Глава XX. *Поход к Екатеринодару: настроение Кубани; бои под Березанской, Выселками и Кореновской; весть о падении Екатеринодара*

23 февраля мы вступили в пределы Кубанской области. Совсем другое настроение: армию встречают приветливо, хлебом-солью. После скитаний среди равнодушной или враждебной нам стихии — душевный уют и новые надежды. Кубань — земля обетованная! Это настроение проходило, словно невидимый ток, по всему добровольческому организму и одинаково захватывало мальчика из юнкерского

батальона, полковника, шагающего в рядах офицерского полка, бывшего политического деятеля, трясущегося на возу в обозе, и... самого командующего армией.

Кубань — наша база. Здесь мы найдем надежную опору. Отсюда можно начать серьезную и организованную борьбу. Нас — пришельцев с севера — удивляли огромное богатство ее беспредельных полей, ломящиеся от хлеба скирды и амбары, ее стада и табуны. Сыты все — и казаки, и иногородние, и «хозяин», и «работник». Нас располагал к себе веселый, открытый характер кубанских казаков и казачек — таких далеких, таких, казалось, чуждых большевистского угара.

Тихая заводь привольной кубанской жизни замутилась, однако, враждой и чувством мести к тем, кто нарушил ее покой. Когда в станице Незамаевской я замешался в пестрой праздничной, веселой толпе, там это чувство буйно рвалось наружу. Они уже «сосчитались» с одними или угрожали сосчитаться с другими из своих большевиков, главным образом иногородних. Придет утро, мы уйдем, а еще через день появится отряд «товарища» Сорокина[II] или Автономова[III], и начнется возмездие... Казаки начали поступать в армию добровольцами: Незамаевская выставила целый отряд, человек в полтораста. Станичные сборы враждебны большевикам и выражают преданность Корнилову.

Кубань — земля обетованная! Этот прогноз оказался впоследствии правильным по существу — в оценке психологии рядового кубанского казачества, но не рассчитанным во времени: восточные станицы не испытали тогда еще настоящего большевистского гнета; еще не изжито было наваждение фронтовым казачеством; не было еще широкого народного движения, готового превратиться в открытую, активную борьбу. Кубанцы выжидали. Колеблющемуся настроению давало перевес в нашу пользу только присутствие внушительной силы — армии; оно открывало уста одним и заставляло умолкнуть других. С уходом армии маятник покачнется в другую сторону...

В направлении на Екатеринодар нам предстояло пересечь Владикавказскую железную дорогу. Узлы ее — Тихорецкая и Сосыка — заняты были большими силами красногвардейцев, по дороге ходили бронированные поезда. Чтобы избегнуть боя с ними, штаб прибегнул к ряду демонстраций в западном направлении, а с вечера 25-го из станицы Веселой армия круто повернула на юг. Двигались всю ночь и к утру подошли к станице Ново-Леушковской, где под прикрытием части Корниловского полка, занявшего станцию, бесконечная колонна стала быстро пересекать железнодорожный путь. Остановленный взрывом полотна вне досягаемости выстрелов, большевистский бронепоезд громил из орудий станцию и посылал навстречу колонне ряд белых дымков, расплывавшихся по небесной синеве далеко в стороне.

За сутки войска прошли около 60 верст. Перенесли поход легко — даже дети батальона Боровского. Миновали Старо-Леушковскую, Ирклиевскую и 1-го марта подошли к Березанской. Здесь впервые против нас выступили кубанские казаки. Маятник колеблющегося настроения чуть качнулся влево, иногородние и фронтовики одержали верх на станичном сборе, и вокруг станицы за ночь выросли окопы, из которых под утро по нашему авангарду ударили градом пуль. Бой был краток: огонь добровольческой артиллерии, развернувшиеся цепи Корниловцев и Марковцев быстро заставили большевиков очистить позицию. Цепи их не успели еще скрыться в станице, как всадник в белой папахе в сопровождении трех-четырех конных ординарцев уже влетел в самую станицу и исчез за поворотом улицы. «Генерал Марков!» Местные большевики разошлись по домам и попрятали оружие. Пришлые ушли на Выселки. Вечером «старики» в станичном правлении творили расправу над своей молодежью — пороли их нагайками...

Добровольческая армия прошла уже около 250 верст по взбаламученному краю, обходя или легко опрокидывая большевистские отряды. Власть «главковерха» Антонова и Донского военно-революционного комитета, проявляясь в центрах, становились чисто фиктивной по мере удаления от них. «Главные силы» ставропольского «Совета народных комиссаров» после взятия Батайска и разграбления Ростова, не исполнив приказа «главковерха» о преследовании Добровольческой армии, обратив в заложников своего командующего Сохацкого и военного комиссара Анисимова, пробивались с награбленным добром обратно в Ставрополь, бесчинствуя и грабя по пути.

На станциях Владикавказской дороги — Степной, Кущевке, Сосыке, Тихорецкой, Торговой и др. — образовались многочисленные и буйные вооруженные скопища, не подчинявшиеся никаким центрам и «управляемые» своими собственными революционными комитетами и местными самодержцами. Многие из них в два-три раза превышали численно всю нашу армию, но такое только превосходство в силах не представлялось тогда опасным для добровольцев.

Теперь мы попали в несколько иные условия: Кубанский военно-революционный комитет и «главнокомандующий войсками Сев. Кавказа» Автономов сумели собрать вокруг себя значительные силы красной гвардии (по преимуществу — эшелоны быв. Кавказской армии), которые вели успешную борьбу с Екатеринодаром. Где-то недалеко на высоте Кореновской и Усть-Лабинской должна была проходить линия обороны кубанских добровольческих отрядов, пока еще нами не обнаруженная. Теперь уклонение от боя было нецелесообразным. Корнилов решил подойти к ж. д. магистрали и ударить в тыл большевистским войскам, тем более что уже роковым образом ощущался недостаток боевых припасов, склады которых мы надеялись найти на ж. д. станциях.

2 марта главные силы армии двинулись на станицу Журавскую, а Неженцев с Корниловским полком ударил по станции Выселки. После краткого боя, понеся небольшие потери, корниловцы лихой атакой взяли Выселки и продвинулись на несколько верст вперед к хутору Малеваному. Армия расположилась на ночлег в Журавской, а в Выселках должен был стать заслоном конный дивизион полковника Гершельмана. Дивизион почему-то ушел без боя из Выселок, которые были заняты вновь крупными силами большевиков[8]. Положение создалось крайне неприятное.

Корнилов приказал генералу Богаевскому с Партизанским полком и батареей ночной атакой овладеть Выселками. Ночь была темная, на дворе сильнейший холод. В маленькой станице не хватало ни крыш, ни продовольствия для всех частей, набившихся в нее. Партизаны — голодные, усталые — до поздней ночи оставались под открытым небом. Вероятно, поэтому Богаевский отложил наступление до утра. Чуть забрезжил рассвет, потянулась колонна к Выселкам, и под редким огнем артиллерии стали развертываться против села отряды партизан капитана Курочкина, есаула Лазарева, Власова, полковника Краснянского... Редкие цепи шли безостановочно к окраине деревни, словно вымершей. И вдруг длинный гребень холмов, примыкавших к селу, ожил и брызнул на наступавшие цепи огнем пулеметов и ружей... Ура!.. Ура!.. — покатилось по рядам. Бросились Партизаны в атаку. Но валятся один за другим люди, редеют цепи. А тут справа — во фланг и тыл им ударило свинцом из всех окон каменного здания паровой мельницы, утопленной в лощине... Цепи подались назад и залегли.

Бой оказался серьезнее, чем рассчитывали. Пришлось выдвинуть новые силы. Из Малеваного направлен в обход Выселок с востока батальон Корниловцев, прямо на село двинут Офицерский полк Маркова. Когда утром Корнилов со штабом подъезжали к партизанским цепям, по дороге длинной вереницей нам навстречу несли носилки с убитыми и ранеными. Дорого стоила атака: погибли партизанские начальники Краснянский, Власов, ранен Лазарев, большой урон понесла донская молодежь Чернецовского отряда...

Скоро обозначилось наступление Корниловского батальона. Идут быстро, не останавливаясь, как на ученьи, заходя большевикам в тыл. Подходят Марковцы; левый фланг Партизан продвинулся уже вперед — в охват. Словно электрический ток проносится по всем цепям, раскинувшимся далеко — не окинешь взглядом; Партизаны поднялись и бросились снова вперед. Противник бежит. А справа от мельницы слышится уже заглушенный сухой треск одиночных выстрелов: идет, по-видимому, расправа. Прости, Господи, виноватых и не осуди за кровь невинных!..

Корнилов крупной рысью едет в Выселки. Колышется распущенный трехцветный флаг. Прошли село, едем вдоль железнодорожной насыпи — попали под сильнейший ружейный огонь, укрылись за железнодорожную будку. Впереди — никого. Нагоняет жидкая цепь Партизан. Начальник отряда, раненный в ногу, весь мокрый, ковыляет бегом по неровному полю. Не то оправдывается, не то сердится, обращаясь к штабным: «Зачем генерал срамит нас? Ведь он конный, а мы пешие — догнать трудно». Цепь продвинулась к впереди лежащей роще и скрылась из глаз; огонь прекратился скоро, и все поле боя смолкло. Корнилов объезжает собирающиеся в колонны войска и благодарит их за одержанную победу.

В этот день мы узнали крайне неприятную новость: не так давно здесь, возле Выселок, произошел бой между большевиками и отрядом кубанских добровольцев Покровского. Добровольцы были разбиты и поспешно отступили в сторону Екатеринодара. Шли какие-то зловещие слухи и о кубанской столице... Пока — только слухи. И потому назавтра приказано наступать далее, на Кореновскую, в которой сосредоточилось не менее 10 тысяч красногвардейцев с бронепоездами и с большим количеством артиллерии. Большевистскими силами командовал кубанский казак, бывший фельдшер Сорокин. Против нас был уже не тыл, а фронт екатеринодарской группы большевиков.

4-го утром мы шли с авангардом Боровского. Конная часть, бывшая впереди, по обыкновению не предупредила, и голова колонны, выйдя на гребень, с которого открывались уже купола кореновской церкви, попала под сильный ружейный огонь. «Положите Юнкеров!» Но Боровский не слышит или не хочет слышать — он занят отдачей распоряжений. И на него, и на молодежь действует присутствие командующего. Чувствуют на себе его пристальный взгляд... Рассыпаются по линии, никто не ложится. И скоро жидкие цепи Юнкеров тихо, в рост, не останавливаясь, двинулись на станицу, опоясанную длинным рядом окопов, в которых даже простым глазом заметно было большое скопление большевиков. Было трогательно и волнующе это наступление юношей, почти мальчиков — внешне такое немощное и такое красивое своей внутренней доблестью и простотой. Видно, и на большевиков оно произвело впечатление: огонь здесь стал реже и беспорядочнее.

Главный удар наносится слева на станцию Станичную Офицерским и Корниловским полками. Мы подвигаемся влево. Бой там в полном разгаре. Немолчно гудит неприятельская артиллерия, ружейный огонь сливается в сплошной гул. Попали в полосу сильного ружейного обстрела. Все легли. Пытаюсь убедить Корнилова отойти в сторону или, по крайней мере, лечь. Безрезультатно. Обращаюсь к Романовскому: «Иван Павлович, уведите вы его... Подумайте, если случится несчастье...» — «Говорил не раз — бесполезно. Он подумает в конце концов, что я о себе забочусь»... Корнилов поднялся на пригорок, глядит в бинокль. С ним рядом Романовский. Смотрю на них с тревогой, любуюсь обоими и думаю: кто из них выше в этой победе духа над плотью; вспоминаю — кого еще на протяжении шести лет трех войн я видел таким равнодушным к дыханию смерти...

В наступлении произошел перелом. Корниловский полк на всем фронте отходит. За ним валят густыми нестройными линиями большевики. Много, много их чернеет на светло-сером фоне поля. Артиллерийский огонь перешел в ураган; шрапнели белыми дымками густо стелются по небу и осыпают отходящие цепи пулями. Из обоза доносят: патроны и снаряды на исходе; части требуют; отдавать ли последние? «Надо выдать — на станции мы найдем их много», — говорит Корнилов. Но Корниловцы остановились, потоптались несколько минут в нерешительности на месте и опять двинулись вперед; большевики залегли. Еще нет успеха, но уже чувствуется, что кризис миновал.

Стало, однако, ясным, что надо искать решительных результатов в другом месте. Корнилов послал весь свой резерв — Партизанский полк и чехо-словацкую роту под начальством Богаевского — в охват позиции с запада. Едва только части эти отделились от обоза, оттуда пришло донесение: «В тылу возле нас появилась неприятельская конница. У обоза никакого прикрытия нет». Положение осложняется... Корнилов посылает офицера конвоя: «Передайте Эльснеру, что у него есть два пулемета и много здоровых людей. Этого вполне достаточно. Пусть защищаются сами. Я ничего дать им не могу».

С гребня видно, как в обозе зашевелились повозки, строя вагенбург, и рассыпалась жидкая цепь. В этот день, кроме превосходства сил, мы встретили у противника неожиданно — управление, стойкость и даже некоторый подъем. Бой затягивался, потери росли. Среди офицеров разговор: «Ну и дерутся же сегодня большевики!..» «Ничего удивительного — ведь русские...» Разговор оборвался. Брошенная случайно фраза задела больные струны...

Мы переехали к Богаевскому. Партизаны медленно разворачивались против станицы, батарея полковника Третьякова шла вместе с цепями и, снявшись на последней позиции, открыла огонь в упор по юго-западной окраине ее. Батальон Боровского, дважды уже захватывавший окраину и оба раза выбитый оттуда, поднялся вновь и пошел в атаку. Ударили и Партизаны. Через полчаса мы входили

уже в станицу. Батарея галопом мчалась по широкой улице к мосту через Бейсужек, где скоро в сгрудившуюся человеческую массу отступавших большевиков ударила картечью.

А с востока подошли уже Офицерский полк и Корниловцы, преодолев бронированные поезда, ураганный огонь артиллерии и реку — по широкому броду, усеяв свой путь вражескими телами. По-видимому, взятие Офицерским полком моста решило дело. Арьергард противника задержался несколько в роще, южнее Кореновской, но, выбитый оттуда Корниловцами, ушел к станице Платнировской.

В Кореновской армия пополнила свою хозяйственную часть и, в особенности, боевые припасы. Но, увы, слишком дорогой ценой: за последние бои наша маленькая армия потеряла до 400 человек убитыми и ранеными[9]. Здесь же ожидало нас окончательное подтверждение зловещих слухов: в ночь на 1 марта кубанские добровольцы полковника Покровского, атаман и рада оставили Екатеринодар и ушли за Кубань, в горы. Екатеринодар в руках большевиков. Подобранная в окопах советская газета в патетических тонах описывала встречу делегатов екатеринодарского Совета с передовым отрядом красных войск, во время которой обе стороны «не могли говорить от волнения» и только «со слезами на глазах обнимали друг друга»...

Это был тяжелый удар для армии. Терялась идея всей операции. Идея простая, понятная всякому рядовому добровольцу — накануне ее осуществления: до Екатеринодара оставалось всего два-три перехода. Гипноз «Екатеринодара» среди добровольцев был весьма велик, и разочарование, казалось, должно было отразиться на духе войск. Мне представлялось необходимым продолжать выполнение раз поставленной задачи во что бы то ни стало, тем более что армия давно уже находилась в положении стратегического окружения и выход из него определялся не столько тем или иным направлением, сколько разгромом главных сил противника, который должен был повлечь за собою политическое его падение. А несравненные войска Добровольческой армии внушали неограниченное доверие и надежды...

В штабе узнал, что готовится приказ о повороте на юг, за Кубань. Поговорил с Иваном Павловичем, который разделял мое мнение, и вместе с ним пошли к командующему. «Я с вами согласен, — ответил нам Корнилов, — но вы говорили с Марковым и Неженцевым?» «Нет». «Вот видите ли. Они были сегодня у меня с докладом о состоянии полков...» Он передал нам вкратце сущность доклада: большая убыль и крайнее утомление — физическое и особенно моральное. Некоторые тревожные симптомы проявились уже во вчерашнем бою. Оба командира считали необходимым дать людям некоторый отдых — от этого ежедневного крайнего нравственного напряжения, от боя и от кошмара походного лазарета; постоять на месте и не чувствовать себя вечно окруженными. «Если бы Екатеринодар держался, — говорил Корнилов, — тогда бы не было двух решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах отдохнем, устроимся и выждем более благоприятных обстоятельств».

Спор наш не привел ни к чему. Вероятно, потому, что все трое мы руководствовались только теоретическими предположениями и интуитивным чувством. Ибо за пределами армейского района мы ничего не знали. Область была охвачена пожаром, все внутренние связи — моральные, административные, технические — были порваны, взаимоотношения перепутались, и на почве общего разлада росли и ширились только слухи, один другого нелепее, один другого обманчивее. Ничтожный состав конницы не позволял производить серьезных дальних разведок. Посылаемые штабом тайные разведчики — люди верные и самоотверженные — обыкновенно пропадали: их ловили, мучили, убивали, в лучшем случае они томились в тюрьмах и в подвалах чрезвычаек.

Мы не знали тогда, что за Кубанью армия попадет в сплошной большевистский район и долго еще будет вести непрерывные тяжелые бои изо дня в день; что и это новое огромное напряжение не сломит дух добровольцев; что, наконец, по иронии судьбы, в то самое утро, когда армия наша повернет с Екатеринодарского направления на юг, кубанский добровольческий отряд, уверовавший, наконец, в приход Корнилова на Кубань, поведет наступление через аул Шенджий на Екатеринодар...

5 марта был отдан приказ — армии с наступлением сумерек, соблюдая полнейшую тишину, двинуться на Усть-Лабинскую переправу.

Двинулись холодной ночью. Предполагали остановиться на большой привал в станице Раздольной, но, лишь только рассвело, большевистские войска, занявшие тотчас же после ухода нашего арьергарда (Партизанский полк генерала Богаевского) Кореновскую, стали теснить Богаевского и обстреливать его артиллерийским огнем. Колонна двинулась дальше. Верстах в двух от Усть-Лабы авангард остановился: окраина станицы и железнодорожная насыпь были заняты большевиками.

Наш маневр отличался смелостью почти безрассудною. Только с такой армией, как Добровольческая, можно было решиться на него. Только потому, что Корнилов знал свою армию, а армия беззаветно верила своему вождю. Сзади напирал значительный отряд Сорокина, грозивший опрокинуть слабые силы Богаевского. Впереди — станица, занятая неизвестными силами, длинная, узкая дамба (2—3 версты), большой мост, который мог быть сожжен или взорван, и железный путь от Кавказской и Екатеринодара — двух большевистских военных центров, могущих перебросить в несколько часов в Усть-Лабинскую и подкрепления и бронепоезда.

Начался бой на север и на юг, все более сжимая в узкое кольцо наш громадный обоз, остановившийся среди поля и уже обстреливаемый перелетным огнем артиллерии Сорокина. В обозе — наша жизнь, наше страдание и страшные путы, сковывающие каждую операцию, вызывающие много лишних потерь, которые в свою очередь увеличивают и отягчают его. В нем все материальное снабжение, в особенности драгоценные боевые припасы кочующей армии, не имеющей своей базы и складов. В нем тогда уже было до 500 раненых и больных, и число их к концу похода превышало полторы тысячи!.. Наконец, много беженцев. Обоз живет одной жизнью с армией, целыми часами стоит на поле боя, не раз подвергаясь сильному обстрелу. В обозе знают, что неустойка боевой линии грозит им гибелью. Оттого в нем повышенная впечатлительность и склонность к распространению самых страшных слухов. Но паники почти не было. Спасаться некуда: впереди бой, сзади бой, справа и слева маячат неприятельские разъезды. И обоз тихо и терпеливо ждал развязки боя, с напряженным вниманием прислушиваясь к приближающимся и замирающим отзвукам артиллерийской и ружейной стрельбы.

Водил обоз всегда сам начальник снабжения генерал Эльснер. Не слишком энергично, но с невозмутимым спокойствием. Кроме переменных местных подводчиков, контингент возчиков крайне разнообразный: пленные австро-германцы, старые полковники, легко раненые офицеры, иногда просто уклоняющиеся от строя; много не боевого элемента, в том числе почти все общественные деятели, следовавшие при армии. Революция и поход перевернули социальные перегородки.

Если всем было тяжело, то положение раненых, в особенности тяжелых, стало катастрофическим. Почти каждый день длинный утомительный поход, в тряской телеге, по невылазной грязи, по кочкам и рытвинам, иногда рысью. Три четверти дня под открытым небом, в поле под проливным дождем или в жестокую стужу, от которой не спасала подостланная солома и наброшенные жидкие шинели и одеяла. Ночлег — в только что взятой с бою станице или ауле, которые не могли дать в краткий срок остановки ни достаточно крыш, ни достаточно продовольствия для набившегося сверх меры воинства. Иногда двое суток без ночлега и без разгрузки — с одной только перепряжкой лошадей. И на походе, и не раз на стоянке — немолчный гул неприятельской артиллерии и сухой треск рвущихся возле снарядов...

Не было надлежащей санитарной организации, и почти не было ни инструментов, ни медикаментов, ни перевязочного материала и антисептических средств. Раненые испытывали невероятные страдания, умирали от заражения крови и от невозможности производить операции — даже легко раненые. Нужно было обладать, поистине, огромным жизненным импульсом, чтобы вынести все эти муки и сохранить незатемненный разум и самую жизнь. Иногда даже жизнерадостность... накануне смерти.

В армии знали, что делается в лазарете и что ожидает каждого, кому придется лечь туда. Из лазарета шел стон и просьбы о помощи; там создавалась острая атмосфера враждебности раненых к лазаретному персоналу, вызывавшая иногда в ответ полную апатию даже со стороны людей, преданных своему делу, но положительно сбившихся с ног и растерявшихся в необычайной обстановке похода. Ибо наряду с безразлично относившимися к страданиям добровольцев среди врачей и сестер были люди в полном смысле слова самоотверженные. О многих из них сохранили благодарную память добровольцы, уже обреченные и вырвавшиеся из холодных объятий смерти. Вспоминают, вероятно, добрым словом и одного из бывших начальников лазарета, доктора Сулковского — друга немощных, который умер потом через год, заразившись от больных сыпным тифом.

Не раз жалобы раненых доходили до генерала Корнилова, чутко относившегося к ним и болевшего за них душой; он обрушивался сурово на виновников неурядицы, облегчал как мог положение раненых и одним своим присутствием вносил успокоение в души страдальцев. В свою очередь кричал, ругался, просил и разводил беспомощно руками Эльснер. По существу, они могли только сменить людей и улучшить внутренние санитарные распорядки. Действительно, за время похода сменилось 8 начальников лазарета, среди которых был и персонаж комический, и самоотверженный врач, и душевно преданный своему делу, работавший без устали полковник, наконец, приобретший большой опыт в санитарном деле еще на Юго-западном фронте — земец. Дело шло то несколько лучше, то хуже. Никто не мог изменить общих условий жизни армии и ее зияющей раны, ибо для этого нужно было прежде всего вырваться из большевистского окружения.

Смерть витала над лазаретом, и молодые жизни боролись с ней не раз исключительно только силою своего духа. Иногда обстановка слагалась особенно тяжело, и раненые, теряя самообладание, угрожали лазаретному персоналу револьверами. Начальство и армейский комендант принимали меры к успокоению. Одного только не решались сделать — отнять у раненых оружие: возможность распорядиться своею жизнью в последний роковой момент — была неотъемлемым правом добровольцев...

Под Усть-Лабой надо было спешить, так как всегда спокойный и уравновешенный Богаевский доносил, что его сильно теснят, и просил подкреплений. Корнилов двинул вперед Юнкерский батальон и Корниловский полк. Первый пошел правее на видневшуюся насыпь железн. дороги из Екатеринодара, второй прямо на станицу. Быстро, без выстрела двинулись Юнкера и, встреченные перед самым полотном огнем неприятельских цепей, с криком «Ура!» ударили на них и скрылись за насыпью.

Мы идем с Корниловцами, которые выслали колонну влево, в обход станции и наступают тихо, выжидая результатов обхода. С цепями идет с винтовкой в руках генерал Казанович — корпусный командир. «Совестно так, без дела», — отвечает, улыбнувшись исподлобья на чей-то шутливый вопрос. Несколько поодаль стоит генерал Алексеев со своим адъютантом ротмистром Шапроном и с сыном. Ему тяжко в его годы и с его болезнью, но никогда еще никто не слышал из уст его малодушного вздоха. Тщательно избегая всего, что могло бы показаться Корнилову вмешательством в управление армией, он бывал, однако, всюду — и в лазарете, и в обозе, и в бою; всем интересовался, все принимал близко к сердцу и помогал добровольцам чем мог — советом, словом ободрения, тощею казной.

Со стороны станицы показался какой-то конный, неистово машущий руками. Делегат: «товарищи» форштадта[10] решили пропустить нас без боя. Цепи поднялись и пошли, с ними штаб и конвой. Но едва прошли полверсты — из окраины станицы затрещали ружья, пулеметы, а из появившегося бронированного поезда полетели шрапнели. Пришли, очевидно, чужие — подкрепление из Кавказской.

Опять Корнилов в жестоком огне, и Марков горячо нападает на штаб: «Уведите вы его, ради Бога. Я не в состоянии вести бой и чувствовать нравственную ответственность за его жизнь». «А вы сами попробуйте, Ваше превосходительство!..» — отвечает, улыбаясь, всегда веселый ген. Трухачев.

Но охват Корниловцев уже обозначился. Двинулись в атаку и с фронта, и скоро весь полк ворвался на станцию и в станицу, сбил большевиков с отвесной береговой скалы, венчавшей вход на дамбу, овладел мостом и перешел за реку Кубань.

Мы поехали следом через поле, на котором кое-где были разбросаны большевистские и добровольческие трупы, через вымерший вокзал, к станичной площади. Остановились на привал. Вдруг получается донесение, что с востока, от Кавказской, подошел большевистский эшелон, разгрузился и идет к станице. Скоро по

вокзалу и станице начали глухо взрываться шестидюймовые бомбы. Штаб и конвой — больше никого! Неженцев в пылу боя увлекся преследованием и не оставил заслона против Кавказской. Корнилов сумрачен и озабочен; вместе с Романовским идут к окраине; скоро ординарцы развозят распоряжения: поставить на площади батарею, повернуть на восточную окраину часть Офицерского полка, который с Марковым подходил к вокзалу, вернуть батальон Корниловцев... Проходит около $^3/_4$ часа, пока собираются части, и борьбу ведет одна лишь батарея Миончинского. Но скоро бегом мимо станции проходят Марковские офицеры и вместе с Корниловцами бьют и обращают в бегство подходящих уже к самой станице большевиков.

Путь свободен. Как по внушению, в одно мгновение знает об этом все население трехверстного обоза — всеобщая радость; дошло известие и до арьергарда. Там устойчиво — Богаевский выполнил свою задачу, сдержал преследующих. До Некрасовской, где назначен ночлег, еще 10 верст. Всю ночь идут нескончаемой вереницей обозы, колонны. Запрудили улицы Некрасовской. В сутки прошли 46 верст с двухсторонним боем и переправой!.. Измученные люди в ожидании квартирьеров валятся на порогах хат, просто на улице. Спят и грезят: пришли в Закубанье на желанный отдых... И хотя завтра мы проснемся вновь от злорадно стучащей по крышам домов большевистской шрапнели, но это уже не так важно: благополучная переправа через Кубань подымает настроение добровольцев, оживляет их надежды.

Повсюду в области, в каждом поселке, в каждой станице собиралась красная гвардия из иногородних (к ним примыкала часть казаков, фронтовиков), еще плохо подчинявшаяся Армавирскому центру[11], но следовавшая точно его политике. Объединяясь временами в волостные, районные, «армейские» организации, эта вооруженная сила, представлявшая недисциплинированные, хорошо вооруженные, буйные банды, будучи единственной в крае, приступила к выполнению своих местных задач: насаждению советской власти, земельному переделу, «изъятию хлебных излишков», «социализации», т. е. попросту ограблению зажиточного казачества и обезглавливанию его — преследованием офицерства, небольшевистской интеллигенции, священников, крепких стариков. И прежде всего — к обезоружению.

Достойно удивления, с каким полным непротивлением казачьи станицы, казачьи полки и батареи отдавали свои орудия, пулеметы, ружья, которые шли отчасти на вооружение местных красногвардейских отрядов, отчасти отвозились в ближайшие центры. Когда, например, потом, в конце апреля, восстали против большевиков казаки одиннадцати станиц Ейского отдела и двинулись на Ейск, это было, по описанию Щербины, в полном смысле безоружное ополчение. «У казаков было не более 10 винтовок на сотню, остальные вооружались, чем могли. Одни прикрепили к длинным палкам кинжалы или заостренные полоски железа, другие, сделав из железных вил что-то вроде копий, третьи вооружались острогой, а иные просто захватили лопаты и топоры». Восстание тогда было жестоко подавлено. Против беззащитных станиц выступали обыкновенно бронепоезда и карательные отряды с... казачьими орудиями. Иногда за этими карательными отрядами шли большие обозы; в них нагружалось награбленное добро женщинами красногвардейцев, которые не раз превосходили в жестокости и садизме мужчин.

К началу апреля все селения иногородних, а из 87 кубанских станиц 85, уже числились большевистскими. По существу, большевизм станиц был чисто внешний. Во многом сменялись лишь названия: атаман стал комиссаром, станичный сбор — Советом; станичное правление — исполнительным комитетом. Где комитеты захватывались иногородними, их саботировали, переизбирая чуть ли не каждую неделю. Шла упорная, но чисто пассивная борьба векового уклада жизни, цепко державшего в своих руках даже прозелитов новой веры — фронтовую молодежь. Борьба без воодушевления, без подъема, а, главное, без всякого духовного руководства: от своего офицерства и рядовой интеллигенции казачество отвернулось — без злобы, скорее с сожалением, полагая такой ценой купить покой и «нейтралитет»; а казачья революционная демократия сама оторвалась от массы, став на распутьи между большевистским коммунизмом и казачьим консерватизмом.

Было желание, но не было дерзания. Вот и большая, богатая Некрасовская станица, с незначительным составом иногородних, покорно подчинялась какой-то «Еленовской роте», нас встретила с чувством радости и затаенной надежды, но, узнав, что завтра мы пойдем дальше, притихла и замкнулась в себя. Большевистский отряд, стоявший в Некрасовской, долго бряцал оружием и митинговал, но в день нашего прихода с утра потихоньку, стыдливо ушел из станицы за Лабу. В этом районе, густо усеянном иногородними поселениями, давно уже было введено советское управление и существовала военная организация, возглавлявшаяся «армейским военно-революционным советом», с центром в селе Филипповском.

Несколько красногвардейских шаек с батареей заняли вплотную левый берег Лабы, камыши и прилегающие хутора и с утра 7-го по станице, расположенной на нагорном берегу, открыли орудийный и пулеметный огонь. Войска измучены, наведение моста и переправа через глубокую реку засветло под огнем противника вызовет тяжелые потери... Корнилов приказал начать переправу авангардных частей ночью.

Днем обсуждали план предстоящих действий. В Закубаньи на отдых рассчитывать нельзя — район кишит большевиками; учитывая общее направление движения армии, большевики поджидали нас в Майкопе, куда «Кубанский областиой комитет» сосредоточивал войска, оружие и боевые запасы. Решено было поддержать большевиков в этом убеждении, двигаясь на юг; затем, перейдя реку Белую, круто повернуть на запад. Это движение выводило нас в район черкесских аулов, дружественных армии, давало возможность соединения с Кубанским добровольческим отрядом, отошедшим, по слухам, в направлении Горячего ключа, и не отвлекало от главной цели — Екатеринодара.

Большевистское официальное сообщение, напечатанное в «Известиях», найденных позже, и относящееся к этому дню — 7 марта, так определяло общее положение «белогвардейских банд»: «После обхода станции Тихорецкой Корнилов продвннулся к Выселкам. Советские войска умелым маневром окружили здесь Корниловцев. К сожалению, по топографическим условиям местности не удалось создать тесного кольца... и Корнилов вынужден был (пойти) через имевшуюся отдушину к востоку по дороге со станц. Кореновской на станицу Усть-Лабинскую, имея своей задачей пробиться к Майкопу... Белогвардейцы снова заперты в кольце войск, еще более тесном... Они мечутся, стараясь нащупать более слабое место среди кольца революционных войск, чтобы, найдя его, пробиться к какому-нибудь мало-мальски крупному городскому центру, где можно было бы хоть временно опереться... Час расплаты Корнилова, Алексеева и всех главарей, находящихся у него в отряде, стал ближе». Что касается «отрядов Филимонова и Покровского», то, «разбитые под Екатеринодаром, они рассеялись по направлению от Эйнема и Георгие-Афипской к востоку... и никакой угрозы собою представлять не могут». Оптимизм екатеринодарского Совета не оправдался...

После совещания беседовали с Иваном Павловичем. «Вы обратили внимание, как сегодня Корнилов резко отозвался о штабе при строевых начальниках — ведь они, несомненно, расскажут в частях. И притом совершенно несправедливо». «Да, но он ведь потом признал свою ошибку и извинился». «От этого не легче. Он — просто по горячности — вспылит и сейчас же отойдет, а полки и без того нас недолюбливают. Скажите, чем это объяснить?» «Иван Павлович, да когда же вы видели, чтобы строй любил штаб? Это известная и ничем ие устранимая психологическая антитеза. Вспомните Маркова в Ростове...»

Марков — «начальник штаба Добровольческой дивизии» в Ростове — с его живым горячим характером, резкими жестами и не всегда сдержанной речью — производил ошеломляющее впечатление на всех добровольцев, по делу или без дела являвшихся в штаб дивизии и не знавших его. Добрый по натуре, он казался им бессердечным; человек простой и доступный — заносчивым и надменным. Неудовольствие против Маркова в конце января приняло такие формы, что Корнилов дважды беседовал со мной о необходимости освобождения Маркова от должности начальника штаба. Я категорически протестовал, и только расформирование перед выходом из Ростова «дивизии» разрешило безболезненно этот вопрос. Теперь тот же Марков, с той же горячностью и прямотой — кумир своего полка и любимец армии.

Кроме чисто инстинктивного предубеждения, войска не имели поводов относиться отрицательно к штабу армии. Корниловский штаб, начиная с его начальника, состоял из людей храбрых и хороших работников. Кто был знаком с их жизнью, тот чувствовал это. В отвратительных условиях, набитые не раз в тесной и грязной избе так, что пройти трудно было, они в ней работали днем и ночью, ели и спали

вповалку на полу. С тем, чтобы на утро пойти в поиск, на разведку, установить связь или по многу часов разъезжать с Корниловым на поле боя под жестоким огнем. А с приходом на новый ночлег — колесо заводилось сначала. Они яснее понимали, чем в строю, всю серьезность положения, и тем не менее, в штабе обыкновенно царило бодрое настроение и здоровый оптимизм. Два, три офицера не подходили под общий уровень, но они не могли испортить общего впечатления.

Корнилов обычно относился хорошо к своему штабу, невзирая на несколько грубоватые иногда внешние формы отношений. Он любил и ценил своего начальника штаба Романовского, так счастливо дополнявшего своей уравновешенной натурой его пылкий и впечатлительный темперамент, скрывавшийся под суровой и сухой внешностью. Начальник штаба мирился с нелегким характером командующего, был предан ему, и не раз — только он один мог, глядя на Корнилова своими добрыми глазами, остановить шаги, продиктованные минутной вспышкой. Никогда не подчеркивал своей большой работы и не переносил на других ошибки, не им сделанные. «Прошлый раз, когда вышла такая же история при Маркове и Неженцеве, я попросил его освободить меня от должности. Он ответил: «Никуда я вас, Иван Павлович, не отпущу». Тем и кончилось. Теперь слишком тяжелое время — такие вопросы подымать неуместно. Но как только придем в тихую пристань, уйду в строй». Бог судил, чтобы тихою пристанью для него стала холодная могила Константинопольского кладбища...

Весь день рвутся над станицей снаряды, летящие с юга из-за реки, весь день слышен орудийный гул с севера, со стороны Усть-Лабы, против которой стояли в арьергарде Корниловцы. Посреди большой площади высокая каменная церковь; ее колокольня возвышается над всем низким южным берегом на много верст; по ней направляют огонь. На площади, по квадратному фасу которой расположены штаб, квартира Корнилова и других генералов — такой порядок заведен всегда, — с глухим воем рвутся гранаты. Обоз, запрудивший было всю площадь, понемногу расползся по всей станице; осталось лишь несколько распряженных повозок с торчащими вверх оглоблями. Площадь пустынна, изредка лишь пробежит, пугливо озираясь, превозмогая страх, кто-нибудь из станичных жителей в церковь. Идет вечерня. В храме, кроме некрасовцев, — наши добровольцы, раненые — на костылях, с повязками. В полумраке слабо мерцают свечки перед ликами скорбными и суровыми. И когда за стеною раздастся резкий удар, а по куполу застучит, словно от крупного града, глуше звучат возгласы из алтаря, ниже склоняются головы молящихся.

Из темного угла послышался гулко и явственно чей-то голос: «Господи, прости!» Не жалоба, не прошение, а покаяние. Не так ли в сознании широких слоев русского народа все ужасы лихолетья приняты, как возмездие за грехи мирские, грехи вселенские, которые ниспослал «Бог — грозный судия, довлеющий во гневе»... И чудится, как вместе с дымом кадильным из сотни сердец возносятся «горе» моления, такие страстные и мучительные... О ком? О себе, о нас, о тех, кто за рекой? Ведь и о них, вероятно, кто-нибудь молится... Храм — единственное убежище, куда не вторгнулось еще звериное начало. Завтра придут «они», убьют священника и надругаются над храмом[12].

Глава XXII. *Поход в Закубанье; бой за Лабой и у Филипповского; теневые стороны армейского быта*

В ночь на 8 марта наши передовые части перешли с боем на левый берег Лабы и, отбросив большевиков, обеспечили переправу армии. Первым перешел Юнкерский батальон. Боровский доносил, что юнкера смело бросились в холодную воду, хотя «малыши пускали пузыри», так как местами глубина реки превышала их рост.

Перешедшие войска сразу же попали в сплошное большевистское окружение. Каждый хутор, каждая роща, отдельные строения ощетинились сотнями ружей и встречали наступающие части огнем. Марковцы, Партизаны, Юнкера шли по расходящимся направлениям, выбивая противника, появлявшегося неожиданно, быстро ускользавшего, неуловимого. Каждая уклонившаяся в сторону команда или отбившаяся повозка встречала засаду и... пропадала. Занятые с бою хутора оказывались пустынными: все живое население их куда-то исчезало, уводя скот, унося более ценный скарб и оставляя на произвол судьбы свои дома и пожитки. Скоро

широкая долина реки, насколько видно было глазу, озарилась огнем пожаров: палили рвавшиеся гранаты, мстительная рука казака и добровольца или просто попавшая случайно среди брошенных хат непотушенная головня.

Неженцев занимал еще северную окраину станицы, прикрывая ее со стороны войск, наступавших от Усть-Лабы. А внизу, под крутым скатом берега, шла лихорадочная переправа обоза; жиденький мост был сильно перегружен; часть повозок с беженцами и ранеными спустилась к глубоким бродам; лошади шли неохотно в студеную воду, иногда повозка опрокидывалась или, отнесенная течением в глубокое место, погружалась чуть не доверху, вместе с походным скарбом или беспомощно бьющимся человеческим телом. На том берегу обоз раскинулся широким табором в ожидании «открытия пути».

Лишь к закату армия раздвинула несколько сжимавшее ее огневое кольцо и заночевала в двух хуторских поселках. Штаб — в Киселевских хуторах. Собственно, только эти два пункта находились в нашем фактическом обладании, охраняемые на небольшом расстоянии аванпостами. А дальше — раздвинутое кольцо сжалось вновь.

Шел дождь, была стужа. На улицах тесного поселка сбились в кучу повозки, столпились люди — и половине не хватило крыш. Я пошел ночевать к Алексееву. Он был нездоров и, видимо, несколько расстроен: вчера опять вышло недоразумение между ним и Корниловым по поводу неправильно отведенной квартиры. Эти два человека органически неприязненны друг другу, но сознание долга и огромный нравственной ответственности заслоняет личные чувства и заставляет их идти вместе, одной дорогой, к одной одинаково понимаемой цели. С большим трудом удалось Романовскому успокоить Корнилова. О своих взаимоотношениях с Корниловым Алексеев избегает говорить.

Мы делимся впечатлениями минувшего боя и прогнозом будущего. Последний неизменен: «Пробуждение казачества и создание обеспеченной базы». Иначе конец организации и весьма болезненный процесс переноса живой силы ее на другую почву — более плодотворную. Волга, Сибирь. При отсутствии иного выхода — даже, быть может, Закавказье. Мы не углубляем еще этой темы — надежда не потеряна, — но одно было ясно, что добровольческое движение только еще начинается. Вспомнилась фраза, сказанная как-то Иваном Павловичем: «Умом не постигаю, но сердцем верую, что не погибнет ни идея, ни армия».

Штаб Алексеева со всем конвоем расположился в одном дворе. Его и меня поместили в маленькой каморке с полатями; на них чья-то добрая рука положила густо соломы и покрыла рядном. Тепло, благодать! Ночью просыпаюсь от страшного удушья: припадок бронхита? Нет... Вся комната полна дымом, огненные языки лижут полати. Вскочил. Подо мною сейчас же вспыхнула солома. С большим трудом разбудил Алексеева. Выбита рама, полетел в окно, в грязь мой обгоревший вещевой мешок с последними пожитками... «Чемодан забыли!» В комнату вскочил сын Алексеева, еще кто-то и с большим трудом вытащили оттуда знаменитый «алексеевский чемодан» — в нем вся добровольческая казна. Пожар потушили. Кто-то уже острит: «Казенное добро в воде не тонет, в огне не горит».

Выступление назначено рано, но до полудня продвинулись мало, так как шедшие впереди Офицерский полк и в особенности Партизанский пробивались с трудом, отвоевывая каждую версту пути упорным боем. Задерживаться в хуторах также было небезопасно, так как вскоре у самой окраины их послышался сильный треск пулеметов... Пули жужжали между избами. Все войска втянулись в бой, и потому для прикрытия колонны с тыла в распоряжение коменданта штаба, полковника Корвин-Круковского, оставлена в хуторах «охранная» рота из офицеров-инвалидов и конвой Корнилова. С трудом протискиваясь по запруженной улице, эти части выходят на окраину. Двинулся обоз и остановился в версте. Опять по нем[у] бьет неприятельская артиллерия — очевидно, перелеты по боевым линиям — и с фронта, и с тыла, и еще откуда-то, видимо, со стороны Некрасовской.

Офицерский полк рассыпан редкими цепями, затерявшимися среди беспредельного поля и такими, казалось, слабыми в сравнении с массой большевиков. Цепи подвигаются очень медленно: мы едем вперед рысью к маленькому хуторку. Корнилов с Романовским — уже на стогу. Треск пулеметов. Ранен тяжело в голову полковник Генерального штаба Патронов. Текинцы суетливо прячут за стог и за хату лошадей... Отчетливо видны отдельные фигуры в цепях. Похаживает вдоль

них небольшого роста, коренастый человек. Шапка на затылке, руки в карманах — Кутепов — командир 3-й роты. В этот день три пули пробили его плащ, но, по счастью, не ранили. Подымаются отдельные группы прямо в рост, перетаскивают куда-то пулемет. Тихо бредут и ползут назад раненые. И не один из них вдруг валится на пашню, как срезанный, — догнала новая пуля... Офицеры поднялись, снова пошли в атаку, и темная масса впереди сначала зашевелилась на местах, потом хлынула назад.

Немедленно под прикрытием Офицерского полка главные силы и обоз двинулись влево, в направлении Филипповского. Прошли версты три, опять остановились: справа у Богаевского еще идет бой, а впереди слышна дальняя редкая перестрелка, и от Неженцева, направленного с утра на Филипповское, нет сведений — занято ли уже это село — центр большевизма и военной организации всего района... Стоим в поле долго. Уже наступает ночь — тихая, беззвездная. Кони давно не кормлены, повесили понуро головы. По обочинам дороги лежат группами люди и тихо ведут беседу.

Пять тысяч жизней — старых и молодых — собрались в темную ночь в чистом поле, в глухом углу Кубанской области, среди враждебной им стихии. Без крова и приюта. Бросивших дом, семью, близких и «взыскующих града». Уставших от тягот небывалого похода, морального одиночества и непрерывных боев. Не знающих — что сейчас сулят им темные дали с чуть мерцающими двумя, тремя путеводными огоньками: покой или новый бой, кровь, быть может, смерть...

О чем их мысли? О гибнущей отчизне... О прошлом — далеком и невозвратимом... О славе, подвиге, о радостях жизни... О завтрашнем дне и новом вражеском окружении... О тех могильных холмах, которые выросли на всем пройденном пути... что к ним, быть может, сегодня или завтра присоединится еще один — маленький, незаметный, который смоют дожди, распашет плуг, и сгинет след человеческой жизни... Наконец, просто о теплой хате и сытном ужине.

Темное небо прямо на запад, в направлении Екатеринодара, прорезали бледные зарницы, и — почудилось только или было на самом деле — издалека донеслись совсем тихие, еле слышные звуки, словно рокот отдаленного грома: «Смотрите, смотрите, это у Покровского!» Он или не он, быть может, местное восстание казаков или горцев, но одно несомненно: где-то, за несколько десятков верст, идет артиллерийский бой. Там столкнулись две силы, два начала, одно из которых, очевидно, родственно армии. И по всей колонне, по всему обозному табору люди напрягают зрение, чтобы отгадать таинственный смысл далеких зарниц, видеть незримое и слышать незвучное...

Скоро и другая приятная новость: Корниловский полк после небольшой стычки овладел Филипповским, которое оставили большевики и покинули все жители.

В волостном правлении толчея. Собрались начальники в ожидании отвода квартирных районов. Толпятся квартирьеры, снуют ординарцы с донесениями и за указаниями. За стеной слышен громкий спор. «Вы почему заняли кварталы правее площади?» «Да потому, что ваши роты явились с вечера и дочиста обобрали наш район». «Ну, знаете... кто бы говорил. Я вот сейчас заходил в лавку за церковью, видел, как ваши офицеры ящики разбивают...»

Вот — оборотная сторона медали. Подвиг и грязь. Нервно подергивается Кутепов и куда-то уходит. Через четверть часа возвращается. «Нашли сухари и рис. Что же прикажете бросить и не варить каши?» Никто не возразил. Тяжелая обстановка гражданской войны вступала в непримиримые противоречия с общественной моралью. Интендантство не умело и не могло организовать правильной эксплуатации местных средств в селениях, которые брались вечером с бою и оставлялись утром с боем. Походных кухонь и котлов было ничтожное количество. Части довольствовались своим попечением, преимущественно от жителей подворно.

К середине похода не было почти вовсе мелких денег, и не только приварочные оклады, но и жалованье выдавалось зачастую коллективно 5—8 добровольцам тысячерублевыми билетами, впоследствии и пятитысячными, а организованный размен наталкивался всегда на непреоборимое недоверие населения. Да и за деньги нельзя было достать одежды, даже у казаков; иногородние не раз скрывали и запасы, угоняли скот в дальнее поле. Голод, холод и рваные отрепья — плохие советчики, особенно если село брошено жителями на произвол судьбы. Нужда была

поистине велика, если даже офицеры, изранив вконец свои полубосые ноги, не брезгали снимать сапоги с убитых большевиков.

Жизнь вызвала известный сдвиг во взгляде на правовое положение населения не только в военной среде, но и у почтенных общественных и политических деятелей, следовавших при армии. Я помню, как одни из них в брошенном Филипповском с большим усердием таскали подушки и одеяла для лазарета... Как другие на переходе по убийственной дороге из Георгие-Афипской в аул Панахес силою отнимали лошадей у крестьян, чтобы впрячь их в ставшую и брошенную на дороге повозку с ранеными. Как расценивали жители эти факты, этот вопрос не вызывает сомнений. Что же касается общественных деятелей, то я думаю, что ни тогда, ни теперь они не определяли этих своих поступков иначе, как проявлением милосердия. В этот сложный и больной вопрос примешивались еще обстоятельства чисто психологического характера. Чрезвычайно трудно было кубанскому казаку или черкесу, которых большевики обобрали до нитки, у которых спалили дом или разорили дотла хозяйство, внушить уважение к «частной собственности» большевиков, которыми они чистосердечно считали всех иногородних. Мой вестовой — текинец — был до крайности изумлен, когда я в том же Филипповском, в брошенном доме, выгнал его из кладовки, где он перебирал в сундуке хозяйское добро — добро того большевика, который встретил нас огнем и потом бежал, оставив «добычу». Оттого отношение к станице и аулу было иное, чем к селу; к казачьему двору иное, чем к хутору иногороднего.

В одном только отношении не было разницы между «эллином и иудеем» — в отношении лошадей. Совершенно одинаково кавалеристы-добровольцы, казаки, черкесы, по прочно внедрившимся навыкам еще европейской войны, «промышляли» лошадей для посадки спешенных — у всех и всеми способами, считая это не грехом, а лихостью. Так, впоследствии, в марте 1919 года, когда временно развалился донской фронт, а два Кубанских корпуса были брошены в Задонье, чтобы остановить вторгнувшиеся туда большевистские силы, «младший брат» у «старшего» увел много табунов — тысячи голов добрых донских коней.

Наконец, армия состояла не из одних пуритан и праведников. Та исключительная обстановка, в которой приходилось жить и бороться армии, неуловимость и потому возможная безнаказанность многих преступлений — давали широкий простор порочным, смущали морально неуравновешенных и доставляли нравственные мучения чистым. С явлениями этими боролись и Корнилов, и весьма энергичный комендант штаба, полковник Корвин-Круковский, и большинство командиров — иногда мерами весьма суровыми. Искоренить своеволие они не могли, но сдерживали его все же в известных рамках. До некоторой степени облегчало борьбу то обстоятельство, что части шли компактно и останавливались на ночлег в большинстве случаев в одном пункте.

Война и революция были слишком дурной школой для морального воспитания нации и армии.

10 марта нам пришлось вести бой — наиболее серьезный и кровопролитный. Еще с рассвета головной батальон Корниловского полка, шедшего в авангарде, перешел через реку Белую у окраины села и, повернув круто на запад, двинулся по дороге на станицу Рязанскую. Дорога здесь шла низкой долиной, постепенно удаляясь от берега и подходя к гребню высот, тянувшихся параллельно реке.

Едва только начали переправу главные силы полка, как на гребень, оставленный без наблюдения, высыпали густые цепи большевиков и открыли жестокий огонь по мостам. Произошло замешательство. Люди шарахнулись с моста, многие попадали в воду. Полк понес потери, но скоро оправился от неожиданности, при содействии артиллерийского огня переправился и, поднявшись на гребень, оттеснил несколько большевистский фронт. Только оттеснил: перед нами развернулись крупные силы, значительно превосходившие численно Добровольческую армию, собранные со всех сторон для прикрытия Майкопского направления. Их развертывание вдоль параллельных берегу высот в случае успеха ставило армию в критическое положение, запирая ее в узкой ($^1/_2$ — 1 вер.) долине непроходимой в брод болотистой реки.

Едва только за Корниловским полком успели пройти Партизаны и чехо-словаки, развернувшись вправо и влево от Корниловцев, как большевики вновь широким фронтом перешли в решительное наступление на наши линии... И, тем не

менее, наш несчастный обоз вынужден был переходить реку и идти именно туда, навстречу, под склон высот, на гребне которых вот-вот мог появиться вновь прорывающийся противник. Ибо с севера на Филипповское давили уже наши вчерашние враги, их батарея обстреливала село и переправу, и Боровский с Юнкерами, оставленный в арьергарде, с трудом сдерживал их напор.

А переправа по одному мосту протекает убийственно долго... Удержат ли гребень?.. Уже начинают отходить чехо-словаки, расстреляв все свои патроны; отдельные фигуры их стали спускаться с высот. К ним поскакал конвой Корнилова. Там — замешательство. Командир батальона капитан Неметчик лег на землю, машет неистово руками и прерывающимся голосом кричит: «Дале изем немохль уступоват. Я зустану зде доцеле сам»...[13]. Возле него в нерешительности мнутся чехо-словаки, некоторые остановились и залегли. Текинцы снабдили их патронами и легли рядом. Открыли вновь огонь. Наступление врага приостановлено. Надолго ли?

Уже начинает изнывать Корниловский полк; заколебался один батальон, в котором убит командир... Густые цепи большевиков идут безостановочно сплошной стеной, явственно слышатся их крики и ругательства. Потери растут. Мечется нервный, горячий Неженцев — из части в часть, из боя в бой, — видит, что трудно устоять против подавляющей силы, и шлет Корнилову просьбы о подкреплении.

Корнилов со штабом стоял у моста, пропуская колонну, сумрачен и спокоен. По его приказанию офицеров и солдат, шедших с обозом и по наружному виду способных драться, отводят в сторону. Роздали ружья и патроны, и две команды человек в 50—60 каждая, с каким-то полковником во главе идут к высотам. «Психологическое» подкрепление. Действительно, боевая ценность его не велика, но появление на поле боя всякой новой «силы» одним своим видом производит впечатление всегда на своих и на чужих.

Весь день идет бой с таким неопределенным перемежающимся успехом — слишком неравные силы. Весь день неприятельские снаряды кроют гребень, село, район переправы и лощину, где словно врос в землю и замер обоз. Наши орудия отвечают редко, одиночными выстрелами. Несут много раненых. И в обозе несколько повозок разбито гранатами; опрокинуло повозку Алексеева и смертельно ранило его кучера; сам генерал был где-то на бугре. Люди здесь жмутся в кучки и как-то странно передвигаются с места на место, очевидно, стараясь предугадать новое направление шрапнельной очереди. Из артиллерийского отдела то и дело высылают войскам снаряды и патроны — остается их угрожающе малое количество. Роздали уже ружья легко раненым. И когда сухой треск пулеметной стрельбы становится таким болезненно отчетливым и близким, на подводах, с лежащими под жидкими одеялами беспомощными телами страдальцев, заметно волнение. Слышится чей-то придавленный голос: «Сестрица, не пора ли стреляться?..»

В горячем сражении бывают минуты, иногда долгие часы, когда между двумя враждебными линиями наступает какое-то странное и неустойчивое равновесие. И достаточно какого-либо ничтожного толчка, чтобы нарушить его и сломить волю одной из сторон, психологически признавшей себя побежденной. Так и в этот день: по приказу и без приказа перед вечером наши войска на всем левобережном фронте перешли в контрнаступление — и противник был отброшен. В западном направлении расчищена широкая «отдушина», и колонна, извиваясь среди холмистого поля кавказских предгорий, быстро уходила на запад, провожаемая справа и слева беспорядочным и безвредным огнем большевистской артиллерии.

Вскоре огонь смолк. Мы шли то степью, то жидкими перелесками среди беззвучной тишины умиравшего дня. На душе покойно и радостно. Вероятно, у всех так. Идут загорелые, обветренные, пыльные, грязные. Всю усталость от напряженного боя и перехода сразу как будто рукой сняло. В колонне слышится разговор, смех и шутки. Откуда-то вдруг доносится песня: «Так за Корнилова, за Родину, за Веру // Мы грянем дружное „Ура"!». Прозвучала, покатилась по полю, отозвалась за холмом и так же неожиданно оборвалась: командир напомнил о близости противника... Мы обгоняем рысью колонну и на ходу обмениваемся с Романовским короткими фразами: «Где еще найдется, — говорит Иван Павлович, — такое офицерство!..» «Нигде, конечно».

Станица Рязанская «выразила покорность». Главные силы с обозом перешли

речку Пшиш и остановились на большой привал в черкесском ауле Несшукай — ранним утром предстояло дальнейшее движение. Штаб с арьергардом остался в Рязанской. В первый раз в казачьей станице так неуютно, прямо тягостно. Начиная со встретившей Корнилова с белым флагом «депутации», участники которой все порывались стать на колени, во всей станице в отношении к нам чувствуется страх и раболепство. Многие дома были брошены жителями перед нашим приходом.

Только на другой день в черкесском ауле выяснилась причина: рязанские имели основание опасаться суровой кары. Станица одна из первых приняла большевизм, причем в практическом его применении трогательно объединились и казаки и иногородние. Они разгромили совместно соседние мирные аулы, а в одном — Габукае — перебили почти всех мужчин-черкесов[14]. Добровольцы в иных пустых саклях находили груды человеческих внутренностей... Несколько дней приезжали из Рязанской в аул с подводами казаки, крестьяне, женщины и дети и забирали черкесское добро... Аул словно кладбище. Среди добровольцев — разговоры: «Если бы знали раньше, спалили бы Рязанскую...»

Бедные черкесские аулы встречали нас как избавителей, окружали вниманием, провожали с тревогой. Их элементарный разум воспринимал все внешние события просто: не стало начальства — пришли разбойники (большевики) и грабят аулы, убивают людей. В их настроениях нельзя было уловить никаких отзвуков революционной бури: ни социального сдвига, ни разрыва со старой государственностью, ни черкесской самостийности. Был страх, и было желание вернуться к спокойным, мирным условиям жизни. Только.

Штаб получил, наконец, подтверждение слухов об отряде Покровского: в последние дни он вел бои где-то в районе аулов Шенджий — Гатлукая, верстах в 40—60 от нас. Теперь уже представилась реальная возможность соединения. Необходимо было спешить, чтобы большевики не успели разбить кубанских добровольцев до соединения с нами. И Корнилов ведет армию по тяжелым дорогам так быстро, как только позволяют наши путы — обоз, с каждым боем непомерно растущий. От Филипповского прошли, не разгружая лазарет, два дня — 40 верст до Панажукая. Оттуда после дневки, опять таким же порядком, — 40 верст до аула Шенджий. Армия понимала хорошо значение этих маршей. Понимали и те, кто днями и ночами тряслись на подводах по весенним ухабам с гноящимися ранами и переломленными костями, терпели и видели... как одного за другим уносит смерть.

13 марта мы стали на ночлег в ауле Шенджий, а на другой день в аул въезжал, в сопровождении нарядного, пестрого конвоя кавказских всадников, произведенный в этот день Кубанской радой в генералы «командующий войсками Кубанского края» Покровский.

Глава XXIII. *Судьба Екатеринодара и Кубанского добровольческого отряда; встреча с ним*

Оставление Екатеринодара «кубанскими правительственными войсками» являлось вопросом не столько военной необходимости, сколько психологии. Еще во второй половине января после неудачного боя под Выселками Кубанский добровольческий отряд, прикрывавший Тихорецкое направление, спешно отступил к Екатеринодару; в связи с этим были отведены и другие отряды, и в двадцатых числах все вооруженные силы «Кубанской республики», в составе преимущественно добровольцев — офицеров и юнкеров, Черкесского полка и незначительного числа кубанских казаков, стояли уже на ближайших подступах к Екатеринодару. Во всей области, охваченной большевистским угаром, оставалась только одна точка — Екатеринодар, еще боровшийся, но уже испытывавший и в своих стогнах тяжкий гнет большевиствующей революционной демократии.

Довольно нетерпимое в своих отношениях к неказачьему и некубанскому элементу кубанское правительство принуждено было, минуя своих генералов, вручить командование войсками капитану Покровскому, произведенному правительством за бой под Эйнемом в полковники. Покровский был молод, малого чина и военного стажа и никому не известен. Но проявлял кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с «моральными предрассудками». Одна из тех характерных фигур, которые в мирное время засасываются тиной уездного захолустья и армейского быта, а в смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на

поверхность жизни. Как бы то ни было, он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только представлял из себя фактическую силу, способную бороться и бить большевиков.

Успех под Эйнемом окончательно укрепил его авторитет в глазах правительства. Но для преобладающей массы добровольцев имя его не говорило ничего. Еще меньше внутренней связи было между добровольцами и кубанской властью. Хотя в официальных актах и упоминался часто термин «верные правительству войска», но это была лишь фраза без содержания, ибо в войсках создалось если не враждебное, то, во всяком случае, недоброжелательное отношение к многостепенной кубанской власти, слишком напоминавшей ненавистный офицерству «совдеп» и слишком резко отмежевавшейся от общерусской идеи.

Еще с января в Екатеринодаре жил генерал Эрдели, в качестве представителя Добровольческой армии. В числе поручений, данных ему, было подготовить почву для включения Кубанского отряда в состав Добровольческой армии. При той оторванности, которая существовала тогда уже между Ростовом и Екатеринодаром, такое подчинение должно было иметь главным образом моральное значение, расширяя военно-политическую базу армии и давая идейное обоснование борьбе кубанских добровольцев. В то же время М. Федоров добивался от Кубани материальной помощи для Добровольческой армии. Эти предположения встретили резко отрицательное отношение к себе среди всех кубанских правителей. Стоявший тогда во главе правительства Лука Быч заявил решительно: «Помогать Добровольческой армии — значит готовить вновь поглощение Кубани Россией».

О внутренних противоречиях кубанской политической жизни я уже говорил. Внешне же в феврале противобольшевистский стан в Екатеринодаре представлял следующую картину:

Законодательная рада, оторванная от казачества, продолжала творить «самую демократическую в мире конституцию самостоятельного государственного организма — Кубани» и одновременно втайне от своей иногородней, явно большевистской фракции собиралась на закрытые совещания о порядке исхода...

Кубанское правительство ревниво оберегало свою власть от вторжения атамана, косилось на Эрдели, по-царски награждало Покровского, но начинало уже не на шутку побаиваться все яснее обнаруживавшихся его диктаторских замашек.

Атаман Филимонов то клялся в конституционной верности, то поносил раду и правительство в дружеских беседах с Эрдели и Покровским. Командующий войсками Покровский требовал оглушительных кредитов от атамана и от правительства и сам мечтал об атаманской булаве и о разгоне «совдепа» (правительства).

Добровольцы-казаки то поступали в отряды, то бросали фронт в самую критическую минуту. А добровольцы-офицеры просто заблудились: без ясно поставленных и понятных целей борьбы, без признанных вождей они собирались, расходились, боролись — впотьмах, считая свое положение временным и нервно ловя слухи о Корнилове, чехо-словаках, союзной эскадре — о всем том действительном и несбыточном, что должно было, по их убеждению, появиться, смести большевиков, спасти страну и их.

Несомненно, в этом пестром сочетании разнородных элементов были и люди стойкие, убежденные, но общей идеи, связующей их, не было вовсе, если не считать всем одинаково понятного сознания опасности и необходимости самообороны.

В феврале пал Дон, большевистские силы приближались к Екатеринодару. Настроение в нем упало окончательно. «Работа правительства и рады, — говорит официальный повествователь, — с открытием военных действий, конечно, не могла уже носить спокойного и плодотворного характера... Грохот снарядов заглушал и покрывал собою все». Правительство решило «сохранить себя как идейно-политический центр... как ядро будущего оздоровления края» и совместно с казачье-горской фракцией рады постановило покинуть Екатеринодар и уйти в горы, выведя и «верные правительству» войска. День выступления предоставлено было назначить полковнику Покровскому.

При создавшихся военно-политических условиях длительная оборона Екатеринодара не имела бы действительно никакого смысла. Но 25-го февраля обстановка в корне изменилась. В этот день прибыл в Екатеринодар посланный штабом Добровольческой армии и пробравшийся чудом сквозь большевистский район офицер. Он настойчиво и тщетно убеждал кубанские власти повременить с уходом, ввиду

того что Корниловская армия идет к Екатеринодару и теперь уже должна быть недалеко. Ему не поверили или не хотели поверить: держали его под негласным надзором.

Вечером 28 февраля из Екатеринодара через реку Кубань на юг выступили добровольческие отряды, атаман, правительство, казачье-горская фракция законодательной рады, городские нотабли и много беженцев. В их числе и председатель Государственной думы М. В. Родзянко. В обращении к населению бывшая кубанская власть объясняла свой уход тактической трудностью обороны города, нежеланием «подвергать опасности борьбы городское население, на которое может обрушиться „ярость большевистских банд“», и, наконец, тем обстоятельством, что население края «не смогло защитить своих избранников». В этом послесловии сепаратной деятельности кубанской революционной демократии в первый период смуты прозвучал и новый, как будто примиряющий мотив: «Мы одухотворены идеей защиты республики Российской и нашего края от гибели, которую несут с собой захватчики власти, именующиеся большевиками».

Сосредоточившиеся на другой день в ауле Шенджий кубанские войска были сведены в более крупные части, составив в общей сложности отряд до $2^1/_2$ — 3 тысяч штыков и сабель с артиллерией. Отряд дошел до станицы Пензенской. Но в эти несколько дней похода отсутствие объединяющей политической и стратегической цели встало пред всеми настолько ярко, что не только под давлением резко обозначившегося настроения войск, но и по собственному побуждению кубанские власти сочли необходимым поставить себе ближайшей задачей соединение с Корниловым. Тем более что к этому времени вновь были получены сведения о движении Добровольческой армии к Екатеринодару и о происходивших к востоку от него 2—4 марта боях.

Покровский двинул отряд обратно в Шенджий и 7 марта, выслав заслоны против станции Эйнема и Екатеринодарского железнодорожного моста, неожиданно с главными силами захватил Пашковскую переправу. В течение двух дней Покровский вел артиллерийскую перестрелку, не вступая в серьезный бой, и в ночь на 10-е, отчаявшись в подходе Корнилова, ушел на восток. 10-го встретил сопротивление большевиков у аула Вочепший, где бой затянулся до ночи.

Неудача поисков Добровольческой армии, непонятное метание отряда и недоверие к командованию вызвали в войсках сильный упадок духа. Аула не взяли (мы были в этот вечер всего верстах в 30 от Вочепшия), и расстроенный отряд ночью, бросая обоз, без дорог устремился по направлению к горам на станицу Калужскую. Но со стороны Калужской шло уже наступление значительных сил большевиков, поставившее Кубанский отряд в критическое положение. 11-го произошел бой, в котором утомленные несколькими днями маршей и бессонными ночами войска Покровского напрягали последние усилия, чтобы сломить упорство врага.

Участь боя, которым руководил командир Кубанского стрелкового полка подполковник Туненберг, не раз висела на волоске. Уже в душу многих участников закрадывалось отчаяние, и гибель казалась неизбежной. Уже введены были в дело все силы, пошли вперед вооруженные наспех обозные, старики, «радяне»[15] — подобие нашего «психологического подкрепления»... Артиллерия противника гремела не смолкая, цепи его пододвинулись совсем близко... Но вот Кубанский полк собрался с духом, поднялся и бросился в атаку. Большевики дрогнули, повернули назад и, преследуемые черкесской конницей, понеся большие потери, отхлынули в Калужскую.

Победа. Но в стане победителей настроение далеко не ликующее. Отряд, иззябший и замученный, заночевал в чистом поле под проливным дождем. Сзади — занятый большевиками Вочепший, впереди — Калужская, вокруг которой идет еще бой передовых частей. В эту тяжелую минуту по всему полю, по обозному биваку, по рядам войск разнеслась весть: «Приехал разъезд от Корнилова. Корниловская армия недалеко от нас».

Участники похода передавали мне то неизгладимое впечатление, которое произвело на всех появление «корниловцев». «И верилось, и немножко мучило сомнение — ведь столько раз обманывали, но безумная радость охватила нас, словно открылась крышка, уже захлопнувшаяся было над нашей головой, и мы увидели опять свет Божий». На другой день была взята Калужская, и Кубанский отряд расположился, наконец, со спокойным сердцем на отдых.

14-го состоялось в ауле Шенджий свидание с Покровским. В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошел молодой человек в черкеске с генеральскими погонами — стройный, подтянутый, с каким-то холодным, металлическим выражением глаз, по-видимому, несколько смущенный своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда, Корнилов ответил просто и сдержанно. Познакомились с составом и состоянием отряда, его деятельностью и перешли к самому важному вопросу о соединении.

Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влитие кубанских войск в состав Добровольческой армии. Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует «конституции края»; кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного «кубанского отряда» и оперативное подчинение его генералу Корнилову.

Алексеев вспылил. «Полно-те, полковник, — извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут ни при чем — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием». Корнилов сказал внушительно и резко: «Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству».

Хотя вопрос и остался открытым, но стратегическая обстановка не допускала промедления. И потому условились, что на другой день, 15-го, наш обоз перейдет в Калужскую, где и останется временно вместе с кубанским, под небольшим прикрытием; войска же Добровольческой армии и Кубанского отряда в тот же день одновременным ударом захватят станицу Новодмитриевскую, занятую крупными силами большевиков, и там фактически соединятся. Небольшой конный отряд должен был произвести демонстацию на Эйнем.

Это движение к Новодмитриевской — на юго-запад, а не на Калужскую — в горы, где нас ждали бы голод и распыление, — носило в себе идею активной борьбы, свидетельствовало об уверенности в своих силах и предрешало ход дальнейших событий.

Екатеринодар, между тем, после ухода добровольцев переживал тяжело перемену власти. 1-го марта в город вошли войска Сорокина, и начались неслыханные бесчинства, грабежи и расстрелы. Каждый военный начальник, каждый отдельный красногвардеец имел власть над жизнью «кадет и буржуев». Все тюрьмы, казармы, общественные здания были переполнены арестованными, заподозренными «в сочувствии кадетам». В каждой воинской части действовал свой «военно-революционный суд», выносивший смертные приговоры.

Военные начальники красной гвардии не могли или не хотели остановить бесчинства, а гражданская власть в течение всего марта месяца только еще слагалась. Первоначально, с 1 марта, образовался «Комитет общественной безопасности» из представителей революционной демократии Екатеринодара; 3-го был создан объединенный комитет, в состав которого вошли представители екатеринодарского, армавирского и новороссийского комитетов и красной гвардии и который получил название «Кубанского областного военно-революционного комитета»; он действовал до конца марта; 20-го на съезде Советов Кубанского края был избран исключительно из большевиков и левых с.-р.-ов «Кубанский областной исполнительный комитет», выделивший из своей среды «совет народных комиссаров».

В течение марта месяца центральная власть за пределами Екатеринодара почти ничем не проявлялась. Да и в самом Екатеринодаре она вынуждена была вести борьбу с игнорировавшими ее главковерхами Автономовым, Сорокиным, Чистовым и др., издавать никем не исполнявшиеся декреты и взывать к совести красной гвардии.

Красногвардейщина залила, заполонила всю область. Вопли шли со всех сторон: от демократии, буржуазии и казаков. И в то время, когда не слишком разборчивый в средствах и не отличавшийся чрезмерной гуманностью «Цик» все же требовал от Автономова прекращения бесчинств, военный комендант Екатеринодара Сошенко, поддержанный «главковерхом», издавал приказы, призывавшие пролетариат «к искоренению всей сволочи, которая не хочет замазать свои белые руки»... «Я инвалид, — писал Сошенко, — и, как поставленный Армией Кавказского фронта во власти коменданта города, слежу за свободой: предупреждаю всю буржуазию, что за нарушение правил (?), выказанных против трудового народа, буду беспощадно расстреливать или уполномачивать лиц мандатами на право расстреливания негодяев Трудового Народа». Так как «правил» екатеринодарцы так и не узнали, то жили в постоянном смертном страхе за свою судьбу, страстно ожидая избавления.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Донские партизанские отряды Краснянского, Бокова, Лазарева и др. присоединились к нам в Ольгинской.
2. Ростовский полк назывался еще в начале формирования «Студенческим», хотя студентов в нем было очень мало.
3. П. бывший командир юнкерского батальона.
4. Зимовник — усадьба — становище донских табунов.
5. Впоследствии главный военный прокурор вооруж. сил Юга России.
6. Так называли в народе противобольшевистские элементы, не влагая в это понятие партийно-политического содержания.
7. «Рабочее слово» 1918 г. № 10.
8. Гершельман был отрешен за это от должности.
9. Армия пополнилась тремя сотнями Брюховецкой станицы, которых обоз принял за большевистскую конницу.
10. Иногородний поселок возле станицы.
11. До 1-го марта Кубан. воен.-рев. комит. находился в Армавире.
12. Священник станицы Некрасовской отец Георгий Руткевич был убит большевиками по обвинению в «сочувствии кадетам и буржуям».
13. «Дальше я не могу отступать: останусь здесь хотя бы один».
14. 320 человек. В ауле Ассоколай большевиками убито 305 чел. и т. д.
15. Члены рады.

Примечания редакции

I. *Кутепов Александр Павлович* (1882—1930?) — генерал от инфантерии (1920 г.). Участник первой мировой войны (полковник). В Добровольческой армии находился с начала ее формирования (на должностях от командира роты до начальника 1-й пехотной дивизии). С августа 1918 г. — Черноморский генерал-губернатор (Новороссийск). С января 1919 г. командовал 1-м армейским корпусом, затем корпусом и 1-й армией у Врангеля. В ноябре 1920 г. эвакуировался с остатками белогвардейских войск в Турцию. С 1928 г. возглавлял «Русский общевоинский союз».

II. *Сорокин Иван Лукич* (1884—1918) — из казаков, левый эсер. Участник первой мировой войны (есаул). В начале 1918 г. организовал казачий революционный отряд. С февраля 1918 г. — помощник командующего Юго-Восточной революционной армией, с апреля — помощник главнокомандующего войсками Кубанской Советской республики; в июне — июле командовал Ростовским боевым участком, в августе — октябре — главнокомандующий Красной Армией Северного Кавказа, в октябре — временно исполнял должность командующего 11-й армией. Стремился к неограниченной власти. 21 октября в Пятигорске расстрелял группу руководящих работников ЦИК Северо-Кавказской республики и крайкома РКП(б). 28 октября 2-й Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа объявил Сорокина вне закона как предателя. 30 октября он был арестован в Ставрополе и заключен в тюрьму, где 1 ноября убит одним из командиров.

III. *Автономов Алексей Иванович* (1890—1919) — из кубанских казаков. Участник первой мировой войны (хорунжий). Участвовал в борьбе с калединщиной. В январе 1918 г. избран главнокомандующим Юго-Восточной революционной армией (в районе Тихорецкой). В апреле руководил обороной Екатеринодара от Добровольческой армии. С 19 апреля по 28 мая 1918 г. — главнокомандующий вооруженными силами Кубанской Советской республики.

Россия на историческом повороте

А. Ф. Керенский

Глава XXVI. Моя миссия в Лондоне и Париже

Лондон

Утром 20 июня мы прибыли на вокзал Черинг-Кросс. Встречал нас представитель Временного правительства в Лондоне доктор Я. О. Гавронский. Было решено заранее, что свою поездку я предприму инкогнито и о ней будет сообщено в печати лишь после моей встречи с официальными представителями английского правительства. Попрощавшись с английским морским офицером, который сопровождал меня, мы отправились в особняк Гавронского, где мне предстояло находиться во время пребывания в Лондоне. По пути доктор сообщил, что наша встреча с Ллойд Джорджем состоится через день-другой, и я смогу за это время отдохнуть и познакомиться с достопримечательностями города. За этот день-другой, пока я бродил по прилегающим улицам, разглядывая витрины магазинов и знакомясь с кухней английских ресторанов, я убедился, что военные потрясения отнюдь не подорвали мощи Британии и не поколебали ее решимости и веры в победу.

Единственным средством спасения России была политика, исходящая из неизбежности поражения Германии и необходимости помогать союзникам до конца. К такому твердому убеждению пришел я, познакомившись с атмосферой, царившей в Лондоне. У меня не было никаких сомнений, что как бы ни были подорваны единство и патриотический дух народа России, близкая победа союзников послужит сигналом к освобождению России: в этом были твердо убеждены те, кто послал меня с этой миссией.

На третий или четвертый день пребывания в Лондоне меня посетил хорошо одетый, привлекательный молодой человек. Это был личный секретарь премьер-министра Ф. Керр, который передал мне приглашение встретиться на следующее утро с Ллойд Джорджем. Я подтвердил, что буду в назначенное время, и попросил передать премьер-министру, что в качестве переводчика на встрече будет присутствовать д-р Гавронский, поскольку в то время я ни слова не знал по-английски.

Должен признаться, что по мере приближения часа встречи с Ллойд Джорджем меня охватывало все большее беспокойство. Я с удовольствием ждал ее, ибо всегда с интересом следил за карьерой «уэльского волшебника», известного своим неповторимым обаянием и способностью подчинять себе волю других людей; но и волновался, потому что прекрасно знал, какое огромное влияние оказывал он на политику Антанты. Тревога моя была связана и с тем, что я не знал, в какой мере отношение союзных дипломатов к Временному правительству отражало личные взгляды британского премьер-министра.

Вскоре после ухода Ф. Керра меня неожиданно посетил русский поверенный в делах К. Д. Набоков, прослышавший о моем приезде в Лондон. Набоков был проницательным дипломатом с широкими связями в правительственных и общественных кругах, великолепно ориентировавшимся в политической и дипломатической жизни Лондона. Его отчеты Милюкову и Терещенко, с которыми я имел возможность знакомиться, всегда носили деловой характер и содержали немало интересных и своеобразных оценок людей и событий. Его визит пришелся как нельзя более кстати — я был рад побеседовать с ним в канун встречи с Ллойд Джорджем. Узнав о цели моей поездки, он самым подробным образом и во всех деталях изложил взгляды английских официальных деятелей на события в России, однако то, что он рассказал, отнюдь не обнадеживало. Те нотки пессимизма, которые едва проглядывали в его отчетах об отношении Англии к России, теперь зазвучали в полную силу. Более того, он абсолютно не верил в успех моей миссии. Так же относился к ней и Гавронский, который провел в Лондоне немало лет и был хорошо осведомлен о здешних настроениях.

В 9 утра на следующий день мы прибыли на Даунинг-стрит, 10, и постучались в дверь небольшого дома, который ничем не отличался от прилегающих зданий. Эта коротенькая и узенькая улочка была, по сути дела, осью, вокруг которой вращалась Британская империя, а дом № 10 в то время, возможно, столь же часто упоминался в политическом мире, как сегодня Белый дом. То была официальная резиденция британских премьер-министров, где на протяжении двух веков принимались исторические решения, определявшие судьбы не только Англии, но и всего мира.

Когда мы вошли, нас встретил и проводил в кабинет премьер-министра Ф. Керр. Я оказался лицом к лицу с невысоким коренастым человеком благородной наружности; моложавое, свежее лицо под копной белоснежно-седых волос особенно оживлял взгляд маленьких проницательных, сверкающих глаз. Он так сердечно приветствовал нас, словно мы были старыми друзьями, которые давно не виделись. Его поведение сразу же создало приятную, спокойную атмосферу, чуждую всякой формальности. Я не могу дать дословного отчета о нашей часовой беседе, поскольку велась она через переводчика и записей при этом не делалось. Поэтому я лишь изложу суть своих высказываний и совершенно неожиданной реакции на них Ллойд Джорджа.

Кратко коснувшись военных действий в России, событий, связанных с падением монархии и попытками восстановить государственность и боеспособность армии, я заявил, что все это — дело прошлого. В настоящее время положение в России можно суммировать следующим образом: центральную часть России захватили большевики, которые уже заключили с Германией сепаратный мир и используют германскую финансовую и военную помощь для борьбы со своими же согражданами, большинство которых не признает ни Брест-Литовского договора, ни большевистской диктатуры. В Сибири большевикам не удалось захватить власть, и, более того, в Томске сформировано местное демократическое правительство. На Волге члены Учредительного собрания, главным образом эсеры, создали демократический антибольшевистский центр и, опираясь на помощь чешских легионеров[1], открыли военные действия против большевиков. Донские и кубанские казаки уже начали борьбу с большевиками. Все Поволжье от Самары до Урала свободно от большевиков. На юге благодаря усилиям генералов Алексеева и Деникина (Корнилов был убит в апреле) создается Добровольческая армия, которая вступила в соприкосновение с наступающими частями большевиков. Украина по-прежнему находится в руках немцев, но и там время от времени вспыхивают народные восстания.

Я сообщил Ллойд Джорджу, что ко времени моего отъезда из Москвы в стране сложилось два политических центра. Оба они стремятся к созданию нового коалиционного правительства и Добровольческой армии, политически связанной с Национальным центром. Целью правительства, которое находится в стадии формирования, сказал я далее, является продолжение войны на стороне союзников, освобождение России от большевистской тирании и восстановление демократической системы. Представители союзников в России обещали свою поддержку, и в

Окончание. См. Вопросы истории, 1990, №№ 6—12, 1991, №№ 1—10.

настоящее время для союзных правительств крайне важно поддерживать тесные связи с антибольшевистскими и антигерманскими силами России. Кроме того, необходимо решить, каким образом национальные силы России смогут внести наибольший вклад в военные действия союзников. Однако такой вклад реален лишь в том случае, если союзники признают (де факто) новое правительство и будет достигнуто единство действий представителей союзников на территории России.

Я допускал, что Ллойд Джордж не в полной мере информирован о быстроразвивающихся событиях в России и о политике английских и французских представителей в нашей стране. Мои предположения подтвердились, когда британский премьер-министр стал задавать многочисленные вопросы, на которые я дал исчерпывающие и откровенные ответы. Настало время отправиться ему в Палату общин, и он стал прощаться, не высказав личного отношения к тому, что я сказал. Он предложил мне в самое ближайшее время встретиться с военным министром его правительства лордом Мильнером. И неожиданно, будто вспомнив что-то, добавил: «Через несколько дней я отправлюсь в Версаль на совещание Верховного Совета союзников. Почему бы и вам не поехать? Приглашение в Версаль вы получите». В тот день, выступая в Палате общин, Ллойд Джордж наряду с другими вещами упомянул, что имеет сведения из России лично от «авторитетного» лица.

Мы покинули Даунинг-стрит в хорошем расположении духа, с ощущением, что добились успеха. Моя миссия имела великолепное начало — через несколько дней «Большая пятерка» сможет получить из первых рук отчет о положении в России. Стояло прекрасное солнечное утро. И мы решились пройтись пешком, а по дороге я заглянул в русское посольство и попросил Набокова выдать мне, как можно скорее, паспорт, поскольку в Англию я прибыл без каких-либо документов и не имел никакого удостоверения личности на случай поездки куда-либо за пределы Британских островов. Не без иронии Набоков принес мне свои поздравления по случаю неожиданного поворота событий и обещал выдать мне дипломатический паспорт на следующий день. Вернувшись в дом Гавронского, я обнаружил полученное по телефону уведомление, что лорд Мильнер ждет меня к 6 часам вечера.

У меня было такое ощущение, что, организуя нашу встречу со своим военным министром, Ллойд Джордж рассчитывал оказать косвенное воздействие на военную политику России. Катастрофические последствия такой политики уже проявились во времена корниловского дела, но у меня не было ни желания, ни права обсуждать с лордом Мильнером те трагические события. В конце концов меня направили сюда с определенными целями политические организации, которые стремились во имя блага отечества к объединению всех сил.

Лорд Мильнер, истинный представитель викторианской эпохи, встретил меня с ледяной учтивостью. Он внимательно слушал, время от времени задавал вопросы, но не сделал ни одного замечания и никак не выразил своего отношения. Но я-то хорошо знал, о чем он думал.

Годы спустя я встретился с Ллойд Джорджем, который уже не был у власти, и мы вспомнили прежние времена. В конце разговора я спросил его, почему Антанта в период правления Временного правительства так упорно поддерживала все военные заговоры, имевшие целью установление военной диктатуры. Он уклонился от прямого ответа, сказав, что ничего не знал о таких действиях. Однако, продолжал он, если дело обстояло именно так, то это означает, что министерство снабжения и военное министерство, должно быть, проводили в жизнь свою собственную политику. Вскоре после визита к премьер-министру и лорду Мильнеру печать сообщила о моем прибытии в Лондон. Тайное стало явным. И очень не вовремя, добавил бы я, поскольку не надо было привлекать внимание общественности к моей поездке и вызывать праздное любопытство, пока не прояснятся результаты моих переговоров в Лондоне и Париже. Но было уже поздно.

Сразу после моего приезда в Лондон (20 июня 1918 г.) для встречи со мной приехал из Парижа блестящий французский математик и государственный деятель П. Пенлеве. После поражения Нивеля в 1917 г. он стал военным министром в кабинете Рибо, а позднее и премьер-министром — до прихода к власти Клемансо. Я никогда ранее не встречался с Пенлеве, тем не менее после первых же приветствий он поспешил уверить меня, что, едва узнав о моем приезде в Лондон, понял, что должен встретиться со мной, чтобы сказать мне лично об огромном значении русского наступления, предпринятого годом ранее, для окончательной победы западных союзников. Он подчеркнул то обстоятельство, что не все на Западе в полной мере понимают это.

Он рассказал, что генерал Алексеев и большинство французских военных специалистов и государственных деятелей пытались убедить генерала Нивеля отложить генеральное наступление, пока не будет восстановлена боеспособность русской армии (см. гл. XV), и что он как военный министр тоже настаивал, с согласия Рибо, на таком решении. Однако Нивель категорически отказался отсрочить наступление и в случае несогласия с его мнением угрожал отставкой. Подробно описав трагическое положение, сложившееся тогда на французском фронте, Пенлеве спокойным голосом, но в котором звучало волнение, добавил: «Рискованная авантюра Нивеля обернулась для нас и англичан такими огромными потерями, что мы и помыслить не могли о решающем наступлении на нашем фронте. Я до сих пор содрогаюсь при мысли, к каким последствиям могло привести такое наступление». Пенлеве неожиданно вскочил с кресла, стремительно подошел ко мне и горячо обнял. С тех пор мы стали друзьями.

Париж

Через несколько дней после нашей встречи Ллойд Джордж отбыл в Париж, и вслед за ним, как было условлено, отправились и мы с Гавронским. Мы выехали ночным поездом и сделали все возможное, чтобы никто заранее не узнал о нашем приезде в Париж. Однако едва я вошел в помещение, где мне предстояло остановиться, как там появился представитель французского правительства, сообщивший, что в мое распоряжение предоставляется автомашина и что в целях безопасности меня постоянно будет сопровождать полицейская машина. На мой удивленный вопрос, зачем все это нужно, офицер службы безопасности ответил, что это обычный акт вежливости в отношении персон моего ранга. Столь благой жест со стороны полиции облегчил мне знакомство с городом, в котором я никогда прежде не бывал, и позволил встретиться с самыми разными людьми. За время краткого пребывания в столице Франции я смог познакомиться с огромным количеством людей из всех слоев общества, порой интересных, порой скучных.

Прошло три дня, а о приглашении в Версаль не было и речи. Я решил, что Ллойд Джордж либо не смог установить контактов с лицами, заинтересованными в моем появлении на совещании Верховного Совета союзников, либо сама эта идея больше не привлекает его. Что касается меня лично, то я, как и раньше, был преисполнен желания выполнить свою миссию, хотя отдельные, дошедшие до меня факты не могли не вызвать чувства тревоги. Парижане ни в коей мере не напоминали чопорных, безразличных к политике лондонцев, и в Париже было значительно легче уяснить себе подлинное отношение союзников к событиям в России. Да и вся парижская политическая система в значительной мере отличалась от лондонской. Клемансо, «Старый тигр», как его называли, стал главой французского правительства вскоре после большевистского переворота и правил Францией как просвещенный, но жесткий диктатор.

Мы приехали в Париж за десять дней до последнего германского наступления, которое полностью изменило соотношение сил в войне. Избавившись, наконец, в результате большевистского переворота от военного давления со стороны России, немцы сконцентрировали всю свою быстро тающую военную силу на западе; Людендорф и Гинденбург предприняли несколько отчаянных попыток прорвать оборону союзников. Но было слишком поздно. Теперь немцам противостояла новая англо-франко-американская армия под объединенным командованием генерала Фоша, армия, значительно превосходящая германскую как в огневой мощи, так и в обеспеченности продовольствием, авиацией и военной техникой. К тому же немцы фактически сражались в одиночку, так как Австрия и Турция, по сути дела, вышли из игры. Объективно говоря, победа союзников была обеспечена, однако Францию, по некоторым причинам, разъедали сомнения, и она была склонна выждать и посмотреть, как пойдут дела дальше.

Париж в те дни был великолепен; то было время, когда на улицах города более чем когда-либо ощущалась глубокая преданность людей своей родине, ее прошлому, ее великому будущему. Время от времени на город совершали налеты герман-

ские самолеты, по парижским домам и бульварам с расстояния 50—70 км начинала бить пушка — «Большая Берта». В этих условиях поведение Клемансо рождало в правительственных кругах, даже среди его ближайших друзей, настроение настоящей паники. Клемансо в тот период был в политическом мире абсолютно одинок. Лишь немногие из французских депутатов мирились с его «диктатурой», хотя человек с улицы горячо верил, что «Старый тигр» не оставит его в беде.

Без сомнения, французское правительство хорошо понимало цели моего приезда в Париж, и уже в первые дни моего пребывания там меня посетил помощник и доверенное лицо Клемансо Ж. Мандель, который пригласил меня посетить на следующий день военное министерство. Именно там Клемансо обычно принимал посетителей. Мандель дал мне понять, что подготовка к контрнаступлению против немцев идет полным ходом и что, хотя «старик» чрезвычайно занят, он решил не откладывать нашу встречу. По словам Манделя, Клемансо с огромным интересом следит за развитием событий в России, а также за моей деятельностью и хотел бы повидаться со мной. Это была хорошая новость, однако меня не покидали мрачные предчувствия относительно успеха моей миссии в свете тех фактов, о которых я недавно узнал.

Наша первая встреча с Клемансо состоялась утром 10 июля. На ней присутствовали французский министр иностранных дел С. Пишон и В. Фабрикант, которого я пригласил с собой на тот случай, если меня подведет мой французский. Клемансо, пожилой полный человек с глазами-бусинками под густыми бровями, сидел в глубоком кресле за столом возле двери. Когда я вошел, он встал и, вперив в меня пытливый взор, протянул через стол руку со словами: «Рад видеть вас. Садитесь и скажите, чем я могу быть полезен». Мне очень понравилась незатейливость его приветствия, в котором не было дежурных фраз. Было очевидно, что у будущего père de la victoire (отца победы) не было времени для пустых формальностей.

Оставив в стороне второстепенные подробности, я обрисовал ему положение в России и изложил цель своей миссии. Он спокойно слушал, постукивая своими тонкими, артистичными пальцами по стоящему на столе пресс-папье. Однако стоило мне упомянуть об обещаниях французского правительства, изложенных в Москве, — помощь вновь создаваемому русскому правительству и поддержка в борьбе с общим врагом, Германией, — он прервал меня и голосом, в котором одновременно звучали и удивление и возмущение, заявил, что впервые слышит об этом, и, обратившись к Пишону, спросил, знал ли что-нибудь он. Пишон поспешил пробормотать «нет».

Помедлив мгновение, Клемансо, улыбаясь, повернулся ко мне и, желая снять напряжение, сказал, что здесь, судя по всему, произошло какое-то недоразумение. Конечно же французское правительство окажет патриотическим силам России всю возможную помощь, а он, со своей стороны, крайне рад побеседовать со мной и лично от меня узнать все новости. Заканчивая беседу, мы договорились о дате следующей встречи. Я также получил разрешение французского министерства иностранных дел отправить в адрес генерального консула в Москве шифрованное сообщение для передачи нужному человеку.

К сожалению, столь идиллическое положение длилось недолго. Должно быть, уже во вторую нашу встречу с Клемансо, когда мы обсуждали с ним содержание моего последнего сообщения в Москву, он протянул мне каблограмму от государственного секретаря США Р. Лансинга. В ней говорилось: «Считаю поездку Керенского в Соединенные Штаты нежелательной». С трудом сдерживая себя, я спокойным голосом сказал Клемансо: «Господин премьер, в настоящее время у меня нет намерений отправиться туда». И это было правдой, ибо в то время, в 1918 г., хотя у меня и был на руках паспорт с правом посещения Соединенных Штатов, я, конечно же, не планировал поездки в Америку и, насколько я знаю, с просьбой о визе для меня никто не обращался. Каблограмма Лансинга привела меня в полное замешательство, которое, впрочем, длилось недолго. Через несколько дней я узнал разгадку. Мои встречи с Клемансо прекратились, хотя это никоим образом не было связано с каблограммой.

14 июля, в день национального праздника Франции, у Триумфальной арки должен был состояться торжественный парад, на котором обычно присутствовал дипломатический корпус. Для участия в нем были вызваны подразделения союзнических войск. Вечером, в канун парада, были неожиданно аннулированы приглашения, присланные русскому поверенному в делах Севастопуло и военному атташе графу Игнатьеву. Чиновник, явившийся забрать приглашения, объяснил, что они были посланы по недоразумению. Позднее стало известно, что командующий русскими военными подразделениями во Франции генерал Лохвицкий не получил просьбы направить русское подразделение для участия в параде.

Военный атташе немедленно посетил начальника французского штаба с тем, чтобы выяснить, что все это значит. Ему было заявлено, что русские представители и воинский контингент не получили приглашения участвовать в церемонии, поскольку «Россия стала нейтральной страной, заключившей мир с врагом Франции, а друзья наших врагов — наши враги». Граф Игнатьев, находившийся во Франции с самого начала войны и всегда придерживавшийся профранцузских настроений, немедленно возвратился в русское посольство и стал настаивать на том, чтобы Севастопуло посетил министра иностранных дел Пишона и убедил его отменить распоряжение, оскорбительное, как он выразился, для русских. Севастопуло решительно отказался. Тогда Игнатьев отправился ко мне и рассказал о случившемся. Он был убежден, что я как бывший военный министр и Верховный главнокомандующий смогу защитить честь России.

Было это в полночь 14 июля — час начала последнего наступления германских войск, провал которого ознаменовал крах Германии. Готовясь к предстоящей встрече с Клемансо и Пишоном, я набрасывал сообщение для передачи в Москву, но теперь, после прихода Игнатьева, это сообщение теряло всякий смысл. Когда на следующий день я вошел в кабинет Клемансо, я впервые увидел его спокойным и улыбающимся. Он только что получил вести с фронта, что все германские атаки отбиты. Теперь он был уверен в скорой победе. «Ну что ж, посмотрим, что вы пишете», — сказал он весело, протягивая руку.

Я колебался, не в силах скрыть своего огорчения. Заметив это, он нахмурился. «Могу ли я, господин премьер, задать вам один вопрос?» — произнес я. «Да, конечно». «Почему начальник вашего штаба заявил русскому военному атташе, что ни он, ни русские войска потому не приглашены для участия в параде 14 июля, что Россия — нейтральная страна, заключившая мир с врагами Франции? Я надеюсь, что вы не разделяете столь необоснованной точки зрения». Клемансо побагровел и откинулся в кресле. Пишон буквально окаменел и чуть не свалился со стула. В напряженной тишине я услышал резкий голос Клемансо: «Россия — нейтральная страна, которая заключила сепаратный мир с нашими врагами. Друзья наших врагов — наши враги. Это мои слова и мой приказ». Едва сдерживая себя, я поднялся, защелкнул портфель и сказал: «В таком случае, господин премьер, у меня нет оснований оставаться долее в вашем кабинете», — поклонился и вышел.

Слухи о происшедшем инциденте немедленно распространились в правительственных и политических кругах, дав пищу для волнений, пересудов и тревоги. На следующий день меня посетил председатель палаты депутатов Дешанель. В своей изящной и высокопарной речи он долго рассуждал о нерушимых узах между Францией и патриотической Россией, о верности Франции своему союзнику, который принес великие жертвы на алтарь общего дела, и т. д. Слова Клемансо он объяснял результатом сверхчеловеческого напряжения, в котором тот пребывал последнее время. Спустя несколько дней я был приглашен к президенту республики Пуанкаре, который кратко и в более сдержанных выражениях повторил рассуждения Дешанеля. Но все это были пустые слова. Вскоре после этого я возвратился в Англию.

За фразой «нейтральная страна, которая заключила сепаратный мир с нашими врагами», «сорвавшейся с языка» переутомленного государственного деятеля во время обсуждения вопроса об оказании военной помощи России, явно скрывались какие-то потаенные мысли и чувства Клемансо, не имевшие ничего общего с тем, в чем стремились убедить меня Дешанель и Пуанкаре. Было ясно, что, беседуя со мной, и Ллойд Джордж и Клемансо что-то затаили. Но что?

А дело просто-напросто заключалось в том, что союзники стали вынашивать планы интервенции в Россию, преследуя при этом свои собственные цели, не имевшие ничего общего с интересами России, планы, которые никак не были связаны с теми переговорами, которые вели представители союзных держав с российскими партнерами в Москве. После месячного пребывания за границей я получил от российских официальных представителей надежную информацию, что с крайней

поспешностью формируются и снаряжаются два экспедиционных корпуса. Один предполагалось высадить во Владивостоке, чтобы помочь адмиралу Колчаку заменить демократическую власть военной диктатурой. С той же целью второй корпус во главе с английским генералом Пулем планировалось высадить в Архангельске. Узнал я также, что один из тех, кто стоит за этой рискованной сибирской авантюрой, — пресловутый корниловский «ординарец» Завойко, проживавший ныне в Европе под именем «полковника Курбатова» (все необходимые документы на это имя подготовили англичане). Как не без иронии сообщил мне один весьма информированный англичанин, именно «полковника Курбатова» пригласили вместо меня в Версаль.

Дальнейшие переговоры с главами французского и английского правительств стали беспредметны, а для меня лично весьма неприятны. Моя миссия в Лондон и Париж была завершена. Теперь самым важным для меня было скорейшее возвращение в Россию, чтобы доложить обо всем, что я видел, слышал и сделал, находясь на Западе.

Без содействия британского правительства возвратиться в военное время из Англии в Россию было абсолютно невозможно. В начале сентября я направил Ллойд Джорджу письмо с просьбой незамедлительно предпринять шаги, чтобы дать мне возможность вернуться домой. Неделю спустя я получил от Ф. Керра ответ, в котором он от имени премьер-министра в вежливых выражениях информировал меня, что Ллойд Джордж крайне сожалеет, но не может оказать мне содействие, поскольку это противоречило бы английской политике невмешательства во внутренние дела других стран[2]. Смысл письма был ясен. Мне не будет разрешено вернуться в Россию, поскольку я могу помешать осуществлению английских планов.

Письмо от Керра поступило тогда, когда адмирал Колчак высадился во Владивостоке. Месяцем позже в результате переворота, организованного при содействии генерала Пуля русским морским офицером Чаплиным, в Архангельске было свергнуто правительство во главе с Н. В. Чайковским, которое только что (2 августа) было создано местными демократическими организациями[3]. В середине августа я направил пространное письмо Чайковскому, в то время уже просто одному из членов нового «реорганизованного» правительства, в котором наряду с прочим писал: «То, что случилось с вами в Архангельске, может повториться, я утверждаю это со всей категоричностью, в Уфе и Самаре».

Я уже отмечал, что вся Сибирь была свободна от большевиков. После продолжительных переговоров, 23 сентября 1918 г. Уфимское государственное совещание провозгласило образование Директории, которая мыслилась как Временное всероссийское правительство, опиравшееся на союз всех тех партий, которые не признали Брест-Литовского договора, то есть социалистов-трудовиков, кадетов и организованного на юге белого командования. В состав Уфимской директории входили Авксентьев и его заместитель Аргунов — от партии эсеров; член народной социалистической партии Н. В. Чайковский и его заместитель эсер В. М. Зензинов; член Центрального комитета партии кадетов Н. И. Астров и его заместитель В. А. Виноградов (тоже кадет); генерал Алексеев и его заместитель генерал В. Г. Болдырев; а также председатель Сибирского регионального правительства кадет П. В. Вологодский[4].

В период формирования нового правительства в Самаре, а позднее в Уфе с теми из нас, кто находился за границей, поддерживался самый тесный контакт. Однако когда под угрозой большевистско-германского продвижения Директория была вынуждена переместиться в Омск, все контакты были практически утрачены. Осенью британское и французское правительства выступали, по крайней мере внешне, за признание Директории в качестве законного правительства России.

Приблизительно в середине октября я получил телеграмму от Авксентьева, сообщавшего, что они ждут от меня вестей. Видимо, мои письма в Омск, так же, как их письма ко мне, не доходили до адресата. С этой телеграммой я тут же отправился в посольство к Набокову и попросил разрешить направить посольским шифром мой ответ Авксентьеву. Что произошло во время этой встречи, описано самим Набоковым в его книге «Испытания дипломата», откуда я и привожу цитату: «Английское правительство склонялось к официальному признанию Директории. Дабы облегчить сношения с этою первою серьезною организацией для борьбы с большевиками приблизительно в середине октября 1918 г. мне вновь было предоставлено право посылать шифрованнные телеграммы в Омск и своим коллегам за границею. Керенский, имевший некоторые связи в Министерстве иностранных дел, узнал об этом и немедленно обратился ко мне с требованием предоставить ему шифры для передачи его осведомительных телеграмм. В подкрепление своего требования он предъявил мне полученную от председателя Директории Авксентьева телеграмму, гласившую, что его осведомление «ожидается». Так как в письме ко мне Министерства иностранных дел, извещавшем о разрешении посылать шифрованные телеграммы, было определенно указано, что разрешение это дается «как знак особого личного доверия ко мне» и что я буду пользоваться этим шифром только для передачи моих политических и деловых телеграмм, и ввиду того, что передача политического осведомления от безответственных лиц правительству путем посольского шифра противна элементарной дипломатической этике и притом практически вредна, порождая разногласия, — я отказал Керенскому в шифре.

Беседа наша была весьма тягостною. Керенский, не вполне в то время понимая, что политическая роль его в России безвозвратно окончена, принял крайне резкий тон, ссылался на свою «силу», упрекал меня в «пособничестве козням англичан» и тому подобное. Он выказал при этом мало самообладания и много злобы. Обо всем этом я тотчас же протелеграфировал Авксентьеву и вскоре получил ответ из Омска, что «Керенский находится в Лондоне в качестве частного лица», что никаких полномочий от Союза Возрождения ему не дано и что мой отказ ему в шифре признается правильным. Копия этой телеграммы была мною передана Керенскому — около 25-го октября, и — с тех пор я с ним не встречался»[5].

Набоков, с его точки зрения вполне обоснованно, лишь упоминает о второй нашей встрече, которая была весьма продолжительной и памятной. Указав на телеграмму, я спросил: «Скажите, что может означать эта фраза: «Отказ предоставить ему шифр обоснован»? Разве я просил вас дать мне шифр? Я лишь попросил вас отправить мое сообщение при помощи посольского шифра, а когда вы отказались это сделать, я сказал: «Уж если французский министр иностранных дел Пишон предложил мне отправить в Москву мои сообщения с помощью своего кода, то как же вы, глава русского посольства, можете отказаться сделать то же самое? Вы ведь знаете, что я всего-навсего попросил вас отправить кодом мое сообщение главе Директории, и вы видели его телеграмму, посланную мне. Это, безусловно, доказывает, что я выполняю здесь миссию, возложенную на меня перед отъездом из России, а не изображаю из себя шарлатана».

Набоков молчал. «И где подпись Авксентьева под телеграммой, которую вы мне показали?» — я протянул Набокову эту телеграмму, но он и тут промолчал. «Вы не отвечаете потому, что не хуже меня знаете: она отправлена без ведома главы правительства, с которым вы сейчас сотрудничаете. Вы не отвечаете потому, что не хуже меня знаете; такой прямой и честный человек, как Авксентьев, не послал бы такой телеграммы, и он не получил вашего первоначального текста. Как и я, вы понимаете, что этот недостоверный и неподписанный ответ означает одно: положение Авксентьева в возглавляемом им правительстве весьма шаткое и адмирал Колчак уже в Омске. Но вместо того, чтобы проявить обычную для наших отношений искренность, вы сделали вид, будто ответ поступил непосредственно от Авксентьева. Для нас обоих очевидны причины вашего поступка...» С этими словами я повернулся и вышел из комнаты.

Сразу же после этой последней встречи с Набоковым я отправил Авксентьеву письмо, в котором подробно описал подготовку к перевороту, которой занимался генерал Нокс. В конце я написал: «Я настаиваю на том, чтобы вы предприняли меры по разоблачению всех заговорщиков, ибо повторение корниловского дела забьет последний гвоздь в гроб России»[6].

Случилось так, что через день или два после этой мучительной встречи с Набоковым ко мне, как обычно, когда ему случалось быть в Лондоне, зашел А. Тома. Прервав наш разговор о текущих событиях, я неожиданно задал ему вопрос, ответа на который не мог найти, вопрос, который казался мне все более и более неразрешимым, особенно после моей ссоры с Набоковым. «Скажите, — спросил я, — какова цель интервенции союзников в России? Что за ней кроется?» Тома несколько минут молча смотрел на меня, затем, явно нервничая, принялся шагать туда-обратно по комнате. Остановившись в конце концов передо мной, он после

напряженной паузы произнес: «Alors, écutez! (тогда слушайте!). Вы вправе знать, но только вы один». Я заверил его, что все сказанное им останется между нами. Он снова уселся в кресло и стал говорить — четко, безо всякого выражения, отчего каждое слово звучало особенно убийственно... И только когда он кончил, я понял разгадку.

В конце 1917 г., через два месяца после большевистского переворота в Петрограде, представители французского и английского правительств (лорд Мильнер и лорд Р. Сесил, с английской стороны, Клемансо, Фош и Пишон — с французской) заключили тайную конвенцию о разделе сфер действий в западных районах «бывшей Российской империи» с нерусским в основном населением. Согласно этой конвенции, сразу же после победы в войне балтийские провинции и прилегающие к ним острова, а также Кавказ и Закаспийская область, войдут в английскую зону, а Франция получает такие же права на Украину и Крым[7].

Такова была суть потрясшего меня рассказа Тома о намерениях союзников в отношении России. Слушая его, я внезапно вспомнил слова Клемансо. И тут я впервые в полной мере осознал, что еще до Брест-Литовского договора, в период заключения перемирия между Германией и большевиками, союзники сочли себя абсолютно свободными от всяких обязательств перед Россией.

В 1914 г., когда началась война, Россия, Великобритания и Франция заключили официальное соглашение, что никто из них не подпишет сепаратного мира с Германией. Нарушив это соглашение, Россия предала своих союзников. Тем самым она поставила себя вне союза, который выиграл войну без ее помощи. Поскольку Россия пошла на сепаратный мир с общим врагом союзников, который капитулировал уже после выхода России из союза, все русские территории, отошедшие к Германии по Брест-Литовскому договору, должны по праву победителей считаться собственностью ее бывших союзников. Сама Россия утрачивала право участвовать в мирной конференции, поскольку ее нельзя было отнести ни к разряду держав-победительниц, ни к «освобожденным» нациям.

Таким образом, предательство России, осуществленное Лениным и его приспешниками, позволило союзникам рассматривать Россию, по сути дела, как побежденную страну и использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу, учитывая изменение баланса сил после капитуляции Германии. Согласно этим планам, границы России отодвигались к границам допетровской Московии, а между нею и Западной Европой должна была протянуться цепочка малых и средних государств, находящихся под влиянием держав-победительниц. Точно такие же цели преследовала союзническая интервенция на территории «бывшей Российской империи». Что касается западных провинций, упомянутых в Брест-Литовском договоре, то союзные державы были готовы рассматривать и поддерживать их как новые независимые государства, а в самой России они намеревались создать стабильное правительство, которое бы согласилось признать продиктованные ему границы.

После брест-литовской капитуляции и заключения предательского сепаратного мира союзники России опубликовали официальное заявление о том, что они никогда не признают этого договора. Это заявление с ликованием было встречено всеми русскими, которые также отвергали соглашение. Ни у кого не было сомнений в намерениях союзников: все полагали, что после окончания войны все статьи договора вместе с его последствиями как для России, так и для Запада будут аннулированы. Именно эта вера в неизбежный крах Брест-Литовского договора, которой руководствовались союзные державы и силы в России, его не признававшие, определяла деятельность Директории, созданной в Уфе ради содействия окончанию войны и совместной с союзными державами работе на мирной конференции по установлению нового мирового порядка.

Единственной целью моей поездки в Лондон и Париж и моих переговоров с английскими и французскими лидерами являлось стремление обеспечить истинной России ее законное место на мирной конференции, или, говоря иначе, ускорить признание союзными державами нового национального правительства, без которого Россия не могла получить право участвовать в этой конференции. Однако западные державы вновь и вновь откладывали признание Директории, пока ситуация стала абсолютно нетерпимой, особенно в свете моей беседы с Тома, в связи с явным приближением краха Центральных держав. Прибытие в Омск адмирала

Колчака и генерала Нокса переполнило чашу моего терпения. Молчать долее я не мог...

Вскоре после возвращения Тома в Париж я отправил ему статью, озаглавленную «Союзники и Россия», которую опубликовала весьма популярная вечерняя газета «L'Information». В ней, в частности, говорилось: «Война окончена. Представители победившей стороны уже собрались, чтобы выработать условия мира и продиктовать их Германии. На переговоры были совершенно справедливо приглашены и представители будущих правительств будущих государств. Однако где же Россия? Почему не слышен голос России? Почему никто не представляет ее интересов на конференции союзных держав? Почему даже имени ее не упоминается наряду с другими союзниками? Российский флаг, окрапленный кровью тех, кто сражался за нашу общую свободу, не развевается рядом с флагами других союзных стран. Почему? Потому ли, что Россия — нейтральная страна, заключившая мир с нашими врагами, как сказал мне Клемансо 15 июля 1918 года...[8] Должна ли такая точка зрения определять отношение союзников к России? Россия заключила мир с врагом и теперь (по мнению союзников) должна испытать на себе последствия такого акта, включая право победившей стороны распоряжаться по своему усмотрению ее территорией без учета ее мнения.

Трагическое непонимание, возникшее между Россией и ее союзниками, набирает силу. Оно чрезвычайно тревожит всех русских людей. Оно может оказать самое серьезное воздействие на будущее Европы, на эффективность «мира во всем мире». Многие полагают, что Россия более не существует, что нет России, которую можно считать великой державой. Нет, Россия была, есть и, что самое важное, будет существовать и впредь. Быть может, сегодня русским не хватает силы, но они хорошо знают, на что истрачены их силы. Они понимают, что они отданы борьбе за правду и справедливость. Русские понимают, что без вчерашних жертв не было бы сегодняшней победы. Совесть и здравый смысл подсказывают русскому народу, что в этой войне он выполнил свой долг.

С величайшей тревогой мы, русские, смотрим на свое ближайшее будущее. Такой тревоги мы не испытывали даже в разгар большевистского предательства, когда немцы пытались убедить нас, что с Россией покончено и вернулись времена древней Московии, принадлежавшей к Азии. Мы верили, что вступление Соединенных Штатов в войну обеспечит нашу победу. И мы думали, что час победы станет часом возрождения России. Еще не все упущено. Россия с нетерпением ожидает справедливости, ее народ считает, что он, как и другие народы, имеет право решать свою судьбу на мирной конференции. И даже опьянев от победы, вы не должны забывать о правах других народов».

В заключение статьи я призывал к признанию Директории в качестве законного правительства России и к приглашению на мирную конференцию русских представителей. Однако мой призыв к признанию Директории уже не имел смысла. Через четыре дня после опубликования первой части моей статьи, в ночь на 18 ноября были арестованы и высланы члены Директории, принадлежавшие к партии эсеров (Авксентьев, Аргунов, Зензинов и Роговский), и в тот же день адмирал Колчак был провозглашен Верховным правителем России. Переворот в Омске был совершен спустя неделю после окончательной капитуляции Центральных держав, которые 11 ноября подписали соглашение о прекращении военных действий. Эту неделю английское правительство могло бы использовать для того, чтобы удержать генерала Нокса от осуществления запланированного переворота и в конечном счете признать Директорию. Однако оно не сделало этого. Мое убеждение, что английское правительство могло предотвратить свержение Директории, позднее подкреплено официальным свидетельством военного министра в кабинете Ллойд Джорджа У. Черчилля. Выступая 6 июня 1919 г. в Палате общин он заявил: «Колчака создали мы» (см. приложение в конце главы).

Однако и после замены Директории военной диктатурой одного лица никому и в голову не пришло признать ее в качестве законного правительства России. Цель была достигнута: места для России не нашлось ни в Совете десяти, ни на самой мирной конференции. И для этого приводилась подходящая мотивировка — в России не было правительства, получившего признание стран-победительниц. Моя миссия завершилась полным провалом.

Осуществление секретного англо-французского соглашения, достигнутого

22 декабря 1917 г., видимо, натолкнулось на серьезное препятствие в виде мирной программы президента Вильсона, которую он изложил в своем послании конгрессу 8 января 1918 года. Главную преграду представлял шестой пункт этой программы, который предусматривал освобождение Германией всех оккупированных ею территорий и предоставление ей права «принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики».

Но этот пункт не помешал Англии и Франции осуществить их соглашение в части раздела бывшей Российской империи на сферы влияния. В декабре 1918 г. в Одессе высадились французские войска, чтобы поддержать сепаратистскую украинскую Центральную Раду во главе с Петлюрой. Английские войска были введены по обе стороны Кавказских гор для оказания помощи местным независимым правительствам, возникшим в период германской оккупации[9].

Тем временем в январе предполагалось открыть мирную конференцию, и было крайне важно, чтобы русский вопрос был разрешен в присутствии президента Вильсона. Измученные, исстрадавшиеся за долгие годы войны народы Европы с нетерпением ожидали прибытия американского президента, возлагая на него огромные надежды. В их представлении он был всемогущим лидером, который, сформулировав свою программу из 14 пунктов, сокрушил ратный дух германского народа и тем самым положил конец войне.

Его программа основывалась на демократических принципах и отражала неприятие империалистических целей войны, полутора годами ранее уже продемонстрированное и Временным правительством. «14 пунктов» призывали к открытому диалогу между победителями и побежденными и принятию условий мира. Они гарантировали установление нового международного порядка, основанного на принципе «право — это сила», а не «сила — это право». Они также требовали, чтобы все международные разногласия решались не средствами войны, а «на основе решений сообщества наций, которое следует создать в целях взаимной политической независимости и территориальной неприкосновенности при соблюдении равенства больших и малых стран».

Как известно, 4 октября 1918 г. новый либеральный канцлер Германии принц Макс Баденский направил Верховному Совету союзников в Версале послание, в котором от имени Германии и Австро-Венгрии предлагал заключить перемирие и начать мирные переговоры на основе «14 пунктов» Вильсона. В ответ Ллойд Джордж потребовал вывода австро-германских войск со всех захваченных территорий, подчеркнув, что западные союзники заключат мир лишь с демократическим правительством. 5 ноября, после того как Центральные державы согласились с этими условиями, Верховный Совет торжественно сообщил, что союзники готовы начать мирные переговоры с Германией на основе «14 пунктов».

13 декабря в Европу, наконец, прибыл Вильсон. В Лондоне и Париже толпы радостных людей, представляющих все слои общества, приветствовали его как героя-победителя. Все были уверены, что отныне воцарится мир и что ужасная, опустошительная война была «войной за ликвидацию войн». Охваченные энтузиазмом люди верили, что навсегда будут уничтожены последние следы традиционного абсолютизма. Ведь в конечном счете, именно это обещание давали миллионам молодых людей, отправляя их в окопы.

В день прибытия американского президента в Лондон я находился среди сотен тысяч встречавших его ликующих людей. То вовсе не была обычная толпа зевак, вышедшая на улицу поглазеть на коронованных особ и путешествующих знаменитостей. Это были люди, потрясенные всем тем, что им пришлось пережить за четыре года войны, уверенные, что «такие войны» не должны повториться, и считавшие, что приехал тот единственный человек, который способен претворить их мечты в жизнь. Такой всплеск энтузиазма не мог не тронуть, хотя я уже тогда понимал, что все сокровенные надежды этих людей на преобразование мира будут безжалостно растоптаны. Ибо планы и намерения правящих кругов в Европе были слишком далеки от идеалистических целей программы «14 пунктов».

Приход в власти Колчака[10]

Появление Колчака в Омске в середине октября, когда в полном объеме развернулась деятельность Временного Всероссийского правительства (Директории), явилось полной неожиданностью. С конца июля 1917 г. до момента своего прибытия в Омск он постоянно жил за границей. Колчака как выдающегося флотоводца прекрасно знали и в России, и за рубежом. Незадолго до падения монархии он был назначен командующим Черноморским флотом. Как и большинство высших флотских офицеров, он вначале поддержал переворот. У него всегда были очень хорошие отношения с личным составом флота, и после переворота он охотно сотрудничал с Центральным комитетом Черноморского флота и гарнизоном Севастополя. Однако по характеру своему Колчак был нетерпелив, капризен и легко поддавался чужому влиянию.

Его первый устный доклад Временному правительству по прибытии 20 апреля в Петроград был весьма оптимистичен. Однако вскоре, в начале мая, у него возник первый конфликт с командованием военно-морских сил, и для восстановления мира, как было сформулировано, между адмиралом и Центральным комитетом я вынужден был отправиться в Севастополь. В июне произошло новое расхождение во взглядах, на этот раз более серьезное. В состоянии крайнего раздражения адмирал отказался от своего поста и в сопровождении своего начальника штаба Смирнова выехал из Севастополя. В поезде по дороге в Петроград он оказался вместе с американским адмиралом Гленоном, который позже предложил ему отправиться в США в качестве инструктора по минному делу и современным методам борьбы с подводными лодками. Адмирал Колчак принял это предложение.

Хотя ранее Колчак никогда политикой не занимался, его вскоре включили в подпольный Республиканский центр (см. главу XXI), и на той стадии он даже считался возможным кандидатом на высший пост в планировавшейся диктатуре. Между тем Временное правительство получило от правительства США официальную просьбу командировать Колчака в Америку для работы в штабе главнокомандующего военно-морскими силами США. Согласие было дано, и в конце июня он отправился в Вашингтон, сделав по дороге остановку в Лондоне. Однако надеждам адмирала не суждено было сбыться. Когда он прибыл в Вашингтон, выяснилось, что работы для него нет.

В начале 1918 г., на этот раз без разрешения Временного правительства, он поступил на службу в военно-морские силы Англии и был направлен в Сингапур, где оказался в распоряжении главнокомандующего Тихоокеанским флотом. В марте он получил от британского руководства в Лондоне телеграмму с предписанием немедленно отправиться в Пекин и встретиться там с русским посланником князем Кудашевым.

В конце марта или в начале апреля он встретился в Пекине с казачьим атаманом Г. М. Семеновым, а затем отправился в Харбин, откуда выехал в Читу в расположение его войск. Однако, выяснив, что Семенов тесно сотрудничает с японским Генеральным штабом, Колчак немедленно разорвал с ним отношения. Он возвратился в Харбин, а оттуда 8 июля выехал в Токио. Действуя в соответствии с соглашением, заключенным с англичанами и французами в декабре 1917 г., японцы захватили Владивосток, а затем взяли под свой контроль большую часть российского Дальнего Востока.

Как только японские войска были выведены с этих территорий, адмирал отправился во Владивосток вместе с английским генералом Ноксом, который ранее попал в поле зрения общественности в связи с корниловским делом. Согласно заявлению самого Колчака, он передал Ноксу свою записку о создании режима сильной власти. Следующий шаг в этой игре был связан с приездом во Владивосток чешского генерала Гайды, с которым и состоялось дальнейшее обсуждение вопроса о создании диктатуры в Сибири. В Омск Колчак и Нокс приехали в середине октября, вскоре после прибытия туда Директории. Через несколько недель адмирал встретился с представителями генерала Деникина, которые специально для этого приехали в Омск. Позднее Колчак через посредство генерала Лебедева, приехавшего из Екатеринодара, вступил с Деникиным в переписку.

По настоянию Сибирского правительства и с согласия члена Директории генерала Болдырева Колчак был назначен военным министром. 7 ноября он выехал на фронт и возвратился в Омск 16 ноября. В ночь с 18 на 19 ноября был совершен переворот, в результате которого несколько членов Директории были арестованы, остальные были вынуждены уйти в отставку, и в тот же день адмирал Колчак был провозглашен Верховным правителем России. Те, кто возглавлял переворот, — казачьи полковники Волков, Красильников и Катанаев — немедленно доложили о совершенном перевороте адмиралу, конечно же, бывшему в курсе дела, и были немедленно арестованы и отданы под суд, который 21 ноября оправдал их. Арестованные члены Директории — ее председатель Авксентьев, его заместитель Аргунов, заместитель Чайковского Зензинов и шеф полиции Роговский, все четверо из правого крыла партии эсеров, — были депортированы через территорию Китая.

Глава XXVII. *Версальская трагедия.*

Остракизм России

После поездки летом 1919 г. в Париж для переговоров с Клемансо, я до весны 1920 г. жил в Англии, то в Лондоне, то в провинции. В самый разгар мирной конференции я снова, по просьбе членов свергнутой Директории, отправился в Париж. Депортированные в результате колчаковского переворота, они из Омска через Китай и Соединенные Штаты добрались в конце концов до Парижа.

В то время самым влиятельным государственным деятелем в Европе считался Ллойд Джордж, а центром политической жизни — Лондон. Мое положение в Англии было несколько двусмысленным. Официально я являлся частным лицом и не имел каких-либо формальных отношений с британскими властями, на деле же я в глазах большинства населения оставался представителем свободной и демократической России. Я был в дружеских отношениях с некоторыми в высшей степени осведомленными государственными и политическими деятелями союзных стран. Никак не сказались на отношении ко мне либерально настроенных европейцев и многих моих соотечественников ни негативное отношение полуофициальной прессы в Англии и Франции к Февральской революции, Временному правительству и в особенности ко мне самому, ни нападки на меня эмигрантских сторонников белых диктатур.

Именно от своих соотечественников я узнал немало интересного. Судя по всему, в начале декабря 1919 г. из Москвы в Лондон для политического зондирования неофициально прибыли большевистские эмиссары. Видимо, в Кремле стало известно о разногласиях внутри английского кабинета по вопросу о политическом курсе в отношении России, а также о том, что ни Ллойд Джордж, ни его помощники не проявляли, мягко выражаясь, симпатии к стремлению Нортклиффа установить в России военную диктатуру. Эти русские эмиссары получили указание попытаться войти в контакт с Ллойд Джорджем, в случае неудачи — с его помощниками. В любом варианте они должны были убедить своих собеседников, что хорошие отношения с «единственно законным правительством в России» вполне возможны, что Россия абсолютно не заинтересована в мировой революции, а более всего надеется на немедленное восстановление прежних союзнических отношений, особенно с Англией. Им также надлежало обратиться с просьбой об оказании английской помощи в целях восстановления разоренной войной экономики России. Несколько позднее оба этих эмиссара, «только что из Москвы», встретились со мной и подтвердили слухи, ходившие вокруг них.

За стремлением Ллойд Джорджа определить отношения с экономически и политически развалённой Россией до начала мирной конференции с Германией скрывались определенные расчеты. Нет сомнений, однако, и в том, что он не остался глух к заигрываниям со стороны большевиков, которые действительно нуждались в поддержке других стран. Это в полной мере проявилось в первые дни предварительных заседаний Совета десяти, когда обсуждалась проблема России. Позднее из беседы с Б. Барухом, который нередко выполнял личные поручения президента Соединенных Штатов, я узнал, что такие же маневры большевистский режим предпринимал в отношении Белого дома. Оба эти факта имеют определенное историческое значение и непосредственно связаны с тайной поездкой У. Буллита в Россию в начале весны 1919 года.

Как я уже упоминал, судьба России раз и навсегда была определена Верховным Советом («Большой пятеркой»)[11] еще до начала мирной конференции, и когда наконец прибыла объединенная делегация деникинского и колчаковского правительств, ее не допустили в зал заседаний. Не были приняты делегаты ни самим Советом, ни отдельными его членами. Россия оказалась в парадоксальном, не имевшем прецедента в истории, положении. Она не была упомянута в перечне участников конференции на том простом основании, что не относилась к победителям, поскольку война завершилась уже после того, как Россия стала «нейтральной страной, заключившей мир с врагом». А поскольку бывшие союзники России не одержали над ней победы в войне, то упоминания ее не было и в перечне побежденных. А ведь на деле, если бы не Россия, союзникам бы вообще никогда не одержать победы. Союзные нации, правившие тогда всем миром, намеревались таким путем исключить Россию из состава великих держав, отбросить ее к допетровским границам и изолировать от Европы цепочкой небольших независимых стран.

Конечно же, воспрепятствовать участию России в мирной конференции не составляло особого труда, но абсолютно невозможно было игнорировать ее, предпринимая попытки изменить баланс сил в Европе и Азии. Законное кресло России оказалось пустым, но сама она незримо присутствовала в зале заседений.

На следующий день после принятия решения о недопущении к работе конференции русской делегации «Большая пятерка» продолжила обсуждение «русского вопроса». «Россия — огромная страна, занимающая часть Восточной Европы и значительные пространства в Азии, — заявил Ллойд Джордж, — и теперь, когда мы определили ее судьбу, мы должны найти правительство, которое согласится с нашим решением».

Потребовалось несколько дней жарких дебатов, прежде чем было решено, к какому правительству обратиться. Некоторые ораторы, включая самого Ллойд Джорджа, склонялись к необходимости идти на соглашение с Москвой, другие, как, например, Клемансо, и слышать об этом не желали, настаивая на переговорах с Колчаком и Деникиным. В конце концов 22 января, когда страсти поутихли, был достигнут компромисс: все правительства де-факто на территориях, ранее входивших в состав Российской империи, будут приглашены для встречи на Принцевых островах для выработки необходимого соглашения. Нет смысла говорить, что идея созыва примирительной встречи в разгар жесточайшей гражданской войны была психологически неприемлема и политически нереальна.

Именно эту точку зрения я и высказал на встрече в лондонском Реформ-клубе, отвечая на вопрос, почему антибольшевистская Россия (не только «белые» генералы, а все демократически мыслящие люди в стране) отказалась принять «абсолютно беспристрастное» решение «Большой пятерки», а Москва с готовностью пошла на это, продемонстрировав тем самым свое желание как можно скорее восстановить мир в Роосcии. Вскоре, однако, стало известно, что Москва пошла на это при непременном условии, что все англо-французские и другие союзные войска будут выведены до открытия примирительной конференции с территорий, которые они оккупировали. Такое условие было абсолютно неприемлемо для «Большой пятерки», а потому планы созыва такой конференции были аннулированы.

На следующий день после этого государственный секретарь США Лансинг направил в Москву У. Буллита[12] для ведения тайных переговоров с Лениным. Цель его миссии состояла в том, чтобы определить, возможно ли достижение соглашения между Ллойд Джорджем и президентом Вильсоном, с одной стороны, и советским правительством, с другой, которое приведет к modus vivendi. Буллит возвратился в середине марта с хорошими новостями для тех, кто ратовал за прямые переговоры с Советами (так мне рассказывали посвященные в обстоятельства дела люди, и, вероятно, это соответствовало истине).

Однако поездка Буллита вызвала бурю в Верховном Совете и в конечном счете обернулась ничем. Причина заключалась в том, что за месяц, пока Буллит сновал между Парижем, Москвой и Вашингтоном, события развивались с невероятной быстротой, и ни о какой возможности переговоров с Советами уже не могло быть и речи.

Именно в этот период заигрывания Запада с Советами неожиданно заявил о

себе Коммунистический Интернационал (Коминтерн), который 2 марта 1919 г. выступил с отчаянным обращением ко всем рабочим и демобилизованным солдатам Европы дать отпор «империалистическим поджигателям войны» в лице их правительств. А факт вторжения Красной Армии в пределы Украины на фоне провала интервенции Франции в поддержку украинского сепаратистского движения во главе с Петлюрой не оставил сомнений в том, что большевики вовсе не намерены считать свою революцию событием «местного значения» и придерживаться статей Брест-Литовского мира. К концу мая 1919 г. вся Украина оказалась в руках большевиков.

Провал французской интервенции объяснялся не тактическими ошибками французского Верховного командования, а существенными изменениями в образе мышления англичан и французов. Общественное мнение Франции было поглощено только внутренними проблемами; миллионы уставших от войны демобилизованных солдат с головой отдались жизни «на гражданке», не проявляя ни малейшего желания снова воевать где-то за границей во имя далеких и чуждых им идеалов. Еще сильнее были такие настроения в Англии. Все труднее стало находить добровольцев для британских экспедиционных войск, разбросанных в то время по всему свету — от Черного моря до Центральной Азии. Была даже предпринята попытка, правда, неудачная, заменить английские войска в Грузии итальянскими.

Я узнал об этом от Ф. Нитти, занимавшего пост премьер-министра Италии с 19 июня 1919 г. по 9 июня 1920 года. После прихода к власти Муссолини он покинул Италию и поселился в Париже, где я с ним и познакомился. Остроумный и проницательный, он был вместе с тем весьма циничным политиком и дипломатом классической итальянской школы. Как-то во время беседы речь зашла о Муссолини. К моему удивлению, в его замечаниях не было и следа недоброжелательности, хотя о дуче он говорил с известной долей иронии и даже позволял себе немало шуток в его адрес. Я поинтересовался, почему он, сохранивший веру в Муссолини, все же покинул Италию. Он ответил, что был для дуче persona non grata, и поведал такую историю. Весной 1919 г. Ллойд Джордж предложил Орландо и Соннино, представителям Италии на мирной конференции, заменить британские войска, оккупировавшие Грузию, итальянскими, а также ввести их в Крым. Предложение было принято. Итальянцы принялись лихорадочно готовить экспедиционные войска в составе двух дивизий. Однако тем временем в отношениях между президентом Вильсоном и итальянскими представителями произошло резкое ухудшение, приведшее после бурной сцены в «Совете пяти» к полному разрыву. Орландо и Соннино в ярости уехали в Рим, и весь итальянский кабинет вышел в отставку. Их место заняли Нитти и его министр иностранных дел Титтони, которые немедленно отменили все приготовления к безответственной авантюре. «Муссолини и его друзья никогда не могли простить мне отказа выполнить этот план», — сказал в заключение Нитти.

Отправка войск на бывшие русские территории привела лишь к усилению эффективности коммунистической пропаганды среди демобилизованных солдат и рабочих Запада. Что можно было сделать? Очевидно, покончить с воинствущим коммунизмом можно было, лишь нанеся поражение его колыбели — Москве. Для этого следовало иметь в России антикоммунистическое правительство, которое действовало бы рука об руку с союзниками и получило бы их признание.

Давление на союзников возросло после того, как в начале мая германской делегации в Париже был вручен первый проект мирного договора с Германией. Вполне понятно, что державы «Большой пятерки» хотели разрешить русский вопрос до подписания этого документа, и притом в соответствии со своими международными планами. В конце концов после очевидного успеха наступления колчаковской армии на Москву весной 1919 г. «Большая пятерка» признала правительство Колчака.

23 мая «Большая пятерка» единогласно утвердила текст ноты Колчаку (см. приложение 1 к этой главе) с изложением условий признания его правительства, которая тремя днями позднее была доставлена в Омск. Ответ адмирала Колчака прибыл в Париж 4 июня. Оба документа имеют чрезвычайно важное историческое значение, хотя в то время лишь немногие знали об их существовании, а потом они оказались и вовсе забытыми.

Условия, содержавшиеся в ноте «Большой пятерки», определяли внутреннюю политику правительства Колчака и характер отношений, которые оно должно

установить со вновь возникшими государствами на территории бывшей Российской империи. Нота требовала от Колчака немедленно по занятии Москвы провести на основе всеобщего и тайного голосования выборы в Учредительное собрание. Если это не удастся, следует возродить это собрание в том составе, который был избран в 1917 году. Далее, во всех районах, занятых к тому времени войсками Колчака, надлежит восстановить демократические формы правления.

Колчак согласился со всеми пунктами касательно внутренней политики за исключением того, который предписал выборы в Учредительное собрание, подчеркнув, что он уже ранее принял решение провести выборы тотчас же после уничтожения большевистской диктатуры, а также о том, что отныне и навсегда Россия будет только демократией. Короче говоря, его взгляды на проблемы внутренней политики, судя по всему, находились в полном согласии с точкой зрения «Большой пятерки» и в столь же полном несогласии с убеждениями его подданных.

В ноте далее высказывалось требование о предоставлении независимости Финляндии и Польше, о скорейшем урегулировании отношений России с Эстонией, Латвией и Литвой, а также с кавказскими и закаспийскими территориями, и отмечалось, что все разногласия по этим вопросам должны подлежать арбитражу Лиги наций. Неприятной неожиданностью явилось для меня согласие Вильсона с требованием, чтобы Колчак отказался от западных территорий бывшей Российской империи, поскольку это требование находилось в вопиющем противоречии с истинным смыслом шестого пункта мирной программы президента. На мой взгляд, он совершил грубую ошибку, поддавшись давлению других членов «Большой пятерки», каждый из которых в отличие от президента был замешан в секретных соглашениях.

Это условие появилось на свет в тот момент, когда из-за отказа большевиков пойти на расчленение России были прекращены Брест-Литовские переговоры. В тот период шестой пункт звучал определенно и однозначно. Он рассматривал Россию как единое целое, такой, какой она была на момент захвата власти большевиками, за исключением Польши, независимость которой в полном соответствии с волей общественности России была провозглашена Временным правительством. Независимость Польши была также признана странами Антанты и Соединенными Штатами, и поэтому президент Вильсон рассматривал вопрос о Польше отдельно, в пункте XIII.

Лишь много лет спустя, ознакомившись с комментариями к шестому пункту, составленными по просьбе президента в сентябре 1918 г., я в полной мере осознал, что пункт XIII по существу подразумевал признание независимыми всех территорий, отторгнутых от России в результате Брест-Литовского соглашения. Таким образом, своим комментарием президент Вильсон заложил под англо-французское соглашение полностью демократическое основание — право народов на самоопределение — и тем самым, быть может, не желая того, оправдывал территориальные притязания германских экстремистов в Брест-Литовске. По сути дела, немцы скрупулезно осуществляли именно ту программу, которая в дальнейшем навязывалась Колчаку в обмен на его признание.

В своем ответе на ноту «Большой пятерки» Колчак признал независимость Польши, которую ранее уже провозгласило Временное правительство. Для решения всех других вопросов он соглашался на арбитраж Лиги наций, однако подчеркивал: «Российское правительство полагает, однако, что окончательное одобрение любых решений, сделанных от имени России, будет вынесено Учредительным собранием. Ни сегодня, ни в будущем Россия не может быть не чем иным, кроме демократического государства, в котором все вопросы, касающиеся территориальных границ и внешних отношений, должны подлежать утверждению представительного учреждения, как естественное выражение суверенитета народа».

Следует признать, что в ответе Колчака не содержалось положений, неприемлемых для западных держав; не было в нем ни малейшего намека и на «русский империализм» или на желание восстановить прежнюю централизованную власть. Единственная оговорка, которую сделал Колчак, сводилась к тому, что окончательное решение всех территориальных проблем, касающихся России, должно быть утверждено свободным волеизъявлением народа, и, с демократической точки зрения, эта оговорка была полностью обоснованной.

Тем не менее, предстоящие при участии Лиги наций переговоры между прави-

тельством России и новыми государствами мало в тот период интересовали «Большую пятерку». Единственное, чего они добивались, — это признание Колчаком новых государств и его согласие не вмешиваться в прямые отношения между державами «Большой пятерки» и возникшими де-факто правительствами этих стран. Таких обязательств взято не было. На письмо Колчака последовал краткий ответ. В нем говорилось, что «Совет пяти» приветствует тональность его послания, в котором, по мнению Совета, «выражено глубокое стремление к свободе, самостоятельности и миру для русского народа». При помощи этой изящной дипломатической формулировки была сразу же «решена» проблема признания Колчака в качестве законного правителя России.

Очевидно, что к власти Колчак пришел не без помощи бывших союзников России, но он ни в коем случае не был их наймитом, что бы о нем ни говорили большевики. Он был истинным патриотом России, который твердо верил, что может возродить былую мощь отечества. Исходя из этого убеждения, он и отказался подписаться под требованиями «Большой пятерки», расстроив тем самым их планы расчленения России.

Мир, который стал продолжением войны

Вскоре после моего приезда на Запад в 1918 г. я убедился, что и руководители западной демократии, и рядовые граждане, и даже социалисты слишком упрощенно понимают суть большевистской революции. Они были уверены и даже старались убедить меня в том, что то крушение демократической системы, которое произошло в России, на Западе произойти никогда не может. Они рассматривали беспрецедентную российскую катастрофу как «событие сугубо местного значения», которое стало логическим следствием истории русского народа, никогда не знавшего свободы и даже не понимавшего ее сути.

До сих пор помню разговор, который состоялся у меня во время приезда в Берлин в 1923 г. с известным руководителем германских социал-демократов и членом Веймарского правительства, широко известным экономистом Р. Гильфердингом. Речь зашла о русской революции, и Гильфердинг, послушав меня несколько минут, неожиданно воскликнул: «Но как же могло случиться, что вы потеряли власть, держа ее в своих руках? Здесь такое невозможно!» Видимо, почувствовав бестактность своих слов и не желая обидеть меня, он тут же примирительным тоном добавил: «Но так или иначе, а русские не способны жить в условиях свободы». Одиннадцатью годами позже он оказался в Париже на положении эмигранта, ничуть не лучшем, чем я. И тогда из уст видного французского социалиста ему пришлось услышать в моем присутствии те же слова, на сей раз относившиеся к немцам.

Мне же подобные перепалки казались детскими. Я хорошо знал подлинную историю России и действительные факты о восхождении Ленина к власти, и, к тому же, как я и ожидал, процесс политического и морального разложения, поразивший нашу страну, стал распространяться по всей Западной Европе.

Никто на Западе не имел достоверных сведений о том, что происходило в России после победы большевиков в октябре. Однако распространявшаяся Москвой циничная и лживая пропаганда, вызывая страх у западных правителей, магически воздействовала на рядовых граждан, к ней жадно прислушивались солдаты, рабочие, крестьяне, а также левые социалисты и радикальные интеллектуалы. Им хотелось верить этой пропаганде, ибо они жаждали позабыть прошлое. Они тянулись к ней, потому что что-то похожее сулили им их собственные правительства в 1914 г., и теперь они поняли, что в их странах никаких существенных социальных перемен не предвидится.

Конечно же, оптимисты тут же нашли весьма простое объяснение этим зловещим симптомам начавшегося духовного разложения: после всякой длительной и опустошительной войны люди не сразу возвращаются к будням мирной жизни, а переходный период всегда сопровождается политическими и социальными потрясениями. Однако я не разделял столь оптимистического отношения к последствиям войны, в которой приняло участие все взрослое мужское население, войны, в которой погибли миллионы людей, а миллионы других были выбиты из привычной

колеи и превратились в бездомных бродяг, войны, прецедента которой, по сути дела, не было в мировой истории.

В подтверждение предсказаний военных стратегов и ученых, сделанных еще в 90-е годы XIX в., первая мировая война не велась только между армиями — это была война между целыми нациями, она вызвала социальные, политические и психологические опустошения во всех воюющих странах. Мирная конференция начала свою работу тогда, когда пришел конец прежней духовности, прежним социальным и политическим структурам. Однако главы стран-победительниц не заметили этих процессов, а всемогущая «тройка» на конференции не обратила никакого внимания на сигналы бедствия. Опьяненные победой, президент Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо стали бесстрашно перекраивать политическую карту Европы и менять облик всего Восточного полушария без учета истории и образа жизни разных народов.

После катастрофы в России в октябре 1917 г. в правящих кругах Британской империи нашелся всего один-единственный человек, который понял, что произошли существенные изменения в балансе сил двух коалиций и ушли в прошлое времена заключенных еще до войны тайных соглашений и пактов. Об этом человеке я узнал совершенно случайно из разговора с Д. В. Соскисом[13] после возвращения в Лондон из Парижа, где я вел переговоры с Клемансо. Соскис рассказал, что в Лондон приехал владелец и издатель газеты «Manchester Guardian» Скотт, который обратился к нему с просьбой договориться о его встрече со мной. Через два дня встреча состоялась при участии Соскиса в качестве переводчика. Скотт был решительным противником послевоенной политики наших бывших союзников.

Когда я упомянул о причинах своего пребывания в Лондоне, Скотт сказал спокойно: «У вашей миссии нет шансов на успех. Как раз сейчас правительство Ллойд Джорджа обсуждает политику в отношении России, но при этом никто даже не называет ее союзником западных держав». По его мнению, сверхимпериалистический план перекройки политической карты нереал[illegible], и он отослал меня к «Открытому письму» лорда Лэнсдауна, опубликованному в «Daily Telegraph» 29 ноября 1917 года. Естественно, я ничего не знал об этом письме, и Скотт обещал переслать его мне.

Лорд Лэнсдаун, начав карьеру еще при Гладстоне, занимал посты во многих английских кабинетах. Будучи крупным специалистом по истории Европы тех 50 лет, которые предшествовали первой мировой войне, он понимал, что мирные планы Антанты оторваны от действительности и что первоочередная задача — восстановление Западной Европы, включая Германию и Австро-Венгрию. Он полагал, что мир в Европе должен опираться на здоровую политическую и экономическую систему, созданную объединенными усилиями всей Европы. «Почетное завершение войны было бы великим достижением, — писал он. — Но еще более великим достижением было бы предотвращение повторения такого же проклятия при жизни наших детей. Это наша главная цель. *Ибо, если нынешняя война была самой ужасной в истории человечества, то можно не сомневаться, что следующая станет еще более ужасной. Проституированию науки в целях простого разрушения вряд ли в ближайшее время будет положен конец»* (курсив мой). Скотт был прав, назвав письмо лорда Лэнсдауна «пророческим». Однако на его предупреждение не обратил ни малейшего внимания никто из тех, от кого зависит мировая политика.

В декабре 1917 г. Россию исключили из Европейского совета. Затем победители лишили всех прав Германию. Теперь, после открытия Парижской мирной конференции, потеряли силу знаменитые «14 пунктов» Вильсона. Судьба Германии была решена, хотя самих немцев к переговорам не допустили. Мирный «диктат», разработанный в различных комиссиях союзников-победителей и утвержденный «Советом пяти», явился несколько размытой версией мирного договора, подписанного представителями Ленина в Брест-Литовске. Договор был представлен германской делегации 7 мая. Несколькими днями позже граф Брокдорф-Ранцау, соавтор «генерального плана» Парвуса, направленного на разрушение России, отказался подписать мирный договор, заявив, что он не только противоречит условиям, на которых Германия прекратила военные действия, но что этим договором союзники «предлагают нам самоубийство».

В своей блестящей книге о первой мировой войне «Перед бурей» У. Черчилль оспаривает утверждение, будто война 1939—1945 гг. была «бессмысленной»,

однако соглашается, что после Версальского мирного договора она была неизбежной. Государственный секретарь при президенте Вильсоне Р. Лансинг пишет в своих неопубликованных дневниках[14]: «*5 мая 1919 г.* Условия мира, на мой взгляд, неправомерны, поскольку они основываются на эгоистических желаниях, а не на справедливости... они, несомненно, породят новые войны и новые социальные потрясения. *7 мая 1919 г.* Если я правильно понимаю состояние умов европейских государственных деятелей, собравшихся сейчас в Париже, то в договоре, который они хотят разработать, заложены семена будущих войн. *8 мая 1919 г.* Условия мира безмерно жестоки и унизительны... У нас есть мирный договор, но он не принесет постоянного мира, ибо построен на зыбкой почве эгоизма. *19 мая 1919 г.* По общему мнению, нынешний договор неразумен и бесплоден, он замешан на интригах и наглости и породит новые войны вместо того, чтобы предотвратить их».

Мирный перерыв завершился, едва успев начаться. Распад старого мира, начавшийся в 1914 г., не только продолжался после заключения Версальского договора, но шел куда быстрее, чем прежде.

Приложение 1

Нота Верховного совета Антанты адмиралу Колчаку.
Париж, 26 мая 1919

Союзные и объединившиеся державы чувствуют, что пришло время, когда необходимо для них привести наконец в ясность ту политику, которую они имеют в виду преследовать в отношении России. Невмешательство во внутренние дела России было всегда основной аксиомой союзных и объед. держав...

Некоторые из союзных и объед. правительств тоже определенно хотят вывести свои войска и не иметь в России дальнейших расходов на том основании, что продолжение интервенции не подает надежды на возможность скорого урегулирования положения. Они, однако, готовы продолжить свое содействие на условиях, изложенных ниже, при условии, что им удастся убедиться, что оно действительно поможет русскому народу приобрести свободу, самоуправление и мир.

Союзные и объед. правительства ныне желают формально заявить, что задачей их политики является восстановление мира в России путем предоставления русскому народу возможности взять на себя управление своими собственными делами через посредство свободно избранного Учредительного собрания и восстановить мир на своих границах путем урегулирования споров, касающихся рубежей русского государства и его отношений со своими соседями, чрез мирное посредничество Лиги наций... Они... расположены помочь правительству адмирала Колчака и тем, кто с ним объединился, амуницей, снабжением и припасами, чтобы дать им возможность укрепиться в качестве всероссийского правительства при условии, что они получат определенные гарантии, что их политика имеет те же цели, что и политика союзных и объед. держав.

В этих целях они хотели бы спросить у адмирала Колчака и у тех, кто с ним объединился, соглашаются ли они на нижеследующие условия, на которых они могли бы получать постоянную помощь от союзных и объед. держав.

Во-первых, на то, что как только они достигнут Москвы, они должны будут созвать Учредительное собрание, избранное на основе свободы, тайны и демократических принципов в качестве верховного законодателя России, перед которым правительство России должно быть ответственным, или, если к этому времени порядок не будет в достаточной мере восстановлен, они должны будут созвать избранное в 1917 году Учредительное собрание, пока не будут возможны новые выборы.

Во-вторых, что везде на территориях, где они осуществляют власть, они разрешат свободные и нормальные выборы во все свободные и законно составленные собрания, как, например, городские думы, земства и т. д.

В-третьих, что они не будут стремиться к восстановлению специальных привилегий в пользу какого-либо класса или организации... в России... Они желают быть уверенными, что те, которым они готовы теперь помочь, являются сторонниками

гражданской и религиозной свободы всех русских граждан и что не будет сделано попыток восстановить разрушенный революцией режим.

В-четвертых, что независимость Финляндии и Польши будет признана и что в случае, если вопросы границ и иные вопросы между Россией с этими странами не будут урегулированы по соглашению, эти вопросы будут переданы на третейское разрешение Лиги наций.

В-пятых, что разрешение вопроса о взаимоотношениях между Эстонией, Латвией, Литвой и кавказскими и закаспийскими территориями и Россией не будет достигнуто полюбовно, что разрешение это будет сделано с совета и при сотрудничестве с Лигой наций и что, пока такое разрешение делается, русское правительство согласно признать эти территории как автономные и подтвердить отношения, которые могли бы существовать между их правительствами de facto и союзными и объед. правительствами.

В-шестых, что будет признано право мирной конференции определить судьбу румынской части Бессарабии.

В-седьмых, что как только в России будет создано правительство на демократической базе, Россия присоединится к Лиге наций и будет сотрудничать с другими членами в деле всемирного ограничения вооружений и военных организаций.

Наконец, что будет подтверждена декларация адмирала Колчака от 27 ноября 1918 года о русском государственном долге[15].

Приложение 2

Французский поверенный в Омске (де Мартель) —
французскому Министерству иностранных дел.
Омск, 4 июня 1919.

Адмирал Колчак просит передать г-ну Клемансо следующий ответ:

1. ... Моей первой мыслью после окончательного разгрома большевиков будет мысль об установлении даты выборов в Учредительное собрание... Правительство, однако, не считает себя вправе заменить неотъемлемое право на проведение свободных и законных выборов простым восстановлением собрания 1917 г., которое было избрано при режиме большевиков. Только законно избранное Учредительное собрание, во имя чего и сделает все возможное мое правительство, имеет суверенное право решать проблемы Российского государства.

2. Мы открыты для обсуждения любых вопросов... Однако правительство России считает необходимым напомнить, что окончательное решение от имени России принадлежит Учредительному собранию. Россия ни сегодня, ни в будущем не может быть не чем иным, кроме как демократическим государством, в котором все вопросы, затрагивающие изменение территориальных границ и внешние отношения, должны утверждаться представительным органом, являющимся естественным выражением суверенитета народа.

3. Считает создание объединенного Польского государства одним из главных и справедливых итогов мировой войны... подтверждая независимость Польши, провозглашенную Временным правительством в 1917 году. Окончательное решение вопроса о границах Польши должно быть отложено до созыва Учредительного собрания... Окончательное решение [для] Финляндии должно быть отложено до созыва Учредительного собрания.

4. Что касается Балтийских стран,.. то в отношении них будет предпринято скорейшее урегулирование, основанное на убеждении правительства, что вопросы автономии решаются в каждом отдельном случае... Правительство готово установить отношение сотрудничества... с Лигой наций и пользоваться ее добрыми услугами...

5. Вышеизложенные принципы, предусматривающие утверждение соглашения Учредительным собранием, распространяются на Бессарабию.

6. Русское правительство... принимает на себя бремя национального долга России.

7. Что касается вопроса внутренней политики,.. то не может быть возврата к режиму, который существовал в России до февраля 1917 года. Временное решение, которое приняло мое правительство в отношении аграрного вопроса, имеет целью удовлетворить интересы огромных масс населения и исходит из убеждения, что Россия может быть сильной и процветающей лишь при условии, если миллионы русских крестьян получат все гарантии на владение землей... В отношении освобожденных территорий правительство не считает возможным чинить препятствия для проведения там свободных выборов в местные органы власти, городские управы и земства, рассматривает деятельность этих институтов, а также развитие принципа самоуправления как необходимые условия в деле переустройства страны и уже сегодня оказывает им всяческую помощь в содействие.

8. Стремясь... восстановить порядок и справедливость, обеспечивающие личную безопасность угнетенным слоям населения... подтверждает равенство перед законом всех слоев и всех граждан... независимо от происхождения или религии.

Колчак

Ответ Колчаку

Союзные и присоединившиеся державы... приветствуют тональность ответа, который, судя по всему, содержит необходимые условия свободы, самоуправления и мира народа России.

Приложение 3

Официальный американский комментарий к «14 пунктам». Октябрь 1918.

Эвакуация всей русской территории и такое урегулирование всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит самое полное и свободное сотрудничество других наций мира в предоставлении ей беспрепятственной и ничем не стесненной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и гарантирует ей радушный прием в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя выберет; но не только прием, а и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России в грядущие месяцы со стороны сестер-наций послужит лучшей проверкой их доброй воли и понимания ими ее нужд, которые отличаются от собственных интересов этих наций, — проверкой их разумной и бескорыстной симпатии.

Первым возникает вопрос, является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежавшей прежней Российской империи. Ясно, что это не так, ибо пункт XIII обусловливает независимую Польшу, а это исключает территориальное восстановление империи. То, что признано правильным для поляков, несомненно, придется признать правильным и для финнов, литовцев, латышей, а может быть, и для украинцев. Это по меньшей мере означает признание мирной конференцией де-факто правительств, представляющих финнов, эстонцев, литовцев и украинцев. Этот первоначальный акт признания должен быть обусловлен созывом национальных собраний для создания правительств де-юре тотчас после того, как мирная конференция определит границы этих новых государств.

Необходимо также предусмотреть для Великороссии возможность федеративного объединения с этими государствами на тех же условиях. Что же касается Великороссии и Сибири, то мирной конференции следовало бы обратиться с посланием, в котором предлагалось бы создать правительство, достаточно представительное, чтобы выступать от имени этих территорий. Должно быть ясно, что предлагается экономическое восстановление при условии, если на мирной конференции будет представлено правительство, облеченное достаточными полномочиями.

Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, по-видимому, сведется к следующему: 1. Признание временных правительств. 2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства. Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т. е., коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората.

Во всяком случае, Брест-Литовский и Бухарестский договоры должны быть отменены как явно мошеннические. Необходимо предусмотреть условия для вывода всех германских войск из России, и тогда перед мирной конференцией будет лежать чистый лист бумаги, на котором можно будет начертать политику для всех народов бывшей Российской империи.

Глава XXVIII. *На стыке двух эпох*

Распад Европы

Суровые суждения Р. Лансинга о Версальском договоре опубликованы не были (см. гл. XXVII). Однако к таким же выводам пришли многие из тех свидетелей, которым довелось близко наблюдать версальскую трагедию и ее последствия. Я оказался одним из них[16], когда в 1919 г. приехал в Париж во время работы там мирной конференции. Более того, в 1920 г. я переехал из Лондона на постоянное жительство в Париж, где у меня были широкие возможности встречаться с видными государственными и политическими деятелями и журналистами из многих стран. Вспоминая то, что видел, слышал и испытал в те годы, и сравнивая свои впечатления с выводами Лансинга, я не могу не отметить определенного сходства наших оценок мирного договора.

Лишь 28 июня 1919 г. немцы в конце концов подписали Версальский договор, а уже к концу 1920 г. коалиция держав, продиктовавшая условия мира, прекратила свое существование, в первую очередь из-за того, что США, занявшие в Антанте место России, так и не подписали этот договор. Одной из основных причин отказа США подписать этот документ явилось условие Версальского договора, согласно которому Япония наследовала все бывшие германские острова в Тихом океане. У наиболее консервативных американских политиков и военных деятелей вызывало раздражение то обстоятельство, что Япония превратилась в ведущую военную и военно-морскую державу на Тихом океане, поставившую под свой контроль океанские коммуникации между США и Китаем. Одновременно Соединенные Штаты отказались войти в Лигу наций, хотя президент Вильсон и был ее инициатором.

На конференции военно-морских держав, которая проходила в Вашингтоне в 1922 г., Великобритания была вынуждена отказаться от пролонгации своего союза с Японией. Баланс сил, таким образом, изменился — неизбежность столкновения между Вашингтоном и Токио возникла именно в то время.

Изменилась ситуация и во Франции. Клемансо, который был кумиром французской нации во время войны, после победы стал объектом травли со стороны французских националистических кругов. Франция рассчитывала получить от Германии левый берег Рейна. Однако Вильсон и Ллойд Джордж убедили «Старого тигра» отказаться от своего требования в обмен на гарантию англо-американской помощи в случае возобновления враждебных действий со стороны Германии. Однако после бурных дебатов в сенате президент не смог добиться принятия этого пакта о гарантиях. В последующие годы я с болью в душе наблюдал за ростом недоверия, раздражения и озлобления во Франции, а также за возрождением образа «Коварного Альбиона» как главного и исконного врага Франции.

Из бесед со многими представителями французского и английского правительств, а также прессы я сделал вывод, что цели Франции и Англии в минувшей войне против Германии были совершенно разными и даже в корне противоречащими друг другу. Сражаясь с врагом, Англия и Франция еще сохраняли единство, однако после войны они оказались неспособными выработать общий план установления и поддержания мира в Европе.

До тех пор пока адмирал фон Тирпиц не создал могущественного военного

флота Германии, Великобритания в своей европейской политике вполне удовлетворялась сохранением баланса сил, покоящегося на противоборстве между Тройственным союзом (Германия, Австрия и Италия) и Двойственным альянсом (Франция и Россия). Однако после создания германского флота ситуация изменилась коренным образом, а соответственно изменилась и английская политика. Теперь цель Англии состояла в том, чтобы ликвидировать Германию как океанскую военно-морскую державу и помешать ее продвижению через Турцию и Багдад к Персидскому заливу. В достижении этих целей Великобритания вполне преуспела. Продвижение Германии к Персидскому заливу было остановлено, угроза со стороны германского флота исчезла. По условиям Версальского мирного договора германский линейный флот передавался Англии. Однако в ходе выполнения этих условий германский флот совершил акт самоубийства — линейные корабли оказались на дне залива Скапа-Флоу.

В отличие от Франции, Англию ничуть не тревожило существование Германии, даже сильной Германии, но как исключительно континентальной державы. Такая Германия рассматривалась даже как необходимое условие поддержания баланса сил в Европе. Для Франции же, наоборот, сильная и со временем перевооруженная Германия представляла смертельную угрозу. В руководстве Франции стало преобладать чувство глубокой тревоги и ощущение неполноты победы. Надо было принимать новые меры во имя обеспечения безопасности страны. Ненависть к Германии, которая накапливалась после поражения при Седане, а также из-за новых связей между Берлином и Москвой, подталкивала французских государственных деятелей к созданию более надежных гарантий безопасности. На Версальской конференции французская делегация настаивала на максимуме военных уступок, на унизительных «санкциях», на территориальных и экономических жертвах со стороны Германии и даже на ее расчленении.

Россия отныне была отодвинута от восточных границ Германии и отделена от нее цепочкой маленьких государств, созданных из осколков бывших Российской и Австро-Венгерской империй. Именно эти государства, особенно Польшу, Франция и стала рассматривать как буферные между Берлином и Москвой. Италия, южный сосед Франции, после прихода к власти Муссолини в 1922 г. также разорвала свои связи с бывшими союзниками. Таким образом, коалиция держав, продиктовавшая условия мирного договора, фактически распалась. Как и до 1914 г., Европа раскололась на два непримиримых лагеря. Вновь началась гонка вооружений. И хотя в 20-е и 30-е годы состоялись многочисленные конференции по разоружению, все они были безрезультатными.

Странно было наблюдать, как те люди на Западе, которые находились у власти и определяли общественное мнение, глубоко верили в первые послевоенные годы, что Версальский мир станет служить основой новой и стабильной Европы. Столь же глубоко они верили в необходимость — для консолидации послевоенной Европы — «парализовать» Россию на 10—20 лет. Они считали, что «санитарный кордон» между Европой и Россией, на чем настаивал Клемансо, поможет также разрубить связи между Берлином и Москвой. Они полагали, что немецкий народ без всякого протеста и сопротивления примирится с навязанным ему зависимым положением. В этом они жестоко просчитались.

10 апреля 1922 г. в Генуе открылась международная конференция. На ней официально присутствовали Германия и Россия. На конференции предполагалось обсудить положение в России, общие экономические вопросы и проблему репараций. Одновременно между Германией и Россией велись переговоры по вопросам, представлявшим взаимный интерес. 16 апреля они подписали Рапалльский договор, в соответствии с которым обе страны становились союзниками и отвергали все требования репараций. После этого события Генуэзская конференция тянулась до 19 мая, когда она в конце концов прервалась, главным образом из-за заключения Рапалльского договора и безоговорочного отказа России заплатить Франции свои довоенные долги.

Открыто объявив в Рапалло о своем тесном политическом сотрудничестве, представители Германии и Советской России обошли молчанием наиболее важный и значительный факт — их военное сотрудничество. Я случайно узнал об этом годом позже, будучи одним из издателей русской газеты «Дни», временно издававшейся в Берлине. Как-то осенью 1923 г. в редакцию зашли три немецких техника.

Они только что вернулись из России, где работали неподалеку от Самары на заводе по производству газа и взрывчатых веществ. По их словам, этот завод, построенный германским военным министерством, получил от советского правительства право экстерриториальности. Завод был сверхсекретным, доступ туда без разрешения германских властей был закрыт. Поначалу мы отнеслись к их рассказу с известной долей скептицизма, но один из техников показал нам документ с официальной печатью, удостоверявший, что такой-то работник под страхом наказания за измену обязуется хранить в тайне, что работает в России, равно как и то, чем там занимается.

Позднее стало известно, что Советское правительство предоставило верховному командованию Германии сходные, но еще более расширенные права экстерриториальности в отношении концессии в окрестностях Липецка. Предусматривалось создание полигона для тяжелой артиллерии, аэродрома для тренировочных полетов и сооружение завода по производству бомбардировщиков и истребителей. Иными словами, все те типы вооружений, создание которых запрещалось Германии Версальским договором, теперь производились в небольших количествах на территории Советской России.

Как признал Л. Троцкий в своих статьях, опубликованных в газете «The New York Times» в дни бухаринского процесса 4 и 5 марта 1938 г., эти факты держались в строжайшем секрете. В статье от 5 марта Троцкий проливает некоторый свет на советско-германское военное сотрудничество: «Военный комиссариат, который я в то время возглавлял, в 1921 г. разрабатывал планы реорганизации и перевооружения Красной Армии в связи с переходом от состояния войны к миру. Остро нуждаясь в усовершенствовании военной техники, мы могли тогда рассчитывать лишь на сотрудничество с Германией. В то же время рейхсвер, которому Версальский договор предписывал строжайший запрет на какие-либо усовершенствования, особенно в сфере тяжелой артиллерии, авиации и отравляющих веществ, естественно, стремился использовать советскую военную промышленность в качестве своего полигона. Предоставление Германии концессий на территории Советской России началось еще в то время, когда я был полностью поглощен гражданской войной. Самыми важными концессиями, с точки зрения их потенциальных возможностей, а точнее, с точки зрения перспективы, были концессии, предоставленные авиаконцерну «Юнкерс». В связи с деятельностью этой концессии в Советскую Россию приехало несколько немецких офицеров. В свою очередь представители Красной Армии побывали в Германии, где они ознакомились с положением дел в рейхсвере и с германскими военными «секретами», которые были им любезно продемонстрированы. Конечно же, вся эта работа велась под покровом секретности».

В 1923 г. меня пригласил к себе Э. Бернштейн, один из руководителей Социал-демократической партии Германии, а также первый, кто подверг ревизии марксистскую доктрину. В последовавшем разговоре он сообщил, что занимается расследованием связей агентов германского правительства с ленинской группой большевиков. Он спросил, какими сведениями по этому вопросу располагало русское правительство, и я рассказал ему все, что знал. Вся имевшаяся у нас информация относилась к Стокгольму и к деятельности германского посла Люциуса и его агентов. Однако, добавил я, у нас не было прямых данных о том, что происходило тогда в Берлине. Не знали мы, насколько далеко зашли связи между германским правительством и большевиками. В свою очередь Бернштейн поделился со мной всем, что ему удалось узнать по этому вопросу из секретных архивов разных министерств (некоторые из этих документов позднее были опубликованы). Далее Бернштейн сообщил, что не смог завершить свое расследование. За год до того он опубликовал свою первую статью о связях Ленина и Берлина. Сразу же после ее публикации его вызвал президент Эберт и в присутствии министра иностранных дел и других высших чиновников, а также представителей вооруженных сил, предупредил, что если он опубликует еще хоть одну статью по этому вопросу, то будет обвинен в измене.

Все эти военные приготовления сами по себе не привели бы ко второй мировой войне, если бы союзники, и в первую очередь Франция, не отказывались бы с таким завидным упорством пересмотреть или вовремя облегчить невыносимые условия «мира, который продолжил войну». Неспособность найти выход из этого психологического тупика способствовала распространению ненависти и помогла в

конце концов Гитлеру прийти к власти. Можно даже сказать, что Гитлер был порождением Версальского мирного договора.

В 1923 г. после того, как французы оккупировали Рур, в разгар жесточайшего финансового кризиса, поразившего Германию в результате фантастических репараций, которые она выплачивала союзникам, Адольф Гитлер и генерал Эрих Людендорф предприняли попытку захватить власть в Баварии. Этот «пивной путч» в Мюнхене через три дня завершился провалом. Сам Гитлер был приговорен к пяти годам тюремного заключения, однако через год был помилован и вышел из тюрьмы, написав там книгу «Майн кампф». Ненависть к союзникам быстро набирала силу, и Гитлер вскоре пришел к убеждению, что сможет реализовать свою национал-социалистскую программу. В выступлении на своем судебном процессе в Лейпциге он в сжатой форме так изложил эту программу: «Да, я использую все права гражданина, данные мне демократической Веймарской конституцией, для того, чтобы уничтожить демократию, которую ненавижу». Через 10 лет Гитлер стал рейхсканцлером.

Правящие круги на Западе понимали, что политическая структура в послевоенной Европе весьма нестабильна и искусственна. Одна за другой проводились конференции на высоком уровне по вопросам разоружения и репараций, однако толку от них не было. Да и не могло быть. Даже А. Бриан, один из самых проницательных политиков того времени, не отважился посмотреть в лицо фактам и изменить ситуацию в пору существования Веймарской республики. Сегодня, спустя почти полвека после рождения версальской Европы, излишне доказывать, что то был и впрямь мир, который продолжил войну. 20 лет, прошедшие после 1919 г., были не столько периодом прочного мира, сколько просто передышкой, перемирием.

Я не буду здесь касаться бесплодных усилий укрепить мир в Европе, которые являлись не более чем попытками избавиться от внешних симптомов тяжкого недуга! О последствиях Версаля можно написать отдельную книгу. Но нет никакой необходимости делать это, ибо существует уже целая библиотека по этой теме. Перед началом первой мировой войны лидеры западной демократии торжественно провозгласили, что война против германского империализма будет последней войной, которая положит конец войнам и с корнем вырвет все проявления абсолютизма. Согласно их тогдашним заверениям, после войны будет создан новый мир согласия, основанный на принципах демократии и равенства всех народов. Десятки миллионов людей с огромным воодушевлением восприняли слова своих политических лидеров. Они шли на фронт, в окопах и в тылу выносили тяжелые испытания и лишения. А вернувшись домой после победы демократии, эти люди увидели, что все осталось, как было. Для многих из них оказалось невозможным примириться с вопиющим противоречием между обещаниями нового, преображенного мира и возвратом к грубой реальности старого мира со всеми его проявлениями, с которыми они столкнулись, вернувшись с войны. Для них это было психологической катастрофой. В условиях всеобщего разочарования развернулась борьба за умы и сердца людей между коммунизмом, с одной стороны, и фашизмом и нацизмом — с другой.

Демократические державы после победы стали с особым пылом настаивать на необходимости сохранить довоенный образ жизни и, таким образом, в эпоху стремительных перемен все больше превращались в консервативную силу в Европе. Эта тогдашняя сверхконсервативность великих держав в немалой степени содействовала духовному сотрудничеству сталинизма и фашизма, отразивших во многом психологию послевоенного мира. Неожиданно прозревшую мирную Европу захлестнула волна безрассудства и безумия. Я своими глазами видел, как разворачивалась эта борьба. И понял, что источником силы этих новых доктрин, несмотря на различие целей, которые они перед собой ставили, была их общая ненависть к свободному человеку. Без сомнения, в психологии и коммунизма, и фашизма было что-то, что импонировало тем, кто сражался на войне. Их вера была беспощадной, их цели — недостижимы, утопичны, их воля — извращенной, а их творческая энергия обретала разрушительный характер.

А куда же делись вера, духовность, воля и энтузиазм, присущие демократиям? Казалось, они исчезли бесследно. Они были поражены изнутри параличом воли, а извне новые послевоенные демократии оказались под перекрестным огнем. Можно было провести параллель между тем, что происходило с демократическими партиями на Западе, особенно во Франции, и положением демократических сил в России после Корниловского мятежа. Как в буржуазных, так и в социалистических партиях нарастал раскол. Часть этих партий на Западе обратила свои взоры к Москве, часть — к Риму и Берлину. Раскол достиг своего апогея после прихода к власти во Франции правительства Народного фронта. На парламентских выборах 1936 г., которые совпали по времени с началом гражданской войны в Испании, победу с помощью Французской коммунистической партии, руководимой Торезом и Кашеном, одержала Французская социалистическая партия Л. Блюма. Я предупреждал Блюма о возможных последствиях такого сотрудничества[17].

И до наших дней западные демократы никак не могут осознать, что война 1914 г., которая разрушила все устои нормальной жизни общества, одновременно вызвала к жизни не имевшие прецедента настроения, поразившие не столько аристократические и буржуазные слои общества, сколько рабочий и средний классы. В самое трудное время Февральской революции и войны демократия в России также оказалась под перекрестным огнем: со стороны коммунистов и со стороны генералов, подстрекаемых капиталистическими тузами. Именно генералы получили поддержку союзников. И в Германии демократия тоже оказалась раздавленной в схватке коммунистов и нацистов. Столкновение коммунистов и фашистов привело к тем же результатам в Италии.

В начале второй мировой войны французы на какое-то время утратили способность к сопротивлению из-за глубокой внутренней веры в то, что лишь Сталин способен спасти их от нашествия гитлеровских полчищ. Однако не прошло и трех недель после нападения Германии на Польшу, как Сталин сбросил маску защитника свободы и тем самым публично признал действенность советско-германского пакта, подписанного в его присутствии Молотовым и Риббентропом. С этого момента шовинистические круги во Франции открыто перешли на сторону Муссолини и Гитлера.

10 мая 1940 г. Гитлер бросил в бой свои танковые дивизии под командованием генерала Гудериана, и 22 июня Франция была вынуждена подписать в Компьене соглашение о перемирии. После капитуляции Франции вся континентальная Европа (за исключением Швеции и Швейцарии) оказалась под игом гитлеровской диктатуры. Однако, несмотря на ошеломляющий молниеносный успех Гитлера, война была далека от завершения. Англия продолжала упорно сопротивляться, а за океаном застыла в ожидании грозная мощь Соединенных Штатов.

22 июня 1941 г. гитлеровские армии вторглись в Россию, еще раз подтвердив противоестественность пакта, заключенного между Москвой и Берлином. В том же году, 7 декабря, Япония уничтожила в Пирл-Харборе значительную часть военного флота Соединенных Штатов. 8 декабря США официально вступили в войну. Через четыре года Германия, Италия и Япония прекратили существование как политические и военные державы. Но и Западная Европа перестала быть центром управления миром. Судьбы мира оказались в руках нового могущественного триумвирата. Еще до окончания войны этиот триумвират (Рузвельт, Сталин, Черчилль) выработал условия возмездия для побежденных, пришел к соглашению о переустройстве демократии, а также об установлении порядка и мира во всем мире. И действительно, как видно из Ялтинских соглашений, этот триумвират заложил основы мира, возникшего после 1945 года.

Во времена Ялты Гопкинс заявил Роберту Шервуду[18]: «В глубине души мы действительно верили, что это был канун того дня, о наступлении которого мы мечтали и говорили в течение многих лет. Мы были абсолютно уверены в том, что одержали первую великую победу мира, и под словом «мы» я подразумевал всех нас, все цивилизованное человечество. Русские показали, что они могут поступать разумно и проницательно, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не оставалось сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и работать мирно так долго, как это только можно себе представить. Должен сделать к этому лишь одну поправку: мы все в глубине души боялись тех непредсказуемых событий, которые могут последовать, если что-то случится со Сталиным. Мы были уверены, что можем полагаться на его разумность, трезвость суждений и способность взимопонимания, однако мы никогда не знали, кто или какие силы стоят за ним в Кремле»[19].

В свете нашего послеялтинского опыта это заявление Гопкинса поражает своим идеализмом, трудно даже представить себе, что его сделал один из тех, кто

принимал участие в Ялтинской конференции. И в этом смысле оно может послужить для нас ключом к пониманию причин, почему вместо новой эры мира конец войны возвестил начало холодной войны.

Рождение новой эры

17 сентября 1919 г. Ллойд Джордж выступил в Палате общин с речью, в которой так обосновал свою политику всемерного ослабления России и предотвращения воображаемого вторжения русских в Индию: «Давайте реально рассмотрим наши трудности. Возьмем Балтийские государства... Потом Финляндию... Польшу... Кавказ... Грузию, Азербайджан, русских армян. Кроме того, существуют Колчак и Петлюра — все это антибольшевистские силы. Почему же они не объединяются? Почему мы не можем их объединить? Да потому, что стоящие перед ними цели в основе своей несовместимы. Деникин и Колчак сражаются во имя достижения двух целей. Первая — уничтожение большевизма и восстановление в России нормального правительства. Во имя этого они способны найти общий язык со всеми силами, но вторая их цель — борьба за восстановление единой России. Так вот, не мне говорить вам, отвечает ли такая политика интересам Британской империи. Был у нас великий государственный деятель... лорд Биконсфилд, который утверждал, что огромная, гигантская, колоссальная, растущая Россия, подобно леднику, неумолимо движущаяся в сторону Персии и к границам Афганистана и Индии, представляет для Британской империи величайшую угрозу, какую только можно себе представить».

Что касается Индии и сохранения Британской империи, то Ллойд Джордж безнадежно отстал от времени. Уже тогда борьба за освобождение шла по всей Индии и, как впоследствии показало побоище в Амритсаре, постоянно набирала силу. Кроме того, в конце марта 1919 г. Ганди развернул кампанию ненасильственного сопротивления, вылившуюся в упорную и длительную борьбу, которая четверть века спустя увенчалась завоеванием независимости. Одновременно на пороге независимости в то время стояла и Ирландия.

В 1880 г. Достоевский предсказывал неизбежность всеевропейской войны. Он считал, что эта война станет для Европы своеобразным искуплением за многовековое угнетение народов Азии и Африки. Европейские державы в 1914 г., конечно же, не ставили перед собой цель освободить цветные народы от колониального ига; они скорее стремились произвести в пользу победителей передел колониальных и полуколониальных территорий. Однако союзники сражались под лозунгами, провозглашавшими свободу для всех народов в будущем свободном и демократическом мире. Эти лозунги проникли во все уголки охваченного войной мира и, по сути дела, стали символами надежд и устремлений угнетенных народов. И вскоре борьба за освобождение от иностранного господства уже велась не только в Ирландии и Индии, она охватила всю Азию, весь мир. Таким образом, движение за независимость и национальное возрождение обрело общемировые масштабы. Подавить это движение было невозможно, его можно было лишь сдерживать или ускорять.

Ленин и его большевистские сподвижники открыто взяли курс на ускорение этого движения, ибо их революционная деятельность и их призывы к мировой революции встретили сопротивление даже среди рабочих западных стран. В 1920 и 1921 гг. II и III конгрессы Коминтерна приняли две резолюции Ленина, в которых провозглашалась поддержка борьбы за национальную независимость в странах Азии. К лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» добавились слова: «и угнетенные народы». Смысл этих резолюций хорошо изложил несколькими годами позднее Сталин. В 1925 г., когда между Москвой и Токио усилился дипломатический флирт, Сталин решил подключить к антиколониальной борьбе и Японию. В интервью корреспонденту японской газеты, опубликованном в «Правде» 4 июля 1925 г., Сталин сделал следующее заявление: «Колониальные страны есть основной тыл империализма. Революционизирование этого тыла не может не подорвать империализма не только в том смысле, что империализм будет оставлен без тыла, но и в том смысле, что революционизирование Востока должно дать решающий толчок к обострению революционного кризиса на Западе. Атакованный с двух сторон — и с тыла и с фронта, — империализм должен будет признать себя обреченным на гибель».

Однако у японцев были свои виды на будущее, и ответа Сталин не получил. Тем временем на помощь нарождавшемуся коммунистическому движению, организованному Мао Цзэдуном, в Китай были направлены коммунисты из Франции, России и США, а специальный университет в Баку стал готовить агитаторов и пропагандистов для работы в странах Ближнего и Дальнего Востока.

Япония после вступления в 1941 г. в войну начала оказывать серьезное давление на английские и американские позиции в районе Тихого океана и стала эффективно пользоваться лозунгом «Азия для азиатов». В результате блестящих побед, одержанных Японией на первом этапе войны, ей быстро удалось создать под своим контролем национальные правительства в странах этого региона (на Филиппинах, в Индонезии, Голландской Вест-Индии, Сингапуре и Бирме). В конце концов Япония потерпела поражение, однако страны, захваченные во время войны Японией, настаивали на провозглашении их независимости.

На мой взгляд, «антибелая» политика японцев и их лозунг «Азия для азиатов» сыграли не менее важную роль в этом освободительном процессе, чем пропаганда коммунистов и их подрывная деятельность. Коммунисты ставили перед собой совсем другую цель. Они стремились, говоря их словами, подорвать позиции англо-американского империализма в колониальных странах с тем, чтобы обеспечить успех пролетарской революции на Западе. Японцы же намеревались установить и упрочить свое собственное господство в Китае и Южной Азии. Так или иначе, но после разгрома Японии сложилось такое положение, которое создало более благоприятные условия для быстрого и успешного продвижения коммунизма. Однако национально-освободительное движение в этих странах отнюдь не было лишь делом рук коммунистов. Существенную роль в укреплении националистических настроений в послевоенный период сыграли и национально-демократические лозунги.

18 апреля 1955 г. в индонезийском городе Бандунг открылась конференция 29 стран Азии и Африки. Среди представленных на ней стран были Китай (Чжоу Эньлай), Индия (Неру), Вьетнам (Хо Ши Мин), Индонезия (Сукарно) и Конго (Лумумба). Эта конференция стала событием исторического значения. На ней впервые народы бывших колониальных и полуколониальных стран провозгласили свой суверенитет и независимость. Можно сказать, что Бандунгская конференция ознаменовала конец эры белой гегемонии в мире. Началась новая эра в истории человечества. Раньше огромное большинство человечества было объектом истории, другие определяли его судьбу; теперь же человек вошел в эпоху подлинно универсальной истории. После многих веков политического паралича люди стали субъектами истории, хозяевами своей судьбы.

В развитии мира произошел новый поворот, поворот, о котором провидчески писал русский философ Вл. Соловьев в самом начале нашего века, в разгар боксерского восстания (1900—1901 гг.) в Китае против господства «белых дьяволов»; с удивительной проницательностью он в общем виде описал тот мир, в котором мы живем 60 лет спустя. В августовском номере «Проблем философии и психологии» Соловьев опубликовал письмо о боксерском восстании, где, в частности, говорил: «Кто в самом деле уразумел, что старого нет больше и не помянется, что прежняя история взаправду кончилась, хотя и продолжается в силу косности какая-то игра марионеток на исторической сцене? Кто понял, что наступившая ныне историческая эпоха настолько же — нет, гораздо больше — удаляется от всех наших вчерашних исторических забот и вопросов, как время великой революции и наполеоновских войн было по существу интересов далеко от эпохи войн за испанское наследство, или как у нас в России Петровский и Екатерининский век неизмеримо перерос дни московских великих князей? Что сцена всеобщей истории страшно выросла за последнее время и теперь совпала с целым земным шаром, — это очевидный факт»[20].

Соловьев не только предвидел конец эпохи европейского господства, он также предсказал, что решающую роль в истории народов Азии будет играть Китай. И действительно, если мы обратимся к прошлому Китая, ко всему тому, что ему пришлось пережить за последние десятилетия XIX в. и первые десятилетия XX, то, возможно, мы сумеем увидеть глубокие психологические корни внешней политики Мао Цзэдуна, политики, которая под прикрытием коммунизма стремится к восстановлению былой мощи Поднебесной империи. За годы после Бандунга резко воз-

росло число освободившихся народов. В короткий период времени их примеру последовало население Азии и Африки, создав там многочисленные независимые государства.

Сегодня новые поколения людей стоят перед решением задач поистине сверхчеловеческих масштабов — задач создания нового образа жизни в условиях свободы и мира для всех «равноправных» народов. Это самая важная задача, решение которой требует силы воли, упорства и знания опасных ловушек, таящихся в истории. Ибо, обращаясь к прошедшим годам, к миру, каким он был через 20 лет после Ялты или через 10 лет после Бандунга, мы видим, что он все еще опутан проблемами, старыми и новыми, чреватыми тяжелейшими последствиями. Он все еще стоит перед все растущей угрозой великодержавной политики и перевооружения.

Сегодня, как в 1914 и в 1939 гг., мы являемся свидетелями гонки вооружений. Мы снова живем под гипнозом возможности новой мировой катастрофы. И лишь страх перед чудовищной мощью водородной бомбы и новыми видами ракетного оружия, судя по всему, способен остановить сползание к катастрофе и спасти мир от нового взрыва смертоносной ненависти. В настоящее время мы и не только в Европе, но и во всем мире разделены на два лагеря, охваченных все растущей ненавистью.

В конце своей долгой жизни, которая полностью прошла в критические годы нынешнего поворотного пункта истории, я со всей очевидностью вижу, что никому не суждено уйти от ответственности за свои деяния и что за все приходится платить. Никому не уйти и от ответственности за макиавеллиевскую политику, которая учит, что политика и мораль не имеют ничего общего и что все, что считается аморальным и преступным в жизни одного человека, не только допустимо, но даже необходимо во имя блага и мощи государства. Так было всегда, но так не должно быть в будущем. И если это будет продолжаться и впредь, тогда наружу вырвутся разрушительные силы, аккумулировавшиеся в глубинах бездушной механической цивилизации современного мира. Человек должен научиться жить, руководствуясь не ненавистью и жаждой мщения, а любовью и всепрощением.

Пришло время, когда люди должны прежде всего помнить слова Л. Толстого, чей моральный авторитет безоговорочно признается цивилизованным миром, всеми народами без различия расы и цвета кожи. Он писал, что чудовищное разрушение культуры и духовности современного мира свидетельствует о моральной слепоте и духовном крушении тех людей, которые по-прежнему верят, будто жизнь человека в обществе можно облагородить посредством материального прогресса. Толстой был убежден, что для преодоления современного варварства необходимо преображение самого человека.

Примечания

1. Военнопленные, которые сражались с Германией на русском фронте и изъявили желание продолжить борьбу с немцами на Западе, отправившись туда через Дальний Восток.
2. Оригинал этого письма Керра я хранил в своих парижских архивах, откуда он вместе с другими документами был изъят немцами в период оккупации. Часть письма приведена в моей книге «Издалека», опубликованной на русском языке в Париже (в 1922 г.), и я полагаю, что копия письма находится в Лондоне в архивах английского Министерства иностранных дел.
3. Все факты, касающиеся Колчака, приводятся по книге: Допрос Колчака. Л. 1925.
4. Астров и генерал Алексеев по некоторым причинам не участовали в работе Директории.
5. Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм. 1921, с. 231—232.
6. Копия этого письма находилась в моих парижских архивах, и ее в период немецкой оккупации постигла та же участь, что и другие мои документы.
7. Об этом соглашении позднее упоминалось в Большой Советской энциклопедии. Т. 28, с. 641—642), а также в недавно опубликованной книге: Kennan G. Russia and the West Under Lenin and Stalin. Boston. 1961, p. 46.
8. Фраза Клемансо «Друзья наших врагов — наши враги» была, несмотря на возражеиия А. Тома, опущена. Сама статья была помещена в двух номерах газеты — 14 ноября и 7 декабря.
9. 30 декабря передовые части японского экспедиционного корпуса высадились на побережье Дальнего Востока, заняли Владивосток и начали продвижение вдоль Транссибирской железной дороги. По франко-английскому соглашению предполагалось, что японцы возьмут эту дорогу под свою охрану с тем, чтобы обеспечить бесперебойную переброску союзных войск к западным границам России и открыть там фронт военных действий против Германии. Абсурдность и неосуществимость этого плана были очевидны для всех, в том числе и для японского командования. Японцы воспользовались временем для продвижения в глубь Сибири, стремясь присвоить территорию Дальнего Востока, что противоречило соглашению. И лишь в 1922 г. под давлением правительства США они в конце концов освободили захваченные территории.
10. В основе этих кратких заметок лежат показания самого адмирала, которые он дал в Иркутске большевикам перед тем, как в ночь с 6 на 7 февраля 1920 г. был расстрелян (см. «Допрос Колчака»).
11. В Верховный совет, известный как «Большая десятка», а позднее как «Большая пятерка», входили президент Вильсон и премьер-министры и министры иностранных дел главных держав (США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) — Вильсон и Лансинг, Ллойд Джордж и Бальфур, Клемансо и Пишон, Орландо и Соннино, Сайондзи и Макино.
12. Позднее, после восстановления советско-американских дипломатических отношений, Буллит стал первым послом США в Москве.
13. В 80—90-е годы XIX в. Д. В. Соскис принимал участие в русском революционном движении. Находясь в политической эмиграции в Лондоне, он сотрудничал с газетами «Observer» и «Manchester Guardian». Я встречался с ним в России до 1914 года. В 1917 г. он стал работать в моем личном секретариате и готовил обзоры английской печати. Всю свою жизнь я поддерживал самые дружеские отношения с ним и его сыном, сэром Фрэнком Соскисом, который был влиятельным членом лейбористской партии при Эттли.
14. Дневники Р. Лансинга хранятся в отделе рукописей Библиотеки конгресса США.
15. Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М. 1926, с. 248—250 (прим. ред.).
16. См. мою статью «Европа на ущербе» (июнь — июль 1921 г.). Впервые опубликована в «Воле России», затем в моей книге на русском языке «Издалека» (Париж. 1922).
17. Я поспешил тогда же опубликовать свою книгу «L'Expérience Kerenski». P. 1936.
18. Г. Гопкинс — ближайший помощник и доверенное лицо президента Ф. Д. Рузвельта. Роберт Шервуд — историк, с конца 30-х годов входил в ближайшее окружение Рузвельта (прим. ред.).
19. Шервуд Роберт Э. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М. 1958, с. 541.
20. Соловьев В. С. Собрание сочинений. Т. VIII. СПб. 1903, с. 585.

Редакция благодарит докторов исторических наук П. Н. Зырянова, Г. З. Иоффе и И. М. Пушкареву, которые своими консультациями и советами оказали существенную помощь в подготовке к печати воспоминаний А. Ф. Керенского.

Мои заметки

Ю. В. Готье

1/14 апреля. Вчера не записывал, потому что хотелось закончить курс лекций по историографии, который я составляю в этом году; я осенью никак не ожидал, что этот курс мне все-таки удастся прочесть[1]. Вчера объявили, что будут снимать памятники царей и царского режима. Очевидно, в чтении своего путеводителя по революции они дошли до свержения Вандомской колонны[2]. На западе немцы опять потеснили англичан и взяли Armentieres[3], но решительного успеха нет и не будет ни с которой стороны. Вчера ездили в Петровское-Разумовское[4]; был прекрасный весенний день; в парке снег еще не стаял; текли ручейки, местами грязь; природа была великолепна, и поэтому еще сильнее был контраст между природой и людьми: ругань в трамвае, разбитые окна дома Леве, купеческого клуба, дома Паутинского [?], быв. Катуар, и т. д.; звериные рожи, мальчишки-хулиганы, молодые люди из высших учебных заведений с хохлами наперед (прежде лохмы были назади), растерзанные и грязные, и сверх сего заборная литература от [неразборчиво] возбудителя, через лекции об эсперанто до декретов большевиков. Я думаю, что это было бы хорошим предметом социально-психологического исследования — вся эта заборная литература!

2/15 апреля. На западе без перемен; слухи о флирте союзников с большевиками продолжаются; говорят, с ними особенно флиртуют американцы. Я думаю, что это происходит от абсолютного незнания России; это только скорее бросит русскую буржуазию в объятия немцев. Сегодня опять проскользнули футуристические словоизвержения Лупанарского о высшей школе. Вероятно, они все-таки что-нибудь против нас предприимут; другая тенденция — это чтобы служащие на государственной службе получали только одно жалованье. В субботу Университетский совет вынес резолюцию о том, чтоб профессоров из ходатайства об увеличении жалованья исключить, а всех остальных представить на усмотрение гг. большевиков. Я думаю, что такое решение — самое достойное; оно Московского Университета не унизило. Очень хороша была речь М. М. Богословского: в ней было много силы, чувства и сквозила его большая и честная душа; речь эта, предлагавшая требовать денег для Университета как учреждения, просить их для тех, кто обижен или не получает ничего, и гордо отказаться для самих нас, — наложила свою печать на все обсуждения и, в сущности, решила дело.

3/16 апреля. На западе опять что-то похожее на равновесие. В Москве ждут Мирбаха — проконсула[5] Германской империи в разоренном Российском царстве. На юге немцы подходят к Курску и, конечно, его займут[6]. Сегодня мне пришлось сидеть за председателя в двух музейских заседаниях; в одном — хозяйственном — слушал дикость горилл-служителей, а в заседании совета — слушал длинные словоизвержения рыхлых русских интеллигентов. Все это бесполезно, скучно, пошло. Вчера в «Цике» (о бедный русский язык) тов. Гуковский, нечто вроде министра финансов[7] (говорят, что он не большевик, а спекулянт), сделал удивительный доклад о положении финансов России: бюджет расходов выражается «астрономическими» цифрами в несколько десятков миллиардов, а доходы только в 6 миллиардов и т. д.; в результате проповедуется экономия и рекомендуется в спешном порядке восстановить банки. Прочитав все это, я понял, что все наши пресловутые большевицкие прибавки через месяц или два могут превратиться в пустую фразу.

5/18 апреля. Вчера владыки праздновали Леиские избиения[8]; по сему случаю мы были сегодня лишены газет. Турки взяли Батум, а на остальном Кавказе против большевиков воюют меньшевики[9]. Немцы продвинулись к Курску и пробираются в сторону Воронежа; на западе идет, в сущности, безрезультатная бойня. А наши владыки как будто постепенно ссорятся с немцами. Вчера, глядя на весну, мне до боли ясно вспоминался плеск моря о скалы в Крыму и продажа цветов на улицах Парижа. Nessun maggior dolore...[10] В Загранье отправили письмо в Совдеп, сообщая, что мы организуем артель трудовую и чтобы за нами укрепили землю[11]. Не знаю, что выйдет.

7/20 апреля. Вчера в Музей явилась особа низенького роста, с южным говором и курносым носом — оказалось, г-жа «Троцкая», желавшая получить «Киевскую мысль»[12] за 1915 и 1916 г. для своего «супруга»; была очень вежлива. Я ей указал, что необходимы известные формальности, с чем она согласилась. Сегодня ова явилась, разодетая богато, но безвкусно, на автомобиле с солдатом, который стоял перед ней навытяжку, и получила свою «Киевскую мысль» в обмен на письмо к «Гражданину Библиотекарю Румянцевского Музея, профессору Ю. В. Готье», в котором, со всеми буржуазными предрассудками, вроде «честь имею просить» и «прошу принять уверение», г. Л. Троцкий просил о выдаче ему журнала (так в подлиннике) не более, как на две недели. Продолжают ожидать германского проконсула; на западе опять ничего, кроме частных успехов французов. Мои французы предрекают развитие действий союзников на Дальнем Востоке, я им ответил que ce n'est que logique de dépécer le cadavre du mammouth[13], думая про себя, что народ, сам себя предавший и убивший, не достоин иной участи.

8/21 апреля. На западе пекло; все-таки немцы не в состоянии осилить армии народов сильных и себя уважающих. Но когда же, наконец, прекратится эта бойня, это разорение и гибель Европы? Яковлев рассказывал, что вчера был принят тов. Лениным в кабинете [далее зачеркнуто: стар. председателя (?)] прокурора судебной палаты[14] по делу его отца; был очень любезен и тотчас же отправил телеграмму в Симбирск, чтоб не трогали старика Яковлева[15]; о политике не было говорено ни слова. Жилец Дольников-Астафьев, бывший Харьковский вице-губернатор, идет завтра продавать газеты по улицам; вот она, русская революция. Сегодня справили второй диспут Пичеты[16]; по-моему, и этот диспут был удачен в смысле живого обсуждения книги. Интересно, последний это наш диспут или нет? Потонет ли этот обычай в куче мусора или Герострат-футурист Лупанарский не осквернит нашу святыню?

10/23 апреля. Битва народов на западе переживает период затишья, конечно, перед новыми бурями; у нас — все та же большевическая кислятина. Интересен проект Троцкого о создании рабочей армии на основании принудительного обучения всех рабочих и работниц, крестьян и крестьянок владеть оружием, при наличии кадров, состоящих из офицеров и генералов. Это — чушь, которая осуждена на неудачу, как и проект красной армии добровольческой, в крахе которой они уже сознались. Одно из двух: или армия, или ее нет; если она есть, то это может быть только при командном составе, а если будут офицеры, то впоследствии офицеры пожрут большевиков; это понимают и в этой среде, и этим я объясняю, почему проект Троцкого не был принят жидами Центрального Исполнительного комитета, а сдан в какую-то комиссию. Заявление французского посла Noulens, что союзники, быть может, займут Сибирь; и это надо отнести на счет того, что с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Вчера открывали в зале Румянцевского Музея Istituto italiano[17]; все было по ритуалу, но было, может быть, слишком много приказчиков от Дазиаро и Чекато. Характерная подробность: должен был говорить Бальмонт[18]; его ждали долго, как архиерея; он приехал с большим опозданием и прежде всего велел вести себя в ватер-клозет; даже выдающийся русский [далее зачеркнуто; поэт] человек, и тот не мог не обосраться.

В доме произошел большой переполох, который продолжался всю ночь до 4 часов; нарвались Славин и Гурко с сахарной операцией; в доме распродали до 70 пудов сахара, при наличности врагов, всегда готовых донести. Донос и произошел — я думаю, что кроме завистливой и большевически настроенной прислуги здесь принимал участие бывший управляющий и старуха, некая Зограф, которую Славин и Гурко стремились выселить из ее квартиры, чтоб расширить свои хозяйственные операции. К нам приходили два товарища, возможно, что ранее они служили в сыскной или охранке (по крайней мере один), и снимали

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—10.

показания; один был сравнительно вежлив, другой очень нахален, было противно видеть у себя эти рожи — это было в первый, но, вероятно, не в последний раз; обыск был только у Славина и у М. Н. Петрово-Соловово, где доискивались вина; суматоха была до 4 часов утра, хотя я досидел только до двух. Сегодня переполошившиеся буржуи из комитета собрались в экстренное заседание, чтоб установить общую линию поведения; затем Славин отправился в Комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией и, кажется, до сих пор не возвращался.

Сегодня сидели в Музее за разработкой устава, который никому не нужен и никогда не будет введен в действие; сколько мы теряем времени — это просто противно! А особенно противно, когда видишь, что все члены такого просветительного учреждения, как Румянцевский Музей, в лучшем случае, пошехонцы, заблуждающиеся в трех соснах, или же, в некоторых случаях, просто дурачье, объевшееся белены.

11/24 апреля. Вчера, по словам Бахрушина — соседа гр. Мирбаха, толпа черни глазела на освещенный дом, где пировали немцы с проконсулом прусского цезаря во главе. Хамы ждут своего хозяина. Глядя на глубину разврата общественного, политического, этического, нравственного и всякого другого, мне приходит теперь в голову, что если этот проклятый народ и может вылечиться от своего сумасшествия, то только вековым немецким рабством. Это — лошадиное средство: или оно убьет русский народ (эта возможность не исключена), или оно его вылечит; другого лекарства не видно. Сегодня речь Ленина, натравливание на мелкого хозяйчика, т. е. крестьянина-собственника, надежды на зреющую западноевропейскую революцию и показывание кукиша из кармана немцам[19]; сегодня «национализовали» внешнюю торговлю. Для меня возникает вопрос — можно ли купить книгу у Тастевена или Лидерта[20]? Наш президент Славин ночевал где-то в узилище; сегодня днем был дома, но я его не видел; вечером сей израильтянин был вновь «восхищен в рай», конечно, большевический.

12/25 апреля. В газетах интервью с тупоголовым жидо-немцем Штернбергом, астрономом, большевиком и комиссаром по делам высшей школы; собираются в апреле преобразовать историко-филологические и юридические факультеты[21], которые, конечно, с их точки зрения, должны считаться гнездами буржуазной науки. Что ж, поживем — увидим; надо будет оставаться и беречь Университет до последних пределов возможности; противно только, что какие-то неведомые, самочинные люди коверкают, не спрося никого, все то немногое, что было хорошего в наших университетах. В Пензе ставят памятник Карлу Марксу; безумные гориллы продолжают куролесить. Немцы заняли Симферополь[22]. Скоро Севастополь будет взят с суши немцами во время мира с Германией. Еще раз скажу, что русский народ заслуживает того, что он получает, и что тяжко дожить до чувства ненависти и презрения к родному народу.

13/26 апреля. Смутные настроения и впечатления; чувство дальнейшего опускания в отхожее место; хотя особых острых данных нет. В доме надвигается новая опасность реквизиции; в домовом комитете ссоры и дрязги по поводу сахара. В ученых кругах разговоры о будущей судьбе Университета; я думаю, что, как бы мы ни приспособлялись, все равно, если большевики пожелают с нами разделаться, то их не остановят ни наши шаги в сторону демократизации Университета, ни какие-нибудь летние семестры: всегда найдутся и младшие преподаватели стиля «ôte-toi de lá que je m'y mette»[23]. Остается ждать с философским спокойствием воли Аллаха, давно от русских отступившегося. Вчера был у Вилькенов и смотрел из их окна на ресторан «Ампир»; масса народу и представление на эстраде такое, что хоть бы и не в социалистическом отечестве.

14/27 апреля. Совет курсов; положение такое же неопределенное, как в Университете, будущее все в черном тумане; между прочим, надо было выдать с Пасхи жалованье служителям — 27.000 руб. по чеку — и пришлось свидетельствовать этот чек в районном Хамовническом совете рабочих депутатов — на том основании, что Высшие Женские Курсы — учреждение частное. Кизеветтер мне заметил после того, как Чаплыгин[24] сообщил об этом: запишите в свой дневник, а то после не поверят. Таковы судьбы высшего образования в стране горилл. Кооператоры, т. е. совет кооперативных съездов, иначе умеренно-социалистическая горилья панацея, собрались спасать памятники искусства и старины (беда, коль пироги...) и образовали соответственный комитет, в который приглашен и я. Председатель Грабарь, секретарь Эфрос — все тот же «объединенный комитет», который едва не предал все музеи в руки большевиков[25]; на заседании комитета присутствовали кооператоры с. -р. [овского] и н[ародно]-с[оциалистического] толков — все с горильими образинами; на лицах этих людей так и написана тупость и ограниченность. И вот они теперь решили быть меценатами. Дай Господи, чтоб что-нибудь вышло из этого. На западе немцы что-то пытаются сделать, но ничего не выходит; коса опять нашла на камень!

15/28 апреля. Ходил на тощую большевическую вербу с Вовулей. Девичье Поле, вернее, один только проезд близ Черняевского училища[26]; абсолютно демократическая толпа, т. е. одни только гориллы; 6—7 плохоньких палаток; пыль столбом от пешеходов, и надо всем красуется задрапированный красной материей балкон местного совдепа, разместившегося в захваченном особняке Поспелова. Там умирает жалкой смертью вековое вербное гулянье. Вечером был на лекции Патулье «L'armature spirituelle de la France»[27]. Эту лекцию, прочитанную на красивом французском языке, надо было слушать русским; по иронии судьбы на ней были почти одни только французы; говорилось о том, чем могут гордиться французы и чего не оказалось у русской сволочи — не только honneur et patrie[28], но чувства общей солидарности, сознания единства нации, которое составляет цемент нации и ее внутреннюю силу и которое создает несовместимую с русской действительностью union sacrée. Французы все это могли слушать с гордостью, а немногие русские с чувством стыда и боли.

17/30 апреля. Сегодня видели в магазине Бондрак нового хозяйчика: говоря словами Ленина — горничную[29], или что-то в этом роде, которая покупала себе 100-рублевую шляпу: «иные люди в мир пришли, иные мысли и стремленья они с собою принесли». Вот еще случай: в Румянцевский Музей явился парх из Комиссариата иностранных дел и просил ему указать, где печатаются договоры — требовалось найти какой-то договор с Австрией; когда Черепнин[30] ему нашел этот договор в «Собрании узаконений», то он чуть не со слезами его благодарил. Вот во что обошлась забастовка чиновников! Сегодня шли приготовления к 1 мая, с Троицких ворот Кремля висит плакат «да здравствует всемирная республика»[31].

В Комиссии по охране памятников старины был поставлен вопрос об обращении Нескучного дворца[32] под какие-то школы, а газона перед дворцом под огороды — и те, которые говорили об этом от Комиссариата народного просвещения, не отдавали себе отчета в собственной непроходимой глупости. Даже товарищ Малиновский, и тот против них ополчился. (На этом же заседании присутствовала тов. Малиновская[33] — внешний вид ее вполне приличный). Сегодня ломали Скобелева и снимали корону с Александра III и орлов, сидящих на его пьедестале[34]. Вот букет повседневных новостей, иллюстрирующих беспробудную глупость русской сволочи. Единственный здравый голос, который я слышал из толпы сегодня — мальчишка лет 10-ти смотрел на другой плакат на Троицкой башне: «да здравствует трудовая революционная дисциплина»— и заметил: «дисциплина? — которой нет». Воистину сокрыл от сильных и открыл младенцам!

19 апреля / 2 мая. Вчера они праздновали 1-е мая; мы сидели дома до 5 часов, потом вышли и обошли Храм Спасителя; ясная, очень холодная погода, ветрено. У Александра III, затянутого в черную тряпку и с веревкой на шее, человек 30—40 народу; слышатся слова присяжных ораторов, присланных «совдепом»; им отвечают голоса протеста; на перилах два юнца, в бывшем солдатском костюме, говорят: «Вот бы переписать, да сообщить в Совет рабочих депутатов»; вероятно, это касалось тех, кто говорил не в унисон с сегодняшним праздником. Кремль в красных флагах; громадный флаг на дворце, вместо штандарта[35]. Вот все непосредственные наши впечатления. По-видимому, большим оживлением праздник не отличался; глупый народ стал в позу пассивного протеста, на которую он обычно способен; улицы (кроме процессий) были тихи и пустынны.

Сегодня случилось чудо — Никольские ворота были задрапированы красным, причем завешена была и икона, уже разрушенная в октябрьские дни. Вдруг сегодня красная завеса начала распадаться и открыла икону; ткань разлетелась сама собою по волокнам, точно ее облили какой-нибудь кислотой; собралась толпа, гудевшая о чуде, молебен, стрельба в воздух в результате, чтоб разогнать толпу.

Получил сообщение о переговорах с немцами[36]; если и не соответствует это истине, то все равно предуказует ее в будущем. Ведут эти переговоры пока что 3 группы — Маркова 2-го[37] (земельные собственники), кто-то из московских торгово-промышленников и некий московский общественный деятель, имя которого пока скрывают; лозунги с русской стороны: соединение с Украиной и невмешательство в войну. Добавляют, что переговоры ведутся вразброд — истинно по-русски. Еще слышал от Яковлева, что на запрос балтийских немцев, что им делать — уезжать или оставаться, — им было отвечено — man muss abwarten bis der Rittmeister nach Moskau kommt[38]. Имеющий ум, да понимает. Проходя Денежным переулком[39], встретил 2 немцев штатских, 2 немецких солдат, 1 французского офицера, 1 французского моряка — не прообраз ли это будущей судьбы России под протекторатом наконец помирившихся народов запада?

20 апреля / 3 мая. Немцы заняли Севастополь и Феодосию. То, на что полвека назад понадобился год нечеловеческих усилий[40], теперь достигнуто в 1—2 дня и осуществлено 1

мая, когда официальная Россия, советская, федеративная и т. п., справляла свой первомайский шабаш. Все идет planmässig и zweckmässig[41], только когда и как большевического чижа захлопнет злодейка-западня, а с ним погибнет и русская самостоятельность? Приехали встречать праздник в Пестово. Странное чувство. Как будто все то же, а между тем гориллы могут прийти и на «законном» основании выгнать законных хозяев. Располагаемся на 5—6 дней; сегодня очень холодно; авось хоть потом погреемся. Декрет об отмене наследства, сегодня опубликованный[42], меня не трогает нисколько, но если бы, паче чаяния, большевицкое царство удержалось, то кроме эмиграции нет другого выхода.

22 апреля / 5 мая. Пасха. Холод; северный ветер, не дающий развернуться природе. Живем в Пестове второй день; полное спокойствие; никто не является, не надоедает; известный отдых нервам здесь есть. Живем почти без прислуг, как и подобает в социалистическом обществе; чтобы не таскать блюд, едим на кухне, которая стала чем-то похожим на кухни во французских фермах — тут же и столовая и гостиная; разговлялись вчера в 10 часов, а в одиннадцать уже спали; идти к заутрене за две версты отказались из-за мороза, а я также и по нежеланию видеть горилл. Чувства радости, что я в деревне, у меня нет вовсе; все время здесь, может быть, даже это чувство более жгуче, чем в Москве, что все исчезло, все погибло, что русскому интеллигенту осталась возможность жить только в городах, антисанитарных, пыльных, что единственное, что было в России хорошо — русская деревня — запретный плод для всех не горилл, ибо каждого из нас в любой момент могут отсюда выгнать.

Хочется записать мысль, которая не раз приходила мне в голову последнее время. Одна из особенностей русской смуты — обилие газет, то возникающих, то исчезающих: все объяты стремлением во что бы ни стало издавать газеты, не заботясь о том, кто их будет читать. Издание газет — тем большая потребность, чем левее каждый данный субъект или каждая данная группа. Русский человек видит свое призвание в издании газеты и дольше этого не видит ничего. Это напоминает мне один эпизод с покойным священником в Покрове-Барском Конце[43] — Михаилом Петровичем Тихомировым. Он ко мне очень благоволил и, когда я бывал в Загранье, часто приезжал со мной поговорить. Когда я только что кончил или, может быть, даже еще должен был кончать Университет (1895 или 1896 год), зимой, приехав в очень сильно возбужденном состоянии, что с беднягой случалось очень часто, он в разговоре стал меня спрашивать, что я намерен делать, кончив Университет. На мой ответ, что хотелось бы посвятить себя научной деятельности, он возразил с разочарованием в голосе: «А я думал, что Вы будете газету издавать». Русский интеллигент среднего и ниже среднего уровня за 20 лет не подвинулся в своем развитии.

23 апреля / 6 мая. К вечеру погода стала лучше; выходили гулять; за ветром было даже тепло. Из Пушкина привезли газеты; немцы действительно упразднят Раду[44] — поделом этой сволочи; лучше и для дела соединения в будущем всей Руси; я думаю, что за одно с немцами против Рады действуют и все искренние сторонники воссоединения; а немцы здесь обнаруживают свой коренной недостаток: то, что они полагаются только на силу кулака; на самом деле они ссорятся со своими единственными друзьями. На западе все более или менее слава Богу. Разошлись спать в 10 часов и спали до 8 — это возможно только при том состоянии нервов и той оттяжке, которую я чувствую.

24 апреля / 7 мая. Приехали из Москвы Эмма Вилькен и Шамби. Известий нет никаких. Шамби по-прежнему предрекает скорые решения. Газеты выйдут только в четверг — о рай для русских лодырей! Погода вчера была совсем прилична и допускала некоторое наслаждение природой. Население милостиво; жить можно было бы вполне, если бы не было этого ужасного чувства безысходности и безнадежности, которое не покидает меня ни на минуту и которое временами здесь даже сильнее, чем в Москве — вероятно, по контрасту между тишиной вокруг и тревогой внутри себя.

25 апреля / 8 мая. Вечером снежная пурга; сегодня опять ясно, но по-прежнему холодно. Сегодня приходили батюшки; разговор о том, что происходит вокруг. Выходит, что вертит всем комитет[45], в котором вертят, в свою очередь, несколько человек; преследуют они цели обогащения за счет всех, т. е. землевладельцев и крестьян, чтобы своевременно скрыться потом и замести свои следы. Семян нет нигде; картофель сажать нечем; но о том, как помочь этому действительному горю, комитет думает менее всего. Сегодня опять гложет червь о том, что делается в Москве, не свалилось ли каких неприятностей. Я воспользовался пребыванием здесь, чтобы набросать главу французской книги, которую я задумал; пока вышло лучше, чем я думал; работа затеяна большая; если я ее доведу до конца, пускай она будет моей общественной исповедью и моим гражданским credo[46].

26 апреля / 9 мая. Взял вчера вечером читать газету молодых кадетов — еженедельник «Накануне»; прочел 2 номера из вышедших 4-х и убедился, что молодые кадеты все в один

голос кричат об одном — родина, отечество, надо переродиться; русская интеллигенция виновата, она направила народ по ложной дороге — необходимо здоровое национальное чувство и т. п.[47] К этим голосам кое-где присоединяют свой сочный баритон и кадеты маститые. Но почему же все они не говорили и не писали этого раньше, с начала войны, когда об этом надо было писать, говорить, кричать? Меня всегда поражала бедность литературы о войне и по поводу войны у нас, в сравнении с тем, что выходило во Франции, Англии и Германии; теперь ясно, почему это было так. И для цивилизованных русских людей понадобился жестокий предметный урок для того, чтобы уразуметь то, что должно бы было быть совершенно ясным каждому. Что же ждать после этого от горилл?

Еще одно размышление, почерпнутое оттуда же: в 2 номерах — статьи Кизеветтера, где разносится социализм и доказывается его непригодность и неприменимость. Ровно 5 лет назад, в Симеизе, мы гуляли втроем — Кизеветтер, Богословский и я — в Лименах[48], и я слушал спор моих спутников: Богословский доказывал то, что теперь пишет Кизеветтер, а Кизеветтер защищал идею социализма и доказывал его практическую возможность в будущем, правда не в ближайшем и не для русского специально народа; но ведь и теперь он говорит не о неподготовленности России для социализма, а о том, что русский опыт доказывает вообще непригодность социализма. Итак, даже для человека большого ума и дарований, но зараженного русско-интеллигенческой идеологией, нужен был жесточайший предметный урок, чтобы познать истину.

Наслаждаемся по-прежнему тишиной; холодно, но ясно, возможно греться на солнце сидя на крыльце, смотрящем на юг. Все сильнее думается о том, что происходит в мире. Как бы было хорошо, если бы было возможно уйти от всего окружающего.

27 апреля / 10 мая. Государственный переворот в Киеве[49] может иметь громадные последствия для несчастной Великороссии, хотя предугадывать подробности и рассчитывать на близкое время, как это делают, кажется, в Москве, по-моему, еще мало оснований. Во всяком случае, в Москве некоторое оживление. В вагоне разговор с двумя гласными каких-то совдепов[50]; впечатление одно: полный сумбур в голове, полное одурение, которое можно вывести только временем или очень жестоким ударом. Из Загранья тревожные вести. Если не приедем, то грозят отобрать пашни.

29 апреля / 12 мая. Прожили еще два дня в Пестове, погода все время улучшалась. Наблюдения над местным населением и переговоры с ним убедили, что прожить лето там, вероятно, удастся, хотя крестьяне, оставаясь довольно любезными, стали достаточно фамильярными; в частности, парк считается социализированным, и в последние дни, когда стало теплее, они в парк стали являться в большом числе. Вернувшись, я мало кого видел, но, судя по тону газет, дела правителей не слишком хороши, хотя процесс их смены, по-моему, не может быть кратким, если только не выступят какие-нибудь новые факторы, мне неизвестные. Какой-то перелом все же чувствуется.

30 апреля / 13 мая. Слухи, слухи, слухи; как клевета в арии из «Севильского цирюльника». Они растут, распространяются, проникают повсюду. Быть может, они смолкнут, чтоб вновь возродиться при каком-нибудь новом случае, быть может, они действительно предвещают конец большевиков. Суть их сводится к этому и к появлению режима, напоминающего малорусский в данный момент. С другой стороны, что-то действительно нарастает на Дальнем Востоке[51]; быть может, недалек день, когда азиатская Россия будет занята союзниками, а европейская — немцами, и об одежде ее, т. е. России, будут метать жребий. И что же против этого сделает народ-банкрот?

2/15 мая. За эти два дня только слухи и слухи, опять-таки самые разнообразные; под ними есть какая-то истина, но какая? Наиболее ценным я считаю то, что, по словам близко наблюдающего их Бориса Сергеевича Петр [...], настроение у большевиков сильно изменилось за время Пасхи. Немцы заняли Ялту и *освободили* (!) членов царской фамилии, сидевших в заключении в своих имениях[52]. Немцы охватывают все своими клещами, и весь вопрос в том, когда и как они нас захватят совсем.

3/16 мая. Новых слухов нет; старые поддерживаются; общее убеждение в том, что большевики полетят, но не менее общее, что владычество немцев неминуемо. Это убеждение гораздо сильнее, чем было в феврале; быть может, на этой почве у всех, и в том числе и у меня, является какое-то равнодушие к тем мерам, какие большевики могут предпринять по отношению к чему бы то ни было.

4/17 мая. Положение без перемен. Слухи такие: некоторые комиссариаты получили предписания свертываться и быть готовыми к отбытию в направлении Нижнего. Гарф рассказывал, что Московско-Курская железная дорога получила предписание быть готовой к эвакуации; на линии Московско-Рязанско-Казанской железной дороги *за Волгой*[53] велено

строить тупики для загона туда подвижного состава, эвакуируемого отсюда. Оба сведения более или менее из первых рук, но что они означают — начало конца или же профилактические меры? Вечером собрание у Любавского; он и гр. [...] осведомили о том, что им известно по поводу немецкой ориентации. Впечатление такое, что какие-то переговоры действительно ведутся, но что Мирбах ломается и кобенится, чего-то обе стороны выжидают и, быть может, запрашивают. С другой стороны, велись или ведутся переговоры и с союзниками, но там они натыкаются на абсолютное нежелание Америки пойти на восстановление монархии. Вообще союзники нас понимают мало, а Американцы и вовсе ничего не смыслят в том, как нужно обращаться с русской дрянью и какие лошадиные средства нужны для нашего исцеления.

5/18 мая. Совет Университета; много говорили глупостей о филиальном отделении Университета в Иркутске, на которое уже наложили руку большевики[54], потом были у нас Мальфитано и Авенар [...] и дядя Эдуард — болтали о разных вопросах, более широких, чем взаимопонимание. Большевицкие войска захватили сегодня клиники; стоило большого труда их оттуда выжить, но и то еще не выяснено, ушли ли они. Слухи все те же; а толку от них немного. Не могут же немцы спасать народ-самоубийцу — на что им это? Вот и вспоминаются теперь длинные вереницы демобилизующихся самопроизвольно солдат, ночною порою проходивших этой зимою по Воздвиженке и Арбату: они вели к немецкому владычеству, и, глядя на них, когда с ними приходилось встречаться, жутко делалось на душе. Цены на продукты резко возвысились после Пасхи, и продуктов стало меньше. Голод, настоящий или искусственный, я не знаю, — начинается.

6/19 мая. Слухи все те же; они не умолкают; много говорят о дальневосточных десантах; уверяют, что японцы собираются дойти к зиме до Урала. Кто же хуже — немцы или японцы, ибо ведь не надо думать, что японцы явятся только для одних наших прекрасных глаз. Уверяют, будто Мирбах требует какого-то контроля над какими-то дорогами. У Антония священник, говорят, произносил сегодня проповедь, в которой Николай II был уподоблен Лазарю, «который, может быть, воскреснет». Общее собрание дома, скучное, инертное, малолюдное, которое окончилось избранием старого комитета. Все так на Руси; впрочем, об упадках комитетов я не жалею. На западе готовятся к новым боям.

8/21 мая. Вчера я был приглашен на совещание при литературно-издательском отделе Комиссариата Народного Просвещения[55]. Я поехал туда, чтобы поближе посмотреть этот сумасшедший дом, и я не раскаиваюсь. Большая зала лицея[56]. Вместо царских портретов — красные полотнища, заколотые красными кнопками. Под одним из портретов в рамке портрет товарища Ульяновой-Крупской — тот самый, который в книге «Большевики»[57], с красным бантиком в углу; мраморные доски сняты. Я пришел на один час позднее назначенного времени; в зале были Сакулин, Гершензон, Грабарь, Брюсов, Вересаев, Чертков, И. Д. Сытин[58] и несколько товарищей. «Комиссар», товарищ Лебедев-Полянский[59], молодой человек лет 30-ти, брюнет, говорящий гладко, пересыпающий речь местоимениями — я, мне, и т. п., «я, как революционер», и т. д.; чувствуется чванство, надутое торжество, самовлюбленность и незнание, в то же время, что дальше делать. Жид Голосовкер, оставленный или нет при Киевском Университете, сидит за секретаря.

Председательствующий комиссар говорит длинную речь, в которой слышится защита декрета о монополизации классиков[60] и указывается, что все правила и порядок изданий, комментария и редакции уже кем-то предрешены. В ответ поднимается Гершензон и отвечает отповедью, очень резкой; ее лейтмотив такой: вы нас приглашаете на роль горничной, которой велят делать то или другое дело без рассуждения. Затем Сакулин оглашает заявление, подписанное им, Гершензоном, Вересаевым и мною, в котором указывается, что мы сочувствуем идее издания классиков на государственный счет, в изданиях, не преследующих целей наживы, но что мы против монополизации и что мы не знаем, что нам делать в деле, в котором все уже предрешено. Я спрашиваю у товарища Лебедева, что за комиссия в Петербурге и каково отношение Московской коллегии к ней[61]. Характерно заявление Черткова (я вижу его в первый раз — удивительно барская наружность, которую не скрывает, а скорее выставляет на вид оборванный, небрежный костюм) — он сказал, что и он бы подписал наше заявление, если бы там не говорилось о издании за счет государства, т. к. он против государства вообще. Оле[62], глупости кающегося дворянина! Сытин молчал все время, изредка (он сидел рядом со мною) говоря мне вполголоса свои негодующие замечания. Странно было видеть его здесь: большевики почти отобрали у него все и его же пригласили на это совещание.

Ответ товарища комиссара был длинен, гладок; он продолжал говорить с рисовкой, слушая самого себя и улыбаясь сладкой и подлой улыбкой. На Гершензона он очень обиделся и заявил, что он удивлен, как гражданин может говорить о том, что кого-то приглашают на

роль горничной; при этом, как и в первый раз, он старался показать свою образованность, говорил о своих философских принципах, об «императивной категории», и вставлял французские выражения, вроде о куран, au fond вместо á fond[63], и далее в этом роде. Но аргументы были в значительной мере митинговые; он старался софизмами доказать нам, что все можно пересмотреть и переделать, но что одного нельзя — отменить декрет о монополизации, цель которого — только искоренить «литературное мародерство». Как это будет делаться, он пояснить не мог. Получилось, у меня по крайней мере, впечатление, что большевики, наделав глупостей, желают, чтобы здравомыслящие люди исправили эти глупости и своим авторитетом покрыли их преступления, ибо ничем другим нельзя считать их декрет, лишающий авторов и их наследников их достояния. Мне надоело сидеть, и я уехал, заявив, что я могу, в пределах подписанного мною заявления, быть консультантом комиссии (этот термин в их программе имеется), но что членом комиссии, коллегии или чего-нибудь в этом роде, я не могу быть, ибо я не компетентен в деле литературной критики и редактирования. Конец заседания постараюсь узнать от Сакулина.

Очень характерен состав петербургской комиссии, которая все предрешила и предначертала, но которая, по словам тов. Лебедева, может умереть теперь своею смертью в Петербурге, т. к. она должна быть заменена новой комиссией — Московской, имеющей возникнуть под сенью Комиссариата народного просвещения: в ней состоят А. Блок, Иванов-Разумник[64], заявившие себя левыми из левых с. -ров, Бенуа, иже везде свой и все исполняй, и 2 журналиста — вот и все. И вот приглашают серьезных и уравновешенных людей исправлять то, что наделали преступный декрет и люди, взбесившиеся или невежественные, или прохвосты, которые преднаметили порядок осуществления декрета.

На этом совещании нам были предъявлены 1 том Щедрина, 1 том Кольцова и 3-й том курса Ключевского, изданные ими. Комиссар хвастался, что печатание обошлось им очень дешево, а Сытин шептал мне — ведь типографии-то они даром захватили! Я ушел с глубоким убеждением, что привлечь им солидных сотрудников не удастся: бездна нахальства, цинизма, и в то же время глупость, раскрывшаяся передо мной, еще раз убедили меня в истинной цене этих новоявленных устроителей России: сволочь, и только.

9/22 мая. Сегодня грандиозный крестный ход к Никольским воротам, ставшим теперь местом поклонения. Я видел его, т. е. вернее, его часть и толпу на Ильинке, Никольской и у Иверских ворот[65]; она производила грандиознейшее впечатление. Это было не первое мая, а нечто более внушительное. Масса, конечно, против большевиков; но это не значит, что они сумеют их уничтожить.

10/23 мая. Ничего нового; все опять на мертвой точке; оттого ли, что скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, или оттого, что действительно ничего выйти не может, но только опять сто пудов на душе, опять чувство безысходного позора, стыда за все русское, и кажется, будто ничего никогда не переменится, и все будет продолжаться разорение несчастной страны. Никому мы не нужны, никто нас не желает привести в порядок, а тем временем князья мира сего довершают разорение страны. На западе готовятся к новым событиям.

12/25 мая. Положение без перемен; слухи или замерли, или все те же; говорят, что властители осмелели; другие говорят, что они в Москве боятся Мирбаха, а из Москвы на Волгу уезжать боятся, ввиду тамошних беспорядочных вспышек. Мог бы узнать кое-какие новости академического мира, но в совет Высших Женских Курсов не попал, потому что был в Донском монастыре, по случаю годины Ключевского[66]. Между прочим, сегодня в «Русских Ведомостях» (т. е. в «Свободе России») появилась статья Львова о Ключевском и русской революции; интересно указание на беседу его с П. Струве (сборник Струве «Patriotica», стр. 200—202)[67], где Ключевский выражал сомнение, выдержит ли тонкий слой государственных учреждений неизбежную коллизию между самочинным умствованием проснувшегося народа и правительством, которое во что бы ни стало хочет оберегать старый режим. Все более и более указаний, как много думал Ключевский о будущей революции и как пессимистически он смотрел на будущее России. На кладбище мы много бродили; как много там лиц, знакомых по истории XVIII и XIX веков, по хронике Москвы и даже по личным связям. Навестил Веневитинова — и этот предрекал русскую смуту; смотрели памятник Муромцева — бюст, сзади стена, впереди голая каменная пустыня — какой яркий символ для кадетской партии, этого кружка с пустыней вокруг[68].

Сегодня я имел счастье познакомиться с одним из вождей большевиков — Рязановым (истинную кличку его не знаю). Он явился в Румянцевский Музей, очевидно, знакомиться с учреждением, в связи с затеянным им предприятием — устройством главного управления архивов, музеев и библиотек (впрочем, Румянцевский Музей туда не входит), приглашал

меня опять на какое-то совещание в Комиссариат народного просвещения, на которое я до сих пор, однако, приглашения официального не получал, но если получу, то пойду и в этот бедлам. Затем он удостоил меня беседы, длившейся более часу. Это человек лет 50-ти, очень прилично и чисто одетый, с вежливыми и корректными манерами; в первые минуты беседы удивляешься, что видишь такого большевика. Мне кажется, и он также жид, но внешний его облик не выдает его; выдает разве только разговор, акцент, хотя не особенно сильный, но достаточно противный, не чисто жидовский, а жидовско-польский. Он влюблен в себя и занят самим собою, много намекал на свои занятия наукой — по-видимому, марксизмом (надо будет просветить свое невежество и посмотреть, что он вообще писал); с покровительственным высокомерием говорил о русских профессорах; с ученым видом знатока говорил об архивном деле, в котором, на самом деле, не пошел дальше старого доброго Самоквасова; снисходительно улыбался, говоря о слишком ярых приспособителях из нашей среды, которые особенно охотно «надевают защитные цвета», причем имел в виду, по-видимому, кое-кого из петроградцев. В общем, при вежливых и корректных манерах, сильное стремление показать ученость, превосходство во всем, и, в одно и то же время, беспристрастие и близость к «моему приятелю Ленину»[69]. Впечатление громадной, давящей вши, которая разящую от нея вонь старается заглушить дешевыми духами.

13/26 мая. Все без перемен. Все утро гуляли в Нескучном, где я не был по меньшей мере 28 лет; сад так же прекрасен, так же уютен; в нем чувствуешь себя где-то в оазисе; наплыв демократии сказывается только местами в протоптанных тропинках, в затоптанных газонах, да в горильих отпрысках, которые бегают группами и чувствуют себя как дома; когда мы уходили, стали появляться хулиганы с стеками и начесами, костюмированные в военную одежду (иначе выражаться не могу); но все-таки до 2 часов элемент буржуазный преобладал; все-таки прелесть сада выше всех этих изъянов, и мы вышли в хорошем состоянии духа.

15/28 мая. Беседовал с французом, директором завода в Донецком бассейне; он говорил, что вся эта катастрофа неминуемо должна была произойти и что, когда произошла 1-я революция, им на донецких рудниках было все ясно — настолько настроение рабочих было явно большевистским. Сегодня я получил (увы!) приглашение на совещание товарища Рязанова-Гольдендаха; если оно не кончилось сегодня, то завтра придется один раз сходить; то, что об этом совещании рассказывали Яковлев, Виноградов и Савин, достаточно безотрадно.

Слышал рассказ, идущий из московских немецких кругов, что, по мнению Мирбаха, Чичерин — ein reizender Kerl[70], которой исполняет все большевические желания, что никто лучше большевиков пока что немецких желаний не исполняет, и никто бы Брестского договора выполнять, кроме них, не стал. Это укрепляет меня в мысли, что если немцы и предпримут что-нибудь, так только когда русские будут их об этом просить. А этой просьбы — свалить большевиков, с тем чтобы стать покорными слугами немцев в отплату — пока еще нет. Терпеть придется еще долго, и кто знает, может быть, придется еще бегством спасаться в Киев или Харьков, где русская жизнь будет теплиться под защитой немцев. На западе затишье продолжается.

17/30 мая. Опять немецкое наступление на западе и опять частичный успех, и все это из-за русской сволочи. На Дону образовалось правительство ген. Краснова[71], который уже ходил воевать с большевиками под Гатчину; это правительство следует примеру Украйны и вступило в связь с немцами; таким образом, теперь немцы будут воевать против большевиков в пределах Донской области и Северного Кавказа; область отторгается за областью; война идет все глубже. Сегодня большевики объявили в Москве военное положение. Какими новыми неприятностями грозит нам это[72]? Вчера приехал брат из Загранья. Положение таково, что ехать туда и можно и нужно.

18/31 мая. Военное положение привело вновь к закрытию всех так называемых буржуазных газет и к многим арестам. Вчера были, между прочим, арестованы кадеты, собравшиеся в кадетском клубе; в том числе Бочкарева и Юрьева, служащие в нашей Румянцевской библиотеке. Сегодня Яковлев был у Ленина для их освобождения и, кажется, добился успеха[73]. Характерен разговор, который, как передал Яковлев, произошел между ними. Л: «Мы арестовали людей, которые будут нас вешать». Як.: «Не эти, а другие будут вас вешать». Л: «Кто же?». Як: «Это я вам скажу, когда будете висеть». Их общий тон и настроение, по словам Яковлева, растерянны и тревожны, но я все-таки не думаю, чтобы конец их [был] близок. Я не знаю, против кого именно направлены громы большевиков[74], но я твердо знаю, что их конец может быть только при содействии немцев; а чтобы они хотели этого переворота, этого не видно; объективных признаков такого явления нет. Дон все же становится новым серьезным препятствием на пути большевиков. На западе положение серьезное; немцы бьют на Реймс и Суассон, т. е. по направлению на юг к Парижу.

19 мая / 1 июня. Кризис не наступает и не наступит и на этот раз. Пень подгнил, а свалить его некому. Большевики еще продержатся. Воздействие А. И. Яковлева имело успех, и Бочкареву уже выпустили; Юрьеву выпустят сегодня. Любопытно впечатление Яковлева от посещения здания судебных установлений: ранее оно было полно народа и большевической жизни; теперь эта жизнь замерла, и к сидящим там властителям можно пробраться легко, как никогда ранее. То же самое подтвердил мне сегодня Белокуров, ходивший к Бонч-Бруевичу по делу освобождения Иловайского (бедного старика все-таки продержали несколько дней)[75]. И все-таки более, чем когда-либо я вижу неизбежность немецкого владычества; оно придет и поглотит нас без остатка и без возврата.

Характерно полученное сегодня с оказией письмо от юрьевских родственников (теперь, увы, опять дерптских). Они jubelnd[76] встретили ritterliche deutsche Krieger[77], которые принесли им herrliche Rettung[78]. Как это ни горько, как ни ужасно читать это русскому человеку — здесь одна только голая правда. Для балтов немцы спасители, и русская разнузданная сволочь, вместе с тупыми латышскими дикарями, сделала все, чтобы заставить мирное население ждать немецких избавителей.

Известия с Дона сообщают о настоящем белом терроре; во Франции положение союзников по-прежнему тяжелое. Луначарский издал декрет об уничтожении обязательного преподавания латинского языка — и без того дичающая русская молодежь будет в ближайшее время еще более дикой: дело, конечно, не в самом латинском языке, а в известной школьной дисциплине и настойчивости.

20 мая / 2 июня. День без новостей. Вся история пока только bluff[79], быть может, подстроенный самими заинтересованными лицами, чтобы подчеркнуть свою мощь и развязать свои руки[80]. Сегодня мы открывали наше франко-итальянское взаимопонимание у Патулье в помещении Французского института. Собралось порядочно народа, обычные речи звучали сердечностью; быть может, впрочем, в речах русских, но не горилл, чувствовался некоторый стыд перед Францией. Как бы то ни было, но дело, которое затеялось два-три месяца назад, теперь близко к своему окончанию; надо только будет толкать его далее; кто знает, может быть, мы все-таки кое-что сделаем, т. е. добьемся, по крайней мере, более значительного общения между мыслящими и учеными сферами обеих стран. Если это хоть сколько-нибудь удастся, то наши усилия не будут напрасными. Много говорили в речах о зверином состоянии, до которого дошло человечество, о демонах войны и революции, которых спустили с цепи, но не могут загнать их обратно в клетку. Это верно, и постепенно приходит в голову мысль — сумеет ли человечество выйти из этого ужасного состояния, и успеем ли мы хоть сколько-нибудь успокоиться при жизни?

21 мая / 3 июня. Ездил на вокзалы Николаевский и Ярославский — чтобы выяснить, имеем ли мы право, получив свидетельство на право въезда в Москву, с этим свидетельством *выехать*; за этим же делом я заезжал на городскую железнодорожную станцию; и в трех местах получил 3 разных ответа: на Николаевском ответили, что нельзя, на Ярославском — можно, на городской станции, что они выдают билеты без разрешения вообще. Истинно российская неразбериха и путаница. Ходят слухи, что настоящий взрыв большевических репрессий произошел по немецкой инициативе, и аресты производятся по немецким спискам, потому что одной из задач открытой организации было возобновление войны с Германией[81]. С запада нет вестей; страшно, что там делается.

22 мая / 4 июня. Музейную даму до сих пор не удалось освободить, несмотря на разрешение больших людей; по слухам, аресты продолжаются; если этим власти решили навести террор, то они этого достигают; настроение подавленное и запуганное. Говорят, что и война с чехо-словаками затеяна по немецкой указке; с чехо-словаками вообще что-то непонятно, по крайней мере, для абсолютно непосвященного человека; где они, сколько их[82]; все бурлит, волнуется; все колеблет троны большевиков, но совершенно верны слова, ходящие по всей Москве — если они и труп, то похоронить их некому, за исключением, конечно, тех же немцев. Говорят, что сегодня главный военный штаб уехал в Муром. Зачем? Что это означает[83]?

23 мая / 5 июня. «Очень желательно, но несвоевременно» — таков ответ, который был дан господами рабам, желавшим с ними завести разговор[84]. Посмотрим, что будет дальше. Москва продолжает быть полной слухов, волнений и беспокойств; разговоры об арестах и расстрелах; ЦИК объявляет крестовый поход на деревенских богатеев[85]; а советская Россия все суживается; кажется, что отрезан весь восток[86]; впрочем, непосвященному ничего не понять, и приходится теряться в догадках и предположениях.

25 мая / 7 июня. Никаких новостей ниоткуда; все те же разговоры, вращающиеся около одних и тех же наболевших вопросов; из Загранья телеграмма о скорейшем приезде. Нина

решается ехать в воскресенье 9-го; а вчера и сегодня полный мрак души; не хочется ничего делать; кажется, что все, что можно делать, — делать не для чего.

26 мая / 8 июня. Состояние духа еще более скверное; все беспросветно; кажется, что с нынешней властью одинаково флиртуют и немцы и союзники. И те и другие переменят к нам свое отношение после окончании войны. А когда она кончится? На западе — опять тупик, который опять сменится резней, и так без конца.

27 мая / 9 июня. Сегодня Нина уехала в Загранье. Свидетельство брата, прожившего там около двух недель, и известия оттуда, полученные в последние дни, убедили нас еще раз, что ехать туда нужно, что там хорошо и что прожить лето там удастся. Оправдаются ли наши расчеты? И на это, как на все, приходится отвечать гадательно. Их удалось посадить в поезд довольно хорошо — в вагон 1-го класса, хотя поезд состоял на три четверти из теплушек. Общих новостей никаких. На западе опять установилось равновесие; боюсь, что периодические прыжки немцев все-таки будут приближать их к заветной цели — Парижу.

28 мая / 10 июня. Германцы опять бросились на французов; пока, кажется, без большого успеха. Опять страшно. Сегодня я был на академическом съезде; это было 4-е заседание; я был еще на открытии. Поразительно грустная картина. Членов всего 165—170 человек. Присутствуют не более 60—70, да еще вездесущие курсистки. Царит сон и скука. И это тогда, когда над академическим миром занесен удар, быть может, смертельный[87]. Что это значит? Равнодушие? Трусость? Желание обеспечить себе выход для того, чтобы принять дар данайцев от большевиков? Грустно и стыдно за тех, кто должен бы был считать себя солью земли. Когда видишь это, то невольно приходишь еще раз к выводу, что с таким народом ничего не сделать и что из него ничего не выйдет.

29 мая / 11 июня. Новое правительство объявилось в Сибири[88]; непонятно его реальное значение и сила. Власть ответила чем-то вроде мобилизации, из которой ничего не выйдет. На заборах опять расклеены ужасающие призывы. На западе — третий натиск германцев; он только начался, и нельзя предвидеть, во что он разовьется.

Было последнее заседание факультета перед летом; кто знает, не последнее ли вообще? Магистерский экзамен Голубцова; превосходный ответ. Вместе с Новосельским[89], который окончил экзамен по главному предмету неделю назад, — это первые представители тех, которые призваны сменить нас. Мы уже папаши по науке; дай Бог только, чтобы и папаши и молодежь не прикончили вместе свое учение, а может быть, и всякое существование.

30 мая / 12 июня. Л. Ег. видела сегодня В. Ю. Ге[...], одного из виднейших московских немцев; он стонал при ней так же, как любой русский буржуй. Что это значит — или, быть может, немцы и сами не знают, что они нам готовят и что они с нами сотворят. Открыли действия «взаимопонимания»; народа было немного — равнодушие, апатия, усталость сказались и в этом. Отметив все это кисло-сладкими словами утешения, мы открыли действия. Выйдет ли что-нибудь? Объявлена мобилизация нескольких уездов (á la Куропаткин)[90]; интересна степень ее успеха. На западе сегодня известия лучше для французов.

1/14 июня. Ездил в Пестово; хорошая погода; по наружности все, как раньше, но меня не покидало чувство, что кто-то может всем этим распорядиться помимо законных хозяев; вероятно, то же чувство будет во мне и в Загранье. Получил по приезде известие о том, что Нина благополучно приехала в Загранье. Дай Бог, чтобы удалось прожить лето. Дневные слухи и новости ничего не прибавляют нового к давно уже известной картине. На западе ничего решительного, ничего существенно нового; ничего не пишут о так называемых чехо-словаках, о которых носятся разные слухи. Я сам не вполне понимаю это движение. Что они, уходят действительно во Владивосток, или они явятся опорой полумифическому Сибирскому правительству? Но это правительство, если оно имеет реальное значение, неминуемо будет искать опоры в Японии, ибо одних чехо-словаков мало. Те люди, которые подписали телеграмму, опубликованную Лениным, составляют ли они одно с еще более мифическим правительством Колчака[91], или это враждебные друг другу явления? Ум ищет ответа и все-таки не находит ничего.

Я думаю, что одним из наиболее интересных явлений нашей современности надо считать всеобщее похудание, которое происходит не только от одного голода. Правда, недоедание ощущается многими, но далеко не всеми и не в такой еще пока острой форме, а между тем — все похудели, кто на 15, кто на 20% веса, а иные и более. Несомненно, большое значение имеют здесь нервные переживания. Думы и тоска подтачивают людские организмы и сушат их; горе людей сознательных, видящих бездну, в которую мы все еще продолжаем катиться, так сильно и так глубоко, что не может не отзываться на их физической природе, как не может не отзываться на сытом обывателе то, что его в любой момент могут окончательно раздеть и ограбить.

Последнее время я часто думаю о том, почему я не сделался революционером, когда в дни моей юности, так же как и теперь, вся Россия делилась на два лагеря — власть имущих и власть оспаривающих. Я никогда не оставался равнодушным к этой «борьбе роковой» и никогда не отождествлял себя с первыми, потому что я был не привилегированным, не дворянином, не членом правящего класса и был всегда слишком независимым, чтобы искать себе благ в этой области; но я всегда всеми силами ненавидел слепых кротов, которые грызли корни своей страны, отвратительных свиней, которые сидели под дубом и губили свою родину. Я никогда не мог чувствовать себя близким русским революционерам, потому что мне всегда претила их беспринципная распущенность, дикость, грубость, чисто пугачевская жестокость, соединенная с непроходимой глупостью и тупостью.

Я думал, что в этом вопросе решающее влияние на мое мышление и на мое развитие имели и мать и отец — влияние, впрочем, почти бессознательное, ибо оно никогда не проводилось прямо, а прививалось как-то невольно, само собой. Пламенный патриотизм матери и ее ненависть к нигилизму, наряду с любовью к большой, процветающей, единой России, а с другой — скептицизм отца по отношению ко многому в русском мире, порождаемый здравым смыслом западноевропейской буржуазии, знающей, что такое истинный труд, и умеющей ценить его: вот те две силы, которые, вероятно, сделали меня на век нейтральным человеком в вековечной русской распре и вложили в меня ненависть как к тем, кто всячески затыкал предохранительные клапаны русской социальной жизни, так и к тем, кто всячески устраивал и готовил взрыв родной страны.

2/15 июня. Общие новости — аресты среди меньшевиков и с.-р. и роспуск ЦИКа[92] — la vermine continue á s'entre-manger[93]. На западе новая передышка. Сегодня происходила ревизия моего стального ящика. В банке — пустота; у входа в кладовые сидят в очереди несчастные буржуи; входим в кладовую и попадаем в руки товарища — надо сказать, довольно любезного и добродушного; ревизия происходит скоро и без особого чувства раздражения и горечи. Кругом слышно раздражение и разговоры в повышенном тоне. Вечером знакомство и беседа с Вл. И. Гурко; очень интересный и умный человек. Немцы начинают проявлять желание разговаривать с русскими[94].

5/18 июня. Не записывал 2 дня, потому что ездил в гости к belle-soeur[95] Татьяне на озеро Сенеж[96]. Эта подмосковная местность давно меня привлекала, но мне никогда не случалось там быть; это было одним из стимулов поездки, несмотря на то, что никакого настроения ехать первоначально не было. Надо признать, что это одна из лучших подмосковных местностей по своей красоте; лесные склоны, долины, очень большие высоты, составляющие части гряды, отделяющей бассейн Оки от бассейна верхней Волги и идущей от Волока Ламского до Сергиевой Лавры и, быть может, далее на восток, здесь очень характерно и красиво выражены. Самый Сенеж, полуискусственное-полуестественное озеро, очень красиво и привлекательно; прогулка по нему доставила мне большое удовольствие.

Имение, в котором я был, пощажено революционной непогодой, да и кругом мало что напоминало о ней; поэтому настроение мое там было удовлетворительно. Зато какой контраст, когда я попал на станцию — кругом все мешочники, ну, эти еще сравнительно ничего — обыкновенные гориллы; гораздо хуже всевозможные советские типы, которые были на станции и вокруг нее — отставные солдаты с начесами, молодые железнодорожные и почтово-телеграфные служащие — викжели, викжелдоры и потели — одни в грязных рубашках, другие в отложных воротничках с голой грудью, с палочками, плетками, стеками, с самодовольно глупыми лицами победителей, не подозревающие, что они обреченные дураки и самоубийцы.

За эти 3 дня положение, как будто, еще более запуталось. Чехо-словаки превращаются во что-то серьезное, но для меня, по существу, все еще непонятно. Ходят слухи об убийстве Николая II и о бегстве Михаила[97]; я пока не верю ни в то, ни в другое, хотя первое возможнее второго. Говорят о том, что немцы входят в соглашение с большевиками для борьбы с чехо-словаками: если так, то это затрудняет немецкую ориентацию и создает возможность борьбы на каком-то Волжском фронте; а если Михаил действительно убежал, то, выйдет, может быть, что сибирские с.-р. и меньшевики будут, во главе с Михаилом, сражаться против монархистов средней России, которые, быть может, примут немецкую ориентацию. Положение без прецедентов в истории. Абсурд русской смуты приводит ее к новым и, на этот раз, оригинальным проявлениям.

7/20 июня. Положение все более и более запутывается; право, недалеко время, когда мы перейдем на роль тартинок или, вернее, начинки между двумя нажимающими на нас врагами. В Москве нервозность и, вместе с тем, апатия. Хочется поскорее уехать, хотя знаю, что еду не на спокойствие. Вчера у нас было собрание по поводу приглашения от Марка[98]. Подробно

обсудили тон и программу возможной беседы, но я не знаю, пришли ли мы к общему объединенному пониманию целей и сущности дела. Л. слишком примитивно патриотичен и не тонок; А. А. Г. — молчал, серьезно вдумывался, но я не знаю, что он надумал; [далее зачеркнуто: Савин] С. извивался ужом и немножко хитрил; Д. Н. Е. — более интересовался, *как* все это будет, чем, *что* произойдет, текст приветствия — более, чем канва беседы. Я. — наиболее искренен и наиболее настойчив. Я отпадаю, ввиду моего отъезда и того, что встреча перенесена на субботу. Сегодня я имел беседу с Я. по тому же предмету; я советовал ему идти вперед, невзирая на возможные препятствия — идти вперед до отказа, т. е. до обнаружения полного нежелания той стороны нас понять и пойти нам навстречу. Я все-таки думаю, что нам не миновать с ними жить и по-ихнему выть и что надо теперь же начать принимать меры; буду поддерживать Я., сколько могу и насколько это нейдет вразрез с моими французскими связями и симпатиями. Интересно, что может практически выйти из этой истории.

11/24 июня. Загранье. Я начинаю вновь мои поденные заметки там, где я их вообще впервые предпринял, — в Загранье. Еще раз привелось сюда приехать и некоторое время пожить; *не знаю*, долго ли? Последний день в Москве прошел весь в приготовлениях к отъезду; от 4 до 6 было заседание правления compréhension réciprogue, которое, к сожалению, ознаменовалось неприятным инцидентом. Malfi [далее не разобрано] против Хвостова и [не разобрано], укоряя, не знамо с чего, их обоих в отступлении от идеи союза, потому что они предложили объединиться в работе или, точнее, войти в сношения с академической комиссией по изучению производительных сил России[99]; Malfi узрел в этом каких-то banquiers et industriels[100], распалился и ушел. Это очень жаль, ибо это плохое предзнаменование для деятельности общества. За пять минут до отъезда вдруг явился Славин и сообщил, что на всех, кто получал сахар в марте при посредстве домового комитета, т. е. в ту операцию, которая была затеяна этим жидом и выдана швейцаром, наложены денежные штрафы. Как, что? — я расспрашивать не стал и уехал; что будет дальше, не знаю, но с моим характером, пока дело не выяснится — это для меня новый источник дум и беспокойства.

Дорога в Загранье заняла 28 часов; я ехал с двоюродной сестрой М. А. Куторгой; взяли билеты 3-го класса, причем нам выдали их до станции Родионово, т. к., якобы, въезд в Весьегонский уезд запрещен по случаю голода. Это не помешало в Родионове нам получить требуемые билеты в Красный Холм. В Москве пришлось влезать в вагон — в окно; со мной это было в первый раз; удалось, при помощи одного моего бывшего Поливановского ученика, все еще носящего военную форму и теперь состоящего пиротехником в Раеве [?] (фамилии его я так и не мог припомнить, а спросить было совестно), занять мне место у окна, а Мане одну из полок для лежания, так что ехать сравнительно было до Рыбинска прилично, а от Рыбинска до Сонкова[101] и совсем хорошо; только до Красного Холма пришлось стоять на площадке, ибо все 4 классных вагона были забиты гориллами. Ночью даже удалось поспать немного, но сну мешали 2 обстоятельства: разговоры горилл о политике и всякие звуки, сопряженные с дурным запахом и не сопряженные. Надо заметить, что гориллы, как истинно русские люди, очень боятся сквозняков и потому старательно закрывали окна там, где были рамы.

Из разговоров запомнился один. Первый собеседник — за большевиков: толстая цепочка, солидный вид, глупые речи — тип швейцара, подающего доносы на буржуев; второй — бывший солдат с искренностью и надрывом в голосе — типичный с. -р.; 3-ий голос из глубины, обнаруживавший наиболее здравого смысла и иронически прерывавший беседу вопросами, ставившими в тупик первых двух. Говорили громко и долго; первым сдался большевик; но, Боже, что за ужас происходит в горильих головах! Какая смесь заученных фраз, воспринятых или вдолбленных «лозунгов», глупости такой, которая не знает ни пределов, ни задержки, ни критики. Болезнь пошла глубоко, и не знаю, какими героическими средствами ее можно вылечить.

Дорога на лошадях пришлась на вечер; она была бы совсем хороша, если бы не жесточайшая гроза, которая преследовала нас целых 20 верст. Я давно не видал таких удивительных молний. Грустно было проезжать через новую железную дорогу. Рельсы сняты, шпалы лежали и, говорят, что во многих местах гориллы и их сочли общенародным достоянием и разбирают на дрова. Развалины железной дороги — вот что невиданного творит «русская революция». Домой приехали в 2 часа ночи.

Вот уже полтора дня, как я здесь; снаружи как будто все по-прежнему, но гориллы знают, что они теперь могут все, они дают чувствовать нашу зависимость от себя; политический разврат далеко шагнул с прошлого года. Тихо и пусто в усадьбе, где нельзя нанять работника; множество порубок в лесу, который пока что пострадал более всего. Если так пойдет дело, то через несколько лет в России хорошего леса не будет. Однако наружные отношения личные; вчера я уже имел длинный визит Николая Антипьева с Мокей Горы; говорил и с некоторыми другими. Нужно сказать, что последние фокусы Ленина и К°,касательно деревенской бедноты и «хозяйчиков»[102], имели здесь определенный отзвук; совдеп, руководимый большевиком П. Смирновым из деревни Бесово (это, по словам Лены, — типичный большевик; член партии, бывший прапорщик и комиссар в Кронштадте, тупой, «идейный», в то же время богатый крестьянин), был свергнут и заменен бывшим волостным старшиной, который оказался гораздо более консервативного направления. Внутри деревни есть сдвиг, направляемый глупостью и тупостью самих большевиков.

Есть и спать — вот что мне хочется больше всего; а во всем остальном, грусть и апатия; гнетет эта северная, подлая и скучная природа, хочется юга и, как никогда, безумно тянет в Крым.

12/25 июня. Весь вечер — «черные мысли, как мухи, лезли одна за другою»[103]. Несмотря на летний день, на действительное благорастворение воздухов, даже на этом бедном севере, весь репертуар пакостей перебывал в голове — и общие дела и личные — все. Как правильна мысль в старой песне о тоске и молодце[104]. Единственно, что мне доставляет удовольствие, это сон — сплю с наслаждением, и все мне мало. Говорил с Алексеем Ив[ановым] и Иваном Терентьевым — хозяйчиками, буржуаями; в них, конечно, большой сдвиг, и они теперь чувствуют все неудобные последствия социализма. Посмотрел я на деревню Запрудье — у каждого крестьянина срублены новые срубы; то же приблизительно заметил и по тем деревням, по которым мы ехали — нахапано, наворовано[105]; русский народ пользуется и набивает свой карман, а мне так вот и кажется, что все шварцовские имения будут непременно проданы немцам, и здесь появятся немецкие колонии или немецкие лесопилки. Что тогда будет делать и где будет себя чесать это горилье царство? Сегодня, может быть, собирается съезд, который решит судьбу русской высшей школы[106] и введет тот устав, который я читал на последнем совете курсов: ведь это памятник беспримернейшей глупости, столь великой, что она почти неосуществима. Уже 4-й день без новостей, и как-то не хочется их получать.

13/26 июня. Была Ал[ександра] Пав[ловна], дьяконица; также перемена миросозерцания; вспоминала все, что я говорил в прошлом году, и говорила, что я оказался прав; из ее рассказов можно было бы усмотреть, что в крестьянах, действительно, совершается поворот; но ведь он может быть только медленным, и сам по себе, не направляемый силой независимой и сильной, ни к чему не приведет; крестьяне говорят, что старое правительство было лучше; но ведь и оно было плохим, да и никто его не вернет. Приезжали из деревни Завражье за дисковой бороной, которая теперь «принадлежит народу». Из нее уже оказались вывинченными несколько винтов; вот последствия передачи инвентаря народу — он весь изломается и никто не будет его чинить, ибо чинить может только хозяин. Вечером смотрели, как бывший батарейный командир и жена его коллеги — Куторга и Лена Репман — возили навоз и складывали его в кучки; если в этом заключается цель социальной революции, то она достигнута. Но хуже всего здесь в Весьегонском уезде положение несчастного Гриши Шварца: человек, над воспитанием которого дрожали, но который уже давно вместо блестящей гвардейской карьеры пошел по стезе алкоголизма — живет в избе, в деревне рядом с центральным имением своих предков, куда его не пустили даже «на квартиру». Потомок уездных магнатов превратился в Иова на гноище[107], а в имении сидит совдеп.

14/27 июня. Запрудские граждане-пролетарии возят из нашего леса муравейники для удобрения полей, разгораживая заборы, вследствие чего травятся наши посевы. Граждане-буржуи относятся к этому отрицательно: сами пролетарии очень любезны, но дело свое делать продолжают. Вчера узнал интересную вещь: в Сандове лавка П. Кузьмина была разграблена тремя деревнями еще зимою — и торговля прекратилась; в Сандове только одна кооперативная лавка, в которой ничего нет. Вчера газета пришла только за субботу; впечатление по-прежнему одно: что-то нарастает тяжело, медленно, но что? У меня по-прежнему чувство тоски, навеваемое всей здешней природой и обстановкой: о как хочется жаркого, яркого юга!

15/28 июня. Только теперь я понимаю значение старорусского выражения «не прочить себе»; осмотревшись здесь, я именно чувствую, что я больше ничего здесь «себе не прочу»; текут водосточные трубы, кое-где кривится дом, подгнило крыльцо у кухни, рубят лес, и все это мне совершенно все равно, будто это никогда не было моим, будто я никогда не любил и не интересовался Заграньем. И местность, весь край, эти дали и леса, которые я так всегда любил, — совершенно мне опостылели; вчера это констатировала Нина, и я не мог ей ничего возразить. Везде чувствуется горилье царство, гигантская клетка, в которой нет спасения от взбесившихся зверей.

16/29 июня. Сатанинский силлогизм — России нужна сильная власть, сильная и умная

монархия, ее может дать только Германия; ни Франция, ни Америка не могут восстановить монархии в России; они будут тщетно стараться создать у нас республиканскую власть; Англии все равно, что бы у нас ни было; значит, победа Согласия не даст желаемого для нас результата, а потому — о ужас — надо, логически мысля, желать победы Германии. Если бы кто-нибудь сказал мне даже год назад, что я договорился до такого ужаса, я бы сам не поверил.

Закончил книгу В. М. Хвостова — «Социология»[108]; книга полезная, хотя таланта нет, как нет его нигде в его работах; в этом томе изложены главнейшие взгляды на социологию и социологические процессы — как много было высказано глубоких мыслей по поводу законов, двигающих людским общежитием, но как мы далеки от того, чтобы найти эти законы; пока все только остроумные предположения, нащупывание каких-то объективных норм, все почти взаимно исключающие, и только; хорошо бы, если найдут такие законы, найти также и средства для исправления «злых человек лукавых». Прекрасная погода и день без инцидентов; я чистил сад.

Газеты не принесли ничего нового — все такая же слякоть, от которой с души рвет; ничего нет и на западе — ни отрадного, ни плохого; человечество все больше затягивается в мертвую петлю самоуничтожения. Письмо от Яковлева; сообщает, что встреча состоялась и что (на словах, по крайней мере) там готовы идти навстречу тому, что мы формулировали в беседе 6/19 июня, если будут иметь серьезные гарантии. В этих последних, конечно, весь вопрос. Жаль, что Яковлев не пишет о возможных дальнейших перспективах в деле начавшихся сношений.

17/30 июня. Вчера вечером я пришел в уныние и ужас, видя цивилизованных людей надрывающимися за сохой; конечно, и пахоту можно осилить, но выходит, что право жить и работать вне города в этой проклятой стране покупается тем, что люди, способные к высшей деятельности, должны опускаться до самых элементарных работ, хотя бы и очень полезных. Пока пахали, прошла мимо компания человек в 8 молодых людей социалистического вида (учительницы, товарищи-полуинтеллигенты и т. д.); они шли на спектакль в Сушигорицы! Я целый день думал, что нужно предпринять некоторые шаги и для выяснения дел в сторону Франции, прежде чем окончательно выбрать ориентацию; надо заняться этим при помощи Патулье; в последний час надо выходить и нам, людям кабинета, людям частной жизни; во всяком случае, все это надо проделать прежде, чем ставить вопрос об окончательной эмиграции, вопрос, который мне все чаще и все серьезнее приходит в голову и который неминуемо придется решать, если все это продлится долго.

Ведь, в самом деле, тот самый русский зверь, который являлся в смуту, при Разине, Пугачеве, о котором говорил Наполеон, упоминая об акте gratter le russe[109], которого прекрасно провидели немецкие пангерманисты еще в XIX веке, — он вырос и вздулся в лице дикого, нецивилизованного, но снабженного кое-какими полузнаниями, разночинца; через базаровщину, нигилизм, марксизм, народничество этот зверь овладел страною, разрушил и разгромил свой дом, свою землю и смел тот рыхлый и тонкий слой дворянской цивилизации, который не умел справиться даже с реформой 1861 года. А между тем, этот захаянный русской интеллигенцией рыхлый слой да еще люди иностранной европейской крови, которые, однако, признавали себя русскими, были единственными европейски образованными, единственно сознательными элементами в России: они доказывали это своим настоящим патриотизмом и своим пониманием настоящего положения дела, в то время как русские интеллигенты сначала стыдились победы, потом наслаждались идеей ограбления помещиков, наконец, вздумали спасать мир интернационализмом, и лишь тогда почувствовали удар в своих крепких задах, когда стали копаться в их сэфах.

18 июня / 1 июля. Сегодня мне стукнуло 45; могу сказать, что хуже 45-го года в моей жизни еще не было; боюсь, что 46-й его перещеголяет; перемена стиля, кажется, заставляет забыть об этой дате всех; я сам вспомнил потому только, что сел писать и поставил число. Вчера поездка на Гору с ответным визитом к Ник. Ант[ипову]. Видел много горских горилл, и общие впечатления те же, что и ранее от разговоров с отдельными лицами: полная путаница понятий, некоторое недоумение от всего происходящего, некоторый контраст между ожиданиями и тем, что действительно происходит; у большинства — отсутствие дурных чувств по отношению к нам, которое, однако, может всегда измениться под влиянием психологии масс. После того были на погосте; застали, впрочем, одного батюшку, который весь подавлен и расстроен всем происходящим; спрашивал меня о дальнейших наших судьбах, на что я мог ответить только такими же вопросами.

19 июня / 2 июля. День без инцидентов; жара. Газеты за субботу не принесли ничего нового, кроме той же слякоти; медленное умирание — вот что представляется мне единственной будущностью Великороссии. В Самаре образовалось какое-то с. -рское правительство, которое выставляет знамя Учредительного собрания[110]. Прости им, Господи, яко же не ведают, что творят, а мне пошли избавиться от моего пессимизма, гнетущего меня самого. Во всех моих разговорах с крестьянами я, за 1—2 исключениями, ни слова не слыхал о России, о солидарности, о спасении страны; цены на продовольствие, земля, нажива — и больше ничего; это я замечаю не как новость, а как постоянное и неизменное проявление русской народной души.

20 июня / 3 июля. Читая книгу Преснякова «Образование великорусского государства»[111] и обновляя в своей памяти бесчисленные известия о княжеских смутах и усобицах, я поражаюсь сходством их психологии с психологией теперешних крестьян: вражда, клевета, драки и сейчас же, без всякого перехода — чуть ли не дружба; такие факты постоянно видишь у теперешних крестьян, и то же самое, например, между Московскими и Тверскими князьями в XIV веке — вражда, погубление в Орде, убийства, измены и сейчас же затем союзы политические и брачные (я нарочно беру примеры самой острой вражды между князьями — Москва — Тверь). Стоит страшная жара; в Москве, несомненно, растопляется мозг. Газета от воскресенья дает такие впечатления: в Австрии, может быть, действительно что-то назревает; союзники, кажется, действительно собираются вмешиваться с востока. На западном фронте, кажется, дело действительно принимает хороший оборот для союзников. Это, конечно, сумма впечатлений за несколько дней.

21 июня / 4 июля. Слух о том, что железнодорожная забастовка состоялась 2-го, дошел и до нас; брат вчера не приехал; вероятно, от этого, продолжает стоять страшная жара, в Москве, вероятно, совсем непереносная; сравнительно с теми многими, кто сидит в этой тюрьме нынешним летом, приходится считать себя в раю. Каждый день (как это было, впрочем, и ранее всегда) приходится убеждаться во лживости наших Образцовых, заведующих и нами и нашим уголком, а ведь это хорошие представители русского народа. Наш Володя повадился каждый день ходить к своей маленькой кузине и заявляет (конечно, не родителям только), что он ни на ком, кроме нее, не женится; многообещающая натура, как в этом, так и во многом другом, хорошем.

22 июня / 5 июля. Приехал брат Владимир Владимирович; его рассказы невелики и прибавили немного; по-видимому, англичане высадились на Мурмане[112]; надо думать, что это только начало дальнейших действий: голод в Новгороде очень силен; пресловутая забастовка не состоялась. Приехал он ненадолго, главным образом, чтобы запастись провиантом, и теперь возникает вопрос, как дать ему возможность вывезти отсюда провиант, ввиду всяческих препятствий, которые везде чинятся вывозу отсюда муки; очень жаль, что он не хочет остаться здесь — дело решалось бы более просто.

Чтение книги Преснякова навело меня еще на одну черту аналогии между современным демосом и былыми верхами общества: вероломство князей в удельные и московские века — разве не признак той же нечестности, которой повально заражены теперешние русские? Книгу я закончил; это произведение умного и образованного человека, специализировавшегося на микроскопическом анализе: много частичных мелких наблюдений, но часто из-за мелочей не видно целого.

23 июня / 6 июля. Вчера опять визит Ник. Антипова: узнать, нет ли восстания против советской власти, от приехавшего брата. Разочарование при отрицательном ответе: очень они нам надоели — черт с ними; удивительно пытливый человек, но постоянно чувствуешь полную путаницу понятий в этой взбаламученной голове. Сегодня утром я должен был дебютировать на дисковой бороне, но мой Алексей Ив[анов?] не разбудил меня, мотивируя это тем, что, чем нас учить, он сам скорее сделает, и действительно сделал; это или нежелание подпускать меня к работам, чтобы потом сказать, что он сам все делает, или же проявление традиционного недоверия к барину-белоручке. Жду известий с почты и новых мерзостей, которые нам суждено узнать.

24 июня / 7 июля. Газеты принесли подтверждение английского десанта на Мурмане; большевическое признание, что в Сибири во главе чего-то такого встал Михаил Александрович; известия о новых беспорядках в Австрии и новом поражении австрийцев в Италии; и декрет о национализации всех акционерных предприятий[113]. Как будто опять перевертывается какая-то страница войны, и дело союзников опять поднимается. Мы заняты приготовлениями к отправке провианта с братом, который вполне уподобляется мешочнику. Я покончил с чтением немногих привезенных сюда книг и засаживаюсь за давно задуманную работу на французском языке.

25 июня / 8 июля. Вчера день без слухов и инцидентов; к нам приходили «сидельцы» из Старого Загранья. Потом мы ходили туда и долго сидели на старом балконе перед липовой

аллеей в меланхолическом созерцании прошлого Загранья, как последние могикане замирающей жизни. Сегодняшние сообщения не вносят изменений в старые впечатления, сумбур увеличивается, борьба не затихает; над университетами занесен удар; пресловутый устав опубликован, а созываемое на сегодня совещание, конечно, его не изменит. Бедная русская культура — si elle a jamais existé[114].

26 июня / 9 июля. Под влиянием решаемой на этих днях судьбы Университета [115] у меня опять полезли мрачные мысли в голову, не потому, чтобы я не был подготовлен, а так, должно быть, потому, что время подошло. Нас может ожидать двоякая участь — или выгонка «на общем основании», как профессоров Нижегородского политехникума, или вменение нам в обязанность примениться к новому уставу и ввести его в действие. Я думаю, что оставаться в Университете и отстаивать его надо до последней возможности, сохранять позицию надо, удерживая ее, а не эвакуируя из боязни пострадать во время боя; но ведь мы слишком часто видели примеры второго, но ведь и в этом случае, в конце концов, все-таки, быть может, придется ретироваться, т. к. положение может оказаться невыносимым. И вот тогда встанет вопрос, равно как и при увольнении за штат — куда деваться? что делать? Не лучше ли всем сообща, как по крайней мере внушительной группе профессоров Московского Университета, перенести свою деятельность на Украину, где, быть может, обстоятельства будут более благоприятствовать мирной работе и где надо будет защищать русскую культуру и русский язык от украинской самостийности. Все эти мысли я изложил в письме к Матвею Кузьмичу Любавскому, тем более, что он занят мыслью об организации чего-то вроде Высших Женских Курсов в Екатеринославе[116]. Прошу его поделиться со мною своими мыслями.

Вчера ездили в Сандово, где узнали сногсшибательную новость, что будто бы чехо-словаки (они теперь вездесущи) заняли Ярославль и Рыбинск[117]; никакой веры этому слуху быть, конечно, не может; заезжали к Ф. Павловичу Образцову, богатому мужику, собственнику, бывшему Загранскому управляющему и потом Щербовскому волостному старшине; это типичный хозяйчик, выражаясь словами владыки. Он и теперь, как практический человек, не потерял головы, а только съежился. Добрался я, наконец, до маленького Загранского архива, существование которого даже отрицалось при прежних поколениях; он интереснее, чем я думал; надо все выбрать из него для семейного архива.

27 июня / 10 июля. Сегодня новых газет не получили. Случайно или нет[118]? Весь вчерашний день было оживление. Приехали Шура Веселаго и Таля Томиловская с чадами и домочадцами, всего их было 7 человек — и мы целый день справляли тризну по буржуям или, как выразился Шура, быть может, их возрождение. И те и другие пока остались при том, при чем были раньше; Томиловские работают сами; Шура работает в кооперативной лавке, но и те и другие чувствуют на себе дамоклов меч революционной демократии. Расспросил я у них про всех здешних помещиков; в общем, совершенно разоренных и разгромленных имений мало: Покров Шварца, Вятка [?] Родичевых; есть разворованные, где хозяева посажены на скудный паек — например, Друри; Измайловы, точнее Арсений Петрович, 70-летний старик (ибо оказывается, что его жена умерла зимою, как Екатерина II) еще живет дома; Каштаевские [?] работают сами на артельных началах. Все цепляется за старое; все висит на волоске; мы и сами вчера опять шутили — что мы последние могикане здесь. Вечером был ужин у нас с выпивкой — надо выпить то вино, которое здесь есть, не дожидаясь, чтобы это сделали гориллы. Ночью — проводы брата носили чисто Карамазовский характер; я не выдержал и ушел спать; бедной Нине пришлось испить чашу до дна.

28 июня / 11 июля. Вернулся Ал[ексей] Ив[анов], отвозивший брата, который велел ему дожидаться обратного поезда из Сонкова[119], т. к. думал, что, может быть, вернется обратно. Однако с обратным поездом он не вернулся; с этого поезда слезли всего несколько человек; краснохолмские красногвардейцы отправились в Сонково, может быть, дальше; Ал[ексей] Ив[анов] привез слух, что в Рыбинске жгут дома и режут[120]. Все это доказывает, что что-то происходит; думается, что, вероятнее всего, какое-нибудь местное выступление. Вчера я начал разбирать Загранский архив, который, оказывается, интереснее, чем я думал.

29 июня / 12 июля. Скучный Петров день. Поездка в церковь. Услышал потрясающие новости о всеобщей забастовке, о якобы крушении советской власти и, главное, об убийстве Мирбаха; все это нуждается в дальнейших проверках и подтверждениях, ибо все это может иметь неисчислимые последствия. Данных мало, чтоб философствовать и писать комментарии; поэтому лучше терпеливо ждать. День прошел обычным порядком: обед в Старом Загранье, бесконечное сидение попов; прохождение пьяных по дорожке вдоль леса. Все-таки, судя по тем слухам, которые смутно до нас доходят, что-то в мире происходит. Как хочется узнать, что именно!

1/14 июля. Вчера я ничего не записал, потому что мы ездили к Александру Мих[айловичу] Веселаго и провели сутки в путешествии. Дорогой остановились на несколько минут на почте. Газет не оказалось, исключая большевической «Бедноты»[121] от 9-го; в ней сказано, что в Москве мятеж левых с.-р. подавлен, но Мирбах действительно убит! В Залужье нашли газету от 7-го, где нового ничего не узнали. О пребывании в Залужье сказать нечего: постепенное продолжение декаданса, который так уже давно чувствуется; висят, как и все, на волоске; инвалид с простреленной головой должен сам работать, чтоб отстоять свой разваливающийся угол, а чтобы отбиваться от большевиков из совдепов — состоит председателем местного кооператива, куда крестьяне его выбирают, потому что единогласно признают его единственно честным человеком во всей округе. Интересно отметить, что в народные судьи[122] по Залужской волости попал М. А. Колюбакин, сын известного к.-д. и внук долголетнего местного земского начальника, сам к.-д. Сегодня добрались благополучно домой. Здесь нашли газету от 12-го, из которой я ничего не мог понять. Как будто большевики одержали победу над левыми с.-р.; но как будто также, что в газете («Новая жизнь», СПб. издание)[123] не все договаривается. Сообщается об измене и смерти знаменитого большевического вождя Муравьева[124] и целый букет новостей, взаимно противоречащих и внутренне несогласуемых. Кроме того, М. А. Куторга передавала слухи, краснохолмский и железнодорожный, о падении советской власти; думаю, что слух этот вздорный; но все вместе создает картину сумбура, в котором немыслимо разобраться.

2/15 июля. С раннего утра вышли косить; в первый раз в жизни я косил утреннюю росу; физическая усталость, но приятное чувство усталости и чего-то сделанного, тем более, что было прекрасное утро. Газеты не пришли вовсе; слухов из Сандова также не привезли никаких, только два письма от Эммы Вилькен и от Яковлева; из письма Эммы, равно как из полученного в прошлую почту письма Лены Репман, видно, что под Москвой и в Москве живется плохо; что 2 дня не ходили поезда, даже пригородные, и что была паника. Яковлев, видимо, сосредоточился мыслью на последствиях убийства гр. Мирбаха. Видимо, во вторник в Москве было довольно спокойно; остается ждать, косить и, по мере сил и возможности, работать за письменным столом.

3/16 июля. Вечером косили опять; сегодня утром меньше, потому что Образцовы сами вышли поздно, а нас не разбудили — быть может, чтобы потом сказать, что они все делали сами; тем не менее, я, проснувшись, пошел на покос и косил полтора часа; в общем, дело идет недурно; думается, что с покосом мы справимся. Сейчас приходила Лена; у них дело спорится хуже, и что хуже всего, это рабочие; лучший был поляк Франц, который уехал к себе домой, да Ходжа-румын из австрийских военнопленных, а русские — одна дрянь.

4/17 июля. Упорная работа на сенокосе и в промежутке довольно удачно работается за письменным столом. Отсутствие известий не мешает, быть может, даже способствует разбору Загранского архива и упражнению во французской стилистике; на первое смотрю как на последнюю дань уголку, который был мне мил; на второе, как на тяжелый долг и, быть может, средство сколотить деньгу. Сейчас Нина уехала на почту, и часа через два я получу очередную порцию мерзости. С почты ни слова; газеты в Москве, очевидно, закрыты; но почему не пришел новый № «Новой жизни» от 12-го, который Маня привезла мне в воскресенье? Пришли только несколько экземпляров «Бедноты», из которых ясно, что власть существует по-старому, да письмо от Маши, из которого видно, что в Москве была стрельба, только небольшая, а в пятницу 12-го, когда письмо писано, — все тихо; что же творится и творится ли, вообще, что-нибудь?

6/19 июля. Вчера я ничего не записывал, потому что весь день работали; косить пришлось, в общем, около 6 часов; отмечаю это, как небезынтересное явление в жизни почтенного профессора, желающего до конца отстаивать свой угол. Странное дело, когда косишь, то все мерещатся воспоминания о прошлых путешествиях. Хоть бы когда-нибудь еще выглянуть в широкий мир, вон из горильего царства! Сегодня грозит обычная лихорадка по случаю уборки сена.

7/20 июля. Читал на почте какую-то из большевических «Правд» — на западе, кажется, благополучно; к.-д. принимают, если не немецкую ориентацию, то склоняются с ними поладить; чехо-словаки теснят местами большевиков[125]. Все остальное — без перемен. Письмо от Мальфи — они, кажется, сегодня уезжают во Францию; милый, хороший идеолог; но все же мы что-нибудь сделаем. Целый день работа на сенокосе; все мы устаем, как собаки.

8/21 июля. Наперекор всем стихиям, мы сегодня устроили «помочь», чтобы выкосить наш дальний сенокос в Горохове. Это удалось, но зато мы вдребезги устали, т. к. на этот раз пришлось, в противоположность прежним годам, быть не барином, созерцающим с высоты, а участником дела. Меня подняли в половине пятого; пришлось продефилировать за 2 версты и там посильно работать косой, а затем принять участие и в отплате, т. е. забавлять горилл

граммофоном, пить пиво и всячески их развлекать; это продолжалось до 5 часов вечера; 24 человека были накормлены завтраком, чаем, обедом, и выпито 8 ведер пива. Нужно сказать, что отношение этих людей самое нормальное, и во время «помочи» ничего не напоминало, что мы находимся в революции — это одно из противоречий жизни. Вечером разговор с О. Е. Волковым, бывшим земским начальником, ныне подозреваемым в кадетстве; любопытные подробности о некоторых теперешних деятелях: в Красном Холму совдеп наполнен рецидивистами ворами и грабителями, которых он мне называл поименно. В общем, живет он так же, как и мы, под постоянным дамокловым мечом. От усталости легли спать в 10 часов.

9/22 июля. С утра косили клевер; с почты — ровно ничего; значит, газеты по-прежнему закрыты, но почему же нет писем? Уж очень плохо получаются ответы на посланные отсюда письма. Сегодня некоторый отдых; уборки сена нет, и я могу провести день за более привычными для себя занятиями. Только вечером опять 3 часа работали над сушкой клевера и сложили его в копны.

10/23 июля. Отвратительная погода; в работах остановка; пользуюсь случаем, чтобы поработать возможно более. Я чувствую, что нервы мои в общем крепче; я могу хладнокровно созерцать в своем уме все грядущие мерзости, которые нам придется пережить, пока мы не околеем или не наступят лучшие времена; у меня нет того гнетущего чувства ко всей окружающей природе, даже меньше того чувства тюрьмы, какое у меня было по приезде моем сюда. Надо думать, что это улучшение самочувствия поможет и в дальнейшем. Но это только нервы, а рассудок говорит все то же и, быть может, даже с большей ясностью — все погибло: страна, народ, будущность — и общая и наша.

12/25 июля. Жалостное впечатление произвели частные письма, полученные с почты. Московский террор, видимо, усиливается; телефоны выключены, газеты приостановлены все, за исключением, конечно, ихних; люди как впотьмах; из тьмы выползают только слухи, в которых, по обыкновению, не разобраться. Единственным приятным известием было сообщение тестя о том, что его избрали членом правления синематографического предприятия «Нептун»; дай Бог, чтоб это способствовало облегчению их материального положения и чтоб большевики не хлопнули и синематографы. Из-за трех заказных писем летал в Сандово по дождю, т. к. одно из них, казалось, должно было сообщить сведения о порядке получения вещей из ящиков; вместо того получил заявление обратно. Уж не знаю, что из этого выйдет. Вчера и сегодня утром опять косили. Отчего же бы еще не пожить на необитаемом острове — без новостей иногда как-то лучше. Эти дни хорошо работалось над будущей французской книгой и над хроникой Загранья.

13/27 июля. Все утро работал на сенокосе и, гребя сено, обдумывал дальнейший план моей французской книги. Вчера прочел Нине написанное; выходит лучше, чем я надеялся. Сегодня меня взял ужас перед нашей жизнью будущей зимой — перед этим сплошным беспросветным ужасом и безнадежностью; ведь ничего не меняется; все пока остается по-прежнему, и при таких условиях дальнейшее существование невозможно. Я иногда думаю, что жаль, что я сейчас мало записываю; но, на самом деле, слава Богу — значит, менее тяжелых дум в голове и более нервной крепости.

14/27 июля. Газет по-прежнему нет; писем тоже; с одной стороны, злишься, с другой, даже лучше, что живешь, как на необитаемом острове. Погода отвратительная; целый день работал за письменным столом.

15/28 июля. Именины Володи; испекли крошечный пирог из белой муки и побольше из черных сухарей. Поехали в церковь, да поп, видимо, мучимый аппетитом, кончил обедню в 8-м часу, так что наши, т. е. Нина и Володя, отправившись в 8 часов, нашли церковь запертой; Володя очень радовался, правя нашей клячей. Вот и все празднование. И у Нины и у меня целый день чувство неисходной тоски от того, что есть, и от того, что еще предстоит; да и здесь все так противно, поскольку дело идет о людях. Оказывается, наши Образцовы крали капусту на Запрудском огороде; в субботу в Старое Загранье неожиданно явился «комитет» и произвел ревизию удоя и т. п., причем прежде всего выслушал донос стряпухи, оказавшийся, конечно, лживым. Вот существование моих кузин. Может быть, кроме всего другого, действует и погода, которая до вечера была отвратительной, и отсутствие известий; старался коротать время за старыми письмами и кончал Загранскую хронику; вышло не лишенным интереса, хотя, конечно, можно было бы собрать и еще кое-что. А все-таки дико думать, что уже 3 недели, как мы почти ничего не знаем, что делается в мире.

16/29 июля. Прекрасный день; работал в поле с 5 часов утра до 6 вечера; это действует хорошо на нервы. С почты ничего, кроме повестки на заказное письмо. У нас из бани украли

железные части. Кражи везде; поэтому крестьяне и свозят сено к своим дворам; очень уж сильна боязнь, что их же собратья их обкрадут.

17/30 июля. Целый день работа в поле; устаешь и одуреваешь. От матери жены письмо, оставляющее грусное впечатление. Видно, что жизнь в Москве тяжелее, чем когда-нибудь, и что настроение моей belle-mére[126] не лучше моего собственного. Временами становится ужасно подумать, что придется вновь возвращаться в эту юдоль скорби, гнева и нужды. Нет, если это продлится долго, то не выдержим и придется бежать нищими куда-нибудь вон.

18/31 июля. Ездили на почту, чтобы что-нибудь узнать — узнал, что в Москве закрыты все небольшевицкие газеты впредь до полного укрепления советской власти[127]. Значит, мы осуждены на то, чтобы питаться советской печатью неопределенное время. Япония все-таки что-то делает, судя по известиям, которые проскальзывают; видно, что в Сибири и в Самаре дело как будто налаживается[128]. Французы бьют немцев — это самое главное[129]. В Москву германцы прислали Гельфериха — значит, этому послу придается огромное значение[130]. Каша запутывается, а мы все более и более превращаемся в canetоn á la rouennais[131], которого давят, чтобы из него шло больше соку.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Рукопись этого курса, прочитанного Готье только один раз, сохранилась в его бумагах в архиве Академии наук СССР (ф. 491).
2. Колонна на Вандомской площади в Париже, установленная в честь победы Наполеона I, была сброшена с пьедестала по декрету Парижской коммуны от 12 апреля 1871 г. (позднее восстановлена). 12 апреля 1918 г. СНК принял декрет (обычно называемый «О памятниках республики»), который предписывал убирать с площадей и улиц памятники, воздвигнутые «в честь царей и их слуг». На основании этого декрета по всей стране было разрушено множество памятников.
3. *Армантьер* — город на севере Франции, бóльшую часть войны был в трех километрах от британских позиций.
4. *Петровско-Разумовское* — бывшее подмосковное имение графов Разумовских, с 1865 г. там находилась Петровская сельскохозяйственная академия.
5. *Проконсул* — должностное лицо в древнем Риме, правитель страны (обычно завоеванной), превращенной в провинцию.
6. Германские войска заняли юго-запад Курской губ., но до Курска не дошли.
7. *Гуковский Исидор Эммануилович* (1871—1921) — член РСДРП с 1898 г., в 1917 г. — казначей большевистского ЦК; с апреля 1918 г. — нарком финансов РСФСР.
8. Ленский расстрел произошел 4(17) апреля 1912 года.
9. Батумская область по Брестскому мирному договору отходила к Турции. Закавказские власти его не признавали, но не могли оказать сопротивления турецкому наступлению; мусульманское же население Закавказья было на стороне Турции. Турецкие войска заняли Батум без боя в ночь на 15 апреля 1918 года. Созданный 15 ноября 1917 г. в Тифлисе Закавказский комиссариат (краевое правительство) созвал 23 февраля 1918 г. Закавказский сейм, который в марте объявил об отделении Закавказья от России, а 22 апреля провозгласил образование Закавказской демократической федеративной республики (ЗДФР). В комиссариате, сейме и правительстве ЗДФР наибольшим влиянием пользовались грузинские меньшевики.
10. Начало стиха из «Божественной комедии» Данте (Ад, V, 121—123): «Nessun maggior dolore // Che ricordarsi del tempo felice // Nella miseria». — «Нет большего мученья // Как о поре счастливой вспоминать // В несчастье» (пер. Д. Д. Минаева).
11. Очевидно, Готье и его близкие решили попытаться использовать положения «Основного закона о социализации земли» (опубликован 19 февраля 1918 г.) о порядке распределения национализированных земель. Судя по дальнейшим записям в дневнике, это им на какое-то время удалось.
12. *Троцкая* — Седова Наталья Ивановна (1882—1962), вторая жена Л. Д. Троцкого. С июня (?) 1918 г. заведовала музейным отделом Наркомпроса. В 1929 г. вместе с мужем выслана из СССР; умерла в Мексике. *«Киевская мысль»* — влиятельная ежедневная политическая и литературная газета демократического направления (1906—1918 гг.), в ней сотрудничали и социал-демократы. Троцкий в течение нескольких лет был ее иностранным корреспондентом. По-видимому, теперь он хотел просмотреть свои корреспонденции военного времени, которые посылал из Парижа.
13. Что вполне логично делить тушу мамонта (*фр.*).

14. Советское правительство разместилось в здании Судебных установлений (бывшее здание Сената) в Кремле.
15. *Яковлев Иван Яковлевич* (1848—1930) — отец А. И. Яковлева, педагог, чувашский просветитель. Основатель (1868 г.) и бессменный руководитель Симбирской чувашской учительской школы (с 1917 г. — учительской семинарии), ставшей главным центром светской чувашской культуры; в 1875 (?) — 1903 гг. также инспектор чувашских школ Казанского учебного округа, в который входила и Симбирская губерния. Отец Ленина, И. Н. Ульянов (1831—1886), бывший с 1869 г. инспектором, а с 1874 г. — директором народных училищ Симбирской губ., способствовал деятельности Яковлева в своей губернии; они были знакомы семьями. Поэтому, когда Чувашское национальное общество попыталось устранить Яковлева от руководства семинарией и отпочковавшимися от нее женскими курсами, его сын обратился к Ленину, который принял его 20 апреля и в конце месяца. На телеграмму Ленина 4 мая пришел ответ из Симбирска с сообщением, что И. Я. Яковлев оставлен в должности. Ленин принял участие в его судьбе и 28 августа 1919 г.: направил телеграмму симбирской губернской ЧК с распоряжением не выселять Яковлева и его жену из квартиры (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50, с. 61, 420, прим. 69; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7, с. 260, 475, 606).
16. Речь идет о защите Пичетой в качестве докторской диссертации второй части исследования «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (М. 1917).
17. Итальянский институт (*итал.*).
18. Фотоателье И. и Д. Дациаро помещалось на Кузнецком мосту, д. 7; магазин произведений печати и картин В. Чекато — в Камергерском переулке. *Бальмонт Константин Дмитриевич* (1867—1942) — поэт-символист. В 1920 г. эмигрировал.
19. Готье пишет о речи Ленина в Московском Совете 23 апреля, которая была напечатана в «Правде» и «Известиях» на следующий день (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 232—237).
20. Декрет СНК «О национализации внешней торговли» был принят 22 апреля 1918 года. Книжный магазин Н. Ф. Лидерта находился на Петровских линиях, д. 4.
21. *Штернберг Павел Карлович* (1865—1920) — с марта 1918 г., после переезда Советского правительства в Москву, член Государственной комиссии по просвещению и зав. отделом высших учебных заведений Наркомпроса. Подготовленный в отделе проект реформы высшей школы Штернберг изложил на заседании комиссии 20 апреля. По словам Луначарского (который видел в этом мало хорошего), страсть Штернберга к реорганизации университетов казалась почти неестественной для ученого. Историко-филологические и юридические факультеты были закрыты в конце 1918 года.
22. Германские войска заняли Симферополь 22 апреля.
23. «Уходи, чтобы я мог занять твое место» (*фр.*).
24. *Чаплыгин Сергей Алексеевич* (1869—1942) — в 1903—1911 гг. — профессор Московского университета по кафедре прикладной математики; член КДП; во время войны — активный член Московского городского комитета Всероссийского союза городов. В 1905—1918 гг. был директором Московских высших женских курсов, которые поэтому часто называли Чаплыгинскими.
25. Совет всероссийских кооперативных съездов был учрежден на съезде в марте 1917 г. (сами съезды созывались с 1908 г.) для руководства нехозяйственной деятельностью кооперативов. *Грабарь Игорь Эммануилович* (1871—1960) — живописец, искусствовед и общественный деятель; с 1913 г. — попечитель, председатель совета хранителей Третьяковской галереи. После Февральской, а затем и Октябрьской революции был сторонником создания министерства изящных искусств. 3 июня 1918 г. Третьяковская галерея, в 1892 г. пожертвованная П. М. Третьяковым Москве, декретом СНК была национализирована (то есть отобрана у города), а 17 июня Луначарский назначил Грабаря ее директором. *Эфрос Абрам Маркович* (1888—1954) — искусствовед, литературовед, переводчик, в описываемое время — один из хранителей Третьяковской галереи.
26. Речь идет о гулянье в Вербное воскресенье. Усачевско-Черняевское училище.
27. «Духовные основы Франции» (*фр.*).
28. Чести и отечества (*фр.*).
29. Иронический намек на утверждение Ленина, что после успешной социалистической революции функции государства так упростятся, что их сможет научиться исполнять «каждая кухарка».
30. *Черепнин* — возможно, Н. А. Черепнин, специалист по архивному делу.
31. Вывешивание плакатов такого рода было частью политики «монументальной пропаганды», осуществление которой началось с подготовки к празднованию 1 мая 1918 года.
32. *Нескучный дворец* — здание на Б. Калужской ул. в неоклассическом стиле (строилось с 1756 г.), окруженное парком.
33. *Малиновская Елена Константиновна* (1870—1942) — общественный и театральный деятель, жена П. П. Малиновского. С 1905 г. — член большевистской партии. После Октябрьской революции — комиссар московских театров, затем управляющий московскими театрами, с 1920 г. — академическими театрами; позднее была директором Большого театра.

34. Памятник генералу М. Д. Скобелеву (1843—1882) был поставлен в 1912 г. на Тверской пл., переименованной в Скобелевскую. Памятник Александру III работы А. М. Опекушина, тоже установленный в 1912 г., находился к северо-востоку от храма Христа Спасителя, недалеко от Румянцевского музея.
35. Официальный флаг императора как главы государства (черный государственный орел на желтом прямоугольном полотнище), поднимавшийся над Большим Кремлевским дворцом во время пребывания в нем царя.
36. Речь идет о переговорах членов Правого (Московского) центра с представителями германского правительства.
37. *Марков 2-й* — Марков Николай Евгеньевич (1866—1943), один из лидеров черносотенства, депутат III и IV Государственных дум (товарищ председателя фракции правых), где прославился скандальными выступлениями о «жидо-масонах» и т. п.
38. Нужно дождаться прибытия в Москву ротмистра (*нем.*).
39. *Денежный переулок* — между Арбатом и Б. Левшинским переулком.
40. Севастополь и Феодосия были заняты германскими воойсками 30 апреля. Оборона Севастополя во время Крымской войны продолжалась с октября 1854 до сентября 1855 года.
41. Планомерно и целесообразно (*нем.*).
42. Декрет ВЦИК от 27 апреля об отмене наследования. Наследование отменялось как по закону, так и по завещанию; имущество умершего переходило в собственность государства. Незначительные имущества (до 10 тыс. руб.), главным образом, крестьян и ремесленников, могли поступать «в управление и распоряжение» родственников. Право наследования было восстановлено (с тем же пределом в 10 тыс. руб.) с введением в действие нового Гражданского кодекса 1 января 1923 года.
43. Имение знакомого Готье Г. Шварца недалеко от Загранья.
44. Отношения между Центральной Радой и германскими властями испортились после подписания 23 апреля германско-украинского экономического договора, более выгодного для Германии. В результате 29 апреля Центральная Рада была упразднена.
45. В начале декабря 1917 г. СНК утвердил новое положение о земельных комитетах, по которому земли, имущество сельскохозяйственного назначения и постройки «нетрудовых» хозяйств переходили в «ведение и распоряжение» этих комитетов, которые должны были «изъять» их у частных лиц. Весной 1918 г. земельные комитеты были превращены в земельные отделы Советов.
46. *«Французская книга»* Готье, о работе над которой он не раз упоминает в дневнике, напечатана не была. Закончил ли он ее и сохранился ли ее текст, нам неизвестно. *Credo* — верую (*лат.*).
47. «Накануне. Еженедельник политики, литературы и общественной жизни», несколько выпусков которого вышло весной 1918 г. в Москве, издавался Ю. Н. Потехиным, Ю. В. Ключниковым и Н. В. Устряловым — будущими инициаторами сменовеховства. По содержанию, о котором пишет Готье, прослеживается связь между основными мыслями «Вех» (1909 г.) и «Смены вех» (1921 г.)
48. *Лимены* — селение возле курортного поселка Симеиз на Южном берегу Крыма.
49. Одновременно с упразднением Центральной Рады генерал П. П. Скоропадский на «съезде хлеборобов» в Киеве, избранный при поддержке германских оккупационных властей гетманом Украины, провозгласил создание вместо Украинской народной республики Украинской державы с гетманской (квазимонархической) формой правления. Гетманское правительство (коалиция правых и либералов, в том числе видных кадетов) стремилось охранять (и восстанавливать) имущественные права состоятельных слоев населения. С этим, вероятно, и были связаны надежды москвичей, о которых пишет Готье.
50. Термин «гласные» в отношении депутатов Советов официально не употреблялся.
51. Кроме высадки англичан и японцев во Владивостоке, Готье, возможно, имеет в виду движение в апреле — первой половине мая отряда забайкальских казаков под командованием есаула Г. М. Семенова из Маньчжурии на Читу (до которой они не дошли) и образование Временного забайкальского правительства во главе с Семеновым. Однако вскоре войска этого правительства были разбиты частями образованного для борьбы с ними Даурского фронта Красной Армии, и Семенов вынужден был отступить в Маньчжурию.
52. Германские войска заняли Ялту 1 мая. Члены императорской семьи, жившие с лета или осени 1917 г. в принадлежавших им имениях на Южном берегу Крыма, вскоре эмигрировали, благодаря чему избежали расправы, постигшей в 1918—1919 гг. большинство их родственников.
53. Линия Москва — Нижний Новгород в описываемое время была частью Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железной дороги. Прямая линия на Казань (через Арзамас) была открыта несколько месяцев спустя; заволжская линия (Казань — Екатеринбург) в то время строилась.
54. Проектировавшийся филиал был открыт в том же году при антибольшевистском правительстве П. В. Вологодского как самостоятельный (второй в Сибири) университет.
55. Литературно-издательский отдел Наркомпроса существовал с середины ноября 1917 г. до 14 мая 1919 г., затем вошел в Государственное издательство.

56. Наркомпрос занимал помещение Катковского лицея на Остоженке, д. 57. «Катковским» (по имени его основателя публициста М. Н. Каткова) в обиходе назывался Императорский в память цесаревича Николая лицей, открытый в 1868 году. Он состоял из гимназических классов (с расширенной программой) и университетских, дававших образование в объеме юридического факультета. Отличительной чертой его была заимствованная из практики Оксфордского и Кембриджского университетов так называемая тутериальная система обучения и воспитания, при которой в центр внимания ставится личность учащегося. Лицей был закрыт, по-видимому, еще до переезда Наркомпроса в Москву.
57. Готье имеет в виду только что вышедшую книгу «Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Московского Охранного Отделения» (М. 1918). Портрет Крупской (как и других большевиков) — полицейская фотография арестованной.
58. *Сакулин Павел Никитич* (1868—1930) — известный литературовед, сочувствовавший советской власти и сотрудничавший с ее учреждениями. *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873—1924) — поэт-символист. В 1910—1912 гг., будучи литературным редактором журнала «Русская мысль», разделял «веховские» взгляды редактора журнала П. Б. Струве. В описываемое время — сотрудник Литературно-издательского отдела Наркомпроса; позднее занимал в нем руководящие посты, в том числе короткое время был председателем цензурного ведомства — Главного управления по делам литературы и издательства (Главлита); смещен за недостаточно твердое проведение официальной политики. С августа 1918 г. — действительный член Социалистической академии общественных наук; с 1919 г. — член РКП(б). *Вересаев* — Смидович Викентий Викентьевич (1867—1945) — известный писатель, с 1890-х годов марксист; свойственник Луначарского. *Чертков Владимир Григорьевич* (1854—1936) — общественный деятель, после смерти Л. Н. Толстого фактически возглавлял толстовское движение, в 1917—1920 гг. — редактор журнала «Голос Толстого и единение». *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — книгоиздатель-просветитель, к 1917 г. владелец крупнейшего в стране издательского, печатного и книготоргового дела. Его предприятия были национализированы и поступили в ведение Литературно-издательского отдела: в значительной степени на их материальной основе было образовано Государственное издательство. Сотрудничал с Наркомпросом в деле преобразования издательского дела, затем был консультантом Госиздата.
59. *Лебедев-Полянский* — Лебедев Павел Иванович (1891—1948), член РСДРП с 1902 г., большевик, профессиональный революционер; последователь А. А. Богданова (член группы «Вперед», сторонник теории «пролетарской культуры»), близкий сотрудник Луначарского, комиссар Литературно-издательского отдела.
60. Декретом ВЦИК от 29 декабря 1917 г. «О государственном издательстве» (его инициатором был Лебедев-Полянский) Литературно-издательскому отделу предоставлялось право объявлять свою монополию на издание произведений любого автора, в первую очередь классиков литературы и науки.
61. В январе при Литературно-издательском отделе была сформирована литературно-художественная комиссия с участием видных писателей и художников (она приняла решение о переходе печати на новую орфографию). С переездом Наркомата в Москву деятельность комиссии в Петрограде прекратилась, а в Москве из-за настроений, проявившихся на описываемом собрании, новую комиссию удалось образовать только в июле.
62. О *(церк. -слав.)*.
63. «Императивная категория» вместо «категорический императив» (основное понятие этики Канта); «о куран» — в курсе — au courant (*фр.*)., произнесенное с сильным русским акцентом; «au fond» — «в сущности» вместо «à fond» — «основательно» (*фр.*). Как видно из приводимых Готье примеров, Лебедев-Полянский был фактически полуинтеллигентом; несмотря на это, он возглавлял (1921—1930 гг.) Главлит, был действительным членом Социалистической (Коммунистической) академии общественных наук, профессором Московского университета, главным редактором «Литературной энциклопедии», действительным членом Академии наук СССР (1946 г.).
64. *Иванов-Разумник* — Иванов Разумник Васильевич (1878—1946) — литературовед и историк общественной мысли; по образованию математик. Последователь П. Л. Лаврова, рассматривал историю русской общественно-политической мысли как историю борьбы «интеллигенции» с «мещанством». В 1917—1918 гг. возглавлял революционно-романтическую группу писателей «Скифы»; в 1919 г. — один из организаторов Вольной философской ассоциации («Вольфила») в Петрограде (см. Вопросы философии, 1990, № 4, воспоминания Н. И. Гаген-Торн). Во время второй мировой войны эмигрировал, умер в Германии.
65. *Никольские ворота* — ворота Кремля под Никольской башней. *Иверские ворота* в стене Китай-города находились в Воскресенском проезде; между их арками располагалась часовня Иверской иконы Божьей Матери — одной из наиболее почитаемых православными святынь в Москве.
66. Ключевский умер 12 мая 1911 г. и похоронен на кладбище Донского монастыря.
67. Газета «Русские ведомости» запрещалась большевистскими властями 26 октября 1917 г., 27 марта (или

3 апреля), 30 мая и, наконец, 9 июля 1918 года. В апреле и мае выходила под названием «Свобода России». *Львов Лоллий Иванович* (1888 — не ранее конца 1950-х годов) — литератор; позднее эмигрировал. Заголовок статьи — «Ключевский о России». Сборник статей П. Б. Струве «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм» (СПб. 1911).
68. *Муромцев Сергей Андреевич* (1850—1910) — юрист и общественно-политический деятель. Долголетний председатель Московского юридического общества и редактор «Юридического вестника», стремился готовить профессиональных законодателей для будущей парламентской работы. Как председатель I Государственной думы много сделал для выработки думского регламента и установления процедурных норм. Будучи противником «Выборгского воззвания», подписал его из солидарности с другими депутатами, чем лишил себя возможности дальнейшей думской деятельности. В последние годы жизни — председатель правления Университета Шанявского. Описывая памятник Муромцеву в Донском монастыре как символ КДП, Готье подчеркивает, что она не смогла стать массовой партией.
69. *Рязанов* — Гольдендах Давид Борисович (1870—1938 (?), арестован в 1931 г., сослан в Саратов, погиб в заключении), профессиональный революционер. В 1900—1905 и 1907—1917 гг. в эмиграции. До лета 1917 г. — внефракционный социал-демократ, осенью 1917 г. — один из виднейших представителей большевиков в профсоюзах и различных органах «революционной демократии», после II съезда Советов — член ВЦИК. «Приятелем» Ленина не был и почти всегда расходился с ним идейно и политически. Марксоведческие исследования, предположения о которых высказывает Готье, Рязанов начал в эмиграции, там же принялся за подготовку полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, издание которого (на языке оригинала и в русском переводе) в значительной степени осуществилось в созданном им в 1921 г. Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. 2 апреля 1918 г. Рязанов, бывший одним из руководителей Наркомпроса, был назначен председателем образованного тогда Центрального комитета по управлению архивами. 22 мая была создана комиссия (с его участием) по централизации архивного и библиотечного дела, которой, в частности, было вменено в обязанность созвать совещание с участием представителей заинтересованных ведомств и специалистов. Совещание состоялось 27—28 мая. *Самоквасов Дмитрий Яковлевич* (1843—1911) — историк права, архивист, археолог. С 1892 г. — управляющий Московским архивом Министерства юстиции. Его двухтомная работа «Архивное дело в России» вышла в Москве в 1902 году.
70. Очаровательный парень (*нем.*).
71. 21 апреля в ходе восстания донских казаков против большевистской власти было создано Временное донское правительство. «Круг [съезд] спасения Дона» (11—18 мая) избрал войсковым атаманом Всевеликого войска Донского генерал-лейтенанта П. Н. Краснова (1869—1947).
72. Постановление о введении в Москве военного положения было принято СНК 29 мая «ввиду обнаруженной связи московских контрреволюционных заговорщиков, в центре коих стоят правые социалисты-революционеры, с восстанием погромных банд в Саратове, мятежом казачьего ген. Краснова на Дону и восстанием белогвардейцев в Сибири, а также ввиду разнузданной агитации контрреволюционеров, стремящихся использовать продовольственные затруднения народа в интересах восстановления власти капиталистов и помещиков». 30 мая военное положение было распространено на пригородные местности в 20-верстной полосе за пределами города.
73. В книге «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» об этом визите Яковлева сведений нет, но говорится, что до 10 июня Ленин дал указание В. Д. Бонч-Бруевичу справиться в ЧК о причинах ареста З. Н. Бочкаревой и Е. В. Юрьевой, «за которых ручается коллектив служащих Румянцевского музея» (т. 5, с. 527).
74. Судя по декрету о «военном положении» в Москве, поводов для репрессивных мер у большевиков было несколько. В феврале — марте Савинковым был образован из военных Союз защиты родины и свободы. С марта существовал антибольшевистский Союз возрождения России, в который входили (наряду с народными социалистами, левыми кадетами и правыми социал-демократами) видные эсеры. В мае Совет ПСР в Москве принял решение о вооруженной борьбе против большевиков, и для приведения его в исполнение половина членов ЦК (10 человек) выехала в различные районы, в том числе в Поволжье; 21 мая ЦК ПСР принял решение направить Авксентьева (который в то время не был его членом) в Сибирь. По-видимому, большевики имели сведения об этом (в мае были арестованы некоторые участники савинковского Союза). Что касается закрытия газет, то в них публиковали нелестные для большевиков отзывы (например, видных экономистов-меньшевиков) об их продовольственной политике (разрушение рынка, ограбление состоятельных крестьян «продотрядами» и т. п.).
75. *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — литератор и издатель, по образованию землемер, в ранней молодости толстовец, с 1895 г. социал-демократ, с 1903 г. большевик, неизменный сторонник Ленина, после Октябрьской революции до 1920 г. управляющий делами СНК. По словам М. И. Цветаевой, *Иловайского* (он был отцом первой жены И. В. Цветаева, отца поэтессы) продержали в заключении больше недели.

76. Восторженно (*нем.*).
77. Рыцарски благородных немецких воинов (*нем.*).
78. Чудесное спасение (*нем.*).
79. Пускание пыли в глаза (*англ.*).
80. Речь идет о введении 29 мая в Москве военного положения. В ночь на 30 мая в городе было арестовано около ста человек.
81. Союз возрождения России действительно считал, что будущее небольшевистское правительство должно сохранить верность союзникам в войне с австро-германским блоком.
82. Отдельный чехо-словацкий корпус (часто называемый в печати легионом), к концу мая насчитывавший до 45 тыс. человек, был сформирован незадолго до Октябрьской революции на добровольных началах из военнопленных и российских граждан (в России проживало более 40 тыс. чехов-колонистов) в тылу Юго-Западного фронта для участия в военных действиях против Австро-Венгрии. В связи с переговорами в Бресте и предстоявшим выходом России из войны корпус был 15 (28) января объявлен частью французской армии и должен был быть переброшен через Дальний Восток во Францию; к концу мая его эшелоны растянулись по железной дороге от ст. Ртищево (к юго-западу от Пензы) до Владивостока. По условиям Брестского мирного договора Советское правительство было обязано демобилизовать все войсковые формирования на подвластной ему территории. 26 марта представители Советского правительства, Чехо-словацкого национального совета и союзных правительств подписали в Пензе соглашение о сдаче чехо-словацкими войсками большей части оружия советским властям. Среди солдат и офицеров корпуса, подавляющее большинство которых считало Брестский мир предательством, распространилось мнение, что советские власти действуют по указке немцев, и 20 мая на совещании делегатов частей корпуса в Челябинске было решено оружия не сдавать. 25 мая Троцкий (с 8 апреля нарком по военным и морским делам) отдал приказ о полном разоружении чинов корпуса (за обнаруженное оружие расстреливали на месте). В тот же день части корпуса начали вооруженную борьбу с частями Красной Армии.
83. Образованный в марте Высший военный совет, игравший роль Главного штаба, с 5 июня находился в Муроме, чтобы быть ближе к возникавшему в ходе гражданской войны Восточному фронту, 14 июля был возвращен в Москву.
84. Речь идет о попытке группы членов Правого центра и группы университетских коллег Готье вступить в переговоры с германскими представителями в Москве на предмет совместных действий против большевиков.
85. Декретом ВЦИК и СНК от 27 мая «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов» им предоставлялось право иметь особые отряды из «сознательных рабочих» для организации «трудового крестьянства» против «кулачества».
86. До 4 июня чехо-словацкие войска вместе с формировавшимися русскими антибольшевистскими отрядами заняли Челябинск, Новониколаевск (Новосибирск), Пензу, Сызрань, Томск, Петропавловск.
87. Речь идет об одном из совещаний, проводившихся по инициативе Отдела высшей школы Наркомпроса для ознакомления с подготовленными отделом проектами реформы высшей школы и нового Положения об университетах.
88. 26 мая в Новониколаевске сибирскими областниками (главным образом эсерами) был создан Западно-Сибирский комиссариат как временное областное правительство. После занятия антибольшевистскими силами 8 июня Омска комиссариат перебрался туда.
89. *Новосельский Алексей Андреевич* (1891—1967) — ученик А. И. Яковлева, специализировавшийся по русской истории XVII века.
90. 11 июня СНК принял декрет о принудительном призыве в Красную Армию лиц призывного возраста в некоторых уездах Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов. *Куропаткин Алексей Николаевич* (1843—1925) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В бытность военным министром (1898—1904 гг.) разработал план стратегической готовности для ряда пограничных военных округов.
91. 10 июня Совнарком принял обращение к населению (подписано Лениным, Троцким и Бонч-Бруевичем) с объявлением войны Временному сибирскому правительству. В обращении воспроизводился текст телеграммы Совнаркому из Омска с изложением целей областного правительства, подписанной командиром стрелкового корпуса полковником Ивановым и уполномоченным Временного сибирского правительства Ляховичем. Правительство, о котором идет речь, — Западно-Сибирский комиссариат, в состав которого вошли «уполномоченные» первого Временного правительства, оставшиеся в Западной Сибири после отъезда П. Я. Дербера в Харбин. Комиссариат переехал из Новониколаевска в Омск 8 июня. «Правительства Колчака» в то время не существовало.
92. 14 июня ВЦИК принял постановление об исключении «за контрреволюционную деятельность» из своего состава и из всех Советов «правых» (то есть всех, кроме левых) эсеров и всех меньшевиков. До этого во ВЦИКе, избранном IV Всероссийским съездом Советов в марте, было больше 10 «правых» эсеров и 5 меньшевиков. Говоря о «роспуске ЦИКа», Готье имеет в виду предстоявшие выборы на V съезд Советов, который должен был избрать новый ВЦИК.

93. Гады продолжают пожирать друг друга (*фр.*).
94. *Гурко Владимир Иосифович* (1863—1927) — брат генерала Василия Иосифовича Гурко, действительный статский советник, камергер, таерской уездный предводитель дворянства; в 1906 г. — товарищ министра внутренних дел (П. А. Столыпина) и заведующий земским отделом министерства, принимал деятельное участие в подготовке столыпинской земельной реформы; в 1912 г. — член Государственного совета по выбору от Тверского земства, входил в группу правых. В описываемое время — один из руководителей Правого центра, в котором представлял Союз земельных собственников.
95. Свояченица (*фр.*).
96. Около станции Подсолнечная Николаевской железной дороги, в 65 км к северо-западу от Москвы.
97. *Михаил* — великий князь Михаил Александрович. Слухи эти не соответствовали действительности.
98. *Марк* — по-видимому, посредник в установлении контакта между коллегами Готье и германскими представителями в Москве. В литературе и известных источниках сведений об этом контакте нет. Не фигурировал он, вероятно, и в «деле Платонова», по которому участники этих переговоров обвинялись в антисоветской деятельности; это позволяет думать, что ЧК о них не узнала. Имена участников собрания легко расшифровываются: Л. — Любавский, А. А. Г. — Грушка, Д. Н. Е. — Егоров, Я. — Яковлев.
99. *Хвостов* — по всей вероятности, Вениамин Михайлович. Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) была создана Академией наук в 1915 г. по инициативе и под председательством (до 1930 г.) акад. В. И. Вернадского для содействия усилиям России в мировой войне. Впоследствии из нее выросло несколько важнейших институтов Академии, имевших (и имеющих) огромное значение для обороны страны.
100. Банкиров и промышленников (*фр.*).
101. *Родионово* — последняя крупная станция к востоку от границы Тверской губернии на линии Рыбинск — Бологое, в 76 км к западу от Рыбинска. *Красный Холм* — заштатный город Весьегонского уезда Тверской губ., в описываемое время — конечная станция железнодорожной ветки на север от ст. Сонково (где, вероятно, была пересадка), ближайшая станция к Заграныо.
102. 25 июня был принят декрет ВЦИК и СНК «Об организации и снабжении деревенской бедноты», согласно которому повсеместно образовывались волостные и сельские комитеты бедноты для распределения хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, а также оказания содействия продовольственным отрядам в изъятии «излишков» у «кулаков и богатеев». Лидер левых эсеров Камков называл комбеды «комитетами деревенских лодырей». Создаваемые и руководимые большевиками, они служили орудием в их борьбе с левыми эсерами, которые часто имели большинство в сельских и волостных советах. Большевики приветствовали деятельность комбедов как начало классовой борьбы и гражданской войны в крестьянской среде.
103. Из стихотворения А. Н. Апухтина «Мухи».
104. См. Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Т. 5. СПб. 1899, №№ 105, 106.
105. Это наблюдение Готье свидетельствует о том, что разграбление имущества помещиков в 1917—1918 гг. нередко приводило к улучшению материального положения и жилищных условий средних крестьян.
106. Совещание по реформе высшей школы состоялось в Москве 8—14 июля.
107. Библейский образ невинного страдальца.
108. Первый том «Социологии» В. М. Хвостова вышел в 1917 г., второй остался неоконченным.
109. «Скобления русского» (фр.). Авторство изречения «Grattez le russe et vous trouverez le tartare» («Поскоблите русского и найдете татарина») приписывается разным лицам, в том числе и Наполеону I.
110. 8 июня Самара была взята чехо-словацкими войсками и восставшими антибольшевистскими организациями (эсеровской и беспартийной офицерской). В тот же день вышел из подполья Комитет членов Учредительного собрания (из пяти эсеров под председательством В. К. Вольского), объявивший себя временной властью до его созыва. Ожидалось, что в Самару будут приезжать и вступать в Комитет и другие члены Учредительного собрания (кроме большевиков и левых эсеров, мандаты которых аннулировались). Новая власть выступила под лозунгами «Единая независимая свободная Россия!» и «Вся власть Учредительному собранию!»
111. Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг. 1918.
112. В. В. Готье приехал из Новгорода, привезенные им сведения имели общий характер и не обязательно касались недавних событий. Первая высадка небольшого отряда британской морской пехоты в Мурманске состоялась в начале марта.
113. К началу июля численность войск союзников в Мурманске и на Мурманской железной дороге увеличилась почти до 8 тыс. человек. 3 июля британский отряд занял станцию и город Кемь в 610 км к югу

от Мурманска. Слух относительно великого князя Михаила Александровича был безоснователен. Австро-венгерские войска, прорвавшие перед этим оборону противника в Южном Тироле и продвинувшиеся на несколько километров, 20—26 июня были отброшены на исходные позиции. Декрет СНК о национализации (то есть конфискации) акционерных обществ и товариществ на паях был принят 28 июня.

114. Если она когда-либо существовала (*фр.*).

115. 8—14 июля в Московском университете состоялось созванное Наркомпросом совещание по реформе высшей школы, на которое собралось около 400 человек — преподавателей, студентов и служащих университетов и других высших учебных заведений. Выступали Луначарский (сравнительно умеренная позиция), Покровский (с мая заместитель наркома просвещения), Штернберг (с марта заведующий отделом высшей школы Наркомпроса). Доклад о реформе сделал Михаил Андреевич Рейснер (1868—1928) — юрист, автор проекта декрета СНК от 20 января «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», в описываемое время член коллегии Отдела высшей школы Наркомпроса и комиссии по реформе. Доклад вызвал решительные возражения кн. Е. Н. Трубецкого, М. К. Любавского и В. М. Хвостова; более примирительно выступали М. А. Мензбир, а также, по-видимому, Д. М. Петрушевский и А. Н. Савин. По предложению С. А. Чаплыгина была образована комиссия для дальнейшей разработки Положения об университетах.

116. Высшие женские курсы были открыты в Екатеринославе в 1916 г., в 1918 г. на их базе был образован Екатеринославский университет.

117. Ярославль (6 июля) и Рыбинск (8-го) не были заняты чехо-словацкими войсками. Здесь произошло восстание, которое планировалось с весны Союзом защиты родины и свободы и Национальным центром; главным вдохновителем выступления был Савинков, действовавший в согласии с генералом Алексеевым, от имени которого военные руководители вступали в командование повстанцами. Из-за арестов в мае — июне восстание началось не в Москве и Казани, как намечалось, а в верхневолжских городах.

118. 9 июля «Известия ВЦИК» и «Правда» опубликовали сообщение, в котором говорилось: «В связи с провокационным выступлением авантюристов из лагеря левых эсеров и в целях прекращения контрреволюционной агитации посредством печатного слова Отдел по Делам Печати при М. С. Р. Д. (бывш. Комиссариат по Делам Печати) постановил [8 июля]: 1. Все удостоверения о регистрации повременных изданий, выданные до 6 июля с. г. включительно, считать недействительными. 2. Впредь до особого распоряжения временно прекращается выдача удостоверений на право печатания повременных изданий. [...]. 5. Виновные в нарушении и неисполнении настоящего постановления будут караться по всей строгости военного положения. [...] Настоящее постановление не распространяется на произведения печати, издаваемые Правительственными учреждениями и Российской Коммунистической Партией».

119. Очевидно, поезда, ходившего по ветке Сонково — Красный Холм.

120. По-видимому, началось подавление восстания.

121. «*Беднота*» — ежедневная газета ЦК РКП(б), выходила с 14 марта 1918 г. в Москве.

122. Готье не пишет, как М. А. Колюбакин «попал» в народные судьи. «Народные суды» создавались на основании декрета СНК от 22 ноября 1917 г., который предусматривал выборность «народных судей». Однако будущий (с 22 августа 1918 г.) нарком юстиции Д. И. Курский (1874—1932) — большевик с 1904 г., с ноября 1917 г. участвовавший в создании в Москве новой власти, в автобиографии пишет, что он «был организатором первых народных судов в Москве». В воспоминаниях его жены тоже ничего не говорится о выборах; по ее словам, Курский и его сотрудники «в конце концов набрали-таки аппарат и организовали в ряде участков Москвы народные суды».

123. «*Новая жизнь*» — ежедневная общественно-литературная социал-демократическая газета, выходившая в Петрограде с 18 апреля 1917 г. (с 1 июня 1918 г. в двух изданиях — петроградском и московском) под редакцией М. Горького, В. А. Базарова (1874—1939? — погиб в заключении), В. Десницкого (1878—1958), Н. Н. Суханова (1882—1940? — погиб в заключении) и др. Закрывалась 12 и 22 июня 1918 г., окончательно закрыта в июле (по-видимому, московское издание перестало выходить после постановления Моссовета от 8 июля). Упоминание о ней в литературе как о меньшевистской или левоменьшевистской ошибочно. Редакция и группа ближайших сотрудников газеты состояли (за исключением Суханова, но и он никогда не был меньшевиком) из бывших левых большевиков, последователей А. А. Богданова, которые в 1904—1907 гг. вместе с Лениным возглавляли большевистскую фракцию в РСДРП и в значительной степени определяли ее идейное лицо. После Февральской революции они образовали группу, а потом Партию социал-демократов-интернационалистов, идейно близкую к большевикам, но свободную от партийной дисциплины и отвергавшую политику захвата власти и насилия по отношению к инакомыслящим.

124. *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880—1918) — подполковник, с августа 1917 г. левый эсер, с 13 июня 1918 г. — главнокомандующий красноармейскими войсками Восточного фронта. 6 июля, получив известие о событиях в Москве, заявил о выходе из ПЛСР. Так называемый мятеж Муравьева 10—11 июля нуждается в изучении; кажется, имеются основания предположить, что это было не выступление против Советской власти, а попытка совместно с чехо-словацкими войсками возобновить военные действия против Германии и Австро-Венгрии.

125. «Германскую ориентацию» в борьбе с Советской властью в мае — июне 1918 г. приняли украинские кадеты, которые вошли в гетманское правительство, а также Милюков, приехавший с Дона в Киев, и некоторые другие видные члены КДП. Большинство партии сохранило верность союзникам; Милюков вскоре отказался от германской ориентации, но положение лидера партии не вернул. В июне чехо-словацкие войска совместно с антибольшевистскими силами заняли Самару, Омск, Барнаул, Красноярск; в июле — Уфу и Иркутск.

126. Тещи (*фр.*).

127. 26 июля «Правда» опубликовала сообщение отдела печати Моссовета «К закрытию антисоветской печати», в котором говорилось: «Запрещение выхода антисоветской повременной печати в Москве, изданное в связи с событиями 6 июля, остается в силе впредь до полного укрепления и торжества Российской Советской Социалистической Федеративной Республики. В дополнение к постановлению от 8 июля сообщается, что Отделом Печати будут выдаваться удостоверения частным лицам и организациям на право выпуска политических периодических изданий, стоящих на платформе Советов».

128. Возможно, Готье имеет в виду заявление союзников от 6 июля, что Владивосток будет находиться под их протекторатом. Что касается Сибири и Самары, то до Готье могли дойти такие сведения: 23 июня на заседании Сибирской областной думы в Томске было создано новое Временное сибирское правительство П. В. Вологодского; 30 июня ему передал власть Западно-Сибирский Комиссариат; после падения 29 июня Советской власти во Владивостоке часть членов первого Временного сибирского правительства во главе с П. Я. Дербером, переехавшая туда в середине мая из Харбина, объявила себя «центральной властью Сибири»; 4 июля правительство Вологодского приняло декларацию о независимости Сибири от Советского правительства в Москве; 9 июля управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д. Л. Хорват (1858—1937) с вооруженным отрядом Дальневосточного комитета активной защиты родины и Учредительного собрания прибыл из Харбина на станцию Гродеково в 97 км к северо-западу от Уссурийска и объявил себя временным верховным российским правителем; 15 июля в Челябинске состоялось совещание по вопросу о создании общероссийского антибольшевистского правительства.

129. Речь идет о второй битве на Марне, примерно в 70 км северо-восточнее Парижа, которая началась 15 июля наступлением германских войск. 18 июля французские войска перешли в контрнаступление и к 4 августа отбросили противника на исходные позиции.

130. *Гельферих Карл-Теодор* (1872—1924) — экономист и государственный деятель; с февраля 1915 г. — статс-секретарь имперского казначейства (министр финансов), в 1916—1917 гг. — министр внутренних дел и вице-канцлер при канцлере Бетман-Гольвеге. Мнение Готье о его назначении послом в Москву, куда он прибыл 28 июля, сходно с позднейшим (на VII съезде Советов 6 ноября 1919 г.) высказыванием об этом Чичерина.

131. Утка по-руански (*фр.*).

Александр Иванович Гучков рассказывает...

Понедельник 26 декабря 1932 г.

Базили. Вы говорили, как у вас с властью наладились отношения. Ваши отношения со Столыпиным, ваша деятельность в военной комиссии Государственной думы, как в этой комиссии вы выступили против неправильного использования великих князей в рамках армии, как вы добились известных реформ в военном управлении... Государь, очевидно, ощущал в связи с этим неприятные чувства, потому что армия — его личная территория; Гучков в этом главный виновник.
Гучков. С тех пор создалась легенда насчет младотуречества. Мы остановились на периоде III Думы, и мы еще не перешагнули в IV. Один маленький эпизод: как следили, старались изловить. Канцелярию Комиссии государственной обороны мне приходилось формировать. Я подумал, что тот состав канцелярского персонала, который мы имели в Думе, — это были молодые люди из Государственной канцелярии. Они очень хорошие, надежные, с литературными и канцелярскими качествами, но у них не было специальных технических знаний по военной части, и состав комиссии был тоже цивильный. Были среди нас военные элементы, которые давно отстали от военных дел, капитан II ранга князь Шаховской[1] и т. д. Это все были военные, но давно ушедшие со службы. Так как нам приходилось изучать много технических вопросов, я боялся, что к наивности членов комиссии присоединится незнание дела самой канцелярией. И нам придется много «гафф» наделать (дать поводы для пересудов. — *Ред.).*

Поэтому я думал, что полезно привлечь военных канцеляристов; обратившись к начальнику Главного штаба, я просил его рекомендовать кого-нибудь. Через некоторое время я получил записку, что он рекомендует капитана Михайлова, который кончил Академию и был все время в канцелярии Куропаткина и т. д. И обременен семейством. Я его вызвал. Рекомендация была хорошая. Так вот когда уже начали обостряться отношения между комиссией и военным министерством (со стороны государя было явно недоброжелательное отношение к комиссии, к ее работе), то я узнал, что Михайлов приставлен к комиссии, ко мне в качестве соглядатая. Он знал о существовании кружка ген. Гурко. Когда поступал к нам какой-либо законопроект, то я писал: «Пошлите столько-то экземпляров генералу Гурко», и он несколько раз говорил мне очень настойчиво: «Ведь я мог бы быть полезен и там, может быть, вы пригласите меня». Но я это отклонил. Через некоторое время я узнал, что им составлен обстоятельный донос, потом повторившийся, где говорилось о создании в армии такого кружка, который должен подготовлять антимонархические течения, а может быть и действия, в самой армии.

Затем я узнал, что этого Михайлова приглашают к себе крайние правые, что он вошел в переговоры с Марковым 2-м и Пуришкевичем, а затем произошел следующий эпизод. Я не хотел из этого, что называется, делать историю, но вышло так, что Михайлов оказался как канцелярист никуда не годным, плохо писал доклады, был ленив и хамски груб со своими подчиненными. Помню эпизоды его хамского отношения. Я его вызвал (в то время я был председателем Гос. думы) и говорю: «Имейте в виду, что вы у нас больше не будете. Вы ленивы, неаккуратны, ваши доклады очень неудовлетворительны. Я не желаю портить вашу карьеру, поэтому я вас не удаляю своей властью, а только предупреждаю, что даю такой срок. Найдите себе какие-нибудь занятия, но вы не должны остаться». Из этого разыгралась целая история, потому что он побежал к Маркову и к Пуришкевичу. Но я был непреклонен.

Вдруг приезжает ко мне один из высших чинов Главного управления Генерального штаба из разведывательного отделения и говорит мне: «У вас служит капитан Михайлов?» Как выясняется, он под подозрением, что он разные секретные сведения, которые получает у нас, продает одной иностранной державе. «Есть у вас какие доказательства?» «Доказательств нет, но он у нас сильно под подозрением». Это усилило мою решимость, и я его еще раз вызвал и сказал: «С завтрашнего дня я вас увольняю в отпуск». Одна подробность меня успокаивала, что когда он поступил на службу к нам, то произошло некоторое междуцарствие, он из Главного штаба еще не был отчислен и у нас не был зачислен — так не получал жалованья. Он пришел как-то ко мне и просил, чтобы я ему помог. Я ему дал несколько сот рублей. Меня успокаивала мысль, что он мне не отдавал. Будь он шпион — он бы отдал.

Затем началась война, и я обслуживал в Красном Кресте 2-ю армию Самсонова. Приезжаю в штаб, мне командующий армией Смирнов говорит: «К нам назначен новый офицер, некто капитан Михайлов. Ссылается на то, что он был в Государственной думе и что вы его знаете». «Знаю, но вот с какой стороны». Смирнов говорит: «Я ему предложил туда, а он отказывается и говорит: «Нет, я бы не хотел в оперативную часть». Это характерно; какая шла работа по созданию атмосферы недоверия. К Сухомлинову он тоже бегал. Когда приходится объяснять, как у Государя отношение менялось, я должен сказать, что шла упорная работа. И пользовались такими лицами, как Михайлов.
Базили. В распутинщине какую вы заняли роль?
Гучков. В числе лиц, которые сменяли друг друга в звании придворных мистиков, были другие, затем появился Распутин. Конечно, это было неприятно, потому что это компрометировало верховную власть, но я не отдавал себе отчета, насколько это явление из области мистики, из области личной жизни перескакивало в области общественную, политическую и т. д. Более опасной фигурой являлся тогда в этой области Илиодор[2], у которого шла борьба с самим правительством Столыпина. Столыпин старался его отстранить подальше от престола. Это была все спекуляция на больных сторонах царской души. В мои последние встречи со Столыпиным за несколько дней до его убийства на Елагином острове он мне говорил с глубокой грустью о том, как такие явления расшатывают и дискредитируют, во-первых, местную правительственную власть, а затем эта тень падет и на верховную власть. Говорил, что все это очень гнило, но что он одного только ждет, что это, может быть, на корню сгниет.

Что такое Распутин, какую он роль играл, об этом теперь можно говорить потому, что это относится к покойнику. Мне раскрыл глаза Кривошеин. Когда после убийства Столыпина я с ним говорил на тему о роли Столыпина и о возможной для него будущности, если бы он не был убит, он мне сказал, что Столыпин был политически конченый человек, искали только формы, как его ликвидировать. Думали о наместничестве на Кавказе, в Восточной Сибири, искали формы для почетного устранения; еще не дошли до мысли уволить в Государственный совет, но решение в душе состоялось — расстаться с ним. Кривошеин рассказывал: «Я Столыпину не раз говорил: «Вы сильный, талантливый человек, вы многое можете сделать, но только, я вас предостерегаю, не боритесь с Распутиным и с его

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 7—10.

приятелями, на этом вы сломитесь», а он это делал — и вот результат». Я думал, Столыпин — громадная сила, а тут сильнее...

Строй новый был слабеньким строем, корни не глубоко пущены, я готов был этому новому строю очень много грехов простить, лишь бы мало-помалу его выправить. Поэтому нарушения закона надо было пресекать, но я относился снисходительно, считая, что это входит в процесс воспитания. Когда мне картина представилась, что мы стараемся оградить конституционный строй, а что рядом с ним, оказывается, вот какие... Тогда я немножко внимательнее отнесся к этому явлению. Выяснилось между прочим, что вмешательство Распутина в дела церковные имело скандальные формы и В. Львов, который был председателем комиссии по церковным делам, горячо принимал это к сердцу.

Иерархи относились к нему очень хорошо. Он мне сказал, что высшие иерархи в отчаянии, они заламывают руки, когда рассказывают о наглом вмешательстве Распутина в церковные дела. Я один эпизод расскажу. Это было позднее, в самые последние месяцы 1916 года. Я встречался с Белецким, бывшим директором Департамента полиции. Он еще был на должности, но в немилости. Он говорил мне: это верование в церковных делах, в смысле личного состава, в Распутина, было беспредельно. Все делалось с его одобрения, согласия, по его требованию. Только нужно сказать, что не все назначения, которые были проведены через Распутина, были плохи. Затем Макаров. С ним я виделся, и он говорил мне: «Да, Распутин, верно. Но это чисто личные, семейные вопросы мистики царской семьи. Я вмешательства Распутина в государственную жизнь не чувствую». Ирония этой беседы заключалась в том, что Макаров должен был уйти по интригам Распутина.

Я не раз беседовал на эту тему с Коковцовым. Я так говорил. Может быть, мы не выросли в народ с конституционным правосознанием, особенно народные массы, они царя почитают как самодержца, помазанника Божия, все это так. Но вот в чем ужас, что если в один прекрасный день массы узнают, что помазанника нет, а что за его спиной находится их же человек из народных масс, но недостойный, какой-то хлыст, конокрад, развратник, то это удар по ореолу народного престижа. Будь это граф, князь, народ не обиделся бы, а когда свой человек... Словом, я пытался, во-первых, узнать, а во-вторых, действовать, не прибегая к огласке, как думский трибун, потому что я отлично понимал, что разоблачения все эти наносят такие раны, что не знаешь, что лучше — болезнь или лечение...

Базили. То, что не видел Милюков...

Гучков. Что такое за явление сам по себе Распутин. Одна дама, баронесса Икскюль Варвара Ивановна[3], она всем интересовалась. Это явление должно было пройти через ее салон. Она мне говорила: «Хотите встретиться?» Я говорил: «Нет, не хочу». «Почему?» Потому что знал, какое Распутин из этой встречи сделает употребление. Он любит распространять, что тот или другой у него заискивает. Но в то же время я хотел иметь объективную оценку, что это за явление. Очевидно, он не просто штукарь, в нем что-то есть, есть, очевидно, какое-то родство с каким-нибудь нашим сектантским течением. Меня интересовало, можно ли его зачислить в класс сектантских течений или он одиночка, сам по себе. Как быть? Я подумал, хорошо было бы свести с Распутиным какого-нибудь большого знатока нашей сектантской жизни, чтобы тот дал свою объективную оценку.

У нас было очень мало исследователей сектантской жизни, но в литературе целый ряд томов был очень интересен. Это было собрание их обычаев, молитв, песнопений, составленное Бонч-Бруевичем. Тогда я его вызвал и говорю ему: вот такое явление в нашей жизни — Распутин. Очень интересно было бы, если вы с научной стороны обследуете. Если вы заинтересуетесь этим, я могу дать вам возможность с ним встречаться, а так как по вашей литературе я нахожу, что вы сумеете с этими людьми говорить, то вы можете его обследовать, а затем поделитесь вашими впечатлениями со мной. Я просил баронессу Икскюль, чтобы она пригласила их вместе. Сперва они встречались у баронессы, затем более интимно.

Через несколько недель Бонч-Бруевич мне пишет, что для него ясно. Конечно, его просто зачислить в какую-нибудь определенную секту нельзя, он одиночка, но у него есть родство с хлыстовщиной, духоборством. Ему просто была дана задача: [изучить] не влияния Распутина, а его психологию, так что не скажу, чтобы это его обследование пролило яркий свет на все явление. Он пришел к заключению, что

это не только проходимец, который надел на себя маску сектанта, а сектант, в котором было известное проходимство. Потом, когда я ознакомился с личностью Бонч-Бруевича и с его ролью во время [правления] большевиков, я стал задумываться, был ли он искренен в своей беседе со мной, не пришел ли он к тому убеждению, что это явление полезно для них, спекулировавших на разложении старой власти[4].

Базили. Я никогда не видел Распутина, но в своем исследовании наткнулся на три характеристики его. Одни видят в нем авантюриста, использованного кучкой людей. Другие считают, что это проходимец, но что этот проходимец был искренним носителем какой-то народной мистики. Третьи находят несомненные признаки гипнотического влияния. Это объяснение мирится с обоими предшествующими. Давыдов[5] говорит, что раз встретил Распутина и ему лично пришлось самые большие усилия над собой произвести, чтобы не подчиниться его влиянию. Распутин особенно желал на него воздействовать, обворожить, и он говорит, что пришлось до самого конца завтрака усиленно бороться, чтобы сохранить свою нервную силу.

Гучков. Несомненно, что в нем были какие-то флюиды. Я потом заподозрил, не было ли тут политических видов; в той борьбе, которую я предпринял с этим новым влиянием, я нескольких думских левых не имел на моей стороне. Они смотрели так, как будто я с ветряными мельницами борюсь, и даже был один думский эпизод, который мне напомнил один человек — Гегечкори[6]. Я имел еще беседу с Коковцовым, он мне говорил, между прочим, что государь интересовался его, Коковцова, мнением о Распутине. Идя навстречу и подчиняясь желанию государя, Коковцов виделся с Распутиным и, когда Государь спросил его мнение, Коковцов сказал: «Я вначале моей карьеры служил по Главному тюремному управлению. Так вот таких людей я по каторгам и по тюрьмам видал». Это не отразилось на его карьере, но и не повлияло на Государя.

Я видел, что нормальными путями — чтобы близкие употребили усилия — этого [воздействия на Николая II] не было. Оставалось одно. Мы не имели тех прав, которые имели западноевропейские парламенты; там по любому делу могут поставить правительству вопрос. Мы могли предъявить запрос в том случае, если было нарушение закона. И вдруг происходит такая вещь. В Москве был кружок светских богословов, как в свое время у Хомякова. Преемником их с славянофильским течением был кружок, возглавляемый Новоселовым[7]. Это были сыны православной церкви, сторонники церковного собора. Они, конечно, ближе меня стояли к церковным делам, интимно были связаны с высшим духовенством, и то, что до меня доходило, они освещали. Наконец терпение лопнуло, они приняли какую-то резолюцию, и затем эта резолюция была изложена в виде статьи, подписанной Новоселовым в газете «Голос Москвы», которую я основал. Я самой статьи раньше не видел; она была скорбного характера. Имя не было названо, но прямо констатировалось наличие каких-то темных влияний[8].

Московский генерал-губернатор Гершельман эту газету приостановил в виде кары на 7 дней. В тот же день, когда я получил известие из Москвы о закрытии газеты, собрал фракцию и осведомил ее о положении дела и получил согласие и подпись. Прежде чем предъявить это, я имел беседу с одним из членов нашей фракции — М. В. Родзянко. Я ему рассказал все это. Родзянко был очень взволнован и говорил: «Я вам не советую делать» — и произнес одно слово, которое я чувствовал: c'est l'affaire du colliet la reine» («Это дело об ожерелье королевы». — *Ред.).*

Затем у меня вышла дуэль с Уваровым, и так как я не хотел создавать прецедента, то, когда кончилась сессия у нас, я подал в отставку и уведомил прокурора, чтобы он приводил в исполнение. Тогда меня заключили в Петропавловскую крепость, а осенью, когда второй раз собралась Дума, то меня второй раз выбрали. (Второй раз я ушел вследствие столкновения со Столыпиным из-за западного земства.)

Я произнес очень сдержанную речь, только говорил о том, что власть не свободна, что есть какие-то влияния, а в самом запросе было указано на распоряжение Гершельмана, имя Распутина упомянуто не было, но ясно было...

Базили. Ни в статье, ни в запросе?

Гучков. Нет. Я только говорил о темных влияниях. Тут произошел эпизод. Я был очень взволнован, потому что я придавал этим темным влияниям большое значение в смысле роковой роли, которую это сыграет в истории династии и всей России, и

я помню, что раздался выкрик Гегечкори: «Вот вы нас пугаете, а мы не боимся». Он потом мне здесь сказал, что они, левые, не сочувствовали этой кампании потому, что она могла привести к преждевременной ликвидации этой болезни, а болезнь была нужна. И тогда он припомнил, что я ему ответил, я сказал: «Да, я понимаю, что вас это не пугает, потому что то, что вызывает в нас страх, вызывает в вас радость». Вот тут, на этом, я считаю, произошел окончательный разрыв, окончательно потеряли ко мне всякое доброе чувство, а мне даже передавали, что государыня сказала: «Гучкова мало повесить». Это было в 1910 г., начало царствования Коковцова. Я помню, что, когда Кривошеин мне сказал, я ответил, что, если бы мне кто-либо по поручению государыни сказал, что моя жизнь принадлежит государю, а совесть мне принадлежит... но это и осталось несказанным. Этот запрос я пытался в дальнейшем использовать.

По положению о Государственной думе и по нашему Наказу, прохождение запросов было следующее. Представлялся запрос, причем первому подписавшему его предоставлялся очень короткий промежуток времени для того, чтобы осуществить этот запрос. Затем Дума голосовала относительно передачи запроса в комиссию по запросам. Либо, если интерпеллянт настаивал, признавалась за запросом спешность; тогда дело должно было быть назначено в одно из ближайших заседаний. Я вопроса о спешности не поставил, поэтому прений никаких не было. Затем я отправился опять к Коковцову. Говорю вот что: «Я понимаю, ваше положение было затруднительным раньше, но теперь, когда инициатива Думы, вы можете [настаивать перед Государем]. Имейте в виду, что если вам удастся ликвидировать это до того, как это будет поставлено на повестку, или я получу надежду, что дело имеет направление в сторону ликвидации, то я откажусь от запроса. Пользуясь этим, попробуйте что-нибудь сделать». Ничего не вышло. Запрос не был поставлен.

Базили. Вы говорили с Коковцовым на эту тему?

Гучков. Да. Не хочет рисковать и надежды не имеет. Вот как это было. Можно еще маленький эпизод рассказать. Через два дня после моего выступления я получил записку от Распутина — две-три строчки, очень ругательные. Я это передал одной из моих племянниц. А [самого] Распутина я никогда в глаза не видел. Два эпизода заслуживают некоторого внимания. Война уже [шла]. В правительстве Хвостов — министр внутренних дел, бывший когда-то лидером крайних правых. Как вы знаете, продержался он недолго и тогда, во время войны, ушел. Были сведения, что он попал через Распутина. Он был человек, может быть, не брезгливый в своих приемах, но у него была Россия на первом плане и служение России. Когда он достиг власти, когда, будучи у власти, убедился, до какой степени Распутин опасен для всего нашего строя, он пытался его ликвидировать, хотел убить его. Белецкий его предал, раскрыв тот заговор, который пытался организовать Хвостов против Распутина.

Так вот, с Хвостовым мы по Государственной думе были знакомы, но так как мы были противники личные, у нас были холодные отношения. Затем война. На Кавказе в Кисловодске мы встретились и он мне рассказал два эпизода. Он губернатор в Нижнем. Еще Столыпин — министр внутренних дел. Получает он телеграмму, подписанную Сазоновым. Не министром, а однофамильцем, писателем по экономическим вопросам. Так вот, получает телеграмму от этого Сазонова: «Будете ли вы в ближайшее время в Нижнем, одному человеку очень нужно вас повидать». Тот ответил, что «да». Тогда через несколько дней является к нему Распутин и говорит: «Приехал посмотреть на тебя, какой ты есть... Вот часто о тебе идут разговоры у нас там с папашей и мамашей». Потом говорит ему: «Хочешь быть министром внутренних дел?» Хвостову очень хотелось быть министром. Он говорит: «Как же министром внутренних дел, ведь у нас же есть министр?» Тот говорит: «Сегодня есть Столыпин, а завтра его нет». Тогда Хвостов продолжает отказываться: «Да нет, я человек горячий, я не гожусь. Ведь если что не по мне, я в мешок и в воду». Эта фраза была неосторожна потому, что Распутин задумался. Предчувствие у него было. Он задумался, говорит: «Вот ты каков. Ну-ка дай мне телеграфный бланк». Хвостов пошел в соседнюю комнату. Распутин сел и каракулями написал в адрес государыни: «Видел. Молод. Горяч, подождать надо. Григорий». Не делая из этого секрета, он передает этот бланк Хвостову. Хвостов говорит: «Я снял копию, а подлинник сберег».

Затем дальше, у источника, Хвостов тут же мне рассказывает. Он окружил Распутина слежкой и через Департамент полиции получил несомненные доказательства, что Распутин является орудием в руках немецкого шпионажа.

Базили. Это было во время войны?

Гучков. Во время войны. Я просил очень тщательно в этом разобраться, и у меня создалось целое досье. Воспользовавшись одним из своих докладов у государя, я изложил все. Государь был очень взволнован, затем встал из-за стола, подошел к окну, смотрел в сад, барабанил нервно по стеклу. Тогда я пошел за ним и говорю: «Ваше императорское величество. Это последний момент, прикажите это сделать, это необходимо теперь же сделать». (Потому что, если дать государю время обдумать, да еще посоветоваться, то кончено. Поэтому вырвать согласие сейчас.) Тогда государь страдальческим тоном говорит: «Ах, оставьте это, сейчас великий пост, дайте этому кончиться, и тогда мы вернемся. Отсрочку какую-то». Тогда я понял, что все погибло. Кончено не только дело борьбы, но и я конченый человек, и через некоторое время я получил отставку.

Эпизод, рассказанный мне жандармским офицером. Я его помню еще по Нижегородской губернии маленьким мальчиком. Потом оказалось, что он офицер, потом жандарм, и затем он был в Министерстве внутренних дел для слежки за Распутиным (это был Штевен). Эпизод, который он мне рассказал. Приезжает к Распутину Манус и говорит: «Узнай одну вещь, очень важную, потому что я могу либо много потерять, либо много нажить. Мне предлагают в одной пограничной полосе купить большие лесные площади. Теперь, если мы будем наступать, тогда это стоит, а если мы отойдем, ничего не стоит. Вот узнай как-нибудь это». Через некоторое время Распутин Манусу докладывает, что он имел беседу на эту тему с государыней. Государь говорит: разве может быть какая-нибудь речь о наступлении, наша армия так утомлена. Речь шла о наступлении.

Базили. Я думаю, что Манус самый подозрительный. Кто могли быть посредники между немцами и Распутиным?

Гучков. Об этом много знает Палеолог.

Базили. Палеолог мне это, вероятно, даст. Есть человек, который должен об этом много знать, — Спиридович.

Гучков. Он умный человек. У нас с ним была история из-за убийства Столыпина. Он просил разрешения вызвать меня на дуэль. Это войдет в следующий рассказ: смерть Столыпина. Собственно, о Распутине все.

Базили. Вы Пуришкевича хорошо знали?

Гучков. Один эпизод... Председатель Думы — я. Идет финляндский закон. Милюков произносит речь. Я сочувствовал этому закону, он очень близко подходит к такой грани, где председателю надо быть очень внимательным, потому, что одним из аргументов той стороны было нарушение слова, данного российским самодержцем. Тут был этот элемент, об этом нельзя было запретить говорить, но надо, чтобы форма не была резкая. Пуришкевич сидит на правой стороне. Чувствуется, что тот волнуется. Тогда Пуришкевич, чувствуя, что я его единомышленник в этом случае, говорит мне: «А. И., я хочу обложить Милюкова. На сколько заседаний вы меня исключите?» Он обложит так, что не исключить нельзя, но так как в прениях он желает участвовать, то надо было, чтобы на короткий срок. Я ему говорю: «На максимальный срок — на 10 заседаний». Он спустился вниз, сел на свое место и терпеливо выслушал речь Милюкова. А если бы были надежды, он запустил бы грубую брань. Знаете, есть люди, которые торгуют на своем темпераменте! Он был большим моим врагом. Личный элемент у него был очень силен. Все внешнее его очень радовало, но я все-таки скажу, что у него Россия была [на первом месте].

Базили. Он был патриот. Он был человеком, которого деньгами нельзя было купить, но лестью сколько угодно.

Гучков. У него были искренние порывы. Я не скажу, чтобы у него, как у меня, было чувство, что государство в совокупности всех сословий, всех классов всего населения на первом плане было. В этом отношении он отдалялся от Маркова 2-го, у которого была [на уме] чисто классовая дворянская Россия и этому дворянству должен был быть подчинен и офицер. Затхлая, старая, отжившая Россия. Есть еще эпизод сухомлиновский. Сюда же относится дело Мясоедова[9]. Сухомлинов из Киева был переведен в Петербург начальником Главного управления Генерального штаба, и ясно было, что он готовился в заместители военного министра Редигера.

О нем я имел мало представления. Хвалили его как человека умного, знающего военное дело, но Коковцов, который был беспощаден в своих отзывах о людях, раскрыл мне иного Сухомлинова.

Он мне говорил: легкомысленный человек — ничего у него не выйдет! У нас [с Редигером] были все время близкие отношения как руководителей военного ведомства, потому что мы действовали все время сообща с ним. Но я и с Сухомлиновым стал видаться в его кабинете в Генеральном штабе, и он как-то изложил мне весь план тех реформ, которые он предполагает провести, план очень широкий. Уничтожение крепостных частей, резервных батальонов, унификация состава армии и еще целый ряд реформ, вопросы улучшения технических условий, увеличения запасов.

Изложение своей программы он закончил тем, что сказал, что, когда все меры будут проведены, тогда он подойдет к вопросу о личном составе, потому что он [не?] удовлетворен личным составом и системой, которая практиковалась, но он тогда сказал, что это вопрос очень трудный, щекотливый и опасный, и у меня получилось впечатление — значит, у тебя ничего не выйдет.

У нас самая слабая сторона была плохой подбор наверху, то, что не было выработано системы, школы, такой, как у немцев, когда заставляют проходить через целый ряд экзаменов. У нас если человек добросовестный, талантливый, то ему никто не мешал, но [и если] человек средний — его не воспитывали. Я понял, что ничего не выйдет, потому что с этого следовало начать. Имелся опыт японской войны. Японцы не подавляли нас совершенством своей техники: у нас была тяжелая артиллерия, пулеметов было больше, чем у них. На этот раз было не так, как в Севастополе, более или менее техническая часть была одинакова. Но личный состав...

Я получил впечатление — ничего у него не выйдет, потому что он боится. Мужества не хватит, он перед серьезными вопросами остановится. Тем не менее попытка с ним работать была самая добросовестная, и только тогда я и мои ближайшие друзья по комиссии обороны (Звягинцев[10], Савич) убедились, что не только эти щекотливые и опасные вопросы отсрочены до греческих календ, но и остальные вопросы, технические, идут вялым темпом без твердо выработанного и проведенного плана; что не обращается внимания на развитие отечественной военной промышленности, а идут старыми путями заказов за границей, которые имеют ту хорошую сторону, что могут быстро дать нужный предмет, но зато не обеспечат в дальнейшем. Я помню, как Марков и крайние правые подозревали меня как человека, принадлежащего к торгово-промышленному классу. Они не понимали государственного значения [ее развития]. Я думал, что это средство борьбы со мной, такая нотка была. Шло все это рутинными путями. Кружок Гурко это понимал, и вопросы мобилизации военной промышленности — это там тоже имелось, были предметом наших обсуждений. Может быть, не всю энергию, как надо было, мы проявили тут, потому что нас пугали: если вы пойдете этим путем, то все надолго отсрочится. Словом, увидали, что дело не идет.

Все наши обращения к военному министру ни к чему не приводили. Нас возмущало Главное артиллерийское управление. Я пришел в полное отчаяние настолько, что мы сделали одну маленькую демонстрацию после двух-трех лет опыта. Когда мы увидали, что ничего не выходит, то я взял на себя в комиссии обороны доклад по артиллерийской части. Я составил сильный доклад и предложил комиссии обороны принять такое заключение: в числе резолюций общего характера по артиллерийской смете была резолюция признать, что деятельность Главного артиллерийского управления представляет опасность для государственной обороны. Представьте — что может быть сильнее этого? Они должны быть на страже, а они представляют опасность. Моя аргументация была такова, что в комиссии обороны это было принято единогласно, так же это прошло в комиссии бюджетной и в Государственной думе. Артиллеристы были этим очень обижены, но из этого ничего не вышло.

Мы пришли в отчаяние от безрезультатности нашей работы. Тогда у нас в том маленьком кружке, который нес на себе работу по обороне (Звягинцев, Савич, я, князь Барятинский[11], Крупенский Павел Николаевич), созрела вот какая мысль: устроить демонстрацию публичного сложения своих полномочий в качестве членов комиссии. И мотивировать это: мы шли навстречу, но мы больше не можем нести

ответственности и уходим из состава комиссии государственной обороны. Я очень жалею, что мы этого не сделали, нас удержало такое соображение, что, может быть, те, против кого мы хотели манифестировать, будут очень рады, что мы ушли. Мы были по этим вопросам наиболее подходящими лицами, знали более, чем те, которые пришли бы нам на смену. В Государственной думе нельзя было требовать специальных знаний по целому ряду вопросов. Мы только учились, смены для нас не было. Словом, если было плохо, то без нас, может быть, еще хуже будет.

Относительно подготовки войны все министры с нами были согласны, все приходили в отчаяние. Не раз я говорил с Сазоновым; ему надо было знать степень нашей обороноспособности, и его держали в курсе этого дела, Тимашева также.

Когда я был председателем, то не раз приходилось говорить на военную тему с государем. Он терпеливо выслушивал, думал, что я счеты свожу с Сухомлиновым, а Сухомлинов говорил: «Гучков, должно быть, под меня подкапывается, потому что я лояльный, преданный вам». Я просто приходил в отчаяние. А между тем в нашем маленьком кружке думали, что 1915 г. будет годом, когда «к расчету стройся». У меня было к этому больше данных, потому, что я ездил за границу, бывал в Вене, Берлине. В Берлине я был в очень хороших отношениях с Михельсоном и Занкевичем; в Вене они давали мне сведения, с каким упорством австрийское и германское военные ведомства подготовлялись к сроку 1914/15 г., и я знал об их техническом превосходстве в смысле подготовки путей сообщения, железнодорожных линий, станций разгрузки платформ, я видел, как идет там работа, и рядом с этим...

Еще один эпизод. В конце сессии я объезжал министров, от которых мы ждали крупных вопросов на ближайшей сессии. Я тогда наказывал членам Думы, чтобы они к тому или другому вопросу подготовлялись. Большинство докладчиков было от нас. В конце какой-то сессии я подъехал к Рухлову — мы ему содействовали, он мог на нас опираться, потому что, если кредит испрашивался, ему гарантировали; он был хороший министр, он был хозяином. Говорю: «Теперь благодаря Государственной думе, благодаря вам железнодорожное хозяйство приведено в порядок. Потому что мы застали железнодорожное хозяйство дефицитным и теперь — усилиями законодательных учреждений и правительства — оно дает излишек доходов. По-моему, наступило время, чтобы вы этот излишек употребили на подготовку нашего железнодорожного транспорта для военных целей. Нужно исполнить все те требования, которые к вам предъявляет военное ведомство». Он сделал пустые глаза: «Какие требования? Они нам никаких требований не предъявляют». А в это время вырабатывается программа! Все, что имело отношение к игре в солдатики, [проводилось], а серьезные вещи, как расширение сети подъездных путей, увеличение станций, подвижного состава, — это все рассматривалось как второстепенное. Меня такое отчаяние взяло!

Самые благоприятные условия были. Казначейский вопрос хорошо решался, со стороны законодательных учреждений было не только согласие авансам, мы шли на все, комбинация была исключительно выгодная. Имелась возможность при талантливом человеке нашу оборону поставить на такую высоту, на какой она никогда не была. Я не знал, как быть с этим, и вдруг происходит следующий эпизод. Военное ведомство вносит в Думу в очень спешном порядке, с просьбой ускорить [представление] об ассигновании нескольких миллионов рублей на секретные нужды. Сам законопроект был очень общий, глухой, как это и полагается. А порядок рассмотрения подобных докладов был таков, что председатель комиссии по обороне и докладчик комиссии по этим вопросам имели отдельный разговор с ведомствами. Ведомство указывало, давало расчеты, как оправдать ту или иную сумму, а докладчик заявлял, что он находит ассигнование необходимым. Так как комиссия обороны была очень авторитетной, потому что туда входили видные представители центра и правых партий, то бюджетная комиссия, опираясь на авторитет комиссии обороны, принимала ее заключения на веру; хотя там бывали и левые и им отвечали на вопросы, было ясно, что три четверти голосов было «за». При пленарном рассмотрении была та же комбинация. Там и этот доклад прошел чрезвычайно легко и быстро. Я уже не был председателем Думы, но просто ведомство меня ознакомило. Это были кредиты на увеличение шпионажа и контршпионажа, что у нас было поставлено скверно раньше. Это все прошло.

В один прекрасный день приезжает ко мне полковник Боткин В. С.[12] (брат лейб-медика). Он забулдыга, офицер драгунского полка, неплохой человек, но пьяница, душа нараспашку, несуразный человек, неудачник. Сухомлинов, желая иметь около царя человека, расположенного к нему, взял его к себе для поручений. Очевидно, для того, чтобы через [его брата] Евгения действовать. Этот Боткин приезжает ко мне и говорит: «Ты знаешь, что ты наделал? Это ассигнование — ты знаешь куда оно идет? На организацию политического сыска в армии». Наблюдение за политическими течениями в армии всегда производилось, но только оно не было организованным, оно шло через штабы корпусов, военных округов, поступало в Военное министерство тоже по Главному штабу. Все это было недостаточно оформлено. Пришли к заключению, что нужно создать специальный орган, иметь штаб-офицеров в штабах округов, которые концентрировали бы сведения, и создать и при военном министре такой центр. Это государственная необходимость, это меня нисколько не шокировало.

А Боткин мне говорит, что предполагается для этой цели пригласить жандармских офицеров: они будут сидеть по округам и возглавлять политический сыск. Это уже хуже, жандармы — офицеры второго сорта. Знаешь [сказал Боткин], кого прочат во главе всего этого дела? Полковника Мясоедова.

Мясоедов — пограничный офицер в Вержболове с хорошими связями в Петербурге. Услужливый, ловкий человек, пользующийся тем, что вся наша знать проезжает через эту станцию, всегда оказывал ей услуги, завел связи, его положение было отличное. Он часто наезжал в Германию и подпал под подозрение, что продает какие-то сведения немцам. Такие подозрения не были ничем подкреплены, поэтому прибегать к каким-нибудь воздействиям не считали возможным.

Но тут помогло одно обстоятельство. Его накрыли на одном серьезном проступке. Оказалось, что в автомобиле, на котором он проезжал границу, было двойное дно. И при одном его возвращении из Германии была очень ценная контрабанда. Значит, пограничный офицер, попавшийся на контрабанде. Его удалили из жандармов. Он был в отставке, затем на каких-то водах он встречается с Сухомлиновым и его женой, жены познакомились. Он ловкий человек, умеет втираться [в доверие]. Знакомство продолжалось в Петербурге. Сухомлинову показалось, что это талантливый человек, и, когда явилась мысль о создании такого органа, было решено назначить Мясоедова. Не так легко было вернуть его на службу, и когда Сухомлинов предложил, чтобы вернули Мясоедова на службу, то Макаров, который был порядочный человек, заинтересовался, честный ли Мясоедов человек, и, получив такую справку, наотрез отказался вернуть. Тогда Сухомлинов государю об этом деле доложил, скрыв эту часть. Государь требует, чтобы это было сделано. У Макарова не хватило мужества, и он подчинился. И таким путем против воли министра внутренних дел, вернувшись на службу, [Мясоедов] командируется, чтобы возглавить орган, который будет держать в своих руках судьбы русского офицерства.

Это все Боткин говорит. Я подумал, что, если критики деятельности военного министра мы не добьемся, можно на скандале свернуть ему шею. Тем временем еду я в Киев. Там было открытие памятника Столыпину. Это III Дума 1911 года. Я был в добрых отношениях с Ивановым, все по японской войне. Мой брат покойный у него в корпусе был. Я по Красному Кресту знал его. Я зашел к нему в Киеве. Он мне говорит: «Вы знаете, наша киевская контрразведка напала на ужасающие вещи. Нам удается иногда перехватывать донесения, которые идут из Петербурга в Вену, мы их фотографируем и посылаем дальше. Вот из этих донесений выясняется, что все, что происходит в ближайшем окружении военного министра, вплоть до его разговоров с государем, все известно австрийскому Генеральному штабу». А в это время Мясоедов уже сидит [на своем месте]. Вот тогда Иванов мне говорит: «Является ли передатчиком таких сведений Мясоедов — я не знаю. У меня доказательств нет».

Я думаю опять: надо это использовать. Везу эти сведения к Коковцову. Я ему только не назвал Иванова. Просто говорю, «из достоверных источников». Тогда Коковцов мне говорит: «А. И., это все равно, но вы не знаете худшего». Я спрашиваю: «Что же худшее?» «Глава австрийского шпионажа здесь, а Петербурге, Альтшиллер[13] — интимный друг военного министра, бывает у него запросто». Меня удивил глава правительства, который не по сплетням, а по донесениям полиции все знает — и так спокоен. Альтшиллер — представитель одной немецкой фирмы сельскохозяйственных машин, его резиденция раньше была в Киеве. Эта специальность для шпионского дела имеет ту выгодную сторону, что имеется многочисленный штат агентов, которые в силу своей профессии должны разъезжать по стране. Целая агентурная сеть. Он близок был с Сухомлиновым еще в Киеве, а когда Сухомлинов приезжал в Петербург, и тот приезжал за ним. Мне даже говорили, где-то была его контора.

Были такие лица, которые брали на себя проведение того или другого дела через министерство, и я напал на характерный случай, который раскрыл всю механику. Какой-то русский человек имел в Порт-Артуре дом до войны, затем дом был реквизирован, разрушен; создался повод для претензии к Военному министерству, чтобы получить вознаграждение. Он долго обивал пороги. Тогда ему указали на Альтшиллера, проводят в кабинет; в нем портрет Сухомлинова; обстановка свидетельствует об их близости. Он излагает Альтшиллеру дело на словах, секретарь записывает. А затем Альтшиллер говорит: «Вот мои условия. Я берусь выхлопотать вам». Три профессии: представитель фирмы сельскохозяйственных машин, присяжный ходатай при Военном министерстве и представитель австрийского шпионажа! В смысле сельскохозяйственного прогресса мы шагнули вперед. Интерес к сельскохозяйственным машинам уже был, в то же время наша промышленность страшно отстала, поэтому этот аппетит надо было удовлетворять.

Я был в добрых отношениях с некоторыми военными, причем с большими. Они указывали на непорядки. Я хорошо знал положение Варшавского военного округа. Так вот, получаю я по почте пакет при письме анонимном, и там документ — копия с секретного распоряжения канцелярии Главного штаба штабам округов — такого содержания: «Предполагается создать особую организацию наблюдения за политическими явлениями. Будут вам присылаться сведения о благонадежности подведомственных вам офицеров. Вы должны при аттестациях принимать во внимание, но вы не должны ни проверять их, ни показывать заинтересованным лицам». Картина такая мне представилась. Начальство данного офицера получает из Петербурга справку о своем офицере. Начальство знает его давно, справка же составлена неизвестно кем, но если она неблагоприятна, я не смею проверить; эта справка имеется и в высших инстанциях. Подлинный ли был приказ? Я не был уверен. По внешнему виду как будто да. Что мне было делать?

Я тогда думаю, как бы устроить, чтобы довести до обсуждения в Думе. Запрос тут возможен, но дело в том, откуда сведения у меня. Я боялся, что могут набрести на след Иванова. Мне пришла мысль такая, если можно было бы просто факел, головешку горячую в прессу [ткнуть], а затем в порядке прений можно было бы раскрыть [существо дела]. Я вызываю к себе Бориса Суворина[14], который был редактором «Вечернего времени», но не все ему говорю. Он патриот был. Я говорю: «Вот что мне надо. Неблагополучно у нас в разведке. Мне хочется по этому поводу поставить вопрос на обсуждение в Государственной думе. Вы должны мне дать повод. Вот в каких пределах вы можете пустить разоблачение». А редакцию чтобы он составил сам. Было сказано так: «Неблагополучно в нашей разведке и контрразведке, какие-то военные тайны просачиваются...», а затем, не называя Мясоедова, было указано, что это совпало [с тем, что появился некто] человек, который [ранее служил] в органах близких и был устранен [оттуда] в свое время. Это мне давало [право] сказать: «Газета пишет... Объяснитесь...»

Приняло это, однако, немного другое направление. Эта бомба разорвалась, неожиданно произвела скандал, и вдруг я узнаю, что Мясоедов встретил Бориса Суворин на скачках, имел там с ним объяснение и потребовал, чтобы тот извинился, а когда Суворин отказался, тот его ударил. Мне было неприятно, что я подвел Суворина. Я тогда вызываю к себе корреспондента «Нового времени» Ксюнина и диктую ему интервью со мной, как будто он пришел ко мне и спрашивает, насколько верны те сведения. Я вполне подтверждаю, что все это правильно, и жду событий. Тогда уже не к нему, а ко мне должны предъявляться претензии. А затем я пишу письмо председателю комиссии Государственной обороны князю Шаховскому, чтобы он в закрытом заседании комиссии дал мне возможность объясниться.

Шаховской был очень расположен ко мне и тоже разделял мнение о полной гнилости верхов военного ведомства. Он уведомил военного министра, что получил письмо от меня. Вот состоялось такое закрытое заседание. Пришел Сухомлинов, пришел начальник канцелярии военного министерства — Янушкевич и затем тре-

тий — Ю. Н. Данилов, потому что у него как раз разведка была. Вот там, в заседании, я выкладываю весь свой обвинительный материал в тех пределах, в каких я могу это делать, не компрометируя и не скрывая своих источников, но обвинение против Мясоедова я ставлю уже определенно. В строю было, таким образом, известно, что многие военные тайны, вплоть до того, что совершается в окружении военного министра, [становятся] известны нашему противнику. Это совпадает с появлением около центра военного ведомства такой фигуры. Далее справка, что он из жандармов был удален, что министр отказывался его вернуть; говорю об Альтшиллере. На это военный министр отвечает, что нет ни слова правды, что все это фантастика. Он не отрицает, что Мясоедов состоит при нем, но не для той миссии, которую я ему приписываю, а одним из офицеров для поручений. Вероятно, так и было, вероятно, он и числился офицером для поручений. Сухомлинов не отрицал этого, но не подтвердил, а выходило, что определенной миссии [у Мясоедова] нет, а ему даются поручения: отвезти какой-нибудь пакет — совсем его на второстепенную роль сводит.

Я продолжаю настаивать на разоблаченных мною фактах. Затем я говорю следующее: говорят, вот вы организовали в русской армии политический сыск. Это в тот момент, когда в другой, дружеской нам армии этот политический сыск был уничтожен. Это совпало со скандалом здесь. Там отменили, здесь вводится. Было одно государство, одна армия, где политический сыск был доведен до виртуозности, — армия Абдул-Гамида. Вы знаете, что из этого вышло. И дальше я говорю о русском офицерстве. Я считаю, что в 1905 г. в Маньчжурии после наших неудач оно спасло Россию от общего погрома, потому что деморализованная, демобилизованная армия, возвращаясь оттуда, была больна насквозь. Если бы в то время русское офицерство сколько-нибудь дрогнуло — Бог знает, что бы из этого произошло.

Это самое русское офицерство с его заслугами, [говорю я], вы подчиняете человеку, который был признан неподходящим даже для службы в корпусе жандармов. Какую же власть вы даете этому человеку над офицерами? Цитирую приказ. Бесконтрольное распоряжение. Он дает справку, и тогда все насмарку; эта справка — она сильнее всего остального. Я кончил словами: «Если вы, ваше высокопревосходительство, думаете, что этим путем пресекают революционные течения в офицерстве, — получится наоборот, потому что когда офицер почувствует, в чьих руках находится его судьба, то вы поймете, какие создадутся настроения». Когда я указал на этот циркуляр, он сказал, что такого циркуляра не существует. Я тогда кучу циркуляров передаю ему. Он посмотрел, увидал, что лгать дальше нельзя, и говорит: «Да, но этот циркуляр не применяется». «Я слишком высокого мнения о дисциплине в вашем ведомстве и думаю, что, если циркуляр исходит от Главного штаба, он не может не применяться». «Тогда я обещаю, что он не будет применен с такой быстротой». Его растерянности не было предела.

На этом кончилось. Никто не участвовал. Все сидели и с тревогой следили за этим [диалогом]. Я помню, у меня к крайним правым было некоторое нерасположение, но на этот раз, казалось, навстречу трагедиям идем. Когда кончилось заседание, я подошел к Маркову, говорю ему: «Имейте в виду, что то, что я говорил, — правда, но я не вправе указать источников. Это все поведет к большим несчастьям. Я хочу верить, что наше политическое с вами расхождение не поведет к тому, что вы разойдетесь со мной». Моя ставка была тогда [на то, что], может быть, правые, если бы они поняли эту опасную игру, они бы возвысили голос, может быть, это произвело бы впечатление на верховную власть. Сухомлинова они не любили, но считали, что очередная опасность не он, а я. Киевские сведения, что он не чистый человек, Бог знает с кем знается, у них были. Под защиту не брали, но участвовать вместе со мной не хотелось.

5 января 1933 г.

Гучков. В первые же дни после революции я почувствовал, как быстро стал разлагаться аппарат управления и самого центрального военного ведомства и командования на фронте. Воля руководящих людей уже стала преломляться, не доходила до конца, потому что надламывалась. Вот эпизод. Через несколько дней после вступления моего в правительство начальником одного из главных управлений, а именно военно-инженерного и военно-технического, стал генерал Шварц, комендант Ивангорода, потом Трапезунда. Я его с японской войны знал, очень высоко ценил, поэтому, так как у нас военно-техническое управление хромало, я его вызвал и назначил начальником Главного инженерного управления. Он всю войну пробыл вблизи фронта, знал и ощущал все потребности фронта. Он всегда считался несколько либеральным генералом, склонен был критиковать государственные порядки. Он не был на очень высоком счету у прежнего военного начальства, но, так как он человек с большими заслугами, он делал свою военную карьеру.

Через несколько дней после того, как министерство создалось, он приходит ко мне и говорит: «А. И., я считаю долгом вас поставить в известность. Вчера вечером состоялось заседание ваших помощников и начальников главных управлений». (Я вместо одного назначил трех помощников. Мне хотелось создать такой аппарат, который действовал бы без перебоев даже в мое отсутствие. Поэтому я создал трех помощников — генералов Маниковского, Новицкого и Филатьева. Маниковский взял все ведомства снабжения; Новицкий, который был назначен начальником Генерального штаба, взял вопросы стратегические и личный состав, Главное управление Генерального штаба и Главный штаб, а все остальное — военно-судебное, военно-учебное, военно-санитарное — было подчинено генералу Филатьеву; он же остался во главе канцелярии Военного министерства. При таких условиях начальники главных управлений докладывали не мне, только самые важные дела докладывались мне.) Шварц мне говорит: «Ваши помощники, обсуждая положение, пришли к заключению, что судьба таких промежуточных образований, как Временное правительство, не прочна: нужно смотреть вперед: социалисты будут больше накладывать руку. Поэтому было сделано предложение записаться официально в партию с.-р., т. е., другими словами, заранее капитулировать». Это было встречено сочувственно, так как у них была мысль этим купить доверие Совета рабочих и солдатских депутатов, будущих хозяев положения — солдатских масс. Но это означало бы отказ от сопротивления всем тем требованиям, которые предъявлялись. Против этого усиленно возражал Шварц.

Базили. Кто выдвинул такое предложение?

Гучков. Один из помощников. Только Шварц возражал. Главное его возражение — кто же вам поверит? Это люди, которые делали карьеру при царском правительстве. Меня это потрясло, подумал, на что же опираться? Еще солдаты не разложились, а генералы разложились. Вот другой эпизод с тем же Шварцем. У нас была мысль установить известный обмен персонала. Военные инженеры, сидевшие всю войну в главных управлениях, — пожалуйте на фронт, а люди с фронта переводились в центральное управление. Вот такой порядок мы с ним установили, и он должен был заявить в своем ведомстве, что этот порядок вводится. Тем временем успели самовольно создаться в этих главноуправлениях комитеты служащих. Комитеты эти были не только из рассыльных, туда входили высшие чины данного главноуправления. В частности, во главе персонала военно-инженерного были, как сейчас помню, генералы, генерал-лейтенанты, был тайный советник, какой-то высокий чин инженерный. Они выбраны были. В то время еще лица больших положений, больших чинов не были подорваны. Еще не решались выбрать кого-нибудь, а выбирали свое собственное начальство. Я даже думал, что если бы это начальство сохранило самообладание, то могли бы этими демократическими благами выборные комитеты очень помочь.

Так вот Шварц мне рассказал, что когда он поставил [персонал] в известность, что вводится порядок обмена, они взбунтовались и заявили, что они против этого возражают и угрожают приостановкой деятельности Главного управления — не хотели на фронт. И кто же? Не писаря бунтуют — тайные советники вот эти выборные. Шварц говорит — помогите мне. Я тогда еще старался действовать мягким способом, боялся: им ничего не стоило поднять все ведомство. Я их вызвал к себе в кабинет, очень благожелательно с ними говорил, указал на важность этой реформы и поставил твердое условие: жду, чтобы они оказали содействие и сделали бы эти меры приемлемыми для чинов их ведомства. В противном случае мне придется поступить очень круто. В то время эти круги не так обнаглели, как теперь. Они не так сразу подчинились моему требованию, но не очень резко возражали, и кончилось все en queue de poisson (ничем. — *Ред.).* Тут не важно, добился ли я введения этого порядка или нет, но важно, что эти люди не понимали серьезности положения.

Вот еще один эпизод, он мельче, но доказывает лучше разложение. Я сейчас боюсь сказать, кто был вместо Новицкого, временно замещал должность начальника Главного управления Генерального штаба. Какой-то всплыл очень важный вопрос по этому ведомству, и мы с ним решили, что нужно сейчас же издать циркулярный приказ, очень спешный. Сцена происходила у меня в кабинете. Мы с ним набросали текст приказа, и я говорю ему: «Распорядитесь, чтобы это сейчас было напечатано и разослано». Он сконфузился и говорит: «Нельзя. Да ведь пять часов». «Ну так что же?» «Да ведь мы ввели 6-часовой рабочий день. Еще писаря в штабе есть, но офицеров уже никого нет». Главное управление Генерального штаба — война идет! Демократические требования [эти офицеры] применяли прежде всего к себе, вместо того чтобы писарям показать пример характера, выдержки. Это был крайний трагизм. Я чувствовал, что все слякотно, все расползалось.

Базили. И расползался ответственный класс, вот что ужасно.

Гучков. Если бы этого не было, Россия дала бы отпор большевикам, вот что ужасно. Есть два эпизода. Первые же дни настроили на очень минорный тон. Приезжают два офицера с Западного фронта, где был Эверт. Я их знал, потому они зашли ко мне очень смущенные. Они мне рассказали такой эпизод. (Это в Минске происходит.) Первые же дни революции, но уже Государь отрекся; идет митинг в каком-то большом правительственном здании. В этом зале герб Российской империи. Солдатами заполнен весь зал. Эверт на эстраде произносит речь, уверяет, что был всегда другом народа, сторонником революции. Затем осуждали царский режим, и когда эта опьяненная толпа полезла за гербом, сорвала его и стала топтать ногами и рубить шашками, то Эверт на виду у всех аплодировал этому.

Другой эпизод — с Брусиловым в Бердичеве, где его застала смена власти. Он умел говорить с солдатами и внушать к себе доверие. Там тоже проходила большая уличная демонстрация, и так как он очень быстро проявил себя сторонником нового строя, то он в этой демонстрации участвует: его на кресле в этой революционной толпе несут по улицам, окруженного красными флагами и даже под красным балдахином. Тоже он распростирается на брюхе перед этой толпой. Толпа еще меньшинство, остальные еще не разложились, а на верху... Это самое, конечно, трагическое.

Эверт и Брусилов подчинялись нам — центру, а адмирал Максимов стал на сторону матросни. Сразу большое влияние среди матросов приобрел. Мы с Кедровым боялись с ним расправиться, потому что он известные меры соблюдал; в то время если бы мы его уволили, тогда мы опасались, что он поведет Балтийский флот на борьбу с Временным правительством, а так как мы на петербургский гарнизон рассчитывать не могли, то появление эскадры могло кончиться тем, чем кончилось при большевиках.

Припоминаю общий вывод, к которому пришел Корнилов после долгой возни с петербургским гарнизоном. Перед уходом он мне говорил: «Во всех воинских частях, где быстро и глубоко пошло разложение, надо искать причины в командном составе, и это в большинстве случаев не слабость, а революционный карьеризм».

Базили. Это люди типа Верховского.

Гучков. Гниение везде с головы пошло.

Базили. Декларация права солдата, которую А. И. отказался подписать, а Керенский подписал.

Гучков. Я почувствовал, что из Совета солдатских депутатов будет приходить требование о демократизации. Я решил тогда создать некоторый буфер, который бы смягчил удар этих требований, направленный в центральное управление. Во-первых, я хотел время выиграть, во-вторых, мне казалось, что требовался не простой отказ, а некоторое рассмотрение, и тогда я пришел к заключению, что нужно создать комиссию, которую я поручил генералу Поливанову. Сперва комиссия образовалась в маленьком составе — Поливанов и пять-шесть человек полковников. Она называлась комиссией генерала Поливанова. Все эти требования я хотел передать, чтобы они в очищенном виде доходили до меня. Затем, не помню, Поливанов ли или я, пришли к выводу, что нужно эту комиссию несколько расширить, и тогда было издано особое положение, в силу которого все главные управления военного ведомства посылали в нее своих делегатов. Это были не выборные люди, а лица,

назначенные начальниками главных управлений и командующими армиями, собрание человек в сорок-пятьдесят, все генералы, полковники. Вот через них все эти вопросы должны были проходить.

Главный вопрос — взаимоотношения солдат и офицеров — и все вопросы, касающиеся реформ. Я ни одного вопроса не брал на себя, не проведя через них. Это сослужило мне известную службу в качестве некоторого предварительного похоронного бюро. В половине апреля проводится съезд в гор. Минске. Там командующим армией был Гурко Василий Иосифович. Съезд фронтовой: военного министра не запрашивали, а с разрешения командующего Западным фронтом. Гурко просил и меня приехать туда. Я там пробыл очень недолго — для того, чтобы обратиться к участникам съезда и разные здоровые идеи поддержать. Я очень дорожил тем, чтобы поддержать личный авторитет вождей, в частности Гурко. Я говорил о его заслугах, как до войны он носился с проектом реформ. Я постарался показать его в хороших красках, потом уехал. Дальнейшее происходило без меня.

Оказалось, что потом на этом съезде рассматривался один документ (не помню откуда) под названием «Декларация прав солдата». В этой декларации говорилось о том, что вне службы — полная свобода, равенство и никаких стеснений, и о неотдании чести офицерам. Декларация заходила дальше, чем Приказ № 1. Дальнейший ход был таков, что он был направлен в Совет солдатских депутатов и оттуда попал ко мне с резолюцией фронтового съезда, очевидно, для того, чтобы Совет взял на себя дальнейшее толкование этих вопросов через разные инстанции. Я когда посмотрел, [понял, что это], конечно, недопустимо, не могло быть и речи о каких-нибудь компромиссах. Тем не менее я решил провести его через комиссию генерала Поливанова. Каждый раз, когда было заседание, мы с ним виделись, он рано утром приходил ко мне и докладывал. Вот я его по этому вопросу вызвал и говорю: «Вот вам Декларация прав и просьба, во-первых, чтобы вы не очень торопились». Я еще рассчитывал, что первые весенние воды бурлящие спадут, тогда легче будет ее похоронить. О существе мы даже не говорили. Ясно, что она совершенно непригодна.

Прошло, однако, очень недолгое время. Утром он приходит немножко сконфуженный и говорит: «А. И., под давлением разных кругов пришлось поставить вопрос на обсуждение. Принят с поправками». «С поправками и как принят?» «Единогласно...» Я говорю: «Это совершенно недопустимо, и я вас прошу пересмотреть». Это был настолько невозможный документ, что агитации я никакой не предпринимал, потому что считал, что это само собой разумеется. Говорю: «Это недопустимо, надо пересмотреть... Мне пришло в голову. Я создам новые обстоятельства, и вы вынуждены будете вновь пересмотреть этот вопрос. Я пошлю этот вопрос на заключение командующим фронтами, будет отзыв их и тогда повод пересмотреть». В тот же день были посланы телеграммы. Затем через несколько дней стали поступать ответы совершенно отрицательные в самых резких выражениях.

Я боюсь сейчас перепутать, как будто был один отзыв, который что-то допускал, что есть какая-то возможность, как это потом переработать. Но подавляющий был отзыв резко отрицательный. Я вызываю Поливанова, передаю ему все это, но уже не доверяю ему. На всякий случай говорю: «Постарайтесь провалить, а если вам не удастся — постарайтесь, чтобы было меньшинство, с которым я мог бы согласиться, потому что иначе в какое положение вы меня ставите. Я статский с репутацией революционного прошлого. Революцией поднят на этот пост. Вы — военные специалисты — слуги старого режима. Как это будет использовано! Документ полезный, полковники, генералы [одобрили, а] Гучков против. Я только прошу одно — добейтесь меньшинства. Нужно, чтобы один, два имели мужество...» Через два-три дня приходит ко мне: «Я вынужден был пересмотреть и принять». «Как принять?» «Принять единогласно». Это учитывают все люди, которые сядут на мое место. Они шли дальше, левее...

Я очень любил Поливанова, находил, что он очень умный, знающий, что он очень много пользы принес в свое время. Просто у него не было гражданского мужества, чувства долга. В этом отношении я в нем ошибался. Он не пригоден к этой роли. Я его очень любил, а тут сказал, что освобождаю его от дальнейшего председательствования в комиссии, назначу нового председателя, которого попрошу этот документ пересмотреть. Но тут я сделал ошибку в смысле выбора. Я торопился. Вопросы, которые рассматривались в этой комиссии, шли по Глав-

ному штабу. Поэтому я подумал назначить во главе комиссии помощника военного министра, который ведает Главным штабом, Новицкого. Вызываю Новицкого. Рассказываю ему весь этот эпизод, почему я освободил Поливанова. Говорю ему: «Прошу вас взять [на себя] председательствование в этой комиссии». Он меня спросил: «А как, собственно, эта комиссия называется?» И я почувствовал, что ему очень хотелось бы, чтобы эта комиссия не осталась без названия. Потому что она называлась комиссией генерала Поливанова и становилась известной в широких кругах; ему, видимо, хотелось, чтобы комиссия называлась комиссией генерала Новицкого, потому что ему казалось, что он будет очень идти в духе требований.

Это все были «бонапарты». Я знаю, что он человек передовых взглядов был в прошлом, но главным образом просто карьерист. Я же предполагал, что он до такой степени будет ставить ставку, что мы конченые люди. И когда я ему рассказал, что сменен Поливанов, и говорю: рассмотрите, даю те же инструкции — если не удастся провалить, добейтесь меньшинства. Прошло несколько дней, приходит Новицкий и говорит: «Принято». Принято без изменений, и принято единогласно. Тогда я ему сказал: «Но я вам заявляю — никогда моей подписи не будет под этим документом». И стал уже обдумывать, не расстаться ли с ним вообще. Это был конец апреля. Мне приходило в голову, не пора ли самому уходить. Я предчувствовал, что будет Керенский. Так что я оставил в покое Новицкого. Только сказал ему, что моей подписи не будет.

Несколько дней проходит. Затем ночью сижу и подписываю какие-то бумаги. [Тут же] один из моих секретарей, Шильдер, мы вдвоем только. Он приходит ко мне поздно и говорит: «Вот пришли из Совета рабочих и солдатских депутатов к вам...» — «Что такое им нужно? «По поводу Декларации». Они, значит, узнали, что произошло и что я отказал. Я с ними был сух, а тут меня взвинтило еще. Говорю: «Скажите, что я их не приму». Он возвращается и говорит: «Они говорят, что не уйдут. Так и будут сидеть, пока их не примут». Я вспылил, говорю: «Ладно, зовите». Пришли двое. Один из них офицер, другой прапорщик, третий инженер-механик флота. Так они скорее вежливо, не самоуверенно себя держали. «Вот, г. министр, мы пришли к вам справиться, когда же наконец вы утвердите Декларацию прав». «Никогда». «Но, позвольте, эта декларация три раза проходила через комиссию единогласно. Там все люди компетентные, как же вы не утвердите?» Я говорю: «А я вам заявляю, что я этого документа утверждать не буду. Пускай моя рука отсохнет, но никогда моей подписи под этим документом не будет».

Тогда они в повышенном тоне говорят: «Очень жаль, но имейте в виду, господин министр, что в крайнем случае можно обойтись и без вашей подписи. Вспомните: Приказ № 1 подписал Чхеидзе. И тогда получится такая картина, что Совет рабочих и солдатских депутатов подписал, а военный министр нет, и вот — к исполнению. И началась бы на фронте борьба между командным составом и солдатскими массами». Тем не менее я сказал: «Никогда моей подписи не будет под этим документом». «Посмотрим». Ушли. Они этой угрозы не выполнили. Я думаю, что, если бы дело затянулось, они это сделали бы, но это были последние дни моего существования [в Министерстве]. Через несколько дней я написал письмо Львову и ушел. На мое место вступил Керенский.

Керенский окружил себя младотурками, молодыми полковниками Генерального штаба, которые делали определенную демагогически-революционную карьеру. Они сейчас же доложили ему об этом документе. Керенский утвердил, и я должен сказать, что не могу поставить это ему в вину, потому что его положение было хуже моего. Он сын этой революции. Генералы и полковники сказали «да», а он скажет «нет»? Я думаю, что он тоже должен бы сказать «нет», но ему было труднее; с его стороны это был бы акт политического самоубийства. Игра этих кругов в поддавки — это желание себя выгородить: в случае борьбы мы можем ссылаться, что мы были с вами. Я помню, что я [не] пошел туда для того, чтобы подчеркнуть мое отрицательное отношение к этому документу. Прения были без меня. Голосование без меня.

Базили. Как ваш уход состоялся?

Гучков. Все было очень, плохо, и по моему ведомству это разложение было особенно трагичным и все указывало, над чем мы стоим, какое крушение ждет страну и армию. Не потому, что у меня больше чувствительности, а потому, что больше к этому котлу прикасался, ощущал больше. Милюков более толстокожий, и впечатления дня у него были иные, чем у меня. Эта объективная обстановка влияла на то, что я очень пессимистически смотрел, а он сохранял веру в то, что это может утрястись. Меня все тревожило, но что особенно угнетало — это то, что я чувствовал себя совершенно одиноким в составе самого правительства. Я чувствовал, что если бы дать бой, на чем-нибудь настоять, разойтись с моими коллегами (конечно, по какому-нибудь очень серьезному поводу), то в этой группе я мог бы рассчитывать на одного только Милюкова; может быть — если бы это был яркий, красочный пункт — на Шингарева. Но если бы это соприкасалось с какими-нибудь репрессиями, то и Шингарев не мог бы. В кого я верил — это Милюков, и больше никто. Опираться на Временное правительство тоже нельзя. На что же опираться?

Уход от власти для меня не означал отказа от борьбы. Я только думал, что карта на центральное правительство бита. У меня была мысль — нельзя ли искать оздоровления с фронта. Там еще были здоровые элементы. Мне казалось, что если я уйду и затем как представитель Военно-промышленного комитета буду общаться с фронтом, то можно было бы тех или иных лиц как-то втянуть и затем подготовить то, что потом Корнилов не так удачно сделал, т. е. поход на Москву и Петербург. Затем [случилось] какое-то обострение у нас под влиянием очень категорического тона, который принял Милюков в отношении проливов. Вокруг этого, тогда очень закипело. Это был хороший предлог, это было поводом, чтобы поднять травлю. Я был сторонником [приобретения] проливов, только я стоял за то, чтобы не давать повода поднимать бучу. Поэтому я не поддерживал резко категорическую позицию Милюкова в отношении проливов.

Но этим воспользовались его противники и вовне и внутри правительства, и произошла такая сцена. Милюков вместе с Шингаревым поехали на фронт. Шингарев по вопросам продовольственным, Милюков — не знаю. В их отсутствие поздно вечером на квартире князя Львова неожиданно собрали заседание Временного правительства. Керенский и Терещенко взяли на себя инициативу и самым резким образом напали на этот пункт о проливах и на всю роль Милюкова в составе Временного правительства. Я его поддерживал, и больше никто. Остальные молчали либо критиковали Милюкова, его политику, и вопрос о проливах не встретил ни в ком поддержки. Особенно резко нападал Терещенко, и кончилось тем, что была высказана мысль, что нужно расстаться с Милюковым. Правда, он во главе большой общественной группы. Нельзя просто его выбросить. Но, может быть, дать ему какое-нибудь другое ведомство. И так как совершенно не стеснялись и не дорожили Мануйловым, то в его присутствии было сказано, что Милюкову можно было бы дать Министерство народного просвещения, но решение расстаться с ним по Министерству иностранных дел было всеми поддержано.

Базили. Львов что говорил?

Гучков. Львов не нападал и не возражал, держался как будто нейтрально, но этому сочувствовал. Все, что могло обострить отношения Временного правительства с революционной стихией, было не по нем, он верил, что это может утрястись, что все это весенние воды.

Тогда в том же вечернем заседании были разговоры об усилении в нашей среде социалистических элементов, о том, что нужно близко с ними сплотиться. В тот момент я увидел, что Временное правительство шло в объятия демагогии, и окончательно пришел к заключению, что единственный выход — окончательно оборвать великое примиренчество и дать бой, вплоть до резких мер. Тогда я вернулся домой и написал письмо Львову. Я ему пишу, что дальше не могу принимать участия [в правительстве], не могу разделять ответственность в той работе по разложению страны, какая сейчас творится и какая не встречает никакого противодействия во Временном правительстве, и прошу считать меня уволенным от своего поста. Затем для того, чтобы отрезать всякие попытки убеждать меня, сделать попытки невозможными с их стороны, я помню, что ночью я послал это письмо Львову и точную копию этого письма в редакцию «Нового времени» с просьбой напечатать. Утром мое письмо появилось в печати.

Тем не менее попытку вернуть меня сделал Терещенко, который питал какие-то надежды на меня. Он приехал ко мне и убежал, чтобы я взял отказ назад, что он думает, что для меня тяжело военное ведомство, и убеждал меня взять Министерство иностранных дел. Но оно было только производным из других. Если мы не могли привести страну в порядок, никакого смысла не было, и я от этого отказался.

За несколько дней до моего ухода был съезд в Петербурге и я там выступил с речью, очень предостерегающей против всего этого развала, и туда пришел Керенский, который в это время пытался [меня] сохранить. Он свой революционный авторитет ставил на службу целям войны, целям поддержания армии. Он не мог меры принять, но слова он произносил разумные. Когда мы с этого съезда ехали вместе, он меня уговаривал: «Останьтесь, я готов идти в помощники военного министра». (Чтобы я мог сосредоточиться на технических вопросах). Но это меня не устраивало. Я помню, как Керенский подымается со своего места, обходит стол и говорит: «Когда же уберут эту старую калошу, князя Львова...»

По поводу давления, которое Контактная комиссия из Совета рабочих и солдатских депутатов хотела оказать... (Разговоры просят не писать.)

Отрывок

Гучков. С вокзала я поехал на Миллионную, не заезжая домой, потому что на вокзале мне начальник станции сказал: «Родзянко поручил передать, чтобы вы не оглашали Манифеста об отречении и сразу ехали на квартиру великого князя». На вокзале мы задержались с Шульгиным. Дома жена беспокоится, не знает, что со мной. Поэтому, когда кончилась беседа с Михаилом, я спросил адъютанта, где у вас телефон, и пошел к телефону, чтобы сказать жене, что скоро вернусь домой. Снимаю трубку. Смотрю — Керенский сзади меня стоит. «Вы что?» А он таким заносчивым тоном говорит со мной: «А я хотел знать, с кем вы будете говорить». У него была мысль, не таим ли мы какой-нибудь план, нельзя ли вызвать какую-нибудь воинскую часть, захватить Михаила, отречение устранить. Набокову и Нольде было поручено... Он категорически сказал, что при таких условиях он престола принять не может. У Керенского было с самого начала подозрение, не таим ли мы какие-нибудь планы заговорщические, чтобы сохранить монархию. Он пошел подслушивать, а я ему говорю: «Нет, я хочу говорить со своей семьей...»

(Окончание следует)

Примечания

1. *Шаховской Дмитрий Иванович* (1861—1939) — земский деятель, член ЦК кадетской партии. Депутат I Государственной думы от Ярославской губ., секретарь Думы. Осужден по делу о Выборгском воззвании. В мае — июне 1917 г. министр государственного призрения во Временном правительстве. В 1917 г. — один из руководителей Союза возрождения России. С 1920 г. работал в кооперации, занимался литературной деятельностью.

2. *Труфанов Сергей Михайлович, иеромонах Илиодор* (1880—1952) — потомственный почетный гражданин Области Войска Донского. Монашество принял в 1903 г., в 1905 г. окончил Петербургскую духовную академию. С 1907 г. в Саратове при епископе Гермогене. В 1909 г. Илиодор впервые встретился с Распутиным у епископа Феофана (ректора Петербургской духовной академии и одно время духовника царской семьи), благоволившего к нему. С 1911 г. становится врагом Распутина. Одно время пользовался расположением Александры Федоровны и Распутина, но в 1912 г. за открытое выступление против Распутина попал в немилость и был переведен из Саратова в монастырь в Гродненскую губернию. В декабре 1912 г. лишен по собственной просьбе монашеского сана. После неудавшегося покушения на Распутина 29 июня (12 июля) 1914 г. Труфанов, считавшийся одним из участников этой акции, бежал за границу. По дороге он на несколько дней остановился в Мустамяках, где встречался с Горьким и читал ему находившиеся при нем письма и документы, компрометирующие царскую фамилию и изобличающие Распутина. Горький одобрил намерение Труфанова разоблачить в печати изнанку жизни династии Романовых, обещал содействие в этом деле и помог Труфанову перебраться через финско-шведскую границу. По поводу издания книги о Распутине («Святой Чорт. Записки о Распутине») встречался в 1914 г. в Христиании (Осло) с В. Л. Бурцевым, но смог издать ее, только перебравшись в США в 1915 году.

3. *Баронесса Икскуль фон Гилленбанд Варвара Ивановна* — председательница Комитета Общества сестер милосердия им. М. П. Кауфмана (в стенограмме ее фамилия ошибочного пишется Икскюль).

4. Здесь память изменяет Гучкову (или, что в данном случае менее вероятно, В. Д. Бонч-Бруевич неверно информировал Гучкова о сделанном им заключении касательно религиозной принадлежности Распутина). В 1912 г. Бонч-Бруевич счел «своим долгом открыто заявить, что Г. Е. Распутин-Новых является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом» (Бонч-Бруевич В. Како веруеши? По поводу толков о сектантстве Г. Е. Распутина-Новых. — Современник, 1912, № 3, с. 356). Бонч-Бруевич продолжал заниматься вопросом религиозной принадлежности Распутина и после опубликования этого своего заключения.

5. *Давыдов Л. Ф.* (инициалы установлены по имеющейся у Базили, в том же ящике, что и стенограммы, записи карандашом на листках с оглавлением стенограмм). Очевидно, бывший директор Кредитной канцелярии Министерства финансов, затем видный банковский деятель. В начале 30-х годов был в эмиграции в Париже, с ним (работая над своей книгой) собрался встретиться Базили, с тем чтобы задать ему ряд вопросов о последних годах правления Николая II и жизни царской семьи.

6. *Гегечкори Евгений Петрович* (1879—1945) — адвокат, социал-демократ, депутат III Думы от Кутаисской губернии. В 1918—1921 гг. министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии. После захвата власти в Грузии большевиками эмигрировал во Францию.

7. *Новоселов Михаил Александрович* — публицист, печатался в «Миссионерском обозрении» и «Церковных ведомостях». В 90-е годы XIX в. толстовец. Редактор-издатель «Религиозно-философской библиотеки», издававшейся в Москве в 1910-е годы (коллекция Николаевского, ящ. № 129, п. 1; Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М. 1976, с. 54). О кружке, собравшемся у Новоселова, который посещали среди прочих Д. Ф. Самарин и Н. С. Трубецкой, см. Фудель С. И. У стен церкви. В кн.: Надежда. Христианское чтение. Вып. 2. Франкфурт-на-Майне. 1979, с. 280; Арсеньев Н. О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX в. — Современник, Торонто, 1962, № 6, октябрь, с. 34.

8. В январе 1912 г. Новоселовым была написана брошюра «Григорий Распутин и мистическое распутство». Брошюра печаталась в Москве, но была конфискована, и печатание не окончено. Машинописная (76 с.) копия с нее хранится в коллекции Николаевского (ящ. № 129, п. I). Еще раньше, в 1910 г., в «Московских ведомостях» было напечатано несколько статей Новоселова о Распутине (№ 49—«Духовный гастролер Григорий Распутин», № 72—«Еще нечто о Григории Распутине»).

9. См. Тарсаидзе А. Четыре мифа. Нью-Йорк. 1969 (главы «Дело Мясоедова», «Дело Сухомлинова»).

10. *Звегинцов Александр Иванович* (род. 1869 г.) — землевладелец, земский гласный и депутат III и IV Дум от Воронежской губ., октябрист, в III Думе председатель комиссии по старообрядческим вопросам; в IV Думе — товарищ председателя фракции октябристов.

11. *Князь Барятинский Владимир Владимирович* (1874—1941) — драматург, журналист. Воспитывался вместе с сыновьями Александра III. Окончил Петербургский морской кадетский корпус (1893). Служил в Гвардейском морском экипаже. В 1904 г. вышел в отставку. Сотрудничал в различных журналах демократического направления. В начале первой мировой войны выехал в Европу. Жил в Париже. Печатался в эмигрантских газетах, особенно активно в «Последних новостях». Автор мемуаров «Догоревшие огни» (Париж, 1934).

12. *Боткин Виктор Сергеевич* — подполковник, штаб-офицер для поручений при военном министре. Свойственник Гучкова (его брат Николай был женат на дочери П. Д. Боткина, учредителя товарищества чайной торговли «П. Боткин и сыновья»).

13. *Альтшиллер (Альтшулер) Александр Оскарович* — австро-венгерский подданный, обосновался в Киеве в начале 70-х годов XIX в., директор сахарного завода в Бердичеве, председатель правления общества машиностроительных Южно-Русских заводов. За благотворительную деятельность был назначен почетным австрийским консулом в Киеве (эта должность не имела ничего общего с функциями дипломатического консула) (см. Wilcox E. H. Russia's Ruin. New York. 1919, pp. 45—46). В литературе он обычно рассматривается как консул враждебной державы, с якобы присущей такой должности шпионской деятельностью. Со времени службы Сухомлинова в Киеве Альтшиллер был с ним близко знаком, что и послужило позднее одним из оснований для обвинения Сухомлинова. Кроме слухов, никаких фактических данных о шпионской деятельности Альтшиллера ни в 1912, ни в 1917 г. (во время процесса над Сухомлиновым) приведено не было. Не подтверждается также и сказанное Гучковым по поводу переезда Альтшиллера вслед за Сухомлиновым в Петербург. В марте 1914 г. Альтшиллер покинул Киев и уехал в Австрию. Его сын и брат как австрийские подданные были после начала войны высланы в Сибирь (Тарсаидзе А. Ук. соч., с. 288—292).

14. *Суворин Борис Алексеевич* — журналист, редактор газеты «Вечернее время». Младший сын редактора и основателя «Нового времени» А. С. Суворина. Участник белого движения, написал очерки о начальном его периоде (Суворин Бор. За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии 1917—1918 гг. Впечатления журналиста. Париж. 1922).

СООБЩЕНИЯ

Ликвидация двора (опричнины)

Ю. Н. Мельников

Основу террористической внутренней политики Ивана Грозного составляло разделение территории, землевладения и сословий феодалов, государственного аппарата и финансов на две части: опричнину (привилегированную часть) и земщину. Опричнина в узком смысле, как привилегированная часть государства, служила главным орудием утверждения самодержавной власти царя. В своем развитии эта политика, начатая в 1565 г., прошла ряд этапов и сохранилась вплоть до смерти Ивана Грозного в 1584 году.

Вопрос о дальнейшей судьбе опричнины до сих пор остается неясным. М. Н. Покровский считал, что она умерла одновременно с кончиной Грозного[1]. Эта точка зрения не получила развития. Основные усилия историков были направлены на изучение первого этапа опричнины (1565—1572 гг.), когда она существовала под собственным названием. Изучение последнего этапа (с 1576 г.), когда опричнина называлась двором, началось недавно[2]. По мнению Р. Г. Скрынникова, отмена двора произошла не сразу, а путем постепенного слияния двух чиновных лестниц в единый государев двор. Однако обоснованность такого вывода в плане непосредственной разработки источников была подвергнута сомнению[3]. Вопрос о ликвидации двора не является частным сюжетом в истории России XVI века. Без уяснения времени и обстоятельств ликвидации двора нельзя в полной мере оценить и значение этого события, и все реформы 80—90-х годов XVI в., которыми ознаменовалось вступление России в новый этап развития.

В источниках нет прямых сведений о ликвидации двора. Некоторый намек имеется в сочинениях Дж. Горсея. В «Торжественной и великолепной коронации» он рассказывает о смене чиновников, судей, военачальников и наместников, об ослаблении налогового гнета, широкой амнистии и т. д. При этом явственно различаются частичные изменения в чиновной лестнице, происшедшие сразу же после смерти Ивана Грозного, и крупные перемены, которые наблюдались после венчания Федора Ивановича на царство. В более поздних «Путешествиях» Горсей также два раза отмечает движение в государственном аппарате — сначала после смерти Грозного, а затем после отъезда английского посла Д. Боуса из Москвы[4]. Эти сведения можно интерпретировать по-разному. Правомерно предположение, что в обоих сочинениях во втором случае Горсей описывает ликвидацию двора и чистку государственного аппарата от приверженцев опричнины. Не исключено, что это свидетельство лишь о чистке аппарата. Но нельзя согласиться с выводом Скрынникова, который безоговорочно принял второй вариант интерпретации[5].

Сведения Горсея могут служить только отправной точкой при решении вопроса о судьбе двора после смерти Грозного. Решение это сопряжено с определенными трудностями. Пока нет возможности восстановить достаточно полно состав земского и опричного двора последних лет правления Грозного[6]. Нет документальных материалов, которые позволяли бы утверждать, что в течение такого-то времени государев двор стал единым. Самое раннее сведение о едином дворе относится к августу 1585 года. По сокращенному боярскому списку на этот момент значатся члены государева двора, служившие при Иване Грозном и в земщине, и в дворе[7]. Эти данные допускают вывод Скрынникова о постепенной ликвидации двора, но не могут служить доказательством такого вывода.

Мельников Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, н. о. доцента Ульяновского педагогического института.

Возможен иной путь — изучение дьяческого аппарата в приказах. В истории этого аппарата еще нет полной ясности. Н. П. Лихачев предпринял исследование службы наиболее видных дьяков, руководивших Посольским и Разрядным приказами. Однако он не ставил вопроса о делении приказов на опричные и земские. П. А. Садиков, изучавший финансовые приказы, считал, что в 1580—1584 гг. был единый Большой приход[8], но собранные им сведения вызывают сомнения. Выявленные дьяки служили в дворе, и даже приказ их назывался дворовым. Скрынников отметил сведения о функционировании параллельного Большого прихода за те же годы[9].

Лишь о казне точно можно сказать, что это было единое учреждение. В последние годы правления Ивана Грозного ею руководили земский казначей П. И. Головин и «дворовой» — Р. В. Алферьев[10]. Казна занимала особое положение. Там хранились деньги, драгоценности, скипетры, короны. Во время походов царь брал ее с собой, тогда ею ведал «дьяк с казной»[11]. Пока не удалось обнаружить приказов, которыми руководили дворовые и земские дьяки. Только это можно считать убедительным признаком единого учреждения. Даже Посольский приказ имел некоего двойника в Старице — дворовой резиденции Грозного[12].

Наиболее обстоятельные данные об изменениях в составе дьяков можно получить при анализе аппарата Большого прихода. Это был основной финансовый приказ. Его деятельность простиралась почти на всю территорию страны, а главное — затрагивала интересы монастырей, документация которых сохранилась неплохо. Если историю большинства приказов можно писать по годам, то деятельность Большого прихода можно проследить иногда по месяцам и дням. Время объединения дворового и земского Большого прихода определяется с точностью до нескольких дней.

Состав дьяков дворового Большого прихода за 1580—1584 гг. выявлен Садиковым. В то время приказ возглавлял А. Г. Арцыбашев. Вторым дьяком сначала был Т. Волк Федоров, в 1582 г. его сменил С. П. Сумороков. Последнее сведение о службе Арцыбашева и Сумарокова в этом приказе относится к ноябрю 1583 года. В феврале 1584 г. упоминается дворовая Двинская четверть, связанная с дворовым Большим приходом и управлявшаяся теми же дьяками[13]. Арцыбашев руководил этим приказом еще в 1579 году. В разрядах царского похода этого года он записан четвертым среди дьяков «из двора»[14], что соответствует положению начальника Большого прихода.

В 1579 г. в качестве дьяка Большого прихода упоминается С. Лихачев. Он служил в земщине, так как записан в земской росписи московской осады 1 июня следующего года. К тому времени Лихачев был выведен из этого приказа, ибо значится по росписи 14-м дьяком, в ноябре 1579 г. он служил уже в Ямском приказе[15]. В декабре того же года в качестве дьяка Большого прихода упоминается Б. Ксенофонтов[16], в росписи московской осады он записан четвертым среди дьяков, что также соответствует положению начальника этого приказа.

Вторым дьяком земского Большого прихода был Л. Рязанцев, который по той же росписи значится 11-м. В феврале 1580 г. он подписал несудимую грамоту Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на земли в различных уездах, не подведомственные дворовому Большому приходу. В мае он подписал память о льготах служилым татарам, вышедшую из Большого прихода[17]. В 1581—1583 гг. Ксенофонтов и Рязанцев подписывают ряд грамот и упоминаются как дьяки одного Большого прихода[18]. Последнее сведение об этом приказе относится к декабрю 1588 года[19].

Итак, в конце правления Ивана Грозного дворовым Большим приходом руководили дьяки Арцыбашев и Сумороков, а земским — Ксенофонтов и Рязанцев. 3 мая 1584 г. Арцыбашев подписал подтверждение тарханной грамоты Троице-Сергиеву монастырю, а Ксенофонтов 4 июня — подтверждение несудимой грамоты Владимирскому Спасскому монастырю[20]. Эти данные не противоречат сделанному выводу.

После этого картина усложняется. С июня 1584 г. по февраль 1585 г. в грамотах, вышедших из Большого прихода, встречаются приписи Арцыбашева, Ксенофонтова и Ф. П. Дружины Петелина. Столкнувшись с таким странным явлением, Садиков не решился определить состав дьяков в приказе. А. П. Павлов также не нашел ответа на этот вопрос[21]. Действитель-

но, двум приказам «не хватает» четвертого дьяка. За указанный промежуток времени Арцыбашев, Ксенофонтов и Петелин подписали и подтвердили свыше 70 грамот. Невероятно, чтобы из такого количества грамот случайно не сохранилось хотя бы одной с приписью четвертого дьяка, если бы он был. Но и для единого приказа один дьяк — «лишний». Противоречие устраняется, если все сведения о дьяках расположить в хронологической последовательности. При этом достаточно использовать методику анализа и синтеза источников, разработанную Садиковым.

С 12 июня по 25 июля 1584 г. Арцыбашев подписал подтверждения более 30 льготных грамот различным монастырям[22]. В тот же период Петелин подписал подтверждения еще нескольких грамот[23]. Подтверждения подписывали дьяки Большого прихода. Рязанцев и Сумороков в это время служили уже по другим ведомствам. 5 июля первый был на городовой службе в Новгороде, а второй — в Московской судной палате[24]. О деятельности Ксенофонтова сведений нет. 12 июня началось массовое подтверждение льготных грамот. По далеко не полным данным в июне были подтверждены 33 грамоты, в июле — 7, в августе — 2, в сентябре — 6[25]. В этой трудоемкой операции, особенно в июне, должны были участвовать все дьяки Большого прихода. Поэтому можно отвергнуть предположение, что приписи Ксенофонтова случайно не сохранились. Значит, в этот период было только два дьяка Большого прихода: Арцыбашев и Петелин.

С 10 августа по 4 ноября 1584 г. основную массу подтверждений подписал Петелин. Его приписи имеются и на грамотах «с прочетом», которые касались уездов, не подведомственных четвертям[26], следовательно, входивших в сферу деятельности Большого прихода. Значит Петелин продолжал служить в этом приказе. Две грамоты от 14 и 16 сентября подписаны Ксенофонтовым[27]. Подобные грамоты исходили также из Большого прихода. Арцыбашев в это время служил крестовым дьяком. Около 17 ноября он дал от имени царя старцу Антониева-Сийского монастыря «на просфиры»[28]. И в этот период было также два дьяка Большого прихода: Петелин и Ксенофонтов.

Затем положение вновь меняется. Петелин в составе посольства выезжает в Речь Посполитую. Посольство покинуло Москву 22 ноября 1584 г. и возвратилось 4 апреля 1585 года[29]. С 28 ноября 1584 г. по 28 февраля 1585 г. основную массу грамот, вышедших из Большого прихода, подписывает Ксенофонтов. В одной из них он прямо называется дьяком этого приказа[30]. Арцыбашевым 2 января 1585 г. подписана одна грамота[31]. И в этот период было, следовательно, только два дьяка Большого прихода: Ксенофонтов и Арцыбашев. Далее в составе дьяков происходит новое изменение. Петелин возвращается из Речи Посполитой и продолжает свою деятельность в приказе. За 15 июня — 28 августа 1585 г. им подписана основная масса грамот[32]. О службе Арцыбашева и Ксенофонтова сведений нет. 20 сентября новый дьяк, Н. Я. Румяный, подписал подтверждение жалованной грамоты[33]. С этого момента дьяками Большого прихода длительное время были Петелин и Румяный.

Итак, в каждый отдельный отрезок времени за июнь 1584 г. — февраль 1585 г. в документах Большого прихода упоминаются только два дьяка, хотя в целом — три. Значит, существовал единый приказ, в котором просто менялись дьяки. Частая смена дьяков была характерна для России XVI века[34]. В данный период замены были особенно частыми, поскольку Петелин уезжал за границу. Свое влияние оказал и процесс «утряски» дьяческого аппарата управления после венчания нового царя. Данный вывод подтверждает и тот факт, что из пары дьяков один всегда подписывал основную массу документов. Ставить припись было прерогативой начальника приказа. Второй дьяк подписывал грамоты в редких случаях.

Из приведенных сведений видно, что с июня 1584 г. по февраль 1585 г. первыми дьяками приказа последовательно были Арцыбашев, Петелин и Ксенофонтов. После этого начальником Большого прихода надолго стал Петелин. Отсюда следует, что единый Большой приход существовал уже в июне 1584 года. Он возник в промежутке между 4 июня (последняя припись Ксенофонтова) и 14 июня (первая запись Петелина). Но можно считать, что объединение земского и дворового приказов произошло до 12 июня, когда началось массовое подтверждение льготных грамот.

Таким образом, сведения Горсея о массовой и единовременной смене чиновников, судей, военачальников и наместников после 31 мая согласуются с данными об объединении земского и дворового Большого прихода 5—11 июня. В новейших сводных данных о дьяках других приказов отсутствуют сведения о существовании параллельных земских и дворовых ведомств после мая 1584 года[35]. Значит, слияние земщины и двора было единовременным и затронуло сразу всю систему управления.

Ликвидация двора представляется следующим образом. 2 апреля 1584 г. бывший фаворит Ивана Грозного Б. Я. Бельский поднял мятеж и пытался принудить наследника престола

Федора Ивановича сохранить двор, но эта попытка сорвалась. На следующий день Бельские и Нагие были высланы из Москвы[36]. В итоге сложились предпосылки для ликвидации двора. 24 апреля в Москве состоялось совещание знати. Ряд историков определил его как Земский собор. По мнению других, это было совместное заседание Боярской думы и Освященного (церковного) собора. Совещание решало вопрос о коренных преобразованиях в управлении страной[37]. Логично предположить, что именно тогда и было принято принципиальное решение о ликвидации двора. Подготовка соответствующего акта проходила в острой борьбе.

20 мая был сменен состав Московской судной палаты, где уже более месяца разбирался иск дворянина Т. Д. Шиловского против видного дворового дьяка А. В. Шерефединова. В разбирательстве иска наступил перелом, Шерефединов проиграл дело и был назначен на службу в провинцию[38]. Позиции двора быстро ослаблялись. 24 мая малолетний царевич Дмитрий Иванович вместе с матерью М. Ф. Нагой был отправлен в Углич на удельное княжение, а фактически — в ссылку[39]. Экстраординарность этой меры можно объяснить стремлением не допустить консолидации Нагих, Бельских и других сторонников опричнины.

Только после венчания Федора Ивановича на царство 31 мая появилась возможность ликвидировать двор от имени верховной власти. И реформа началась без промедления. Конечно, фактическое слияние государственных учреждений (что и отразилось в составе дьяков Большого двора) потребовало некоторого времени. Освобождавшихся должностных лиц нужно было куда-то пристраивать. Однако это не было длительное, постепенное слияние двух чиновных лестниц, как считает Скрынников. Ликвидация двора означала переломный момент в истории России и открыла серию реформ.

Как известно, с 70-х годов XVI в. нарастало вызванное опричниной и Ливонской войной хозяйственное разорение страны, запустение центральных и северо-западных уездов из-за бегства крестьян и горожан на окраины. Власть утрачивала контроль на местах, существенно сократилась численность войска. В середине 80-х годов XVI в. в селах и городах центральных и северо-западных уездов большинство дворов пустовало. В 1581 г. произошли волнения новгородского дворянства, в 1582 г. — посадских людей в Москве[40]; тогда же началось восстание марийцев. В 1583 г. наступил некоторый спад классовых противоречий, продолжалось только марийское восстание. Однако в апреле 1584 г. в Москве восстали посадские люди, к которым присоединилась часть дворян.

В 1584 г. социальный кризис достиг апогея. Московское восстание привело к падению руководителей двора, после чего наметилась медленная стабилизация. В 1586 г. было подавлено восстание марийцев, безрезультатно завершились волнения в Москве. В дальнейшем до конца века выступления такого рода были менее интенсивными (волнения в Ливнах 1588 г., восстание в Угличе 1591 г.).

Кризис охватил и сферу духовных отношений. За первую половину 80-х годов XVI в. в России не было создано ни одного значительного памятника искусства. Шатровый стиль архитектуры переживал этап схематизации украшений. «История о великом князе Московском» — одно из лучших сочинений XVI в. — была написана А. М. Курбским в 1581—1583 гг.[41] в эмиграции. Серьезным ударом по идеологии самодержавия оказалась «ересь» ростовского митрополита Давида во время религиозного диспута 1582 года. Верхом нравственного падения стало сватовство в 1583—1584 гг. женатого царя к английской принцессе.

Правящие круги и до 1584 г. пытались найти выход из кризиса, однако изменения в политике имели ограниченный характер. Началось описание земель в северо-западных уездах, монастырям запрещалось приобретать земли у обедневших светских феодалов, частично проведена была политическая амнистия, заключены мирные договоры с Речью Посполитой и Швецией. На этом фоне явной авантюрой выглядела попытка Ивана Грозного жениться на принцессе Мэри Гастингс, чтобы скрепить военно-политический союз с Англией. Но главное — продолжал существовать двор — это орудие террористической политики, позволявшее сохранять прежний режим власти.

Таким образом, к 1584 г. в России назрел кризис экономических, социальных, культурных и политических структур. Основное экономическое противоречие конца опричного этапа развития — невозможность преодолеть хозяйственное разорение при стихийном нарушении крестьянского выхода (своз и бегство). В политической сфере это противоречие было осознано как невозможность управлять страной при сохранении двора. В период от апрельского восстания в Москве до ликвидации двора в июне 1584 г. причина и следствие поменялись местами. Московское восстание, отстранение от власти руководителей двора и его ликвидация создали необходимые условия для коренных изменений во всех сферах общественных отношений. Последовавшие за этим реформы юридически оформили переход страны к новому этапу развития. Ликвидация двора — один из важнейших моментов этого перехода.

Примечания

1. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. М. 1965, с. 331.
2. ЗИМИН А. А. В канун грозных потрясеиий. М. 1986; СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия после опричнины. Л. 1975.
3. СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М. 1980. с. 40—47; История СССР, 1982, № 3, с. 192 (рецензия И. П. Шаскольского на эту книгу).
4. ГОРСЕЙ Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М. 1990, с. 87—90, 141—143, 147—148.
5. СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия накануне «Смутного времени», с. 17—18.
6. См.: МОРДОВИНА С. П., СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. — Археографический ежегодник (АЕ) за 1976 год. М. 1977; СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. Опыт изучения боярских списков конца XVI — начала XVII в. — История СССР, 1971, № 4, с. 97—100, 102—110.
7. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. М. 1979, с. 270—272 (см. СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия после опричнины, с. 104—105).
8. ЛИХАЧЕВ Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб. 1888, с. 478—494, 554—555; е г о ж е. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб. 1894, с. 116—125, 131—132; САДИКОВ П. А. Очерки по истории опричнины. М.—Л. 1950, с. 290—294, 350—354.
9. СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия после опричнины, с. 65.
10. См. там же, с. 105.
11. ФЛЕТЧЕР Д. О государстве Русском. СПб. 1905, с. 47; Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (РО ГБЛ), ф. 79, д. 16, лл. 40 об., 66 об.
12. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) СССР, ф. 78, оп. 2, 1581 г., д. 1; ЛИХАЧЕВ Н. П. Дело о приезде папского посла Антония Поссевина. — Летопись занятий Археографической комиссии, 1903, вып. 2, с. 44—46.
13. САДИКОВ П. А. Ук. соч., с. 190—294.
14. Разрядная книга 1475—1598 гг. М. 1966, с. 292, 295.
15. Акты археографической экспедиции (ААЭ). Т. 1. СПб. 1836, № 300; Разрядная книга, с. 301; ЦГАДА СССР, ф. 79, оп. 2, 1579 г., д. 1, лл. 1, 16, 18, 29, 38; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. М. 1896, № 49.
16. РО ГБЛ, ф. 303, д. 52, л. 49; д. 527, л. 448 об.
17. РО ГБЛ, ф. 28, д. 162, л. 1; ЦГАДА СССР, ф. 1203, оп. 2, д. 1.
18. ААЭ. Т. 1, № 309; Акты юридические (АЮ). СПб. 1838, № 211; КАШТАНОВ С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века (продолжение). — АЕ за 1960 год. М. 1962, с. 199, № 1134; Собрание грамот Коллегии экономии (СГКЭ). Т. 2. Л. 1929, № 139; РО ГБЛ, ф. 303, д. 527, л. 336—336 об.
19. Акты феодального землевладения и хозяйства (АФЗХ). Ч. 2. М. 1956, № 373.
20. СГКЭ. Т. 1. Пг. 1922, № 220а; РО ГБЛ, ф. 303, д. 52, л. 49.
21. САДИКОВ П. А. Ук. соч., с. 396, прим. 1; ПАВЛОВ А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.). — Исторические записки. Т. 116. М. 1988, с. 189.
22. Акты исторические (АИ). Т. 1. СПб. 1846, № 111, 125, 200; АМВРОСИЙ. История российской иерархии. Ч. 3. М. 1811, с. 480, 712, 720; БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев. 1915, с. 50; Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т. 1. СПб. 1846, № 26; ДОСИФЕЙ. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря и других подведомственных сей обители монастырей. Ч. 3. М. 1853, отд. 1, № 7; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, № 23; КАШТАНОВ С. М., НАЗАРОВ В. Д., ФЛОРЯ Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть 3. — АЕ за 1966 г. М. 1968, с. 222, № 1—236; с. 223, № 1—241; с. 246. № 1—457; с. 247, № 1—469; КУЧКИН В. А. Жалованная тарханно-несудимая грамота Ивана IV от 3 августа 1538 г. епископу коломенскому и каширскому Вассиану на две слободки в г. Коломне. — АЕ за 1959 г. М. 1960, с. 343; ЛЕОНИД. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. Ч. 3. М. 1894, № 2; РОЖДЕСТВЕНСКИЙ В. А. Историческое описание Серпуховского Владычного монастыря. М. 1866, с. 118—125; САДИКОВ П. А. Из истории опричнины XVI в. — Исторический архив, 1940, т. 3, №№ 1, 2, 19, 20, 72, 73; ШУМАКОВ С. А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. М. 1917, № 579; РО ГБЛ, ф. 28, № 1/130; Государственный исторический музей, отдел письменных источников (ГИМ ОПИ), ф. Симонов монастырь, д. 58, лл. 250—253об., 406—408об.; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ). Собрание актов и грамот, № 133; Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ), ф. 107, оп. 1, д. 17; ф. 115, оп. 1, д. 41, л. 6об.; ф. 174, оп. 1, д. 161; ф. 260, оп. 1, д. 740; ЦГАДА СССР, ф. 281, Владимир, № 65/1842; Галич, № 34/3364; ф. 1203, оп. 1, д. 1, л. 429.
23. ДАИ. Т. 1, № 46; ДОСИФЕЙ. Ук. соч., №№ 4, 5; Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск. 1941, № 69; САДИКОВ П. А. Из истории опричнины, № 7.
24. ЛИХАЧЕВ Н. П. Сборник актов, собранных в библиотеках и архивах. СПб. 1895, с. 271; ШАПОШНИКОВ Н. В. Исторический сборник «Heraldica». Т. 1. СПб. 1900, с. 20—23.
25. Ср.: СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия накануне «Смутного времени», с. 26.
26. АМВРОСИЙ. Ук. соч., с. 143, 146; АФЗХ. Ч. 3. М. 1956, разд. 1, № 12; дополн., № 2; ГОЙДУКОВ Г. Краткое описание Новгородского третьеклассного мужского Клопского Троицкого монастыря. М. 1815, с. 10—15, 19—22; ДОСИФЕЙ. Ук. соч., № 13; Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические. М. 1905, отд. 1, № 58; Псковские губернские ведомости, 1843, № 49, часть неофиц.; № 51; САДИКОВ П. А. Очерки, с. 296, прим. 1; РО ГБЛ, ф. 256, д. 53, лл. 10—13, 14—17об.; ОР ГПБ, Собрание актов и грамот, № 197.
27. РО ГБЛ, ф. 303, д. 527, лл. 483—484; ЦГАДА СССР, ф. 281, Переславль-Залесский, № 284/9008.
28. ЛОИИ, ф. 5, оп. 2, д. 1, л. 138.
29. ЦГАДА СССР, ф. 79, оп. 1, д. 15, лл. 372об., 380об., 493об., 690об.
30. ААЭ. Т. 1, № 300; Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России (АГР). Т. 1. Киев. 1860, № 42, с. 44; АИ. Т. 1, № 213; АФЗХ. Ч. 3, разд. 1, № 7; дополн., № 3; Владимирские епархиальные ведомости, 1848, № 6, часть неофиц.; № 14, с. 22; ДАИ. Т. 1, № 48, стб. 70; № 114, стб. 199—200; КАШТАНОВ С. М., НАЗАРОВ В. Д., ФЛОРЯ Б. Н. Ук. соч., с. 223, № 1—240; Описание актов, № 57, 62; Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 32. СПб. 1915, № 129, стб. 223; № 130, стб. 226; ШУМАКОВ С. А. Ук. соч. Вып. 2. М. 1900, № 303; вып. 4, № 658; РО ГБЛ, ф. 256, д. 53, л. 38об.; ф. 303, д. 527, л. 484.
31. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, № 56.
32. АФЗХ. Ч. 2, № 380; АМВРОСИЙ. Ук. соч. Ч. 4. М. 1818, с. 715; ДАИ. Т. 1, № 122; САДИКОВ П. А. Из истории опричнины, с. 197; Описание актов, № 64; Описание Великоустюжского Успенского собора, составленное Н. Румовским. Вологда. 1862, с. 70; РО ГБЛ, ф. 28, д. 78.
33. РО ГБЛ, ф. 256, д. 54, л.27об.
34. ФЛЕТЧЕР Д. Ук. соч., с. 38.
35. ЗИМИН А. А. В канун грозных потрясений, с. 195—199; ПАВЛОВ А. П. Ук. соч., с. 190—198, 201.
36. Scriptores rerum polonicarum. Т. 8. Cracoviae. 1885, p. 174—176; ЦГАДА СССР, ф. 79, оп. 1, д. 15. л. 33—33об., 37, 38 (ср. СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия накануне «Смутного времени», с. 14: дата прочитана неверно); Разрядная книга, с. 341 (дата разряда), с. 348—349.
37. ГОРСЕЙ Д. Ук. соч., с. 110. ЗИМИН А. А. В канун грозных потрясений, с. 117—119; ПАВЛЕНКО Н. И. К истории земских соборов XVI в. — Вопросы истории, 1968, № 5, с. 101—104; СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия накануне «Смутного времени», с. 14—16; ТИХОМИРОВ М. Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века. — Вопросы истории, 1959, № 5, с. 17—19; ЧЕРЕПНИН Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М. 1978, с. 125—129.
38. ЛИХАЧЕВ Н. П. Сборник актов, с. 245, 251, 257—258, 265, 269; Разрядная книга, с. 295.
39. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. М. 1884, стб. 1203—1204; ЯКОВЛЕВА О. А. К истории московских волнений 1584 г. — Записки Мордовского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, 1947, т. 9.
40. ГЕЙДЕНШТЕЙН Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб. 1889, с. 183; Пинежский летописец XVII в. В кн.: Рукописное наследие древней Руси. Л. 1972, с. 77—78.
41. ЕЛИСЕЕВ С. А. О времени создания А. М. Курбским «Истории о великом князе Московском». — История СССР, 1984, № 3, с. 151—154.

Франция и ООН (1962—1967 гг.)

Н. А. Розанцева

Роль ООН в международной политике в 60-е годы заметно возросла. Французские правительственные круги придавали ей все большее значение. В условиях начавшегося с конца 50-х годов кризиса «атлантизма» Ш. де Голль рассматривал ООН как «полезный форум»[1], имея в виду ее значение для более полного утверждения внешнеполитической линии, независимой от США и нацеленной на обеспечение национального величия Франции. К началу 60-х годов ситуация в отношениях между Францией и ООН заметно изменилась. Прекратились острые трения с антиколониалистскими силами в ней, существенно влиявшие на подход французских правящих кругов к обсуждению вопросов деколонизации. Была урегулирована алжирская проблема, развязан т. н. катангский узел, в котором не последняя роль принадлежала Франции. Правительство ее обязалось до конца 1963 г. вывести свои войска с военной базы Бизерта в Тунисе. Кроме того, Франции вышла из военной организации НАТО, что было очень существенно для формирования ее независимой внешнеполитической линии.

К этим предпосылкам укрепления внешнеполитических позиций Франции присовокуплялись другие обстоятельства, содействовавшие ее отмежеванию от курса США. Определенную роль сыграло избрание в конце ноября 1962 г. на пост генерального секретаря ООН представителя Бирмы У Тана. Амбиции его предшественника Д. Хаммаршельда (в частности, в отношении деятельности ООН в африканских государствах) наталкивались на явную оппозицию де Голля, который энергично пресекал всякие попытки ущемления интересов Франции. Понимание компетенции ООН У Таном было ближе к деголлевской концепции этой международной организации. Совпадение во взглядах де Голля и нового генерального секретаря ООН наметилось и по другой важной для французских правящих кругов проблеме — индокитайской. В январе 1963 г. У Тан осудил вооруженное вмешательство США в Индокитае, заявив, что «присутствие американских войск в Южном Вьетнаме... представляет опасность для мира в этом регионе земного шара»[2]. Этот подход вписывался в орбиту общей стратегии руководителей V Республики, добивавшихся усилении французского влияния в развивающихся странах.

Де Голль считал, что складываются реальные возможности для восстановления престижа Франции, утраченного в 50-е годы. Теперь, по словам американского ученого С. Хоффмана, ООН перестала представлять для Франции опасность «западни», как, например, во время происходившего в условиях засилья США в ООН и носившего острый характер обсуждения французской колониальной политики[3]. Сбросив «балласт» колониальной войны в Алжире, оставив позади Суэц и Бизерту, имея собственное ядерное оружие, Франция получила возможность играть в ООН ту роль, которая соответствовала намерениям де Голля. При этом он учитывал и новую расстановку политических сил в ООН, расширившей свой состав за счет новых независимых государств Африки и Азии, способных, по его мнению, поддержать французское посредничество между Востоком и Западом. Принималась во внимание и близкая к французской позиция сложившейся в сентябре 1961 г. «браззавильской группы» франкоязычных стран (на формирование которой бывшая метрополия существенно воздействовала).

На новое отношение Франции к ООН обратил внимание депутатов Национального собрания и глава пришедшего к власти 6 декабря 1962 г. правительства Ж. Помпиду, который подчеркнул, что «теперь Организация Объединенных Наций, если она сумеет воздерживаться от вмешательства (во внутренние дела государств. — *Н. Р.*)... сможет выполнить свое высокое назначение как место встреч и общения людей с целью лучшего понимания друг друга»[4].

За проведение «положительной, активной и независимой политики Франции в ООН» высказалась Французская компартия. С критикой политики бойкота ООН неоднократно выступал лидер Социалистической партии Ф. Миттеран[5]. О необходимости приобщить Францию к усилиям ООН в области разоружения заявляла парламентская группа «Демократический центр», объединявшая «народных республиканцев» (МРП) и примкнувшую к ним часть «независимых». К проведению политики согласия и сотрудничества в международных организациях призывали «независимые республиканцы»[6].

Признавая ООН как наиболее желательную форму «транснационального сообщества»[7], французские правящие круги не спешили, однако, активизировать свое участие в ее деятельности. Вплоть до урегулирования финансового кризиса 1964—1965 гг., связанного с огромными расходами по оплате операций ООН по поддержанию мира в Конго и на Ближнем Востоке, позиция французской дипломатии была подчеркнуто сдержанной. Главы делегации Франции не произносили программных речей на пленарных заседаниях, которыми по традиции открывались сессии Генеральной Ассамблеи. Состав этих делегаций не был представительным. Инструкции, поступавшие из Парижа, обязывали французских делегатов не вступать в длительные дискуссии.

Де Голль, по-видимому, занимал выжидательную позицию, выражая надежду, что «наступит день, когда народы снова захотят взяться за это большое и всеобщее дело на новой основе»[8]. Ключ к пониманию его соображений и мотивов в отношении внешней политики Франции дает политическая философия генерала, стремившегося прежде всего к обеспечению независимости страны. Любая международная организация должна была, по его мнению, оставаться ассоциацией изъявивших добрую волю к сотрудничеству суверенных государств, которых ни «технократы», ни принятые большинством ее членов решения не могли бы принудить к нежелательным действиям.

Но оставленное IV Республикой наследство устраивало де Голля ничуть не больше, чем положение Франции в НАТО. Наслоения «холодной войны» подрывали престиж этой международной организации и мешали ее нормальной работе. На пресс-конференции 4 февраля 1965 г. де Голль предложил возвратить ООН к ее «исходной точке», т. е. ко времени ее учреждения в 1945 г. на конференции в Сан-Франциско. Решительно осудив грубые нарушения Устава ООН, президент Французской Республики настоятельно призывал следовать букве действовавшего Устава, требовал четкого разграничения полномочий ее основных органов, отстаивал сохранение главной ответственности при использовании силы в интересах мира за Советом Безопасности, подчеркивал как обязательное условие эффективности его действий неуклонное соблюдение принципа единогласия постоянных его членов[9].

Де Голль видел в Совете Безопасности в первую очередь орган, способный укрепить статус Франции как великой державы. Генеральная же Ассамблея с ее новым антиколониальным большинством и вытекавшей отсюда «дезорганизованностью», «безответственностью» и «неуправляемостью» рассматривалась Францией, как и другими западными державами, потенциально опасной. Такого курса придерживалось французское правительство в ходе работы учрежденного в феврале 1965 г. специального комитета 33 государств, которому было поручено заниматься всем комплексом проблем, связанных с проведением операций по поддержанию мира.

Выступив за восстановление руководящей роли Совета Безопасности в деятельности ООН по обеспечению мира, Франция высказалась против навязываемой США и Великобританией «динамичной» концепции, суть которой в отличие от «статичной», основанной на строгой интерпретации международных договоров, сводилась к попыткам по-разному истолковывать Устав ООН в зависимости от складывающихся обстоятельств, а фактически вела

Розанцева Нина Александровна — кандидат исторических наук (Институт всеобщей истории АН СССР).

к замаскированной ревизии Устава [10]. Французская дипломатия полностью отбросила американскую трактовку понятия «операция ООН», сводившуюся к «принудительным действиям» для обеспечения порядка в стране, вмешательству в гражданские войны, патрулированию в разных регионах мира и т. д., в чем она усматривала нарушение национального суверенитета.

Эту линию французская дипломатия настойчиво проводила и на практике. Когда в 1964 г. в Совете Безопасности рассматривался вопрос о формировании чрезвычайных вооруженных сил на Кипре, Франция вместе с СССР и Чехословакией воздержалась при голосовании пункта 4 резолюции от 4 марта 1964 г., возлагавшего на генерального секретаря ООН полномочия по определению состава этих сил, их размеров, а также назначению их главнокомандующего. Постоянный представитель Франции в Совете Безопасности Р. Сейду выразил опасение, что этот орган «снимает с себя возложенные на него обязанности», и внес принципиальную оговорку, что данное решение «не должно рассматриваться как прецедент»[11].

В 1965 г. при обсуждении вопроса об увеличении числа военных наблюдателей ООН, назначенных для урегулирования индо-пакистанского пограничного конфликта, Сейду потребовал от Совета Безопасности «определить численность, руководство, основные характеристики и методы финансирования созданной им миссии или группы» (в отличие от английского представителя, считавшего, что исходившая от генерального секретаря ООН инициатива «в полной мере соответствовала возложенным на него полномочиям»). Французская точка зрения была поддержана советской делегацией, квалифицировавшей шаги, предпринятые генеральным секретарем ООН в обход Совета Безопасности, как противоречащие положениям Устава, согласно которому лишь Совет компетентен принимать необходимые решения по всем специальным вопросам, касающимся создания вооруженных сил ООН[12].

Наиболее категорично и бескомпромиссно французская дипломатия защищала свою линию в отношении ответственности Совета Безопасности в вопросе о финансировании операций ООН по поддержанию мира. Соответствующая точка зрения была изложена в заявлении Сейду 16 октября 1964 г. на заседании рабочей группы по изучению административных и бюджетных методов ООН[13].

При обсуждении проблемы финансирования операций по поддержанию мира в интересах коллективной безопасности французская дипломатия добивалась также уточнения компетенции основных органов ООН, в частности Генеральной Ассамблеи, поставив вопрос, может ли она «неограниченным образом... расширять свои полномочия, давая всем своим резолюциям финансовое выражение». По мнению французской стороны, Устав ООН такой свободы действий Генеральной Ассамблее не предоставлял. Навязывая принятые большинством решения тем государствам, которые их не признают, она приобрела бы полномочия мирового правительства. Французское правительство считало, что функции Ассамблеи в области бюджета согласно ст. 17 Устава ограничивались разрешением определять административные расходы, т. е. распространялись только на юридические обязательства государств — членов ООН по содержанию самой организации.

Делегация Франции возражала против того, чтобы из особой ответственности постоянных членов Совета Безопасности за укрепление мира вытекали бы их еще большие финансовые обязанности. Оплата операций, проводимых по рекомендации Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, должна возлагаться исключительно на те государства, которые согласились с этими рекомендациями и приняли их. Французский документ указывал, что для осуществления своих функций Совет Безопасности обладает, по ст. 29 Устава, правом создавать при необходимости вспомогательные органы, в том числе и постоянный финансовый комитет. Значение французской инициативы можно оценить только с учетом плачевного состояния, в каком находились тогда финансы ООН в связи с расходами на операции ООН в Конго и на Ближнем Востоке.

Неуклонно следуя линии, что только Совет Безопасности обладает полномочиями принимать решения, обязывающие государства-члены финансировать операции по поддержанию мира, Франция систематически отказывалась вносить какие-либо средства на содержание войск в Конго, проявила сдержанность в отношении оплаты подобных же операций на Кипре, заявив, что все относившиеся к ним расходы подлежат покрытию странами, предоставившими войсковые соединения, а также правительством Кипра. Франция отказывалась брать на себя какие бы то ни было обязательства, касавшиеся добровольных взносов[14].

Вместе с тем французское правительство выражало готовность участвовать в общих усилиях по преодолению финансового кризиса ООН. Был представлен проект резолюции, предусматривавший учреждение специального комитета экспертов 14 государств для составления баланса ООН и выработки предложений по улучшению методов финансирования, упорядочению бюджета, оздоровлению всей финансовой дисциплины Организации. Французские

соображения в дальнейшем сыграли важную роль в разработке и принятии долгосрочного планирования. Только при условии наведения порядка в финансах ООН и принятия рациональных экономических мер по обеспечению ее нормального функционирования Франция соглашалась сотрудничать и оказывать помощь ООН, чтобы «вновь подвести прочную основу под ее финансовую систему»[15].

Инициативная французская линия в решении вопросов финансирования ООН, как и весь подход де Голля к восстановлению ведущей роли Совета Безопасности в деятельности ООН по обеспечению мира, к скрупулезному выполнению Устава ООН, представляла важный сдвиг во французской позиции в сравнении с 50-ми годами. Интерес Франции к ООН явно возрос, французские правящие круги стремились повысить значение сообщества в борьбе за всеобщую безопасность. Прослеживается при этом близость точек зрения СССР и Франции в отношении того, что необходимо сохранить существующий Устав ООН, поднять роль Совета Безопасности, основой эффективности которого является правило единогласия постоянных его членов.

Советская и французская дипломатии совместно искали пути, которые позволили бы вывести ООН из того глубокого политического и финансового кризиса, в котором она оказалась в середине 60-х годов. Согласие между СССР и Францией по вопросам Устава ООН, как подчеркивало французское правительство, положило начало «коренному обновлению отношений между Востоком и Западом, пока еще замыкавшемуся на Франции»[16]. Разрядку международной напряженности и переход от острой конфронтации к мирному сосуществованию государств различных общественно-политических систем де Голль связывал прежде всего с ликвидацией опасных конфликтных ситуаций путем мирного их урегулирования. В этой связи особое значение имело сходство в подходах Советского Союза и Франции к основополагающему положению Устава ООН о невмешательстве ООН во внутренние дела государств-членов (ст. 2, п. 7).

Сейду поддержал представленный советской делегацией на обсуждение XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета[17]. Именно с этих позиций французское правительство подошло к решению проблем Юго-Восточной Азии, в отношении которых политика Франции претерпела столь длительную и сложную эволюцию. С начала 1963 г. де Голль упорно противопоставлял курсу США в Индокитае линию на возврат к Женевским соглашениям 1954 г. по Вьетнаму, Камбодже и Лаосу и договоренности 1962 г. по Лаосу, основанным на признании независимости и суверенитета этих государств и на недопустимости вмешательства извне в их внутренние дела.

При обсуждении положения в Индокитае французская дипломатия подтверждала с трибуны ООН свою приверженность деголлевскому принципу «независимость — нейтралитет — невмешательство». Когда в мае 1964 г. Камбоджа обратилась в ООН с жалобой на действия США и Южного Вьетнама и потребовала созвать конференцию в Женеве, Сейду заявил, что «французское правительство полностью поддерживает эту просьбу» и расценивает ее как «единственный способ эффективно гарантировать территориальную целостность и нейтралитет» Камбоджи. Он выступил также против американских требований о создании «совершенно новых органов» вместо учрежденных Женевским совещанием контрольных миссий на камбоджийской границе[18].

Когда же в августе США попытались срочно созвать Совет Безопасности для рассмотрения «ситуации, создавшейся в результате преднамеренных нападений ханойского режима на военные суда Соединенных Штатов в международных водах»[19], Сейду подчеркнул опасность сложившегося положения и потребовал соблюдения принципа невмешательства. «Мы убеждены, что при данных обстоятельствах, — заявил он, — единственно возможное решение — политическое». Имелось в виду, что это решение должна выработать конференция с участием всех заинтересованных держав[20].

Начиная с 1965 г. проблема мирного урегулирования индокитайских вопросов занимала все большее место в выступлениях министра иностранных дел Франции на пленарных заседаниях очередных сессий ООН. Кув де Мюрвиль говорил о «жестокости и даже бесчеловечности», «людских страданиях и материальном ущербе, причиненных этой войной вьетнамскому народу»[21]. Во время голосования в Совете Безопасности ООН в феврале 1966 г. Франция была единственной западноевропейской страной, которая вместе с Советским Союзом не поддержала предложение США о включении вьетнамского вопроса в повестку дня Совета Безопасности, аргументировав свою позицию тем, что в условиях, когда в ООН присутствует только одна сторона, участвующая в конфликте, нет условий для выработки мирного его решения[22].

Еще более показательна французская позиция в ООН по вопросу об интервенции США в Доминиканскую Республику весной 1965 года. Франция выступила в поддержку тех сил, которые требовали восстановления демократической конституции 1963 г. и возвращения на пост президента этой страны Х. Боша, проводившего умеренно либеральную политику[23]. Вмешательство США французское правительство квалифицировало как опасный и направленный против малой страны акт. Де Голль решительно осудил действия Соединенных Штатов и потребовал вывода американских войск из Доминиканской Республики[24]. В отличие от Великобритании Франция не поддержала действий Организации американских государств (ОАГ), посредническую роль которой пытались защищать Соединенные Штаты, отстранив тем самым ООН и блокировав инициативу Совета Безопасности в деле ликвидации опасной для мира конфликтной ситуации. Франция выступила и против плана интервенции «под прикрытием многосторонней организации», настаивая на безотлагательном проведении заседания Совета Безопасности[25].

СССР, Франция, Уругвай, Иордания настаивали на расширении полномочий специального представителя генерального секретаря ООН в Санто-Доминго, выделении ему дополнительного персонала и средств для осуществления контроля над прекращением военных действий, расследования нарушений прав человека[26]. СССР и Франция настойчиво добивались того, чтобы обеспечить доминиканскому народу условия, которые позволили бы ему самому определить свой путь, свободно и на демократической основе избрать правительство. Обе страны выступили за превращение временного приостановления военных действий в постоянное прекращение огня. Советский Союз голосовал за французский проект резолюции[27]. СССР и Франция поддержали требование конституционного правительства во главе с Ф. Кааманьо о предоставлении права его представителю участвовать в заседаниях Совета Безопасности[28]. На сближении позиций двух стран в ООН сказались и результаты визита министра иностранных дел СССР А. А. Громыко во Францию весной 1965 года.

Борьба против наследства «холодной войны» и за независимую внешнеполитическую линию поднимала авторитет и влияние Франции на международной арене, в частности и среди развивающихся государств. Французские представители в ООН начали все чаще поддерживать предложения делегации этих государств. Стремление сыграть «промежуточную роль» в отношениях между развитыми и развивающимися государствами, интерес к развитию контактов с освободившимися странами проявились во французских предложениях, выдвинутых на первой Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в Женеве летом 1964 года. По французской инициативе была принята рекомендация развитым государствам оказывать помощь развивающимся странам в размере, близком к 1% их национального валового продукта. Весьма многообещающе выглядело французское пожелание об обеспечении на мировом рынке закупочных цен для гарантированных количеств первичного сырья[29].

Занятая Францией независимая позиция позволяла ее дипломатии играть инициативную, а в ряде случаев и конструктивную роль посредника, способного предложить оригинальные подходы, приемлемые для многих заинтересованных сторон компромиссы. Именно в этом направлении развертывалась дипломатическая активность Кэ д'Орсе в вопросе о политическом урегулировании ближневосточных проблем, в деле создания условий для разрядки в Европе и во всем мире. Де Голль видел задачу Франции в том, чтобы обеспечить условия для международного политического урегулирования ближневосточного конфликта. Он выступал сторонником встреч на высшем уровне, которые способствовали бы максимальному сближению точек зрения, добивался достижения предварительного согласия между постоянными членами Совета Безопасности. Еще 24 мая 1967 г., т. е. до начала «шестидневной войны» Израиля против арабских государств, французское правительство выступило с предложением о созыве с участием СССР, США, Великобритании и Франции совещания для обсуждения вопросов, связанных со свободой судоходства в Акабском заливе. Свое намерение провести предварительные консультации четырех постоянных членов Совета Безопасности де Голль подтвердил 2 июня[30].

Ту же линию французская дипломатия проводила в ООН. В условиях уже начавшейся израильско-арабской войны Сейду призывал постоянных членов Совета Безопасности «объединить усилия в поисках решения, с которым все могут согласиться, чтобы направить развитие этого зловещего кризиса... по единственному руслу, которое может привести к миру»[31]. Подобной тактики Франция придерживалась и в дальнейшем. Отказавшись от совместных с США и Великобританией действий, которые предусматривались трехсторонней декларацией 1950 г., что существенно стабилизировало и улучшило отношения Франции со странами Ближнего Востока, ее правительственные круги подчеркивали значение советского подхода к мирному урегулированию ближневосточного кризиса, поддерживая с СССР контакты на высшем уровне[32]. Франция в принципе разделяла советскую позицию по вопросу о прекращении огня, выводе израильских войск с оккупированных арабских земель и незаконности приобретения территорий с помощью силы[33].

Голлистская дипломатия поддержала советское предложение о созыве в июне 1967 г. V чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН с целью ликвидации последствий агрессии Израиля. При этом Кув де Мюрвиль не преминул вновь подтвердить, что французское правительство рассматривает Совет Безопасности как главный орган в системе ООН[34]. На специальной сессии Генеральной Ассамблеи Франция действовала с учетом новой расстановки политических сил в ООН. Французская делегация проголосовала за выдвинутый Югославией от имени неприсоединившихся государств проект резолюции, призывавший к безоговорочному выводу израильских войск с оккупированных арабских территорий, и в то же время воздержалась при голосовании поддержанного США и большинством западноевропейских стран латиноамериканского проекта, связывавшего вывод израильских войск с выполнением ряда условий[35].

Одним из стержней, вокруг которых налаживалось взаимодействие советской и французской дипломатий по коренным вопросам международных отношений, стала взаимная убежденность в необходимости строго соблюдать основополагающие принципы Устава ООН, что легло в основу сотрудничества двух стран. Бывший директор департамента Объединенных Наций и международных организаций Министерства внешних сношений (1979—1983 гг.), а в дальнейшем — вице-президент Французской ассоциации содействия ООН А. Левэн рассказывал автору этих строк: «Как Франция, так и Советский Союз давали твердый отпор любой попытке навязать ревизию Устава и особенно любым шагам, связанным с посягательством на главную ответственность, возложенную на постоянных членов Совета Безопасности... и на особую форму исполнения этой ответственности, другими словами, на право вето. Обе стороны проявляют известную сдержанность и даже определенную неприязнь в отношении предлагаемых процедур, преследующих цель внести изменения в компетенции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, касающиеся решения проблемы войны и мира, что в конечном итоге привело бы к нарушению возложенной Уставом на эти органы ответственности»[36].

Советско-французские договоренности сыграли важную роль в оздоровлении ООН, повышении значения ее деятельности в международной политике. В результате улучшения в 60-е годы советско-французских отношений наметился более широкий подход ООН к возможностям мирного урегулирования конфликтных ситуаций, содействовавший, в свою очередь, расчистке путей и созданию условий для более форсированного и полнокровного развития начавшегося тогда процесса разрядки международной напряженности.

Примечания

1. GAULLE Ch. de. Discours et messages. T. IV. P. 1970, p. 136.
2. Цит. по: SMOUTH M.-Cl. Le Secrétaire Général des Nations Unies. P. 1971, p. 198.
3. HOFFMAN S. Essais sur la France. P. 1974, p. 318.
4. Débats de l'Assemblée Nationale. 2-e Législature (Vol. 1). 1-e session ordinaires de 1962—1963. Séances du 6 au 21 Décembre 1962. P. 1962. P. 1965, p. 42.
5. L'Année politique 1962. P. 1963, pp. 689—691; CAYROL R. François Mitterand 1945—1967. P. 1967, pp. 67, 140.
6. L'Année politique 1962, p. 691.
7. LERNER D., KRAMER M. N. French Elite Perspectives on the United Nations. — International Organization (далее — Int. O.), Winter 1963, vol. XVII, № 1, p. 61.
8. GAULLE Ch. de. Op. cit. T. III. P. 1970, p. 296.
9. Ibid. T. IV, pp. 335—337.
10. См. Советский Союз и Организация Объединенных Наций 1966—1970. М. 1975, с. 44—45; см. также: ООН. Дос. A/AC. 121/SR,7,25 June 1965
11. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности (далее — СБ). XIX-й год. 1102-е заседание 4 марта 1964 г. Нью-Йорк, с. 4; см. также: Дополнение за январь, февраль и март 1964 г. Нью-Йорк. 1968, с. 56—57.
12. СБ. XX-й год. 1246-е заседание 25 октября 1965 г. Нью-Йорк, с. 31, 32.
13. ООН. Док. A/AC. 113/47.

14. СБ. XIX-я сессия, 1155-е заседание 21 сентября 1964 г. Нью-Йорк, с. 3; XVIII-й год. 1039-е заседание 11 июня 1963 г. Нью-Йорк, с. 4—5; ООН. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи (далее — ГА). XX-я сессия. Специальный политический комитет. Краткие отчеты заседаний 22 сентября — 17 декабря 1965 г. 464-е заседание 23 ноября 1965 г. Нью-Йорк, с. 212.
15. См.: Заявление министра иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиля на 1341-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 1965 г. Официальный отчет. Нью-Йорк, с. 166; ООН. Док. A/C. 5/1. 843; ГА. XX-я сессия. Пятый Комитет. Административные и бюджетные вопросы. Краткие отчеты заседаний 22 сентября — 17 декабря 1965 г. Нью-Йорк, с. 141—142, 211; Специальный политический комитет. 464-е заседание 23 ноября 1965 г., с. 212.
16. COUVE de MURVILLE M. Une politique étrangère 1958—1969. P. 1971, p. 209.
17. ГА. XXI-я сессия. Первый Комитет. Краткие отчеты заседаний 20 сентября — 17 декабря 1966 г., с. 379.
18. СБ. 1121-е заседание 25 мая 1964 г. Нью-Йорк, с. 11.
19. СБ. XIX-й год. Дополнение за июль, август и сентябрь 1964 г. Нью-Йорк, с. 72.
20. СБ. 1141-е заседание 7 августа 1964 г. Нью-Йорк, с. 7.
21. ГА. XX-я сессия. Пленарные заседания, т. 1. Стенографические отчеты заседаний 21 сентября 1965 г. 1341-е заседание 29 сентября 1965 г., с. 168.
22. СБ. 1272-е заседание 1 февраля 1966 г. Нью-Йорк, с. 8.
23. КРЕМЕР Т. И. Доминиканская Республика. 60—70-е годы. М. 1980.
24. Le Monde, 25.V.1965; GROSSER F. Affaires exterieures. P. 1984, p. 210.
25. СБ. 1201-е заседание 7 мая 1965 г. Нью-Йорк, с. 3—4; 1207-е заседание 13 мая 1965 г. Нью-Йорк, с. 3—4; 1209-е заседание 14 мая 1965 г., с. 1—2.
26. Le Monde, 11.VI.1965; СБ. 1221-е заседание 7 июня 1965 г., с. 8—9; 1222-е заседание 9 июня 1965 г. Нью-Йорк, с. 1; 1217-е заседание 22 мая 1965 г. Нью-Йорк, с. 6.
27. СБ. 1217-е заседание 22 мая 1965 г., с. 6.
28. Le Monde, 15.V.1965.
29. L'Année politique 1964. P. 1969, pp. 261—262.
30. Le Monde, 3.VI.1967.
31. СБ. XXII-й год. Официальные отчеты. 1346-е заседание 3 июня 1967 г. Нью-Йорк, с. 24.
32. Советско-французские отношения 1965—1976 гг. Док. и м-лы. М. 1976, с. 75.
33. СБ. Официальные отчеты. 1360-е заседание 14 июня 1967 г. Нью-Йорк, с. 9.
34. ГА. Пятая чрезвычайная специальная сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний 17 июня — 18 сентября 1967 г. Нью-Йорк, с. 109.
35. Подробнее см.: Советский Союз и Организация Объединенных Наций 1966—1970 гг., с. 143—144; ГА. Пятая чрезвычайная специальная сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний 17 июня — 18 сентября 1967 г., с. 344.
36. Запись беседы автора с А. Левэном. Париж, май 1985 года.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Рождение Балтийского военно-морского флота

П. А. Кротов

Возникший в начале XVIII в. военно-морской флот России на Балтийском море стал еще при Петре I своеобразным символом тогдашней эпохи преобразований. Действительно, появление российских кораблей на Балтике в 1703 г. явилось свидетельством напряженной реформаторской работы в стране и фактом большого военно-политического значения. Оправившись от нарвского поражения, с которого началась для России Северная война 1700—1721 гг., страна возобновила усилия, нацеленные на прорыв к балтийским берегам. 22 января 1702 г. царь издал указ: «В оборону и на отпор против неприятельских свейских войск на Ладожское озеро сделать военных 6 кораблей по 18 пушек... на реке Сяси, которая впала в Ладожское озеро»[1].

Но дату появления этого документа нельзя считать отправным временем создания Балтийского флота, ибо выход на Балтику Россия еще не возвратила. Сначала требовалось отвоевать у шведов старинную русскую крепость Орешек (переименован шведами в Нотебург — Ореховый град) у истоков Невы. Приступить к его осаде было невозможно без разгрома шведской флотилии на Ладоге. Для этого 1 мая 1702 г. на Сясьской верфи заложили два первых малых фрегата, получивших после спуска на воду имена «Фан Сас (или «Сясьский») 1-й» и «Фан Сас 2-й»[2].

Взятие 11 октября 1702 г. Нотебурга (14 октября его переименовали в Шлиссельбург (Ключ-город) изменило положение в Ижоре, возникли условия для практического создания флота на Балтике. Прусский резидент в Москве Г. И. фон Кейзерлинг, узнав о падении Нотебурга, так оценил это событие в поздравительном письме Петру I: «Вы взятием сея крепости себе гавен на Балтийском море открываете»[3]. Следующей преградой на пути к морю была крепость Ниеншанц близ устья Невы. Овладение ею отложили до весны 1703 года. Третий фрегат, «Ивангород», заложенный на Сясьской верфи около 1 декабря 1702 г.[4], и четвертый, «Михаил Архангел», который начали строить в первые месяцы 1703 г.[5], изначально предназначались для будущего Балтийского флота.

Они были более крупными кораблями, чем «Фан Сасы», имели уже не две, а три мачты и более сильную артиллерию: не по 18, а по 28 пушек. Размерами они близки к тем, которые имел предназначенный «к морскому ходу» «государской корабль» — фрегат «Св. апостол Павел», построенный весной 1694 г. присланными из Москвы корабельными мастерами Н. Вилимовым и Я. Рянсиным и русскими плотниками на Соломбальской верфи Архангельска[6]. Увеличив глубину трюма «Ивангорода» и «Михаила Архангела», Петр I улучшал их

Кротов Павел Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР Российского педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

остойчивость. «Св. апостол Павел» опробовался царем в плавании по Белому морю в августе 1694 года. О нем положительно отзывался в письме от 4 июля 1694 г. из Архангельска адмирал Ф. Я. Лефорт, характеризовавший его так: «Корабль, сделанный здесь, очень хороший, он несет 24 пушки». В свой третий приезд в Архангельск летом 1702 г. царь заложил таких же размеров уже 26-пушечный фрегат «Св. Илья»[7].

Закладка кораблей на Сяси еще не была осуществлением какой-либо целостной программы создания флота. Но свидетельством того, что Петр I думал об этом, является его указ от 13 января 1703 г. о строительстве «в Новгороде» (подразумевался Новгородский уезд, включавший и земли по Сяси) «в прибавку» к намеченным для строительства в 1702 г. 6 сясьским фрегатам еще 6 фрегатов и 5 одномачтовых судов для прибрежного плавания[8]. Именно в этом указе содержится первый кораблестроительный план будущего Балтийского флота, поскольку с потерей Нотебурга шведы лишились возможности проводить корабли на Ладогу. Но флот такого состава не смог бы обеспечить защиту морских подступов к невскому устью, поэтому во исполнение плана провели в феврале — середине марта 1703 г. только подготовительные работы. В бумагах личной канцелярии царя имеется документ, представляющий собой изложение той кораблестроительной программы, которой затем действительно руководствовались при создании военно-морского флота России на Балтике начиная с марта 1703 г.: лист без даты, на котором приведена в столбец численность различных типов судов: «12 караблей, 10 шнав, 3 флейта, 6 буеров, 1 буерс, 6 шмак, 10 шкут, 10 галер»[9]. Это не список флота, а именно программа его строительства в писарской копии, ибо вплоть до ноября 1707 г. оно шло согласно ей, а не указу от 13 января 1703 г.; с лета 1703 г., правда, в дополнение к ней было развернуто строительство таких типов парусно-гребных судов, как скампавеи (двухмачтовые галеры) и бригантины (одно- или двухмачтовые суда с веслами и 1—4 малыми орудиями).

1 февраля 1703 г. Петр I выехал из Москвы в Воронеж, где строились и чинились корабли Азовского флота. Одной из целей поездки было обсуждение с Ф. М. Апраксиным конструкции судов будущего Балтийского флота[10]. Там царь и пришел к выводу о необходимости строительства на Балтике более сильного флота, чем намечалось указом от 13 января 1703 года. Тогда же начала вырабатываться новая кораблестроительная программа. Окончательно она могла быть утверждена только после согласования с ближним боярином, канцлером, главою Приказа воинских морских дел, ведавшего непосредственно флотом и его личным составом, и главою Новгородского приказа, занимавшегося и сясьским судостроением, — адмиралом Ф. А. Головиным в Москве между 10 и 15 марта 1703 г. (10 марта царь вернулся в столицу, а 15 марта выехал оттуда в Шлиссельбург, чтобы руководить походом к Ниеншанцу[11]).

Уже 24 марта в Лодейном Поле на Свири «по указу великого государя... Петра Алексеевича и по приказу губернатора» А. Д. Меншикова заложили военно-морские корабли. Это событие положило начало Олонецкой верфи, ставшей базовой для строительства Балтийского флота. Петр I позднее отмечал, что «сперва на Олонецком верфу флот зачался делать»[12]. В день ее основания там стали строить 28-пушечный фрегат «Штандарт», который в ходе строительства именовался «транспорт», а в составе флота — «корабль», «корабль-фрегат», «фрегат»; 4 буера, носившие шуточные голландские названия «Бир-драгер» (разносчик пива), «Вейн-драгер» (виночерпий), «Гельд-сак» (денежный мешок) и «Соут-драгер» (возчик соли). Затем заложили флейт, названный «Велькон» (добро пожаловать) в честь приехавшего в день его спуска на воду Меншикова, 2 шмака — «Гут-драгер» (доброносец) и «Корн-шхерн» (сжатый хлеб) и не указанные в программе вспомогательные суда-галиоты — «Соль» (солнце), «Курьер» и почтовый[13]. На Сяси весной 1703 г. стали строить 6 шмаков, потом флейт «Патриарх» и буера «Люстих» (веселый) и «Ик гебе гевест» (я владею провинцией: намек на овладение Ижорой)[14]. Так вот и «зачался делать» Балтийский флот.

Первые ссылки на программу от февраля — марта 1703 г. обнаружены нами в документах, относящихся к маю того же года: 7 мая Головин отправил послу в Польше Г. Ф. Долгорукову письмо, в котором извещал о достигнутых россиянами успехах. На основании изложенных в нем сведений посол сообщил польскому королю Августу II, сенаторам, депутатам сейма, английскому и голландскому посланникам на сейме в Люблине, что его государь взял «немалую крепость... и порт на Балтийском море» (Ниеншанц), в котором уже находятся 12 фрегатов (с 24 пушками каждый), а для укрепления ее собраны 15 тыс. человек «при добрых инженерах», и царь «еще может заложить и свою монаршескую резиденцию», из которой будет лучше поддерживать контакты с западноевропейскими странами.

Упоминание о российских фрегатах на Балтике было дипломатическим ходом. В действительности их еще предстояло сделать, причем «Штандарт», «Михаил Архангел» и «Иван-город»[15] уже строились на Олонецкой и Сясьской верфях. Австрийский резидент в Москве, О. Плейер, получив сведения с берегов Невы, тоже известил свое правительство в донесении от 10 мая 1703 г., что царь указал построить для Финского залива 10 фрегатов по 24 пушки каждый[16].

Выход на Балтику после взятия 1 мая Ниеншанца почти совпал по времени с первой в Северную войну победой на этом море, но одержанной без флота. 5 мая на взморье у устья Невы появилась шведская эскадра из 9 судов под командованием вице-адмирала Г. фон Нумерса. На следующий день Нумерс, еще не зная о сдаче Ниеншанца, направил туда с письмами коменданту шняву «Астрильд» и бот «Гедан»[17]. Они подошли к устью Большой Невы и «скрылись за островом, что лежит противу деревни Калинкиной к морю» (Гутуевским), бросив там якоря. Петр I решил захватить эти суда, используя лодки. Были отобраны знакомые с действиями на морях солдаты Преображенского, Семеновского и «низовых» (набранных в Нижнем Поволжье) полков. 7 мая россияне атаковали шведские корабли двумя отрядами на 30 лодках, на которых находились царь и Меншиков, прошедшими «тихою греблею» по течению близ покрытого лесом берега Васильевского острова и со стороны моря из-за Гутуевского острова. Шведы, снявшись с якорей, пытались под парусами пробиться к своей эскадре, ведя огонь из пушек и ручного оружия. Но российские солдаты, используя лишь ружья и гранаты, «по нарочитом бою» взяли их на абордаж. Остальные 7 кораблей эскадры Нумерса, на глазах у моряков которой совершилось это дело, бежали. Царь назвал победу «никогда бываемою викториею»[18].

В бою, завершившемся взятием двух шведских судов, Петр I, по словам современника, офицера российского флота Д. Дена, увидел «особое знамение провидения в пользу морских его предначертаний»[19]. 10 мая в торжественной обстановке канцлер Головин и фельдмаршал Б. П. Шереметев возложили в походной церкви на царя и Меншикова знаки ордена св. Андрея Первозванного, участвовавшим в бою офицерам были вручены позднее золотые медали, солдатам — серебряные. На медалях была надпись «Небываемое бывает. 1703». В честь этой победы в Москве в конце 1703 г. были воздвигнуты триумфальные ворота для торжественного вхождения войск в столицу. По правительственному заказу были изданы гравюры с изображением шведских судов и видом этого боя.

Так на Балтике появились два трофейных корабля: «Астрильд» и «Гедан». Россия уже тогда могла вывести в море малые фрегаты «Фан Сасы» и построенные в 1702 г. в Архангельске яхты «Св. Дух» и «Курьер», перетащенные поморскими крестьянами по проложенной ими «осударевой дороге» от пристани Нюхча на Белом море до Повенца на Онежском озере, откуда они были проведены Свирью на Ладогу для содействия взятию Орешка. Согласно программе 1703 г. уже велось строительство военно-морских кораблей на Олонецкой и Сясьской верфях. Если учесть значение, которое придавали современники бою 7 мая, то можно считать условной датой рождения военно-морского флота России на Балтике именно 7(18) мая 1703 года. А спустя несколько дней произошло и другое поистине историческое событие: 16 мая был основан Санкт-Петербург как база Балтийского флота, ставший позднее столицей Российской империи.

До настоящего времени не проведено глубокого источниковедческого изучения сведений об основании Петербурга и первых днях существования Балтийского флота, содержащихся в черновой рукописи «О зачатии и здании царствующаго града Санкт-Петербурга». Специалистами не был оценен тот факт, что в тексте ее имеются следы редактирования Петром I (запись «Первая Санпетербурская крепость была земленая» и пр.), а в начале манускрипта помета: «Сия книга из Кабинета его императорскаго величества... и есть черные бумаги, которые поправляемы были самим государем императором Петром Великим»[20]. Изучение рукописи приводит к выводу, что она сочинялась по распоряжению царя и была посвящена обоснованию права «царствующаго» Петербурга являться столицей. В манускрипте упоминается также о принятии в октябре 1721 г. Петром I титулов «император» и «Великий», а последнее дополнение о погребении Петра 10 марта 1725 г. сделано тем же почерком, которым написано все сочинение[21]. Можно полагать, что оно писалось после окончания Северной войны и царь согласился с его содержанием, сделав необходимые изменения, а завершено оно было тем же автором, вероятно, уже после смерти Петра I.

14 мая 1703 г. царь «изволил осматривать на взморье устьев Невы-реки и островов и усмотрел удобный остров к строению города», а 15 мая послал несколько рот солдат очистить берега Заячьего острова от леса. В рукописи сказано, что план крепости будущего города был «собственнаго труда» царя; значит, он был начертан 14 или 15 мая. 16 мая Петр I «по божественной литоргии с ликом святительским, и генералитетом, и статскими чины от Канец (русское название Ниеншанца. — *П. К.*) изволил шествовать на судах рекою Невою и

по прибытии на остров Люиспранд (искаженное шведское название Заячьего о-ва. — *П. К.*), и по освящении воды, и по прочтении молитв на основание града... взяв заступ, первее сам начал копать ров»[22]. В тот же день он наметил места для сооружения бастионов и ворот будущей крепости[23].

В сочиненной по поручению царя бароном Г. Гюйссеном истории его правления тоже говорится, что Петр I, «разсудя, что местоположение Нейшанца не зело полезно было... обыскав удобное местоположение, начертал сам по совершенству своего знания в фортификациях и заложил... майя 16 дня крепость и город... которой наречен Санкт-Петербург, кроме сего города... повелел построить против острова... Котлина посреди моря замок, имянуемой Кроншлот». Данные, что царь задумал заложить Кроншлот весной 1703 г., подтверждаются и тем, что Плейер сообщал 25 июня из Москвы: русские не только строят «крепость при устье Невы», но и укрепляют «удобный остров, расположенный при море». Построили же Кроншлот (будущий Кронштадт), форт на отмели к югу от Котлина, зимой 1703—1704 гг., а флаг на нем подняли в присутствии Петра I 7 мая 1704 г. — в первую годовщину памятного боя[24].

В рукописи «О зачатии» имеются также нигде более не упоминаемые сведения о том, как Петр I накануне своего дня рождения в 1703 г. отпраздновал вселение в свой первый дом в С.-Петербурге и рождение Балтийского флота: 28 мая из Шлиссельбурга прибыли и салютовали из пушек украшенные флагами и вымпелами «две шнявы и яхта». Петр I встретил их у своего новопостроенного домика, рядом с которым стояли на якорях плененные «Астрильд» и «Гедан», а потом с этой эскадрой проследовал к строящейся крепости (ныне Петропавловской), отвечая из корабельных пушек на ее салюты, и вошел в шатер на Заячьем острове, где Меншиков «со всем[и] ту[т] бывшими поздравлял его царское величество с новым флотом»[25].

Балтийский флот быстро рос. В конце 1707 г. была принята новая кораблестроительная программа, предусматривавшая создание мощного флота, ядро которого должны были составить 27 линейных кораблей с вооружением от 50 до 80 пушек на каждом. К концу же Северной войны российский флот на Балтике превзошел по силе флоты старых военно-морских держав Дании и Швеции.

Примечания

1. Материалы для истории русского флота (МИРФ). Ч. 1. СПб. 1865, с. 3.
2. Там же, с. 8, 47.
3. Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБПВ). Т. 2. СПб. 1889, с. 415.
4. В первоисточнике это событие помечено странной датой: 31 ноября 1702 г.; Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГАВМФ) СССР, ф. 223, оп. 1, д. 8, л. 9.
5. ЦГАВМФ СССР, ф. 177, оп. 1, д. 34, л. 109; МИРФ. Ч. 1, с. 20. Мнение, что «Михаил Архангел» заложили в ноябре 1702 г. (ВЕСЕЛАГО Ф. Ф. Список русскнх военных судов с 1668 по 1860 год. СПб. 1872, с. 74), не находит подтверждения в источниках.
6. ЦГАВМФ СССР, ф. 223, оп. 1, д. 8, лл. 9, 17; ф. 177, оп. 1, д. 34, л. 109; Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 9, отд. 2, д. 12, л. 628; ф. 141, оп. 1702 г., д. 26, л. 43 об.; ф. 137, оп. 1, г. Архангельск, д. 38, лл. 73 об. — 76 об.; Отдел рукописей Библиотеки АН СССР, № 283, грав.; ПБПВ. Т. 1, СПб. 1887, с. 19, 20, 492; ТИТОВ А. А. Летопись Двинская. М. 1889, с. 75; GORDON P. Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Bd. 2. St.-Petersburgs. 1851, S. 457.
7. ВЕСЕЛАГО Ф. Ф. Ук. соч., с. 692; ЦГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 12, л. 611; ПОССЕЛЬТ М. К. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт. СПб. 1863, с. 44—46, прил. с. 96, 97; ПБПВ. Т. 2, с. 65, 77.
8. МИРФ. Ч. 1, с. 12—13.
9. ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, д. 6, л. 1009.
10. Походный журнал 1703 года. СПб. 1911, с. 1; ЦГАВМФ СССР, ф. 177, оп. 1, д. 32, л. 174.
11. УСТРЯЛОВ Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 4, ч. 2. СПб. 1863, с. 603; Походный журнал 1703 года, с. 1; БРУИН К. де. Путешествие через Московию. М. 1873, с. 140—141.
12. МИРФ. Ч. 1, с. 16; ПБПВ. Т. 5. СПб. 1907, с. 27.
13. ВЕСЕЛАГО Ф. Ф. Ук. соч., с. 74, 75, 242, 246, 247, 268, 269.
14. МИРФ. Ч. 3. СПб. 1866, с. 678; ПБПВ. Т. 2, с. 526; ЦГАВМФ СССР, ф. 177, оп. 1, д. 32, лл. 229 об., 230.
15. ПБПВ. Т. 2, с. 540—543; фрегаты «Фан Сас» не входили в число 12 намеченных к строительству по программе февраля — марта 1703 года. Эти 12, последний из которых ввели в строй летом 1707 г., были бóльших размеров, имели не две, а три мачты и более сильное вооружение: от 28 до 32 пушек. Уже в 1705 г. «Фан Сасы» обратили в брандеры (суда, начиненные горючими материалами, предназначавшиеся для сцепления с неприятельскими кораблями и их поджога).
16. УСТРЯЛОВ Н. Г. Ук. соч., с. 609.
17. ЦГАДА, ф. 96, оп. 1, 1703 г., д. 5. лл. 7—9 об.; ПБПВ. Т. 2, с. 164.
18. Журнал, или Поденная записка Петра Великого. Ч. 1. СПб. 1770, с. 66—67; ПБПВ. Т. 2, с. 162—166, 173; ГИЗЕН Г. Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 г. В кн.: Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. 1-я половина. СПб. 1787, с. 338—339; Походный журнал 1703 года, с. 3—4.
19. [ДЕН Д.] История российского флота в царствование Петра Великого. СПб. 1897, с. 9.
20. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), ф. Эрмитажное собр., № 359, лл. 9, 8 об., 1.
21. О зачатии и здании царствующаго града С.-Петербурга. — Русский архив, 1863, вып. 10—11, стб. 842, 844, 836; БЕСПЯТЫХ Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, Прил., с. 259, 261, 262; ОР ГПБ, ф. Эрмитажное собр., № 359, лл. 6, 10 об.—11, 13.
22. Существует точка зрения, что Петр I не участвовал в закладке Петербурга. Необоснованность этого мнения доказывает А. М. Шарымов (Аврора, 1983, № 12, с. 82—95).
23. БЕСПЯТЫХ Ю. Н. Ук. соч. Прил., с. 258—259; ОР ГПБ, ф. Эрмитажное собр., № 359, лл. 3—6.
24. ГИЗЕН Г. Ук. соч., с. 340—341; УСТРЯЛОВ Н. Г. Ук. соч., с. 610; Походный журнал 1704 года. СПб. 1911, с. 21.
25. БЕСПЯТЫХ Ю. Н. Ук. соч. Прил., с. 260; ОР ГПБ, ф. Эрмитажное собр., № 359, лл. 6 об.—8 об.

Меоты

А. А. Малышев

В древности Азовское море называли Меотским, или Меотидой. Как сообщает Плиний[1], название это происходит от наименования меотов — обитателей восточного и частично северо-восточного побережья данного моря, народа многочисленного и самобытного. Упоминания о меотских племенах встречаются у ряда античных авторов. Однако составить целостное представление о жизни, занятиях и политической истории меотов по этим сведениям сложно. Информация, содержащаяся в трудах древних авторов — трактатах по истории, географии и военному делу (Геродот, Страбон, Полиэн), лоциях и путеводителях (Псевдо-Скилак, Помпоний Мела), — невелика. Эти сведения они получали от моряков и торговцев, а также использовали труды предшественников. Возникали путаница, несоответствие, разночтения. В результате нельзя установить даже названия меотских племен и размеры занимаемой ими территории. Фактически ничего не сообщают античные писатели и о происхождении меотов.

Первыми вступили в контакт с меотами и оставили некоторые сведения о них древнегреческие мореходы. С трудом шло освоение ими маршрутов по незнакомому и негостеприимному морю — заливу Понта Эвксинского. О самых ранних экспедициях к берегам Северного Причерноморья в античных источниках сохранились лишь смутные упоминания. Поэт Гиппонакт из Эфеса сообщает об одном из проливов возле современного Таманского полуострова — «синдской расселине», через которую греческие мореходы плавали уже с конца VII в. до н. э.[2]. Берега Таманского полуострова удобны для поселения: тихие бухты с многочисленными протоками, обильными рыбой. Эти протоки прикрывали переселенцев от внезапного нападения с суши. За короткое время на полуострове возникла цепочка греческих полисов: Фанагория, Кепы, Гермонасса и др. Устанавливаются торговые сношения греков с местными жителями, что вело к росту эллинского культурного влияния, к эллинизации синдов. Остальные меотские племена, воинственные и непримиримые, продолжали жить обособленно, порою вмешиваясь во внутренние дела Синдики и препятствуя тем самым упрочению здесь влияния правителей Боспорского царства, которые в V в. до н. э. распространили свое влияние на Восточное Приазовье и Нижнее Прикубанье.

Один из эпизодов местной политической истории описан в новелле Полиэна. Главная героиня его — воинственная меотка Тиргатао, жена низложенного синдского царя с греческим именем Гекатей. Боспорский тиран Сатир помог Гекатею вернуться к власти, но выдал за него свою прежнюю жену. Гекатей не захотел погубить Тиргатао и заточил ее в крепость, откуда она бежала в землю иксоматов к родственникам. Вскоре она вторглась в Синдику во главе отрядов иксоматов и других воинственных племен. Страна подверглась грабежу, насилие — резне. Ситуация усугубилась неудачной попыткой Сатира вероломно убить Тиргатао. И только просьбы сына Сатира, который явился к ней с богатыми дарами, спасли положение[3]. Все же в конце V в. до н. э. Синдика была всключена в состав Боспорского царства.

Малышев Алексей Александрович — старший лаборант Института археологии АН СССР.

Присоединение к нему остальных меотских племен произошло полувеком позже и сопровождалось длительными военными действиями. Итог борьбы был подведен в правление Перисада I (середина IV в. до н. э.), в титулатуре которого читаем: «Архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев, псессов, фатеев, досхов и всех меотов»[4]. Вот практически все, что сообщают письменные источники о ранней истории меотов. Невыясненным остается вопрос об их происхождении и языке. В науке долгое время господствовало представление о киммерийской принадлежности древнего населения Восточного Приазовья и Прикубанья. Киммерийцы — один из самых древних народов, этническое название которых сохранилось. Они обитали в северопричерноморских степях в конце II — начале I тыс. до н. э. Прекрасные наездники и стрелки из лука, киммерийцы не раз вторгались в Малую и Переднюю Азию и оставили глубокий след в истории цивилизаций этого региона[5]. Некоторые ученые связывают киммерийцев с синдами, наиболее развитым и самобытным меотским племенем. Основанием тому служит сообщение Плутарха, что лишь часть киммерийцев покинула свою страну, тогда как основная их масса осталась на берегах Меотиды.

Археологи отметили сходство синдских погребальных сооружений — каменных ящиков, окруженных кольцевыми обкладками, — с подобного же рода памятниками горного Крыма, населенного в древности таврами, а также с восточнокрымскими погребениями[6]. Согласно мифологии индо-иранцев, кольца отгораживали покойника от живых, чтобы он не мог причинить им вред. В древнеиндийской «Риг-Веде» (X, 18,4) говорится в связи с могилой: «Я воздвиг это кольцо для защиты от живущих, чтобы никто другой из них не мог достигнуть этого предела». Это сравнение необходимо, ибо многие ученые считают киммерийцев и меотов ираноязычными.

Интересные выводы получены в результате лингвистического анализа названий меотских племен и топонимики. О. Н. Трубачев обосновал индоарийские корни языка синдов[7]. В археологической науке индоариев связывают также с катакомбной материальной культурой. Между Северным Причерноморьем и Индией выявлена полоса памятников с катакомбным способом погребения, которая, возможно, фиксирует передвижения индоариев, так как возраст этих памятников уменьшается по мере приближения к Индостану[8]. Часть киммерийцев могла, задержавшись на Северном Кавказе, ассимилироваться в результате этнических смешений. Поэтому кажется не случайным антропологическое сходство древнего населения Предкавказья катакомбного времени и современных адыгов[9].

Основные черты протомеотской культуры сложились в VIII—VII вв. до н. э. Типичные памятники того времени — погребения Николаевского и Кубанского грунтовых могильников. В могилах среди сопутствующего инвентаря наряду с обычными для всех погребений северопричерноморских степей вещами (уздечный набор, наконечники стрел) встречаются и вещи с отчетливо выраженными местными чертами: черноглиняные ковши с налепами-рожками на вершине ручки, украшенные резным орнаментом, а также гальки. Прослеживаются генетические связи между слоями протомеотской и кобяковской культур позднебронзового века [10]. Спектральный анализ бронзы из меотских погребений тоже свидетельствует о местных корнях меотской культуры и отвергает возможность связей с киммерийскими формами конского снаряжения и вооружения [11]. Все культуры бронзового века на Северном Кавказе, включая кобяковскую, имели общие черты. Носителями этих культур были родственные между собой племена иберо-кавказской языковой группы[12].

Больше известно о меотах того периода, когда они уже оказались в составе державы Спартакидов, правивших в Боспорском царстве V—II вв. до н. э. Из попыток локализовать племена, упомянутые древними авторами, на современной карте ничего (исключая синдов) не получилось. Границы меотской культуры очерчивают обширную территорию с 11—12 локальными группами[13]. На юге рубежом служил северный склон Кавказского хребта, на востоке граница доходила до Ставропольского плато (возле нынешней станицы Темижбековской), на западе — до моря. Выделяются памятники дельты Дона со своеобразными чертами, сближающими их с памятниками скифов и сарматов. Вероятно, эту территорию в I в. до н. э. заселило меотское племя язаматов, не подчинявшееся боспорским правителям.

О занятиях меотов сохранился обширный материал. Грекам они известны как рыбаки. Многочисленные протоки, заросшие камышом, реки и каналы были удобны для рыбной ловли. Грузила от сетей, мощные прослойки из рыбьей чешуи и рыбьих костей — обычные находки на меотских поселениях. Благоприятные климатические условия и широкие степные просторы между реками способствовали развитию земледелия и скотоводства. Меоты вели в

основном оседлый образ жизни. А их передвижения обусловливались воздействием степных племен, особенно в приграничье. Археологами установлено, что меоты сеяли бобы, горох, пшеницу мягких сортов, яровой ячмень и просо, выращивали лен. Урожай хранили в обмазанных изнутри глиною ямах либо в огромных глиняных сосудах-пифосах. Хлеб из Меотиды играл значительную роль в торговых операциях Боспорского царства со Средиземноморьем.

Укрепленные городища возникли у меотов в VI в. до н. э. Они сооружались на высоких террасах рек, центральная цитадель усиливалась подковообразным рвом. Заметна упорядоченность их размещения: на правобережье Кубани они сконцентрированы в гнезда по 8—15 городищ. Дома возводили из вязанок камыша, обмазывая снаружи конструкцию глиной. Диодор Сицилийский описал одно из таких городищ — резиденцию царя фатеев Арифарна: «Крепость стояла у реки Фат, которая обтекала ее и вследствие своей значительной глубины делала неприступной; кроме того, она была окружена высокими утесами и огромным лесом, так что имела всего два искусственных доступа, из которых один, ведший к самой крепости, был защищен высокими башнями и неприступными укреплениями, а другой, с противоположной стороны, находился в болотах и охранялся палисадами, здание же было снабжено прочными колоннами, так что жилые помещения оказывались над водой»[14].

Распространенность каменного строительства — одна из особенностей синдских городищ. Крупнейшее из них Семибратнее возникло в конце VI — начале V в. до н. э. Позднее возвели мощные оборонительные стены высотою 3—4 м, сложенные из плит известняка с черновой отеской. Крепостные сооружения дополнялись прямоугольными башнями, выступающими за линию стен, что позволяло поражать осаждающего неприятеля с флангов. Свое название городище получило благодаря семи огромным курганам в его окрестностях. Они были раскопаны еще в конце прошлого века, но четыре из них, в том числе самый грандиозный — высотою 15 м, оказались ограбленными.

Археологический материал является свидетельством могущества синдской знати. Курганные насыпи скрывали гробницы из камня и сырцового кирпича. При погребенном имелся полный набор вооружения (чешуйчатые панцири, один из них украшен головой Медузы Горгоны, мечи, много наконечников стрел). В отдельных камерах либо в гробнице лежали отгороженные досками скелеты лошадей с бронзовыми и железными уздечными наборами. Бóльшая часть погребального инвентаря греческого происхождения: серебряные чаши, амфоры, чернолаковая керамика, оружие. Многочисленные золотые украшения, выполненные в скифском зверином стиле, — изделия боспорских мастеров.

Это была синкретичная, но более варварская по своему расточительному изобилию и кровавым жертвоприношениям культура. В ней отразились пышные погребальные обряды скифов, возвращавшихся из походов в Переднюю Азию и оставивших на землях меотов захоронения своих вождей (Келермесские, Костромские и Ульские курганы). В Келермесской курганной группе выявлен раннемеотский грунтовый могильник второй половины VII — начала VI в. до н. э.[15].

Захоронения в Семибратних курганах датируются серединой V — началом IV в. до н. э. В то время синды были наиболее развиты в социально-экономическом отношении среди меотов и потому наиболее восприимчивы к эллинизации. Вероятно, в конце V в. до н. э. они уже чеканили собственную монету, но на монетном дворе одного из греческих городов. Надпись на оборотной стороне монет свидетельствует, что у синдов существовало государство.

А спустя полвека богатые захоронения появились и у других меотских племен. Они отражены в курганах Елизаветинского могильника (Восточное Приазовье), Карагодеуахшском и Курджипском в Закубанье. Эллинизация охватывала все более широкие слои населения. Отсюда — обилие греческих изделий в рядовых погребениях (могильники Усть-Лабинский, Начерзий, Лебеди III). Античное влияние вообще оставило там глубокий след в сфере производства. К IV в. до н. э. у меотов получил распространение гончарный круг. Изготовление сероглиняной кружальной посуды приняло постепенно массовый характер, зачастую копировались греческие сосуды — ойнохои, канфара, разнообразные вазочки.

Об одежде меотов можно судить по изображениям на ювелирных изделиях и по каменным статуям. Некоторое представление о ней дают материалы курганов. В 6-м кургане Семибратней группы, в резном саркофаге на точеных ножках рядом с погребенным найдены остатки меховой шапки, на его груди — две золотые застежки и многочисленные бляшки в виде головы Медузы или сидящего сфинкса (ими был расшит несохранившийся кафтан, чей покрой прослеживается на каменной статуе в Краснодарском городском музее и по изображению мужских фигур на золотом колпачке из Курджипского кургана). Кафтан имел длинные рукава, полы запахивались одна на другую, образуя на груди косой угол. Меоты носили также просторные шаровары и короткие сапоги. Одежда воина, изображенного на золотом

колпачке, покрыта точечным орнаментом, имитирующим вышивку бисером либо бляшки; борта кафтана подбиты мехом. Этнографические детали прослеживаются и на скульптурных изображениях синдов. Виден неэллинский тип персонажей: широкое лицо с короткой пушистой бородой и усами, длинные волосы, местное оружие. На ранних образцах синдских скульптурных надгробий изображены воины в высоких шапках и плащах до бедер. У полуфигуры воина, найденной на берегу Ахтанизовского лимана, под плащом заметна широкая полоса с ребристой поверхностью — часть скрытого под тканью доспеха[16].

Важны сопутствующие обстоятельства, связанные с данной скульптурой. Она и ряд других обнаружены в фундаменте постройки I в. до н. э., возведенной сарматами-аспургианами в годы борьбы с боспорскими царями. Испытывая недостаток в камне, они использовали для строительства надгробные памятники синдских некрополей. Это было не первое вторжение сарматов в земли меотов. На рубеже VI—V и в начале IV в. до н. э. в Южном Приуралье формируется прохоровская культура как общесарматская. Появились сильные племенные объединения, передвигавшиеся на Северный Кавказ и в Скифию[17] несколькими волнами. Так, соседом меотов оказалось в конце IV в. до н. э. сарматское племя сираков. Однако смены основных элементов хозяйственного уклада и культуры под напором пришлых сарматских племен не произошло. В Прикубанье по-прежнему доминировали традиции оседлого населения. Прослеживаются лишь изменения в погребальном обряде и в меотском керамическом комплексе, что свидетельствует о сарматской части населения.

На рубеже н. э. усилилось влияние сармато-меотских племен на Боспорское государство. Правитель дандариев Олфак помогал Митридату Евпатору в борьбе с Римской империей[18]. А в первые три века н. э. несколько раз у власти находились правители с именем Савромат (то есть сармат). Показательно и применение на Боспоре сарматских тамгообразных знаков в качестве царских эмблем. После подчинения Боспора Римом у меотов появились антиримские настроения. И в I в. н. э. они поддержали попытку отложиться от Рима, предпринятую Митридатом VIII. Однако брат Митридата, которого император Клавдий объявил с хитрой целью царем Боспора, и глава римских войск Аквила воспользовались несплоченностью сарматов и заключили союз с царем аорсов Евноном. Военные действия развернулись на Кубани. Римляне и аорсы оттеснили Митридата, захватили г. Созу, вторглись в области сираков и осадили г. Успу, находившийся в трех днях пути от Танаиса (древнее название Дона). Жители Успы были беспощадно истреблены[19].

Когда же в III в. города Боспора, оставшиеся беззащитными, подверглись готскому разгрому, а в IV — начале V в. тут прошли гунны, большие территории с оседлым населением обезлюдели и стали сферой господства кочевых алан, болгар и тюркотов. Только в Закубанье сохранились традиции земледельцев на базе прочной оседлости адыгов (обитатели Гатлукайского, Пшекуйхабльского, Ново-Вочепшиевского и других городищ IV—V вв.)[20]. Меоты же исчезли. И только в средневековых хрониках Азовское море долго еще называлось Меотидой.

Примечания

1. PLIN. Hist. nat. IV, 88.
2. БЛАВАТСКИЙ В. Д. Древнейшее свидетельство о Синдике. — В кн.: Античная археология и история. М. 1985, с. 55—58.
3. POLYEN. VII, 55.
4. ГАЙДУКЕВИЧ В. Ф. Боспорское царство. М.—Л. 1949, с. 60.
5. ЛЕСКОВ А. М. Курганы: находки, проблемы. Л. 1981, с. 76, 84—86.
6. МАСЛЕННИКОВ А. А. Население Боспорского государства в VI — II вв. до н. э. М. 1981, с. 26—27.
7. ТРУБАЧЕВ О. Н. О синдах и их языке. — Вопросы языкознания, 1976, № 4, с. 51.
8. КЛЕЙН Л. С. Откуда арии пришли в Индию. — Вестник Ленинградского университета, 1980, вып. 4, № 20, с. 35 сл.
9. ШЕВЧЕНКО А. В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы. — В кн.: Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л. 1986, с. 205.
10. ШАРАФУТДИНОВА Э. С. Раскопки в зоне Краснодарского водохранилища. — В кн.: Археологические открытия в 1984 году. М. 1986, с. 111.
11. ЧЕРНЫХ Е. Н. Спектральные исследования бронзовых предметов из Николаевского могильника (предварительный отчет). — В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп. 1972, с. 62.
12. КРУПНОВ Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М. 1957, с. 8.

13. КАМЕНЕЦКИЙ И. С. Локальные варианты меотской культуры. — В кн.: Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Ч. 1. Баку. 1985, с. 162—165.
14. DIOD. XX, 22.
15. ГАЛАНИНА Л. К. Раскопки Келермесских курганов. В кн.: Археологические открытия в 1982 году. М. 1984, с. 113.
16. СОКОЛЬСКИЙ Н. И. К вопросу о синдской скульптуре. В кн.: Культура античного мира. М. 1967, с. 193 сл.
17. СМИРНОВ К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства. М. 1984, с. 117 сл.
18. PLUT. Mithr., 16.
19. TAC. Ann., XII, 15—18.
20. АНФИМОВ Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар. 1958, с. 89; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. 1988, с. 95.

Библиотеки Древнего Рима

А. И. Немировский

Образ Древнего Рима в проявлениях его культуры и бытовой повседневности обычно складывается из таких «дежурных» элементов, как водопровод, бани, амфитеатр, цирк, форум. Можно еще добавить театр, храм, императорский дворец. Библиотеки же в обыденном представлении — нечто чужеродное воинственному Риму. Они прочно ассоциируются с просвещенной Грецией, а также с эллинистической Александрией, ее Музеумом и величайшим книгохранилищем древности. Между тем, читая произведения римских авторов конца республики и первых двух столетий империи, убеждаешься, что в то время библиотеки уже прочно вошли в римскую жизнь, и римляне не мыслили своего существования без них.

История библиотек — одна из наименее изученных сторон древнеримской культуры. В значительной степени это объясняется состоянием источников, прежде всего утратой обобщающего сочинения римского эрудита Марка Теренция Варрона «О библиотеках». Но известно, когда и как появилось в Риме первое крупное книжное собрание. 23 июня 168 г. до н. э. в битве при Пидне римские легионы разгромили считавшуюся непобедимой македонскую фалангу и вскоре после того пленили последнего царя Македонии Персея[1]. Демонстрация захваченных победителями сокровищ во время триумфа консула Эмилия Павла заняла три дня. Библиотека македонских царей также была перевезена в Рим, но не разделила судьбу других трофеев и стала собственностью сыновей триумфатора, впоследствии знаменитых полководцев.

Плутарх подчеркивает бескорыстие Эмилия Павла: «Он даже не пожелал взглянуть на груды серебра и золота, но передал все квесторам для пополнения общественной казны и только разрешил сыновьям, большим любителям книг, забрать библиотеку себе»[2]. Однако Эмилий Павел и не мог принять иного решения, поскольку в те годы в Риме не было ни публичных библиотек, ни специальных помещений для хранения книг. Видимо, книги не казались тогда особой ценностью. Иначе бы щепетильный римлянин не решился на такой шаг, который мог бы бросить на него тень.

В том же году, когда состоялся триумф Эмилия Павла, в Италию согласно решению сената были депортированы выдающиеся деятели Ахейского союза, обвиненные в сочувствии Македонии[3]. На кораблях была доставлена 1 тыс. ахейцев, и 999 из них разместили в городах Этрурии, вдали от моря. Но один ахеец, сын Ликорты Полибий родом из Мегалополя, начальник конницы Ахейского союза, оказался в Риме, где он провел 17 лет, став близким другом Корнелия Сципиона Африканского (сына Эмилия Павла)[4].

Немировский Александр Иосифович — доктор исторических наук, профессор.

Изучение биографий крупных историков древности выявляет удивительную особенность: большинство из них стало историками не у себя на родине, а в изгнании. Изгнанниками были Геродот, Фукидид, Тимей, автор «Всеобщей истории» в 38 книгах, многие другие. Объяснить это можно тем, что политическая деятельность на родине не оставляла им времени для занятия историей. К тому же последнее для большинства изгнанников означало продолжение политической деятельности, способом ее оправдания и обвинения тех, кого они считали виновниками изгнания.

Полибий в этом ряду изгнанников не был исключением. Он продолжал считать себя политиком и полагал, что историей может заниматься только государственный деятель. Продолжив «Всеобщую историю» Тимея, он резко и подчас несправедливо критиковал своего предшественника. Сравнивая себя с ним в плане использования источников, Полибий отмечал, что Тимей пользовался только книгами, не прибегая к расспросам очевидцев; «легко понять, почему он сделал такой выбор: из книг можно черпать знания, не подвергая себя опасностям или лишениям; достаточно постараться жить в городе, в изобилии располагающем историческими сочинениями, или иметь поблизости библиотеку»[5].

Будь Полибий сослан в один из этрусских городов, как его товарищи по несчастью, он не смог бы стать историком. Однако он не мог быть им также в том случае, если бы в Рим одновременно не попала библиотека царей Македонии и не оказалась в доме его учеников, сыновей Эмилия Павла. Указанием на то, что Полибий пользовался бывшей библиотекой Персея, служит и упоминание в его «Всеобщей истории» историков и поэтов, воспевавших подвиги македонских царей или даже живших при их дворе. Сочинения этих историков и поэтов написаны до 168 г. до н. э. и вполне могли находиться в библиотеке. Многочисленные отсылки Полибия к историкам эллинистической эпохи — вообще свидетельство того, что он штудировал их произведения и черпал из них материал, хотя и подвергал его критической проверке.

Появление библиотеки македонских царей в Риме стало фактом большого культурного значения. Без нее не была бы создана «Всеобщая история» Полибия, которая, даже написанная по-гречески, воспринималась как первая история Рима и Италии, пришедшая на смену примитивным «Анналам» — погодным изложениям. Не случайно Цицерон называл мегалопольца «наш Полибий», а римский историк Тит Ливий в изложении эпохи Пунических войн и завоеваний Рима на Востоке всецело зависел от труда Полибия.

«Открытый» Эмилием Павлом путь обогащения Рима книжными сокровищами побежденных народов использовался потом и другими римскими полководцами. В 70 г. до н. э. Лициний Лукулл, победив сильного противника Рима Митридата VI Евпатора, перевез его библиотеку из Синопы в Рим[6], причем предоставил ее всем желающим, и греки приходили туда, «словно в обитель муз». Митридат VI был широко образованным человеком, воспитанным греческими учителями. В его библиотеке помимо книг по греческой истории и философии (каковые имелись в любой греческой библиотеке) находились книги авторов, живших при дворе Митридата и воспевавших его деяния, в частности Феофана из Митилены, Гипсикрата, Метродора из Скепсиса, а также сочинения историков Причерноморья.

Книжными сокровищами Митридата, ставшими собственностью Лукулла и его наследников, пользовался историк и географ Страбон, живший подолгу в Риме и вращавшийся в римском обществе. Правда, он приехал в Рим в 44 г. до н. э., через 12 лет после смерти Лукулла, но библиотека перешла к сыну последнего. Труды Феофана и Гипсикрата стали для Страбона главным источником при изложении истории Кавказа, Боспорского царства и походов Помпея[7]. Возможно, к той же библиотеке обращался римский историк времен императора Августа Помпей Трог, сочувственно относившийся к Митридату.

В 86 г. до н. э. в Рим попала библиотека Аристотеля и его ученика Теофраста. Аристотель завещал ему свое собрание книг, ибо тот тоже был крупным ученым. А он передал перед смертью библиотеку своему ученику Нелею, который перевез ее в пергамский город Скепсис и оставил там ее людям малообразованным, довольно своеобразно понявшим право собственности. Узнав, что цари Пергама Атталиды разыскивают книги для своей библиотеки, они зарыли книги Аристотеля и Теофраста в землю. Вскоре эту библиотеку, вырытую из земли, испорченную плесенью и изъеденную червями, приобрел за большую сумму книголюб Апелликон и перевез в Афины, которые захватил римский полководец Корнелий Сулла. Апелликон, как и многие афиняне, во время осады умер от голода. Сулла воспользовался этим и перевез его библиотеку в Рим, где она попала в руки почитателя Аристотеля, грамматика Тираниона[8].

Так Рим к середине I в. до н. э. собрал крупные библиотеки. Но они принадлежали частным лицам. Это затрудняло доступ к литературе. Цезарь, побывавший в Александрии и ставший косвенно виновником уничтожения части Александрийской библиотеки, в конце своей

жизни вынашивал план создания в Риме публичной библиотеки[9]. Этот план удалось осуществить спустя пять лет после гибели Цезаря полководцу, оратору и историку Азинию Поллиону. Библиотеку поместили в храме Свободы, где происходили публичные чтения новых произведений. Позднее приемный сын Цезаря Октавиан Август основал публичную библиотеку в портике, возведенном в честь сестры Августа Октавии. Приведение в порядок книг и заведование библиотекой было поручено вольноотпущеннику Гаю Мелиссу из Сполеция. В год извержения Везувия (79 г. н. э.) этот портик Октавии вместе с книгами сгорел[10].

В 28 г. до н. э. Август воздвиг на Палатинском холме храм Аполлона и пристроил к нему два портика для греческих и латинских книг. Впоследствии эти залы стали местом сбора сенаторов[11]. А библиотеку при храме Августа основал его преемник император Тиберий. О ней известно, что в библиотечном зале находилась та статуя Аполлона, о которой в свое время с восхищением отзывался Цицерон[12]. Сохранились также сведения об основанной императором Веспасианом библиотеке при храме Мира и о библиотеке в храме Траяна[13].

Со времен Августа в Италии наряду с публичными библиотеками появились и частные книгохранилища, причем едва ли не в каждом доме сенатора или всадника. Архитектор Витрувий, рассматривая вопрос о наилучшем расположении частей дома, считает библиотеку одной из обычных комнат: «Спальни и библиотеки должны выходить на восток, потому что их назначение требует утреннего света, а также для того, чтобы не портились книги. Ибо в библиотеках, выходящих на юг и на запад, в книгах заводятся черви и сырость, так как их порождают и питают доносящиеся сюда сырые ветры и, наполняя свитки влажным дуновением, покрывают их плесенью»[14]. Известны домашние библиотеки Цицерона, его брата Квинта, их друга богача Помпония Аттика, организовывавшего переписку и продажу книг, поэта Авла Персия Флакка, владельца 700 книг[15].

В подборе книг римскими библиофилами сказывались специфические интересы: философия, сельское хозяйство, медицина, поэзия, история. Уже тогда некоторые считали собирание книг способом вложения капиталов или средством пустить пыль в глаза. «Для многих, — писал Сенека, — исключая образованных рабов, книги являются не предметом изучения, а способом украшения помещений. Эти люди покупают книги, насколько позволяют им средства, а не сколько им требуется»[16]. Примечательна оговорка о рабах: они не могли быть покупателями большого количества книг из-за недостатка средств, но и не стремились к этому. Для рабов интеллигентных профессий — медиков, грамматиков, секретарей, философов — книга являлась хлебом насущным.

Сатирик Лукиан написал трактат «Неуч, покупающий много книг», в котором вывел невежду, желающего прослыть ученым, но самим способом собирания книг и поведением изобличающего собственную глупость. «Ведь обезьяна есть обезьяна, — гласит пословица, — надень на нее хоть золотой ошейник. Так вот и ты постоянно держишь в руках книгу и читаешь ее, но из прочитанного ничего не понимаешь и оказываешься тем ослом, который слушает игру на лире и хлопает ушами»[17].

Книги в частных библиотеках размещались в шкафах с полками, с ячейками или в особых ящиках. На одном из саркофагов изображен покойный, сидящий в кресле с высокой спинкой перед шкафом со свитками, в руках он держит свиток[18]. На шкафах или на полках в библиотеках стояли бюсты писателей и ученых Гомера, Эсхила, Менандра, Архимеда, изображения Минервы и муз — покровительниц различных искусств и отраслей знаний.

Уход за книгами, составление каталогов и пр. поручались обычно рабам или вольноотпущенникам. Их называли либрариями (от лат. «либер» — книга) и библиотекарями (от греч. «библос» — книга). Кроме вышеупомянутого Гая Сполеция известны по именам свободные лица — библиотекарь Нерона и его преемников Дионисий из Александрии и библиотекарь императора Адриана Юлий Вестин[19].

Римские библиотеки известны не только из сообщений древних авторов, но и по археологическим материалам. Эллинофил Адриан распорядился построить в Афинах монументальную библиотеку со 100-колонным портиком. В ходе раскопок были обнаружены ее остатки — стены с нишами для книг. Плиний Младший сообщает о библиотеке в вифинском городе Прусе, основанной оратором Дионом Хризостомом. Раскопки выявили строение высотой 16 м и с залом 16,5 на 11 м, в стенах которого имелось 30 ниш. Они могли вместить 14 400 свитков. В библиотеку вела широкая лестница, выходившая в вестибюль с тремя дверями[20].

Хорошо сохранилось монументальное здание библиотеки в североафриканском городе Тимгаде, сооруженное около 200 года. Полукруглый зал площадью 24 кв. м был приспособлен и для занятий читателей, и для хранения свитков. Между колоннами имелись ниши для книг и для статуй. К читальному залу примыкали прямоугольные комнаты и еще два небольших помещения, в которых тоже могли храниться книги[21]. Сохранившиеся здания библиотек Древнего Рима позволяют понять организацию библиотечного дела.

Но в одном случае сохранились даже книги: в августе 79 г. н. э. в результате извержения Везувия погибли три города, находившиеся у его подножия: Помпеи, Геркуланум и Стабии. Во время хищнических раскопок Геркуланума, лежавшего под слоем грязевых потоков, в 1752 г. на глубине 27 м было обнаружено помещение, из которого извлекли 1750 обуглившихся свитков. Владельцем дома, получившего название «Вилла свитков», оказался один из потомков того политического деятеля Кальцурния Пизона, против которого выступал обвинителем Цицерон. Из речи «Против Пизона» известен друг обвиняемого, ученый грек Филодем.

Большинство найденных в 1752 г. свитков из-за неосторожности пропало для науки, но пара сотен папирусов стала известна по авторам, названиям и частично по содержанию. Автором большинства оказался Филодем. В библиотеке находились его сочинения «Об Эпикуре», «О стоиках», «О риторике», «О поэзии», «О богах», «О благочестии», «О музыке», «О знаках и обозначаемых ими»[22]. Стало ясно, что Филодем был философом-эпикурейцем. Выступая против стоиков, он считал их учение о божественном промысле предрассудком, оказывающим пагубное влияние на людей. Видимо, в школе Филодема обучался Лукреций, автор замечательной философской поэмы «О природе вещей».

Чтение папирусов с текстами произведений Филодема и других авторов, главным образом древних философов, в XVIII в. сталкивалось с такими трудностями, что по образцу средневековой поговорки «Этрусские! Не читаются» возникло выражение «Филодем! Не читается». Ныне оно стало анахронизмом. Использование современных технических средств и прогресс папирологии в целом позволили исследователям, группирующимся вокруг Неаполитанского интернационального центра, издать ряд сочинений Филодема, ранее считавшихся нечитаемыми.

Примечания

1. PLUT. Aem. Paul., 18—22.
2. PLUT. Aem. Paul., 28.
3. PAUS. VII, 10.
4. POLYB. XXXII, 9—10.
5. POLYB. XII, 27.
6. PLUT. Luc., 42.
7. РОСТОВЦЕВ М. И. Скифия и Боспор. Л. 1925, с. 142.
8. STRABO. XIII, 54.
9. SUET. Caes., 22; SUET. Aug., 29.
10. SUET. III. Gramm., 21; DIO CASS. LXIV, 24; LXVI, 24; LXIX, 43.
11. SUET. Aug., XXIX; DIO CASS., LIII, 1.
12. SUET. Tib., 24; CIC. Verr., IV, 53, 119.
13. GELL A. V, 21; XI, 17; XVI, 8, 2; VOPISC. Prob., 2; DIO CASS. LXVIII, 16.
14. VITR. De arch., VI, 7.
15. CIC. Ad Att. I, 7, 10; IV, 5, 14; XIII, 31, 32.
16. SEN. Tranq., IX.
17. ЛУКИАН. Собр. соч. Т. II. М.—Л. 1935, с. 562.
18. SAGLIO E. Bibliotheca. — Dictionnaire des antiquités. T. 1. P. 1875, p. 708.
19. Ibid., p. 709.
20. EUS. Chron., 227; OL. XVI; CALLMER Ch. Antike Bibliotheken. — Acta Instituti Romani regni Sueciae, t. 10, 1944, № 3, pp. 168, 173.
21. CALLMER Ch. Op. cit., p. 108.
22. МАКОВЕЛЬСКИЙ А. Древнегреческие атомисты. Баку. 1946; COMPARETTI DI PETRA D. La villa ercolanese dei Pisoni. Napoli. 1883; GIGANTE M. I paperi ercolanesi oggi. Napoli. 1983; La Villa dei Papiri. Napoli. 1983.

ИСТОРИОГРАФИЯ

D. KOENKER, W. ROSENBERG. *Strikes and Revolution in Russia, 1917.* Princeton University Press. 1989. 393 + XIX p.

Д. КЁНКЕР, В. РОЗЕНБЕРГ. *Стачки и революция в России в 1917 г.*

В книге американских историков Д. Кёнкер (Иллинойский университет) и В. Розенберга (Мичиганский университет) исследуется воздействие стачечного движения рабочих на революционый процесс в России. Авторы рассматривают стачки как «интегральный показатель», связанный с настроением рабочих масс и обстановкой в стране. В работе прослеживаются изменения, происшедшие в направленности и характере стачек с 3 марта по 25 октября 1917 года.

Методика исследования стачек была уже апробирована Кёнкер в ве первой монографии[1]. В дальнейшем она была усовершенствована: существенно расширена информационная база первичных карточек учета стачек, количество реквизитов увеличено с 12 до 86 (с. 339—341). В ЭВМ закладывались формализованные данные об экономическом потенциале и стачках по каждой губернии и отрасли промышленности (соответственно 80 и 47 показателей — с. 341—345). Кёнкер и Розенберг составили 38 таблиц и 11 диаграмм, отражающих различные стороны стачечного движения в России с 1912 по 1917 г. включительно, широко использовали материалы компьютерного банка данных при Мичиганском университете.

Ими были выявлены сведения о 1019 стачках, из которых только 707 были зафиксированы фабричной инспекцией (с. 68—69). Остальные данные о 312 стачках взяты из материалов центральной прессы и опубликованных документальных сборников (с. 331—332). По 784 стачкам (77%) имеются сведения о требованиях бастующих. Авторы утверждают, что 975 стачек экономического характера охватили 2470 предприятий (среди них ряд коллективных и отраслевых стачек, включая и повторные) и 1,8 млн. стачечников. Политических стачек было выявлено только 44 (14 произошли на отдельных предприятиях, а 30 коллективных охватили 493 предприятия, 578 тыс. рабочих, или 24% общего числа забастовщиков, — с. 66—68).

Многие западные историки считают, как указывают авторы, что стачки в основном приходятся на время экономического роста, в них участвовали по большей части высокооплачиваемые рабочие, стремившиеся улучшить свое материальное и правовое положение. Стачки в основном способствовали укреплению стабильности в обществе, предотвращая более радикальные социальные конфликты, особенно в том случае, когда забастовки были признаны законом и обществом[2]. Другие авторы рассматривают стачки как своеобразный индикатор широких политических и социальных изменений в обществе, как составную часть процесса индустриальной модернизации, технологических изменений[3]. Некоторые исследователи обращают главное внимание на связь стачек с изменениями в экономической конъюнктуре и подчеркивают, что забастовок можно было избежать, если бы правительство проводило более реалистическую политику[4]. Наконец, ряд историков подходит к стачкам как к своеобразному политическому феномену, средству давления на власти, мощному инструменту политических действий рабочего класса, прибегающего к ним, когда другие легальные формы воздействия не приносят ожидаемых результатов (с. 8—10)[5].

Ценным в монографии является то, что стачки в России рассматриваются в сопоставлении с Великобританией, Германией, Францией и США (с. 11—13, 25—26, 44, 53, 60, 79, 81, 259). Особое внимание уделяется влиянию первой мировой войны на стачечное движение. Стачки российских рабочих рассматриваются как часть рабочего движения в основных воюющих державах и вместе с тем как логическое продолжение пролетарской борьбы в России с 1912 года. В книге прослеживается зависимость стачечной активности от размера предприятий. По мнению авторов, основную часть стачечников — 63,8% — дали крупнейшие (свыше 1 тыс. рабочих) предприятия, где было сосредоточено 45,5% всех промышленных рабочих, из которых каждый бастовал в среднем 1,4 раза (с. 310).

Региональный анализ позволил существенно уточнить вопрос о роли рабочих Петрограда. Подсчеты авторов показыеают, что в Москве в 1917 г. произошло около 25% всех зафиксированных стачек, охватывающих 18,4% стачечников, тогда как в Петрограде — только 12,4% стачек, в которых приняло участие 16,5% забастовщиков (с. 88, 312). В Москве приходилось 12 стачек на 10 тыс. рабочих, а в Петрограде всего лишь 3,3; в среднем петроградский рабочий участвовал в стачках почти в два раза меньше, чем рабочий в Москве. Однако данное обстоятельство, по мнению авторов, не умаляет роль Петрограда, где были сосредоточены органы центральной власти, руководство общественных и политических организаций. Кёнкер и Розенберг считают, что стачечное движение в Петрограде самым непосредственным образом испытывало влияние со стороны руководстеа Советов и Временного правительстеа: политическая активность (стачки-демонстрации) в центре оттесняла экономические мотивы (с. 313—314).

Авторы рассматривают вопрос об авангардных слоях в стачечном движении. Западная историография в прежнее время игнорировала эту проблему; утверждалось даже, что рабочие, склонные к стачкам, представляют собой скорее не авангард, а арьергард рабочего движения. Пожалуй, лишь Дж. Кип признавал авангардную роль металлистов, а Э. Шортер и Ч. Тилли указывали на то, что вопрос об авангардных отрядах забастовщиков должен рассматриваться с учетом связи забастовок и политической активности рабочих[6].

Исследуя стачки в России в 1917 г., Кёнкер и Розенберг приходят к выводу о невозможности выделить авангард рабочего класса. Можно только отметить, что среди забастовщиков доминировали металлисты — 42,7%, затем шли текстильщики — 33,1% и кожевники — 10,9%. Но по стачечной интенсивности (соотношение числа стачек и общего числа рабочих е отрасли) лидироеали кожевники — 193,2%, шахтеры — 148,8%, а металлисты были на третьем месте — 97,4%. По числу бастующих на одну стачку впереди шли шахтеры — 6836 бастующих, затем текстильщики — 3720 и металлисты — 3500 (с. 80, 301).

Кёнкер и Розенберг разделяют взгляды тех западных ученых, которые считают, что грамотность, чтение прессы, дружеские связи, традиции и т. д. выделили в различных отраслях особый слой рабочих. Роль «ведущих пролетарских элементов» в 1917 г. играли те рабочие, которые активно участвовали в работе профсоюзов, фабзавкомов, местных Советов, партийных ячеек и т. д. Именно здесь, как полагают авторы, наглядно проявляется роль большевиков. Но при этом данный революционный авангард необходимо отличать от всей массы активных участников стачек (с. 301—302). Квалифицированные рабочие в 1917 г. дали только 25% стачечников, а малоквалифицированные — основную их массу — 73% (с. 308).

К сожалению, авторы ограничились лишь архивными данными фабричной инспекции из фондов ЦГИА СССР (ф. 23), ЦГАОР СССР (ф. 4100), материалами центральной периодики и опубликованными документальными материалами. Но эти источники имеют отрывочный и неполный характер. Они, образно говоря, представляют собой лишь верхушку айсберга огромного массива сеедений о стачках, которые сохранились в архивах. Богатейшие материалы местных архивов промышленных центров страны остались вне поля зрения авторов. Ограниченный круг источников не позволил Кёнкер и Розенбергу выявить, например, стачки на мелких предприятиях, казенных заводах и на транспорте, которые не подпадали под надзор фабричной инспекции.

В книге отсутствует хроника стачек. Имеет место и определенный разнобой в цифровых показателях. Так, в одном случае сказано, что в Москве в 1917 г. в 247 стачках участвовало 450 тыс. стачечников, в другом, что в 211 стачках — 379 тыс., а в третьем, что в 200 стачках — 182 тыс. рабочих (с. 88, 313, 321). Авторы пишут, что в 1917 г. бастовало 2 млн. 441 тыс. человек (с. 68). По данным же советских исследователей, только в сентябре—октябре 1917 г. в стачках участвовало 2,4 млн. рабочих, а всего в России между двумя революциями 1917 г. бастовало 3,8 млн. рабочих. Видимо, авторы не учли массовые политические стачки, например общегородскую стачку 400 тыс. московских рабочих 12 августа 1917 года.

Само название книги — «Стачки и революция в России в 1917 г.» — требует, чтобы были учтены стачки, происходившие во время Февральской и Октябрьской революций. Это, очевидно, повлияло бы на установление соотношения экономических и политических выступлений, позволило бы полнве рассмотреть роль массовых политических стачек в этих революциях.

Стачки е России были тесно связаны с кризисом всей российской экономики и положением трудящихся России. Вот почему исследование экономического положения рабочих только на основе данных государственной статистики по индексам официальных цен на нормированные виды товаров (с. 54, 187, 172) не является полным. Необходимо учитывать реальные розничные цены, включая и те, что были на черном рынке. Вызывают, в частности, сомнение данные на с. 54, согласно которым реальная зарплата рабочих с 1913 по 1916 г. включительно имела устойчиеую тенденцию к некоторому повышению, что может создать впечатление, будто отсутствовали серьезные экономические причины для участия рабочих в революционных событиях.

Авторы оказались в плену официальной статистики максимума розничных цен. Но рабочие приобретали основные товары переой необходимости по реальным розничным рыночным ценам. Фактически жизненный уровень рабочих крупнейших промышленных центров России накануне Февральской революции по сравнению с 1913 г. упал до критической черты и уже не мог компенсировать трудовые затраты рабочих. Именно тяжелое материальное положение, наряду, разумеется, с другими факторами, стало почвой для массового стихийного социального езрыва в феврале 1917 года. В этом в значительной степени и заключалась та «специфичность» и «уникальность» исторической ситуации в России (с. 61, 318), о которой пишут авторы.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что война до предела истощила военно-экономический потенциал России. Экономика страны буквально развалилась под бременем сверхмилитаризации. В наибольшей степени экономический хаос охватил Петроград, Москву и другие крупные промышленные центры и ударил по рабочим крупных и крупнейших оборонных предприятий. Налицо была реальная угроза массового локаута. Обозначилась перспектиеа военного разгрома и национальной катастрофы. Мощная волна массового стачечного движения в сентябре—октябре 1917 г., составившая основу революционного процесса, смела праеительство, неспособное решить коренные проблемы, стоявшие перед страной.

Монография американских ученых содержит богатый фактический материал, который позволяет существенно углубить представления о сложных и противоречивых процессах, которые происходили е 1917 г. в широких слоях российских рабочих.

И. М. Пушкарева, А. И. Степанов

Примечания

1. KOENKER D. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton. 1981.
2. ENGELSTEIN L. Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict. Stanford. 1982; BONNELL V. Roots of Rebellion: Workers Politics and Organization in St. Petersburg and Moscow, 1900—1914. Berkeley. 1983; HAIMSON L., PETRUSHA R. Two Strike Waves in Imperial Ruesia (1905—1907, 1912—1914) N. Y. 1989; SURH G. 1905 in St. Petersburg; Labor, Society, and Revolution. Stanford. 1989.
3. ROSS A. M., HARTMAN P. T. Changlng Pattems of Industrial Conflict. N. Y. 1960; LOCKWOOD D. Source of Variation in Working-Class Image of Society. — Sociological Review, 1966, No. 14.
4. HICKS i. P. The Theory of Wages. N. V. 1948; KENNAN J. The Economics of Strikes. In: Handbook of Labor Economics. Vol. 1. Amsterdam. 1986, p. 1091—1134.
5. SHORTER E., TILLY C. Strikes in France, 1830—1968. Cambridge. 1974; TILLY C. From Mobilization to Revolution. Massachusetts. 1978.
6. KEEP J. L. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. N. Y. 1976, p. 69; SHORTER E., TILLY C. Op. cit.

Дж. ГОРСЕЙ. *Записки о России: XVI — начало XVII в.* М. Издательство Московского университета. 1990. 288 с.

Аетор «Записок о России» — служащий английской купеческой Московской компании Джером Горсей — выполнял в 1580—1591 гг. отдельные дипломатические поручения русского и английского дворов. Рецензируемое издание содержит три его сочинения: «Путешествия сэра Джерома Горсея», «Торжественная и пышная коронация Федора Ивановича, царя русского и проч.», «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея»[1]. В «Записках» приводятся важные сведения о политической борьбе в царствование Ивана Грозного, Федора Ивановича и Бориса Годунова, о земских соборах, развитии русско-английских отношений в конце XVI века.

Существуют три перевода «Записок» Горсея на русский язык. Два из них (Н. А. Белозерского и Ю. В. Толстого) выполнены в досоветский период на основе публикации Э. Бонда (1856 г.), наиболве точно передающей транскрипцию подлинника. Текст сочинений переводился тогда в качестве литературного памятника, что сопровождалось сглаживанием «неаккуратного» синтаксиса и «очищением» слоеаря Горсея. Это привело во многих местах к смысловым искажениям.

Последний перевод выполнила в 1974 г. А. А. Севастьянова. В основу вго легло американское издание «Путешествий» (1968 г.), однако при подготовке рецензируемой книги предпочтение было отдано все же изданию Бонда. При этом были исправлены ошибки и неточности, обнаруженные в прежних переводах. Тем не менее использование публикаций вместо обращения к рукописи (в подлиннике или фотокопии), хранящейся в Британском музее, не придает авторитета новому изданию. Это можно показать на примере рассказа о смерти царевича Дмитрия в Угличе, где Севастьянова отступила от варианта Бонда (с. 130) и дала перевод по первому изданию «Путешествий», подготовленному С. Перчезом (1626 г.), который свободно относился к оригиналу и внес свое понимание некоторых «темных» мест. Редакторская работа привела к смысловым отступлениям. Вариант Бонда лучше передает подлинник.

Отдавая должное качеству переоода, следует все же заметить, что строгое следоеание грамматике современного русского языка ведет иногда к модернизации как синтаксиса, так и стиля оригинала с вытекающими отсюда смысловыми неточностями (см., например, с. 87). Местами дается перевод, выполненный ранее Ю. В. Толстым (с. 86). Не будучи в состоянии установить точный эквивалент группе исторических терминов русского и английского языков, переводчица ввела принцип условно-однозначных соответствий (с. 39, ср. с. 84, 87).

В литературе прочно утвердилось мнение, что записки Горсея сложны по составу и неоднозначны по содержанию. Их издание должно носить аннотированный характер. Задача, стоящая перед публикатором, выполнена в книге на достаточно высоком уровне. Тщательный научный комментарий является ее достоинством, хотя иногда вступает в противоречие с положениями вступительной статьи, написанной в популярной манере. Это относится, например, к объяснению причин, хода и результатов Ливонской войны (с. 6, 173, прим. 18).

Во вступительной статье Севастьянова предложила «примерную хронологию этапов создания записок». По ее мнению, «Путешествия» были созданы в два этапа, причем основной объем работы падает на рубеж 1580—1590 гг., когда Горсей одновременно работал над есеми сочинениями, составляющими его литературное наследие. Но это не согласуется с фактами его биографии. Тяжбы и волнения, обрушившиеся на Горсея в этот период, едва ли способствовали его литературной деятельности.

Исследуя историю текста того или иного памятника, прежде всего необходимо установить начальный и конечный этап его создания. Текст «Путешествий» дает несколько указаний на этот счет. В заключительных строках автор пишет, что по окончании странствий он прожил более 30 лет «в плодородном графстве Букингемском» (с. 139). Странстеия Горсея окончились в 1591 году. Следовательно, последние строки «Путешествий» были написаны после 1621 года. Через пять лет отрывки из текста опубликовал С. Перчез. Отсюда можно заключить, что структура памятника сформировалась в 1621—1628 годах. Тексту «Путешествий» предпослано посвящение Фр. Уолсингему (умер 8 апреля 1590 г.), к которому автор обращается как к живому (с. 49). Значит, работу свою Горсей должен был начать до 1590 года. На этот «ключ» указывали все исследователи «Записок» Горсея.

В конце посвящения он пишет, что, начиная работу, он опирается на 17 лет своего жизненного опыта (А. А. Севастьянова перевела это место неточно — как «опыт службы» — с. 50). По мнению Севастьяновой, Горсей приехал в Россию в 1573 г. (с. 5, 6, 11, 13). Однако в рукописи «Путешествий» их автор сделал помету о своем приезде в Россию в 1572 г. (с. 172, прим. 5). Для датироеки посвящения и начального текста, казалось бы, достаточно прибавить к 1572 г. 17 лет. Но Горсей сообщает, что его «опыт» начался не в России, а во Франции и Нидерландах (с. 50), которые он посетил по желанию Э. Горсея, бывшего посла в Нидерландах (с. 172, прим. 2). В заключение «Трактата» Дж. Горсей пишвт о «20 годах жизненного опыта». Эти слова соотнесены в тексте сочинения с указанием на 1590 год. Значит, «жизненный опыт» Горсея начался в 1570 г., а первый этап создания «Путешествий» относится к 1587 году.

При определении наиболее раннего слоя «Путешествий» Сееастьянова использует критерий «последовательного изложения»: «Все эти события находятся в тесной связи и зависимости» (с. 15). Но такой критерий едва ли можно считать удачным. Интерпретация памятника, основанная на подчинении автору источника и нашим собственным способам восприятия, чаще всего страдает субъективизмом.

Исследуя историю текста «Путешествий», Севатьянова обращает внимание на резкую перемену в характеристике Бориса Годунова (с. 25, 107). Причину перемены она еидит в «отказе Годунова взять под свою защиту Горсея во время его тайного отъезда в Россию в 1588 г. и особенно в период неудачного посольства 1590—1591 гг.»

(с. 25). Указанные наблюдения не вполне обоснованы текстологически. Во-первых, уже в предшествующем тексте «Путешествий» можно обнаружить осуждение Бориса как будущего узурпатора («добивался венца» — с. 102). Во-вторых, характер взаимоотношений этих лиц не претерпел кардинальных изменений ни в 1589, ни в 1591 г.; об этом свидетельствуют личные письма Бориса к Горсею, о которых сообщает мемуарист (с. 229, 131).

Обычным источником информации для иностранцев служили сочинения путешественников, ранее посещавших Россию. Поэтому наблюдения над текстом Горсея должны быть увязаны с анализом предшествующих публикаций, и прежде всего английских. Севастьянова отказалась от такой возможности, что привело к некоторой умозрительности ее выводов. Она считает, что Горсей получал информацию о событиях, свидетелем которых не был, почти исключительно из устных рассказов.

Автор «Путешествий», рассуждает Севастьянова, не видел сожжения Москвы в 1571 г., следовательно, «рассказ о набеге Девлет-Гирея имел своим источником, вероятнее всего, устные пересказы современников» (с. 22). Между тем известие Горсея изобилует достоверными деталями, которые мог знать только очевидец. Действительно, во время московского пожара 24 мая 1571 г. спасся англичанин Джон Стау, составивший небольшой рассказ. Сопоставление обнаруживает поразительное сходство в мелких деталях. В «Критико-литературном обозрении путешественников по России до 1700 г. и их сочинений» Ф. П. Аделунг цитирует приписку на подлинной рукописи. Из нее следует, что Горсей не только имел рассказ Стау в своем распоряжении, но и перевел его на русский язык по приказу Ивана Грозного.

Сравнение «рассказа о Борисе» из «Путешествия» с текстом «Коронации» показывает наличие повторов и близость ряда известий. Датируя «Коронацию» по году ее публикации (1589), Севастьянова пишет, что аналогичный текст «Путешествий» «появился тогда же, в 1589—1590 гг., или даже ранее» (с. 26). Эта мысль представляется плодотворной. Анализ текстуальных расхождений позволяет определить направления заимствования: «Коронация» вторична по отношению к соответствующему ей тексту «Путешествий», наиболее раннему слою памятника[2].

Концепции Севастьяновой не хватает системы доказательств. Биография Горсея, выяснение этапов создания «Записок», критика известий источника — все эти вопросы рассматриваются изолированно друг от друга, из-за чего выводы не выходят за рамки предположений и догадок. Придавая большое значение терминологии Горсея, Севастьянова пишет о невозможности рассматривать известия о земских соборах последней трети XVI в. как прямые свидетельства (с. 23). Это мнение представляется спорным. Выяснение истории создания памятника позволяет сделать более определенные выводы. Наличие многослойных гипотез значительно ослабляет аргументацию Севастьяновой.

Выход в свет рассматриваемой книги будет способствовать дальнейшему источниковедческому изучению мемуаров Горсея. Это лучший на сегодня перевод записок английского путешественника. Тщательный комментарий помогает легко ориентироваться среди известий средневекового памятника.

В. А. Колобков

Примечания

1. В приложении помещены жалобы английских купцов на Горсея, его ответы на их обвинения, письма Горсея Борису Годунову и лорду Берли, поэтические послания из России англичанина Дж. Турбервилля (1568—1569).
2. Подробнее см.: КОЛОБКОВ В. А. Мемуары Джерома Горсея о России XVI в. В сб.: Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Воспоминания и дневники. Л. 1987.

Ю. Е. ИВОНИН. *Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох.* Минск. Издательство «Университетское». 1989. 199 с.

Исследование доктора исторических наук Ю. Е. Ивонина основано на солидном корпусе разнообразных источников: здесь и межгосударственные договоры, соглашения, тексты государственных актов, письма дипломатических агентов, нарративные материалы. Привлечены документы из Веймарского и Дрезденского архивов, впервые вводимые в научный оборот.

Рассматривая англо-имперские отношения, автор показывает борьбу двух тенденций в государственном и политическом развитии Европы эпохи «первоначального накопления» капитала: первая, реакционная, олицетворявшая феодализм, ярко проявилась в политике Габсбургов, вторая, прогрессивная, — в политике Англии. В монографии подчеркивается, что на рубеже XV—XVI вв. отношения между Англией и Габсбургами были достаточно сложными, но не враждебными,

а после избрания испанского короля Карла I Габсбурга императором Священной Римской империи (1519 г.) стали постепенно, хотя и весьма противоречиво, с многочисленными зигзагами и поворотами, ухудшаться.

Стремление Габсбургов к созданию универсальной феодальной католической империи противоречило государственным интересам Англии. Габсбурги пытались привлечь Англию к союзу с Империей для борьбы против Франции, что вело к нарушению «равновесия сил» на континенте. Поэтому английская дипломатия прилагала максимум усилий к тому, чтобы ослабить обе главные противоборствующие стороны — Империю и Францию — вырвать у них как можно больше экономических и политических уступок (с. 172).

Значительное внимание Ивонин уделяет вопросам религиозно-политического характера, в частности политике Ватикана. Обоснованно его утверждение, что королевская Реформация в Англии была в известном смысле направлена против универсалистских тенденций в политике Габсбургов, поскольку создание национальной церкви, подчиненной королю, находилось в противоречии с творией и практикой римско-католической церкви, которую Габсбурги рассматривали как идеологическую опору своей великодержавной политики.

Автор аргументированно полемизирует с историками, придерживающимися традиционных построений. Он показывает, какую роль играли в международной политике рассматриваемой эпохи экономические, национальные интересы, обусловленные в конечном счете уровнем социально-экономического развития. Однако развитие различных стран Европы освещено в книге не одинаково полно. В отличие от Англии сравнительно небольшое внимание уделено Франции, Империи и ряду других европейских государств. Требовали более подробной разработки проблемы, связанные с политикой Англии в Нидерландах, занимавших, как известно, важное место в структуре владений Габсбургов.

Излишне категоричным выглядит утверждение, что изучение становления европейской системы государств «представляется наиболее убедительным и перспективным на фоне отношений между Англией и Священной Римской империей» (с. 4). Кстати, на следующей странице подчеркивается, что «главный узел международных противоречий в Западной Европе конца XV — первой половины XVI в.» возник в связи с борьбой между Францией и Габсбургами за гегемонию в Европе. Следует, видимо, признать, что становление европейской системы государств в тот период важно исследовать как раз на примере отношений между ведущими государствами континента.

Желательно изучить эволюцию организации дипломатической службы и ее институтов — как монархи перестали быть собственными министрами иностранных дел, как определился статус дипломата. Думается, что дальнейшая разработка указанных аспектов сделала бы более убедительным главный вывод автора: в условиях смены феодальных отношений буржуазными появляются новые форма и методы дипломатии, зарождаются национальные дипломатии в Европе. Вместо средневековых форм дипломатических комбинаций и средневековой «суммы государств» пришло становление европейской системы государств.

М. А. Молдавская, В. К. Губарев

Dictionnaire Historique de la Révolution française. Publié sous la direction scientifique de J.-R. Suratteau et F. Gendron. P. 1989. XCVII + 1133 p.

Исторический словарь Французской революции

Среди многочисленных справочных изданий по истории Великой французской революции, вышедших к ее 200-летию, это занимает особое место. Дело в том, что работа М. Перрона — всего лишь краткое справочное пособие, и в основном по политической истории. Словарь Ж. Тюлара, Ж.-Ф. Файара и А. Ферро носит отпечаток ярко выраженной враждебности к революции. В том же духе выдержан и объемистый «Критический словарь Французской революции», напоминающий скорее коллективную монографию, а не справочное издание[1]. К юбилею были изданы также биографические словари[2].

Рецензируемое издание подготовлено по замыслу выдающегося французского историка А. Собуля (1914—1982) и представляет собой пособие, написанное на высоком научном уровне и освещающее историю революции намного полнее, чем упомянутые выше словари. Наряду с событиями политической истории в нем достойное место уделено экономической и социальной истории. В него вошли статьи по истории отдельных стран, регионов и городов, биографии политических и военных деятелей (главное внимание сконцентрировано на их деятельности в годы революции). Авторский коллектив состоит из представителей различных направлений французской историографии, а также нескольких исследователей из США и Канады.

Издание вполне вписывается в острую поле-

мику, которая ведется вокруг интерпретации узловых проблем Великой французской революции. Основная идея книги сводится к тому, что революционное десятилетие, потрясшее Францию и Европу, представляет собой период непримиримой борьбы, развернувшейся между революцией и старым социальным порядком, его политическими и административными учреждениями. День 14 июля, декреты Национального собрания 4 августа авторы считают важными вехами в процессе уничтожения старого порядка (с. 265, 791). Постановления революционных правительств рассматриваются как меры, необходимые и связанные с падением старого порядка (с. 295, 315), социальные и экономические основы которого были сильно подорваны в годы правления Людовика XVI.

Авторы склонны рассматривать революцию скорее как разрыв, а не продолжение преемственности во французской истории (см., например, с. 47). Никто из них не оспаривает существования феодальных отношений во Франции к концу старого порядка, а революция трактуется как крупнейшее социальное событие, покончившее с ними и заложившее юридические основы буржуазного общества и капиталистической экономики. Авторы в отличие от ряда современных французских историков[3] признают усиление «сеньориальной реакции» в XVIII в. (с. 443), показывают, что крестьяне накануне революции были достаточно определенно настроены против феодализма (с. 176). В словаре подчеркивается, что феодальные порядки во Франции были упразднены декретом якобинского Конвента от 17 июля 1793 г. (с. 100, 354, 869, 1054 и др.).

В словаре констатируется, что революция открыла возможности для развития капиталистических отношений (с. 188, 404). Этот процесс, однако, был извилист и сложен, а роль революции в нем, как это аргументированно показано в книге, не была однозначной. Так, отмечается, что, уничтожая часть капиталов, накопленных в XVIII в., революция на некоторое время «с 1792 по 1797—1798 гг., приостановила рост тех секторов, которые в 1789 г. можно было бы называть капиталистическими». Среди множества преобразований в сфере экономики авторы выделяют реформы, касавшиеся права на собственность и утвердившие устои того режима, «на котором зиждилось общество XIX века» (с. 869).

В словаре уделено значительное внимание роли крестьянских масс и городских низов в революции. Победы, одержанные ею над абсолютной монархией, были достигнуты именно благодаря вмешательству народных масс. В этой связи рассматривается вопрос о «крестьянской революции» (с. 791).

Анализируя проблему революционного террора, авторы концентрируют внимание на стихийности народного движения: корни террора они видят преимущественно в безудержном разгуле народной мести (с. 491, 1020, 1046). Сходной позиции придерживаются некоторые советские историки (А. В. Адо, В. П. Смирнов и др.), полагающие, что террор пришел «снизу», от народного движения[4]. Авторы словаря считают, что террор был исторически неизбежен, обусловлен войной с интервентами, борьбой с контрреволюцией, социальным кризисом. По их мнению, террор способствовал «консолидации республики» и достижению победы над врагами (с. 941, 1023).

В книге прослежены изменения в народном движении на различных этапах революции. Если в боях за низвержение королевской власти народ действовал в союзе с буржуазией (с. 796), то в дальнейшем все более отчетливо проявились противоречия между вчерашними союзниками. Отмечены в словаре и нарастаешие антибуржуазные тенденции в народных выступлениях (с. 344—345, 491, 857, 1046). Обращает на себя внимание трактовка ряда проблем истории Директории, которая, как говорится в словаре, состояла в «сохранении гегемонии буржуазии, такой, какой она вышла из революции, и консолидации ее влияния в государственном аппарате» (с. 356).

Французские историки мало знакомы с достижениями исторической советской науки в изучении революции, что отразилось, в частности, на ряде биографических статей — о Бабёфе, Жюльене, Лафайете. Не использованы многие капитальные труды советских историков по истории Французской революции. В издании не нашли места и историки Французской революции. В этом плане оно уступает «Историческому словарю Французской революции», опубликованному в США, а также «Критическому словарю Французской революции»[5].

Выход в свет рецензируемого словаря свидетельствует о сохранении традиций в изучении Великой Французской революции, заложенных Л. Жоресом, А. Матьезом и Ж. Лефевром. Ознакомившись с ним, можно решительно возразить против заявления французских исследователей[6] об ослаблении после кончины Собуля влияния возглавляемого им историографического направления.

Целесообразно было бы осуществить аналогичное издание и на русском языке, тем более что подобные словари уже опубликованы не только во Франции, но и в США и Германии[7].

В. А. Погосян

Примечания

1. PÉRONNET M. Les 50 mots clefs de la Révolution française. Toulouse. 1983 (2 éd. 1985); TULARD J., FAYARD J.-F., FIERRO A. Histoire et dictionnaire de la Révolution française. P. 1987; FURET F., OZOUF M. Dictionnaire critique de la Révolution française. P. 1968.
2. MANCERON C. La Révolution française. Dictionnaire biographique. P. 1989; GAINOT B. Dictionnaire des membres du Comité du Salut Public. p. 1990.
3. FURET F. Penser la Révolution française. P. 1978; CHAUSSINAND-NOGARET G. Mirabeau. P. 1982.
4. См.: Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М. 1966.
5. Historical Dictionary of the French Revolution, 1789—1799. Westport. 1985; FURET F., OZOUF M. Op. cit.
6. См.: BÉTOURNÉ O., HARTIG A. I. Penser l'histoire de la Révolution française. P. 1989.
7. Historical Dictionary of the French Revolution; GESCHONNEK B. Revolution in Frankreich, 1789—1799. Brl. 1989.

HOWARD J. WIARDA. *The Democratic Revolution in Latin America. History, Politics, and U. S. Policy.* N. Y. — Lnd. Twentieth Century Fund. Holmes and Meier. 1990. 302 p.

Г. ВИАРДА. *Демократическая революция в Латинской Америке. История, политика и курс США*

Книга профессора Массачусетского университета Говарда Виарды посвящена остро звучащей сегодня проблеме значения исторического наследия в условиях, когда латиноамериканские государства заняты поиском новой демократической альтернативы своего развития.

Историю Латинской Америки автор рассматривает как составную часть истории западного мира, имеющего как греко-романские так и иудейско-христианские корни (с. 5). По мнению Виарды, латиноамериканская политическая культура в значительной степени формировалась под влиянием «католическо-схоластической идеологии Фомы Аквинского» (с. 11), широко распространенной в Испании и Португалии в XII—XV вв. и построенной на таких приоритетах, как строгая социальная иерархия, дисциплина и порядок.

Автор считает, что к XVI в. из Европы в Латинскую Америку была перенесена так называемая габсбургская модель иберийской общественной организации (с. 12), которой в политическом плане были присущи деспотизм власти, доходящей до абсолютизма, в экономическом — сугубый этатизм и меркантилизм, а в социальном — жесткая заданность общественных отношений и их стратификация. Все это усугублялось тем, что в древних индейских цивилизациях Южной Америки господствовали сходные иерархические, абсолютистские, теократические структуры власти, которые, наложившись на «габсбургскую модель», привели к упрочению на континенте авторитарной традиции (с. 13, 14).

Война за освобождение испанских колоний, считает Виарда, продемонстрировала ограниченные возможности воспроизведения здесь принципов либерализма, провозглашенных европейским Просвещением и Великой французской революцией. Эта война существенно отличалась от классических революций нового времени, и прежде всего тем, что ее первоочередной задачей стала ликвидация господства «трансатлантической империи», а не коренные общественные изменения. Идеи энциклопедизма, рационализма, общественного договора трансформировались здесь до неузнаваемости, либо превратились в свою противоположность. Либеральные идеи часто использовались для укрепления власти латифундистов и диктаторов (достаточно вспомнить правление Франсии в Парагвае), в результате чего иерархическая структура латиноамериканских обществ в XIX в. оставалась практически лишенной социальной динамики.

Виарда сравнивает основополагающие принципы классической либеральной демократии с практикой латиноамериканской политической жизни после образования независимых государств. При этом он подчеркивает, что в Латинской Америке очень важное значение приобрели военные перевороты и гражданские войны. Он указывает на «цезаристские», «имперские» традиции концентрации исполнительной власти, что привело к изначальной слабости законодательных и судебных органов (с. 17). Виарда отмечает также, что в Латинской Америке признание армии в качестве основы политического порядка никогда не рассматривалось как аномалия.

Автор констатирует, что вплоть до сегодняшнего дня партийная система находится в странах этого региона в гораздо менее развитом состоянии, чем на Западе (с. 46—47); политическая борьба протекает здесь между различного рода «корпоративными элитными группировками» (с. 23). Для местной политической традиции характерны сильное, независимое местное правление, автономия каудильо. Концентрация власти в руках политического центра при институционализации авторитарных методов правления — это, по мнению Виарды, составляющие латиноамериканской политической жизни (с. 245). Принципы свободы слова, печати, собраний отходят на второй план перед такими приоритетами, как единство, целостность, авторитет и стабильность го-

сударства (с. 12). И наконец, автор указывает на такую существенную черту «иберийско-атлантической» политической культуры, как политическое влияние католической церкви, ее проникновение в государственные структуры (с. 92—93).

Отсюда, по мнению Виарды, и трудности в продвижении латиноамериканских наций по пути к демократии. Режимы элитарной и авторитарной власти, установившиеся в странах Латинской Америки после ее освобождения, оказались достаточно сильными и показали способность обеспечивать определенную степень стабильности и преемственности. О «живучести» консервативно-авторитарной традиции Виарда писал и в прежних своих работах. В рецензируемой книге он исследовал другую сторону проблемы: значение и специфику возникшей перед большинством латиноамериканских стран либерально-демократической альтернативы. Социальную базу либеральной традиции в XIX в. составили здесь наиболее образованные городские слои — студенты, интеллигенция и нарождавшаяся буржуазия.

По наблюдениям Виарды, латиноамериканский либерализм обязан своим генезисом не Локку, как в Северной Америке, а именно Руссо, который в своем видении демократии делал акцент на примате «общей воли» и «всеобщем благе», а также на единстве общества и «сильных авторитарных (если не тоталитарных) импульсов» (с. 20). Все это существенно отличалось от модели Локка — Мэдисона — Джефферсона с ее принципами политического плюрализма, разделения властей, «сдержек и противовесов» (с. 21—22). Концепция, заимствованная у Руссо, сыграла в Латинской Америке роль необходимого компромисса, выводящего молодые государства на демократический путь и в то же время ориентирующего их на преодоление центробежных и сепаратистских тенденций (с. 32—33).

Начало «демократической революции» Виарда относит лишь к рубежу 20—30-х годов XX в., когда в Латинской Америке «наступил конец эры монополии земельной олигархии на власть и начался новый, более сложный этап; его нельзя было еще назвать демократическим, но он означал существенное продвижение на пути к модернизации» (с. 63). Установление режимов либеральной ориентации в ряде стран региона и начало господства «государственного капитализма» автор назвал поворотным пунктом латиноамериканской истории. Старые олигархические кланы вытесняются новыми силами, опирающимися на промышленное производство, банковское дело, коммерцию, внешние связи. Столь влиятельные в этих странах военные перестают быть автоматически защитниками интересов олигархии (с. 65—66).

Латиноамериканский либерализм, констатирует автор, не смог, однако, привести к коренным общественным переменам. Основная масса населения по-прежнему исключалась из политического процесса. Либеральная политическая традиция переплеталась с консервативной, что обусловило высокую социальную стабильность.

Прослеживает Виарда и судьбы корпоративистских концепций, пришедших из Европы в 30-е годы. В странах Латинской Америки они включили в себя такие компоненты, как сильный государственный контроль над экономикой, господство католического мировоззрения, организация общества на основе «секторов» или «корпоративных единиц» (церковь, армия, деловые круги, организованная рабочая сила и пр.), гармонизация трудовых отношений при посредничестве государства с предоставлением рабочим возможности участия в работе государственных органов, общественная стратификация по признаку наличия «естественных функциональных групп: семейных, общинных, религиозных, экономических и прочих» (с. 23—24). Новая волна военных режимов в 50—60-е годы использовала в своей практике именно концепции корпоративизма. Избежать возвращения военных на политическую сцену смогли лишь Колумбия, Коста-Рика, Мексика и Венесуэла.

Экономические причины отката «демократической революции» Виарда видит в том, что к этому времени практиковавшаяся ранее «импортозаменяющая стратегия», способствовавшая на определенном этапе росту местной промышленности за счет ее ограждения от иностранной конкуренции, фактически исчерпала свой конструктивный потенциал. Кризис этой экономической модели сыграл на руку рвавшимся к власти военным (с. 67). С политической же точки зрения, «наиболее традиционные элементы общества — церковная верхушка, армия, экономическая элита и высшие слои среднего класса — были напуганы тем, что 50-е годы способствовали благодаря атмосфере открытости и известным экономическим успехам росту организованных и массовых крестьянских и рабочих движений» (с. 67). Это обстоятельство, равно как и появление лидеров левой ориентации (Бош, Гуларт, Вильеда, Фрондизи), не говоря уже о победе Кубинской революции, содействовали укреплению позиций сил, видевших оптимальный выход из опасного «скатывания влево» в поддержке военно-авторитарных режимов.

Таким образом, пишет Виарда, общественно-экономическая модернизация может оказывать не только стабилизирующее, но и деструктивное влияние на общество; она может привести к отказу от демократии, которая «вовсе не является неизбежным результатом социального и экономического прогресса, а требует прежде всего сильных собственных институционных форм: политических партий, гражданских движений, административного аппарата, организационной инфраструктуры» (с. 68).

Следующий поворот в латиноамериканской истории, по мнению Виарды, связан с появившейся вновь на рубеже 70—80-х годов демократической альтернативой, которую, однако, «выбрала», как это всегда бывало в Латинской Америке, элита, а не массы» (с. 71), причем по сугубо прагматическим соображениям, что не исключает в будущем, как предполагает автор, отхода от демократии в пользу иных альтернатив. На укрепление демократических сил повлияли события 70-х годов в Португалии и Испании.

Ценность работы состоит в том, что Виарда попытался рассмотреть ключевые события латиноамериканской истории как совокупность альтернатив, которые всякий раз становились выражением социальных, политических и экономических противоречий. Продолжая и развивая концепции консервативных американских историков, он утверждает, что не демократия как таковая была движущим мотивом латиноамериканских лидеров, а стремление к сохранению стабильности структур власти при поддержке особой политической культуры, основанной на иерархии, авторитете и патронаже. Авторитарные методы руководства воспринимались народом как естественный фактор укрепления государства. Общественные структуры, базирующиеся на традициях каудильизма, по убеждению Виарды, вписывались в процесс модернизации, а харизма политического лидера неоднократно становилась не только легитимизирующим, но и цементирующим фактором политики как в рамках социалистического выбора, так и при совершенствовании капиталистических механизмов.

Нельзя не отметить, что Виарда, один из немногих представителей современного неоконсерватизма, признает наличие в латиноамериканской политической традиции и демократических тенденций. По его мнению, в 80-е годы в латиноамериканской истории на авансцену вышли существовавшие ранее в постоянной оппозиции демократические идеи и концепции.

А. С. Макарычев

Первая научная конференция Советской ассоциации молодых историков (САМИ)

«Религия и религиозное движение в мировой истории» — тема организованной Закарпатским отделением САМИ конференции, проходившей 12—15 июня 1990 г. в Ужгороде. В ней участвовали молодые историки, философы и богословы Москвы, Ленинграда, Киева, Волгограда, Днепропетровска, Запорожья, а также Венгрии и Чехо-Словакии. В докладе С. А. Иванова «Научите все народы»: твория и практика древнего христианства» было показано отношение к миссионерству в первые века нашей эры. В источниках, за исключением апостольского периода, практически не осталось упоминаний о христианском миссионерстве. Учитывая, что христианство распространялось по миру достаточно быстро, следует предположить, что важную роль в этом играли пленные, наемники и купцы, причем это не было сознательным и целенаправленным процессом, во всяком случае вплоть до VI века. «Мировая» религия не смогла освободиться от представлений о культурном превосходстве над «варварами», унаследованных от римской культуры.

В докладе «Равеннская автокефалия: создание системы церковного дуализма в Италии VII в.» О. Р. Бородин проследил основные этапы политического возвышения Равеннской епископии в годы византийского господства в Италии. Основным условием возвышения оппозиционной папству равеннской епископской кафедры был ее союз с византийским правительством. Равеннские прелаты не смогли более играть заметную роль в политической жизни Италии, когда Византия ушла из Северной Италии.

А. В. Горизонтова в докладе «Церковь и миряне в венгерском обществе XI века» рассмотрела, прежде всего по законодательным актам Иштвана I, требования, предъявляемые к недавно обращенным жителям королевства. О религиозных исканиях итальянских неоплатоников говорил О. Ф. Кудрявцев. Главной целью гуманистов был поиск новой влологетики христианской религии. Вместе с тем именно гуманисты поставили под сомнение исключительность христианства, первыми указали на права других религий, выдвинули идею религиозной терпимости. О победе кальвинизма во французском реформационном движении говорила Л. А. Нестеренко (Запорожье).

Центральной на конференции стала проблематика, связанная с православием. Н. Д. Барабанов (Волгоград) предпринял попытку осветить состояние византийского анахоретского монашества и выявить наиболее характерные черты исихастской практики. С. Н. Малахов по письмам константинопольского патриарха Николая Мистика показал, что в Алании в 912—924 гг., в отличие от Болгарии и Руси, не сложилась разветвленная церковно-административная структура; евангелизация племен Северного Кавказа не сопровождалась попытками Византии осуществить здесь политическую супрематию или территориальную экспансию.

Османская политика в отношении православной церкви в первой половине XV в. была рассмотрена Е. Ломидзе. В. М. Лурье (Ленинград) сосредоточил внимание на догматическом содержании Послания пресвитера Василия из Угорской Руси (1511 г.), посвященного полемике против латинских учений о «Филиокве» и папском примате. М. А. Бусыгина (Ленинград) проанализировала догматическое содержание православной полемики против опресноков в XI веке.

Актуально прозвучал доклад С. Г. Яковенко «Политика папской курии в восточно славянском регионе во второй половине XVI века». К сожалению, тема «Униатство и католицизм на Украине и в России» не получила развития из-за отсутствия докладчиков. Впрочем, отчасти этот недостаток был восполнен дискуссией в ходе «круглого стола» с участием церковных деятелей, состоявшегося в заключение конференции и посвященного проблемам состояния церквей и религиозных общин в Закарпатье.

Во многом по-новому рассмотрел тему «Лжедмитрий I и православная церковь» В. И. Ульяновский (Киев). На отношения самозванца с церковью наложили отпечаток, с одной стороны, его стремление следовать традиции, а с другой — замыслы ряда реформ, направленных на европеизацию России. Были опровергнуты обвинения Лжедмитрия I в гонениях на церковь. Высшая церковная иерархия (кроме патриарха Иова) осталась на своих местах и вошла в состав Боярской думы; новый патриарх Игнатий был избран в соответствии с канонами. Доказана неправомерность обвинений Лжедмитрия I в увеличении податей, разграблении церквей и монастырей. По мнению докладчика, следует учитывать религиозные представления и убеждения самого самозванца, мотивы его связей с арианами, униатами, католиками, что обусловливало большую открытость России для представителей этих конфессий, а также его замыслы по реформированию монастырей, религиозную толерантность, отказ от ряда традиционных норм религиозного этикета.

О современных проблемах религиоведения говорилось в докладах Г. Д. Панкова, М. А. Жеребятьева, Т. Сюча (Будапешт). Большой интерес вызвал доклад Л. Кита (Кошице) «Православие и униатство в Восточной Словакии: история и современность». В Словакии действуют ныне три христианские конфессии: римско-католическая, греко-католическая и православная. На протяжении последних десятилетий обострились взаимоотношения между греко-католической и православной церквами. Главная причина этого — отнюдь не религиозные догмы, а проблемы собственности на движимое и недвижимое имущество, которое после самороспуска униатской церкви в Чехословакии (1950 г.) перешло во владение православной церкви. Эти споры тянутся уже более 20 лет, начиная с 1968 г., когда в стране снова была разрешена деятельность греко-католической церкви.

Историографических аспектов проблематики, обсуждавшейся на конференции, коснулись Е. Д. Чернов (Днепропетровск), Т. Д. Сергеева, С. Д. Федака (Ужгород).

Материалы конференции опубликованы. Заявки можно присылать по адресу: Ужгород, ул. Жемайте, 1а/25. Закарпатская Ассоциация молодых историков.

Принято решение о проведении раз в два года конференций по проблемам истории религии.

Т. Д. Сергеева

Конференция по истории книги

11—13 декабря 1990 г. в Ленинграде проходила 4-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России», организованная Научным советом по комплексной проблеме «История мировой культуры» при Секции общественных наук Президиума АН СССР и Библиотекой АН СССР. На трех предыдущих конференциях обсуждались проблемы истории книжного дела в XI—XIX вв.[1], а четвертая была посвящена Веку Просвещения[2]. В ней приняли участие специалисты из АН СССР, вузов, архивов, музеев, библиотек Москвы, Ленинграда, Минска, Таллинна, Риги, Красноярска, Томска, Свердловска, Тулы, Казани, Львова, представители Русской православной церкви. Впервые на конференцию были приглашены зарубежные ученые — из Великобритании, Германии, Нидерландов, США.

На пленарных и секционных заседаниях рассматривались темы: «Книга и русская культура в эпоху Просвещения», «Наука и просвещение в Петербурге», «Историческое самосознание и книга», «Частные книжные собрания. Читатели», «Пути распространения книги в России», «Книга и духовное просвещение», «Русско-западноевропейские книжные контакты», «Преемственность традиций эпохи Просвещения».

В докладах и сообщениях говорилось о значении книги в распространении идей Просвещения, об истории издательского дела, книготорговли, функционировании публичных библиотек, формировании читательских интересов. В научный оборот введены новые данные о книгах, повлиявших на развитие общественной и политической мысли в России в XVIII — начале XIX века.

Обсуждению проблемы «Книга в России» предполагается придать международный характер. Следующую конференцию на эту тему намечено провести в Ленинграде в 1994 году.

П. И. Хотеев

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Поддержка читателей помогла журналу выстоять

Заканчивается 1991 год. Это был нелегкий год в жизни нашей страны, труден он был и для журнала «Вопросы истории». В силу чрезвычайных обстоятельств на полгода был задержан выход очередных номеров. Под угрозой оказалось само существование журнала. Разумеется, в редакцию хлынул поток писем читателей, обеспокоенных его судьбой.

«Что случилось? — спрашивает Р. И. Рафиков из Ижевска. — Может быть, историки уже исчерпали себя? Им не о чем писать? Или, может быть, сотрудники редакции, как шахтеры, забастовали?» «Или редакция забыла, что подписчики с нетерпением ждут журнал, волнуются, переживают?» — интересуется А. А. Гринько из Днепропетровска. «Надо же что-то предпринимать, чтобы срочно исправить положение, а не плыть по воле волн», — продолжает он. Были и сердитые письма. В. Мурашев со станции Семигородной Харовского района Вологодской области так закончил свое послание: «Надо же совесть все же иметь. Ведь мы вам деньги платим. Жду ответа и желаю вам работать честно».

Следует, видимо, сообщить в этой связи, что в период вынужденного молчания журнала сотрудники редакции в течение трех месяцев не получали зарплату, а что касается «честной работы» — упрек действительно справедливый, но обращен не по адресу. Как бы, например, эти подписчики с моральной и правовой точек зрения оценили поведение руководства издательства ЦК КПСС «Правда», где почти 65 лет печатался журнал «Вопросы истории», которое, объявив о подписке на журнал на 1991 г., назначив новую его цену и сделав, наконец, заказ на бумагу для тиража на весь год, отказалось принять в работу № 1 за 1991 г., заявив о расторжении с редакцией всех отношений и прекрасно сознавая, что обрести другое издательство в начале года, когда все планы давно скалькулированы, — дело архисложное?

«Почему вы оказались самыми беспомощными в борьбе за существование своего издания?» — спрашивает С. Т. Меликов из Владикавказа. «Неужели не поможет ЦК КПСС? Идеологический отдел?» — недоумевает шахтер из Донецка Б. Родионов. Нет, редакция не была пассивна. Она боролась. Обращалась и в ЦК КПСС, в чьем подчинении находилось издательство «Правда», и к Генеральному секретарю ЦК КПСС, и в Комитет Верховного Совета СССР по вопросам гласности, и в другие инстанции. Все обещали «рассмотреть вопрос», «принять меры», но шли дни, месяцы, а положение не менялось.

«Неужели издательство ЦК КПСС «Правда» категорически отказалось продолжать выпуск журнала «Вопросы истории»? Будет печально, если ведущий и лучший отечественный исторический журнал прекратит свое существование, — сетует преподаватель истории Елецкого педагогического института В. И. Палабугин. — Вот цена гласности по мерке КПСС! Видимо, журналы, которые дают объективную и добротную информацию, наши чиновники от идеологии стремятся пресечь... Неужели Академия наук, Госкомитет по народному образованию, другие подобные ведомства не в состоянии оказать поддержку вашему журналу?» Нет! Ни одна из вышеперечисленных организаций никакой существенной помощи журналу не оказала. Поддержка исходила только от читателей.

«Будет очень жаль потерять «Вопросы истории», поскольку это был бы чувствительный удар по оздоровлению исторического сознания нации и по исторической науке», — пишет В. П. Ковалев из Омска. «Для меня «Вопросы истории» — глоток свежего воздуха», — считает В. Ф. Шевченко из города Кировское Донецкой области. «Читал в газете, что журнал «Вопросы истории» «задробили». Неужели это правда? Это же ужас какой-то!» — восклицает В. Г. Астахов из Владикавказа. «Я очень уважаю ваш журнал. И если есть

какие-то объективные или субъективные причины невыхода очередных номеров журнала, готова ждать до лучших времен», — заверяет Л. Г. Куракина из Брянска.

«Вопросы истории» стали значительно интереснее, доступнее не только узкому кругу специалистов, но и всем тем, кому не безразлична судьба Отечества. Но вот парадокс: чем выше авторитет издания, тем сложнее увидеть его даже подписчикам», — считают школьные учителя муж и жена Сизинцевы из города Орши Витебской области. Е. Ф. Колесников из села Топар Мичуринского района Карагандинской области готов к конкретному действию в защиту журнала: «Виновных бейте прямо «в лоб»! А мы вам поможем».

Среди авторов писем по вполне понятной причине много преподавателей истории. Как написал один из них, В. В. Гопко из Омска, «без вашего журнала, да и еще при отсутствии качественных учебников нет никакой возможности нормально преподавать предмет». С ним солидарны его коллеги Ю. В. Гринев из города Рубежное Луганской области, молдовских сел Старая Добруджа Ф. И. Тимофей и Костулены — Н. М. Цыку. Она пишет: «Ваш журнал всегда приходит ко мне на выручку. В нем я нахожу дополнительный материал к урокам, вечерам и конкурсам». «Каждый номер журнала для меня и моих учеников — целое событие. Читающего журнал не оставляет чувство соприкосновения с новыми источниками истории нашего государства. Ваш журнал — подлинный источник реальной объективности в анализе событий и раскрытии белых пятен истории нашего общества. Многие из публикуемых в нем материалов характеризует стремление к новым подходам в освещении проблем отечественной и всеобщей истории», — считает В. Ф. Денисов из Новочебоксарска.

Со словами поддержки к редакции обращаются преподаватель истории Адамовского сельхозтехникума В. В. Семенов, его коллега В. Д. Еригов из Риги, Л. И. Солгутовский из села Хащевато Гайворонского района Кировоградской области, В. Н. Пархоменко из поселка Купянск Харьковской области, Н. А. Смирнов из Владикавказа и другие. Немало среди авторов писем и будущих историков — студентов: И. В. Ратникова из Кишиневского педагогического института, О. П. Гаркуша из Днепропетровского университета, заочник С. Н. Балетанов из совхоза им. Масленникова Хворостянского района Самарской области.

Разумеется, не только профессиональный интерес побудил читателей обратиться в журнал. Среди них за последние годы появляется все больше людей самых разных профессий: колхозников, шахтеров, врачей, химиков и т.д. Как пишет Е. В. Петровский из Донецка, «только из журнала «Вопросы истории» можно узнать о судьбах исторических личностей, и вообще — в нем что ни статья, то правда, реальность прошлого и настоящего». С. Н. Солдатов из Саратова считает «Вопросы истории» «самым нужным журналом России» и готов выписывать его, «несмотря на повышение стоимости». А. Б. Дьячков из поселка Черноголовка Ногинского района Московской области выписывает журнал «Вопросы истории» с прошлого года, но «уже успел полюбить его за многие материалы по истории нашего государства, например о Павле I, Александре I, много новых фактов узнал из публикации «Сталинская школа фальсификаций». «Ни одно издание так не жду, как ваш журнал», — пишет В. Ощепков из Екатеринбурга.

О судьбе журнала волновались во всех уголках страны: Б. И. Баринов в городе Лакинск Владимирской области, Ю. П. Кривой в городе Украинка Обуховского района Киевской области, М. Л. Сахнович в Южно-Сахалинске, В. А. Пластун в Керчи, М. И. Фатуев во Львове, О. А. Асадов в Баку, О. И. Кин в Сухуми, В. М. Кузнецов в Петропавловске Казахской ССР, А. В. Саевельев в поселке Ува Удмуртской АССР, И. Шлижис в Паневежисе, С. Н. Досычев в Курске, Г. И. Кузьмин в Новосибирске, А. М. Венин в Алма-Ате, Т. В. Грац в Эмбе Актюбинской области, Т. М. Завзина в Хабаровске и многие другие.

Редакция приносит извинения всем читателям за задержку с выходом журнала, в особенно пенсионерам, составляющим немалую часть подписчиков. Для них, разумеется, подписная цена 27 рублей— значительная сумма. Но надеемся, что материалы, опубликованные в увидевших свет номерах журнала, хоть немного скрасили их трудную жизнь. Как написал один из них, Н. А. Козловский из Орехово-Зуево Московской области, журнал «Вопросы истории» он ценит за «разнообразную, глубокую и объективную информацию, за то, что журнал проявляет уважение к Отечеству и его истории». Такого же мнения придерживаются А. Н. Енеев из деревни Кубяши Чувашской АССР, В. С. Афанасьева из села Островское Костромской области, Н. М. Карасенко из села Великая Буромна Чернобаевского района Черкасской области.

Большинство из тех, кто писал в редакцию, доброжелательны по отношению к журналу, готовы, если потребуется, прийти ему на помощь, как, например, Д. А. Голованевский из Копейска Челябинской области. Хотя некоторые считают, что «раз подписка оплачена, остальное — ваши проблемы» (А. Г. Колмаков, город Петушки Владимирской области). Конечно, каждый должен добросовестно выполнять взятые на себя обязательства, делать свою работу качественно и в срок. Однако с беззаконием, захлестнувшим страну, бороться можно только всем миром. Ведь то, что произошло с журналом «Вопросы истории», — лишь небольшая часть общего неблагополучного положения, сложившегося вокруг ряда центральных средств массовой информации.

Вероятно, сходные тенденции прослеживаются в областях и республиках. Конечно, можно, как И. В. Ващенко из города Новоселица Черновицкой области, задаваться риторическими вопросами, вроде: «Когда же все-таки в нашей стране настанет порядок?!» Однако более плодотворным представляется иной путь. Тот, который избрали многие из читателей журнала, — активного участия в демократических процессах, происходящих в стране.

Без прошлого невозможно будущее. Сейчас, например, все чаще раздаются голоса о том, что демократия вообще невозможна в России, что она не имеет здесь исторических корней. Так ли это? На этот и многие другие вопросы, волнующие читателей, журнал постарается ответить в своих публикациях. Редакция и впредь будет стремиться освещать неизвестные ранее факты, открывать новые имена, помогать читателям иначе оценить, казалось бы, давно известное. А главным ориентиром для журнала, как и прежде, будут письма и советы, прямое участие его читателей.

В. М. Седых

Разночтения в книгах о декабристах

В последние годы выпущен ряд книг о декабристах, где порой встречаются разночтения в описании событий, в сведениях о декабристах, их родственниках, формулировки, искажающие суть дела, цифровые расхождения.

Прежде всего речь идет об общем числе лиц, привлеченных к дознанию, следствию и суду. Э. А. Павлюченко пишет: «Всего в 1825—1826 годах было привлечено по делу около 600 человек, да еще было несколько тысяч ускользнувших от суда и следствия»; в другой своей книге она указывает иные цифры: «Всего к следствию по делу декабристов привлечены 579 человек[1]. Считая ближайших родственников, причастными к дознанию оказались несколько тысяч человек»[2]. В. Осипов пишет о 500 декабристах, представших перед следствием[3]. М. Д. Сергеев, Н. Н. Гончарова, А. Ф. Серебряков приводят другие данные: «Более 3000 человек — 500 офицеров и 2500 солдат — были привлечены к следствию о тайных обществах, восстании на Сенатской площади и мятежу (мятеже. — *М. Б.*) Черниговского полка». Или: «По делу декабристов было привлечено около 600 офицеров и гражданских чинов и 2500 солдат»[4]. Есть и такое утверждение: «Всего по делу декабристов было арестовано 579 человек». А А. Д. Тимрот пишет: «За полгода следствия было арестовано до двух тысяч человек»[5]. Между тем точный подсчет подвергшихся арвсту дал число 316 человек. «Приводимую Завалишиным цифру 2,5 тыс. чел., привлеченных к следствию, следует считать сильно преувеличенной, — пишет В. А. Федоров, — как и высказываемые в литературе предположения о более 600 и даже тысяче арестованных»[6].

В литературе нет полного перечня декабристов, оставшихся в живых к амнистии 1856 г., включая и живших в Сибири. М. В. Нечкина пишет, что «свыше 120 декабристов было сослано на разные сроки в Сибирь на каторгу или поселение». В живых к моменту амнистии 1856 г. было по ее мнению, «только человек сорок — около ста уже погибли на каторге и в ссылке». Б. Йосифова считает, что «до частичной амнистии в августе 1856 года дожило 42 бывших декабриста, разбросанных по всей России»[7].

По мнению одного из участников движения, А. Е. Розена, 25 декабристов к этому времени остались в Сибири, но автор пояснений к публикации его мемуаров А. С. Немзер дает справку: «По коронационному манифесту Александра II от 26 августа 1856 г. право возвратиться из Сибири получил 31 декабрист»[8]. Другой участник движения, Н. В. Басаргин, в своих «Записках» также называет «не более 25 человек», но составитель издания И. В. Порох никакого пояснения к этой цифре не дает. А в другой книге он подробно разъясняет, что «по манифесту от 26 августа 1856 г. из 31 декабриста, проживавшего в Сибири, были амнистированы 28 человек. «Забыли» о трех: П. Ф. Выгодовском, А. Н. Луцком и В. Ф. Раевском». Порох перечисляет фамилии только 21 декабриста, вернувшегося после амнистии в европейскую Россию в 1856—1859 годах[9].

В Справочнике о В. Ф. Раевском сказано, что он амнистирован 26 августа 1856 года (с. 153). Однако В. П. Павлова в комментарии к публикации материалов о С. П. Трубецком пишет, что этот указ на Раевского не распространялся и что он был амнистирован указом от 4 сентября 1856 года[10]. А. Н. Луцкого, согласно Справочнику, «после амнистии 26.8.1856 по особому ходатайству (о Луцком вначале забыли) высоч. повелено восстановить в правах — 29.11.1857» (с. 107). Об амнистии Выгодовского в Справочнике ничего не говорится (с. 47). Подсчет по Справочнику показывает, что из числа декабристов, осужденных Верховным уголовным судом по всем разрядам, остались в живых 48 декабристов, включая жившего за границей Н. И. Тургенева, а с учетом осужденных другими судами к амнистии в августе 1856 г. остались в живых 53 человека. Общее число декабристов, живших в Сибири, — 30 человек, а право выехать получили по этому указу 27 из них.

Противоречиво излагаются в литературе и данные об окончании каторжных работ у декабристов по указу 14 декабря 1835 года. И. Д. Якушкин в своих «Записках» указывает, что «в 36-м году многим из нас кончился срок работы, и в июне (1836 г. — *М. Б.*) было получено повеление отправить 18 человек на поселение». При этом все они названы (в том числе Волконский); называет Якушкин и 10 декабристов, которые были отправлены в Иркутск. Авторы комментариев к «Запискам» А. С. Немзер и О. А. Проскурин уточняют, что Якушкиным «ошибочно указан Торсон и пропущен Штейнгейль» (со ссылкой на книгу С. Б. Окуня). Окунь называет также 18 «сосланных в Нерчинские рудники». В «Записках» же Басаргина речь идет о 19 декабристах. Среди тех 14 (из 19), которых он перечислил, есть Волконский[11].

Йосифова пишет: «В конце 1835 г. объявляется царский указ — 10 отбывших каторгу декабристов переводятся на поселение, в их числе Сергей Волконский»[12]. Но срок каторжных работ закончился не у десяти декабристов. Не было Волконского и среди 10 декабристов, отправленных в Иркутск в первой партии. Как явствует из Справочника, Волконский был осужден по I разряду (с. 42, 43). Поэтому Басаргин не прав, относя его ко II, по которому был осужден он сам[13]. Павлюченко пишет, что «по указу 1835 г. на поселение выходили девятнадцать человек»[14], но всех не перечисляет.

В отличие от Нечкиной, а также Павлюченко и Н. Задонского[15], которые пишут о 24 декабристах, окончивших Московское учебное заведение для колонновожатых, Г. Чагин[16] называет 28. Порох указывает, что из 24 декабристов, окончивших это учебное заведение, «за участие в тайных обществах» кроме Басаргина пострадали Н. А. Крюков, братья Бобрищевы-Пушкины, А. З. Муравьев, П. А. Муханов, А. О. Корнилович, В. Н. Лихарев, Н. Ф. Заикин, Ф. П. Шаховской[17]. В Справочнике же отмечено, что в этом учебном заведении учились 25 лиц, из них 14 понесли наказание по приговору Верховного уголовного суда. При этом Шаховской не упомянут. Чагин же называет Шаховского Валентином. Из книги Йосифовой можно понять, что свидание С. Муравьева-Апостола с сестрой произошло утром в день его казни, 13 июля 1826 г., хотя из доклада И. И. Дибича Николаю I видно, что она могла увидеть брата «только сегодня вечером», т.е. 12 июля[18].

В той же книге и альбоме Р. А. Киреевой описывается прогулка весной 1828 г. А. С. Пушкина и П. А. Вяземского по Петропавловской крепости. Йосифова утверждает, будто они набрали «обыкновенный песок обетованной русской земли» и насыпали его в специально привезенный дере-

вянный ящичек, разделенный на пять частей, который и хранится в Ленинграде во Всесоюзном музее А. С. Пушкина. Но права Киреева, которая пишет, что Пушкин и Вяземский «подобрали пять (по числу казненных декабристов) сосновых щепок. Эти пять щепок, бережно сохраненные до наших дней, были положены в маленький ящичек и запечатаны печатью Вяземского[19]. Этот ящичек и хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

Во многих книгах описаны попытка декабриста И. И. Сухинова организовать на Зерентуйском руднике е 1828 г. восстание каторжников и расправа над заговорщиками. Однако трудно представить себе подлинную картину этих событий, понять до конца поступки Сухинова; даже о смерти его пишут по-разному. А. Афанасьев и Б. Йосифова говорят об одной его попытке отравиться, Нечкина и Павлюченко — о двух; Йосифова — о наказании 400 ударами плетьми, а о клеймении лица раскаленным железом ни слова. Нечкина пишет, что Сухинов повесился, прикрепив ремни к печной заслонке, Афанасьев — к большому гвоздю у печи над нарами. М. Н. Волконская же вспоминает: «...повесился на балке, подпирающей потолок»[20].

По-разному описывается и расправа над заговорщиками. Все авторы упоминают сначала о приговоре — наказание плетьми и клеймение лица, — а потом о замене этого приговора на расстрел, о чем Сухинов не знал и поэтому покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать позора. А еот что говорится в Справочнике: «...приговорен к наказанию 300 ударами кнутом, клеймению и смертной казни. Не дождаясь этого, покончил жизнь самоубийством» (с. 172).

Павлюченко и Эйдельман утверждают, что Разрядную комиссию возглавлял М. М. Сперанский[21]. Из примечаний к «Запискам» Басаргина можно узнать: «Была утверждена Разрядная комиссия в составе П. А. Толстого (председатель), М. М. Сперанского». Далее автор примечаний Порох пишет о Сперанском, что он «сыграл решающую роль в выработке судебно-процессуальных норм ео время следствия и суда над декабристами». То же самое говорится и в примечаниях к «Воспоминаниям» Басаргина[22].

Павлюченко указывает дату смерти декабриста В. П. Ивашева: прожил после смерти жены «только год, скончавшись скоропостижно в годовщину похорон жены»; в другой книге этого автора читаем: «...скончался скоропостижно через год, в день ее смерти». Басаргин пишет: «Ровно через год, и в этот же самый день, скончался муж»[23]. Но, согласно Справочнику, К. П. Ивашева умерла 30 декабря 1839 г. во время родов дочери Елизаветы, умершей вместе с матерью, а В. П. Ивашев — 28 декабря 1840 г. (с. 73).

Согласно Справочнику (составитель С. В. Мироненко), С. П. Трубецкой прибыл в Благодатский рудник 25 октября 1826 г., а его жена, Е. И. Трубецкая, приехала туда в начале ноября 1826 г. (с. 179). Однако в другом издании под редакцией Мироненко (альбом «Декабристы и Сибирь») сказано: «Семь месяцев, до осени 1827 г., прожили в Благодатском Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская»[24]. В. П. Павлова указывает и точную дату: «Е. И. Трубецкая приехала в большой Нерчинский завод 30 января, а в Благодатский рудник 6 февраля 1827 г.»[25]

В. В. Кунин и И. И. Подольская пишут об А. В. Поджио, отнесенном к I разряду: «При утверждении приговора казнь заменена 20 годами каторжных работ», — и далее указывают, что «12 октября 1827 г. вместе с И. И. Пущиным и П. А. Мухановым А. В. Поджио был отправлен в Нерчинские рудники. Закованные в кандалы...»[26]. Из Справочника же следует, что по конфирмации 10 июля 1826 г. Поджио был приговорен к каторжным работам навечно, а 22 августа 1826 г. срок сокращен до 20 лет. Согласно Справочнику, все декабристы 4 января 1828 г. были доставлены в Читинский острог (с. 149, 123, 145). Ни об одном из них при этом не сказано, что был закован в кандалы. Отпраелены они были 8 октября 1827 г., причем сказано, что Муханов «отправлен в каторжную работу в Сибирь» (с. 123), а относительно двух других иначе: «отправлен в Сибирь», хотя срок каторги у них был по 20 лет каждому.

При описании казни пяти декабристов во многих книгах говорится о том, что, когда убрали скамьи из-под ног осужденных, веревки оборвались, приводят слова П. Г. Каховского, одного из трех упавших, е адрес Голенищева-Кутузова: «Подлец, мерзавец, у тебя и веревки крепкой нет; отдай свой аксельбант палачам вместо веревки». В книге-путеводителе по Петропавловской крепости этот момент описан иначе: «Веревки были новые и не затянулись...»[27].

Согласно Справочнику, А. Е. Мозалевский, В. Н. Соловьев, И. И. Сухинов и А. А. Быстрицкий были осуждены военно-судной комиссией в Могилеве к смертной казни, замененной по конфирмации пожизненной каторгой. Именно так и пишет В. А. Федорое о первых трех, а о Быстрицком у него сказано — «к пожизненной каторге», получается, будто к смертной казни он приговорен не был и конфирмация его не коснулась[26]. Между тем, согласно Справочнику, эти четыре декабриста понесли одинакоеые наказания и царские «милости». Лишь Быстрицкому в Справочнике не указан срок каторги (с. 34). Н. И. Тургенев избежал смертного приговора «только потому, что во время восстания находился за границей», — считает Йосифова[29]. Но Тургенев отнюдь не избежал смертного приговора: он был вынесен заочно. В. Осипов пишет о Бестужеве-Марлинском: «Значит, можно догадаться, и на Сенатской площади был с ним (перстень. — *М. Б.*), и на каторге, в ссылке, и на смертной для себя войне»[30]. Но А. А. Бестужев не был на каторге! В Сибирь он был отправлен на поселение (с. 20). Авторы книги о декабристах-естествоиспытателях, говоря о проявленной царем «милости» в отношении «внеразрядников», пишут, что «колесование было заменено виселицей»[31]. А в другом издании приведена фотокопия «Росписи государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осужденным к разным казням и наказаниям», в которой читаем: «I. Государственные преступники, осуждаемые к смертной казни четвертованием»[32].

В. А. Павлова пишет о сыне декабриста И. А. Анненкова Владимире Ивановиче, что он являлся председателем Самарского окружного суда. Павлюченко же считает, что он был председателем Харьковского окружного суда[33]. Составитель Справочника С. В. Мироненко, будучи научным редактором альбома «Декабристы и Сибирь», согласился с авторами в написании фамилии Штейнгель с одним «й». Немзер фамилию М. А. Щепилло приводит с одним «л»[34], хотя в Справочнике она фигурирует с двумя «л» (с. 205).

Федорое пишет, что прапорщик Полтавского пехотного полка и член Общества соединенных славян С. И. Трусов пытелся поднять солдат своего полка и был за это «лишен чинов, даорянского достоинства и заключен в Бобруйскую крепость»[35]. В Справочнике же, изданном под редакцией Нечкиной, он назван по отчеству — «Петровичем», по чину — подпоручиком, и указано: «Военно-судно комиссией приговорен к свертной казни, замененной ссылкой в каторжную работу вечно» (с. 214). Источником при этом служит комментарий к «Запискам» Горбачевского, составленный Немзером, а он, во-первых, как и Федоров, приводит другие инициалы Трусова (С. И.), а во-вторых, дает отсылку: «подробнее см.: Нечкина, т. 2, с. 390—391»[36] (имея в виду ее работу «Движение декабристов»).

Если проследить по литературе о декабристах название мест их заключения, комендантом которых был С. Р. Лепарский, то нельзя не заметить разночтений, как и е сведениях о датах его жизни и звании. В книге «Дерзновение» говорится: «Присылаемого Рылеева посадить в Алексаидроеский равелин»[37], а не Алексеевский. Павлюченко пишет, что Артамон Муравьее командовал Александрийским полком[38], а не Ахтырским, как было в действительности. Йосифоеа утверждает, что Бестужев-Рюмин был направлен в Александровский[39] (а не Алексопольский) пехотный полк.

Согласно Справочнику (с. 93), Н. П. Крюков содержался в № 5 бастиона Трубецкого, а в № 3 бастиона Зотова находился под строгим арестом Н. А. Крюков. Авторы же книги-путеводителя по Петропавловской крепости среди узников бастиона Зотова называют Н. П. Крюкова[40].

В. А. Федоров, описывая «обряд экзекуции» над декабристами, сообщает: «Первоначально во двор крепости вывели 97 осужденных по 2—11-му разрядам»[41]. Но е это число входили и декабристы, осужденные по I разряду. Возникает вопрос, когда же совершался этот обряд: до казни пяти декабристов или после нее. В литературе встречаются два мнения на этот счет. В той же книге Веденяпин 1-й назван Александром[42], а по Справочнику он Аполлон (с. 45). Т. С. Комарова фамилии племянника Якушкина (с. 285) и его же тещи пишет через «о» — «Шереметов» и «Шереметова», а в Справочнике и других книгах она воспроизводится через «е».

Разнобой в освещении событий, неточности в сведениях об отдельных лицах, вошедших в историю (здесь не было возможности сколько-нибудь полно перечислить хотя бы наиболее очевидные и типичные), вызывают у читателей недоверие к литературе, а значит, и к достоеерности отображения в ней нашего прошлого.

М. Д. Блудове, экономист

Примечания

1. Эту же цифру называет В. А. Федоров в предисловии к книге Б. Йосифовой «Декабристы» (М. 1983, с. 8). См. также: Декабристы. Биографический справочник. М. 1966, с. 403, 382 (далее ссылки на Справочник даны в тексте).
2. ПАВЛЮЧЕНКО Э. А. Декабристы рассказыеают... М. 1975, с. 4; е е ж е. В добровольном изгнании. М. 1968, с. 9.
3. ОСИПОВ В. Перстень с поля Куликова. М. 1987, с. 5.
4. Декабристы и Сибирь. М. 1988, с. 62; БАСТАРЕВА Л. И., СИДОРОВА В. И. Путеводитель по Петропавлоеской крепости. Л. 1989, с. 21.
5. ВАЛОВОЙ Д., ВАЛОВАЯ М., ЛАПШИНА Г. Дерзновение. М. 1989, с. 158; ТИМРОТ А. Д. В мятежные годы. М. 1976, с. 346.
6. ФЕДОРОВ В. А. «Своей судьбой гордимся мы...». М. 1988, с. 75.
7. НЕЧКИНА М. В. Декабристы. М. 1984, с. 135, 140; ЙОСИФОВА Б. Ук. соч. 153.
8. Мемуары декабристов. М. 1988, с. 100, 555.
9. БАСАРГИН Н. В. Записки. Красноярск. 1985, с. 224; ср. е г о ж е. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск. 1988, с. 518.
10. С. П. Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятвльности. Т. 2. Иркутск. 1987, с. 525.
11. Декабристы. Т. 2. М. 1987, с. 505, 506, 544; ОКУНЬ С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л. 1985, с. 136; БАСАРГИН Н. В. Записки, с. 182; е г о ж е. Воспоминания, с. 181, 182.
12. ЙОСИФОВА Б. Ук. соч., с. 306.
13. Неясен вопрос и с Луниным, которого Басаргин относит тоже ко II разряду. По мнению многих авторов, он осужден также по I разряду, но по конфирмации 10 июля 1826 г., как и С. Г. Волконский, приговорен в каторжную работу на 20 лет (Справочник, с. 106, 42).
14. ПАВЛЮЧЕНКО Э. А. В добровольном изгнании, с. 98. Эта цифра верна в отношении находившихся в Сибири, а включая В. К. Кюхельбекера, на поселение вышли по этому указу 20 человек.
15. ЗАДОНСКИЙ Н. Жизнь Муравьева. Воронеж. 1987, с. 449.
16. Куранты. Вып. 2. М. 1987, с. 135.
17. БАСАРГИН Н. В. Воспоминания, с. 505, прим. 7.
18. ЙОСИФОВА Б. Ук. соч., с. 179.
19. ЙОСИФОВА Б. Ук. соч., с. 382, 383;КИРЕЕВА Р. А. Декабристы в Москве. М. 1985, с. 3.
20. АФАНАСЬЕВ А. «...И помни обо мне». М. 1985, с. 310; ЙОСИФОВА Б. Ук. соч., с. 101—102; НЕЧКИНА М. В. Ук. соч., с. 138; ПАВЛЮЧЕНКО Э. А. Декабристы рассказывают, с. 270; ВОЛКОНСКАЯ М. Н. Записки. Чита. 1956, с. 95, 96.
21. ПАВЛЮЧЕНКО Э. А. Декабристы рессказывают, с. 235; ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Обреченный отряд. М. 1987, с. 162.
22. БАСАРГИН Н. В. Записки, с. 76; е г о ж е. Воспоминания, с. 474, 475.
23. ПАВЛЮЧЕНКО Э. А. Декабристы рассказывают, с. 278; е е ж е. В добровольном изгнании, с. 70; БАСАРГИН Н. В. Записки, с. 224
24. Декабристы и Сибирь, с. 98; см. также: ПАВЛЮЧЕНКО Э. А. В добровольном изгнании, с. 155, 146.
25. С. П. Трубецкой. Материалы. Т. 2, с. 471.
26. Русские мемуары. 1800—1825. М. 1989, с. 355.
27. ФЕДОРОВ В. А. «Своей судьбой гордимся мы...», с. 268; Записки И. И. Горбачевского. М. 1963, с. 167; БАСТАРЕВА Л. И., СИДОРОВА В. И. Ук. соч., с. 24. Ср. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Апостол Сергей. М. 1966, с. 350—351.
28. ФЕДОРОВ В. А. «Своей судьбой гордимся мы...», с. 274.
29. ЙОСИФОВА Б. Ук. соч., с. 247.
30. ОСИПОВ В. Ук. соч., с. 14.
31. ПАСЕЦКИЙ В. М., ПАСЕЦКАЯ-КРЕМИНСКАЯ Е. К. Декабристы-естествоиспытатели. М. 1989, с. 99. В этой же книге ошибочно указаны наказания, понесанные братьями Бестужевыми (с. 85).
32. Декабристы и Сибирь, с. 24.
33. С. П. Трубецкой. Материалы, с. 565, 566; ПАВЛЮЧЕНКО Э. А. В добровольном изгнании, с. 144.
34. Мемуары декабристов, с. 55.
35. ФЕДОРОВ В. А. «Своей судьбой гордимся мы...», с. 275.
36. Мемуары декабристов, с. 563.
37. ВАЛОВОЙ Л., ВАЛОВАЯ М., ЛАПШИНА Г. Ук. соч., с. 169.
38. ПАВЛЮЧЕНКО Э. А. Декабристы рассказывают, с. 197.
39. ЙОСИФОВА Б. Ук. соч., с. 92.
40. БАСТАРЕВА Л. И., СИДОРОВА В. И. Ук. соч., с. 59.
41. ФЕДОРОВ В. А. Ук. соч., с. 263.
42. Там же, с. 88.

Об особенностях промышленного переворота в США

В своей статье в «Вопросах истории» (1990, № 2) Б. М. Шпотов охарактеризовал основные черты промышленной революции в США. Он отметил, что в XIX в. в США четко определились три региона, различающиеся по характеру производства и структуре бизнеса: Северо-Восток (особенно Новая Англия), где индустриализация дала свои плоды раньше всего; Юг, где экономическое развитие до середины 60-х годов XIX в. подвергалось деформации из-за существования рабства, и Запад, большая часть которого представляла собой (вплоть до периода после окончания Гражданской войны) незаселенные и невозделываемые земли. Это обусловило различие в темпах и харвктере процесса индустриализации. На Северо-Востоке он проходил в основном в соответствии с классической английской и северо-западной европейской моделью: это был спонтанный, органически обусловленный процесс, начальный период которого был отмечен существованием мелких и простых текстильных фабрик, а на раннем этапе — домашним производством. Промышленная революция практически завершилась здесь к 1860 году. Запад фактически не знал периода текстильного производства. Этот регион, который еще предстояло освоить, находился в таком отношении к индустриальному Северо-Востоку, в каком последний — к Англии и северо-западной Европе. Шпотов высказал также интересные соображения об индустриализации в США в XIX в., в частности о значительном ускорении темпов этого процесса в середине столетия.

Нам представляется, что выводы некоторых американских историков (в том числе и тех, что принадлежат к «прогрессивной школе», проявляющей особый интерес к экономической истории) могут способствовать разработке рассматриваемой проблемы. Ф. Д. Тэрнер исследовал вопрос о роли Запада и западной границы (фронтира) в развитии США. В конце 80-х годов XIX в. он утверждал, что «вплоть до сегодняшних дней американская история в значительной мере является историей колонизации Великого Запада. Наличие массива свободных земель, продвижение американских поселений все дальше и дальше на запад объясняют особенности американского развития». И далее: «Американские институты следует воспринимать как сложившиеся в результате приспособления к условиям, изменявшимся в ходе территориальной экспансии, покорения дикой природы и собственного прогрессивного развития каждого региона по мере восхождения от примитивной экономики и политической ситуации, присущей фронтиру, до сложностей современной городской жизни»[1].

Утверждение Шпотова, что американский капитализм, особенно на Западе, развивался при отсутствии феодальных пережитков, согласуется с тезисом Тэрнера: «Продвигаясь на запад, фронтир становился все более и более американским... европейское влияние ослабевало, а черты независимого развития усиливались»[2]. И Тэрнер, и Шпотов подчеркивают значение общественного фонда свободных западных земель, пригодных для заселения и эксплуатации. Тэрнер указывал на значение специфики исторической эволюции западных земель для развития экономики и политики, а также культуры, приобретавшей все более демократический характер[3].

Историки, исследующие индустриализацию и промышленную революцию в США, не могут игнорировать и книгу У. Ростоу[4]. В ней история экономического развития подразделяется на пять периодов: а) традиционная (доиндустриальная) экономика; б) складывание предпосылок для индустриального старта; в) старт; г) движение к зрелости; д) высокоразвитое общество массового потребления. Особый интерес представляют периоды создания предпосылок, старта и продвижения к зрелости, которые охватывают время от конца XVIII в. до начала XX в., включающее в себя и эпоху промышленной революции в США.

Шпотов, как и Ростоу, проводит различие между индустриализацией в США и классическим (и уникальным!) образцом спонтанной индустриализации в Великобритании. Ростоу считал, что опыт США ближе к Австралии, Новой Зеландии и Канаде. Дикие условия природы, богатой естественными ресурсами, обусловили то, что эти нации так и не испытали решающего воздействия «структуры, политики и ценностей традиционного общества и поэтому их прогресс по пути перехода к современному росту был главным образом экономическим и техническим»[5].

Ростоу подчеркивает ту роль, которую развитие сельского хозяйства сыграло в процессе индустриализации: а) возрастает количество продовольствия, потребного для увеличивающегося населения, особенно городов и промышленных районов; б) с увеличением фермерских доходов растет спрос на промышленные товары, фермеры могут платить более высокие налоги; в) в развивающемся сельском хозяйстве накапливаются средства, которые можно вложить в промышленность[6]. Таким образом, наличие огромных земельных массивов, о которых пишет и Шпотов, способствует процессу индустриализации еще до того, как сам он непосредственно затронул эти регионы.

Ростоу подчеркивает также значение «общественных накладных капитальных затрат», идущих на строительство железных дорог в период вызревания предпосылок для индустриального старта. Особенность этих затрат в том, что, поглощая значительную часть этих капиталовложений, они не требуют немедленной выплаты дивидендов, в отличие, скажем, от вложений в производство химических удобрений, применение которых сразу же увеличивает урожай в два раза. Кроме того, прибыль от этих затрат возвращается не столько к отдельным индивидуумам, сколько ко всему обществу. В качестве примера Ростоу приводит сооружение каналов властями штатов, а также земельные гранты федерального правительства, связанные с финансированием строительства трансконтинентальных железных дорог[7].

В этот период появляется новая элита, «заинтересованная в модернизации; ей предстоит вытеснить старую — землевладельческую — в структуре экономического и политического господства»[8]. По словам Шпотова, в этот период «становление промышленной буржуазии наталкивалось на сопротивление более старых и пустивших прочные корни группировок капиталистов из торгово-денежной элиты, но ее позиции были окончательно ослаблены в период «джексоновской администрации» (30-е — начало 40-х годов XIX в)».

С точки зрения Ростоу, критический период индустриализации приходится на этап «старта», когда экономичес‹к›ий рост «становится естественным условием» существования и развития

обществв[9]. Этот период, как считает Ростоу, приходится нв 1843—1860 гг., что очень близко к концепции промышленной революции, развиваемой Шпотовым, по крайней мврв применительно к Северо-Востоку[10]. Эти годы не были отмечены «наиболее быстрым промышленным ростом или же зрелостью крупной промышленности», подобно 1869—1893 гг., но скорее «решающей трансформацией экономики, включая и решительный сдвиг в норме капиталовложений»[11]. К характерным чертам указанного периода относятся и стремительный рост капитала для инвестиционных фондов, пополняемых за счет зернового экспорта и внешних займов, и агротехнические усовершенствования, и строительство железных дорог, которое в плане историческом стало самым мощным стимулятором индустриального «старта». Для США, Франции, Гврмании, Канады и России решающев значение «имело снижение стоимости международных транспортных перевозок, повлиявшее нв расширение экспорта и развитие угольной, железоделательной и машиностроительной промышленности»[12].

Ни Тэрнер, ни Ростоу специально не обращались к категории «промышленная революция», но оба исходили из того, что индустриализация в США может быть изучена только как процесс. Историкам, обращающимся к этой проблеме, следует учитывать предложенные ими модели, как и соображения их критиков.

Дж. Р. Пейтон,
Университет штета Мэн, США

Реплика

Я благодарю моего американского коллегу Дж. Р. Пейтона за внимание, проявленное к моей статье. Мне думается, однако, что с позиции Дж. Ф. Тэрнера невозможно оценить ключевую роль северо-восточного региона в индустриализации США. Именно этот регион стал родиной машинной промышленности и парового транспорта, которые впоследствии распространились на Запад. Что же касается «стадий роста», то и они не раскроют своеобразия основных компонентов индустриального развития США в XIX веке. Фактически имели место различные типы (или формы) промышленного капитализма, которые получили выражение как в количественных и качественных, так и в пространственно-временных измерениях этих типов социально-экономического развития: Северо-Востока, колонизуемого Запада и Юга с его плантационно-рабовладельческим хозяйством. При известной условности этих различий промышленность так или иначе появилась во всех экономико-географических регионах, но в каждом из них имелся свой системообразующий фактор.

Мне пока еще не удалось свести эти типы в единый понятийный ряд. Так, при сопоставлении путей развития Северо-Востока и свободных штатов Запада в качестве определяющего критерия мною берется зависимость субстанциального содержания обоих путей от факторов времени и пространства, а для «южного» типа — специфика социально-экономического и хозяйственного уклада, основанного на системе рабства, причем различие между юго-восточным и колонизуемым юго-западным субрегионами считается несущественным. При этом я стремился продемонстрировать ограниченность некоторых традиционных схем, в рамках которых предпринимались попытки выделить какой-то один монотонно действующий «магистральный» фактор исторического развития США в домонополистический период — колонизация свободных земель, железнодорожное строительство и т.п.

Не отрицая значения концепций Тэрнера и Ростоу, я тем не менее исхожу из того, что любая «универсальность» обнаруживает в конце концов свою несостоятельность. Социально-экономическая нводнородность, асинхронность и неоднотипность исторического развития отдельных регионов США еще больше затрудняют поиск некоей «равнодействующей» линии их развития. Если же говорить о конкретных исследованиях, то выбор модели определяется поставленной задачей, и в этом смысле последующая модель не отрицает предыдущую, что, собственно, и показал Дж. Р. Пейтон.

Б. М. Шпотов

Примечания

1. TURNER F. J. The Significance of the Frontier in American History. In: The Frontier in American History. N. Y. 1976, pp. 1,2.
2. Ibid., p. 4.
3. Ibid., pp. 24, 25—26, 30.
4. ROSTOW W. W. The Stages of Economic Growth. Cambridge — N. Y. 1990.
5. Ibid., p. 17.
6. Ibid., pp. 22—24.
7. Ibid., pp. 24—25.
8. См. также: РОМАНОВА Н. К. Реформы Э. Джексона. 1829—1837. М. 1988; ROSTOW W. W. Op. cit., p. 26.
9. ROSTOW W. W. Op. cit., p. 36.
10. «В начале Гражданской войны (в 1861 г.) американская экономика Севера и Запада... была обречена на то, чтобы пережить упадок» (Ibid., p. 38).
11. Ibid., p. 40.
12. Ibid., pp. 48—49, 51, 55.

Contents

Учредители: **Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»,**
Академия наук СССР,
Издательство «Прогресс»

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ», № 11, 1991, 240 стр.

Адрес редакции: 103781 ГСП. Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 23.08.91. Подписано в печать 9.11.91. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Бум. л. 7,5. Усл. кр.-отт. 42,0. Уч.-изд. л. 26,71. Тираж 77524. Заказ № 2507. Цена 2 р. 25 к. Индекс 70145.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Министерства информации и печати СССР. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бул. 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.